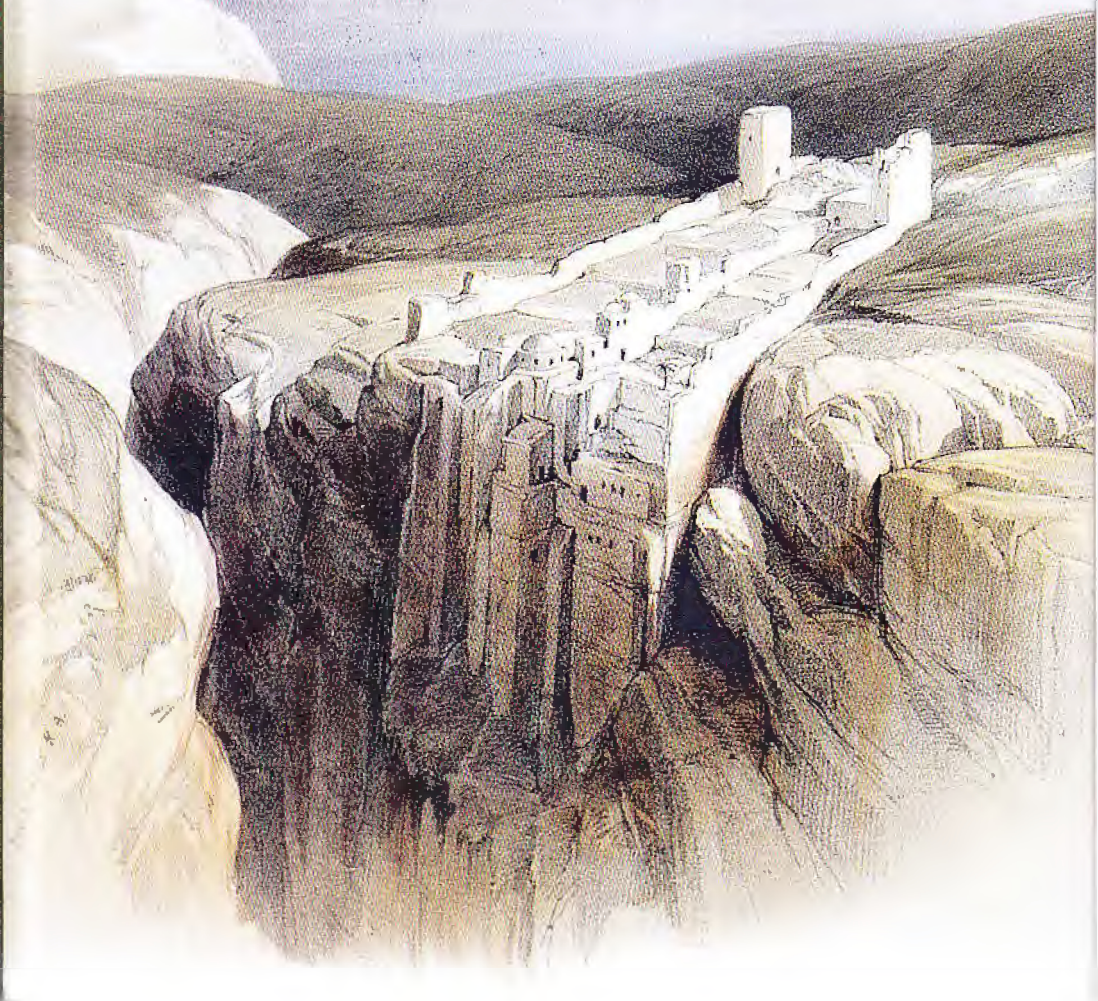
•ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА•

АНТОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ АРАБОВ

ТОМ 1

ИСТОРИЯ



Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Литературное наследие
и история Христианского Востока

АНТОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ АРАБОВ

Том 1

ИСТОРИЯ

ПСТГУ
Москва 2020

УДК 271.2+94(5)
ББК 86.372(533)
А72

Рекомендовано для издания
Редакционно-издательским советом ПСТГУ

Составитель
д-р ист. наук, проф., доцент каф. истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ *К. А. Панченко*

Научные редакторы:
Н. Г. Головнина, С. А. Моисеева

Рецензенты:
канд. филос. наук, д-р богословия *прот. Олег Давыденков* (ПСТГУ)
канд. ист. наук *Т. Ю. Кобищанов* (ИСАА МГУ)

В оформлении переплета использована литография
Д. Робертса «Вид на Мертвое море от Лавры св. Саввы», 1839 г.

А72 **Антология литературы православных арабов. Т. 1: История** / [сост. К. А. Панченко]. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. – 416 с. + цв. вкл. [8] – (Литературное наследие и история Христианского Востока).

ISBN 978-5-7429-1240-8
ISBN 978-5-7429-1241-5 (т. 1)

Антология, подготовленная под руководством профессора, доктора исторических наук К. А. Панченко, является результатом многолетней работы коллектива переводчиков и исследователей Христианского Востока. В отечественной науке остро ощущается дефицит переводов важнейших сочинений арабо-христианской литературы, и потому значение этой книги трудно переоценить. Она на высоком научном уровне решает давно назревшую задачу собрать воедино значимые сочинения православных арабов (мелькитов) и не только дает разностороннее представление об их письменном наследии и отражает те или иные аспекты их жизни, но и позволяет воспринимать их культуру как целостное и самобытное явление.

Каждый перевод сопровождается вступительной статьей и фундированным комментарием с учетом последних научных достижений. Книга будет полезна как специалистам, так и всем, кому интересен Христианский Восток.

УДК 271.2+94(5)
ББК 86.372(533)

ISBN 978-5-7429-1241-5 (т. 1)
ISBN 978-5-7429-1240-8

© Панченко К. А., составитель, 2019
© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2020

Содержание

Предисловие 5

Панченко К. А. Православные арабы: краткий исторический очерк. 8

Панченко К. А. Историческая литература мелькитов. 19

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

Известие о разрушении церкви Март-Марйам
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) 45

Евтихий Александрийский (Са'ид ибн Батрик). Хроника (фрагмент)
(пер. с араб. *Грацианского М. В.*, предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) . . . 54

Агапий Манбиджский. Хроника (фрагмент)
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Кораева Т. К.*) 74

Яхья Антиохийский. Хроника (фрагмент)
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Кораева Т. К.*) 101

Иеромонах Михаил. Предисловие к Житию Иоанна Дамаскина
(о падении Антиохии 1084 г.)
(предисл. *Панченко К. А.* и *Моисеевой С. А.*,
пер. с араб. *Моисеевой С. А.*, коммент. *Панченко К. А.*) 151

Ибн ас-Сука'и. Продолжение книги «О кончинах знаменитых мужей»
(фрагменты)
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Кораева Т. К.*) 162

МЕЛЬКИТСКИЙ ПРОТОРЕНЕССАНС

Трактат о самоназвании мелькитов
(пер. с греч., предисл. и коммент. *свящ. А. Трейгера*) 175

Сказание о чуде Александрийского патриарха Иоакима
(пер. с араб. *Моисеевой С. А.*, предисл. *Панченко К. А.*,
коммент. *Панченко К. А.* и *Моисеевой С. А.*) 183

'Иса, митрополит Хамы. Касыда о Московии
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Кораева Т. К.*) 205

Митрополит Анастасий ибн Муджалла. Ответ папе Римскому
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) 212

МЕЛЬКИТСКИЙ РЕНЕССАНС И XVIII ВЕК

Акты Собора в Рас-Баальбеке 1628 г.
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) 224

Хождение к горе Божьей Синай 1635–1636 гг.
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Петровой Ю. И.*) 235

Макарий III ибн аз-За'им. История Антиохийских патриархов (фрагмент)
(предисл. *Панченко К. А.*, пер. с араб. *Касумова Р. И.*,
коммент. *Касумова Р. И.* и *Панченко К. А.*) 256

Макарий III ибн аз-За'им. Имена патриархов града Божьего
Антиохии (фрагмент)
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) 279

Павел Алеппский. Путешествие Макария (фрагмент)
(пер. с араб., предисл. и коммент. *Петровой Ю. И.*) 289

Павел Алеппский. Описание Грузии
(подготовка к публ., предисл. и коммент. *Панченко К. А.*) 316

Михаил Брейк. Полная истина об истории патриархов Антиохийской
Церкви (фрагмент)
(предисл. *Панченко К. А.*, пер. с араб. *Касумова Р. И.*,
коммент. *Касумова Р. И.* и *Панченко К. А.*) 333

Михаил Брейк. История Дамаска (фрагмент)
(пер. с араб. *Петровой Ю. И.* при участии *Константинопольского И. Г.*,
предисл. *Панченко К. А.*, коммент. *Петровой Ю. И.*) 348

Список литературы 370

Именной указатель 388

Указатель географических названий 401

Указатель этнонимов и названий религиозных общин 411

Сокращения 414

Предисловие

Цель данной Антологии – знакомство отечественного читателя с письменным наследием православных арабов, в Средние века именовавшихся мелькитами. Это была первая христианская конфессия, которая с VIII века сделала арабский язык богослужебным и литературным. За истекшие столетия ее представители создали обширный, но мало известный широкому читателю корпус текстов самых разных жанров. Выступая прямой наследницей византийской письменности, арабо-мелькитская литература в то же время формировалась в принципиально новых условиях – в мусульманском окружении и на языке, изначально и неразрывно связанном с религией ислама. Эти факторы наложили отпечаток на все виды литературного творчества мелькитов, которое, таким образом, можно считать не просто иноязычным продолжением или вариантом византийской традиции, но самобытным культурным феноменом.

В настоящее время изучение арабо-православной литературы переживает бурный расцвет в контексте общего развития арабохристианских исследований, фактически ставших самостоятельной научной дисциплиной. С 1980 г. раз в четыре года проводится международная конференция (Conference of Christian Arabic Studies)[1]; издаются регулярные библиографические обзоры[2], в том числе отечественных публикаций[3]; появляются все новые

[1] Как единое научное мероприятие совместно с Сирологическим симпозиумом (Symposium Syriacum).

[2] *Teule H. G. B., Schepens V.* Christian Arabic Bibliography // Journal of Eastern Christian Studies. 2005. Vol. 57. № 1–2. P. 129–174; 2006. Vol. 58. № 3–4. P. 265–299; 2010. Vol. 62. № 3–4. P. 271–302; *Treiger A.* Unified Bibliography on Christian Arabic; *Idem.* Christian Arabic: A Classified Bibliography for Researchers (URL: https://dal.academia.edu/AlexanderTreiger).

[3] *Kessel G. M., Seleznyov N. N.* Bibliography of Syriac and Christian Arabic Studies in Russian // Hugoye: Journal of Syriac Studies. 2013. Vol. 16. № 1. P. 134–155; 2014. Vol. 17. № 1. P. 132–140; 2015. Vol. 18. № 1. P. 125–145; 2016. Vol. 19. №. 1. P. 247–257; 2017. Vol. 20. №. 1. P. 317–331; 2018. Vol. 21. №. 1. P. 127–141.

научные сообщества и сайты, специализирующиеся на арабо-христианской тематике[1].

При этом начало активного изучения литературы православных арабов не только в отечественной, но и в мировой науке связано с именами ведущих арабистов конца XIX – первой половины XX в.: В. Р. Розена, А. А. Васильева и И. Ю. Крачковского[2]. Список ученых, занимавшихся в XX – начале XXI в. изучением отдельных произведений или сюжетов арабо-мелькитской литературы, весьма обширен, однако обобщающих работ, позволяющих дать цельное представление об этой традиции (или хотя бы ее части), крайне мало. Единственным полным обзором остается многотомная монография Жозефа Насраллы (1911–1993), экзарха патриарха Мелькитской католической Церкви во Франции[3]. Предпринимались единичные попытки обобщения канонического[4], исторического[5] и агиографического[6] материала, хотя и ограниченные временными рамками. Статьи о значимых арабо-православных авторах стали органической частью продолжающихся справочных изданий «Православная энциклопедия» и «Christian-Muslim Relations». В последние годы данное направление исследований активно развивается Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом (ПСТГУ), выпустившим как ряд научных публикаций по этой тематике[7], так и

[1] GRAC (Gruppo di Ricerca Arabo-Cristiana; URL: http://www.grac.it/)

CEDRAC (Centre de documentation et de recherches arabes-chrétiennes; URL: https://cedrac.usj.edu.lb/)

NASCAS (North American Society of Christian Arabic Studies; URL: http://christianarabic.org/)

[2] Недавнее полное издание трудов последнего на эту тематику см.: *Крачковский И. Ю.* Труды по истории и филологии христианского Востока / Сост.: А. А. Долинина, С. А. Французов, В. В. Полосин, Л. И. Николаева. СПб., 2015.

[3] HMLEM.

[4] *Darblade J. B.* La collection canonique arabe des Melkites (XIIIe–XVIIe siècles): Introduction. Harissa, 1946.

[5] *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия, 1516–1831 / Отв. ред. С. А. Кириллина. М., 2012.

[6] *Sauget J.-M.* Premières recherches sur l'origine et les caractéristiques des Synaxaires melkites (XIe–XVIIe siècles). Bruxelles, 1969. (Subsidia hagiographica; 45); *Моисеева С. А.* Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015. (Литературное наследие и история Христианского Востока).

[7] Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока / [Сост. Н. Г. Головнина]. М., 2013. (Литературное наследие и история Христианского Востока); *Панченко К. А.* Православные арабы. Путь через века: Сборник статей. М., 2013; *Моисеева.* Арабская мелькитская агиография...; *Давыденков О., прот.*

уникальный цикл учебных пособий по изучению арабского языка на базе текстов арабо-православной традиции[1].

В 2014 г. усилиями международной группы исследователей во главе с С. Ноблем и А. Трейгером была опубликована английская антология «Православная Церковь в Арабском мире: 700–1700 гг.»[2], включившая переводы богословских, агиографических и исторических текстов. Появление этого издания во многом послужило толчком к воплощению давно назревшего замысла сделать арабо-православную традицию доступной и русскоязычному читателю. Вместе с тем, ориентируясь на англоязычный прецедент в идейном плане, составители настоящей Антологии ставили целью дать более широкий охват литературы и организовать его с учетом не только хронологического принципа. Поскольку несомненно, что адекватное понимание культуры, включая ее литературную и религиозную составляющие, невозможно без знания исторического контекста, в первый, открывающий том Антологии было решено включить тексты, так или иначе связанные с историей арабо-православной общины. Сюда вошли не только созданные в ее среде собственно исторические сочинения, но и памятники, отражающие ее самовосприятие в условиях меняющихся исторических реалий, организацию внутрицерковной жизни, контакты с другими народами.

Второй том Антологии планируется посвятить богословию православных арабов, которое до настоящего времени остается неизвестным отечественному читателю. Мелькитские авторы не оставили ярких сочинений в таких областях, как библейская экзегеза, литургика, каноническое право. Здесь они ограничивались переводами на арабский язык греческого патристического наследия. Основные их усилия были направлены на создание произведений богословско-апологетической направленности.

Знакомство с этими сочинениями не позволяет согласиться с мнением, что их авторы лишь переводили византийскую традицию на арабский язык. Новые тексты создавались в существенно иных

Арабские сочинения Феодора Абу Курры, епископа Харранского: В 2 т. (в печати).

[1] *Лебедев В. В., Павлов Н. В.* Арабский язык: Начальный курс для изучающих арабо-христианскую культуру. М., 2007; *Они же.* Арабский язык: Продвинутый курс для изучающих арабо-христианскую культуру. М., 2007; *Лебедев В. В., Тюрина Г. А.* Язык арабо-христианской культуры в текстах: Основы православия. М., 2010. (Древние языки христианского Востока).

[2] The Orthodox Church in the Arab World, 700–1700: An Anthology of Sources / Ed. S. Noble, A. Treiger. DeKalb (Ill.), 2014.

исторических условиях, что не могло не отразиться на их характере. Несомненно, главным фактором, обусловившим своеобразие мелькитской богословской мысли, было влияние ислама, необходимость постоянно защищать христианское вероучение перед лицом мусульманской критики. Арабо-христианские писатели, храня верность учению Вселенских Соборов и святоотеческому Преданию, были вынуждены в проблематике своих сочинений, в своих подходах и методах при решении богословских проблем, в способах аргументации и в терминологической системе исходить из совершенно иных культурных посылок, чем их греческие предшественники. Следовательно, о богословии мелькитов мы можем говорить как об оригинальной, но мало изученной богословской традиции. Даже понимание, что она не всегда достигает высоты византийской и что по своему уровню мелькитские писатели VIII–XIII вв. во многом уступают греческим отцам эпохи Вселенских Соборов, не умаляет ее значимости для исследователей, а также интереса, который она вызывает у всех интересующихся историей православной богословской мысли.

Православные арабы: краткий исторический очерк

К. А. Панченко

Название этого народа может удивить неподготовленного читателя: современное общество привыкло воспринимать арабов исключительно как мусульман. Только бури «Арабской весны», поставившие ближневосточное христианство на грань исчезновения, привлекли мировое внимание к судьбам арабоязычных христианских общин и к православным арабам в том числе.

В генетическом и культурном плане они имеют мало общего с исконными носителями арабской идентичности – аравийскими бедуинами. Впрочем, то же может быть сказано про большинство жителей Благодатного Полумесяца – дуги плодородных земель, охватывающих с севера треугольник Сирийской пустыни[1]. Нынешнее население Сирии и Ирака – это потомки доарабских жителей региона, арамеев и ассимилированных ими народностей.

[1] Эта дуга делится на две части: Месопотамию (нынешний Ирак) и то, что арабские географы называли Большая Сирия (араб. *bilād aš-Šam*), – территории современных Сирии, Ливана, Израиля, Палестины и Иордании.

Арамеи вышли из аравийских степей на рубеже II–I тыс. до н. э., расселились по землям Сирии и Месопотамии, перешли к оседлости и земледелию, создали свою городскую культуру. Они растворили в своей массе множество местных этносов – финикиян, ассирийцев, вавилонян. Как известно, евреи со второй половины I тыс. до н. э. тоже говорили по-арамейски, это был родной язык Христа и апостолов. Арамейский на многие века стал средством межэтнического общения на Ближнем Востоке, а созданная арамеями письменность послужила основой для множества алфавитов самых разных племен Евразии. При этом арамеи не были «государственным» народом – их эфемерные царства были раздавлены в IX–VIII вв. до н. э. катком ассирийской экспансии, и в дальнейшем этот этнос выступал лишь строительным материалом для других великих империй – Нововавилонского царства, державы Ахеменидов, Селевкидов, Рима. Эллинистическая и, на начальных этапах, римская эпохи в Средиземноморье были временем тотального господства греко-римской культуры, отодвинувшей на обочину истории ближневосточные народы, которые полностью приняли новые правила игры и склонились перед цивилизацией завоевателей. Ареал расселения арамейского этноса с сер. I в. до н. э. оказался разделен по Верхней Месопотамии между двумя великими империями – Римом и Парфией, а потом сменившими ее Сасанидами (226–651). Семьсот лет западные и восточные сирийцы жили в разных государствах, весьма контрастных в культурно-политическом отношении, но равно чужих по отношению к населению Благодатного Полумесяца.

Однако в первые века новой эры арамеи перестают быть просто «этнографическим материалом». На Ближнем Востоке начинаются явственные подвижки цивилизационных пластов, одновременное формирование множества новых религий, культур, идентичностей, преодолевших комплекс неполноценности перед эллинской мудростью. Христианство стало мощнейшей силой, сотворившей молодые этно-культурные общности Восточного Средиземноморья, в том числе средневековую новоарамейскую культуру, традиционно именуемую сирийской[1]. При этом христианское вероучение конкурировало в сирийском ареале с целым рядом культурно-религиозных альтернатив, таких как раввинистический иудаизм, сложившийся в I–V вв. в той же арамеоязычной среде и изначально выступав-

[1] При этом ее носители называются сирийцами, чтобы отличать их от древних арамеев. Точно так же средневековых сирийцев не стоит смешивать с нынешним населением государства Сирии.

ший как мировая религия прозелитического типа; гностицизм, в том числе его сирийская ветвь, представленная фигурой Бардесана (154–222), одного из создателей новоарамейской литературы; манихейство, возникшее в III в. и копировавшее многие черты христианства, включая стремление к мировладычеству; религия мандеев; динамичные вариации сирийского язычества, как, например, синкретические культы царства Коммагена (I в. до н. э.), исключительно живучая религия Харрана, сохранившаяся до Высокого Средневековья, или попытки религиозных реформ Элагабала, жреца солнечного бога из Эмесы, ставшего в 218 г. римским императором; наконец, целый букет исчезнувших и забытых религиозных течений, вроде иудеохристианства.

Сам христианский сирийский этнос был весьма неоднороден в языковом и культурном плане – его месопотамская ветвь развивалась достаточно изолированно от христианского мира Средиземноморья. Афраат, ведущий богословский авторитет восточных сирийцев середины IV в., ничего не знал о догматах Никейского собора. Возможно, именно эта разобщенность предопределила сложение на Ближнем Востоке конкурирующих богословских систем и последующие церковные расколы, разделившие христианский мир в эпоху Вселенских Соборов. Наука еще далека от понимания глубинных причин, стоявших за схваткой халкидонитства, несторианства и монофизитства. Прямолинейные объяснения церковных расхождений расовым конфликтом семитского Востока и арийского Запада остались в историографических концепциях прошлого и позапрошлого веков, однако определенная роль этнокультурных антагонизмов во всех этих процессах, возможно, присутствовала. В итоге бурной церковно-политической борьбы V–VII вв. сирийский мир оказался разделен на четыре исповедания, чьи приверженцы сложились в особые субэтнические группы: несторианская Церковь Востока; Сиро-яковитская Церковь, придерживавшаяся монофизитского исповедания; православная община, впоследствии получившая наименование «мелькиты» (от сирийского *malkōyē*, «царские», то есть сторонники веры константинопольских базилевсов); и мароните, исповедовавшие монофелитское вероучение. Православные компактно заселяли сиро-палестинский регион, местами чересполосно с яковитами и маронитами, кроме того, отдельные общины мелькитов встречались в Верхней Месопотамии, а в аббасидскую эпоху – даже в Багдаде и Центральной Азии. Ранневизантийская арамеоязычная православная культура существовала в тени культу-

ры грекоязычной, общеимперской, доминировавшей на побережье Восточного Средиземноморья, в больших городах региона и монастырях Иудейской пустыни.

Помимо арамеев, эллинизированных арамеев и греков, ближневосточная православная община уже тогда включала значительное число арабоязычных христиан – жителей римских провинций Аравия и Палестина III, охватывавших территории нынешней южной Сирии, Заиорданья, Негева и Синая. Это были оседлые земледельцы; с ними соседствовали христианизированные бедуинские племена Сирийской пустыни, союзники-федераты Византии, охранявшие границы империи. Гассаниды наиболее известны из этих племен, как своей ролью в византийско-персидских войнах, так и участием в церковной политике VI в., противостоянии монофизитства и православия. Некоторые современные арабские христианские кланы претендуют на происхождение от гассанидов, но подобные генеалогические построения отражают скорее богатую фантазию их создателей. Волна мусульманских завоеваний разметала бедуинские христианские племена; последние из них вынуждены были принять ислам во второй половине VIII в.

Арабские завоевания VII в. привели к включению восточной половины Византии – Сирии, Египта, Восточной Анатолии и Северной Африки – в состав халифата. Политические потрясения первоначально мало повлияли на духовную и материальную культуру ближневосточных христиан. Они оставались в лоне того же грекоязычного византийского духовного пространства. С территории Арабского халифата происходит целый ряд классиков православного богословия, литературы, литургики, аскетики VII–VIII вв., от Иоанна Лествичника до Иоанна Дамаскина. Однако через полтора века после завоевания, на рубеже VIII–IX вв., Христианский Восток вступил в полосу кризиса, сопровождавшегося депопуляцией, исламизацией (по оценкам ученых, мусульмане стали составлять большинство населения в Сирии и Египте к 900 г.), культурным упадком, сокращением контактов с Византией, утратой знания греческого языка и постепенной арабизацией христианского населения. С этого времени можно отсчитывать сложение современного этноса православных арабов – он появился в результате арабизации сиропалестинских арамеев.

Сдвиги в языковой ситуации у православных Ближнего Востока стимулировали массовые переводы в монашеской среде христианской литературы с греческого и сирийского языков на арабский,

а также появление на этом языке оригинальных сочинений житийного, апологетического и полемического содержания. Эти тексты должны были удержать арабоязычных мелькитов в лоне православной традиции и дать им духовную опору в условиях непростого сосуществования с исламом и конкурирующими христианскими исповеданиями. «Отцом нации» православных арабов можно назвать монаха лавры св. Саввы, а потом епископа Харранского Феодора Абу Курру (750–825), писавшего богословские трактаты не только на греческом и сирийском, но и на арабском языках. Самые первые арабские православные тексты предположительно датируются 770-ми гг., а в IX в. арабоязычная мелькитская литература становится уже вполне сложившимся явлением.

Зародившись в монастырях южной Палестины и Синая, православная арабская письменность в X в. распространяется в Сирии и Египте. Крупнейшей фигурой мелькитской культуры той эпохи выступает историк и богослов Александрийский патриарх Евтихий (Са'ид ибн Батрик) († 940). В XI в. культурной столицей мелькитов становится Антиохия, на столетие с небольшим (969–1084) отвоеванная византийцáми у мусульман. Политические границы того времени были довольно прозрачными, и арабо-православная культура существовала как единое целое на территории Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, входивших в состав самых разных государств: Византийской империи, Фатимидского халифата и зажатых между ними буферных мусульманских княжеств северной Сирии.

Продолжателем летописной традиции Евтихия Александрийского выступает хронист Яхья Антиохийский († после 1034 г.), переселившийся из Египта в Антиохию. Там же 'Абдаллах ибн аль-Фадль аль-Антаки († 1051) и другие переводчики переложили на арабский творения греческих св. отцов. Начиная с середины X в. ближневосточные православные снова вовлекаются в орбиту влияния греко-византийской культуры, среди монашества Синая, Иудейской пустыни и Дивной горы под Антиохией растет число выходцев с Балкан и Кавказа, греческий язык и литургические традиции все более распространяются в мелькитской среде.

Наряду с православными арабами на Ближнем Востоке до XVI в. и дольше сохранялось значительное число сироязычных мелькитов, особенно многочисленных в центральной Сирии между Дамаском и Хомсом и в горах северного Ливана. Продолжалось сироязычное православное книгописание, однако оно существовало в рамках

консервативной крестьянской субкультуры, ориентированной на воспроизводство религиозной традиции, а не на духовное творчество. Творческая энергия мелькитов находила выход в лоне арабоязычной литературы, развивавшейся в больших городах, таких как Антиохия, Дамаск, Каир, Халеб (Алеппо), и крупных монастырских центрах.

В конце XI в. Византия потерпела поражение от тюрок-сельджуков и потеряла большую часть своих азиатских владений, в т.ч. Антиохию. Вскоре Ближний Восток стал ареной борьбы мусульман и крестоносцев. Европейские рыцари овладели Иерусалимом (1099) и к началу XII в. распространили свою власть на сиро-палестинское побережье, Заиорданье, среднее течение Евфрата. Хотя ближневосточные христиане воспринимались католиками как еретики или схизматики, а православные церковные структуры во владениях крестоносцев систематически подавлялись, XII–XIII вв. были временем динамичного развития арабо-православной культуры по обе стороны границы между государствами крестоносцев и их мусульманскими противниками.

Новый кризис Христианского Востока начинается в конце XIII в. на фоне окончательных поражений крестоносцев и монгольского нашествия, вызвавшего в мусульманской среде всплеск апокалиптических настроений и религиозной нетерпимости. Значительная часть православных культурных центров региона, как Антиохия и монастыри Дивной горы, были физически уничтожены египетскими мамлюками в ходе войн с крестоносцами. Антиохия после разгрома мусульманами в 1268 г. перестала существовать как город; престол Антиохийских патриархов после столетия скитаний утвердился в Дамаске. Периодически повторявшиеся в конце XIII – XV вв. кампании религиозных гонений в государстве мамлюков привели к глубокому упадку христианских общин Сирии и Египта, новым волнам исламизации, запустению монастырей, прекращению иконописания, крайнему оскудению литературного творчества. Если ко времени прихода крестоносцев христиане еще составляли около половины населения Ближнего Востока, то в позднее Средневековье их абсолютная и относительная численность значительно сократилась. Согласно османским налоговым переписям XVI в., доля христиан в населении сирийских провинций достигала 15 %. Эти цифры, правда, считаются заниженными, но едва ли намного. Социальная архаизация и утрата книжной культуры в среде православных арабов, особенно в периферийных горных и полупустынных областях,

в конечном итоге привели к тому, что черное духовенство и высшая иерархия Александрийского и Иерусалимского патриархатов заполнились выходцами из греческой среды, оттеснившими арабов от управления Церковью. С 1534 г. и по настоящее время во главе Иерусалимской Церкви стоят греки. Арабское высшее духовенство и интеллектуальная элита сохранились только в Антиохийском патриархате.

Из состояния кризиса Христианский Восток стал выходить лишь после османского завоевания Сирии и Египта (1516–1517). Относительно стабильный и веротерпимый османский режим, стимулировавший демографический и экономический подъем ближневосточных христиан, а также включение мелькитов в общее политическое и духовное пространство с православными Балканами способствовали культурному оживлению православных арабов в конце XVI в. (т. н. Мелькитский проторенессанс) и в еще большей степени – в XVII в. (Мелькитский ренессанс). Свою роль сыграл и исторический вызов со стороны католического мира эпохи Контрреформации, попытавшегося вобрать в свою орбиту Христианский Восток и заставившего мелькитских книжников и иерархов впервые со времен Крестовых походов задуматься о противостоянии Восточного и Западного христианства и своем месте в этой картине мира. Мелькитские книжники стремились преодолеть духовную изоляцию своего народа, интегрировать его в общеправославную культуру, унифицировать по греческим образцам литургическую традицию, перевести на родной язык важнейшие тексты византийского и поствизантийского литературного наследия. В северном Ливане – очаге Мелькитского проторенессанса – активизировалось монашеское движение, были возрождены из руин многие обители, в т.ч. Баламандский монастырь, ставший одним из важнейших культурных центров православных арабов. В кругах духовенства рос интерес к традициям византийского монашества. Появился ряд подвижников, чье аскетическое рвение далеко выходило за рамки монашеского стиля жизни, характерного для раннего Нового времени. В их числе был Мелетий Карма (1572–1635), будущий митрополит и Антиохийский патриарх (под именем Евфимий II), инициатор Мелькитского ренессанса.

Мелькитская элита стала открывать для себя православный мир, символом чего стали долгие путешествия арабских архиереев и патриархов за милостыней к северным единоверцам – в Дунайские княжества, на Украину, в Русское государство, грузинские земли.

Антиохийский патриарх Иоаким V Дау, посетивший Москву в 1586 г., был первым, с кем русское правительство обсуждало вопрос учреждения Московского патриаршества. Патриарх Макарий III ибн аз-За'им (на кафедре в 1647–1672 гг.), побывавший в Москве дважды, в 1655–1656 и 1666–1668 гг., сыграл заметную роль в проведении церковной реформы патриарха Никона, а потом в судебном процессе над ним. Сын Макария архидиакон Павел Алеппский (1627–1669) составил описание первого путешествия своего отца, фактически энциклопедию культурно-политической жизни народов Восточной Европы и Леванта, труд огромного объема и информативности, ставший вершиной арабо-православной литературы. Тесные связи России с Православным Востоком и регулярная отправка милостыни ближневосточным единоверцам продолжались до эпохи Петра I, когда вестернизированная петербургская империя утратила интерес к духовным ценностям и геополитическим устремлениям «Третьего Рима».

Наряду с контактами с православными народами севера мелькиты в раннее Новое время взаимодействовали и с римо-католическим миром. Ближний Восток стал полем деятельности латинских миссионеров, стремившихся вовлечь в унию с Римом восточных христиан. Первые такие попытки приходятся на 1580-е гг., времена патриарха Иоакима V Дау. В то время в арабо-православной среде доминировал негативный по отношению к католичеству настрой, в полной мере отразившийся в первом памятнике арабской антилатинской полемики, «Ответе папе Римскому» митрополита Анастасия ибн Муджаллы. В следующем столетии, при Макарии аз-За'име и его преемниках, отношения антиохийского клира с западными миссионерами становятся более дружескими. Многие восточные иерархи стремились к сближению с католическим миром, чтобы преодолеть невежество и отсталость своего народа; предпринимательские круги арабов-христиан были заинтересованы в сотрудничестве с европейскими Левантийскими компаниями и покровительстве западной дипломатии. Растущее с конца XVII в. ослабление Османской империи подталкивало ближневосточных христиан к ориентации на Запад, новый мировой центр силы. Все это в конечном итоге привело к сложению в среде православных арабов прокатолической группировки и последующему расколу Антиохийской Церкви на униатскую и православную ветви (1724). В условиях конфликта с католиками православная партия была жизненно заинтересована в поддержке греков-фанариотов, тесно связанных с Высокой Пор-

той, и оказалась в полной зависимости от Константинопольской Церкви. В результате антиохийский патриарший престол перешел в руки греков, подобно двум другим ближневосточным патриархатам. Однако греческое влияние в православной общине Сирии было не таким тотальным, как в Палестине и Египте, сохранялось немалое число архиереев и книжников арабского происхождения. XVIII – нач. XIX в. прошли под знаком ожесточенного противоборства православной и униатской общин, породившего, среди прочего, вал полемической литературы. Обе стороны доказывали свое правоверие и историческое преемство с древним Антиохийским престолом. В ходе идейной полемики католическая ветвь сумела присвоить себе традиционное самоназвание православных арабов «мелькиты». К сер. XIX в. противостояние двух Церквей потеряло свой накал, а их последователи оформились в отдельные достаточно замкнутые субэтносы.

XIX век стал временем радикальной социо-культурной трансформации Османской империи, когда под давлением Великих держав Высокая Порта пошла на отмену традиционных бытовых и юридических ограничений христиан и уравнение в правах подданных разных исповеданий. Вовлечение Ближнего Востока в мировую экономическую систему способствовало быстрому росту благосостояния христианских предпринимателей – процветающих посредников европейских компаний. Одновременно разорялось кустарное мусульманское ремесло и традиционная торговля, не выдерживавшие конкуренции с продукцией европейской промышленности. Растущее социальное напряжение и недовольство мусульман усугублялись резкими изменениями в религиозной политике государства, к которым не было готово ни христианское, ни мусульманское население. Все эти противоречия в конечном итоге выплеснулись в серию беспрецедентных религиозных конфликтов на арабском Востоке, самыми кровавыми из которых были друзско-маронитские войны в Ливане 1842, 1845 и 1860 гг. и Дамасская резня 1860 г., унесшая жизни тысяч христиан.

В 30–40-е годы XIX в. Россия снова открыла для себя Православный Восток. Одной из ключевых фигур русской политики в сиро-палестинском регионе в середине XIX в. стал архимандрит (позднее епископ) Порфирий (Успенский; 1804–1885), первый глава Русской духовной миссии в Иерусалиме, церковный деятель и ученый страстного и неутомимого темперамента. Растущий поток русских паломников в Святую землю и стремление сохранить

остатки арабской православной общины, таявшие под воздействием католической и протестантской пропаганды, стимулировали активное проникновение на Ближний Восток российских государственных и общественных структур. С 1882 г. русское присутствие в Сирии и Палестине координировало Православное Палестинское общество, позже получившее наименование Императорского, – полугосударственная организация, возглавлявшаяся членами царствующего дома и обладавшая серьезными финансовыми ресурсами. Одним из направлений деятельности общества было развитие образования для православных арабов, что должно было оградить молодое поколение от влияния западных миссионерских школ.

Знакомство арабов-христиан с современной европейской культурой способствовало распространению в их среде секулярных, либеральных и националистических идеологий. Набирающий силу национализм православных арабов пришел в конфликт с аналогичным греческим национализмом высшего духовенства ближневосточных Церквей. Последняя четверть XIX и начало XX в. прошли под знаком перманентного противостояния греческих иерархов и их арабской паствы, добивавшейся возвращения патриарших престолов в руки арабов. Российская дипломатия и общественное мнение всецело поддерживали арабов в силу традиционной враждебности панславизма и греческой *мегалоидеи*, а также рассчитывая на превращение православных арабов в агентов влияния России на Ближнем Востоке. В 1899 г., после долгой борьбы, арабам удалось возвести на Антиохийский престол своего соплеменника митрополита Мелетия Думани (Мелетий II), вслед за чем греческие митрополиты были выдавлены из Антиохийского патриархата. Пророссийская ориентация арабского клира была подчеркнута визитом патриарха Григория IV Хаддада в Петербург на празднование трехсотлетия дома Романовых в 1913 г. Патриарх преподнес в подарок императору Николаю II коллекцию старинных арабо-православных рукописей[1]. В результате книжные собрания Петер-

[1] Подробнее об этой истории см.: *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. М.; Л., 1946. С. 31–37; *Pyatnitsky Yu.* "...Will Have Their Day!": The Collection of the Christian Arabic Manuscripts of Gregory IV of Antioch in St. Petersburg // Eastern Christian Art. Leuven, 2011. Vol. 8. P. 121–147; *Пятницкий Ю. А.* Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909–1914 годы // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия М. Б. Пиотровского / Сост. и отв. ред.: А. В. Седов. М., 2014. С. 282–337.

бурга встали в один ряд с крупнейшими зарубежными коллекциями арабских манускриптов.

Мировая война и революция 1917 г. снова разорвали связи России и православных арабов. Пытаясь выжить в доминирующем мусульманском окружении, арабо-христианские интеллектуалы пропагандировали светские – левые или националистические – идеи как способ преодоления межконфессиональной розни и сплочения всех арабов перед лицом западного империализма. Из одних и тех же арабских православных кланов выходили епископы и коммунистические активисты; самые брутальные палестинские полевые командиры, как Жорж Хабаш, основатели идеологий баасизма (Мишель Афляк) и пансирианизма (Антун Са'аде), влиятельный философ и публицист Эдвард Са'ид – все они были православными по рождению, хотя многие из них приносили свою православную идентичность в жертву надконфессиональным идеологиям.

Пробуждение религиозного сознания и всплеск исламского радикализма на Арабском Востоке, ставшие особенно очевидными в последние годы, привели к краху проекты построения арабских национальных государств и попытки христиан вписаться в эти проекты. Массовая эмиграция христиан, начавшаяся еще в конце XIX в., ведет к катастрофическому падению их численности на исторической родине. Если в XIX в. христианские общины Леванта переживали демографический взрыв и к началу Первой мировой войны достигли рекордной в Новое время доли в составе населения региона – 25 %, то в XX столетии их удельный вес начал быстро падать за счет более низкой, чем у мусульман, рождаемости, эмиграции, и других факторов. По состоянию на конец прошлого века насчитывалось ок. 300 тыс. православных в Ливане, 500 тыс. – в Сирии, 33 тыс. – на территории Израиля, 41 тыс. – в Палестине, св. 80 тыс. – в Иордании и несколько тысяч в ряде других стран Ближнего Востока. Всего в Леванте проживало чуть меньше миллиона православных и еще ок. 400 тыс. – в диаспоре, в частности в Северной и Южной Америке.

Христианский Восток ныне стоит перед лицом сильнейшего цивилизационного вызова, и само дальнейшее существование ближневосточного православия остается под вопросом. В этих условиях особенно важно сохранить культурное наследие православных арабов и донести знание о нем до широкого круга людей. Эту цель и преследует настоящая Антология.

Историческая литература мелькитов

К. А. Панченко

Предыстория

Культура православных арабов сложилась на мощном фундаменте византийской традиции. Соответственно концепция Истории у мелькитов повторяла общевизантийские модели восприятия прошлого. То есть история представлялась как линейный процесс, начинавшийся от сотворения мира и грехопадения Адама, далее следовавший канве ветхозаветного повествования с его чередой патриархов, царей и пророков и достигавший кульминации в сюжете Боговоплощения. Последующая история была историей общины христиан, прошедшей через горнило гонений к торжеству истинной веры при императоре Константине и далее к одолению ересей на Вселенских Соборах. Однако у православных арабов эти образы прошлого преломлялись в специфическом ближневосточном ракурсе, вбирали в себя историческую память иных культур.

Можно ли говорить о каких-то особенных чертах ближневосточной историографии в ранневизантийскую эпоху (IV – начало VII в.)? Города Сирии, Палестины, Месопотамии дали множество блестящих интеллектуалов общеимперского масштаба, в том числе и историков. Достаточно назвать такие имена, как Иоанн Малала или Прокопий Кесарийский – людей, бесконечно далеких друг от друга и по этнокультурным корням, и в плане методологии историописания, но в равной степени обладавших широким кругозором, вбиравшим в себя не только империю, но и всю христианскую ойкумену. Такие авторы, как Прокопий, и были создателями общевизантийской историографии.

Но параллельно с грекоязычной литературой приморских городов к востоку от Евфрата расцветала сироязычная письменность. Иные из историков-сирийцев, как Псевдо-Захария Митиленский или Иоанн Эфесский, тоже мыслили вселенскими масштабами. Другие составляли локальные истории своих городов, впрочем вписанные в широкий исторический контекст (Эдесская хроника, хроника Иешу Стилита, анналы Амиды)[1]. Может быть, в этом сироцентричном провинциальном летописании и можно увидеть некоторую ближневосточную специфику. Впрочем, историческое творчество

[1] См.: *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

ближневосточных христиан в лучших своих образцах тоже тяготело к универсализму. Само пограничное положение Верхней Месопотамии предопределило интерес сирийских хронистов к обеим супердержавам того времени – Византии и Сасанидскому Ирану. Такой же ракурс мировосприятия будет свойственен и восточнохристианским летописцам раннеисламской эпохи, с той только разницей, что вместо государства Сасанидов в качестве антитезы Византии будет выступать халифат. Если византийские и арабо-мусульманские историки писали каждый о своей империи и мало интересовались происходящим за ее пределами[1], то ближневосточные христианские книжники, и прежде всего мелькиты, старались держать в поле зрения обе великие цивилизации Средиземноморья.

Арабские завоевания разрезали Византийскую цивилизацию пополам. В халифате Омейядов арабская правящая элита составляла незначительное меньшинство, а христиане – чуть ли не половину населения. Больше полутора веков византийская культура развивалась параллельно по обе стороны границы, разделившей две империи. При этом на землях халифата книжность и искусство православных процветали едва ли не больше, чем в Константинополе. Иоанн Лествичник, Анастасий Синаит, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Косма Маюмский, подвижники Иудейской пустыни составили золотой фонд византийской духовности. Синайские иконы, мозаики омейядских мечетей и заиорданских церквей дают представление о тех художественных шедеврах, что Византия утратила в порыве иконоборчества. Точно так же Сирия и Месопотамия стали резервацией, где сохранилась восточнохристианская летописная традиция.

Победоносные арабские завоевания 30–40-х гг. VII в. стали величайшим историческим шоком для византийцев. Греческая историография, по выражению А. Палмера, впала в депрессию и замолчала на полтора века. Она восстановилась только к рубежу VIII–IX вв., причем под прямым влиянием ближневосточной традиции летописания[2]. Сироязычное историописание оказалось жизнеспособней и не испытало разрыва преемственности. Сирийские хронисты разных исповеданий, работавшие в VII–IX вв., оставили около полутора десятков исторических текстов разного масштаба[3], от неразбор-

[1] См.: *Lewis B.* The Use by Muslim Historians of Non-Muslim Sources // Historians of the Middle East. London, 1962. P. 180–191.

[2] См.: *Palmer A.* Introduction // SCWSC. P. XXIV.

[3] См. о средневековом сирийском летописании: SCWSC; *Brock S.* Syriac Historical Writing: A Survey of the Main Sources // Journal of the Iraq Academy. Syriac

чивых записок на полях Евангелия до амбициозных проектов продолжения «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Мелькиты, мароните, яковиты писали на одном языке и активно заимствовали информацию друг у друга, не смущаясь вероисповедной рознью. По мере интеграции светской христианской элиты в придворную жизнь халифата христианские авторы стали использовать и арабомусульманские источники. Восточносирийская литература не была так богата историческими трудами, но столь же охотно заимствовала материалы хроник своих западных соседей – яковитов и мелькитов. Единственной из всех летописных традиций христиан халифата, которая замкнулась в своей скорлупе и почти не поддерживала контактов с внешним миром, осталась консервативная коптская историческая школа[1].

По интенсивности творчества в VII–VIII вв. мелькитско-маронитская ветвь сирийской историографии была вполне сопоставима с яковитской. Можно назвать семь-восемь исторических сочинений ближневосточных халкидонитов. Часть этих текстов дошла до наших дней целиком или во фрагментах, как мелькитская хроника 642 г.[2], сохранившаяся в одном из синайских манускриптов, или маронитская хроника 664 г.[3] Другие летописи не сохранились,

Corporation. 1979. Vol. 5. P. 1–30 (переизд.: *Idem.* Studies in Syriac Christianity. Aldershot; Brookfield, 1992. Ch. 1). Нельзя не признать ошибочными встречающиеся в литературе утверждения, что «Христианское летописание, существовавшее в бывших восточных провинциях Византии в IV–VI вв., оказалось приостановленным в своем развитии почти на два столетия и возродилось только в X в. после появления христианских хроник на арабском языке» (*Исакова Л. В.* Евтихий Александрийский и его хроника // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996. С. 56).

[1] Впрочем, стоит отметить, что копты сохраняли связи с Сиро-яковитской Церковью, и отдельные эпизоды ее истории отражены в коптском летописании. В высокое Средневековье коптские летописцы, уже перешедшие на арабский язык, стали активно заимствовать информацию у мусульманских и арабохристианских (мелькитских) авторов.

[2] См.: *Halleux A., de.* La Chronique melkite abrégée du ms. Sinai Syr. 10 // Le Muséon. 1978. Vol. 19. P. 5–44; см. также: SCWSC. P. 25–28. Хроника представляет собой компендиум мировой истории с ярко выраженной религиозно-полемической составляющей, нацеленной против монофизитов.

[3] См.: SCWSC. P. 29–35. Хроника сохранилась в довольно раннем манускрипте (VIII–IX вв.). Начало текста утрачено, сохранилось изложение событий конца 50-х – начала 60-х гг. VII в. Сочинение было написано до VI Вселенского Собора, поэтому автор демонстрирует не только антимонофизитский, но и провизантийский настрой. Летописец стремился укрепить дух своих читателей, ждавших византийского реванша и изгнания мусульман.

но довольно легко вычленяются в составе более поздних исторических трудов. Так, уже более века назад ученые реконструировали анонимную православную хронику, составленную в 728 г., и ее продолжение, доведенное до 746 г., которые были использованы в позднейшей сиро-яковитской историографии. Сложно сказать, на каком языке были написаны эти летописи – греческом или сирийском[1]. Автор хроники 728 г., судя по всему, жил в Эдессе, культурной столице сироязычного мира, и обладал детальной информацией о недавней истории Византии и халифата[2].

Следующим этапом развития этой ветви мелькитского летописания стала хроника, составленная около 780 г. и включившая, помимо анналов 728/746 г., записки о преемстве православных Антиохийских патриархов 742–763 гг. В свое время было высказано предположение, что автор этого сочинения мог жить в Эмесе (Хомсе), судя по частоте упоминания этого города на страницах летописи[3]. В литературе встречаются также попытки отождествления составителя хроники 780 г. с Георгием Синкеллом, палестинским монахом, переселившимся в Византию около этого времени и написавшим всемирную историю, доведенную до правления Диоклетиана[4]. Умирая, Георгий передал завершение своего труда Феофану Исповеднику (760–819). Среди источников, которые задействовал Феофан при описании ближайших к нему двух столетий, была и хроника 780 г. Несомненно, она была написана по-гречески, коль скоро константинопольский историк мог ею пользоваться. Таким образом, возрождение византийской историографии после анабиоза «темных веков» было стимулировано ближневосточным влиянием в лице Георгия Синкелла и хроники 780 г.[5]

[1] Дионисий Телль-Махрский, ведущий сиро-яковитский хронист IX в., использовал греческих халкидонитских авторов, чьи труды, по его словам, «были переведены с большим тщанием и аккуратностью» (SCWSC. P. 94).

[2] См. разбор этой темы: *Панченко К. А.* К истории православного летописания в Халифате: Источники хроники Агапия Манбиджского по VII–VIII вв. // ВВ. 2001. № 60 (85). С. 109–120, здесь: с. 111–113.

[3] См.: Там же. С. 112–113.

[4] См.: SCWSC. P. 95, 98.

[5] Ученые высказывали мнение, что хроника 780 г. могла попасть в Византию не с Георгием Синкеллом, а с волной христианских переселенцев, покинувших Ближний Восток в годы междоусобной войны сыновей Харуна ар-Рашида (811–813), сопровождавшейся полной дезинтеграцией государства. Характерно, что в хронике Феофана после 780 г. пропадают всякие сведения о ближневосточных делах, за исключением подробного повествования об исходе христианских беженцев из Сирии и Палестины в 813 г. (см.: *Brooks E. W.* The Sources

Давно замечено, что греческие историки позднеантичной Византии, даже авторы церковных историй, были в массе своей светскими людьми – чиновниками или юристами. Укажем в этой связи, что их сирийские собратья, ментально принадлежавшие уже Средневековью, происходили из среды духовенства и монашества. В классической Византии[1] летописцы, начиная с Георгия Синкелла и Феофана Исповедника, тоже были выходцами из монашеской среды. В отличие от индивидуализма людей античности, летописцы-монахи демонстрируют средневековое самоуничижение[2]. Однако на Христианском Востоке, наряду с учеными монахами, постепенно складывается иной тип историка – блестящего светского интеллектуала на службе у мусульманской правящей элиты. Эти христианские книжники владели арабским языком и интересовались арабо-мусульманской политической историей не меньше, чем делами своих единоверцев.

Наверное, первым примером человека такого типа был маронит Феофил бар Тома (Феофил Эдесский) († 785) – придворный астролог халифа аль-Махди, переводчик греческой литературы, обладавший причудливыми вкусами[3], и автор всеобщей истории, начинавшейся от сотворения мира и доведенной до времени жизни автора. Служба мусульманским властителям ничуть не умерила конфессиональное рвение летописца, который целенаправленно исключал из своих трудов упоминания о монофизитах. Хроника Феофила не сохранилась, но была использована рядом позднейших авторов (Дионисием Телль-Махрским, Агапием Манбиджским, Бар 'Эвройо)[4].

Во второй половине VIII – начале IX в. Христианский Восток пережил глубокий и не до конца понятный кризис. Прервались византийские традиции жизненного уклада, духовной и материальной культуры. Перестали строиться церкви, пришло в упадок монаше-

of Theophanes and the Syriac Chroniclers // Byzantinische Zeitschrift. 1906. Bd. 15. S. 578–587, здесь: S. 586–587).

[1] Мы понимаем под этим период византийской истории от арабских завоеваний до IV Крестового похода (сер. VII в. – 1204 г.).

[2] См.: *Чичуров И. С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1981 г. М., 1983. С. 5–146, здесь: с. 30–41.

[3] Известно, что Феофил перевел на сирийский язык «Илиаду», но этот текст не сохранился. Древнегреческий героический эпос оказался совершенно не востребованным людьми средневекового Востока, интересовавшимися лишь «утилитарными» сторонами античного наследия.

[4] См.: *Brooks.* The Sources of Theophanes... P. 583–584; *Райт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы / Пер. с англ.: К. А. Тураева; ред.: П. К. Коковцов. СПб., 1902. С. 113–114.

ство. Почти исчезли писатели и святые. В мелькитской среде все меньше оставалось носителей греческого языка, а сирийский стал языком консервативной крестьянской субкультуры: на нем лишь переписывали богослужебные книги, но не создавали новых сочинений. Мелькиты всё более переходят на арабский язык в быту и в письменности. Рождается новая арабоязычная православная историография.

Средневековый расцвет

Сложение нового субэтноса – православных арабов – стимулировало мелькитских книжников к массовым переводам на арабский язык христианского литературного наследия, созданию культурного фундамента для своего народа. В общем контексте этой активности развивалось и оригинальное творчество на арабском языке, прежде всего апологетическая и полемическая литература. Историописание той эпохи тоже ориентировалось на цели религиозной полемики. Оно должно было укрепить идентичность единоверцев и дать им аргументы для идейного противоборства с конкурирующими религиями и исповеданиями.

По имеющимся данным, первым православным историографом, писавшим на арабском языке, был ученый-энциклопедист Куста ибн Лука (ок. 830–912). Уроженец Баальбека, в юности некоторое время живший в Византии, потом работавший в столице халифата и окончивший свои дни в Армении, Куста кажется похожим на Феофила Эдесского широтой дарований и интересов. Позднейшие авторы знали его как врача, философа, математика, астронома, музыканта, переводчика, религиозного полемиста. С равной легкостью он писал на сирийском, арабском и греческом языках. В череде трудов Кусты его историческое сочинение «Книга рая» (*Kitāb al-firdaws*) оказалось отодвинутым на задний план и почти забытым. Причина этого, конечно, в том, что оно не дошло до нас. Однако отдельные фрагменты исторического сочинения Кусты ибн Луки сохранились в трудах позднейших летописцев, прежде всего в несторианской «Хронике Сеерта» XI в. и у мелькитского хрониста X в. Агапия Манбиджского. Эти заимствования из Кусты позволяют заключить, что «Книга рая» представляла собой пространный исторический труд, больше похожий на цепочку рассказов, чем на сухие погодные записи, и охватывала по меньшей мере период IV–VII вв. (но скорее всего, начиналась от сотворения мира и доходила до времени жизни автора). К сожалению, у самих этих позднейших летописей утрачены финальные

части («Хроника Сеерта» обрывается на 650 г., сочинение Агапия – на 777 г.), однако нетрудно предположить, что Агапий должен был широко использовать «Книгу рая» после того, как закончился его предыдущий источник – летопись Феофила Эдесского.

Младшим современником Кусты ибн Луки – впрочем, едва ли знавшим о его трудах, – был патриарх **Евтихий Александрийский**[1], известный также под арабским именем Са'ид ибн Батрик (877–940). Ему принадлежит масштабный труд по всемирной истории «Ожерелье драгоценностей» (*Naẓm al-ǧawhar*), древнейшее из дошедших до нас арабо-христианских сочинений такого жанра[2].

Евтихий следует схеме исторического процесса, господствовавшей в византийской историографии: стержнем мировой истории выступает диалог Бога и человечества, разворачивающийся на страницах Библии. Однако помимо иудео-христианского вектора в повествование вплетаются другие сюжетные линии – персонажи греческой, римской, иранской (сасанидской) истории. Бросается в глаза египетский патриотизм автора, его интерес к событиям, разворачивавшимся на берегах Нила. Повествуя о Вселенских Соборах, Евтихий на многих страницах обличает ереси того времени: творчество Александрийского патриарха было ориентировано на актуальные задачи религиозной полемики. Появление на исторической арене арабов-мусульман Евтихий выделяет в особый раздел хроники. Византия пропадает из поля зрения летописца к концу VII в. Чувствуется, как ослабели связи ближневосточных православных с их заморскими единоверцами. На страницах летописи остаются лишь политическая история халифата (само членение информации идет по правлениям халифов) и жизнь ближневосточных мелькитов. Повествование «Ожерелья драгоценностей» доведено до 936 г.

Сочинение Евтихия Александрийского ждала на редкость счастливая судьба. Оно сохранилось во множестве копий, было использовано православными, коптскими, латинскими и мусульманскими хронистами Средневековья, переводилось на сирийский и греческий языки, а в XVII в. стало одним из первых арабских исторических трудов, изданных в Европе. Протестантские теологи обращались к хро-

[1] Жирным шрифтом выделены имена авторов и названия анонимных произведений, тексты которых представлены в Антологии. Более подробную информацию о них см. в предисловиях к соответствующим переводам.

[2] В литературе встречаются и другие варианты перевода заглавия: «Нанизывание драгоценностей», «Низка жемчуга», «Жемчужное ожерелье».

нике Евтихия как к аутентичному источнику по церковной истории раннего христианства, не искаженному позднейшей католической традицией.

Мелькитское летописание Средневековья четко делится на две ветви – египетскую, в лице Евтихия, и сирийскую, представленную хрониками VIII в., Кустой ибн Лукой и увенчавшуюся всемирной историей епископа **Агапия Манбиджского**[1]. Агапий (Махбуб) ибн Кустантын жил почти одновременно с Евтихием. Известно, что Манбиджский епископ находился в процессе работы над своей хроникой в 942 г. Сохранились лишь три ее фрагментарные копии, текст самой полной из них обрывается на 777 годе.

Если Евтихий в своем изложении всемирной истории опирался на линейную схему исторического процесса, разработанную раннехристианскими хронистами начиная с Юлия Африкана (III в.), то Агапий ориентировался на другую модель византийской историографии, созданную сирийцем Иоанном Малалой (VI в.). Хроника Малалы представляет собой чудовищный коктейль из искаженных обрывков библейской, греческой, вавилонской, египетской мифологии и истории. Это не столько научный труд, сколько сказочный роман на потребу непритязательным массовым вкусам Средневековья. Как ни странно, именно Агапий, педантичный и бесстрастный ученый, ничуть не похожий на эмоционального Евтихия, воспринял сказочно-мифологическую концепцию Малалы.

Подобно египтоцентризму Евтихия, Агапию свойственно особое внимание к сирийской церковно-политической жизни. Особенно это заметно с VI в., когда иссякли многие византийские источники хрониста. Теперь текст хроники распадается на два параллельных потока – общевизантийская история и сирийские дела (церковные события, византийско-иранские войны, урожаи, знамения). Лапидарные записи иногда разбавляются беллетризованными рассказами, что в целом несвойственно для Агапия.

С начала VII в. Агапий вводит новый раздел – «Дела арабов». Какое-то время композиция летописи определялась «пограничным» культурно-политическим положением сирийского наблюдателя: автор писал о Византии, внутренних делах халифата и византийско-арабских войнах. Однако с 740-х гг. арабо-мусульманская история оттесняет на периферию всё прочее. Несомненно, эти страницы летописи восходят к несохранившейся Истории Феофила Эдесско-

[1] Манбидж – город в северной Сирии, недалеко от Халеба.

го. Остается лишь сожалеть, что текст вскоре обрывается, скрывая от нас уникальные подробности политической истории халифата, равно как и картину мира христианских историков Аббасидской эпохи.

На Агапии завершилась раннесредневековая сирийская ветвь летописания мелькитов. В силу неясных причин его творчество не было в должной мере востребовано читателями и оказало весьма мало влияния на дальнейшее развитие арабской историографии. Египетская ветвь одержала верх в конкуренции с сирийской в силу несомненных научных и художественных достоинств хроники Евтихия или же по причине каких-то внешних факторов, возможно гибели большей части списков книги Агапия в бурную эпоху Крестовых походов.

Наряду с собственно историческими сочинениями, ценными источниками по истории ближневосточных христиан выступают некоторые другие литературные памятники мелькитов, прежде всего жития святых VIII–XI вв. (см. Том II настоящей Антологии). Как известно, границы жанров в средневековой литературе были достаточно свободными, и историческая литература в этом отношении не является исключением. Пограничное место между историей и агиографией (в широком понимании, включающем тексты не только о святых, но и о святынях) занимает новооткрытый текст **Известия о разорении дамасского кафедрального собора аль-Марйамиййа**, произошедшем, предположительно, во время погромов христиан в Дамаске в 924 г. Интересный пример соединения жанров похвального Жития и городской хроники представляет собой Житие Антиохийского патриарха Христофора († 967), в котором нашла отражение военно-политическая история северной Сирии эпохи Византийской реконкисты[1]. Значительные фрагменты из этого произведения, созданного младшим современником патриарха

[1] Издание: Vie de patriarche melkite d'Antioche Christophore († 967) par le protospathaire Ibrahim b. Yuhanna. Document inédit du X siècle / Éd., trad. H. Zayat // Proche-Orient Chrétien. 1952. T. 2. P. 11–38, 333–366. Русский перевод: *Ибрахим ибн Юханна*. Житие Антиохийского патриарха Христофора / Пер.: С. А. Моисеева // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 28–61. См. также: HMLEM. Vol. 3. T. 1. 301–305; *Панченко К. А.* Антиохийский патриарх Христофор (ум. 967): Личность и эпоха // XIV Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы. М., 2005. С. 216–234 (2-е изд.: *Он же*. Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 10–36); *Моисеева С. А.* «Житие Антиохийского патриарха Христофора» как памятник арабо-мелькитской агиографии кон. X – нач. XI в. // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего

Ибрахимом ибн Юханной, были включены арабо-христианскими историками в свои хроники. Житие Иоанна Дамаскина в изложении **иеромонаха Михаила** с Дивной горы ок. 1085 г. хотя и повествует о временах, отстоящих от жизни автора на три с половиной века, предваряется вступлением с описанием взятия Антиохии сельджуками в 1084 г., то есть уникальным свидетельством выжившего очевидца.

Высшей точкой развития средневекового мелькитского летописания стало творчество **Яхьи Антиохийского** († после 1034 г.), продолжателя хроники Евтихия. Яхья родился в последней трети X в. в Египте (одно время ученые даже считали его родственником Евтихия), а в 1014 г. переселился в Антиохию вслед за многими своими единоверцами, спасавшимися от гонений фатимидского халифа аль-Хакима. Как писал Яхья о своих историографических интересах, «душа человеческая более всего рвется к познанию современных событий»[1]. Его хроника охватывает период около ста лет – с 936 по 1034 г., в том числе время жизни автора. Хотя в центре внимания летописца находятся перипетии военно-политической истории Византии и Арабского Востока, поданные отстраненно, без малейших эмоций, он не выпускает из поля зрения и судьбы ближневосточных мелькитов. Более того, как заметил первооткрыватель творчества Яхьи В. Р. Розен, именно в описаниях текущей истории египетских христиан в летописи раз за разом проглядывают личностно окрашенные моменты. Каир и Александрия «составляли главный предмет мыслей и забот Яхьи»[2]. Даже покинув Египет, он поддерживал связи с земляками-единоверцами, вплоть до того, что имел возможность пользоваться текстами египетских официальных документов или их подробными пересказами. В то же время хроника Яхьи вобрала в себя и ряд антиохийских источников рубежа X–XI вв., являя собой синтез египетского и сирийского ракурсов православного арабского летописания.

По широте кругозора автора, достоверности информации, обилию точных дат летописи Яхьи трудно найти равные среди исторических трудов того времени, как византийских, так и мусульманских.

Востока. М., 2013. С. 6–27; *Она же*. Арабская мелькитская агиография IX–XI вв. М., 2015.

[1] Цит. по: Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского / Изд., пер., комм.: В. Р. Розен. СПб., 1883. С. 022.

[2] Там же. С. 073.

Анабиоз

Крах византийской власти на Востоке после битвы при Манцикерте в 1071 г. и последовавшие за этим политические потрясения (взятие Антиохии сельджуками, вторжение крестоносцев) нанесли тяжелый удар по мелькитской общине, ослабили ее связи с византийской культурой. Впрочем, на протяжении следующих двух столетий в ближневосточной православной среде еще продолжалось литературное творчество, монашеское движение, процветало изобразительное искусство. XIII в. стал пиком мелькитского книгописания. Точно так же динамично развивалась светская культура мелькитов. Известна целая плеяда православных интеллектуалов XII–XIII вв., прежде всего врачей и чиновников, состоявших на айюбидской и мамлюкской службе. Они принадлежали к надконфессиональной секулярной арабоязычной культуре, общему интеллектуальному пространству городской элиты мусульман, православных, коптов, иудеев, самаритян. Вероисповедные различия в этой космополитической среде значили немного, что обусловило постепенную исламизацию части христианской верхушки и весьма размытую конфессиональную идентичность у другой ее части, которая сохраняла верность своей религии. Очень характерными представляются исторические сочинения, созданные в эти столетия в арабо-христианской среде. На их страницах всё меньше церковной истории, сведений о внутренней жизни христиан; всё больше описаний военно-политических событий, взлетов и падений мусульманских династий. Последние из арабоязычных христианских историков высокого Средневековья – яковит Бар ʻЭвройо († 1286) и копт Муфаддаль ибн Аби-ль-Фадаиль († после 1341 г.) – писали свои труды, ориентируясь в первую очередь на мусульманских читателей. Конфессиональная идентичность авторов в этом случае так сильно отступала на задний план, что определить ее можно подчас только по косвенным признакам.

Сказанное в полной мере относится к Фадлаллаху ибн Аби-ль-Фахру **ибн ас-Сукаʻи** († после 1325 г.), составителю обширного биографического словаря выдающихся деятелей ближневосточной истории XIII – нач. XIV в. «Продолжение книги "О кончинах знаменитых мужей"» (*Tālī kitāb wafayāt al-aʻyān*). Немусульмане составляют около 3 % от общего числа героев биографического свода. Вероисповедная принадлежность самого автора определяется весьма приблизительно – он мог быть как коптом, так и православным (в пользу послед-

ней версии говорит некоторый интерес ас-Сука'и к мелькитским церковным делам). Но кем бы он ни был, его малоизвестное сочинение содержит достаточно много уникальной информации как о судьбах ближневосточных христиан айюбидско-мамлюкской эпохи, так и о ментальности самого их биографа – человека, стоявшего на пограничье двух культур.

Финальная фаза разрушительных войн мусульман с крестоносцами в конце XIII в. и кампания религиозных преследований в Мамлюкском государстве сер. XIII – сер. XIV в. («столетие гонений») привели к глубокому упадку арабской православной общины. Почти прекратилась культурная активность, исчезли богословы, агиографы, иконописцы и хронисты. Как писал впоследствии Павел Алеппский о временах Крестовых походов: «С того времени известия о патриархах [Антиохийских] совершенно прекратились за неимением нового историка, который бы продолжал хронику, ведóмую учеными мужами православного народа. Всему этому причиной были умножение забот и печалей, пленение и стеснения, кои постигли сынов крещения»[1].

На фоне многовекового историографического оцепенения мелькитов удивительным исключением выступает Антиохийский патриарх Михаил II (1395–1404?), попытавшийся восстановить информацию о преемстве своих предшественников на патриаршей кафедре[2]. Возможно, его побудили к этому катастрофические последствия нашествия Тимура 1401 г. и гибель множества книг, в том числе и исторических. Перечень патриархов, составленный Михаилом, охватил около 40 лет антиохийской церковной истории – срок, почти предельный для устной народной памяти. Впрочем, обилие дат, приведенных патриархом, указывает, что он пользовался некими записями, возможно колофонами рукописей.

Подобные записи, содержащие сведения о тех или иных исторических событиях, сохранились даже от самых «стерильных» веков мелькитской культуры. Переписчики и читатели фиксировали на форзацах книг как эпохальные политические потрясения, вроде па-

[1] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Пер.: Г. А. Муркос. М., 2005. С. 678.

[2] См. попытку реконструкции первоначального текста этой летописи в приложении к статье: *Панченко К. А.* Вспомнить прошлое: Антиохийский патриарх Макарий III аз-За'ым как историк // Miscellania Orientalia Christiana = Восточнохристианское разнообразие. М., 2014. С. 359–384, здесь: С. 379–384.

дения государств крестоносцев или османского завоевания Сирии, так и локальные всплески цен или природные катаклизмы. Интерес к сохранению исторической информации у мелькитов не исчезал, и при благоприятных условиях арабо-православное летописание вступило в полосу нового расцвета.

Мелькитский проторенессанс

Культурное возрождение мелькитов, начавшееся в раннее Новое время, было одним из самых удивительных эпизодов в истории ближневосточного православия. После долгих веков упадка, оцепенения и изоляции арабская православная община начала осознавать себя, жадно впитывать достижения поствизантийской культуры, искать свое место в рамках восточнохристианской цивилизации. Традиционно этот процесс, называемый «Мелькитский ренессанс», относили к XVII в., однако внимательное прочтение источников позволяет разглядеть его истоки несколькими десятилетиями раньше, в творчестве плеяды книжников, живших в северном Ливане в последней четверти XVI в.[1]

Мелькитский проторенессанс разворачивался в достаточно ограниченном географическом ареале. Центром его был Триполи, крупнейший порт Восточного Средиземноморья, к которому тяготели христианские селения и монастыри северо-западного склона Ливанских гор, и далее на север область аль-Хусн – бассейн реки Нахр аль-Кабир, так называемая Долина христиан. Северный Ливан и аль-Хусн были одной из немногих на Ближнем Востоке зон компактного христианского расселения, здесь сосредоточилась критическая масса людей и ресурсов, обеспечивших мелькитский культурный прорыв.

Однако катализатором этих процессов стал другой регион – монастыри Палестины, окно в мир для православных арабов, контактная зона, где соприкасались и взаимодействовали культуры многих христианских народов. Не случайно одним из инициаторов Мелькитского проторенессанса стал Иоаким († после 1593 г.), уроженец деревни аль-Куфур под Триполи, монах палестинской лавры св. Саввы, а впоследствии – митрополит Вифлеемский. Человек исключительных амбиций и дарований, он равно владел наследием греческой и арабо-христианской культур. В 1579 г. Иоаким

[1] См. подробнее: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 507–511; *Он же.* Мелькитский проторенессанс // Каптеревские чтения. М., 2013. Т. 11. С. 72–87.

безуспешно претендовал на Иерусалимский патриарший престол, в 1582–1584 гг. первым из ближневосточных иерархов совершил поездку за милостыней в русские земли, а в 1589–1591 гг., уединившись в монастыре Хаматура под Триполи, предпринял арабский перевод греческого Типикона, стремясь унифицировать литургические традиции православных народов[1].

Возможно, именно Иоакиму Вифлеемскому принадлежит авторство **«Сказания о чуде Александрийского патриарха Иоакима»**. Эпическая фигура Александрийского первосвятителя Иоакима I Пани (на кафедре 1486 – ок. 1567 г.) выступает в этом полуагиографическом повествовании как одна из опор мелькитской идентичности. Явленные им чудеса служат доказательством правоверия и богоизбранности мелькитской общины перед лицом исторического вызова со стороны иноверных народов.

Подобную же задачу этноконфессионального самоутверждения призван был выполнить анонимный **«Трактат о самоназвании мелькитов»**. Он был составлен приблизительно в 70–80-х гг. XVI в. православным арабом, бывшим чиновником османской службы, на склоне лет ушедшим в один из палестинских монастырей. Легендарная история о том, как Иерусалимский патриарх Софроний (634–638?) по требованию халифа ʻУмара (634–644) определил самоназвание православной общины словом «мелькиты» (от сирийского *malkā* – «царь»), то есть «[идущие во след] Царя Небесного», очень далека от современных представлений об этимологии этого слова[2]. Однако она показывает, каким образом мелькитские книжники выстраивали позитивную самоидентификацию для своего народа, пытались пробудить общинное самосознание и гордость.

80-е годы XVI в. стали временем расширения не только духовных горизонтов, но и реального геополитического кругозора православных арабов. Путешествия Иоакима Вифлеемского в 1582–1584 гг. и вслед за ним Антиохийского патриарха Иоакима V Дау в 1585–1587 гг. в страны Восточной Европы открыли для мелькитов масштабы православной цивилизации. Иоаким Дау, уроженец селения Сафита в аль-Хусне, до патриаршества митрополит Триполи, выступал

[1] Об Иоакиме Вифлеемском см.: *Панченко К. А.* Когда и где начался Мелькитский ренессанс? Жизнь и труды вифлеемского митрополита Иоакима // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. С. 266–282.

[2] Согласно общепринятым представлениям, под словом *malkā* в данном случае подразумевается византийский император, а термин «мелькиты» обозначает сторонников вероисповедания константинопольских базилевсов.

стержневой фигурой триполийского культурного гнезда, человеком, с которым так или иначе были связаны все деятели мелькитского возрождения. Один из спутников патриарха Иоакима в его путешествии, священник **'Иса,** будущий **митрополит Хамы,** составил стихотворное описание Русского государства. Характерно позитивное восприятие арабами-христианами Московского царства даже не на рациональном, а на эмоциональном уровне, в частности восторженное описание таких этно-маркеров русской культуры, как золотые купола церквей, колокольный звон, пышные богослужения.

Среди спутников Иоакима Дау был, вероятно, и уроженец Мармариты, еще одного селения аль-Хусна, **Анастасий ибн Муджалла** († 1594), впоследствии возглавивший епархии Триполи, Бейрута, Тира и Сидона, то есть ставший чуть ли не соправителем патриарха. По возвращении в Сирию Анастасий от имени Иоакима составил полемический ответ на послание папы Римского с предложением антиохийским мелькитам принять унию с Римом и григорианский календарь. Этот текст являет собой яркий манифест мелькитской идентичности, адресованный не столько папе, сколько соплеменникам Анастасия. Триполийский митрополит заявляет о равновесности апостольских престолов Антиохии и Рима, утверждает, что именно на Востоке сохраняется незамутненная христианская традиция, которую вместе с православными арабами разделяет множество единоверных народов.

Стоит отметить в этой связи, что в XIV в. ближневосточные Церкви были вовлечены в паламитские споры, сотрясавшие Византию[1]. Однако никакого влияния исихазма и в целом культуры палеологовского проторенессанса на тогдашнюю внутреннюю жизнь сиро-египетского православия (подобного Второму балканскому влиянию на Руси) не прослеживается. И только двести лет спустя, в эпоху Иоакима Дау и его современников, на арабском Востоке становятся ясно различимы все аналоги Второго балканского влияния и культурных эманаций Византии эпохи исихазма, начиная от подъема монашеского движения и заканчивая панвизантийским мироощущением мелькитских иерархов и книжников.

Хотя эпоха Мелькитского проторенессанса не породила летописных текстов, она подготовила пробуждение интереса православных арабов к своему историческому прошлому. Ряд памятников конца XVI в. занимает положение, пограничное с собственно историографией, – Сказание о чуде патриарха Иоакима, сочинения о проис-

[1] См.: HMLEM. Vol. 3. T. 2. P. 64–71.

хождении самоназвания мелькитов и принадлежности антиохийских христиан к незамутненной апостольской традиции.

Вспомнить себя: Мелькитский ренессанс

Пик культурного и политического подъема православных арабов получил название «Мелькитский ренессанс». Вторая и третья четверти XVII в. ознаменовались всплеском переводческой активности, исправлением арабской литургии согласно греческим образцам, возрождением мелькитской иконописи. В общем русле культурного оживления обрело второе дыхание и православное арабское летописание, восстановилась почти утраченная историческая память мелькитов.

Возобновление исторической традиции у православных арабов произошло усилиями Антиохийского патриарха **Макария III аз-За'има** († 1672) и архидиакона **Павла Алеппского** (1627–1669). Отчасти они вдохновлялись внешними импульсами, примерами церковно-исторических трудов, созданных в греческом мире и в Западной Европе. По заданию Макария архидиакон Павел и Йусуф аль-Мусаввир (художник и каллиграф, стоявший у истоков новой мелькитской иконописи) в 1648 г. осуществили перевод хронографа киприота Матфея Кигалы († 1642) – очерка византийской и поствизантийской истории от Константина Великого до султана Мурада IV (1623–1640). Судя по всему, Макарий был знаком и с арабским переводом церковной истории кардинала Цезаря Бароний (1538–1607), отпечатанным в Риме в 1653 г.[1]

У Макария до конца его дней сохранялось сильнейшее стремление к самообразованию и просвещению своих соплеменников. Он хотел доказать себе и всем, что величие и слава Антиохийской Церкви ничуть не уступают таким центрам христианского мира, как Рим и Константинополь. Патриарх всячески пропагандировал образы локальных сиро-антиохийских святых и выдающихся церковных деятелей арабского Востока – пантеон героев и этно-маркеров своего народа[2]. В этом ряду стояли великие ученые, богословы и подвиж-

[1] См.: *Михайлова А. И.* Лицевая арабская рукопись перевода греческого хронографа XVII в. // ПС. 1966. Вып. 15 (78). С. 201–207; *Walbiner C.-M.* Macarius Ibn al-Za'īm and the Beginnings of an Orthodox Church Historiography in Bilād al-Shām // Le rôle des historiens orthodoxes dans l'historiographie. Balamand, 2010. P. 22.

[2] См.: *Walbiner.* Macarius Ibn al-Za'īm...; *Idem.* Preserving the Past and Enlightening the Present: Macarius b. al-Za'īm and Medieval Melkite Literature // PdO. 2009. Vol. 34. P. 433–441.

ники ʻАбдаллах ибн аль-Фадль аль-Антаки (Антиохийский)[1], Павел (Булус ар-Рахиб), епископ Сидонский[2], Никон Черногорец[3], Афанасий II, патриарх Иерусалимский[4], Феодор Вальсамон[5], Саʻид ибн Батрик (Евтихий Александрийский), Яхья Антиохийский, Агапий Манбиджский и другие, вплоть до Мелетия Кармы, учителя Макария и вдохновителя Мелькитского ренессанса.

Обращает на себя внимание, что немалая часть этих антиохийских героев была греческого, а не арабского происхождения. Но Макария подобные вопросы совершенно не беспокоили. Как заметил К. Валбинер, идентичность Макария коренным образом отличалась от мироощущения нынешних арабо-христианских националистов – будь то православных, будь то мелькитов-католиков – с их набором исторических обид и претензий по отношению к грекам и подчеркиванием своей принадлежности к арабской нации. Макарий, наоборот, ощущал себя частью «ромейского» мира и сожалел, что под агарянским игом его народ утратил знание греческого языка и свою прежнюю культурную традицию, а ныне пребывает в упадке и невежестве[6].

По мнению исследователей, Макарий, несомненно, получал удовольствие от научного творчества, процесса поиска и обработки исторических текстов. Согласно собственным словам летописца, заняв в 1635 г. Халебскую митрополичью кафедру, он «отправил послания в Дамаск и округу его и ко всем архиереям нашей страны и настоятелям монастырей и сельским священникам с просьбой искать известия о святых, имевшиеся в их землях, и сообщить мне об этом. Они сделали так и прислали ко мне копии всех известий о святых и прочего, что было у них... И нашел я также в богоспасаемой Сайднае очень древнюю книгу... И нашел также в деревне Катина, что в округе Хомса, древнюю книгу, написанную, когда город

[1] Антиохийский богослов середины XI в., подготовивший первый полный арабский перевод Библии.

[2] Выдающийся православный арабский богослов, живший, ориентировочно, в период XI–XIII вв.

[3] Византийский ученый, крупнейший церковный канонист XI в., подвизавшийся в монастырях Черной горы близ Антиохии.

[4] Видный церковный деятель, автор проповедей, патриарх Иерусалимский (XIII в.), принял мученическую кончину при взятии Иерусалима хорезмийцами.

[5] Ведущий византийский канонист XII в., титулярный патриарх Антиохийский в 1185–1203 гг.

[6] См.: *Walbiner.* Preserving the Past... P. 436–437.

Антиохия был в руках христиан. И переписали мы ее вместе с другими известиями, упомянутыми выше... и сделали вкладом в [Халебскую] митрополию»[1]. Как говорил Макарий далее: «После того как я стал патриархом в Дамаске, то пересмотрел и проверил все книги в патриаршей резиденции – нет ли там имен патриархов антиохийских и известий о них... А также в начале своего патриаршества я объехал все епархии наши и не пропустил ни одного монастыря, ни церкви, ни деревни, без того, чтобы не просмотреть их книги»[2].

Макарий стал создателем нового жанра мелькитской историографии – чисто церковной истории. Он писал об Антиохийских патриархах и церковных делах, оставляя за скобками политические события[3]. Едва ли стоит трактовать это как сужение культурных горизонтов православных арабов, утрату ими интереса к окружающей светской истории. Жизненный путь самого Макария, равно как и Павла Алеппского, демонстрирует их неизменный интерес к большой политике. Жанровое своеобразие арабо-православных летописей XVII в. определяется скорее теми задачами, которые ставили перед собой историографы – пробуждение этноконфессионального сознания своего народа, формирование его идентичности, локального патриотизма. Образы святых, богословов и предстоятелей Церкви из великого прошлого как нельзя более подходили для этой цели.

Макарием и Павлом был создан цикл трудов под общим названием «Имена Антиохийских патриархов со времен святого апостола Петра до нашего времени». Проблема авторства отдельных частей этого сочинения весьма запутана. Судя по всему, Макарий, опираясь на византийских авторов и Яхью Антиохийского, составил перечень своих предшественников на патриаршей кафедре, начиная с апостола Петра и до прихода крестоносцев, а также подготовил другой очерк, посвященный антиохийской церковной истории XVI – середины XVII в.

Параллельно с этими сочинениями существует список Антиохийских патриархов XIII–XVII вв. в редакции Павла Алеппского, вклю-

[1] Цит. по: *Walbiner.* Preserving the Past... P. 435–436.

[2] Цит. по: Ibid. P. 436.

[3] Строго говоря, подобные наклонности демонстрировал уже патриарх Михаил II, автор списка антиохийских предстоятелей второй половины XIV в. Однако его сочинение было предельно лапидарным и к тому же почти забытым потомками. Личность и творчество Макария на этом фоне выглядят куда масштабней.

ченный им в предисловие к «Путешествию Макария»[1]. При этом преемство патриархов эпохи крестоносцев и мамлюков было реконструировано Павлом самостоятельно, а описание последнего столетия, отраженного в хронике, восходит к текстам Макария. Начиная с патриаршества Евфимия III (1635–1647) редакция Павла становится намного подробнее версии Макария – архидиакон описывал события, происходившие уже на его памяти. При этом Павел был намного педантичней своего отца, что заметно по множеству точных дат архиерейских хиротоний, проведенных Макарием и зафиксированных в записках Павла[2]. Сам патриарх, упоминая в своих исторических записях об этих хиротониях, никогда не утруждал себя датировками. К историографическим сочинениям Павла можно добавить концовку «Путешествия Макария», почти дневниковые записи о жизни сирийской православной общины весны 1659 – июля 1661 г.[3] Наконец, Макарий, используя результаты изысканий своего сына, подготовил полный вариант антиохийской церковной истории.

Помимо этих достаточно известных сочинений существуют тексты патриарха Макария, остающиеся в рукописях и лишь недавно введенные в научный оборот. В рукописи-автографе патриарха ИВР РАН В 1227 содержится трактат Макария 1665 г. о митрополитах и епархиях Антиохийской Церкви[4]. На основе устных преданий патриарх смог реконструировать преемственность епархиальных архиереев и некоторые яркие события региональной церковной истории, происходившие на протяжении жизни не более чем двух поколений. Текст Макария представляет собой слепок коллективной памяти мелькитов, отражение путей формирования квазиисторической памяти общины.

Весьма любопытны приписки на полях этой рукописи, оставленные внуком Макария патриархом Кириллом V аз-За'имом (1652–1720, патриарх с 1672 г.): он продолжил перечень епархиальных архиереев, перечислив хиротонии, проведенные им и его соперниками-«антипатриархами» Неофитом (1672–1681) и Афанасием III Дабба-

[1] См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 676–688.

[2] См. среди прочего: *Полосин Вл. В.* Записка Павла Алеппского о поставлении митрополитов Антиохийским патриархом Макарием // ХВ. 2000. Т. 2 (8). С. 329–342.

[3] См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 650–670. В настоящей Антологии представлена новая версия перевода этого отрывка.

[4] См.: *Панченко К. А.* Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има (1665) // ВЦИ. 2012. № 1–2 (25–26). С. 116–157.

сом (1685–1694, 1720–1724). Сам Кирилл не отличался литературными наклонностями, но, видимо, рукопись деда вдохновила его на попытку продолжить традицию летописания.

История Антиохийской Церкви была пересказана для грекоязычной аудитории Антиохийским экс-патриархом Афанасием III Даббасом, пребывавшим в начале XVIII в. при дворе валашского воеводы Константина Брынковяну. Впрочем, исследователь напрасно будет искать там уникальную информацию и нетривиальный авторский взгляд: бóльшую часть своего труда Афанасий с незначительными сокращениями переписал из «Имен Антиохийских патриархов...» Макария. Несомненный интерес представляет только описание событий конца XVII в., где Афанасию пришлось излагать собственное видение происходящего. Его описание борьбы за патриарший престол, сопровождавшейся взаимными доносами антипатриархов и подкупами чиновников Фанара и Высокой Порты, весьма тенденциозно и при этом обтекаемо. Афанасий откровенно признает, что информацию о тех или иных неблаговидных событиях из жизни Антиохийской Церкви «невозможно передать письменно»[1].

XVIII век: психологическая война

В 1724 г. Антиохийская Церковь раскололась на православную и униатскую ветви, которые долгие десятилетия вели между собой ожесточенную борьбу. Идейно-политическое соперничество породило массу религиозно-пропагандистских текстов, созданных идеологами обоих лагерей. Наряду с богословской полемикой борьба идей разворачивалась и на страницах исторических хроник, создававшихся в XVIII–XIX вв. Это была «битва за прошлое», за антиохийское церковно-историческое наследие, которое каждая из Церквей объявила «своим». Православные и католические летописцы отстаивали две взаимоисключающие концепции недавней и текущей церковной истории, диаметрально противоположные трактовки борьбы православия и унии.

[1] Сочинение было издано В. Раду с румынским переводом: *Atanasie Dabbas.* Istoria Patriarhilor de Antiohia // Biserica Ortodoxă Română. 1930. T. 48. P. 851–864, 961–972, 1039–1050, 1136–1150; 1931. T. 49. P. 15–32, 140–160 (здесь: p. 158). Русский перевод концовки см.: *Панченко К. А.* К истории Антиохийской Православной Церкви конца XVII в.: Патриарший престол и клановая солидарность. Прил. № 3: Финальная часть «Истории Антиохийских патриархов» Афанасия Даббаса / Пер.: В. Г. Ченцова // ВЦИ. 2016. № 1–2 (41–42). С. 158–195.

Городские летописцы мелькитов-униатов – Ни'мат ибн аль-хури Гума († 1770) в Халебе и человек, скрывшийся за псевдонимом Михаил ад-Димашки, в Дамаске (писал в конце XVIII в.) – оставили эмоциональные повествования о противоборстве своей общины с православными иерархами. В стенах монастыря Мар-Йуханна в ливанском Шувейре, культурной столице мелькитской католической общины, работала целая плеяда историографов, из которых наиболее известен Ханания аль-Мунаййир (1756 – после 1830 г.). Он был автором повествования об истории своей монашеской конгрегации и церковно-политической хроники «Разложенный жемчуг истории Шуфа» (*Kitāb ad-durr al-marṣūf fī tārīḫ aš-Šūf*), на страницах которой судьбы монастырей и монашества переплетались с войнами и интригами друзских эмиров области Шуф, выступавших покровителями ливанских обителей. Выходец из униатского монашеского ордена «аль-Мухаллисиййа» Йуханна аль-'Уджайми (1724–1785), получивший образование в Риме и Париже, фактически стал арабоязычным представителем европейской католической историографии. Его кругозор во времени и пространстве был на порядок шире, чем у большинства соплеменников. Йуханна составил пространную историю Антиохийского патриархата от апостольских времен до 1756 г. («Тактикон»), где попытался вписать прошлое сирийских мелькитов в общехристианскую церковную историю. Впрочем, летописец в своих изысканиях был далеко не самостоятелен. Он заимствовал бóльшую часть своих сведений из трудов ведущего французского историка Христианского Востока начала XVIII в. М. Лекьена[1]. Несмотря на очевидную латиноцентричность своего труда, Йуханна трактовал православно-католические проблемы достаточно взвешенно, без полемической запальчивости, свойственной его собратьям по перу из обоих лагерей[2].

Православная сторона конфликта, в свою очередь, создала собственную историографию и мифологию церковного раскола 1724 г. и последующих бурных взаимоотношений сирийских христиан. Центральной фигурой среди продолжателей православной летописной традиции в XVIII веке был дамасский священник **Михаил Брейк** († после 1781 г.). Перу Михаила принадлежат три сочинения: неопубликованная всемирная история «Свод известий эпох» (*Ǧāmi' tawārīḫ al-zamān*); «Полная истина об истории патриархов Антиохийской

[1] Информация предоставлена К. Валбинером.

[2] Подробнее об униатском летописании XVIII в. и соответствующую библиографию см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 553–556.

Церкви» (*Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya*), в русском переводе известная как «Список Антиохийских патриархов», и «История Дамаска» (*Tārīḫ aš-Šām*).

Летопись «Полная истина...», охватывающая период от апостольского века до рукоположения патриарха Даниила 6 августа 1767 г., является во многом финальным этапом в развитии православной арабской историографии. Хотя исторические хроники в этой общине создавались и позже, они не были оформлены в связный и последовательный летописный свод или носили местный, провинциальный характер. Михаил Брейк опирался главным образом на труды Макария и Павла, лишь изредка дополняя их по другим источникам. Между Макарием и Михаилом Брейком существовало еще одно «передаточное звено» – хури (священник) Фарах, живший в Дамаске в конце XVII в. и описавший современные ему события сирийской церковной истории. Исследователь К. Баша приписывает Фараху авторство довольно большого отрезка летописи – от смерти патриарха Макария (1672) до 1724 г.[1]

Самому Брейку принадлежит финальная часть летописи, начиная с 1724 г. Она составлена, «пользуясь точными преданиями достойных вероятия иереев и других лиц»[2], а также на основании личных впечатлений.

Куда более подробно церковная и политическая жизнь Леванта отражена в хронике того же автора «История Дамаска». Повество-

[1] См.: *Brayk M.* Tārīḫ aš-Šām (1720–1782). Dimašq, 1982. P. 17. Михаил Брейк писал: «Я искал сочинения по истории Дамаска и не нашел таких, за исключением того, что во время кончины блаженной памяти патриарха Макария был муж по имени хури Фарах, который кратко написал о том, что происходило в его время между патриархами Кириллом и Неофитом, и я переписал это» (Ibid.). То есть изложение Фараха, возможно, доходило только до 80-х гг. XVII в., а не до 1724 г., как полагал Баша. Есть, правда, один довод, свидетельствующий скорее в пользу мнения Баши. Арабо-христианские хронисты XVII в. употребляли летосчисление «от Адама», хотя владели также счетом по хиджре и от Рождества Христова. В XVIII в. арабские летописцы, тот же Михаил Брейк, переходят на летосчисление от Рождества Христова. Первая дата по этому стилю в истории Антиохийских патриархов – смерть патриарха Афанасия III Даббаса (1724). Последние даты «от Адама», фигурирующие в летописи, – кончина патриарха Макария (7180/1672), рукоположение Афанасия III Даббаса (7194/1686) и смерть Кирилла V аз-За'има (7228/1720). Поскольку первый из этих фрагментов явно принадлежал Фараху, весьма вероятно, что два других сюжета тоже были описаны им.

[2] *[Михаил Брейк.]* Список Антиохийских патриархов // ТКДА. 1874. № 6. С. 350.

вание начинается с 1720 г., с середины 50-х гг. записи становятся регулярными и продолжаются до 1781 г. «История» включает в себя как описание церковных событий, перипетий внутренней жизни христианской общины, так и общественно-политическую хронику Сирии – войны, мятежи, смены властителей, неурожаи, нашествия саранчи, эпидемии, цены на хлеб и др.

Вторым центром православной арабской культуры, наряду с Дамаском, в XVIII в. стал Бейрут, один из основных портов Восточного Средиземноморья. Долгие годы во главе местной православной общины стоял богатый купец и влиятельный чиновник шейх Йунус Никула († 1791), человек более авторитетный, чем бейрутские митрополиты. Шейх Йунус был занят не только коммерцией и политическими интригами, но и осознавал культурно-просветительские потребности своих единоверцев, примером чего может служить его попытка развивать мелькитское книгопечатание в Бейруте, впрочем быстро заглохшее за недостатком средств. В Бейруте второй половины XVIII в. работал целый ряд греческих и арабских православных интеллектуалов[1]. Культурная атмосфера города стимулировала сложение местной школы летописания. Главным памятником бейрутской историографии стала компилятивная хроника ʻАбдаллаха ибн Михаила Трада «Краткая история епископов» (*Muḫtaṣar tārīḫ al-asāqifa*). Она была составлена в 1820-х гг. на основе нескольких более ранних текстов[2].

В основе летописи лежит последовательный, не привязанный к датам рассказ о становлении католической унии в Сирии в первой половине XVIII в.[3] Его можно назвать «халебским» фрагментом летописи, потому что интересы автора сводятся почти исключительно к событиям в Халебе. По всей видимости, он был уроженцем этого города и, в любом случае, человеком, близким к митрополиту

[1] См.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 549, 567.

[2] Русский перевод Бейрутской летописи появился задолго до публикации арабского оригинала. Еп. Порфирий (Успенский) (Сказание о Сирийской унии // ТКДА. 1874. № 9. С. 491–553) и А. Е. Крымский (Из бейрутской церковной летописи XVI–XVIII вв. // Древности Восточныя. 1907. Т. 3. Вып. 1. С. 1–89) издали русские переводы разных изводов этой хроники. Сокращенный арабский вариант сочинения был опубликован в 1903 г. и стал библиографической редкостью, недоступной большинству европейских исследователей. Полноценное научное издание арабского текста летописи увидело свет только в 2002 г. (Muḫtaṣar tārīḫ al-asāqifa / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2002).

[3] См.: Сказание о Сирийской унии. С. 497–544; Из бейрутской церковной летописи... С. 33–64; Muḫtaṣar tārīḫ al-asāqifa. P. 31–84.

Софронию аль-Килизи, занимавшему Халебскую кафедру в начале 1750-х гг. и принявшему на себя основную тяжесть конфликта с униатами. Текст этот создавался как пропагандистский памфлет, описание церковной борьбы перемежается полемическими отступлениями, обличениями католичества, претензий Ватикана на верховенство в христианском мире. В повествовании чувствуются отголоски тогдашних споров православных и католиков о том, какая из общин может претендовать на апостольское преемство. Анонимный полемист сочинил красочные легенды о скандальных обстоятельствах нелигитимных, как он утверждал, хиротоний ведущих униатских иерархов. К. Валбинер считает эти рассказы пропагандистскими измышлениями, где отдельные реальные факты вплетены в ложный контекст[1]. Однако нельзя отказывать «халебскому» фрагменту летописи в определенной исторической ценности, тем более что он был написан по горячим следам событий, ориентировочно в 1760-е гг.

Другая составляющая летописи – бейрутская городская история 1740-х – начала 1790-х гг., в центре которой стоит фигура упомянутого шейха Йунуса Никулы и судьба православной общины города. Писал эту хронику явно не клирик, а купец – столь много внимания уделено там экономической конъюнктуре и поборам аккского паши Ахмада Джаззара с состоятельных христиан[2].

Около 1792 г. неизвестный компилятор – по предположению А. Е. Крымского, член бейрутского семейства Буструсов – скомпоновал эти два фрагмента, добавил в начало повествования список бейрутских епископов XVI–XVII вв., позаимствованный из упомянутого выше трактата патриарха Макария о сирийских архиереях, в середину – сведения о смене Антиохийских патриархов 1766–1767 гг., а в конец – информацию о преемстве патриархов Даниила и Анфима в 1792 г.[3]

В 1820-х гг. выходец из Бейрута ʻАбдаллах ибн Михаил Трад переработал текст летописи, добавив ряд новых сюжетов, заимствованных у разных авторов. В середину бейрутской городской

[1] См.: *Walbiner C.* The Split of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch (1724) and the Emergence of a New Identity in Bilâd al-Shâm as Reflected by Some Melkite Historians of the 18th and Early 20th Centuries // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2003. Vol. 7. P. 28–31.

[2] См.: Сказание о Сирийской унии. С. 522–523, 544–550; Из бейрутской церковной летописи... С. 53–55, 64–75, 80–89; Muḫtaṣar tārīḫ al-asāqifa. P. 61–64, 85–105, 115–125.

[3] В такой компоновке летопись была издана еп. Порфирием (Успенским).

истории он включил отрывок из православной ливанской хроники 1780-х гг., повествующей о борьбе аккского паши Джаззара и ливанского эмира Йусуфа Шихаба[1]. История Бейрута была продолжена описанием ближневосточной экспедиции Бонапарта и последних лет правления Ахмада-паши Джаззара (период 1798–1804 гг.)[2]. Автор этого повествования – христианин, современник событий и, скорее всего, это не ʻАбдаллах Трад. Самому Траду, по-видимому, принадлежит изложение церковной истории Бейрутской епархии и Антиохийского патриархата 1798–1813 гг.[3] и, несомненно, описание последнего десятилетия, отраженного в хронике (1815–1824)[4].

Строго говоря, Бейрутская летопись не закончилась 1824-м годом. Несколько продолжателей (Халиль Файйад, священник Илия Мжаʻас) добавляли к ней свои записи вплоть до начала 90-х гг. XIX в. Средневековая традиция анналов оказалась на удивление долговечной[5].

В арабской православной среде XIX в. возникали и новые жанры историографического творчества, такие как дневники и мемуары. Анонимное повествование о египетской оккупации Сирии 1830-х гг. «Исторические записки о сирийской кампании Ибрахима-паши» (*Muḏakkirāt tārīḫiyya ʻan ḥamlat Ibrāhīm bāšā ʻalā Sūriyā*)[6], скорее всего, написано православным, судя по особому вниманию автора к судьбам православной общины. Митрополит Хомса Афанасий ʻАталла (1853–1923) оставил дневниковые записи о сирийской церковной

[1] См.: Из бейрутской церковной летописи... С. 75–80; Muḫtaṣar tārīḫ al-asaqifa. P. 106–114.

[2] См.: Muḫtaṣar tārīḫ al-asāqifa. P. 138–146.

[3] См.: Ibid. P. 147–156.

[4] См.: Ibid. P. 153–158. Русский перевод финального отрывка летописи (1791–1824) см.: Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута / Пер.: И. Г. Константинопольский // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 162–201. См. также: *Константинопольский И. Г.* Бейрутская летопись ʻАбдаллаха ибн Михаила Трада // Там же. С. 150–161.

[5] См.: Из бейрутской церковной летописи... С. 29. Крымский скопировал этот наиболее полный экземпляр летописи. В настоящее время копия Крымского хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского в Киеве. Поздние приписки так и не были изданы, однако о содержании некоторых из них можно судить по цитатам или пересказам Крымского (см.: *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы. М., 1971. С. 317, 318, 333–334, 336, 363, 365, 431, 534–536).

[6] Muḏakkirāt tārīḫiyya ʻan ḥamlat Ibrāhīm bāšā ʻalā Sūriyā. Dimašq, [S. a.].

жизни рубежа 80-х и 90-х гг. XIX в.[1], в частности о греко-арабской борьбе за замещение Антиохийского патриаршего престола.

Эта борьба стала следствием пробуждения национального самосознания у народов восточнохристианского мира, формирования националистических идеологий в среде греков, балканских славян, румын, православных арабов[2]. Подобные процессы сопровождались бурным историческим мифотворчеством, пересмотром прошлого своей общины с позиций национализма. Сочинения такого рода, стоявшие ближе к публицистике, чем к исторической науке, стали появляться у православных арабов в последние десятилетия XIX в. Поддержка российским обществом политических устремлений своих арабских единоверцев способствовала тому, что первые идеологические концепции православного арабского национализма были сформулированы на русском языке в среде арабской диаспоры в России, прежде всего в трудах преподавателя Лазаревского института, уроженца Дамаска Георгия Муркоса (1846–1911)[3].

Появление арабо-православной националистической историографии можно считать тем рубежом, где заканчивается средневековое по духу летописание и начинается современное историографическое творчество, вдохновленное европейскими концепциями истории и методологией европейской науки.

[1] *Aṯanāsiyūs (ʿAṭāllah), al-maṭrān.* Yawmiyyāt maṭrān Ḥims li-r-rūm al-urṯūḏuks: 1888–1891. Ṭarābulus (Lubnān), 2006.

[2] Об этих процессах в арабо-христианской среде рубежа XIX и XX вв. см.: *Hopwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969.

[3] См., например: *Муркос Г. А.* Интересы России в Палестине. М., 1882 (2-е изд.: ППС. 2003. Вып. 100. С. 86–102). О нем см.: *Панченко К. А.* Муркос // ПЭ. 2017. Т. 47. С. 685–686.

Известие о разрушении церкви Март-Марйам

(Перевод, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Повествование о разрушении дамасского кафедрального собора во имя Пресвятой Богородицы (Март-Марйам, или Марйамиййа: далее: «Известие»), одно из самых ранних произведений арабо-христианской письменности, ждала удивительная судьба[1]. Его сохранил для нас архидиакон Павел Алеппский, который в 1642 г. нашел две рукописи этого сочинения (восходящие к общему протографу с утраченной концовкой) в книгохранилище Антиохийского патриархата в Дамаске. Автор «Известия» остается для нас анонимным[2]. Рассказ о разрушении собора, видимо, произвел сильное впечатление на пятнадцатилетнего юношу, и он переписал его, а потом вместе с копиями других богословских и церковно-исторических текстов включил в состав объемистой рукописной книги (ныне ИВР РАН В 1220). Протограф, которым пользовался Павел, не дошел до наших дней – видимо, он сгорел вместе с архивом патриархии во время Дамасской резни 1860 г. Судьба рукописи В 1220 оказалась более счастливой. В начале XX в. она попала в руки Антиохийского патриарха Григория IV Хаддада, а в 1913 г. была подарена им императору Николаю II вместе с большой коллекцией арабо-христианских манускриптов, ставших впоследствии украшением собрания Азиатского музея (ныне ИВР РАН).

[1] Полное заглавие этого сочинения: *Ḫabar ʻan iḥrāq kanīsat as-sayyida Mart Maryam al-kaṯūlīkī bi-madīnat Dimašq wa-ḫarāb bāqī al-kanāʼis wa-iḥrāḡ al-kahana min-hā ʻurā wa-nāhb mā kāna bi-hā wa-mā kāna min al-maṣāʼib al-ʻaẓīma allatī aṣābat ḡamīʿ naṣārā madīnat Dimašq* («Известие о сожжении соборной церкви Госпожи Март-Марйам в Дамаске и разрушении остальных церквей, и изгнании священников из них лишенными облачений, и разграблении того, что было там, и тех великих бедствиях, которые постигли всех христиан Дамаска»).

[2] Судя по тексту, этот человек хорошо знал содержимое церковной ризницы, поэтому можно предположить, что он принадлежал к высшему дамасскому клиру.

История этой коллекции достаточно хорошо известна благодаря мемуарам И. Ю. Крачковского[1]. Он был первым, кто составил опись арабо-христианских рукописей, подаренных Антиохийским патриархом. Недостаток времени не позволил великому арабисту в полной мере оценить, с чем он имеет дело – перечисляя тексты сборника В 1220, И. Ю. Крачковский озаглавил повесть о разрушении Марйамиййи и предшествующий ей трактат о появлении этнонима «мелькиты» как «Два рассказа о церковных событиях в Дамаске»[2]. В последующие годы тема арабо-христианских исследований в советской науке была практически закрыта, и рукописи Григория Хаддада десятилетиями оставались невостребованными. Позднейшие составители каталогов рукописных собраний бывшего Азиатского музея[3] четко атрибутировали содержание В 1220, в частности историю о разрушении церкви Марйамиййа, и даже датировали описанные события 924 г., но никто не осознал того факта, что мы имеем дело с одним из первых литературных памятников православных арабов. Притом что сохранилось сравнительно небольшое количество оригинальных мелькитских сочинений IX–X вв. и каждое из них давно стало объектом пристального внимания ученых, «Известие» о разрушении Марйамиййи было введено в научный оборот только в самые недавние годы[4].

Кафедральный собор православных христиан Дамаска за свою долгую историю пережил несколько разрушений. Любопытно отме-

[1] *Крачковский И. Ю.* Рукописи двух патриархов, или Сбывшееся предсказание // *Он же.* Над арабскими рукописями. М.; Л., 1946. С. 31–37.

[2] *Крачковский И. Ю.* Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского (краткая опись) // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 434. В настоящем томе опубликованы три текста из сборника В 1220: помимо повествования о разорении дамасского собора, это трактат о самоназвании «мелькиты» (оба произведения уникальны, сохранились в единственном экземпляре) и Ответ папе Римскому митрополита Анастасия ибн Муджаллы.

[3] Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: Краткий каталог / Под ред. А. Б. Халидова. М., 1986. Т. 1. С. 511. № 10537; A Descriptive Catalogue of the Christian Arab Manuscripts Preserved in the St.-Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences / Compiled by Val. Polosin, Vl. Polosin, N. Serikoff, S. Frantsouzoff; Ed. N. Serikoff (*в печати*).

[4] Первую попытку анализа текста см.: *Панченко К. А.* Разрушение дамасской церкви Март-Марйам в 924 г. Свидетельство очевидца // Символ. М., 2012. № 61. С. 339–356. Издание и англ. перевод: *Treiger A.* Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1): On the Origin of the Term "Melkite" and on the Destruction of the Maryamiyya Cathedral in Damascus // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2014. № 29. P. 25–33. См. также: *Idem.* Destruction of the Cathedral of Our Lady Mart-Maryam in Damascus // CMR. Vol. 5. P. 698–704.

нить, что Павел Алеппский на полях своей копии «Известия» сделал выписки из средневековых хроник о первых трех из этих разорений. В 924 г. по городам Ближнего Востока прошла волна нападений на церкви, и Марйамиййа оказалась среди жертв этих погромов. В 1009 г. собор был разрушен по приказу фатимидского халифа аль-Хакима, известного жестокими гонениями на иноверцев. В 1260 г., после поражения монголов под Айн-Джалутом, дамасские мусульмане выместили на церкви накопившуюся ненависть к христианам, приветствовавшим приход монгольских завоевателей. Последнее разорение Марйамиййи произошло в 1860 г., во время резни христиан в Дамаске, но эти события случились уже после Павла Алеппского.

Наиболее вероятно, что в «Известии» идет речь о первом в череде этих разрушений, погроме 924 г. Понять его исторический контекст можно из летописи Александрийского патриарха Евтихия, который между сентябрем 923 и октябрем 924 г. отмечает целую серию нападений на церкви в довольно ограниченном географическом ареале. Это была прибрежная Палестина (Рамла, Кесария, Аскалон), восток Дельты (Тиннис) и, наконец, Дамаск, где, помимо Марйамиййи, подверглись разгрому многие церкви и монастыри, как мелькитов, так и яковитов и несториан[1].

Подобные эксцессы периодически повторялись и в последующие годы. В 937 г. отмечены нападения на церкви Иерусалима, в 940 г. – новое разрушение церкви в Аскалоне, а в 960-х гг. по Ближнему Востоку прокатилась целая волна погромов церквей и убийств патриархов[2]. Мотивация этой последней полосы конфликтов вполне очевидна: ее спровоцировали успехи византийской реконкисты, резко усилившей межрелигиозную напряженность на Ближнем Востоке. Но относительно погромов 923–924 гг. никаких аналогичных внешних факторов не просматривается. То есть антихристианские выступления были вызваны не византийской угрозой, а какими-то внутренними причинами.

[1] См.: Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars prior / Ed. L. Cheikho. Beryti; Parisiis, 1906. P. 82–83; *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ея арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Т. 2. С. 291–293.

[2] См.: Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars 2: Accedunt Annales Yahia Ibn Said Antiochensis / Ed. L. Cheikho e. a. Beryti, Parisiis, 1909. P. 96, 116–118, 124–125 (далее: Annales Yahia); *Медников.* Палестина... Т. 2. С. 330–331, 335–336, 339–341, 346–347.

Впрочем, есть одно серьезное хронологическое противоречие между летописью Евтихия и данными «Известия». У Евтихия разрушение дамасских церквей датируется серединой раджаба 312 г. хиджры, то есть серединой октября 924 г. «Известие» же утверждает, что церковь была разрушена накануне Пасхи, в Великую Субботу, приходившуюся в тот год на 27 марта. Параллели между эпизодами Страстей Христовых и разрушением Март-Марйам настолько тщательно обыгрываются сказителем, что трудно усомниться в его датировке. Остается предположить описку у Евтихия.

С другой стороны, А. Трейгер предлагает иное объяснение этого хронологического противоречия. По его мнению, «Известие» описывает не первое разорение дамасского собора, случившееся в 924 г., а второе, происшедшее при халифе аль-Хакиме[1].

Нельзя не признать, что обе датировки покоятся на весьма шатких основаниях. Тем не менее ранняя дата, как представляется, лучше согласуется с некоторыми деталями повествования. Так, описание разгрома Марйамиййи больше похоже на спонтанный порыв толпы, чем на исполнение высочайшего повеления. Сообщается, что помимо кафедрального собора пострадали и другие церкви – это упомянуто в источниках именно в 924 г., а не в 1009 г. Наконец, само описание роскоши церковного убранства Марйамиййи заставляет предположить, что церковь на тот момент еще не пережила ни одного разграбления. Впрочем, окончательно разрешить вопрос с датировкой при нынешнем уровне наших знаний невозможно.

«Известие» содержит ряд указаний, позволяющих судить о мироощущении сирийских мелькитов того времени. Идентичность православных арабов складывалась на основе набора этномаркеров: как культ локальных святых, особенно мучеников, и того, что называется сакральной географией – святых мест, центров паломничества и поклонения. Литературное наследие мелькитов Палестины (именно из этого региона происходит большинство арабо-христианских текстов IX–X вв.) завязано на такие духовные центры, как Иерусалим и лавра св. Саввы в Иудейской пустыне. «Известие» о разрушении дамасского собора показывает, что Марйамиййа выступала аналогичным центром духовной гравитации для православных южной Сирии, местом, в их глазах равновесным палестинским святыням.

[1] См.: *Treiger.* Unpublished Texts... P. 22–23. Противоположную точку зрения см.: *Панченко К. А.* [Рец. на:] Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1)... // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. № 5 (40). С. 137–144.

Разрушение этого собора стало сильнейшей психологической травмой для дамасских православных. Обращает на себя внимание, как автор «Известия» старается залечить эту душевную рану, убедить своих слушателей, что Бог наказал христиан за их грехи, но они по-прежнему остаются объектом Его любви. Позитивная самоидентификация была исключительно важна для выживания ближневосточной православной общины, превратившейся к началу X в. в гонимое меньшинство.

Перевод[1]

[132] С Божьей помощью и наставлением начинаем переписывать **Известие о сожжении соборной церкви Госпожи Март-Марьям в Дамаске и разрушении остальных церквей, и изгнании священников из них лишенными облачений[2], и разграблении того, что было там, и тех великих бедствиях, которые постигли всех христиан Дамаска.**

Хочу поведать вам и известить вас, я, бедный грешник, и рассказать о бедах и печалях, плаче и рыдании, воздыхании великом и разрывании сердец, кои постигли Божий град Дамаск и церковь его, о разрушении ее и разорении святых церквей и сожжении их огнем. И каждый, в ком есть страх Божий, слыша эту ужасную повесть, горько восплачет и возрыдает. Поведаю вам, о братья мои, чему подверглись мы и как была разрушена церковь соборная Богородицы.

А была она источником радости и умиления, Матерью церквей, подобием Сиона, невестой прославляемой, раем земным, гаванью спасительной и опорой каждого, кто входил в нее и прибегал к ней; радостью Православия и ликованием того, кто взирал на нее и красоту ее и великолепие, известные во всех землях. Поистине говорю, Иерусалим Небесный плачет над ней вместе со всеми и печалится о разрушении ее и вспоминает красоту ее и великолепие алтаря ее, благолепно изукрашенного. И во времена наши во всех землях была она гаванью спасительной и башней возвышенной, украшенной всеми красотами, собравшей все достоинства. И как вспомнить мне ее и не возрыдать о ней, о братья мои возлюбленные!

Плачьте со мной все, кто услышит слово мое **[132 об.]**, потому что была она Вторым Иерусалимом. Как в Иерусалиме свершились чу-

[1] Комментированный перевод выполнен К. А. Панченко по рукописи ИВР РАН В 1220 с указанием ее листов.

[2] Досл. «нагими».

деса Христа и Воскресение, так и в ней совершалось освящение Тела Христова, отпускающее грехи тому, кто причащался его в храме Матери Его, и была всем нам радость и ликование. Как Иерусалим пленен был евреями и перебили жителей его, так и она сожжена была огнем, и евреи разграбили богатства ее. Как ушел из Иерусалима в изгнание патриарх Захария, унося Честной Крест на шее своей, так и из нее бежали священники нагими от поджигателей[1].

Печали постигли нас, и несчастья наши умножились, однако возблагодарим Господа Христа, Который сохранил нас от убийств. Подобно тому как обуздал Господь львов перед Даниилом, Он уберег нас и удержал руки врагов от посягательства на нас. Как спас Он Иону в чреве кита в бездне морской, так защитил Он нас и сохранил народ Свой от разящего меча. И скажем Тебе: Веруем в Тебя и исповедуем имя Твое перед ангелами Твоими, о Иисус Христос!

Однако теперь, о Господи, в воздаяние за храм, разрушенный и сожженный от рук этого народа, прошу и молю Тебя: сделай им, как было с фараоном, которого утопил Ты и погубил! Сделай то же тем, кто добивался разрушения церкви Матери Твоей Пречистой! И просим Тебя, о Заступник наш, укрой нас от погибели милостью Твоей, аминь!

И что можно сказать, о братья мои, о церкви: была длина ее 60 шагов, а ширина ее с тем, что окружало ее – 120 шагов, а высота ее – 40 локтей[2]. **[133]** И было в ней 60 арочных сводов и 120 столпов. И от земли до вершин столпов была она покрыта мрамором со всех сторон. А от столпов до крыши – мозаикой из многоцветных кусочков великого мастерства, поражавшей умы красотой своей и великолепием. И была красота ее известна повсюду, как и красота

[1] Автор уподобляет дамасский собор главной христианской святыне – храму Гроба Господня в Иерусалиме – и обыгрывает параллели в их судьбах. Речь идет, в частности, о взятии Иерусалима в 614 г. персами, к которым присоединились палестинские евреи, массовых убийствах и разрушении церквей города. Иерусалимский патриарх Захария и множество жителей были уведены в плен в земли Сасанидов. Туда же вывезли христианские реликвии, прежде всего – фрагменты Честного Креста. Характерно, что память об этих событиях почти угасла в Византии, однако отпечаталась в сознании ближневосточных мелькитов, которые и 300 лет спустя должны были с полуслова понимать намеки и аллегории автора «Известия».

[2] Планировка средневековой церкви примерно соответствует современным очертаниям собора Марйамиййа, который вместе с прилегающим к нему зданием патриархии имеет ок. 100 м по фасаду и ок. 50 м в глубину.

алтаря ее, благолепно изукрашенного. И был над святым алтарем медный купол с отверстием[1]. А над ним другой купол, более тонкой работы. Держали его четыре колонны из закрученных листов меди. А внутри каждой была другая колонна из железа, и медь облекала ее. А базы упомянутых колонн были из свинца, а капители их – из позолоченной меди. И были сужения (?) их тоже из меди. И лампы, окружавшие алтарь, – медные. И верхи колонн купола покрыты были сверкающим золотом. Клянусь жизнью своей, о братья, не в силах разум мой описать этот купол. И ювелиры нашего времени не могут представить цены его. И не знаю, есть ли ценность выше, чем стоимость всей меди и железа, которые были во всех уголках этой церкви. И обилия золота и серебра в ней[2], которые были там со времен римлян. И не делают в наше время ничего подобного.

Я поведаю вам о некоторых богатствах ее. Было в ней 60 серебряных кубков, и 40 серебряных кадильниц, и 13 пар серебряных рипид, и 30 серебряных блюд, и четыре больших креста, и десять малых крестов, одни сделанные из золота, другие – из серебра, и десять рипид из золота. А что до вещей возвышенных, большой цены, то были там на каждый праздник новые облачения без числа. И было там книгохранилище **[133 об.]**, а в нем книг без счета, которые были там многие века, ибо строительство ее началось в 880 г. после Боговоплощения[3].

---

[1] А. Трейгер предлагает перевод этого слова (*maḫrūm*) как «филигранный» – «филигранный купол из меди» (*Treiger*. Unpublished Texts... P. 30). Однако, на мой взгляд, надо исходить из основного значения данного термина – «продырявленный». То есть купол либо имел отверстие наверху, подобно ротонде Гроба Господня, римскому Пантеону, многим османским тюрбе и мечетям, либо же был испещрен множеством небольших отверстий – такой конструктивный элемент присутствует, например, в куполах ближневосточных бань-хаммамов.

[2] В оригинале это предложение стоит строкой ниже, но, как представляется, здесь Павел Алеппский или его предшественник допустил описку. По логике изложения данной фразе уместно находиться именно в этом месте. А. Трейгер, однако, предлагает другое чтение: «Но в наше время больше не делают подобного этому, особенно всему золоту и серебру, бывшему там в таких количествах» (Ibid. P. 30).

[3] Эта дата противоречит упоминаниям о древности собора, восходившего ко временам «римлян», то есть византийцев. Трейгер полагает, что автор «Известия» перепутал летосчисление от Рождества Христова и селевкидскую эру. 880 г. по селевкидской эре будет соответствовать 568/9 г. н. э. (См.: Ibid. P. 21). Подобное допущение снимает указанное хронологическое противоречие. На полу церкви, вполне вероятно, была мозаичная надпись, содержащая дату основания храма, и автор «Известия», конечно же, знал о ней.

А так произошло разрушение этой церкви и сожжение ее. Христиане города Дамаска носили красивые одежды на глазах у всех, и не было никого, преследующего их. Однако грех – глава всех бедствий. И умножились они и превознеслись попущением Господа. Захотел Он испытать нас и отнял руку Свою от нас, дабы испытали мы горе и познали слабость нашу и шаткость бытия нашего. Но как Господь наш Иисус Христос в древние дни пожертвовал Собой за нас и искупил нас, так же обращается Он с нами сейчас, потому что Он не лишил нас заботы Своей и не изменил Своей милости нам.

О братья! В день Великой Пятницы, когда распяли Христа, началось смятение в Дамаске и устрашились церкви. В час, когда пригвоздили Христа, да святится имя Его, к Кресту, переполнилась мера грехов наших. И в день субботний возопили мы. В этот день в прошлом был Христос положен в гробнице. А мы ныне повергнуты в печаль и ограблены. В день субботний евреи отдыхали, после того как погребли Христа, а ученики были в скорби. И ныне в день субботний рассеялась паства Христова из церкви, а евреи отреклись от Завета и разграбили храм Божий[1].

Когда исполнилось два часа от восхода солнца в Великую Субботу[2], подвигнул диавол воинство свое, и пошли они на церковь Пречистой Богородицы. И грабили всё, что было в ней до шести часов[3]. И похитили подвешенные кресты и лампы и крюки. И взяли приспешники диавола циновки церкви вместе с бубнами, бывшими там, и связали их **[134]** вместе с крюками и крестами. И зажгли огонь в ней, и поднимали его блоками на крышу. А была она сделана из кедра в 880 году, как мы упомянули. Охватил ее огонь и не переставал гореть с шести часов субботы до шести часов Пасхи. И смотрели мы все это время на церковь Пречистой, а она колыхалась, сотрясалась и колебалась, пожираемая огнем.

И взывали мы к мученикам, которых поминали и почитали каждый день прославлением и восхвалением в церкви соборной, дабы просили они Господа не отвратить лицо от слабости нашей, заступничеством Пречистой Матери Его. И кто мог смотреть на это зре-

[1] Похоже, собор громили наряду с мусульманами и местные евреи. Подобные же примеры участия евреев в разрушении церквей отмечены в Аскалоне в 947 г. и в Иерусалиме в 966 г. (в последнем случае погром сопровождался убийством Иерусалимского патриарха Иоанна) (см.: Annales Yahia. P. 96, 116–118; *Медников*. Палестина... Т. 2. С. 335–336, 339–341).

[2] То есть около 8 часов утра по нашему счету.

[3] То есть до полудня.

лище, о братья мои, так чтобы не помутился[1] разум его и не разорвалось сердце его! Потому что в пасхальное воскресенье усилился огонь и сжег святой храм.

В пасхальное воскресенье явился Дух Святой ученикам на Сионе, а мы в этот день были изгнаны из пречистой церкви. И вопияли мы и говорили: «О Господи, не ввергай нас в руки врагов! О Господи, не отвергай вопль и крик слабого стада Твоего! О Господи, не отвращай лица Своего от нас! О Господи, поспеши помочь нам в Своей милости, хоть и не достойны мы по грехам и проступкам нашим! О Госпожа наша Богородица, умножилась печаль тех, кто молился Тебе! О Богородица, храм Твой был разграблен! О Богородица, сколько радости и ликования было нам от Тебя, и сколько печали и скорби пришло нам теперь от храма Твоего! Воспомяни нас, о Богородица, и не презри плача детей Своих! О Богородица, воспомяни нас перед Христом, ибо не забыли мы скорбь, которая пришла к нам по Тебе после радости. Плачем о тебе, о церковь **[134 об.]** Пречистой Богородицы, о подобие Сиона, потому что в тебе, о Пречистая, пребывало Слово Божье, извечно творящее».

И не прекращались грабежи и поджоги в течение пятнадцати дней. И увеличилось зло после этого. И не появлялся ни один христианин на улице. После этого набросились погромщики на церковь ас-Сутирус[2] и разрушили ее. А также церковь, называемую Мар-Саба[3]. И кто не восплачет и не опечалится, и не возопит и не возрыдает от того, что постигло нас и случилось с нами?!

И наихудшим злом было то, что повторилось как тогда в былые дни, когда говорили Христу: «Если Ты и вправду Царь Иудейский, освободи себя!», и как говорили те люди, что похитили Животворящий Крест[4]: «Если ты – тот, на котором был распят Христос, почему не освободит Он тебя от рук наших?»

И молите Христа в наши дни, о братья мои, избавить нас от искушений и гонений и защитить Церковь мощной десницей Своей и силой креста Своего и заступничеством Пречистой Матери Его, да не выдаст Он нас врагам по грехам нашим.

[1] Досл.: «пробудился».

[2] Спасителя (греч. Σωτῆρος).

[3] Эти церкви – во имя Спасителя и св. Саввы – неизвестны из других источников. О количестве и идентификации дамасских церквей той эпохи см.: *Панченко.* Разрушение... С. 353–354.

[4] Имеется в виду уже не раз обыгранное автором «Известия» взятие персами Иерусалима в 614 г., когда из города были вывезены Животворящий Крест и другие христианские святыни.

И опять вспомним, о возлюбленные братья мои, об этом месте братской любви, которое было утешением и убежищем и избавлением и радостью тому, кто прибегал к нему. Потому что обреталось при ней множество полоняников, мужчин и женщин, и были там немощные и расслабленные и слепые, и жили они от щедрот церкви Пречистой Богородицы и тех, кто приходил в нее из паствы Христовой. И что скажете вы о тех, кто оказались среди врагов и огня и разорения и хотели бежать, но не могли из-за немощи и горя. И бедствие их умножило печали наши, когда слышали мы их и видели их, и не было у нас сил помочь им.

И кто не восплачет и не возрыдает от того, что обрушилось на нас и постигло нас?! Ибо бедствия наши превысили всякую меру, и печаль наша превыше всех печалей! И как не умножиться горю и плачу нашему, когда праздники наши наступают один за другим...

(Приписка Павла Алеппского: «Такими мы нашли эти тексты в двух старых книгах в богоспасаемом Дамаске, оборванными на этом месте, без продолжения»).

Евтихий Александрийский (Са'ид ибн Батрик). Хроника (фрагмент)

(Перевод М. В. Грацианского, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Александрийский патриарх Евтихий (Са'ид ибн Батрик) (877–940) представляет собой ключевую фигуру средневекового арабохристианского летописания[1]. Он был автором масштабной всемирной истории «Ожерелье драгоценностей» (*Naẓm al-ǧawhar*)[2]. Начиная свой рассказ от сотворения мира, Евтихий следовал содержанию Ветхого Завета с его чередой патриархов, царей и пророков. Лишь изредка в повествование вплетаются персонажи древнегреческой истории – исключительно мудрецы и ученые, которых летописец пытался соотнести по времени с теми или иными библейскими героями. Вавилонское пленение евреев плавно перетекает в историю

[1] См. о нем: GCAL. Bd. 2. S. 32–38; HMLEM. Vol. 2. T. 2. P. 23–34, 54, 143–145; *Грацианский М. В.* Евтихий, патриарх Александрийский // ПЭ. 2008. Т. 17. 346–348; *Simonsohn U.* Sa'īd ibn Baṭrīq // CMR. Vol. 2. P. 224–233.

[2] Издание с латинским переводом: Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales / Ed. L. Cheikho. Beryti; Parisiis, 1906–1909. Pars 1–2. (CSCO; 50–51).

Ахеменидов, потом – Александра Великого. Из всех династий диадохов летописец проявил интерес только к Птолемеям – его египетский патриотизм сказывается чуть ли не на каждой странице.

Римская история начинается с Цезаря, тут же сливается с египетским вектором в лице Клеопатры, потом принимает в себя заглохшую было еврейскую сюжетную линию (Ирод Великий, Рождество Христово), и далее мировая история некоторое время движется единым потоком. Первые века христианской эры представлены Евтихием – подобно другим христианским авторам – как церковная история на фоне римских императоров и событий в Палестине (до восстания Бар Кохбы в 135 г.). Параллельно разворачивается, вначале прерывистая, история христианского Египта, начиная с апостола Марка.

С III в. добавляется еще один мощный информационный поток – история сасанидского Ирана. Евтихий познакомился с ней через арабский перевод иранского исторического сочинения «Худай-намэ», который выполнил 'Абдаллах ибн аль-Мукаффа' (720–756) – выдающийся интеллектуал раннеаббасидской эпохи, стремившийся приобщить арабов к иранскому культурному наследию. Литературные вкусы Евтихия и 'Абдаллаха были очень близки – оба изображали историю как серию увлекательных новелл. Евтихий настолько увлекся судьбами иранских царей, что переписывал «Худай-намэ» целыми страницами, отодвинув на задний план церковную историю. Этот ориентоцентризм отличает египетского хрониста от его византийских собратьев по перу, не знакомых с культурой халифата.

Начиная с эпохи Константина Великого, летопись становится очень подробной. Трехвекторная схема исторического процесса – римско-византийская история, ее локальный египетский вариант и сасанидский Иран – сохраняется на протяжении IV – начала VII в., перемежаясь лишь пространными религиозно-полемическими отступлениями, завязанными на тему Вселенских Соборов.

«Новейшая» история для Евтихия начинается с Мухаммада и арабских завоеваний. Иранская ветвь повествования естественным образом исчезает с гибелью Сасанидской династии. Византийская история отходит на задний план по мере ослабления связей ближневосточных мелькитов с Константинополем. В центре внимания летописца остаются правления халифов и судьбы православных Церквей сиро-египетского региона. Повествование заканчивается на 936 г.

Вниманию читателя предлагается фрагмент из хроники Евтихия Александрийского, посвященный самым драматическим десяти-

летиям ближневосточной истории – византийско-иранской войне 602–628 гг., глобальному столкновению двух великих империй, доминировавших в западной половине Евразии, «мировой войне» VII в. Потрясения, сопровождавшие это противостояние, привели к значительному ослаблению многих несущих опор античной цивилизации и греко-римской культуры в ближневосточном регионе (подобно тому как в эти же годы позднеантичный миропорядок на Балканах был сметен славяно-аварским потопом). Катастрофическое истощение обеих империй в результате войны открыло дорогу победоносным арабским завоеваниям, полностью переформатировавшим политико-цивилизационное пространство Передней Азии и Средиземноморья.

Евтихий Александрийский описывал эти события триста лет спустя. Текст дает яркое представление о мироощущении самого автора и его читателей, степени их знакомства с византийской, иранской, арабо-мусульманской историографическими традициями, об особенностях коллективной исторической памяти. Первое, что бросается в глаза, – это беллетристическая манера повествования. Летописцу неинтересны точные даты и скрупулезная реконструкция хода событий. Мы видим эффектные сцены и плакатных героев, эпические образы и фольклорные сюжеты.

Картина, представленная Евтихием, сильно отличается от принятых в науке представлений о последовательности событий византийско-иранской войны. Современные ученые опираются прежде всего на данные византийских хронистов начала IX в. – Феофана Исповедника, Константинопольского патриарха Никифора и др. Очевидно, что Евтихий не был знаком с этими источниками, что лишний раз демонстрирует степень культурной изоляции Христианского Востока от Византии в аббасидскую эпоху. В распоряжении египетского хрониста были лишь те греческие источники, которые возникли и циркулировали на Востоке до арабских завоеваний или в первые десятилетия после них. В публикуемом фрагменте летописи это, в частности, Житие Александрийского патриарха Иоанна Милостивого, составленное на греческом языке в VII в. и переведенное на арабский через сто или двести лет[1].

В то же время Евтихий заимствовал ряд сведений, недоступных константинопольским хронистам. Он донес до нас обрывки утраченной исторической традиции Ирана, с которыми был знаком че-

[1] См.: *Луховницкий Л. В.* Иоанн V (III) Милостивый // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 501.

рез арабские переводы сасанидской литературы (в первую очередь «Худай-намэ»), выполненные в VIII в. книжниками иранского происхождения. Сказочно-фантазийное мировосприятие авторов сасанидских и пост-сасанидских исторических сочинений было близко Евтихию, и он охотно включал их информацию в свое повествование о византийско-иранском противоборстве.

Наряду с этим Александрийский патриарх обращался к ближневосточным историческим преданиям христианского происхождения. Можно выделить следы некоего синайского источника (легенда о чудесно спасшемся сыне императора Маврикия, окончившем свои дни в Синайском монастыре)[1]. Некоторые сведения о местоблюстителе Иерусалимского престола Модесте, приводимые у Евтихия, не имеют аналогов в других источниках и восходят, видимо, к местным палестинским преданиям. Рассказ Евтихия о разорении персами Иерусалима в 614 г., захвате ими христианских реликвий и пленении патриарха Захарии достаточно краток по сравнению с хрестоматийным повествованием об этих событиях, принадлежащим палестинскому монаху VII в. Антиоху Стратигу[2], однако, похоже, не зависит от него. При этом Евтихий приводит подробности политической жизни Сирии и Палестины эпохи персидского владычества, не сохранившиеся в других источниках, как, например, историю о заговоре тирских иудеев. Обращает на себя внимание сильный антиеврейский настрой как летописи Евтихия, так и других христианских текстов, повествующих о временах персидского завоевания Палестины VII в.[3] Ближневосточная историческая память надолго сохранила память об остроте и трагизме иудео-христианского конфликта, выплеснувшегося на поверхность в момент ослабления византийской государственности.

Значительную часть публикуемого перевода занимает повествование о событиях, связанных с византийскими императорами, –

[1] Это не единственный след синайской исторической традиции, присутствующий в хронике. На страницах своей летописи Евтихий повествует об обстоятельствах строительства Синайского монастыря при Юстиниане и судьбах монастырских рабов после арабского завоевания (см.: Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars 1. P. 202–204), а также приводит рассказ о бегстве в Синайский монастырь византийского военачальника Ваана/Махана после проигранной им битвы при Йармуке (см.: Ibid. Pars 2. P. 15).

[2] *Антиох Стратиг.* Пленение Иерусалима / Пер.: Н. Я. Марр. СПб., 1909.

[3] См., например, отголоски воспоминаний о взятии Иерусалима персами в повести X в. о разорении дамасского собора Март-Марйам (текст № 1 настоящей Антологии).

убийстве Маврикия, свержении Фоки, военных кампаниях Ираклия I. По своему характеру оно мало отличается от иранских исторических мифов из «Худай-намэ», но это явно не персидский, а провизантийский взгляд на происходившее. Можно предположить, что мы имеем дело с некоей ближневосточной *фолк-хистори*, сложившейся под впечатлением эпической фигуры императора Ираклия. Едва ли это предание сохранялось триста лет в устной форме. Скорее всего, Евтихий использовал какие-то более ранние квазиисторические тексты, имевшие хождение в мелькитской среде.

В последние годы в научной среде возобладала тенденция пересмотра устоявшихся представлений о событийном ряде византийско-иранской войны, в первую очередь об обстоятельствах и последствиях взятия Иерусалима персами в 614 г. Археологические изыскания, проведенные в Иерусалиме и его окрестностях, подтвердили массовое истребление христиан победителями (обнаружен целый ряд братских могил начала VII в.), однако опровергли мнение о тотальном разрушении храмов и монастырей, якобы повлекшем за собой упадок церковных структур в Палестине[1]. Если какие-то храмы и были разрушены, то их восстановили почти сразу. По мнению ряда авторов, противоречия между данными археологии и письменными источниками, подчеркивающими разорение и осквернение христианских святынь иноверцами, объясняются задачами константинопольской имперской пропаганды, изображавшей противостояние с Сасанидами в категориях священной войны с силами мирового зла[2]. Образ этого эсхатологического сражения света и тьмы, воплотившегося в личностях Ираклия и Хосрова, действительно стал одним из столпов византийского исторического мифа, пережившего саму империю[3]. Однако предпринимаемый современными историками анализ византийской церковно-политической пропаганды не снимает

[1] См.: *Avni G.* The Persian Conquest of Jerusalem (614 c. e.) – An Archaeological Assessment // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2010. Vol. 357. P. 35–48.

[2] См.: *Stoyanov Y.* Archaeology versus Written Sources: The Case of the Persian Conquest of Jerusalem in 614 // Acta Musei Varnaensis. 2007. T. 8. № 1. P. 351–358.

[3] Знаменитые фрески молдавских монастырей Буковины, созданные в XVI в., изображают персидскую осаду Константинополя 626 г. как битву апокалиптического масштаба, где небеса разверзаются огненным дождем, под которым гибнет флот захватчиков. Персидские воины, что характерно, вооружены пушками и одеты в типичные янычарские войлочные шапки. Молдавские князья, заказчики росписей, позиционировали себя как наследников «Второго Рима» и недвусмысленно демонстрировали свои политические амбиции.

задачу понять, что же в действительности происходило на Ближнем Востоке в годы персидского завоевания.

Евтихия, жившего и писавшего в изоляции от современной ему греческой историографической традиции, едва ли можно заподозрить в причастности к официозному имперскому мифотворчеству. При всей своей фольклорно-легендарной направленности хроника Александрийского патриарха представляет собой в значительной степени независимый источник, позволяющий как перепроверить сообщения византийских авторов, так и составить представление о восприятии прошлого в среде ближневосточных мелькитов.

Перевод[1]

[Убийство Маврикия и воцарение Фоки]

У Маврикия, царя римлян, был слуга, которого он любил и выделял, по имени Феодор. Разгневавшись на него, царь сильно его ударил, а тот затаил на него злобу. И был военачальник по имени Фока, на которого царь Маврикий гневался. Сказал этот Фока Феодору, дав ему денег: «Найди способ убить Маврикия». И из-за своего гнева на Маврикия вошел слуга к нему ночью и убил его. И Фока завладел царством[2].

Воцарился Фока над римлянами на восемь лет, и было это в пятнадцатый год царствования Хосрова, царя персов. И был Фока суров с детьми Маврикия, и убил их. Однако их кормилица взяла одного из сыновей Маврикия и спрятала его, а сама выдала своего сына, и тот был убит. А когда подрос этот юноша, то стал монахом на Синайской горе и умер там[3].

[1] Перевод выполнен М. В. Грацианским по изданию: Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales / Ed. L. Cheikho. Beryti; Parisiis, 1906–1909. Pars 1. P. 215–219. Pars 2. P. 1–7. (CSCO; 50–51). Подзаголовки в тексте перевода поставлены для облегчения ориентации читателя в содержании памятника. Комментарии К. А. Панченко.

[2] Свержение императора Маврикия в 602 г. в результате мятежа войск, озлобленных затяжной войной против славян и авар за Дунаем, представлено у Евтихия в излюбленной им беллетристично-сказочной манере. См. об обстоятельствах падения Маврикия на фоне общего кризиса Византийской империи рубежа VI–VII вв.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М. 1996. Т. 1. С. 394–399; *Острогорский Г.* История византийского государства. М., 2011. С. 123–129.

[3] Здесь можно видеть следы использования некоего синайского источника фольклорного характера. Согласно принятой в историографии точке зрения, сыновья Маврикия были казнены у него на глазах перед тем, как он сам был предан смерти. Впоследствии в землях сасанидского Ирана объявился само-

[Взятие Иерусалима персами]

Услышал Хосров, сын Хормузда, что царь Маврикий и все его дети убиты, собрал своих приближенных и сказал им: «Непременно должен я воздать за кровь тестя моего и захватить взбунтовавшегося против него». Мария, дочь Маврикия[1], тоже побуждала его к этому. Визири сказали Хосрову: «Мы уже говорили тебе, что не держат христиане завет, и нет у них ни веры, ни совести, но не слушал ты нас. Если бы был у них завет и вера, не убили бы они царя своего! Мы посоветуем царю, какое дело совершить с ними, чтобы сокрушить их сердца, подорвать их опору и явить суетность их веры. Есть у них храм во Святом граде, который они прославляют — пойди и разрушь его! И когда будет разрушен тот храм, ослабнет их могущество и рухнет их царство!»

Отправил Хосров одного их своих военачальников по имени Хурузейх(?) к Святому граду, чтобы разрушить его. А другого военачальника отправил он на Египет и Александрию, чтобы искать римлян и убивать их. Сам же царь выступил на Константинополь и осаждал его четырнадцать лет[2].

Харуз пришел в Сирию, разорил ее и ограбил ее жителей. Он достиг Святого града и созвал иудеев из Тивериады, горы Самарийской, Назарета и окрестностей. Они пришли к нему и стали помогать персам разрушать церкви и убивать христиан.

Он взял Святой град и, обосновавшись в нем, разрушил церковь Гефсиманскую и церковь Элеонскую, по сию пору остающиеся в развалинах, разрушил церковь Константина, аль-Арканийун(?) и церковь Гроба Господня, и поджег он Святой Гроб и аль-Арканийун, и разрушил большую часть города. Иудеи вместе с персами переби-

званец, выдававший себя за Феодосия, уцелевшего сына Маврикия. Шах Хосров II использовал псевдо-Феодосия в своих целях, объявив себя мстителем за убиенного императора, отстаивающим права на трон его сына. См.: *Успенский.* История... С. 401; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996. 602–717 гг. Т. 3. С. 6–7.

[1] В 591 г. Маврикий помог Хосрову II вернуть трон, потерянный из-за мятежа иранской знати. В знак союза двух монархов Хосров взял в жены дочь Маврикия Марию. См.: *Успенский.* История... С. 393.

[2] Евтихий изображает противоборство двух империй в несколько фольклорном ключе. См. реальные обстоятельства военного конфликта, получившего у некоторых историков наименование «мировая война VII века»: *Успенский.* История... С. 401, 426–443; *Острогорский.* История... С. 131; *Кулаковский.* История... С. 8, 31–48, 55–100.

ли несчитанное множество христиан, и эти убитые лежат во Святом граде в месте, называемом Мамилла[1].

Персы пленили патриарха Святого града Захарию и многих с ним и ушли после пожаров, разрушений и убийств, и забрали Крестное Древо, которое установила там царица Елена. Часть его была унесена вместе с пленниками в персидскую землю. Мария, дочь Маврикия, попросила у Хосрова в дар Крестное Древо, патриарха Захарию и многих пленников, поселила их у себя в доме, и они оставались у нее[2].

Патриарх Захария умер в плену. После пленения Захарии оставил Хосров Святой град без патриарха на пятнадцать лет.

---

[1] У Евтихия произошел сбой хронологии событий. Взятие Иерусалима персами относится к 614 г., т. е. уже ко времени правления императора Ираклия, о вступлении которого на царство в 610 г. Евтихий пишет позже. Мамилла – бассейн вблизи Иерусалима, один из элементов системы водоснабжения города. В зимний сезон бассейн заполнялся дождевой водой. В момент взятия города персами был пересохшим, что позволило использовать его как «концентрационный лагерь» (выражение Д. Читти) для пленных жителей Иерусалима. Многие из них погибли там от скученности и жажды, другие были убиты. Повествование Евтихия отчасти дополняет главный источник по завоеванию Иерусалима персами в 614 г. – «Пленение Иерусалима» Антиоха Стратига. См. также: *Острогорский.* История... С. 144; *Читти Д.* Град Пустыня. СПб., 2007. С. 250–254; *Успенский.* История... С. 426–427; *Кулаковский.* История... С. 13–14, 35–37; ***Breydy M.*** Mamila ou Maqella? La prise de Jérusalem et ses conséquences (614 AD) selon la recension alexandrine des Annales d'Eutychès / Oriens Christianus. 1981. Bd. 65. S. 62–86). Как отмечалось в предисловии, новейшие археологические изыскания открыли ряд массовых захоронений жертв резни, в т. ч. около водоема Мамилла, но не выявили следов пожарищ и разрушений в Иерусалиме, связанных с персидским вторжением, за исключением признаков обрушения участка городской стены. Впрочем, в случае быстрого восстановления поврежденных зданий, археологических свидетельств катастрофы 614 г. могло и не остаться. См.: *Avni G.* The Persian Conquest of Jerusalem (614 c.e.) – An Archaeological Assessment // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2010. Vol. 357. P. 35–48. Вполне вероятно, что в случае поджога массивных каменных церквей выгорело их внутреннее убранство, потолочные перекрытия, обрушилась черепица кровли, но сами стены остались стоять, что и позволило местоблюстителю Иерусалимского престола Модесту в короткое время провести восстановительные работы (см. ниже).

[2] Об этом же сообщает Антиох Стратиг, однако в его изложении жена Хосрова была несторианкой (*Антиох Стратиг.* Пленение Иерусалима... С. 52).

[Патриархи времен Фоки. История Иоанна Милостивого]

В пятый год царствования Фоки патриархом в Константинополе стал Сергий. Он был маронитом и пребывал на патриаршестве двадцать два года[1].

Во второй год царствования Фоки патриархом в Александрии стал Феодор и оставался им два года до своей смерти.

В четвертый год царствования Фоки стал патриархом в Александрии Иоанн Милостивый и оставался им десять лет до своей смерти.

Воистину назывался он Милостивым. Говорят, что был он жителем Кипра и в пятнадцать лет увидел во сне прекрасную как солнце юную женщину. Рассказывал он: «Уколола она меня в бок, так что проснулся я, взглянул на нее и спросил: "Кто ты и как дерзнула войти ко мне в этот час?" А на голове ее был венок из оливы. Ответила она: "Я дочь Царя. Если сделаешь ты меня своей подругой, то введу тебя к Царю, ибо ни у кого нет такой свободы, как у меня[2]. Я привела Его на землю, ибо пришел Он на нее во мне, и воплотился, и спас людей!" Она исчезла, и воскликнул я: «Воистину это Всемилостивая!" Встал я тотчас и пошел в церковь. По дороге я встретил полунагого чужестранца — а была зима и сильный холод. Я снял свою накидку и отдал ему, а затем сказал про себя: "Теперь-то увижу, было ли мое видение истинным или от лукавого". И еще не добрался я до церкви, как настиг меня человек в белой, как снег, одежде, дал мне сто динариев (а в другой рукописи говорится, что тысячу динариев)[3] и сказал мне: "Возьми эти деньги и распорядись ими, как пожелаешь".

[1] Сергий, занимавший Константинопольский престол в 610–638 гг., был идеологом монофелитской доктрины – учения о том, что Христос, сохраняя две природы, божественную и человеческую, обладал только одной, божественной, волей. В нач. 630-х гг. император Ираклий сделал монофелитство официальным исповеданием, рассчитывая, что оно сможет примирить православных и монофизитов. (См.: *Острогорский.* История... С. 159–160). После осознания византийскими властями бесперспективности этих ожиданий монофелитская доктрина была отвергнута и осуждена на VI Вселенском Соборе 681 г. Однако часть ближневосточных христиан сохранила верность этому учению и оформилась в отдельную церковную организацию. Впоследствии сирийские приверженцы монофелитства получили название «мароните» по их духовному центру – монастырю св. Марона на Оронте. Определение Евтихием патриарха Сергия как «маронита» является анахронизмом.

[2] Вариант перевода: «ибо никто так не близок к нему, как я».

[3] Примечание Л. Шейхо, издателя хроники Евтихия 1906 г.

Повернулся я, чтобы вернуть их ему, но не увидел никого и сказал: "Воистину не привиделось мне это!"». И давал Иоанн Милостивый подаяние со всего, чем владел, и даже снимал одежду, которая была на нем, и давал милостыню ею, так что однажды отдал облачение, в котором совершал службу, из-за силы милосердия своего к нищим. И назвался он Иоанном Милостивым[1].

В шестой год царствования Фоки Феодор стал патриархом в Риме и оставался им три года до своей смерти.

Когда персы разрушили и сожгли церкви Святого града и ушли, был в монастыре ад-Давакис, который есть монастырь святого Феодосия, монах по имени Модест, бывший тогда настоятелем монастыря. Когда ушли персы, пошел он в Рамлу, Тивериаду, Тир и Дамаск просить христиан о милостыне на восстановление церквей во Святом граде, которые разрушили персы. И подали ему, и собрал он много денег, вернулся во Святой град и отстроил церковь Воскресения, и Гроба Господня, и Лобное Место, и церковь святого Константина, которая стоит по сей день[2].

Когда услышал Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, что Модест отстраивает разрушенные персами церкви, то отправил ему тысячу вьючных животных, тысячу мешков пшеницы, тысячу мешков хлопка, тысячу амфор анчоусов, тысячу амфор вина, тысячу ратлей[3] железа и тысячу работников.

Хурузейх же, разрушив Святой град, отправился в Египет и Александрию. Иоанн Милостивый, услышав, что персы уже подошли к Александрии, от страха бежал на Кипр вместе с правителем Александрии патрикием по имени Никита. По прибытии на Кипр, просил его Никита поехать вместе с ним в Константинополь к царю Фоке, чтобы поприветствовать его и попросить избавления от персов[4].

---

[1] Св. Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский (610–620) – знаковая фигура византийской церковной истории. См. о нем: *Луховницкий Л. В.* Иоанн V (III) Милостивый // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 501–503.

[2] См. о строительной активности Модеста, местоблюстителя Иерусалимского престола в 614–630 гг., впоследствии патриарха Святого града: *Зайцев Д. В.* Модест // ПЭ. 2017. Т. 46. С. 213–215; *Читти.* Град Пустыня. С. 254–256; *Кулаковский.* История... С. 38–39; *Беляев Л.А.* Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме // ПЭ. 2006. Т. 13. С. 128.

[3] Ратль – арабская мера веса, равная ок. 450 г. В греческом оригинале говорилось о тысяче литр железа (см.: *Луховницкий.* Иоанн V (III) Милостивый. С. 502).

[4] Евтихий в очередной раз путает хронологию событий. Само поставление Иоанна на патриаршество произошло уже после свержения Фоки в 610 г., и упо-

Во время морского пути увидел во сне Иоанн Милостивый, как некий служитель говорит ему: «Воистину Царь Небесный ближе к тебе, чем царь земной». Проснувшись, он сказал патрикию Никите: «Вернемся на Кипр, ибо воистину я умру!» И вернулись они на Кипр, и скончался Иоанн. Он пробыл на кафедре десять лет, а похоронен был в одной из деревень Кипра под названием Асатанта[1]. А после смерти Иоанна Милостивого оставалась Александрия семь лет без патриарха[2].

[Попытка погрома евреями христиан в городе Тир]

Когда осадил Хосров Константинополь, лишилась Сирия римских войск. В городе Тире было четыре тысячи евреев. И написали они к евреям во Святом граде и на Кипре, и к евреям в Дамаске, на горе Галилейской и в Тивериаде, чтобы собрались все они в ночь христианской Пасхи и перебили христиан в Тире, а потом поднялись во Святой град и перебили там всех христиан и завладели городом. Эта весть дошла до патрикия, пребывавшего в Тире, и до жителей города. Они взяли евреев Тира, заковали их в железо и заключили в темницу. Горожане закрыли ворота Тира и поставили на них баллисты и катапульты. Когда наступила ночь христианской Пасхи, собрались евреи из всех мест к Тиру, как было уговорено, и было их около двадцати тысяч человек. И дали им бой крепкий с высоты крепости. Евреи разрушили все церкви, которые были вне крепости Тира. И всякий раз, когда разрушали они церковь, выводили жители Тира заключенных у них евреев по сто человек, ставили их на стены, отрубали им головы и бросали эти головы за стены. И отрубили они головы двум тысячам евреев. Возопили евреи и побежали. Жители

мянутый здесь патрикий Никита как раз и был одним из лидеров восстания, которое привело к падению Фоки и воцарению Ираклия.

[1] Искаженное «Амафунт» – родной город Иоанна, где он скончался и был похоронен (*Луховницкий*. Иоанн V (III) Милостивый. С. 502).

[2] По наиболее распространенному мнению, персы вторглись в Египет в июне 619 г. Предлагаются, впрочем, и другие датировки. Так, Д. Читти относит завоевание Египта персами и бегство византийских властей к 617 г., а смерть патриарха датирует 11 ноября 617. (*Читти*. Град Пустыня. С. 257). Однако в научной литературе преобладает датировка 11 ноября 620 г. (реже 619) (*Луховницкий*. Иоанн V (III) Милостивый. С. 502). См. также о завоевании Египта персами: *Кулаковский*. История... С. 44–47.

Тира вышли и разбили их наголову, а те из них, кто остались, бежали в страны свои, посрамленные.

[Воцарение Ираклия]

Был в городе Фессалонике среди патрикиев города юноша по имени Ираклий. Взяли эти патрикии суда, погрузили на них ячмень, пшеницу и зерно, и отправили вместе с Ираклием в Константинополь в помощь горожанам во время осады. Когда прибыл Ираклий в Константинополь, обрадовались ему люди при виде пшеницы, ячменя и зерна. Ираклий был сильным юношей, добропорядочным, благоразумным, [ненавидящим] порок. Сказал Ираклий вельможам и военачальникам: «Воистину царь Фока плохой правитель. Он навлекает на римлян несчастье. С начала его правления и до сего дня, уже восемь лет, вы в осаде, а страна римлян, Египет и Сирия в страдании, так как персы завладели всеми странами и землями вашими. Кажется мне, что надо вам убить его и поставить себе царем другого». И ответили они ему на это согласием.

Ираклий напал на царя Фоку и убил его. Вельможи и военачальники собрались, чтобы выбрать из числа сынов царей того, кого поставить себе царем. И сказал им Ираклий: «Следует вам ставить себе царем того, у которого есть следующие качества: чтобы был он благочестив и знал дела веры, был проницателен, честен в речах, могуществен, красноречив, мягок в управлении и способен усмирить врага». И сказали они ему: «А кто у нас таков?» Ответил он им: «Обещайте мне, что если укажу вам его, вы поставите его царем над собой». Они дали ему обещание, и, получив его, он сказал: «Я — этот человек». И сделали они его царем над собой.

Воцарился Ираклий над римлянами, и было это в двадцать третий год царствования Хосрова Парвиза, сына Хормузда, царя персов[1].

[1] Евтихий представляет обретение власти Ираклием в 610 г. в своей традиционной беллетристической манере, весьма далекой от реального хода событий. Будущий император был сыном наместника Карфагена, поднявшего восстание против тирании Фоки. Ираклий командовал одним из отрядов восставших, который подошел на кораблях к Константинополю и сумел захватить столицу. См.: *Успенский.* История... С. 402; *Острогорский.* История... С. 131; *Кулаковский.* История... С. 15–16, 19–26.

КНИГА ИСТОРИИ, СОБРАННАЯ ПОСЛЕ СВЕРКИ И УТОЧНЕНИЯ, СОСТАВЛЕННАЯ ПАТРИАРХОМ ЕВТИХИЕМ, ПРОЗЫВАЕМЫМ САʻИДОМ ИБН БАТРИКОМ,

которую написал он для брата своего ʻИсы ради знания всех историй со времени Адама и до лет исламской хиджры[1]

Начало хиджры

В первый год царствования Ираклия, царя римлян, было бегство (*хиджра*) пророка в Медину в месяце раби'е. Он пробыл в ней изгнанником десять лет и выстроил минбар[2] в восьмой год[3].

От Диоклетиана до хиджры — триста тридцать восемь лет. А от Господа нашего Христа до хиджры — шестьсот четырнадцать лет. А от Александра до хиджры — девятьсот тридцать три года. А от Вавилонского пленения до хиджры — тысяча сто девяносто шесть лет. А от Давида до хиджры — тысяча шестьсот семьдесят три года. А от исхода сынов израилевых из Египта до хиджры — две тысячи двести семьдесят девять лет. А от Авраама до хиджры — две тысячи семьсот восемьдесят шесть лет. А от Фалека до хиджры — три тысячи триста двадцать семь лет. А от потопа до хиджры — три тысячи восемьсот пятьдесят восемь лет. А от Адама до хиджры — шесть тысяч сто четырнадцать лет[4].

---

[1] Здесь проходит главный композиционный рубеж повествования Евтихия – хиджра, начало арабо-мусульманской истории, сформировавшей тот мир, в котором жил автор. Этому соответствует структура публикации летописи Евтихия Л. Шейхо. Издание состоит из двух частей – тома VI и VII серии Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, где том VII начинается с описания событий после хиджры.

[2] Минбар – кафедра проповедника в мечети. Евтихий ошибается: строительство мечети в Медине относят к самому началу пребывания Мухаммада в этом городе.

[3] Евтихий допускает серьезную ошибку в датах: между вступлением на престол Ираклия (610) и хиджрой (переселением из Мекки в Йасриб) Мухаммада (622) прошло 12 лет.

[4] Евтихий пользуется т. н. Александрийской эрой (эра Анниана, хронологическая система, разработанная в 412 г.), насчитывавшей от Адама до Боговоплощения 5500 лет. Таким образом это летосчисление на восемь лет отличается от общераспространенной в Средневековье эры Дионисия Малого, считавшего, что от сотворения мира до Р. Х. прошло 5508 лет. Александрийская эра была довольно популярна у ряда восточнохристианских авторов VI–IX вв. Евтихий был одним из поздних ее приверженцев. См. об этой модели летосчисления: *Кузенков П. В.* Христианские хронологические системы: История летосчисления

После того как Ираклий овладел Константинополем, шесть лет он пребывал в жестокой осаде. Когда изнемогли от осады жители Константинополя и умерло множество их от голода, решили они открыть ворота Хосрову. Узнав об этом, Ираклий испугался, что откроют они город и предадут его Хосрову. Ираклий послал к Хосрову со словами: «Воистину, все, что ты хочешь получить от меня, я сам отдам тебе, только удались от меня». Хосров написал ему в ответ: «Если хочешь ты, чтобы я ушел, принеси мне в качестве выкупа за себя и свою страну тысячу кентинариев золота, тысячу кентинариев серебра, тысячу дев-наложниц, тысячу коней и тысячу шелковых одеяний. И такой выкуп ты должен будешь платить каждый год. Принеси мне немедля выкуп за этот год и поспеши с этим, не мешкая, чтобы я ушел».

Ираклий написал ему: «Воистину, я ответил бы милостивому царю согласием, на то, о чем он попросил, однако нет у меня в настоящее время столько богатства, сколько он запросил, потому что милостивый царь отрезал меня от всех моих провинций. Если пропустит он меня в мои провинции и позволит мне выйти и собрать деньги, то я принесу ему все, что он пожелал. Пусть он подождет шесть месяцев и даст мне объехать мои страны, чтобы собрать деньги, ибо слово его надежно». Хосров согласился с его просьбой.

После этого собрал Ираклий своих вельмож и военачальников и сказал им: «Я изъявил покорность Хосрову, чтобы усыпить бдительность его и его приближенных. Сам же я отправляюсь в землю персов, уповая, что Господь наш Иисус Христос даст мне победу над народом Персии и избавит нас от Хосрова и его приспешников! Если я задержусь и не вернусь через шесть месяцев, то постарайтесь обманывать Хосрова, улещать его и затягивать переговоры на целый год. Если же я и тогда не вернусь, то сделайте то, что сочтете нужным. Я назначаю моего брата Константина[1] наместником вам. Исполните то, что я вам сказал». Они приняли его слова и пожелали ему победы.

в святоотеческой и восточнохристианской традиции III–XV вв. М., 2015/7532. С. 240–255.

[1] Ошибка: Константин, оставшийся, наряду с патриархом Сергием и патрикием Воном, наместником Ираклия на время его отсутствия, был не братом, а сыном императора (*Успенский.* История... С. 430).

Ираклий отобрал из лучших военачальников войска константинопольского и воинов его около пяти тысяч человек и взял их с собой. Он взял суда, погрузил на них людей и коней и отбыл из Константинополя в Трапезунд. Там он высадился, собирал войска и делал распоряжения. Он призвал на помощь царя аль-Джарзан, заключил с ним союз и дал ему престол, на котором тот должен был сидеть на дворцовом совете. Он призвал на помощь царя аль-Анджаз, и дал ему венец, чтобы он надевал его, когда будет присутствовать на дворцовом совете. Он призвал на помощь царя ас-Санарии и дал ему в знак союза престол, на котором бы он сидел на дворцовом совете. С того времени царь ас-Санарии стал называться «царем престола»[1].

Ираклий направился в аль-Джабаль, Исфахан и в Мирд, город Шапура. Всякий раз, входя в город, он отдавал распоряжения войскам. Всякий раз, когда встречал он по дороге перса, будь то мужчина, женщина или ребенок, то отрубал ему голову. Когда же увидели жители города Шапура войска Ираклия, то сильно устрашились и укрепились, поставив на воротах метательные орудия и баллисты. Ираклий бился с ними много дней, захватил город и перебил всех мужчин, женщин и детей, что были в нем. Они рассекали чрева беременных, вынимали из них младенцев и разбивали о камни. Ираклий говорил при этом: «Я тот, о ком предвещал пророк Давид, говоря в псалме сто тридцать шестом: благословен тот, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень». Он сжег город и взял большой полон. Он увез денег и драгоценностей несчитано и разрушил всю Персидскую землю. Затем вернулся путем через Хелуан, Шаруз, аль-Бульдан, аль-Мадаин, Майафарикин и вышел к Тигру. Они перешли в Армению к реке Арсанас[2].

[1] Ираклий привлек на свою сторону ряд князей кавказских народов – грузин, лазов, авазгов. Этнонимы, употребляемые Евтихием, не всегда поддаются идентификации (*Успенский.* История... С. 432). В случае с этнотопонимом «аль-Анджаз» можно предположить ошибку переписчика, перепутавшего точки над графемами. Здесь следует видеть термин «аль-Абхаз», как арабы называли Западную Грузию, Лазику в византийской терминологии. «Аль-Джарзан (Джурзан)», соответственно, обозначает Иверию, Восточную Грузию. «Санария» может трактоваться как Картли. Благодарю Т. К. Кораева за консультации в данном вопросе.

[2] См. о походах Ираклия против персов в 622–628 гг.: *Острогорский.* История... С. 143–153; *Успенский.* История... С. 427–443; *Кулаковский.* История... С. 58–74, 88–100. В ходе своих кампаний византийский император отвоевал византийские города Феодосиополь, Амиду, Мартирополь, разорил Двин, Нахчаван, Гандзак, Партав, Ниневию, резиденцию Хосрова Дастагерд.

Среди пленников был сын Хосрова по имени Кавад, прозываемый Шируйе, который был сыном Марии, дочери царя Маврикия, из-за которого произошли все эти войны. Когда достиг Ираклий Майафарикина, то призвал Кавада, сына Хосрова, обрил ему голову и бороду и написал письмо, с которым отправил его на осле к отцу его, Хосрову. И написал он в нем следующее: «От раба Христова Ираклия Победителя к Хосрову — презренному, смущенному и побежденному. Я уже собрал для тебя выкуп за себя и свою страну, какой смог, а именно — головы персов. Я отправляю тебе их, и в тот час, когда ты прочитаешь это письмо, пошли того, кто заберет их для тебя. Привет тебе!»

Когда добрался Кавад до своего отца Хосрова, увидел тот, что голова и борода его обриты, а сидит он на оседланном осле. Спросил Хосров: «С чем ты пришел?» Ответил ему сын: «Ираклий разрушил все города в земле Персидской и перебил мужчин, женщин и детей. И царский город он разрушил, сжег и перебил всех, кто там был. Он увел огромный полон и увез денег и драгоценностей, сколько не описать. А вот письмо его».

Прочитав письмо Ираклия, Хосров сильно скорбел, и скорбели его приближенные и плакали по своим родным и детям. Хосров собрал своих вельмож и военачальников и сказал им: «Что думаете вы? Наши родные и наши дети убиты, наши дома разрушены!». Военачальники и вельможи сказали: «Нет нам никакой пользы от того, что сидим здесь. Лучше пойдем и узнаем о дороге, по которой пошел Ираклий, и настигнем его». Хосров снял осаду Константинополя и отправился искать Ираклия[1].

[1] Евтихий несколько искажает ход событий. В частности, Хосров не принимал участия в военных походах, а пребывал в эти годы в Месопотамии, сердце своих владений. Возможно, Евтихию или авторам источников, на которые он опирался, более импонировало изображение войны империй как личного противоборства двух царей, стоявших во главе своих войск. Под рекой Арсанас, возможно, подразумевается Аракс – именно по долине Аракса Ираклий осенью 627 г. начал свой последний поход вглубь иранских владений. Персидский полководец Разад, не сумев остановить противника, шел за ним следом и в декабре вступил в сражение с Ираклием на берегах Тигра близ нынешнего Мосула. Разад пал в битве, войско его было разгромлено, а ромейское войско вторглось в Месопотамию и захватило полную сокровищ загородную резиденцию Хосрова Дастагерд. Не решившись штурмовать сасанидскую столицу Ктесифон и опасаясь иранских войск, еще находившихся в Малой Азии, в тылу у византийцев, Ираклий в конце зимы 628 г. отошел на север, в район Гандзака. См.: *Успенский.* История... С. 439–441; *Острогорский.* История... С. 152–153.

Когда он шел, ему сообщили, что Ираклий двигается дорогой по ту сторону Тигра и неизбежно будет переправляться через реку Арсанас. Приближенные Хосрова сказали: «Поторопимся, чтобы застать его на переправе и не дать ему возможность перейти реку. Да будет так, чтобы Бог дал нам восторжествовать над ним, освободить полон и вернуть все, что он захватил, ибо он уничтожил персидских мужей и попрал их честь». Достигнув реки Арсанас, Хосров остановился у брода, ожидая Ираклия. Ираклий же, приблизившись к реке на расстояние дня пути, узнал, что Хосров стоит у брода и ждет его. Тогда он оставил войско и обоз, и с некоторыми своими воинами, набрав с собой соломы и навоза вьючных животных, прошел вверх против течения на расстояние дня пути, и там побросал в реку солому и навоз. Вода понесла это и донесла до Хосрова и его воинов. Когда Хосров и его воины увидели в реке солому и навоз, то подумали, что Ираклий уже перешел реку выше по течению в другом месте. Они оставили брод и отправились искать место, где переправился Ираклий.

Ираклий же вернулся к своим войскам. Ему сообщили, что Хосров и его войско ушли от брода и поднялись выше по течению. Тогда Ираклий переправился через реку и шел, пока не достиг Трапезунда. Там он сел на суда и приплыл в Константинополь. Народ встретил его с радостью и ликованием. Семь дней они ели, пили и веселились.

Хосров узнал, что Ираклий прошел к броду и переправился, а солома и навоз в реке были его уловкой и хитростью. Хосров дошел до своего города и увидел его разрушенным, и не было в нем ни ребенка, ни призывающего, ни отвечающего. Царство персов ослабело с того дня, а было это в седьмой год царствования Ираклия, а это седьмой год хиджры[1].

Во второй год царствования Ираклия Бонифаций стал патриархом в Риме и оставался им пять лет до смерти.

[1] Опустошительное вторжение ромеев резко ухудшило ситуацию в государстве Сасанидов, и массовое недовольство правлением Хосрова вылилось в свержение и убийство шаха (февраль 628 г.). Его сын Шируйе пошел на заключение мира с ромеями на условиях возвращения к довоенным границам. Политический кризис, начавшийся в Иране, привел к целой череде свержений и убийств сменявших друг друга царей, что крайне облегчило положение истощенной войной Византии (см.: *Успенский.* История... С. 441–443; *Кулаковский.* История... С. 100–109). Евтихий относительно правильно датирует происходящее 7-м годом хиджры (629/630), но это никак не соответствует 7-му году правления Ираклия, взошедшего на престол в 610 г.

В девятый год царствования Ираклия, а это девятый год хиджры, Ираклий выступил из Константинополя, направляясь в Святой град, чтобы увидеть, что разрушили в нем персы[1]. Когда он достиг Хомса, жители не приняли его, сказав: «Ты маронит, отступник от нашей веры». Он оставил их и пошел в монастырь Марона. Монахи, что были там, вышли к нему и приняли его. Ираклий, будучи маронитом, дал им много денег, даровал монастырю села и укрепил его положение, а затем выступил в Дамаск. В Дамаске был человек по имени Мансур, сын Сергоны, управляющий налогами, родственник царя Маврикия. Ираклий потребовал с него податей за все те годы, что пребывали римляне осажденными в Константинополе. Ираклий напомнил ему, что он посылал налоги Дамаска Хосрову. Царь требовал с него денег беспощадно, прибегая к побоям и тюремному заключению, пока не получил сто тысяч динаров, а затем вновь утвердил его в должности. Мансур затаил гнев на Ираклия.

Затем Ираклий направился в Святой град. Когда он достиг Тивериады, иудеи, жившие в Тивериаде, а также на горе Галилейской, в Назарете и во всех селениях того края, вышли к нему, приняли его с дарами и воззвали к нему, чтобы он даровал им безопасность. Ираклий письменно пообещал им это.

Когда же Ираклий достиг Святого града, встретили его курильницами и фимиамом монахи лавры и жители Святого града, и с ними Модест. А когда он вступил в город, увидел то, что разрушили и сожгли персы, и сильно опечалился. А затем посмотрел на то, как отстроил Модест церковь Воскресения, Лобное Место и церковь св. Константина, и обрадовался, и благодарил Модеста. Монахи и жители Святого града сказали Ираклию: «Иудеи, которые живут вокруг Святого града и на горе Галилейской, в то время как пришли персы, были с ними заодно и помогали им. Именно они убивали христиан больше, чем персы, разрушали и сжигали церкви». Ему показали убитых, которые лежали в Мамилле[2], и сообщили о том избиении христиан и разрушении церквей, которое учинили иудеи в Тире.

Ираклий спросил: «Чего же вы хотите?» Они ответили ему: «Сделай нам радость и уничтожь всякого иудея вокруг Святого града и на горе Галилейской, потому что мы уверены, что если придут какие-

[1] Вступление Ираклия в Иерусалим произошло 21 марта 630 г. См. о возвращении Креста Господня в Иерусалим: *Кулаковский*. История... С. 111–115.

[2] См. прим. 1 на с. 61.

нибудь враги, то иудеи станут помогать им против нас так же, как помогали персам». Ираклий сказал им: «Как я могу истребить их, когда пообещал им безопасность и утвердил это грамотой? Ведь вы знаете, что будет с тем, кто нарушит договор! Если я нарушу договор и преступлю клятву, это станет для меня позором, и дурная слава пойдет обо мне. Если я не буду верен слову, если напишу для неиудея какой-нибудь договор, который он от меня примет, и не исполню его, то буду лжецом и предателем, которому не будет веры от людей, потому что будет на мне грех великий и прегрешение перед Господом нашим Христом за убийство людей, которым я дал клятву и написал им об этом договор». Они сказали ему: «Воистину Господь наш Христос ведает, что если ты перебьешь их, то простятся твои грехи, и очистишься ты от прегрешений. И люди простят тебя, потому что когда ты пообещал иудеям безопасность, ты не знал о том, что *они сотворили*, как перебили христиан и разрушили церкви. Они вышли к тебе и поднесли дары, обманывая тебя, и проклятие будет на них из-за того, что они скрыли происшедшее. Убиение их будет твоей жертвой Богу. А мы примем на себя этот грех и искупим его за тебя. Просим мы Господа нашего Иисуса Христа, чтобы не наказывал Он тебя за него. А мы с Сырной недели, которая накануне Великого поста, устроим чистый пост и в течение всего Великого поста будем поститься ради тебя, а во время Сырной недели будем воздерживаться от вкушения яиц и сыра, покуда стоит христианство (ведь православные воздерживались в эту неделю от вкушения мяса, но ели яйца, сыр и рыбу согласно разъяснению Устава святого Мар Саввы).

Они сказали ему: «Мы будем поститься ради тебя и воздержимся на время этой недели от всего скоромного. Составим соответствующий канон, подкрепленный запретами и проклятиями, чтобы никогда не изменялся этот порядок, и напишем об этом во все концы как отпущение за то, что просим мы тебя сделать». Ираклий согласился с ними на этом и перебил несчетное количество иудеев близ Иерусалима и горы Галилейской, сколько смог. А некоторые из них спрятались, бежали в пустыни, в оазисы, в горы и в Египет.

Иерусалимцы сделали первую неделю поста, в который воздерживаются православные-мелькиты только от вкушения мяса, полным постом. Они постились ради царя Ираклия, чтобы простилось ему нарушение договора и избиение иудеев, и воздерживаются они во время ее от вкушения яиц, сыра и рыбы. Они написали об

этом послания во все концы земли. Народ Египта, копты, до сих пор соблюдают этот пост. Сирийцы же, римляне и православные-мелькиты после смерти Ираклия вновь стали есть в эту неделю яйца, сыр и рыбу. Они также постятся на той неделе в среду и в пятницу до девятого часа, а затем едят яйца, сыр и рыбу согласно канону, установленному святым Никифором, патриархом Константинопольским, мучеником и исповедником, как это явствует из Типикона Церкви[1]: православные едят в эту неделю яйца и сыр даже в среду и пятницу. Однако в эти два дня, среду и пятницу, постятся они до девятого часа. Этот канон направлен против тех, кто постится за царя-маронита Ираклия, — да убережет нас Бог от их злых деяний! — ибо они ввели пост ради сотворенного человека, тем более что этот царь умер маронитом[2].

Но вернемся к повествованию. Ираклий сделал монаха Модеста, который был настоятелем монастыря ад-Дукус, патриархом Иерусалимским и приказал ему явиться к себе в Дамаск, чтобы получить пожалование из казны Дамаска. Он отпустил ему денег их налоговых сборов Палестины, чтобы он отстроил все церкви в Иерусалиме, которые разрушили персы. Ираклий вернулся из Иерусалима в Дамаск и оставался там, требуя у Мансура выплаты денег. Модест пребывал патриархом девять месяцев, до своей смерти. После этого престол Иерусалима оставался шесть лет без патриарха[3].

[1] Никифор I – патриарх Константинопольский в 806–815 гг. Упоминание законоположений этого патриарха является одним из признаков поздней редакции пассажа об Ираклиевом посте (см. след. прим.). Сам Евтихий не знал имен константинопольских первосвятителей, живших после сер. VIII в.

[2] См. о вопросе установления и позднейшей отмены поста на Сырной седмице: *Макарий Синаит.* О посте на сырной седмице / Пер., комм. свящ. А. Трейгера // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2017. Вып. 53. С. 103–134. Летопись Евтихия дошла до нас в двух редакциях: т. н. александрийской, видимо, оригинальной, принадлежавшей самому Евтихию, и более поздней антиохийской, переработанной с учетом византийских канонических представлений. Публикация Л. Шейхо воспроизводит именно эту позднюю «византинизированную» версию, утверждающую, что православные уже отказались от Ираклиева поста, хотя по другим источникам можно заключить, что во времена Евтихия этот пост еще соблюдался мелькитами и начал постепенно выходить из обрядовой практики лишь с рубежа X–XI вв. (Там же. С. 107–109).

[3] См. о Модесте прим. 2 на с. 63. Прежний Иерусалимский патриарх Захария умер в персидском плену. Модест был возведен на патриаршество почти сразу по прибытии Ираклия в город и умер в том же или в следующем 631 г. (*Зайцев.* Модест. С. 214).

В одиннадцатый год царствования Ираклия упокоился Мухаммад, сын ʻАбдаллаха, пророк мусульман, во вторник во вторую ночь, что осталась от месяца раби‘а I в одиннадцатый год хиджры[1]. Он был похоронен в своем доме, в котором упокоился, а это дом Айши. Его болезнь длилась тринадцать дней, после чего он умер. Он достиг возраста шестьдесят три года. Он не оставил ребенка кроме Фатимы, которая умерла через сорок дней после него, также говорят, что через семьдесят дней. И было это в халифат Абу Бакра.

Агапий Манбиджский. Хроника (фрагмент)

(Перевод, предисловие и комментарии Т. К. Кораева)

Агапий Манбиджский, известный также под своим арабским именем Махбуб ибн Кустантын аль-Манбиджи[2], жил в первой половине X в., то есть был современником Евтихия Александрийского, и занимал епископский престол в Манбидже[3], на севере Сирии. Помимо этого, почти все, что о нем знает наука, основано на его «Летописи» (*Kitāb at-tārīḫ*), за которой, в результате ошибки переписчиков, закрепилось название «Заглавная книга», «Книга заглавия»[4] (*Kitāb al-ʻunwān*). Это одно из первых хроникальных сочинений, появившихся в арабо-христианской среде. Повествование в ней ведется от сотворения мира и, как предполагается, до 941/2 г. н. э., хотя в самом полном из имеющихся списков (т. н. флорентийском) оно обрывается на 160 г. хиджры (втором году правления аббасидского халифа аль-Махди, то есть 776/7 г. н. э.) и царствовании византийского императора Льва IV Хазара (775–780).

[1] Кончина Мухаммада датируется мусульманскими историками по-разному, с разбросом в 10–12 дней, но наиболее достоверна дата 12 раби‘а I 11 г. хиджры, что соответствует 8 июня 632 г. (*Большаков О. Г.* История халифата. М., 1989. Т. 1. С. 186).

[2] См. подробнее о нем: GCAL. Bd. 2. S. 39–40; HMLEM. Vol. 2. T. 2. P. 50–52; *Панченко К. А.* Агапий Манбиджский // ПЭ. 2000. Т. 1. С. 221; *Swanson M. N.* Maḥbūb ibn Quṣanṭīn al-Manbijī // CMR. Vol. 2. P. 241–245.

[3] Греческие названия – Бамбика, Иераполь; сирийское название – Маббуг.

[4] Встречается также перевод «Книга титулов».

Хроника делится на две части – до и после земной жизни Иисуса Христа и правления Октавиана Августа. Как своего рода краткая энциклопедия, она включает сведения по географии (отталкивающиеся от птолемеевского деления Земли на климаты) и прочим областям знаний. Наиболее видное место отведено материалам по Сирии, в чем отчетливо проявляется региональный патриотизм автора.

Первая часть хроники содержит не всегда последовательный пересказ ветхозаветных событий (особо подробный в случае с Моисеевым Пятикнижием), который местами прерывают перечни персидских царей и египетских Птолемеев, эпизоды из римской истории и жизнеописания Александра Великого, хронологические расчеты и выкладки. Здесь даже упоминаются Зевс и Геракл в связи с объяснением возникновения язычества на примере эллинской мифологии. Будучи особо озабочен надежностью библейской хронологии, Агапий, полагаясь всецело на ее извод в Септуагинте, высказывал недоверие древнееврейскому и сирийскому изводам, как «сокращенным и испорченным». Эта часть книги опирается на сироязычных (Бардесана) и, по преимуществу, грекоязычных авторов (Иосифа Флавия, Юлия Африкана и Папия Иерапольского), хотя «Церковной историей» Евсевия Кесарийского Агапий, по всей видимости, пользовался не непосредственно, а в извлечениях.

Вторая часть хроники, сохранившаяся только во флорентийском списке, повествует о событиях, описанных в Новом Завете и раннем церковном предании, а также вкратце о римско-византийской и иранской державах, и передает историю Вселенских Соборов. Апокрифический элемент представлен пророчеством о конце времен, которое автор (или его авторитеты) влагает в уста архангелу Гавриилу. Сжатое изложение становится более подробным с начала VII в., когда светская история вытесняет церковную, а события в халифате отодвигают на второй план византийскую тематику. Эта часть книги зависит прежде всего от сирийских первоисточников – анонимной хроники середины VIII в. и трудов маронита Феофила Эдесского († 785), через которого Агапий, возможно, познакомился и с мусульманской традицией; задействованы также списки восточных митрополитов. Однако многие его источники по-прежнему неизвестны (как, в частности, происхождение приведенной у него оригинальной версии столь же знаменитого, сколь и спорного *Testimonium Flavianum* – свидетельства из 3-го параграфа III главы 18-й книги «Иудейских

древностей» Иосифа Флавия об учении и казни Иисуса)[1]. Так, ряд уникальных сведений содержит финальный отрезок «Летописи».

Агапия Манбиджского охотно цитировали позднейшие писатели – как сиро-христианские (например, яковиты Михаил Великий, который в XII в. воспользовался его данными, извлеченными из трудов Бардесана, и Бар 'Эвройо в XIII в.), так и арабо-мусульманские (например, аль-Мас'уди в X в.). В арабо-христианской среде хроника имела широкое хождение вплоть до XIX в. (ее материалы активно привлекал, в частности, копто-арабский летописец XIII в. аль-Макин Старший).

Об Агапии и его труде науке Нового времени стало впервые известно в XVII в. по цитатам в пользовавшейся популярностью у первых поколений европейских ориенталистов хронике аль-Макина (отсюда его упоминания у И. Г. Хоттингера и Э. Ренодо). В XVIII в. первое (неточное) описание главной рукописи из библиотеки Медичи (Лауренциана) во Флоренции дал С. Э. Ассемани[2]. Пионером в научно-академическом изучении хроники был выдающийся русский ученый-арабист В. Р. Розен, работавший с рукописью из Лауренцианы в 1881–1883 гг. и посвятивший ей специальную статью[3], в которой он не только скорректировал данные предшественников, но и тщательно собрал крайне немногочисленные свидетельства об авторе. В 1904 г. ученик Розена А. А. Васильев опубликовал об Агапии статью[4], которая послужила своеобразным прологом к предпринятому им в 1910–1915 гг. изданию хроники в серии «Patrologia Orientalis» с параллельным французским переводом[5]. Почти одновременно видный ливанский арабист-иезуит Л. Шейхо опубликовал летопись с латинскими комментариями в другой авторитетной серии «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium», задействовав для первой части рукописи, отличные от тех, которыми пользовался

[1] См.: *Pines Sh.* An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and Its Implications. Jerusalem, 1971.

[2] См.: *Assemani S. E.* Bibliothecae Mediceae Laurentianae et Palatinae codicum manuscriptorum orientalium catalogus. Florentiae, 1742. P. 213 (MS. CXXXII).

[3] См.: *Розен В. Р.* Заметки о летописи Агапия Манбиджского // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 1 (Янв.). С. 47–75.

[4] См.: *Васильев А. А.* Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века // ВВ. 1904. Т. 11. Вып. 3–4. С. 574–587.

[5] См.: Kitab al-'unvan: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd., trad. A. Vasiliev. Paris, 1910–1915. 2 pt. in 4. (PO; T. 5. Fasc. 4; T. 7. Fasc. 4; T. 8. Fasc. 3; T. 11. Fasc. 1).

А. Васильев[1]. Пионерами исследования частных аспектов хроники были еще в 1910–1920-е гг. Й. Линдер[2] и Б. Ванденхофф[3], а в дальнейшем ее интенсивно осваивала западная арабистика. На русском языке после фрагментарного перевода-пересказа Розена публиковались только отдельные отрывки хроники, связанные с теми или иными аспектами церковной или светской истории[4].

Предлагаемый перевод представляет фрагмент хроники, освещающий драматический период 590–670-х гг. (от начала царствования последнего великого Сасанида Хосрова II Парвиза и до утверждения в халифате династии Омейядов). Он включает события ирано-византийской войны 602–628 гг., первой волны арабских завоеваний и установления гегемонии ислама на большей части Западной Азии.

Перевод[5]

Когда прибыли войска к Хосрову[6], сыну Хормузда, и до его сведения было доведено письмо царя, и когда он получил деньги, то пошел на врага. Когда до Бахрама дошло, что Хосров бежал к ромеям, то он пошел в Селевкию-на-Тигре[7], взял деньги из сокровищниц, оружие и всякое достояние и сжег город дотла, разрушил дворцы Хосрова

[1] См.: *Agapius, episcopus Mabbugensis.* Historia universalis / Ed. L. Cheikho. Beryti, 1912. (CSCO. Ser. 3; 5).

[2] См.: *Linder J.* Papias und die Perikope von der Ehebrecherin (Joh 7:53–8:11) bei Agapius von Mambig // Zeitschrift für katholische Theologie. 1916. Bd. 40. S. 191–199.

[3] См.: *Vandenhoff B.* Über die in der Weltgeschichte des Agapius von Menbig erwähnten Sonnenfinsternisse // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. 1917. Bd. 71. S. 299–312; 1918. Bd. 72. S. 157–160.

[4] См., например: Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подгот. текстов и пер.: Л. Е. Куббель, В. В. Матвеев. М.; Л., 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. С. 123–132; *Деревенский Б. Г.* Агапий Манбиджский. Книга титулов II // Иисус Христос в документах истории. СПб., 2001. С. 58–59, 421–423, 443–445.

[5] Комментированный перевод выполнен Т. К. Кораевым по изданию: Kitab al-'unvan: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd., trad. A. Vasiliev. Paris, 1912. Pt. 2 (2). P. 186–234. (PO; T. 8. Fasc. 3).

[6] Сасанидский шах Хосров II (591–628) в начале своего правления был свергнут с престола в результате выступления знати во главе с Бахрамом Чубином. Шах бежал в Византию, где получил от императора Маврикия (580–602) помощь деньгами и войсками. Опираясь на византийскую поддержку, Хосров сумел вернуть трон.

[7] Агапий использует название городской агломерации, в которую входила сасанидская столица Ктесифон.

и приготовился к войне. Хосров, сын Хормузда, выступил против него с ромейскими войсками и сошелся с ним между Ктесифоном и Васитом[1]. Бахрам потерпел поражение, были перебиты все его приверженцы, и отданы на разграбление его имущество и его лагеря. Хосров вернулся в свое государство и воссел на трон, и все люди присягнули ему.

Когда он немного отдохнул, то призвал ромеев, хорошо их вознаградил и отослал к их государю, и послал Маврикию, царю ромеев, вдвое больше имущества и драгоценностей против того, что тот ему дал. Потом он приказал возвратить Дару ромеям, спустя семнадцать лет по ее завоевании персами, а также Мартирополь, и переселил бывших там персов, и оставил у себя отряд ромеев, которому он доверил охрану своей сокровищницы. Он повелел построить два храма для христиан, один в Ктесифоне во имя Богоматери Марии, а другой во имя святого Сергия мученика, и призвал Анастасия, патриарха Антиохийского, и тот освятил их и рукоположил в них священников и многих диаконов. Хосров хорошо его вознаградил, и он – я разумею Анастасия – удалился. И было это в конце 902 г. от Двурогого[2] [590 г. н. э.].

В этом же году случился большой мор на людей. Потом появилась у них сильная чесотка, а в следующем году, то есть в 903-м от Двурогого [591 г. н. э.], затмилось солнце в месяце азаре [марте] в полдень, и в этот же самый день сотряслась земля и содрогнулась. И в четырнадцатом году Маврикия случилась сильная жара, так что сожгла деревья, виноградники, лозы и всю зелень. В шестнадцатом году его царствования шел сильный дождь, так что затопило многие города с их жителями и скотом. Потом явилось никогда не виданное множество саранчи. Она целый год этот не переставала пожирать и уничтожать. В семнадцатом году его царствования случилось сильное землетрясение и выпало много снегу.

В конце двадцатого года Маврикия собрались вельможи ромейские и патрикии в городе Ираклия, и с ними был один муж из патрикиев, по имени Фока, которого они захотели сделать царем над

[1] Здесь анахронизм: Васит будет основан только после арабских завоеваний и распространения ислама, по соседству с важным восточносирийским центром Кашкар, который, по-видимому, и подразумевается в данном эпизоде.

[2] Летосчисление дается по селевкидской эре («летосчисление от Александра», носившего в ближневосточной традиции наименование «Двурогий»), точкой отсчета в которой служит вступление одного из диадохов македонского царя, Селевка, в Вавилон (311 г. до н. э.).

собою. А прежде того они намеревались поставить царем над собою Петра, брата Маврикия, потому что Маврикий после заключения мира с персами урезал жалованье армии и вычеркнул их из списков получающих выплаты. Они сказали Петру, брату Маврикия, что они хотят его поставить царем над собою, и он убежал от них и прошел в Константинополь.

Затем бежал Маврикий в Халкидон, но ромеи догнали его, а на нем было рубище, как у нищих. Они убили его и его сыновей, и тех, кто был с ним в согласии, и поставили над собою царем Фоку. Фока царствовал восемь лет с 914 г. от Двурогого [602/3 г. н. э.], и не был он из царского дома.

Когда дошла до Хосрова весть об убийстве Маврикия, он нарушил договор, бывший между ним и ромеями, расторг мир, что был между ними, совершил поход на Дару и взял ее.

В восьмом году Фоки явилось на небе знамение наподобие великой блистающей звезды, и от нее исходили лучи, подобные крови, которые охватили большую часть небосвода и воздуха. И продолжалось это от тишрина I до нисана [от октября до апреля].

В этом же году случилось в Сирийских краях великое бедствие. Иудеи, которые жили там и в Месопотамии, вознамерились убить христиан во всяком селении и разрушить их церкви. И пока они еще собирались это делать, на них донесли властям. Христиане накинулись на них и многих из них убили. И когда Фока узнал об этом, то он разгневался на христиан и отяготил их поземельным налогом в Антиохии, Лаодикии и в прочих Сирийских краях и Месопотамии.

В этом же году персы совершили поход на Амид и завоевали его. Потом они повернули к Киннасрину и вернулись в Эдессу.

В этом же году вышли против Фоки, царя ромеев, два бунтовщика в Африке[1]: один из них Ираклий, а другой Григорий[2]. Они направили войска во главе с двумя мужами из их приверженцев и приказали им, имею в виду Ираклию, сыну Ираклия, и Никите, сыну Григория, чтоб они убили Фоку, и договорились они между собою так, что царство будет принадлежать тому, кто раньше дойдет до Константинополя и убьет Фоку. Ираклий, сын Ираклия, отплыл морем, и было

[1] Имеется в виду Африканский экзархат Византийской империи, территория которого примерно соответствовала современным Тунису и частично Алжиру и Ливии (античная Африка Проконсульская).

[2] Речь идет об Ираклии Старшем и Григории, соответственно отце и дяде Ираклия Младшего, будущего императора.

оно тихим и спокойным, а Никита пошел сухим путем. Ираклий опередил Никиту, вошел в город и убил Фоку. Ираклий царствовал тридцать один год и пять месяцев с 922 г. от Двурогого [610 г. н. э.].

В первом году своего царствования он отправил посольство к царю персов, чтобы заключить с ним мир, но тот не ответил. Когда дошло до персов, что воцарился Ираклий, они совершили поход на Антиохию, убили ее патриарха и угнали в плен ее жителей.

Потом Никита, сын Григория, пошел в Александрию и овладел ею.

Персы совершили поход на ромеев и завоевали Антиохию. Затем они повернули к Апамее и завоевали и ее. Потом они пошли в Эмесу и взяли ее, и было все это в тишрине I [октябре]. Ромеи собрались и сразились с ними при реке Галисе, и были ромеи обращены в бегство, и утонули многие из них в реке. И завоевали персы Кесарию[1].

В этом же году случился у ромеев сильный голод, так что люди ели падаль и шкуры животных.

Потом Никита, сын Григория, выступил против того марзбана[2], имя же ему Касруан, который завоевал все эти города, столкнулся с ним и разбил его, и было убито с обеих сторон двадцать тысяч мужей.

В этом же году явилось множество саранчи.

В четвертом году Ираклия воцарились арабы, он завладел Александрией, и с тех пор, как он воцарился, до тех пор, когда воцарились арабы в 935 г. от Двурогого [623 г. н. э.][3].

В пятом году Ираклия вышли персы из Кесарии, совершили поход на Иерусалим и взяли его. В восьмом году Ираклия персы завоевали Александрию и все, что вокруг нее, и дошли до Нубии. Они совершили поход на Халкидон и завоевали его.

В десятом году Ираклия арабы пришли в движение в Йасрибе в 931 г. от Двурогого [619 г. н. э.].

И в пятнадцатом году персы совершили поход на Родос и покорили его.

И в этом году Хосров, сын Хормузда, повелел, чтобы был взят мрамор из церквей во всех городах, которые он завоевал, и до-

[1] Под Кесарией у Агапия подразумевается почти всегда Кесария Палестинская, а не Каппадокийская.

[2] Марзбан (приграничный страж) – управитель пограничной области в Сасанидском Иране. Арабские авторы используют данный термин для обозначения иранского наместника любой области, безотносительно к ее географическому положению. У арабо-христианских хронистов термин выступал эквивалентом греч. σατράπης (сатрап, наместник персидского царя, правитель области).

[3] Фраза, очевидно, повреждена.

ставлен в Мада'ин и Махузу. Было это тяжким бременем для людей и животных.

И в этом же году Ираклий совершил поход на персов, и завоевал город Хосрова, и угнал в полон великое множество народа, и удалился; спустя три года после этого, то есть в семнадцатом году Ираклия, он заключил с персами мир.

В это время затмилось солнце и продержалось затмение его с тишрина I до хазирана [октябрь-июнь], а это девять месяцев. И была половина его диска затемнена, а другая половина незатемнена, и являлась только незначительная доля его света.

В восемнадцатом году царя Ираклия был убит Хосров, сын Хормузда, царь персов, после того как он царствовал тридцать восемь лет. Потом воцарился после него Кавад, сын его, и заключил мир с ромеями и возвратил им города, которые завоевал его отец. В девятнадцатом году Ираклия умер Кавад, сын Хосрова, после того как царствовал один год, и воцарился после него Ардашир, его сын. Потом убил его Шахрбараз. Это тот самый марзбан, который совершал все эти завоевания. И заключил он мир с ромеями и возвратил им те города, которые он и другие покорили, до Дары, что выше Нисибина.

И в этом же году явилась на небе звезда хвостатая со стороны запада.

Потом Ираклий приказал ромеям, чтобы они очистили землю персов и пошли в страны ромеев, так как ромеи и персы примирились. А Шахрбараз приказал всем персам, чтоб они вернулись в свои страны, каждый к своей стране и родне, и чтобы уже не разоряли землю. Но они не приняли его речей. В конце двадцатого года Ираклия персы пошли в поход на Евфрат, и взял Шахрбараз многие войска ромеев, и были убиты многие военачальники персов и их последователи.

В двадцать первом году Ираклия скончался Шахрбараз, который одолел персов, и воцарилась Буран, дочь его. Она заключила мир с ромеями и потом умерла. Вместо нее воцарилась ее сестра.

В этом году распространилась весть об арабах и напугала многих у ромеев и в Фарсе.

В двадцать втором году Ираклия ромеи столкнулись с арабами при Йармуке[1], и убили арабы столько народу из ромеев, что образо-

[1] Датировка Агапия ошибочна. Решающее сражение с византийцами при Йармуке, обеспечившее арабам контроль над Сирией, произошло в августе 636 г.

вался мост, по которому проходили. И было это в 943 г. от Двурогого [631 г. н. э.].

Был управителем дел их Абу Бакр 'Атик ибн Аби Кухафа, и пребывал он в Йасрибе, в земле Фарус (или Карус?). Он направил войска от горизонта до горизонта под началом четырех людей. Одного – в землю Персидскую, другого – на Халеб и Дамаск. Один из ромейских патрикиев по имени Сергий, который был правителем Кесарии, сразился с ними, но они разбили его и перебили его приверженцев.

В этом году случилось великое землетрясение, и явилось на небе знамение, именно огненный столб, и стал он двигаться с восточной стороны на западную и с полночного края на полуденный, а затем растворился.

Ираклий направил своего брата – он был в Эдессе – против арабов, а тот побоялся их. Ираклий устремился к Константинополю, разбил стан в Сирийских краях и послал войска на арабов, и разбили их арабы и разграбили их лагеря.

В этом же году двинулся 'Умар ибн аль-Хаттаб в Сирию и прибыл в Иерусалим. Вышел к нему патриарх и ввел его в город, и он осмотрел его и Дом[1], который находится там, и молился в нем. Он пребывал в Иерусалиме безвыездно сорок дней, потом оставил его и пошел в Дамаск, и пробыл там долгое время, затем вернулся в Йасриб.

И скончался Ираклий, царь ромеев, процарствовав тридцать один год и пять месяцев.

И в этом же году завоевали арабы город Кесарию и Палестину.

Потом царствовал Константин, сын Ираклия, четыре месяца в 953 году от Двурогого, и был убит [641 г. н. э.]. И царствовали Ираклий, сын Ираклия, и его сын вместе с ним восемь месяцев. Потом они были низложены. И воцарился Констант и царствовал двадцать семь лет с 954 г. от Двурогого [642 г. н. э.].

В шестом году его царствования арабы завоевали Кипр и воцарились там. В седьмом году его царствования арабы и ромеи разделили между собою Кипр на две половины. И в конце двадцать седьмого года его царствования ромеи убили его в бане Сицилии, имею в виду Константа.

Так от Адама до потопа прошло 2242 года, от потопа до столпотворения и смешения языков в Вавилоне и дней Аргу – 650 лет, от смешения языков до рождения Авраама – 413 лет, от рождения Авраама до исхода сынов Израилевых из Египта – 506 лет, от исхода

[1] Храм Гроба Господня.

сынов Израилевых из Египта до воцарения над ними первого царя Саула – 696 лет, от царствования Саула до пленения их Навуходоносором, сожжения Храма и разрушения города – 505 лет, от перехода царства сынов Израилевых к царству Навуходоносора и царей Фарса до Двурогого – 2239 (sic!) лет; от Двурогого до воцарения царей ромеев – 280 лет и пять месяцев, от царства арабов поныне, то есть до 1273 г. от Двурогого [961 г. н. э.], – 330 лет и восемь месяцев[1].

Мы же, если Богу Всевышнему будет угодно, изложим, насколько получится, годы арабов и их царей, царя за царем, и сколько царствовал каждый из них.

Дела арабов

В 933 г. от Двурогого и одиннадцатом году Ираклия, царя ромеев, и в конце тридцатого года Хосрова, сына Хормузда [621 г. н. э.], пришли в движение арабы в Йасрибе и поставили над собою предводителем мужа, именуемого Мухаммад ибн ʻАбдаллах. Стал он их начальником и царем и управлял ими десять лет. Собрались к нему его родные, близкие и племя его, и он заставил их уверовать в Бога единого, у которого нет сотоварища, отвергнуть поклонение идолам и поклоняться только Богу единому. Он повелел им совершать обрезание, не пить вина, не есть свинины, мертвечины и крови, творить молитву и платить закят. Кто это принимал, оставался невредимым и спасался, а кто это отвергал и сопротивлялся ему, с тем он сражался, и убил богатырей арабских из собственного племени и из других и покорил много городов, принадлежавших соседним народам.

Пришли к нему христиане из арабов и других, и он обещал им безопасность, и написал им грамоты об этом, и поступил точно так же с остальными народами, не согласными с ним, я имею в виду иудеев, магов и сабеев и других. Они присягнули ему и взяли у него обещание безопасности, с тем чтобы платить ему подушную и поземельную подати.

Он повелел своему народу веровать в пророков и посланников и в то, что Бог им ниспослал, и чтобы они веровали во Христа, сына Марии, и говорили, что он посланник Божий и слово Его, раб Его и дух Его, и в Евангелие, в сад райский, и огонь адский, и Судный день. Говорил он, что в раю есть еда и питье, и бракосочетание, и реки вина,

[1] Ошибка вызвана или вычислениями Агапия, или опиской переписчика. 1273 г. селевкидской эры (961 г. н. э.) не соответствует заявленной продолжительности «царства арабов». 330 лет и 8 месяцев по календарю хиджры при пересчете на христианское летоисчисление дают 20 мая 942 г.

молока и меда, и женщины из большеоких гурий, до которых не дотрагивались ни люди, ни джины. Предписал он им пост и пятикратную молитву и прочее, чего я не упомянул, боясь многословия.

В первом году его царствования Шахрбараз, марзбан персов, совершил поход на ромеев, разбил стан у Анкиры, завоевал ее и убил или угнал в плен всех находившихся в ней. Завоевал он также в конце этого года остров Родос и увел в плен его жителей.

Во втором году его царствования Хосров, сын Хормузда, стеснил народы, обитавшие в его государстве, но различавшиеся с ним вероучением, по причине вселившихся в него гордости и тщеславия из-за многих совершенных им завоеваний и расширения своей власти. Он отяготил их налогом, удвоил их повинности, повелел снести церкви Сирийских краев и Месопотамии и перевезти весь мрамор их в его государство, как мы упомянули выше, вместе со всеми золотыми, серебряными и деревянными сосудами.

В третьем году Мухаммада ибн 'Абдаллаха, четырнадцатом году Ираклия и тридцать пятом году Хосрова, сына Хормузда, Шахрбараз совершил поход на Константинополь с многочисленными войсками Фарса и разбил стан перед ним. Потом он совершил нападение на город, но так и не достиг его и удалился спустя долгое время.

В этом году Хосров стеснил жителей Эдессы, которые держались мелькитского вероучения, и принудил их принять учение яковитов. Причиной этого было следующее: некий муж из яковитов, именуемый Йунан, состоял врачевателем при Хосрове, сыне Хормузда, и был в родстве с одним из жителей Эдессы, которого имя было Курра, а был он яковитом. Хосров, сын Хормузда, еще до того поручил Курре взимание хараджа Эдессы. Позавидовали ему жители Эдессы, донесли на него Хосрову и лжесвидетельствовали против него, так что он был отставлен. Когда врачеватель Хосрова увидел, как обошлись жители Эдессы с Куррой, его родственником, то разгневался. Однажды он уединился с царем и сказал ему: «О царь, не следует позволять жителям Эдессы пребывать в своем вероучении, ибо они скверный народ. Но притесняй их, пока они живут в твоем государстве, ибо их воззрения совпадают с воззрениями Ираклия и его приверженцев, и их речи о Боге подобны его речам. Они переписываются с ним и пересылаются. Так заставь их придерживаться учения яковитов или учения несториан, ибо когда они примут одно из этих двух учений, то между ними и ромеями возгорится вражда; если же они будут упорствовать в своих воззрениях, то всегда будут склоняться на сторону ромеев».

Понравилась Хосрову его речь, и повелел он написать марзбану, управлявшему Месопотамией, и приказать ему, чтоб он привел свои войска в Эдессу, заставил жителей ее принять учение яковитов или несториан и обезглавил тех, кто не сделает этого. Когда письмо Хосрова дошло до марзбана, он выступил, пришел в Эдессу, собрал ее жителей в одной из тамошних церквей и сказал им: «Вы враги Божьи и враги царя Хосрова. Вы доносчики, переписываетесь с его врагами о его делах. Изберите же теперь одно из двух: станьте или яковитами, или несторианами. Примете одно из этих двух учений – останетесь на своей родине и при своем имуществе. А если откажетесь от этого, то буду обезглавливать вас и доставлю вас с семьями ко двору царя, а также достояние ваше и все деньги. Сроку вам на то – несколько дней, так посовещайтесь же друг с другом, прежде чем обрушится на вас бедствие».

Говорили они тогда друг другу: «Изберите одно из двух. Ешьте или удавленного быка, или заколотого осла». Говоря об удавленном быке, они разумели несториан, а о заколотом осле – яковитов. Избрал тот народ яковитскую веру, чтобы не покидать своих родных краев и мест, где преклоняли свои головы. Стали жители Эдессы все яковитами и поставили над собой мужа, имя которому было Исаия.

Спустя несколько месяцев Хосров повелел доставить жителей Эдессы в Фарс и написал своему управителю там об этом. Управитель был добродетелен, нрава кроткого и рассудительного, он медлил с исполнением и не доставил их всех за один раз, а, напротив, стал высылать их постепенно, ожидая, что сердце царя сжалится над ними, и покрывал их проступки. И вот, пока он еще так действовал, царь ромеев совершил поход на персов и вступил в Ирак. Отвлекся Хосров от жителей Эдессы, и спаслись, таким образом, оставшиеся от увода в полон. Никто не устоял перед Ираклием и не сражался с ним. Убивал он, полонил и ушел в Сирийские края.

В седьмом году Мухаммада ибн ʻАбдаллаха затмилось солнце и явились звезды днем.

До этого времени Шахрбараз пребывал перед Константинополем, затем присягнул Ираклию, царю ромеев, и вступил в его подданство. Причиной этому было то, что некие люди донесли Хосрову на Шахрбараза и сказали ему, что он подрывает царство и говорит: «Я – тот, который совершил все эти завоевания»; и что он хулит царя, превозносится над ним и над остальными людьми и утверждает, что если бы не он, то не было бы прочным царство Хосрова. Потому разгневался Хосров, повелел написать одному марзбану –

а был с Шахрбаразом некий муж по имени Мардик, – чтоб он велел ему хитростью обезглавить Шахрбараза и направить ему его голову, и ему же поручил командование той армией и походами.

Когда посланник Хосрова выехал, направляясь к лагерю Шахрбараза, ромеи захватили его, когда он вступил в их пределы, и привели его к царю Ираклию. Было это после возвращения его из Фарса. Взял царь письмо и заключил посла у себя.

Когда он прочитал его, то направил к Шахрбаразу и просил его ехать к нему, обещая ему полную неприкосновенность лично для него, для его имущества и семейства, и дал ему знать, что желает ему добра. Шахрбараз вошел в Константинополь и ступил на ковер царя Ираклия. Дал Ираклий ему прочитать письмо Хосрова к марзбану и привел к нему посланника. Поставили его перед ним. Узнал его Шахрбараз, обратился к нему, спросил о его деле, и известил его посланник о причине своего приезда.

Когда Шахрбараз узнал, как обстояло дело, то присягнул Ираклию, затем сочинил письмо от имени императора и передал его Мардику, повелел ему прочитать его ему и всем его военачальникам и марзбанам, и написал мáрзбану: «Неужели считаешь возможным сделать это?» Преисполнились марзбаны и знать ненавистью и злобой к Хосрову, потом вошли к Ираклию, присягнули ему и вступили в его подданство. Повелел Ираклий освободить пленных персов, кто был в их лагере, без всякой обиды. Удалились они к своему государю.

Потом Ираклий приготовился к походу на Фарс и написал Хакану, царю хазар, прося его о подмоге в сорок тысяч всадников, с тем чтобы он породнился с ним и отдал ему в жены свою дочь. Двинулся Ираклий в Сирийские края и принялся покорять один за другим те города, которые были в руках персов, и ставить в них своих управителей.

Когда дошла до Хосрова весть о Шахрбаразе и его приверженцах, и вступлении их в подданство Ираклия, и что Ираклий выступил на войну с ним, и когда ему подтвердили его положение и совершенные им завоевания, то он ужаснулся, смутился и раскаялся в том, что сделал. Большая часть войск персов была разбросана по Сирийским краям и Месопотамии, а Ираклий при своем продвижении уничтожал их постепенно.

Сирийские края, Египет, Месопотамия и Армения были под владычеством персов. Повелел Хосров одному своему марзбану, которому имя было Рузбахан, чтоб он взял войска персов и вышел навстречу Ираклию, царю ромеев. Поднялся Рузбахан и пришел в окрестности

Мосула. А Ираклий покорил между тем Армению, Месопотамию, Египет и Сирийские края и перебил большую часть войск персов, которые были в этих местностях, и присягнуло ему большинство их и большинство армян.

Ираклий шел во главе примерно трехсот тысяч бойцов, и двинулось к нему со стороны хазар сорок тысяч мужей. Когда они прибыли в Азербайджан, то Ираклий написал им, повелевая оставаться там, пока он не подойдет к ним. Покорив Армению, Ираклий дошел до Ниневии и разбил стан у Большого Заба. Пошел на него Рузбахан, столкнулись оба воинства, и произошел между ними сильный бой. Персы потерпели поражение, и было в тот день убито из них пятьдесят с чем-то тысяч человек, и убит Рузбахан, начальник лагеря, а Ираклий отдал их лагерь на разграбление.

Дошла до Хосрова весть о гибели Рузбахана и его соратников, и бежал он тогда из Махузы и Мадаина. Подошел Ираклий, вступил в них, овладел сокровищницами царя и вынес все, что там было, потом сжег их, разрушил соседние села и угнал в плен их жителей.

Шируйе, сын Хосрова, был заключен под стражу у своего отца. Освободился он из заключения, отыскал своего отца, и когда настиг его, то убил и воцарился после него. Продолжалось царствование Хосрова тридцать восемь лет. Воцарение его сына Шируйе произошло в 7-м году Мухаммада ибн ʻАбдаллаха и восемнадцатом году Ираклия, то есть в 940 г. от Двурогого [628 г. н. э.].

Потом Ираклий отправился в обратный путь и разбил стан близ деревни, именуемой Саманин (Деревня восемьдесят). Это та самая, где остановился ковчег во дни потопа при Ное. Он взошел на гору, именуемую аль-Джуди, посмотрел на нее, на местоположение ковчега, взглянул на все четыре стороны света, потом прошел в окрестности Амида и провел там остаток зимней поры.

Шируйе, сын Хосрова, направил посольство к Ираклию с просьбой о примирении. Ираклий ответил ему, чтобы тот передал ему все города и деревни, которые отвоевал у ромеев его отец, а Ираклий выслал бы в Фарс всех персов, которые были в возвращенных ему владениях.

Был известен в те дни среди философов Стефан, мудрец Египта и Александрии, и был его учеником философ Олимпиодор и философ Феодор в Константинополе[1].

[1] Возможно, ошибка переписчика: в действительности Стефан Александрийский был учеником, а не учителем Олимпиодора Младшего. О каком философе Феодоре идет речь, неясно.

Потом Ираклий решился идти в Месопотамию и Сирийские края, выдвинул перед собой своего брата Феодора и повелел ему разрешить персам, находившимся во всей Месопотамии и Сирийских краях, отбыть из-под его власти и отправиться в Фарс. Выступил Феодор впереди его армии. Ираклий входил в один город за другим и назначал в них своих управителей, пока не обошел все, и затем возвратился в свое государство в Константинополь.

Относительно же Феодора, брата Ираклия, известно, что когда он дошел до Эдессы, то повелел персам, находившимся там, выйти оттуда и отправиться в Фарс. Они отказались и сказали: «Не знаем Шируйе, сына Хосрова, и не выйдем из своих родных мест». Тогда он установил против них метательные орудия, положил в них камни, стрелял ими в них, выстрелил по ним сорока с чем-то камнями и убил много у них людей. Обессилели они перед ним и запросили у него пощады. Пообещал он им безопасность, и они вышли из города и удалились в Фарс.

Феодор повелел перебить бывших в Эдессе иудеев за то, что они помогали персам в преследовании христиан. Когда он начал их избиение, один из них поднялся, пришел с вестью к Ираклию и просил его простить их и проявить к ним благосклонность. Ираклий ответил на то и написал Феодору, повелевая ему оставить их в покое и покрывать их проступки. Когда письмо пришло, тот уже более их не беспокоил.

Затем Ираклий приехал в Эдессу и повелел бывшим там христианам вернуться к воззрениям мелькитов, так что они отреклись от яковитства, кроме группы, которая поныне устояла в яковитстве.

В Эдессе Ираклий оставался целый год и повелел сослать Курру, епископа Эдесского, на остров Кипр. Это потому, что он видел, как тот нетверд в чтении Евангелия, и сказал ему: «О муж, как стал ты епископом, когда нетверд в чтении Евангелия? Ступай теперь на этот остров, и поезжай туда, и учись чтению и прочим делам церковным».

Умер Шируйе, сын Хосрова. Воцарился после него Ардашир. Убил его Шахрбараз. Дело в том, что Шахрбараз после смерти Хосрова употребил хитрость вместе с некоторыми марзбанами. Они бежали из лагеря Ираклия и добрались до Фарса с письмом к ним от Шируйе, сына Хосрова. Затем умер Шируйе, и воцарился после него его сын Ардашир. Шахрбараз убил его и собрал войска Фарса, и собрал Мардикан также много войск, и разделились персы на две партии.

Мы уже упоминали, что после крещения царя Константина и матери его Елены последняя ходила паломницей, чтобы найти Древо Креста в Иерусалиме, так что собрала иудеев и стеснила их, пока они не представили его ей, и она нашла его сломанным пополам. Она взяла одну из половин и поместила ее в Апамее, а другую половину вывезла в Константинополь. Цари ромеев хотели взять и другую половину, которая была в Апамее. Но жители ее не дали им сделать этого, однако отдали им только половину от половины... При Юстиниане персы совершили поход на ромеев, разрушили... забрали остаток Древа Креста и привезли его в Фарс. Еще в те дни Ираклий попросил у Шахрбараза отправить его ему, и Шахрбараз ответил согласием и отослал его ему. Ираклий взял его и переправил в Константинополь, присоединил к оставшейся части и покрыл его золотом. Он там и поныне.

В этом году случилось сильное землетрясение, и солнце затмилось...

Умер Мухаммад, и воцарился после него Абу Бакр на два года... и направил четырех эмиров... с войсками: одного на Палестину, другого на Египет, третьего на персов, а четвертого на арабов-христиан. Тот, которого направил Абу Бакр на Палестину, застиг ромейского патрикия по имени Сергий, убил его со всеми его приверженцами и отдал их лагерь на разграбление. Другие трое одержали победы и вернулись в Йасриб.

На третьем году Абу Бакра случилось сильное землетрясение в Палестине: земля содрогалась тридцать дней. В том же году в различных местностях случилась большая чума.

Абу Бакр скончался, а после него воцарился ʻУмар ибн аль-Хаттаб, на двенадцать лет[1], с 946 г. от Двурогого и 13 года арабов [634 г. н. э.].

В первый год его царствования он направил войска на аль-Балькаʼ и завоевал Бостру, многие города и большие крепости, и вернулся в Йасриб.

Во второй год выдвинулся Халид ибн аль-Валид со многими войсками на аль-Балкаʼ... Затем Ираклий выступил из Манбиджа... и убедился, что арабы возобладали там.

...ʻУмара арабы вышли из Дамаска с Халидом ибн аль-Валидом. До ромейского патрикия, который был в Антиохии, дошло, что Халид вышел с арабскими войсками. Его охватили страх и тревога, он собрал много войск и пошел на Дамаск с семьюдесятью тысячами

[1] Агапий ошибочно удлиняет десятилетнее правление ʻУмара (с августа 634 по ноябрь 644 г.) на два года.

бойцов. Тогда Халид отошел к Дамаску, покорил его по мирному договору и совершил поход на остальные города Сирии, которые покорил также по мирным соглашениям.

Са'д ибн Аби Ваккас выдвинулся из Йасриба и пошел по пустыне Кадас, пока не подошел к Кадисии... Куфе на расстоянии пяти парасангов и пребывал там. Когда до Йездигерда дошло, что арабы выступили, то он собрал много войск... Они разбили стан на Евфрате напротив Куфы. Затем встретились... под Кадисией, и арабы разбили персов и преследовали их до Мадаина, то есть города Хосрова, который стоит на Тигре.

Затем Йездигерд поднялся со своими марзбанами и бойцами, разбил стан на восточном берегу Тигра и сразился там с арабами. Арабы бросились в воду, большинство их переправилось через реку со своими лошадьми, они ударили на персов, разбили их, покорили Мадаин, то есть город Хосрова, и все, что вокруг него, разрушили сокровищницы царя и все прочее... Йездигерд бежал в Хульван, где собрал много войск, а арабы искали его и настигли в Хульване, разбили и перебили большинство его приверженцев. Бежал Йездигерд и добрался до Нихавенда, но арабы искали его и разбили, так что бежал Йездигерд в Хорасан.

Когда Ираклий, бывший в Антиохии, увидел разгром ромеев и до него дошло, что учинили арабы с персами, его охватили гнев и раздражение. Он весьма огорчился, написал в Египет, Сирию, Месопотамию и Армению, повелевая им не сражаться с арабами и не противиться повелению Божию, и оповестил их, что это несчастье Бог Всевышний наслал на людей и что повеление Божие неотвратимо и неодолимо... из чресл Измаила, сына Авраама, выйдут многие цари.

Са'ид и Амр, сыновья аль-'Аса, были направлены в Египет и вошли в него. Встретил их Кир, епископ Александрийский, и заключил с ними мир на том, что будет ежегодно выплачивать 200 тысяч динаров, с тем чтобы войска тех двоих не ступали на землю Египта и не пересекали его границы и с тем чтобы он готовил деньги и отсылал их... Кир, епископ Александрийский, твердо управлял страной в течение трех лет, и не входил туда ни один из арабов.

Затем поднялись некие люди из жителей Египта и донесли Ираклию царю на Кира, что тот берет деньги с Египта и дает их арабам... и платит им харадж с Египта, который полагается ему.

Оттого разгневался Ираклий, направил в Египет патрикия, которого звали Мануилом, повелел ему отставить Кира от управле-

ния Египтом, самому занять должность и взять на себя... защиту его жителей.

В конце года, когда арабы по обычаю прибыли в Египет за деньгами, то застали Мануила с ромейскими войсками, высаживающимися в Египте. Их взяли и привели к нему. Он спросил о деле и нужде их, и они изложили ему всю историю. Когда он узнал, что они хотят денег, то выгнал их в сильном гневе и отослал их с бесчестьем, сказав: «Я не епископ Кир, который давал вам деньги из страха перед вами, потому что он монах-богомолец, а я муж вооруженный, воинственный и отважный, как сами по мне видите. У меня для вас только презрение и унижение. Удалитесь из страны и не возвращайтесь сюда, а нет, так покончу с вами. За кем предупреждение, тому и извинение».

Те люди вернулись к своему государю и известили его об этом. Поднялся ʻАмр ибн аль-ʻАс, выступил в поход и обрушился на Египет, где встретил Мануила, разбил его и перебил большинство его приверженцев. Мануил добрался до Александрии с оставшимися своими людьми. Тогда арабы завладели Египтом.

При вести об этом Ираклий написал Киру, епископу Александрийскому: «Что же до сути дела[1], то какие-то люди лжесвидетельствовали мне о тебе и представили тебя в ложном свете, так что я поторопился принять их и ответил согласием на то, о чем они просили. А я уже знал, что сии арабы посланы на людей как наказание и что Бог верно обещал Аврааму об Измаиле, что изведет из чресл его многих царей, а обещание Бога истинно, неотвратимо и неизбежно. Так если можешь умиротворить это племя и любыми доступными способами отвратить их от Египта, то действуй; если сумеешь сделать так, чтобы им навязать первоначальные условия, которые записаны и на которых ты с ними уговорился, то действуй так. Я поручил тебе повелевать Египтом и доверил тебе его дела, так что поступай соответственно».

Но когда письмо царя Ираклия доставили Киру, тот сказал: «Как сумею отразить племя, у которого уже прослыл лжецом, особенно после того, как они уже овладели краем? Однако не оставлю старания, прилагая все возможные усилия, а затем посмотрю, как пойдет дело». Кир выехал из Александрии, отправился в лагерь арабского племени, вошел к ʻАмру ибн аль-ʻАсу, извинился перед ним, поведал

[1] Эта вводная фраза, т. н. *faṣl al-ḫiṭāb,* по правилам арабо-мусульманской эпистолографии обозначает переход от приветственной к содержательной и практической части послания, т. е. Агапий оформляет переписку императора с патриархом с помощью этикетных арабских формулировок.

ему, что не является причиной нарушения договора, существовавшего между ними, но что Ираклий царь пригрозил ему и принудил отойти от собственного взгляда на происходящее, и просил его вновь согласиться на первоначальные условия.

'Амр ибн аль-'Ас известил его, что никогда не согласится на то, о чем он его просит, и сказал: «Не доверяю тебе, после того как ты обманул в первый раз. К тому же ты требуешь невозможного, потому что мы покорили Египет мечом и ни за что не собираемся сдавать его». Кир удалился в Александрию, ничего не добившись.

Затем 'Умар ибн аль-Хаттаб отставил от управления Сирийскими краями Халида ибн аль-Валида и поручил его место Абу 'Убайде ибн аль-Джарраху. Было то в 15-м году арабов и двадцать шестом Ираклия [636/7 г. н. э.].

'Умар выдвинулся из Йасриба, приехал в Палестину и разбил там стан. Софроний, патриарх Иерусалимский, вышел навстречу ему и добился от него гарантий безопасности для Святого града и всех городов Палестины. 'Умар даровал ему безопасность и утвердил для него грамоту. В той грамоте значилось: «Отменяется покровительство над всяким иудеем, которого найдем в Иерусалиме от сего дня, а кого найдем, тот подвергнется каре в отношении личной неприкосновенности и имущества».

Затем 'Умар вошел в Иерусалим и молился там, затем вошел в Величайший Дом, что некогда построил Соломон, сын Давида, и приказал превратить его в соборную мечеть, где молились бы мусульмане. Патриарх, увидев, что одежда 'Умара запачкалась, а она была шерстяная, попросил у него принять от него накидку, но тот отказал ему. Патриарх настаивал. Тогда 'Умар сказал ему: «Окажи мне любезность, взяв эти мои одежды, передай тому, кто их постирает, а те одежды, что принес, одолжи мне, чтобы я надел их, пока мои одежды не постирают, и тогда верну их тебе». Патриарх так и сделал, взял одежды 'Умара и передал их стирающему белье, а когда тот закончил, принес их ему, так что тот надел их и вернул ему его одежды.

Затем 'Умар выдвинулся из Иерусалима, вернулся в Йасриб, поручил Абу 'Убайде Египет в дополнение к Сирии. Абу 'Убайда направил 'Аббада ибн 'Асима с многочисленным войском, чтобы он обошел все города Сирии. Тот гарантировал им безопасность и покорил их все, затем возвратился в Месопотамию, завоевал все ее города и даровал им безопасность, после того как они заключили с ним мир на том, что ежегодно будут вносить ему 100 тысяч динаров, с тем чтобы ни один из арабов ни по какому поводу не переправлял-

ся через Евфрат до тех пор, пока строго соблюдается это условие. Жители Месопотамии внесли ʻАббаду ибн ʻАсиму годовой харадж. Это осуществилось руками Павла, патрикия, который был управителем Ираклия, царя ромеев, над Месопотамией.

При вести об этом Ираклий, царь ромеев, направил человека, отставил Павла с должности, сослал его в Африку и поручил Месопотамию мужу по имени Птолемей, одному из ромейских патрикиев.

Затем арабы покорили Антиохию и угнали в плен тех, кто был в ее селах и предместьях.

Затем ʻУмар отставил от управления Сирийским краем Абу ʻУбайду и передал его место Муʻавийи ибн Аби Суфйану. Было то в шестом году ʻУмара, 18 г. арабов и 29-м Ираклия [639/40 г. н. э.].

ʻАббад переправился через Евфрат и устремился к Эдессе, потому что оттуда не внесли ему на второй год того, на чем уговорились. Когда он подошел туда, жители вышли к нему и просили пощады себе и Птолемею, своему управителю и патрикию. ʻАббад вошел в Эдессу, вывел оттуда Птолемея и отослал его к ромеям, а затем взыскал с нее сто тысяч динаров за немногие дни.

Затем он выдвинулся оттуда и пришел в Маузан, потому что тот пока не был покорен по договору, вместе с остальными городами Месопотамии. Когда он подступил к нему, бывшие там ромеи встали на его пути. ʻАббад разгневался, подвез к городу метательные орудия и продолжал биться, пока не покорил его и не перебил бывших там ромеев. Он покорил города Месопотамии по договору, кроме Дары, которую покорил мечом и перебил бывших там ромеев. Он определил управителей по всем городам Месопотамии и вернулся к Муʻавийа ибн Аби Суфйану, который был в Сирии.

Затем ʻУмар написал своим управителям о поземельном обложении каждой подвластной ему местности. Были составлены податные списки, и селение за селением, округ за округом, город за городом и деревня за деревней облагались хараджем; взимались сборы зерном и скотом.

Ираклий, царь ромеев, скончался, процарствовав тридцать один год. Кончина его была в воскресенье 7 шубата [февраля] 952 г. от Двурогого, 19-го арабов и на седьмом году ʻУмара [641 г. н. э.]. Константин, сын Ираклия, царствовал после него четыре месяца. Его убила одна из женщин его отца, и Ираклий, сын Ираклия, царствовал восемь месяцев.

В этом году Муʻавийа покорил Кесарию, город в Палестине, и перебил там семь тысяч ромеев.

Ромеи предчувствовали недоброе при воцарении Ираклия, сына Ираклия, и низложили его. Затем царствовал Констант, сын Константина, внук Ираклия, двадцать семь лет, начиная с 954 г. от Двурогого [642/3 г. н. э.].

В десятом году ʻУмара ибн аль-Хаттаба арабы совершили поход на город Киликию, покорили его и угнали оттуда многочисленный полон.

В одиннадцатом году ʻУмара ибн аль-Хаттаба солнце затмилось, в пятницу 1 тишрина II [октября 645 г. н. э.].

В двенадцатом году ʻУмара ибн аль-Хаттаба человек, известный как Абу Лу'лу'а, совершил покушение на ʻУмара. Он постоянно следил за ним, пока тот стоял на молитве, а когда тот земно поклонился, несколько раз ударил его ножом и убил. Умер он, процарствовав двенадцать лет. Царствовал ʻУсман ибн ʻАффан одиннадцать лет, с 958 г. от Двурогого и пятого года Константа [646/7 г. н. э.].

В этом году взбунтовался Григорий, ромейский патрикий, бывший в Африке.

Арабы совершили поход на Александрию, где находился ромейский патрикий Мануил, который бежал со своими приверженцами; они отплыли и ушли к ромеям. Арабы завоевали Александрию, срыли ее стены и возобладали там и на берегах между Александрией и Пелусием. Затем в том же году арабы совершили поход в Африку, встретились там с Григорием, ромейским патрикием, разбили его и перебили его приверженцев. Григорий добрался до ромеев и примирился с царем.

В этом году случился сильный ветер: большие деревья вырвал, урожай и виноградники уничтожил, а многие хижины повалил.

В третьем году ʻУсмана Муʻавийа отплыл морем, пошел к Кипру и завоевал его. С ним были тысяча семьсот судов, нагруженных оружием и деньгами. Он угнал в плен множество народу оттуда и с соседних островов, затем, узнав, что против него направлены ромейские войска, вернулся в Сирию и разбил стан у Арада. Он старался взять город всеми силами, но не смог подступиться к нему. Тогда он послал епископа по имени Фома, который просил жителей Арада переехать с острова и удалиться к ромеям, чтобы там разместились арабы. Когда епископ пришел к ним, его поместили в заключение, не разрешили ему вернуться к Муʻавийе и не обратили внимания на его послание. Затем Муʻавийа вернулся в Дамаск, потому что наступила зима, а дело было близ моря.

С окончанием этой зимы и наступлением весны Муʻавийа вернулся к острову Арад с войском сильнее и многочисленнее прежне-

го, разбил там стан и весьма стеснил их. Когда жители Арада увидели тяготы, в которых оказались, и лагеря, которые их обложили, то запросили мира при условии, что уедут в Сирию и поселятся, где пожелают. Му'авийа ибн Аби Суфйан выполнил их желание, и они вышли оттуда. После их ухода Му'авийа повелел срыть его стены. Их срыли, подожгли и спалили огнем.

В этом году 'Усман ибн 'Аффан направил своего сына Са'ида со многими войсками на поиски Йездигерда, царя персов, который в те дни был в Сиджистане. Узнав, что Са'ид преследует его, Йездигерд бежал из Сиджистана в Мерв, где пребывал два года. Са'ид покорил большинство городов Хорасана по договору и определил туда своих управителей, потом достиг Мерва, где пребывал Йездигерд. Когда Йездигерд узнал об этом, то испугался, что жители, имею в виду горожан, выдадут его, так что вышел оттуда ночью и спрятался на мельнице, стоявшей у реки, близ городских ворот. Хозяин мельницы узнал его, отсек ему голову и отнес ее Са'иду. Са'ид завоевал Мерв, взял корону Хосрова, то есть Йездигерда, и его голову и отвез их своему отцу. 'Усман ибн 'Аффан вздел на шест голову, а корону положил в Запретном Доме (видимо, казнохранилище), где она до сего года и хранится.

Констант, царь ромеев, направил послов к Му'авийе просить его о мире. Тот был в Дамаске, а посланником был Мануил, который ранее находился в Египте с подкреплением от ромеев. Му'авийа ответил согласием на это с условием, что тот оставит некоторое число членов своего дома в заложниках.

В четвертом году 'Усмана жители Армении совлекли с себя подданство Константа, царя ромеев, и вступили в подданство мусульман. Их управитель, один из ромейских патрикиев по имени Басахнатис, списался с Му'авийей и направил своего сына к нему в заложники. Узнав, что армяне взбунтовались и восстали, Констант поднялся с ромейскими войсками и пошел в Кесарию Каппадокийскую, направляясь в Армению. Пока он был в пути, весть об этом нагнала его и опечалила: он задумался было о том, чтобы войти в Армению, но вернулся оттуда, отчаявшись в своем замысле.

Затем Му'авийа направил на остров Родос войска, которые взяли его, определили там управление и превратили его в сторожевой пост арабов. Было там изваяние, выстоявшее примерно триста шестьдесят лет с той поры, как его установили. Высотой оно было в пятьдесят локтей. Арабы вынесли его оттуда и сбросили в море. Это было в восьмом году 'Усмана.

В этом году военачальник вошел в Армению с многочисленным войском, завоевал ее и перебил всех бывших там ромеев.

В этом году водил людей в паломничество ʻУсман ибн ʻАффан.

Читая нашу книгу, вам нужно знать, что годы арабов не соответствуют годам неарабов, потому что между ними разница: тридцать два неарабских года составляют тридцать три года арабских; тем не менее непременно буду приводить их в порядок и прилагать этот дополнительный год, как они сами считают, и добавлять его к арабским годам, чтобы согласовывался порядок счета с тем счетом, что предшествовал царству арабов.

Затем, в девятом году ʻУсмана, 34-м году арабов и 13-м Константа, царя ромеев [654/5 г. н. э.], Муʻавийа ибн Аби Суфйан подготовился к нападению на Константинополь, и приготовил много судов в городе Триполи на морском берегу, и погрузил на них огромное количество оружия. Когда их оснастили и он уже намеревался идти в поход, были в Триполи у мужа по имени Букинатур два брата, находившиеся на службе у арабов. Увидев приготовления Муʻавийи, они воспылали гневом и ревностью, пришли в тюрьму, открыли ее и выпустили бывших там ромеев; те накинулись на управителя города и убили его, а затем подожгли суда и снаряжение, отплыли и добрались до ромеев.

Когда до Муʻавийи дошло об этом, он снарядил против ромеев много войск, которые взяли край Византии и Мелитены, дошли до Хисн-аль-Мурры у ворот Мелитены и угнали в полон сто тысяч душ из ее жителей. Направил он мужа по имени Абу-ль-ʻУд с многочисленным войском, которое вступило в Финику, что на побережье Ликии, и беспощадно уничтожило ее.

Затем Константа поднялся против него с ромейскими войсками и направил своего брата Йакута (Феодосия?) морем со многими судами. Они встретились и сразились. В столкновении двух воинств ромеи потерпели поражение, а Константа чуть не утонул и едва уцелел. Ромеев было убито такое великое множество, что море обратилось в кровь. Тогда арабы вернулись с большим успехом, а Константа добрался до Сицилии.

В этом году жители Египта с жителями Ирака пошли к ʻУсману ибн ʻАффану, осадили его и убили в пятницу 19 зу-ль-каʻда [17 июня 656 г. н. э.].

В том же году ʻАбдаллах ибн аль-ʻАббас водил людей в паломничество.

В том же году Тальха и аз-Зубайр вышли на Мекку в месяце рабиʻе II (октябрь 656 г.) и собрались, чтобы двинуться на Басру.

А ʻАли ибн Аби Талиб вышел из Медины навстречу с ними, взял направление на Файд и оставил Сахля ибн Ханифу в Медине, затем написал ему, повелевая присоединиться к нему, и назначил в Медину управителем Абу-ль-Хасана аль-Мазини. Противники встретились и бились, и под Басрой ʻАли одержал верх, а затем воззвал в лагере, чтобы не убивали ни одного бегущего и не издевались ни над одним раненым, а кто закроет свои двери, считался бы в безопасности. Пробыв в Басре пятнадцать дней, ʻАли пошел в Куфу и оставил в Басре ʻАбдаллаха ибн аль-ʻАббаса.

Он назначил в Египет Кайса ибн Саʻида, который проживал там и поддерживал порядок, но Муʻавийа строил козни против него, пока не отстранил его от места. Тогда Муʻавийа и ʻАмр ибн аль-ʻАс пошли к Мухаммаду ибн Хузайфе, уже бывшему в Египте, которому ʻАли ранее поручил край. Они ввели его в заблуждение и вывели к аль-Аришу. ʻАли оставил в Египте аль-Хакама ибн ас-Салта. Те двое выступили против него и установили стенобитные устройства, пока он не вышел на них с тридцатью своими приверженцами, так что его убили. После того ʻАли послал Кайса ибн Саʻида в Египет, а аль-Хасану ибн ʻАли присягнули в 41 г. арабов [661/2 г. н. э.], и Муʻавийа пошел в Ирак, и пошел к нему аль-Хасан ибн ʻАли. Они встретились у Маскина в земле ас-Савад, в округе Куфы, и примирились, скрепив это письменно с оговоренными условиями и при свидетелях.

Муʻавийа вошел в мечеть и проповедовал там, и люди присягнули ему. Затем он сделал своим наместником в Куфе аль-Мугиру ибн Шуʻбу и удалился в Сирию, где поставил Муʻавийа Фадалу ибн ʻАбда на судейскую должность, и пошел аль-Хасан ибн ʻАли в Медину. Ему сказали: «Что ты наделал?» Он отвечал: «Я возненавидел... жителей Куфы, племя, которому никто не доверяет; мой отец... не добился от них никакого толку, и они никуда не годятся...»

Когда упрочилось царство за Муʻавийей, владычествовал он от Йасриба до Дамаска и владел земным миром... пробыв управителем двадцать лет. Было то в 972 г. от Двурогого, 41-м арабов и 19-м Константа, царя ромеев [660/1 г. н. э.].

...Когда отошло царство к Муʻавийе, тот предпочел жителей Запада жителям Востока из-за покорности ему жителей Запада и противодействия тех...

В восьмом году из Армении, где ромеи потерпели великое поражение, был поход на аланов. Начальником в походе был Бишр ибн Артат, который перебил несколько патрикиев. Мусульмане угнали

в полон и отдали на разграбление... То был первый полон, который они угнали...

В тот год водил людей в паломничество ʻУтба ибн Аби Суфйан.

В третьем году Муʻавийи Бишр ибн Артат второй раз совершил поход на ромеев и взял полон. Ромеи были разбиты и отступили к Константинополю.

В этом году Муʻавийа написал Марвану ибн аль-Хакаму, чтобы он готовился вести людей в паломничество. Наступил праздник, и он исполнил это.

В этом году ʻАмр ибн аль-ʻАс умер в Египте в день разговенья, после того как управлял в Египте в халифат ʻУмара ибн аль-Хаттаба четыре года, в халифат ʻУсмана три года и десять месяцев... по приказу евнуха, оторвали посланнику яички и привязали их к концу копья и написали: «Это месть Андрея, царского евнуха, посланнику Сабура-бунтовщика».

Когда же дошло до Константа, что учинил евнух с посланником бунтовщика и что войска вышли из расположения Муʻавийи на помощь к нему, то он направил патрикия по имени Никифор с ромейскими войсками воевать с Сабуром, который находился у Аудины. До Сабура дошли вести о приближении к нему войска, и он принялся ежедневно выходить на боевые учения. И вот однажды вышел как обычно, и когда подъехал к городским воротам, то хлестнул свою лошадь плетью, а та взбрыкнула и понесла его, так что он ударился головой о городские ворота и упал без сознания, затем болел несколько дней и умер. Муʻавийа еще раньше направил против Сабура многие войска. Когда они прибыли к Мелитене, то дошло до них о смерти Сабура, так что они остановились в Мелитене и написали о том Муʻавийи, прося его подкрепить их войсками, чтобы совершить поход на ромеев. Муʻавийа повелел своему сыну Йазиду взять арабских коней и присоединиться к войску. Йазид устремился туда, они объединились и прибыли в Халкидон, где действовали и вышли оттуда с многочисленным полоном и добычей.

В этом году случилось большое наводнение в Тигре и по Нилу и Евфрату; все реки разлились и опустошили многие местности, особенно река Эдессы, которая разлилась настолько, что затопила город, смыла его стены и потопила много народу и без числа скота.

В девятом году Муʻавийи Констант, царь ромеев, был убит по возвращении из похода на славян. Случилось это, когда он вошел в баню на Сицилии, где ранее обосновался. Причиной того, что он обосновался на Сицилии, было то, что он перенес царство из Кон-

стантинополя в Рим, когда убил своего брата, потому что боялся, как бы люди не возмутились против него, гневаясь на него из-за убийства им брата. Он переехал в Рим, оттуда перебрался в Антиохию (?), обосновался на Сицилии, одном из морских островов, поселился там со своими военачальниками и войсками, и письменно истребовал туда свою семью, но жители Константинополя не разрешили им уехать к нему, сказав: «Они наши цари, и мы не собираемся разрешать нашим царям отъезжать от нас». Когда Констант вошел в баню, кто-то из его слуг взял сосуд с ручкой, где он смешивал мыло с алтеем, и вылил ему на голову. У него глаза забились алтеем и мылом, так что он не мог их открыть. Тогда евнух взялся за сосуд, ударил его по голове так, что убил, и быстро выбежал из бани, и никто его не признал.

А слуги медлили, ожидая выхода царя, и когда они уже долго сидели, и время шло, а он не выходил, то вошли в баню, нашли его без сознания и вынесли; тот день он еще прожил и умер, процарствовав двадцать семь лет.

Затем ромеи собрались и поставили царем Мизизия, родом из Армении. Он был мудр, наделен мощью и отвагой.

Когда до сына Константа в Константинополе дошла весть о смерти его отца, он отплыл и направился на Сицилию, так что вступил туда, взял Мизизия и обезглавил его. Затем он схватил тех, кто участвовал в убийстве его отца и провозглашении чужака царем, кого-то из них убил, кого-то заточил, а других сослал, и вернулся в Константинополь. Константин и его братья царствовали шестнадцать лет, начиная с 981 г. от Двурогого и 50-го арабов [670/1 г. н. э.].

В том году арабы совершили поход на ромеев в Африке и угнали сто тысяч душ полона.

В том году выпало много снега, приключился жестокий мороз, и много народа и животных перемерло.

В двенадцатом году Му'авийи Бишр ибн Артат совершил поход на ромеев, убивал их и вывел большое число их в полон.

В тринадцатом году Му'авийи явилась полная радуга в облаках. Страх и ужас обуяли людей, и многие говорили, что наступило время светопреставления.

Му'авийа взял с собой много судов, совершил поход на ромеев, убивал и угонял в полон.

В этом году людей в Египте и Палестине постигла чума.

В четырнадцатом году Му'авийи арабы совершили поход морем на ромеев и пошли на Ликию. Три патрикия вышли им навстречу,

и перебили ромеи тридцать тысяч мужей из арабов, а оставшиеся отплыли, но когда вышли в открытое море, один ромей на своем судне догнал их, метнул огонь на корабли, так что они все сгорели. В тот год ромеи сподобились одолеть и восторжествовать. Они первыми произвели греческий огонь, и то вошло у них в обычай.

В этом же самом году в Сирии размножились мыши, так что настал там сильный голод.

В семнадцатом году Му'авийи ромеи взошли на суда, выступили морем, приплыли к берегам Тира и Сидона, сошли с судов и завладели горой Ливан, где и укрылись. Люди называли их «аль-хараника». Завладели они горой Ливан и распространились от горы Галилейской до горы Черной. Константин ввел их туда, чтобы отвлечь арабов от походов.

В этом же самом году случилось землетрясение в Скифополе (Байсане), и Катнан, одна из деревень Саруга, осела, и ее стены и большинство тамошних домов обвалились. Нечто подобное приключилось в Эдессе, где многие местности понесли ущерб. Му'авийа повелел их восстановить, а церкви Эдессы, которые разрушились, отстроить. Причина была та, что он стоял в Эдессе, когда миновал ее в войну с 'Али ибн Аби Талибом.

Затем Му'авийа скончался, царствовав двадцать лет и пробыв до того эмиром еще двадцать лет. Умер он в воскресенье 6 аййара 991 г. от Двурогого [май 680 г. н. э.] и был похоронен в Дамаске. После него Йазид ибн Му'авийа царствовал три года и пять месяцев.

В первом году его царствования собралось множество епископов, числом сто восемьдесят девять епископов, по повелению Константина в Константинополе. Это то, что называется Шестым Собором. Еще ранее Агафон, владыка Римский, написал о согласии своих воззрений с воззрениями ста двадцати епископов, которые не присутствовали на Соборе. Были составлены каноны, которые приняли только мелькиты, но не все другие общины, называемые христианами.

Затем Константин отрешил своих братьев от царства и стал единовластен. Ромейские патрикии дозволили это ему, потому что он удовлетворил их, кроме одного патрикия по имени Лев, который противился ему и не был доволен им и сказал: «Не подобает, чтобы он отставлял людей, которые над нами царствовали уже так долго». Тогда Константин повелел, чтобы ему отрезали язык, руки и ноги и чтобы его братьев сослали на один из морских островов.

Яхья Антиохийский. Хроника (фрагмент)

(Перевод, предисловие и комментарии Т. К. Кораева)

Яхья[1] (Иоанн) Антиохийский (Йахйа аль-Антаки)[2] родился во второй половине 970-х гг. в Каире, в семье некоего Са'ида ибн Йахйи. Он, по всей видимости, около 1006 г. приступил к написанию «Летописи-продолжения» (*Kitāb ḏayl at-tārīḫ*), призванной дополнить всемирную хронику Евтихия Александрийского, воспроизводя ее структуру и тематику. Около 1006/7 г. молодой Яхья, по-видимому, обнародовал эту первую редакцию. Как предполагается, гонения фатимидского халифа аль-Хаким би-амр-Аллаха на иноверцев-зиммиев способствовали принятию им решения покинуть пределы Каирского халифата, что он и сделал в 1013/4 г., когда аль-Хаким предоставил иудеям и христианам такую возможность. Ок. 1014/5 г. Яхья перебрался в Антиохию, находившуюся тогда в руках византийцев, где он (вероятно, свободно владея греческим языком) добавил в свое сочинение свидетельства (в т. ч. документальные), покрывавшие вторую половину 1000-х – первую половину 1030-х гг. В Антиохии он завершил ок. 1034 г. окончательную редакцию своего труда, дополнив первоначально арабоязычную базу сведений материалами, почерпнутыми из византийских и сирийских памятников. Халебский хронист XII в. Мухаммад аль-'Азими упоминает среди своих источников летопись некоего Йахйи ибн Са'ида, доведенную до 458 г. хиджры, что соответствует 1065/6 г. н. э., на основании чего часто делается вывод о том, что данную дату можно принимать за год смерти хрониста. Однако не исключено, что описание последних трех десятилетий, охваченных хроникой Яхьи (согласно аль-'Азими), дал уже его продолжатель, а сам он скончался в середине 1030-х гг.

Важным для изучения биографии Яхьи является вопрос его возможной идентичности с двумя лицами, упоминаемыми в первоисточниках, датируемых XI в., под теми же именами. Это, во-первых, Абу-ль-Фарадж Йахйа ибн Са'ид, из-под чьего пера вышло три богословские работы (*maqāla*) в защиту христианства, полемически

[1] В данном случае мы отступаем от принципа транслитерации, выбирая в качестве основной форму передачи имени, устоявшуюся в русскоязычной научной литературе.

[2] См. подробнее о нем: GCAL. Bd. 2. S. 49–51; HMLEM. Vol. 3. T. 1. P. 167–172; *Swanson M. N.* Yaḥyā ibn Sa'īd al-Anṭākī // CMR. Vol. 2. P. 657–661.

направленные против иноверцев: «Об истине вероисповедания» (*Fī ḥaqīqat ad-diyāna*), «Об отповеди иудеям» (*Fī r-radd ʻalā l-yahūd*) и «Об отповеди мусульманам» (*Fī r-radd ʻalā l-muslimīn*). Во-вторых, это Йахйа ибн Саʻид, чей отец, по неподтвержденному заявлению арабо-мусульманского эрудита XIII в. Ибн Аби Усайбиʻа, состоял в близком родстве с Евтихием и чья эрудиция проявилась в комментарии на «Вопросы о медицине» (*Masāʼil fī ṭ-ṭibb*) прославленного восточносирийского («несторианского») врачевателя и переводчика философского наследия античности Хунайна ибн Исхака (IX в.). В 1063 г. он встречался в Антиохии со знаменитым врачом, восточным сирийцем Ибн Бутланом.

Повествование в сохранившихся списках ведется либо от 938 г., либо от смерти византийского императора Иоанна I Цимисхия (976) и обрывается на сообщениях о смерти императора Константина VIII (1028) и взятии Эдессы полководцем Георгием Маниаком (1031). Вслед за своим предшественником Евтихием автор избрал не анналистический, а прагматический принцип подачи информации: события группируются по царствованиям халифов (сначала Аббасидов, затем Фатимидов) и по областям, где они разворачивались. В хронологии, к точности которой Яхья относился весьма щепетильно, он старался придерживаться параллельно селевкидской эры («годы от Александра») и летосчисления от хиджры («годы арабов»), причем, по всей видимости, нередко переводил даты из первой во второе. Наиболее пристальное внимание хронист проявляет к тому, что происходило в долине Нила и Восточном Средиземноморье; о событиях в Двуречье, а тем более в Северной Африке, читатель узнает только в связи с династической историей обоих халифских домов. Вместе с тем Яхья хорошо осведомлен о перипетиях политической жизни восточнохристианского (Византийская империя, Болгарское царство, Киевская Русь, Грузия) и мусульманского (в частности, правление Ихшидидов, Хамданидов, Буидов) миров. Отдельно следует упомянуть значимость «Летописи-продолжения» для освещения церковной истории – Александрийского, Иерусалимского, Антиохийского и Константинопольского патриархатов. Весьма ценные по своей оригинальности (а порой уникальности) сведения приводятся о правлении халифа аль-Хаким би-амр-Аллаха[1]. Особое место занимает подробное изложение обстоятельств союза Византии с Русью в борьбе

[1] См., например: *El-Eid Bualuan H.* The Rise of Druzism in «Tārīḫ bin Saʻīd al-Anṭākī Ṣilat Tārīḫ Uṭīḫā» // PdO. 2009. Vol. 34. P. 81–93; *Walker P. E.* Caliph of Cairo: Al-Hakim bi-Amr Allah, 996–1021. Cairo, 2009.

против мятежного полководца Варды Фоки в 987 г., сватовства «царя русов» к Анне, сестре императоров Константина VIII и Василия II, и последовавшего крещения этого северного народа.

Начало изучения летописи Яхьи Антиохийского, как и в случае с Агапием Манбиджским, связано с именем барона В. Р. Розена, который в 1883 г. издал обширные ее фрагменты, освещающие события середины X – начала XI в., в сопровождении русского перевода и тщательного комментария[1]. В 1906–1909 гг. арабо-христианские исследователи – иезуит Л. Шейхо и мелькит Х. Заййат – в сотрудничестве с французским ориенталистом Б. Карра де Во издали труд Яхьи в качестве приложения к своей публикации хроники Евтихия Александрийского[2]. Вслед за ними, в 1924–1932 гг., продолжая почин своего учителя Розена, академик И. Ю. Крачковский и А. А. Васильев, который уже имел за плечами подобный опыт с хроникой Агапия, осуществили критическое издание первой части «Летописи-продолжения» (до 1013) с параллельным французским переводом[3]. Вторая часть издания, подготовленного Крачковским, была опубликована посмертно, с французским переводом, выполненным Ф. Мишо и Ж. Трупо[4]. В 1990 г. ливанский историк ʻУмар ʻАбд ас-Салам Тадмури предпринял переиздание летописи Яхьи на основе сличения версий Шейхо/Заййата и Васильева/Крачковского с бейрутской и дамасской рукописями середины XIX в., под заглавием «Летопись Антиохийца, известная как Продолжение летописи Евтихия»[5]. «Летописи-продолжению» посвятил свою докторскую диссертацию, защищенную в 1977 г. в Мичиганском университете (Анн-Арбор, США), Дж. Х. Форсит, который представил перевод большей части памятника на английский язык[6].

[1] Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Изд., пер, коммент.: В. Р. Розен. СПб., 1883.

[2] Eutychii patriarchae Alexandrini Annales. Pars posterior: Accedunt Annales Yahia Ibn Saïd Antiochensis / Ed. L. Cheikho, B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti etc., 1909. P. 89–273. (CSCO. Scriptores Arabici. Ser. 3; 7).

[3] Histoire de Yaḥyā-ibn-Saʻïd d'Antioche, continuateur de Saʻïd-ibn-Bitriq / Éd., trad. I. Kratchkovsky, A. Vasiliev. Paris, 1924–1932. 2 pt. (PO; T. 18. Fasc. 5; T. 23. Fasc. 3).

[4] Histoire de Yaḥyā ibn Saʻïd d'Antioche / Éd. crit. préparée par I. Kratchkovsky, trad. F. Micheau, G. Troupeau. Turnhout, 1997. (PO; T. 47. Fasc. 4).

[5] Tārīḫ al-Anṭākī al-maʻrūf bi-ṣilat tārīḫ Ūṭīḫā taʼlīf Yaḥyā ibn Saʻïd ibn Yaḥyā / Ed. ʻUmar ʻAbd as-Salām Tadmurī. Ṭarābulus (Lubnān), 1990.

[6] *Forsyth J. H.* The Byzantine-Arabic Chronicle, 938–1034, of Yaḥyā b. Saʻïd al-Anṭākī: Diss. University of Michigan. Ann Arbor, 1977. 2 vol.

В 1998 г. увидел свет перевод труда Яхьи на итальянский язык, выполненный Б. Пироне[1].

На русский язык «Летопись-продолжение» после впечатляющего, но фрагментарного задела Розена практически не переводилась (могли лишь воспроизводиться отрывки, освещающие события отечественной истории, например династические браки русских князей с византийскими царевнами или участие русов в боевых действиях на Ближнем Востоке). Исключением являются достаточно пространные отрывки, перекладывавшиеся на русский Н. А. Медниковым в рамках его свода «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам»[2].

В предлагаемый перевод включены те части летописи Яхьи, где внимание сосредотачивается на последних десятилетиях X – первых десятилетиях XI в., наполненных наиболее драматичными коллизиями в истории как арабо-мусульманского, так и византийского Средиземноморья.

Перевод[3]

Халифат аль-Хаким би-амр-Аллаха

Абу ʻАли аль-Мансуру ибн аль-ʻАзиз би-Ллаху была принесена присяга. Он получил лакаб[4] аль-Хаким би-амр-Аллах и взошел на пре-

[1] *Yaḥyā al-Anṭākī.* Cronache dell'Egitto fatimide e dell'Impero bizantino, 937–1033 / A cura di B. Pirone. Milano, 1998. Bologna, 2018². (Patrimonio Culturale Arabo Cristiano; 3).

[2] *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ея арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Ч. 2. С. 328–390. (ППС; Т. 17. Вып. 2 (2)).

[3] Комментированный перевод выполнен Т. К. Кораевым по изданиям: Histoire de Yaḥyā-ibn-Saʻïd d'Antioche, continuateur de Saʻïd-ibn-Bitriq / Éd., trad. I. Kratchkovsky, A. Vasiliev. Paris, 1936. Fasc. 2. (T. 23. Fasc. 3) и Tārīḫ al-Anṭākī al-maʻrūf bi-ṣilat tārīḫ Ūtīḫā taʼlīf Yaḥyā ibn Saʻïd ibn Yaḥyā / Ed. ʻUmar ʻAbd as-Salām Tadmurī. Ṭarābulus (Lubnān), 1990. Эпизоды, ранее переводившиеся Розеном, сверены с изданиями оригинала (Шейхо – Карра де Во и Тадмури) и в ряде случаев скорректированы с точки зрения терминологии, фактологии и фразеологии, а кроме того, поставлены в контекст с остальными переводимыми фрагментами.

[4] Лакаб – почетное прозвание, принимавшееся государями и присваивавшееся высшим государственным сановникам, примерное соответствие тронному имени в первом случае и дворянского титула в западном феодализме – во втором, но в отличие от последнего никогда не наследовалось и не имело территориальной привязки. В X–XI вв. оно, как правило, состояло из существительных «царство» и «держава» (ср. ниже: «Поверенный державы») либо включало упоминания тех или иных социальных и профессиональных групп, среди ко-

стол в четверг 30 рамадана того же года [16 октября 996 г. н. э.]. Было ему тогда от роду одиннадцать лет и пять месяцев.

Множество вождей кутама[1] вошло к нему и выговорило в свою пользу, чтобы никто из Восточных[2] не заведовал их делами. Он вызвал одного из их старейшин, которого звали аль-Хасан ибн ʻАммар, ведать обстоятельствами и распоряжаться делами. Тот получил лакаб Амин ад-Даула («Поверенный державы») — то было в воскресенье 3 шавваля [18 октября 996 г. н. э.].

Множество тюрков бежало в Сирию из страха перед Ибн ʻАммаром, но их вернули с полдороги.

ʻИса ибн Настурус[3] установил в дни, когда ведал делами, чрезмерные ставки налогообложения и изобрел пошлины, превышавшие ту ставку, по которой они обычно взимались. Ибн ʻАммар отменил все это, вернул дела к прежнему их положению, схватил Ибн Настуруса во вторник 18 шавваля того же года [3 ноября 996 г. н. э.] и заключил его, затем же умертвил в сафаре 387 г. [февраль — март 997 г. н. э.]. Магрибинцы благодаря Ибн ʻАммару завладели управлением державой. Остановились дела Восточных. Он заменил множество их знати, которая правила наместничествами, людьми из магрибинцев.

Банджу-такин[4] встревожился и написал царю Василию[5], раболепствуя перед ним, суля ему повиновение и склоняя его помочь и прислать свои войска. Тот не счел возможным помогать ему против его владыки и пособлять в противоречии с ним. Когда же он отчаялся в помощи от царя, то двинулся из Дамаска с теми, кто был при нем, и сошлись к нему из арабов и прочих, направляясь в Миср[6] на подмогу

торых призвано было выделить своего носителя («Военачальник военачальников», «Глава врачей», «Солнце осведомленных»).

[1] Кутама (китама) — берберское племя из Ифрикии (территория нынешнего восточного Алжира), первоначально — главная опора династии Фатимидов, играли видную роль в управлении их халифатом до начала XI в.

[2] Восточные (араб. *mašāriqa*) — представители соперничавшей с кутама группировки в правящей верхушке Фатимидского халифата, которая преимущественно состояла из выходцев с востока мусульманского мира (Иран и Центральная Азия).

[3] Абу-ль-Фадль ʻИса ибн Настурус († 997) — последний вазир фатимидского халифа аль-ʻАзиз би-Ллаха, отца и предшественника аль-Хакима, христианин-конт.

[4] Банджу-такин (тюрк. *Менгю-текин*) — эмир, тюрк по происхождению, наместник Дамаска при аль-ʻАзизе.

[5] Василий II Болгаробойца (958—1025) — император Византии (с 976).

[6] Миср — у Яхьи, как и у большинства его современников, этот топоним используется в двух основных значениях: 1) Египет вообще (как страна); 2) Ста-

Восточным. Ибн ʻАммар отрядил Абу Тамима Сулаймана ибн Фалаха и его брата на встречу с ним. Сошлись на подступах к Аскалону в пятницу 24 джумады I 387 г. [15 мая 997 г. н. э.]. Тюрк отступил к Дамаску. Было убито в стычке множество его гулямов и сторонников. Когда он прибыл в Дамаск, то население его восстало против него и прогнало его. Он убежал с некоторым числом своих гулямов. Райяты[1] разграбили дом его и дома множества полководцев.

Тюрк просил о пощаде и допуске в Миср. Ибн Фалах обещал ему безопасность и переправил с ним своего отпрыска. Они оба прибыли в Миср в пятницу 22 раджаба того же года [31 июля 997 г. н. э.], ему даровали почетную одежду и облагодетельствовали его. Ибн Фалах отправился в Дамаск. Разгорелась между ним и тамошним населением ожесточенная война. Затем он вступил туда по соглашению.

Кутамийцы единовластно завладели державой. Как-то зашли между двумя группами – кутама и Восточных – разговоры, и дело вылилось в то, что одного из магрибинцев убили. Те стали искать виновного, чтобы взыскать выкуп с него, и все успокоилось на том, что он заплатит им виру в тысячу динаров. Кутамийцы сели на коней, набросились на виновного и убили его. Восточные восстали. Между ними и магрибинцами случилась большая стычка в понедельник 22 ша'бана 387 г. [30 августа 997 г. н. э.] и продлилась во вторник и среду. Когда наступил четверг, кутамийцы вошли к Ибн ʻАммару и обязали его выйти на войну вместе с ними. Усилилось сражение между ними. Кутамийцы отступили. Дом Ибн ʻАммара со своими конюшнями и дома множества кутамийцев были разграблены.

Ибн ʻАммар испугался за себя, остановился у себя дома в городе, на какое-то время там спрятался, затем же был убит в шаввале 390 г. [сентябрь – октябрь 1000 г. н. э.].

В отсутствие Ибн ʻАммара аль-Хаким передал надзор за делами Барджавану-евнуху. Барджаван доверил своему писцу Абу-ль-ʻАла Фахду ибн Ибрахиму ан-Насрани христианину должность своего заместителя, дал ему лакаб ар-Раис («Начальник»). Он принялся распоряжаться делами и завладел ими. Его приказы исполнялись во всех округах государства. Затем он вернул множеству писцов и прочих жалованья, которые ранее урезал Ибн ʻАммар.

рый Каир (совокупность тех частей египетской столицы, что возникли до основания Фатимидами Нового Каира, собственно аль-Кахиры).

[1] Райяты (араб. *ra'iyya*) – податной люд, налогоплательщики, обобщенное название подчиненных групп населения, по противопоставлению к правящей верхушке и освобожденным от налогов и сборов привилегированным слоям.

Население Дамаска восстало вместе с теми, кто был там из приверженцев Восточных против Ибн Фалаха. Он спасся бегством из области и отступил в Миср.

Молодцы[1] завладели Дамаском, а главой их был один муж из их числа, известный как ад-Духайкин.

Против аль-Хакима также взбунтовался некий мятежник, известный как ʻАллака, в Тире и завладел им. К нему сошлись тамошние молодцы и чернь. Он отчеканил монеты от собственного имени и изобразил на них следующее: «Могущество после нехватки – у эмира ʻАллаки». Он запросил помощи у царя Василия и ручался ему в сдаче страны. Тот переправил ему какую-то помощь морем.

А Ибн Хамдан и евнух Фаик аль-Барраз в сопровождении множества рабов и с флотом, который выдвинулся из Мисра, осаждали Тир. Рати аль-Хакима уже двинулись на Дамаск с Джайшем, сыном Мухаммада ибн ас-Самсама, на встречу с дамаскинцами и ад-Духайкином, завладевшим Дамаском, и отклонились к Тиру. Двинулся ад-Духайкин, завладев Дамаском, добровольно в Миср, и ему были дарованы почетная одежда и прощение.

Тир был завоеван мечом в джумаде II 388 г. [май – июнь 998 г. н. э.]. Было взято одно судно из флота ромеев с двумястами душами. Их перебили до последнего. ʻАллака был взят в плен, город – разграблен, а множество из его населения, кто ранее сошелся к ʻАллаке, – перебито, угнано в полон и уведено в Миср. Их прибытие состоялось в шаʻбане того же года [июль – август 998 г.]. ʻАллака был выставлен на позор в Мисре, заживо освежеван и распят в местности, известной как аль-Манзар, между аль-Кахирой и Мисром, а плененные – перебиты.

В том же году в крепости Апамея случился пожар и сжег то, что там было из продовольствия и прочего. Владетель Халеба Абу-ль-Фадаиль ибн Саʻд ад-Даула[2] и Лу'лу' двинулись с войском халеб-

[1] Молодцы (араб. *aḥdāṯ*) – обобщенное название отрядов простонародья, которые в кризисных ситуациях зачастую оказывались единственной реальной силой в городах и захватывали над ними более или менее полный контроль, противопоставляя себя властям и их вооруженной силе.

[2] Имеется в виду представитель местной ветви шиитской династии Хамданидов (выходцев из бедуинской среды) – Саʻид ад-Даула Саʻид (991–1002), сын Саʻд ад-Даулы Шарифа (967–991), сына Сайф ад-Даулы ʻАли ибн Аби-ль-Хайджаʼ ʻАбдаллаха (944–967), прославившегося своей пограничной войной с византийцами, воспетой величайшим мастером арабского стихотворного панегирика – Абу-т-Тайййбом Ахмадом ибн аль-Хусайном аль-Мутанабби (915–965).

цев, подступили к Апамее и какое-то время сражались против нее, чтобы избавить ее от магрибинцев. Когда Дамиан Далассин, дука Антиохии, убедился, что там нет никакого продовольствия и оружия, то двинулся туда. Халебцы оставили все виды продовольствия и оружие, что у них имелись, населению Апамеи, чтобы подкрепить его и опасаясь за него перед царем ромеев, а сами возвратились в Халеб. Дука подступил к ней с неодолимой ратью, подверг самой плотной осаде и чуть не взял ее. Но некто проживавший там, известный как аль-Малаити, написал в Дамаск Джайшу ибн Самсаму, которого ранее послал туда аль-Хаким, взывая к нему о поддержке и помощи. Тот двинулся к нему в ша'бане того же года [июль – август 998 г. н. э.] с огромными войсками. Между ними разгорелась война. Дука одержал верх над ними и устроил среди них великое побоище. Бедуины взяли обоз войска магрибинцев. Поражение докатилось до самого Баальбека. При самом отступлении дука получил удар копьем в бок и был убит во вторник 19 тамуза 1309 г. [19 июля 998 г. н. э.]. Тогда поражение обернулось на ромеев. Их было убито более шести тысяч, двое сыновей дуки и множество начальников войска – взяты в плен, уведены в Миср, проживали там десять лет, а потом были выкуплены и возвратились в страну ромеев.

После гибели дуки Джайш, сын Мухаммада ибн Самсама, двинулся на Антиохию, подступил к ее Садовым воротам. Между ним и населением произошло столкновение. Он пребывал там четыре дня, а затем повернул, возвращаясь в область ислама.

Затем сам царь вышел в поход на область ислама, подступил к Джиср-аль-Хадиду (Железному мосту) 6 шавваля 389 г. [20 сентября 999 г. н. э.], двинулся на Шайзар, подступил к нему, осадил его 15 зу-ль-ка'да того же года [28 октября 999 г. н. э.] и отвел у тех, кто жил там, водопровод. Наместником, пребывавшим там от аль-Хакима, был некто по имени Хильман/Хамлан, известный как Ибн Карадис. Царь списался с ним, чтобы он открыл проход в область, и соблазнял его, но он не ответил. Когда затянулись дело его, нахождение его там и лишение осажденных воды, Ибн Карадис просил о пощаде и поставил условием, что при уходе из страны он не ступит на его ковер и не будет препятствовать ни ему, ни тем из его сторонников, которые предпочтут двинуться вместе с ним. Тот ответил ему на это и отослал ему свой крест. Ибн Карадис открыл ворота и удалился со множеством населения ее в Хаму, а оттуда – в Халеб.

Царь наполнил Шайзар армянами, двинулся оттуда в Хисн-Аби-Кубайс, взял его по аману[1], двинулся на Хисн-Масйат, покорил и его, разрушил, двинулся на Рафанию, сжег ее, угнал в полон население ее и отправился, сжигая, разрушая и полоняя, пока не достиг Хомса, и подступил к нему. Кучка жителей укрепилась в находившейся там церкви святого Константина, рассчитывая на ее неприкосновенность. Когда о том узнали русы из его воинов, то сожгли ее. Была же эта церковь удивительная. Медь ее и свинец были увезены. Двинулся царь в окрестности Баальбека.

Джайш, сын Мухаммада ибн Самсама, полководец аль-Хаким би-амр-Аллаха в Дамаске, в своих письмах из Дамаска в Миср возопил, описал громадную численность ромеев и свою робость перед встречей с ними и воззвал к ним, чтобы подкрепили его деньгами, мужами и оружием. К нему были отряжены войска в подкрепление и отослано то, о чем он просил. Каждому наместнику в Сирии были разосланы письма, чтобы они двигались вместе с ним. Они двинулись все, так что в Дамаск сошлось столько войск, сколько, как полагаю, никогда не сходилось там ради ислама.

И вернулся царь прибрежной дорогой, и сжег ‘Арку, и срыл крепость ее, а потом подступил к Триполи во вторник 23 зу-ль-хиджжа 389 г. [6 декабря 999 г. н. э.]. И войско его обложило замок в четверг на третий день после того, как он подошел к нему. И окружил он рвом свое войско и отвел от замка водный канал. И пришли к нему две хеландии (тип судна), нагруженные припасами и продовольствием. И благодаря этому его войско было обеспечено. И переправил он в Бейрут и Библ отряд, что захватил немало народу, которого угнал в полон, и наполнил те хеландии пленными, и переправил их в свою страну. И разгорелась война между его сторонниками и населением замка на суше и на море, и бились во вторник 1 мухаррама 390 г. [13 декабря 999 г. н. э.], и было убито и ранено великое множество его сторонников. Затем же он отбыл от них в субботу 5 мухаррама того же года [17 декабря 999 г. н. э.], отправляясь в Антиохию по дороге на Лаодикию. И была продолжительность пребывания царя в земле ислама – со времени прихода его в Джиср-аль-Хадид до отбытия его от Триполи – два месяца без одного дня.

И был назначен наместником Антиохии магистр Никифор – тот самый комит, которого ранее уже посылали к ‘Адуд ад-Дауле Фанна-

[1] Аман – письменная или устная гарантия безопасности, выдаваемая победителем побежденному, часто – завоевателем осажденному городу.

Хусрау[1] в Багдад, когда к нему явился Склир[2]. И пребывал царь со своими войсками в округах Мопсуэстии и Тарса шесть месяцев, намереваясь вернуться в страну ислама.

И дошла до него весть о смерти куропалата Давида, царя грузин, в городе Олти. И двинулся царь в те края, и последовал за ним магистр, наместник Антиохии, с войсками. И получил царь прочую страну грузин и назначил наместниками над ней ромеев от себя.

И направился к царю эмир курдов Мумаххид ад-Даула Абу Мансур Са'ид ибн Марван, владетель Дийар-Бакра, и ступил на его ковер. И сделал царь его магистром и дукой Востока, и оказал ему благодеяния и милости, и возвратил его в его страну.

А царь еще до отправления своего в страну ислама отослал двух послов к аль-Хакиму, чтобы утвердить перемирие с ним и мир. И двинулся один из этих двух с ответом на то послание, которое привез, а другой задержался в Мисре в ожидании возвращения ответа. И когда задержавшийся посол проведал о выходе царя в край ислама и о том, какой след он там оставил и завоевания осуществил, то испугался за себя и упрашивал отпустить его в обратный путь к своему владетелю. Но в этом ему неоднократно было ласково отказано, пока не поступили вести об отбытии царя из стран ислама и возвращении его в собственный край. Тогда послу был дан ответ на его просьбу. И был приглашен Орест, патриарх Иерусалимский, двинуться вместе с послом для утверждения перемирия и заключения мира. И его свели с послом в присутствии Барджавана, главы державного ведомства, и было сказано посланнику: «Что утвердит этот патриарх, то наш владыка подпишет и одобрит». И были подарены каждому из них драгоценные почетные одежды и даны значительные подарки, и двинулись они в присутствие царя. И заключил Орест между ними перемирие на десять лет, и проживал в Константинополе четыре года и умер.

И когда установилось перемирие между царем и аль-Хакимом, то царь вернулся в Болгарию походом и оставался там четыре года и часто одерживал над болгарами верх, убивая и полоня. И бежал пред

[1] 'Адуд ад-Даула Фанна-Хусрау – эмир эмиров (верховный главнокомандующий, 949–983) из династии Буидов, сосредоточившей в своих руках власть над большей частью Ирана и Двуречьем и правившей от имени аббасидских халифов.

[2] Склир, Варда – византийский военачальник, руководивший восстанием против Василия II в 976–979 гг.

ним Комитопул, их царь[1]. И покорил он какие-то из их замков, а какие-то разрушил, другие же удержал за собой.

И в четверг 25 раби'а II 390 г. [4 апреля 1000 г. н. э.] убил аль-Хаким Барджавана-евнуха и назначил его писца Фахда ибн Ибрахима ар-Раиса на все его должности и поставил рядом с ним аль-Хусайна ибн Джаухара, и тот получил лакаб Каид аль-куввад («Полководец полководцев»).

И умер авва Илия, патриарх Александрийский, в Мисре в ночь на субботу 4 джумады II 390 г. [12 мая 1000 г. н. э.], и присутствовал при отпевании его Арсений-епископ, брат Ореста, патриарха Иерусалимского. И пришли вслед за его появлением два посла от аль-Хакима, из его приближенных гулямов, и выступили с повелением к прочим христианам-мелькитам произвести Арсения в патриархи взамен покойного Илии. И они ответили ему: «Слушаем и повинуемся». И был авва Илия перевезен в Александрию на второй день по его кончине, и созвал авва Арсений епископов, принадлежащих к Александрийскому престолу, и привез их в Александрию, и они помолились за него днем понедельника 11 раджаба 390 г. [17 июня 1000 г. н. э.]. И вернулся он, и обозрел остальной округ свой и престолы свои, и возвратился в Миср, и проживал там постоянно, пока не был убит.

И в двадцать шестом году царства Василия Сергий Мануилитис был произведен в патриархи Константинопольские. Он пребывал в сане девятнадцать лет и умер.

И пристрастился аль-Хаким спускаться в Миср переодетым по ночам, и поочередно обходил переулки и улицы с малым числом приближенных. Управляющие в Мисре выступили с повелением купцам зажигать светильники перед своими лавками и домами и торговать ночью, так что улицы и рынки казались по обустроенности ночью такими же, как днем. И затянулось такое положение вещей на какое-то время.

И простонародье и чернь, сходившиеся пред ним на рынках, дрались врукопашную, и толкались, и тешились кулачным боем. В четверг 24 джумады I 392 г. [10 апреля 1002 г. н. э.] это привело к ожесточенной войне между молодцами из населения Мисра и аль-Кахиры, соответственно, поскольку их сплочение вызвали двое мужчин, ранее врукопашную дравшихся перед народом. Война между ними случилась в местности ас-С-х-рай (?), известной как Захоронение

[1] Комитопулы – последняя династия Первого Болгарского царства.

ослятника. В тот день они разошлись, но через три дня, в субботу, вновь сошлись, по обещанию о встрече, что было между ними, и уже принесли оружие и приготовили военное снаряжение, и бились с большим ожесточением, и многое множество было убито из обеих шаек. Население Мисра отступило, а население аль-Кахиры последовало за ним, взяло платья христиан[1] и разграбило аль-Карафу и аль-Ма'афир[2]. Аль-Хаким убил Фахда ибн Ибрахима ар-Раиса в среду 7 джумады II 393 г. [13 апреля 1003 г. н. э.] и утвердил аль-Хусайна ибн Джаухара ведать делами.

Аль-Хаким схватил писцов диванов из христиан, затем они были заключены в понедельник 14 джумады II этого года [19 апреля 1003 г. н. э.], затем через неделю освобождены по запросу Абу-ль-Фатха Сахлана ибн Мукашшира христианин, его врача, который при аль-Хакиме был среди приближенных и который еще при аль-'Азизе пользовался любезным обращением, располагал видным местом, выдающимся положением в державе и величием. Каждому из них вернули должность, которую он занимал.

Еще раньше христиане-яковиты принялись за возобновление древней обветшалой церкви на подступах к Мисру, в месте, известном под названием Рашида. Мусульманский люд восстал и срыл то, что было выстроено. Аль-Хаким возвел на месте ее великую соборную мечеть. Срыли также две церкви, которые были по соседству: одну яковитскую и другую несторианскую. Их он перестроил в две другие мечети.

В аль-Кахире у ромейских христиан-мелькитов был квартал, который они населяли; они были выгнаны оттуда, а обиталища, принадлежавшие им там, срыты вместе с находившимися там двумя церквами. Весь квартал был сделан одной мечетью, и он назвал ее аль-Азхар и переселил ромеев в местность, известную как аль-Хамра. Здесь им сделали квартал и возвели здесь три церкви взамен тех церквей, которые были у них срыты в том квартале.

Аль-Хаким воспретил продажу вина: чтобы оно, в каком бы ни было количестве, выбрасывалось, чтобы все сосуды, что имелись у виноторговцев и кабатчиков, были разбиты, содержимое – вылито, а постройки, где обретались люди развращенные и бесстыдные и куда они сходились, – уничтожены; и разогнал толпы их.

[1] *Naṣārā*. Вариант: *naẓẓāra* – смотрителей.

[2] Аль-Карафа – юго-восточный квартал Каира у подножья горной цепи Мукаттам, где впоследствии образовался обширный некрополь (Город мертвых). Аль-Ма'афир – прилегающий к аль-Карафе пригород Каира.

Он возбранил женщинам открывать лица на похоронах, и плакать и рыдать там, а плакальщицам – выходить за мертвецом с барабанами и свирелями, и посягать на прочих певиц.

В 395 г. [октябрь 1004 – октябрь 1005 г. н. э.] объявился в округе Халеба некий воитель по имени Ахмад ибн Хусайн Асфар Таглиб («Желтый из таглибитов»), известный как аль-Асфар («Желтый»), и надел бедняцкую одежу. За ним последовало целое сборище арабов и жителей селений из мусульман, а в сопровождении его – некий муж из знатных арабов, известный как аль-Джамали. Он стал лагерем у Шайзара и совершил набег во главе множества арабов и других, кто сошелся к нему: встретил войско ромеев, взял его, обрушился врасплох на наместника Артаха и пошел, имея целью Антиохию, по направлению к Джиср-аль-Хадиду. Встретил его в Махруне один патрикий, которого звали Бигас, гулям Склира, с войском, находившимся при нем. Тот, кого знали как аль-Джамали, был убит, а аль-Асфар отступил в область Саруга. Донеслось до магистра, что аль-Асфар – житель Джазиры, из села, известного как Кафар-Аззун, в области Саруга. Это село с многочисленным населением, окруженное валом. Направился против него магистр с войсками, набранными со всех сторон, переправился через Евфрат и стал лагерем у Кафар-Аззуна. А туда уже сошлось большинство населения тех округов из-за его крепкого местоположения. Он пребывал перед ним двадцать восемь дней, завоевал его, взял там двенадцать тысяч пленных и множество добычи, взял и близких родственниц аль-Асфара, а что до последнего, то он бежал ночью. Еще ранее сошлись прочие арабы бану нумайр и бану килаб с Вассабом ибн Джа'фаром, владетелем Саруга, числом более шести тысяч всадников, против магистра. Он встретил их, разгромил и вернулся в Антиохию победителем, с добычей.

Магистр усердствовал в поисках аль-Асфара и просил его у Вассаба, владетеля Джазиры, но тот не счел возможным сдать его ему, боясь восстания мусульман. Посредником между ними стал тогдашний владетель Халеба, Лу'лу' аль-Кабир, с тем чтобы аль-Асфар был навеки заключен у него в крепости Халеба. Увез он его туда в ша'бане 397 г. [апрель – май 1007 г. н. э.], а Лу'лу' заковал его и заключил в крепости. Он оставался там заключенным до тех пор, пока Халеб не достался магрибинцам в 406 г. [июнь 1015 – июнь 1016 г. н. э.].

В пятницу 17 мухаррама 395 г. [3 ноября 1004 г. н. э.] аль-Хаким приказал христианам и иудеям, за исключением хайбарцев[1], наде-

[1] Потомки иудейского населения оазиса Хайбар на севере аравийской области Хиджаз, пользовавшиеся особым правовым статусом, основанным на

вать кушаки-зуннары на чресла и черные чалмы на головы. То же было взято за образец и в остальных округах его государства.

Он также выступил с повелением писать на соборных и других мечетях, стенах и проходах проклятия Абу Бакру, ʻУмару, ʻУсману, Муʻавийи ибн Аби Суфйану и другим сподвижникам и всем аббасидским халифам, что было очень чувствительно для мусульман, следовавших суннитской школе права. В то же самое время он обрек их на всяческие оскорбления и унижения.

Он осудил злоупотребление питьем фруктового пива, употребление в пищу овоща мулухийа, овоща, известного как джирджир, и употребление в пищу таллинаса (угря?) и прочей рыбы без чешуи. Когда находился кто-либо попавшийся на продаже или покупке чего-либо из того, то подвергался каре и выставлялся на позор, и мало кто из них спасся от убиения.

Он выступил с повелением, чтобы никто не входил в баню, не повязав вокруг пояса полотенца, скрывающего его срам. В банях неоднократно устраивались облавы, и там было взято множество народу без полотенец, наказано и выставлено на позор.

Он дал волю мечу в кровопролитии среди всех людей всяких разрядов, и даже истреблял старейшин кутамийцев и знать своей державы, так же как и самых незначительных людей.

Он перебил всех, кто был в тюрьмах, так что те еще долгое время оставались пусты. Стоило на кого пасть какому подозрению, будь оно малым или большим, как он его убивал и сжигал, и продолжал так поступать еще некоторое время. Кутамийцы сошлись и взмолились к нему, как и прочие писцы, сановники, ополчение, купцы, простонародье, христиане и иудеи, упрашивали его о прощении. После того он каждому из этих сословий письменно засвидетельствовал пощаду, и выдал такие же свидетельства торговавшим на каждом рынке и всякому сборищу среди простонародья.

Он выступил с повелением перебить всех собак, что были в Мисре, кроме охотничьих, из-за того что они лают ночью, когда он проходил по улицам и дорогам. Было то в рабиʻе I 395 г. [январь – февраль 1005 г. н. э.].

В том же году он учредил в аль-Кахире Дом науки, перенес туда из своего хранилища многочисленные книги, освещавшие самые разные науки и виды образованности, назначил туда хранителей и

договоре, заключенном ими с основателем ислама Мухаммадом, несмотря на то что после его кончины (и якобы в соответствии с его предсмертной волей) они были переселены из первоначальных мест обитания в Месопотамию.

сторожей, положил им жалованья из своих средств, дозволил прочим людям без исключения переписывать что захотят и пожелают прочесть. Он дал степени ряду лиц, которые преподавали людям науки, но совсем вскорости некоторых из них перебил. Оставшиеся спрятались из страха быть убитыми.

[Далее в переводе опущен фрагмент о берберском восстании Абу Раквы (аль-Валида ибн Хашима) в Магрибе под знаменем суннизма против Фатимидов, сопровождавшемся природными бедствиями: все действие разворачивается в Северной Африке (Киренаика, Нубия, Египет), кроме следующего эпизода:]

Аль-Хаким созвал арабов-тамимийцев, которые находились на плоскогорьях по всей Сирии. Аль-Муфарридж, сын Дагфаля ибн аль-Джарраха, призвал трех из своих детей, именно ʻАли, Хассана и Махмуда, и переправил с ним несметное сонмище арабов[1]. Аль-Хаким осыпал их жалованьями и роздал им оружие.

* * *

Мы уже ранее упомянули, что халиф возбранил вино, воспретил его открытое потребление и сам стал избегать его и воздерживаться от питья его.

После того как скончался его врач Абу-ль-Фатх Мансур, сын Сахлана ибн Мукашшара, взял он себе во врачи Абу Йаʻкуба Исхака, сына Ибрахима ибн Анастаса. Последний убедил его пить вино и объяснил его пользу. Халиф послушался его совета, отверг прежнее воспрещение, призвал к своему двору множество певцов и музыкантов, пил, слушая их музыку, веселился с ними и оказывал им благодеяния. Люди вернулись к прежнему образу жизни, торгуя пивом, мулухийей, таллинас и прочей рыбой без чешуи.

Через какое-то время умер Абу Йаʻкуб ибн Анастас, врач. Халиф отказался от всего этого, запретил пить вино наистрожайше, становился чем дальше, тем строже, запретил даже продажу и ввоз изюма и меда, сжег и потопил в Ниле большое их количество, принадлежавшее купцам, на огромные деньги. Сосуды, где хранится вино, были разбиты, а изготовлять их – запрещено.

[1] Речь о т. н. Джаррахидах – представителях знатного бедуинского рода бануль-джаррах, игравших важную роль в сиро-палестинском регионе середины X – начала XI в., особенно в связи со стратегическим значением их заиорданских кочевий для обеспечения безопасности мусульманского паломничества.

В 397 г. хиджры [сентябрь 1006 – сентябрь 1007 г. н. э.], соответствующем 1318 г. Александра, между всеми толками христиан во всех климатах[1] случился великий спор и многие сомнения относительно их пасхального счета. Дело в том, что некоторые считали, что Пасха христиан в упомянутом году будет 6-го числа нисана (апреля) по ромейскому летосчислению, а это 15 раджаба. Другие же считали, что Пасха в этом году должна быть в следующее затем воскресенье, именно 13-го числа ромейского нисана, а это 22 раджаба. Причиной этого сомнения был пасхальный счет иудеев, ибо общеизвестно, что пасхальный счет христиан – производное от пасхального счета иудеев и что, на какой бы день недели ни пришлась Пасха иудеев в следующее воскресенье всегда будет праздноваться Пасха христиан. Если, например, Пасха иудеев случится в эту субботу, то будет Пасха христиан в воскресенье, на следующий день, если же Пасха иудеев случится в воскресенье, то это воскресенье будет Вербным, а следующее за ним воскресенье – Пасха христиан, потому что те и другие никогда не празднуют Пасху в один и тот же день. По некоторым вычислениям, из которых они исходили при решении этой задачи, выходит, что Пасха иудеев приходится на субботу, 5-е число греческого месяца нисана, соответствующее 14 раджаба, и по этому счету Пасха христиан должна была праздноваться в следующее за этим днем воскресенье. По другим вычислениям выходило, что Пасха иудеев приходится на воскресенье 6 нисана, то есть 15 раджаба, и по этому счету Пасха христиан должна была быть в следующее воскресенье. Из одних таблиц, содержавших пасхальный счет, вытекало речение первого толка, а из других подтверждалось речение второго. Спор затянулся.

Отовсюду доставлялись письма с взаимными запросами о том, кто на каком мнении в том остановился. Приходили письма одних к другим, и исходили письма от последних к первым, чтобы разведать, на чем состоялось у них соглашение. Тогда все христиане, проживающие в Мисре, – мелькиты, несториане и яковиты, – согласились на том, что Пасха иудеев в субботу 5-го числа ромейского нисана, то есть 14 раджаба, а Пасха христиан – на следующий день, в воскресенье. А иерусалимляне держались второго мнения и положились на него.

[1] Климат (араб. *iqlīm*, от греч. κλίμα) – одна из обширных природно-географических зон, опоясывающих земной шар, термин античного землеописания, усвоенный арабской наукой.

Прибыли их письма и письма сирийцев в Миср с запросом о том, на чем там согласились. Написал Арсений, патриарх Александрийский, иерусалимлянам, излагая им то, что, по его разумению, правильно в принятом египтянами решении и что оно и есть истинное, из которого следует исходить. Было это в седьмом году его архипастырства[1].

Не было тогда патриарха над Иерусалимом. Дело в том, что со смерти Ореста, патриарха Иерусалимского, в Константинополе, Арсений, патриарх Александрийский, сделался местоблюстителем Иерусалима.

Рукополагал он митрополитов и епископов для этого престола Иерусалимского и рукополагал для этого престола начальников. Написали также главы яковитов и несториан к своим единоверцам, проживающим в Сирии и в других странах, уведомляя их о том, на чем согласились египтяне и что это истинно. Прибыли письма, и приняли их все, кроме иерусалимлян, не согласившихся с их мнением, сочтя, что правильно то мнение, на которое они сами положились. Арсений, патриарх Александрии, был о том извещен и написал им, опровергая их мнение и уведомляя их, что они ошибаются в том, на чем сошлись, и что правильно – то, на чем согласились египтяне. Прибыли его письма к ним вечером в четверг той недели, в которую мелькиты избегают есть мясо, – пост, что приписывается царю Ираклию, – а иерусалимляне ранее вменили себе в обязанность не поститься в эти четыре дня и ели мясо, пока не доставили им письма патриарха, и собирались соблюсти пост и отпраздновать Пасху по тому, на чем согласились.

Когда письма его прибыли к ним, то они отказались от того и постились в пятницу, следовавшую за тем днем, и прекратили потребление мяса с той ночи. Население Антиохии согласилось на том же, что и население Мисра.

Иудеи, проживающие в Сирии и Мисре, отметили Пасху свою в субботу 5 нисана, то есть 14 раджаба, а всеми христианами Пасха повсеместно праздновалась в воскресенье, 6 нисана, или 15 раджаба, кроме немногих яковитов из населения Верхнего Египта, которые отпраздновали в следующее воскресенье.

[1] Подробнее см.: *Кузенков П. В., Панченко К. А.* «Кривые Пасхи» и Благодатный огонь в исторической ретроспективе // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2006. № 4. С. 1–29 (То же // *Панченко К. А.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 57–88).

Я намерен составить отдельное рассуждение с изложением причин, по которым возникло это недоразумение и как надлежит остерегаться его, и укажу те годы, в которые оно случается. Я решил было именно в этом месте поместить в этой моей книге сущность того, что хочу изложить в том рассуждении, но счел, что это находится за пределами той цели, к которой я стремился. Если бы то, что я упомянул об этом, не входило в совокупность событий, которые надлежит заносить в летописи и жития, то я умолчал бы о нем. Но перенаправляю того, кто желал бы получить знание о вычислении Пасхи христиан и их постов с обстоятельным пояснением, ко второму рассуждению книги патриарха Са'ида ибн Батрика, к которому настоящее наше сочинение служит продолжением и приложением; ибо эту главу от начала до конца он посвятил знанию об основании иудейского пасхального счета и способа вычисления из него Пасхи христиан и их поста, особенно во втором списке, который он переделал и утвердил окончательно. Он вдвое обширнее и полнее первого списка, который он переделал и изменил.

Вернемся же к тому, на чем мы прервались в летописи!

У христиан в Иерусалиме был обычай, выполняемый ежегодно. Во время празднования Вербного воскресенья из церкви, известной как Лазарева, в церковь Воскресения, – а между ними далекое расстояние, – переносилось огромное оливковое дерево. Пересекали с ним улицы града, с чтением, молитвами, неся крест открыто. С ними ехал городской наместник со всей своей свитой и разгонял всех с дороги.

Был обычай в Египте и в прочих странах украшать церкви на праздник ветвями оливы и сердцевинами пальм и раздавать от них людям в качестве благословения. В этом году аль-Хаким запретил населению Иерусалима этот их обычай и приказал, чтобы ни в одном округе его государства такого в этот день не делалось. Так чтоб не было принесено ни одного оливкового листа и ни одной пальмовой ветви в какую-либо из остальных церквей и чтоб ничего подобного не замечалось в руках ни у одного мусульманина, христианина или кого иного из людей. Он возбранил им это самым решительным образом.

В день Лазаревой субботы этого года он наложил руку на вакфы[1] церквей и монастырей, древние и новые, исключительно в Египте, не касаясь других стран, и перевел их на свое имя. Это было в субботу 10 раджаба 398 г. [20 марта 1008 г. н. э.].

[1] Вакф – имущество, пожертвованное религиозным учреждениям.

Он отправил в отставку Каид аль-куввада аль-Хусайна ибн Джаухара с должности распорядителя дел и в ша'бане 398 г. назначил на эту должность Салиха, сына 'Али ибн Салиха ад-Давидари, а в месяце рамадане 399 г. [апрель – май 1009 г. н. э.] дал ему лакаб Сикат сикат ас-сайф ва-ль-калам («Надежный из надежных мечом и пером»).

Один из писцов оклеветал писца, известного как Мансур ибн Са'дун христианин, заведывавшего сирийским диваном, множество писцов египетских диванов и некоторых писцов-мусульман. От них потребовали отчета по занимаемым ими должностям и изъяли у них все имущество. Выступил аль-Хаким, дабы покарать их, в частности христиан, повесил множество их за руки и взял все, что у них было. Они провели много дней, вися на холодном ветре, на солнечном зное и под проливным дождем, пока не умерла некоторая часть из них под пыткой. Затем кучка из них обратилась в ислам и была освобождена и прощена, а остальным – разрешено не обращаться в ислам, и прекращены домогательства. Об их вызволении усердствовал Мансур ибн 'Абдун, который в ислам не обратился.

В 399 г. [1008–1009 г.] аль-Хаким приказал, чтобы христиане в банях отличались от мусульман крестом, носимым на шее, а иудеи чтобы отличались колокольчиком вместо креста. Они некоторое время носили это, а затем перестали.

Было написано в Дамаск о срытии соборной церкви Богородицы; это была большая, хорошая церковь; она была срыта в раджабе этого года [март 1009 г. н. э.].

Срыл он церковь Марии аль-Кантары в Мисре в воскресенье 18 зу-ль-хиджжа этого года [13 августа 1009 г. н. э.], причем срыл до основания. Все ее движимое имущество и развалины были разграблены. При ней было много гробов и могил христиан. Суданцы, рабы и чернь вырыли погребенных там мертвецов, их кости были разбросаны, так что собаки съели мясо новопреставленных из их числа. По соседству с этой церковью был собор, принадлежавший яковитам, во имя святого Космы. На него он также простер руку, и он был снесен.

Аль-Хаким изъял прочую недвижимость своих родительницы и сестры, теток, гарема и приближенных женщин, имения их и прочие икта'[1], как то: дома, сады, бани, в Мисре, аль-Кахире и ее округах в частности, и изъял это для себя.

Предписал он также в Сирию Йаруху, наместнику Рамлы, срыть церковь святого Воскресения, уничтожить ее виднейшие части и

[1] Икта' – земельное держание, дававшееся на условиях несения военной службы.

окончательно разбить почитаемые святыни ее. Отослал Йарух Йусуфа, своего сына, и аль-Хусайна ибн Захира аль-Ваззана, а вместе с ним отослал Абу-ль-Фавариса ад-Дайфа. Забрали они всю находившуюся в ней утварь, а саму ее полностью сровняли с землей, за исключением тех частей, срыть которые было слишком трудно и разбить которые невозможно.

Были срыты Краниона, Мар-Кустантин и прочее, что включали в себя его пределы, и окончательно уничтожены досточтимые святыни его.

Старался Ибн Аби Захир разбить Гробницу и стереть самые признаки ее существования, раздробил большую часть ее и разбил ее. Был по соседству с ней женский монастырь, известный как монастырь ас-Сари. Он тоже был срыт. Начался снос всего этого во вторник 5 сафара 400 г. [28 сентября 1009 г. н. э.]. Пустили на продажу прочие ее мульки[1] и вакфы и изъяли всю ее утварь и литье.

* * *

Повелел также аль-Хаким во вторник 2-го числа месяца рамадана 400 г. [18 апреля 1010 г. н. э.] срыть монастырь аль-Кусайр, – а это монастырь, принадлежащий мелькитам на горе Мукаттам у Мисра, возведенный над захоронением святого Арсения, – и разграбить все, что там было. Тогда там в богопоклонении проживал Арсений, патриарх Александрийский, и вывел из него всех населявших его монахов. Этот патриарх Арсений ранее обвел монастырь неодолимым валом, населил его, обновил и добавил в нем многочисленные постройки. Все это было срыто, и монастырь запустел. Рядом с ним у христиан-мелькитов были могилы и погребения для своих мертвецов. Податной люд и рабы, совместными силами, открыли их все, вырыли тех, кто был там, взяли также их гробы и разбросали их кости. Это было дело отвратительное, подобного которому не видывали и сходного с которым не бывало в прежние времена.

Донеслось это до аль-Хакима, и он приказал, уже после всего свершившегося, прекратить вскрытие захоронений и посягательство на мертвых. Отправил он сразу же кого-то в Дамиетту и срыл церковь Святой Марии, известную как Канисат-аль-'Аджуз. Разрушение ее окончилось в пятницу 12 рамадана этого года [28 апреля 1010 г. н. э.]. При ней было также много могил местных христиан-мелькитов. Их разрыли, собор был сильно разрушен, и разом уничтожены были

[1] Мульк – земельное владение, находящееся в частной собственности.

его реликвии в совокупности. Наложили руку на его утварь и прочие вакфы. Говорят, что в большей части стран в государстве ислама, после церкви Воскресения в Иерусалиме, не было церквей так хорошо сооруженных, с таким поразительным обустройством, с такими принадлежностями и сосудами из золота и серебра, такой утварью и такой обширной недвижимостью. На ее месте была построена казарма, а в ней устроена мечеть.

Вечером во вторник 22 зу-ль-ка'да 400 г. [7 июля 1010 г. н. э.], то есть 4 таммуза 1321 г. [4 июля 1010 г. н. э.], был тайно убит патриарх Арсений, пробывший на патриаршем престоле десять солнечных лет и 11 дней; под конец своих дней он прекрасно вел себя: смирял себя молитвой, постом, богопоклонением и благочестивыми упражнениями и взялся за это с большой охотой.

* * *

Аль-Хаким отправил аль-Кафи Мансура ибн 'Абдуна в отставку с ведомства государственных дел, а спустя непродолжительное время после отставки убил его. В тот же самый день, то есть в четверг 4 мухаррама 401 г. [17 августа 1010 г. н. э.], он передал дела Ахмаду ибн аль-Касури и его также убил на девятый день исполнения им обязанностей, а вместо него поставил Зар'у, сына 'Исы ибн Настураса, христианина, и через несколько дней исполнения им обязанностей дал ему лакаб аш-Шафи («Целитель»).

Бежали Джа'фар и Абу Джа'фар, сыновья аль-Хусайна ибн Джаухара, и один младший несовершеннолетний их брат, по имени Джаухар, в Сирию в то время, когда Ибн аль-Джаррах завладел ею, чтобы направиться к царю Василию. Написали они наместнику Антиохии, патрикию Михаилу, известному как Китоний, прося у него разрешения приехать в Антиохию. Повелел он им обождать, пока он не попросит разрешения для них у царя. Не хватило им времени терпеть. Решили они отправиться в Ирак, но были захвачены и убиты. Дело в том, что они ранее направились к Хассану, сыну аль-Муфарриджа ибн аль-Джарраха, и упрашивали его переправить их. Посулил аль-Хаким за поимку их двести тысяч динаров, и тот сказал им тогда, пойдя на коварство: «Старайтесь сами для себя», переправил их по пути, где они остановились в местности, известной как ас-Сувайда, из округов Дамаска, в одном дне от него, и донес на них Мухтар ад-Дауле Абу 'Абдаллаху ибн Наззалю. Последний поспешил к ним, схватил их и убил в Дамаске. Головы их были отвезены в Миср в раби'е II 403 г. [октябрь – ноябрь 1012 г. н. э.].

Приказал аль-Хаким в мухарраме 401 г. [август – сентябрь 1010 г. н. э.], дабы с покровительствуемых из христиан и иудеев требовалось, чтобы они сменили цветные зуннары, которые надевают, и ограничились черными зуннарами.

Уполномочил аль-Хаким тюрка Йаруха, носившего лакаб 'Алам ад-Даула («Знамя державы»), командовать прочими ратями своими, дал ему лакаб Амир аль-умара' («Эмир эмиров»), назначил его наместником Сирии и отправил его туда. Повез с собой Йарух свою жену, которая была дочерью вазира Йа'куба, сына Йусуфа ибн Киллиса. С собой они повезли все свое движимое имущество и приобретенные ими драгоценные вещи. Двинулся он в сопровождении каравана купцов с их собственными значительными средствами и большим имуществом. На подступах к Газе перекрыл им дорогу аль-Муфарридж, сын Дагфаля ибн аль-Джарраха, и его дети, обрушился на них, присвоил все, что у них было, взял в плен Йаруха и убил его.

Двинулся Ибн аль-Джаррах в Рамлу, вошел в нее, отдал ее арабам на разграбление, взял у людей там их достояние, схватил всех, кто там был, изъял и отнял у них имущество. Обеднело там множество людей. Он провозгласил призыв от имени Абу Фараджа аль-Хасана ибн Джа'фара аль-Хасани, тогдашнего эмира Мекки, нарек его повелителем верующих, дал ему лакаб ар-Рашид ли-дин-Аллах («Праведный в вере Аллаха») и отчеканил монету с его именем. Арабы хозяйничали в Сирии, покорили ее от Пелузия до Тивериады и долгое время осаждали береговые замки, но не смогли взять ни одного.

Аль-Муфарридж ибн аль-Джаррах обязал христиан вновь выстроить церковь Воскресения в Иерусалиме и произвел в патриархи над Иерусалимом одного из епископов его округа по имени авва Феофил, бывшего в городе Хибале. Он пребывал на престоле восемь лет и умер. Аль-Муфарридж ибн аль-Джаррах пособлял при постройке церкви Воскресения и, по мере возможности и сил, вернул ей многие местности.

Призвал Ибн аль-Джаррах Абу-ль-Футуха аль-Хасани из Мекки. Он двинулся в Сирию, прибыл в Рамлу в субботу 23 сафара 408 г. [13 сентября 1012 г. н. э.], вступил в нее верхом на кобыле с седлом и железными удилами, остановился там в эмирском доме, составил письмо, которое прочитали людям, о том, чтобы никто не целовал перед ним земли, так как это подобает одному Богу – велик Он и могуч! Он доставил с собой из Хиджаза много денег. Арабы проели их, стали препятствовать ему, не соблюли его прав, соответствовавших тому, чем они же облекли его. Он наблюдал, как его власть ослабевает.

Между тем аль-Хаким, с целью повредить ему, сулил за него внушительные деньги Хассану ибн аль-Муфарриджу, чтобы тот уговорил своего отца окончательно убедить Абу-ль-Футуха в безысходности его положения. Тот внушил ему двинуться с места и отправил с ним одного гуляма из своих приближенных гулямов, известного как Абу-ль-Кауль, который и проводил его в безопасное укрытие. Когда Абу-ль-Футух возвратился в Мекку, то прежним порядком провозгласил там призыв от имени аль-Хакима – это после того, как провозглашал его от собственного имени, и написал аль-Хакиму, прося извинить и моля простить. Тот принял его извинение, одарил его и облагодетельствовал.

Попала Сирия в руки сынов аль-Джарраха, и они пребывали властителями над ней до мухаррама 404 г. [июль – август 1013 г. н. э.]. Их вымогательства и насилия, шедшие непрерывно, отяготили людей. Много народу из живших в Сирии христиан бежало, и все они направились в страны ромеев; большинство направилось в Лаодикию и в Антиохию и расселилось в обоих городах.

Умер аш-Шафи Зар'а, сын 'Исы ибн Настуруса, христианин, в понедельник 12 сафара 403 г. [1 сентября 1012 г. н. э.]. Он был человек благого жития и похвального поведения, любим своим государем и прочей ратью и писцами его. После него ведать делами был поставлен аль-Хусайн ибн Захир аль-Ваззан, во вторник 19 раби'а I этого же года [7 октября 1012 г. н. э.], и получил после того лакаб Амин аль-умана' («Поверенный из поверенных»). Халиф убил его в понедельник 11 джумады II 405 г. [6 декабря 1014 г. н. э.].

Выступил аль-Хаким в пятницу 8 раби'а II 403 г. [27 октября 1012 г. н. э.] с повелением христианам и иудеям, кроме хайбарцев, надевать черные повязки и угольно-черные чалмы, и чтобы впридачу к зуннару вешали на шеи деревянные кресты, и чтобы не ездили на лошадях, и ездили с деревянными стременами и седлами и удилами из черной кожи, на которых не виднелось бы никакого украшения, ни малейшего следа серебра, и ни в коем случае не нанимали бы мусульман. Во всех округах государства их обязали к этому. Они надели кресты длиною в фитр[1]. Через месяц он усугубил все это и сделал их длиной и шириной в пядь.

Халиф выступил с повелением записать имена всех мусульманписцов, годных для службы, но безработных и отстраненных от исполнения в диванах и округах, чтобы принять на работу тех, кем

[1] Расстояние между кончиками большого и среднего пальцев.

заместит христиан, так как прочие писцы его, за немногими исключениями, и служащие у него, и врачи государства его были христиане.

Между ними распространилось много дурных пересудов и ужасающих слухов. Сошлись все находившиеся в Мисре христиане – писцы, сановники, врачи и другие – со своими епископами и священнослужителями, направились ко дворцу его в четверг 12 раби'а II этого года [30 октября 1012 г. н. э.] и, начиная от ворот аль-Кахиры, обнажили свои головы и шли босиком, плача, взывая к нему о поддержке и упрашивая о прощении и снисхождении. На протяжении всего остального своего пути они не переставали целовать прах, пока не прибыли в таком виде к его дворцу. Он отправил к ним одного из своих сторонников. Тот человек взял от них написанное ими прошение, в котором они просили простить их и снять опалу. Возвратился к ним посланник и передал им благосклонный ответ. В этом же смысле аль-Хусайн ибн Захир аль-Ваззан также произнес перед их старейшинами любезную речь и обещал им то, на что они положились и успокоились сердцем. Они предчувствовали, что положение их уладится и что к ним питают добрые намерения, и стали утешаться указом, прочитанным им, о даровании им безопасности и спокойствия. Когда же настало воскресенье в середине месяца раби'а II этого же самого года [2 ноября 1012 г. н. э.], им снова приказали увеличить носимые ими на шеях кресты и сделать их длиной в царский локоть и такой же ширины; перекладины же его – шириной в две трети пядени и толщиной в палец. Этим халиф задумал огорчить их, в особенности своих приближенных писцов дивана и чиновников у него на службе, без которых он не мог обойтись.

Удивительнее всего, что ранее, в сафаре 402 г. [сентябрь – октябрь 1011 г. н. э.], он приказал, чтобы не было видно ни одного креста, чтобы они не попадались на глаза и чтобы не били ни в одно било; так что кресты были сорваны с церквей, и стерты следы их с наружной стороны соборов и храмов; а затем, теперь, он приказал показывать кресты столь явно! Иудеи так и не надели при отличавшем их черном цвете ничего деревянного. Ныне же было им возглашено, чтобы они вешали себе на шею деревянный обрубок в пять ритлей в память о голове того тельца, которому они некогда поклонялись.

Стращал он христиан, и ужаснулись они. Среди них распространились пересуды и слухи, и многие христиане – старейшины писцов, трудоустроенные и иные – обратились в ислам. За ними после-

довало много народу из простолюдинов-христиан; также множество иудеев обратилось в ислам. Умножились среди остальных христиан, не обратившихся в ислам, слухи о том, что им отрубят члены и что их имущество и домочадцев распродадут рабам и приверженцам халифа. Он обрушился с требованиями и розыском на тех писцов и чиновников, кто затаился и скрылся. Дома отсутствовавших были разграблены, и их собственность описана. Большинство из них обратилось в ислам, следуя один примеру другого и приставая один к другому; других осталась только незначительная группа, считаные единицы. В течение каких-то дней на дорогах не было видно ни единого христианина. Большинство иудеев удержалось и в ислам не обратилось, кроме малой кучки. Точно так же христиане, находившиеся в остальной стране, тоже удержали свое вероисповедание; в остальных округах государства обратилась в ислам только малая часть, за исключением, в частности, населения Мисра, чье положение, как мы упомянули, связано с тем, что события происходили у них на глазах и поблизости. Злые намерения против них проявились также в том, что одновременно с постигшим их в те дни он отдал в икта‘ и подарил военным по всему Мисру и во всех округах государства прочие церкви и монастыри, древние и новые – их же было много тысяч – со всей их утварью, литьем и движимым имуществом, чтобы они их срыли и обобрали развалины. Все это было срыто, а небольшое число из них переделано в мечети. Предписал он в остальные округа стереть с лица земли признаки существования церквей и уничтожить следы их. Это было исполнено, и их основания разбиты в земле, а в некоторых странах выброшены из церквей кости мертвых, и люди топили ими бани. Свитки и книги, найденные в церквах, были сожжены. В каждом городе с христиан – церковных смотрителей – взимали чем заплатить рабочим и разрушителям, превратившим церкви в развалины. Опустошению подверглось все находившееся в округах его государства, кроме того монастыря, прославленного в древности как аль-Искит, что в Марйуте, из округов Александрии, который известен как монастырь Абу-Макара, и соседней с ним обители. Все потому, что до него дошло, будто два арабских племени, известные как бану курра и бану килаб, защищают его и не допускают к нему, из-за собственных выгод от него, и он не тронул его, пусть и против своей воли.

Он отдал в икта‘ церкви Кульзума, монастырь Раба и монастырь горы Синай одному человеку из арабов, известному как Ибн Гийас, и высказался за то, чтобы срыть монастырь горы Синай и построить

там мечеть. Тот человек разрушил некоторые церкви Кульзума, присвоил утварь всех из них, срыл одну из двух церквей монастыря Раба, взял также монастырский скарб и утварь и двинулся в монастырь горы Синай, чтобы неукоснительно свершить то, что ему было повелено. Тогда на горе Синай был некий муж, писец, принявший там монашество и с недавнего времени поселившийся там, по имени Сальмун ибн Ибрахим, из знати населения Мисра, старец и мудрец, умный и распорядительный. Он вышел к нему, хорошо встретил, оповестил, что тамошние епископ и монахи поспособствуют ему в том, что он просит, и не станут запрещать ему, и сдал ему всю утварь монастыря и его литье золотое и серебряное. Любезно беседуя с ним, он разъяснил ему, что ему или кому другому будет трудно срыть его ввиду его крепкого местоположения и прочной постройки; ему нужно будет истратить на это большую сумму, превышающую то, что он получит от этого. Ибн Гийас попросил сумму денег за то, что уберется без посягательства на него, и дело это уладилось с ним так, что он остался доволен: тот вручил ее, и он удалился оттуда, не посягнув на него.

До халифа донеслось, что множество христиан встревожились, испугались в душе проживания в его стране и тяготились отличиями, и что они тайком пробираются в страну ромеев и сулят мзду заведующим караулами и дорогами, чтобы они пропускали их. Тогда он особо оглашенной грамотой разрешил в сафаре того же года [404; август – сентябрь 1013 г. н. э.] многим христианам и иудеям направляться в страну ромеев вместе со своими семействами, имуществом и тем, что увезут с собой, и поступать в этом деле по своему усмотрению, в безопасности и спокойствии, благодетельствуя им и попуская, не питая ни против кого из них неудовольствия за отъезд. Напротив того, он предоставил им в том выбор и написал о том во все округа государства своего, и взяли то за образец. Много народу из христиан – тех, кто устоял в своем вероисповедании, и тех, кто обратился в ислам, – перебрались из Мисра и разных частей Сирии явно и открыто, продав ту свою собственность и движимость, перевозить которые им было тяжело. Им нигде не перекрывали пути и не обыскивали. Направились они в Лаодикию, Антиохию и другие части страны ромеев.

Что же касается аль-Муфарриджа, сына Дагфаля ибн аль-Джарраха, то он владел и обладал Сирией два года и пять месяцев. В течение этого срока аль-Хаким не переправлял туда ни рати, ни войска до мухаррама 404 г. [июль – август 1013 г. н. э.], когда пере-

правил на встречу с ним ʻАли ибн Фалаха, носившего лакаб Кутб ад-Даула, с большой ратью, в которой собрал основную часть мужей своего государства. Тем ратям, которые стояли в Дамаске и на побережьях, также письменно приказали встретить посланного, и двинулись с двух сторон войска против него. При таких обстоятельствах случилось, что аль-Муфарридж, сын Дагфаля ибн аль-Джарраха, умер. Когда его сыновей известили о том, что эти рати направляются против них, они сбежали с арабами на плоскогорье и покинули Рамлу и всю прочую страну, над которой возобладали. Кутб ад-Даула ʻАли ибн Фалах вступил в Рамлу. Бежал авва Феофил, патриарх Иерусалимский, и некоторое время скрывался, затем вернулся в Иерусалим, проживал в нем и был обласкан Кутб ад-Даулой.

* * *

Лу'лу', гулям Ибн Хамдана, и его сын, Мансур ибн Лу'лу', овладели Халебом по смерти Абу-ль-Фадаиля, сына Са'д ад-Даулы ибн Хамдана. Притеснял Мансур ибн Лу'лу' двух сыновей Абу-ль-Фадаиля весьма сильно, пока они не откупились тем, что вышли из Халеба и покинули его, и направились к аль-Хакиму, – а это изложено выше.

Бежал из Халеба также в женской одежде Абу-ль-Хайджа' ибн Са'д ад-Даула и укрылся у Василия, царя ромеев.

Умер Лу'лу' в мухарраме 399 г. [сентябрь – октябрь 1008 г. н. э.], и эмират всецело перешел к его отпрыску, Мансуру ибн Лу'лу'. Не терпели его многие из халебцев и желали Абу-ль-Хайджа', так же как и эмиры бану килаб, управлявшие страной Халеба. Побудил его взять его, магистр Абу Мансур Ахмад ибн Марван, владетель Дийар-Бакра, носивший лакаб Мумаххид ад-Даула («Выравнивающий путь державы») – это племянник Бада-курда – уйти из страны ромеев в Халеб, упрашивал царя отпустить Абу-ль-Хайджа' и упомянул ему, что пособит ему в отвоевании эмирата и не обяжет его службой – ни мужами, ни деньгами. Царь разрешил Абу-ль-Хайджа' поступать как ему заблагорассудится. Двинулся он в Майафарикин. Отослал Ибн Марван с ним одного своего сторонника с неполными двумя сотнями всадников. Двинулся он в Джазиру. Встретило его множество эмиров бану килаб: они ручались ему, что будут заодно с ним и пособят ему, пока не будет достигнуто то, за чем он направился. Испугался его Мансур ибн Лу'лу', искал примирения с бану килаб и предложил им условие, что даст им много икта' и сделает их соучастниками своими в селах и округах на подступах к городу. Запросил он

о помощи также магрибинцев, просил их опередить остальных с войском, что к нему подойдет, и сулил им, что сдаст им крепость Халеба. Поторопился к нему 'Али, сын 'Абд аль-Вахида ибн Хайдары, судья Триполи, с неодолимым войском, – это тот, который тогда овладел управлением Триполи и прочими замками. Совпал его приезд в Халеб с остановкой Абу-ль-Хайджа' поблизости от него. Мансур ибн Лу'лу' поднял 'Али ибн Хайдару в крепость, упрашивал его написать оттуда аль-Хакиму голубиной почтой и поторопил с выходом на встречу с Абу-ль-Хайджа' и теми, кто был с ним. Опередил он их, когда они уже собрались сесть за угощение. Как только он подъехал, бану килаб разбежались, как то было условлено тайно между ними и Мансуром ибн Лу'лу'. Отступил Абу-ль-Хайджа'. Были разграблены его палатки, и взято все, что у него было. Вернулся он в предместья Малатии и просил у царя Василия разрешения вернуться к его особе. Разгневался на него царь, снарядился против него и собрался изгнать его из своей страны. Был о том извещен Ибн Лу'лу' и уговорил царя вернуть его на прежнее местопребывание в присутствии его, дабы он не проследовал в страну мусульман и не сошлись бы к нему другие толпы, и не навредил бы он ему. Разрешил царь тогда Абу-ль-Хайджа' вернуться в Константинополь и оказал ему благодеяния и милости. Остался он проживать там, пока не умер.

Что же касается 'Али, сына 'Абд аль-Вахида ибн Хайдары, то вытеснил его Ибн Лу'лу' из Халеба, и вернулся он в Триполи вместе с теми же, с кем пришел. Просили бану килаб у Мансура ибн Лу'лу' тех икта' и благодеяний, о которых он с ними условился и которые им обещал. Старался он затянуть дело. Напали они на Халеб, сразились с Ибн Лу'лу' и стеснили его весьма сильно. Он оказался не в состоянии сопротивляться им, выказал им свое желание покончить с ними дело полюбовно и вызвал их эмиров и вождей, чтобы они вошли в Халеб, дабы присутствовать на его угощении, а он выдаст им расписки на те икта'. Вошло их более семисот, и среди них все эмиры бану килаб, наделенные начальством и храбростью из их числа. Он отдал указание, чтобы им приготовили угощение и разостлали скатерть, дабы они расположились за ней. Когда они явились в его дом, то потребовали, чтобы он прежде всего покончил их дело и удовлетворил их требования о расписках. Он тут же схватил множество их и приказал дать волю мечу. Было тут же перебито множество их. Перевез он их эмиров в крепость и заточил в ней поодиночке, закованными в кандалы, а остальных разместил по тюрьмам. Было это в субботу 28 зу-ль-ка'да 402 г. [21 июня 1012 г. н. э.].

Остаток бедуинов со своими жилищами растаял на подступах к Халебу. Схваченные арабы оставались два года в тюрьмах. Множество знатных из них убил Ибн Лу'лу', много умерло от стеснений и нужды, а кого-то из них он осыпал щедротами и отпустил в шаввале 403 г. [апрель – май 1013 г. н. э.].

В числе эмиров, заточенных в крепости, был Салих ибн Мирдас. Мансур ибн Лу'лу' часто, напившись пьяным, выражал намерение наложить на него руки, по своей ненависти к нему его за долговременную вражду его и за храбрость его. Задумал Салих ибн Мирдас расшатать один камень в стене своей темницы и вырвал его, а затем изо дня в день вырывал камень за камнем, пока не добрался до такого места, откуда мог выйти. Помешало ему при этом одно из колец кандалов, что были у него на ноге. Сломал он его, но затрудняло его высвободить другую ногу. Привязал он кандалы к поясу своему, пролез в это отверстие ночью, бросился с вершины крепости вниз в пятницу 1 мухаррама 405 г. [2 июля 1014 г. н. э.] и шел всю ту ночь, а когда рассвело, то скрылся в одной пещере на горе Джаушан. Преследовали и отыскивали его долго, но не было о нем ни слуху ни духу. Добрался он до шатра и сошелся со своим родом. Ободрились их души его спасением.

Спустя шесть дней после своего бегства он взял в плен одного из гулямов Ибн Лу'лу'; ему Ибн Лу'лу' дал меч Салиха, которым тот был препоясан в день, когда был схвачен. Истребовал Салих от него свой меч обратно и взял его себе. Сошлись к нему остатки его рода из бану килаб. Стал он заодно с ними и объединил их. Все они подчинились его мнению. Подступил он с шатрами к Халебу. Разгорелась война между ним и Ибн Лу'лу'. Вышел один из сторонников Ибн Лу'лу' с множеством гулямов в четверг 5 сафара [5 августа 1014 г. н. э.], налетел на арабов, разграбил в шатрах много скарба, увел в плен пятьдесят душ мужчин, женщин и детей и вернулся в Халеб в тот же день. Ибн Лу'лу' воодушевился этим, собрал свое ополчение, обязал всех, кого только мог, из рыночного сброда и оборванцев, из христиан и иудеев, двинуться с ним в землю Телль-Хасид, чтобы сразиться с Салихом, и вышел после заката в четверг, 12 сафара того же года [12 августа 1014 г. н. э.]. Вышли вместе с ним оба его брата, Абуль-Джайш и Абу Салим, сыновья Лу'лу'. Когда рассвело, он встретил арабов. Произошло сражение между ними. Отступили оба его брата, и множество с ними, и поторопились войти в Халеб. Отступил также остаток людей. Поразил их меч. Было их убито примерно две тысячи мужей, и взяты в плен Мансур ибн Лу'лу', Салим ибн Мустафад и

множество знатных полководцев и гулямов. Прошел между бегством Салиха из тюрьмы Ибн Лу'лу' и взятием последнего в плен сорок один день.

Состоялся обмен посольствами между Абу-ль-Джайшем ибн Лу'лу' и Салихом по поводу брата первого, Мансура. Не раз повторялись речи между двумя сторонами. Было условлено на том, что Салиху будет заплачено 50 000 динаров звонкой монетой, 120 ритлей по халебскому счету серебряными сосудами и 500 штук платьев из разных материй, и будут отпущены все находящиеся в тюрьмах и схваченные им бану килаб и их гаремы. Было условлено, что он отпустит двух женщин из бану килаб, на которых Мансур ибн Лу'лу' ранее женился после того, как схватил их. Выговорил для себя Салих, чтобы Мансур ибн Лу'лу' женил его на своей дочери, чтобы дал ему и бану килаб половину области Халеба в икта' и чтобы никому не удовлетворял никакой нужды, кроме как по письму Салиха. Когда установилось соглашение между ними, то Салих его отпустил. Вступил Мансур ибн Лу'лу' в Халеб в субботу 22 сафара 405 г. [22 августа 1014 г. н. э.] и вернулся к своему эмирству. Продал каждый из арабов попавшихся к нему в руки пленников, как кому удавалось. Не исполнил Ибн Лу'лу' после того, как попал в Халеб, того, о чем он согласился с Салихом, – передачи ему и бану килаб половины страны Халеба и женитьбы его на своей дочери. Стал Салих опять воевать с ним, стеснил население Халеба и запретил ввоз туда пропитания и прочего.

Просил Ибн Лу'лу' царя Василия пособить ему пехотой, на которую он опирался бы в сражениях с бедуинами. Отослал ему царь тысячу мужей из армян. С ними Ибн Лу'лу' одержал верх в военных действиях против арабов. Салих написал царю, раболепствуя перед ним и предостерегая о том вероломстве Ибн Лу'лу', с которым столкнулся и которое испытывает повторно, хотя он его и оставил в живых, когда захватил. Так как царь знал правдивость того, что упомянул Салих, то он отозвал пехоту, которую послал для содействия Ибн Лу'лу', и внушил Ибн Лу'лу', чтобы он исполнил для Салиха то, о чем согласился с ним. Это увеличило шаткость положения Ибн Лу'лу'. Ободрилась душа Салиха от проявленной к нему ласки царя. Отослал он своего сына в его присутствие для подтверждения покорности и искренней преданности, которую он ему сулил. Побоялся Ибн Лу'лу' сопротивляться Салиху и приписал все случившееся своему стороннику Фатху, пребывавшему в крепости, мол, все от плохого наблюдения его за Салихом и нерадения его о мерах против

него. Потом он пригрозил ему, предостерегая его, и собрался изгнать его из крепости и передать наместничество в ней другому.

Убедился Фатх в этом своем мнении, испугался его и стал опасаться, как бы не пал на него гнев его. Согласился он тогда с множеством из своих доверенных и сторонников, находившихся с ним в крепости, на совместный бунт против Ибн Лу'лу'. Заиграли трубы и барабаны на высшей точке крепости в последнюю треть той ночи, после которой наступило утро субботы 24 раджаба 406 г. [7 января 1016 г. н. э.], и выкрикивали боевой клич аль-Хакима и Салиха, со словами: «Хаким, о победоносный! Салих, о победоносный!» В ту пору подумал Мансур ибн Лу'лу', что Салих попал в крепость и что город у него отнят. Вышел он тут же, а вместе с ним – два его брата, его дети и последовавшие за ним гулямы, верхом на вьючных животных своих, убегая из Халеба в страну ромеев – укрыться у царя Василия. Была разграблена крепость, разграблены дом Ибн Лу'лу', дома его братьев – жителей Халеба, дома некоторых христиан и иудеев. Ибн Лу'лу' с бывшими при нем вступил в Антиохию в четверг 25 раджаба [*sic!*] того года.

Фатх овладел Халебом и вызвал 'Али ибн Ахмада ад-Дайфа, наместника Апамеи, чтобы тот опередил всех со своими мужами, дабы действовать заодно с ним. Тот поспешил ответить ему и прибыл в Халеб. Остановился ад-Дайф в доме Ибн Лу'лу' в городе. Фатх пребывал по-прежнему в крепости, выслал весь гарем Ибн Лу'лу', гаремы его братьев и их детей из Алеппо и сдал их Салиху, чтобы тот отослал их к Ибн Лу'лу'. Взял их Салих в свой шатер, придержал дочь Мансура ибн Лу'лу', которую последний по соглашению должен был выдать за него, и вошел к ней, а остаток гарема отослал к нему. Получил Салих все округа и села, о которых они вместе с Ибн Лу'лу' постановили, что тот передаст их ему.

Приказал царь катепану Антиохии хорошо принять Мансура ибн Лу'лу', почтить его и не пренебрегать в обращении с ним той предупредительностью и вежливостью, которая предписывалась обычаем по отношению к нему еще во дни эмирства его над Халебом, и отпустил ему, его слугам и родным значительное содержание. Он повелел катепану Антиохии, чтобы записал за ним всех, кто только явится к нему, испрашивая о безопасности, из числа его гулямов, сторонников и прочих из ополчения мусульман, и чтобы они были в его свите по обыкновению его службы. Тот записал за ним семьсот гулямов конницы и пехоты и выдавал им жалованье и содержание ежемесячно из денег царя.

Запретил царь сношения и торговлю между всей своей страной и какой-то частью округов Сирии и Мисра. Упрашивал его Салих ибн Мирдас разрешить торговлю его сторонникам. Разрешил он ее им в качестве исключения. Вызвал царь к себе Абу-ль-Джайша и Абу Салима, сыновей Лу'лу', и Абу-ль-Ганаима и Абу-ль-Бараката, сыновей Мансура ибн Лу'лу', дал им степени, назначил на великолепные должности и вернул их обратно. Он наделил его недвижимостью, доходами с которой он мог бы пользоваться, в Антиохии, а на подступах к Антиохии наделил его селом, известным как Сайх-Лайлун. Привел тот в порядок тамошний замок и перебрался туда, чтобы удобнее было приобретать необходимые ему сведения о делах Халеба. Приказал царь в это время усилить крепость в Антиохии.

Присоединились к 'Али ибн Ахмаду ад-Дайфу, наместнику Апамеи, после того как он попал в Халеб, некоторые войска магрибинцев, чтобы выйти к шатру Салиха ибн Мирдаса и шатрам арабов, дабы их ограбить и взять.

Вступил с ними Салих в переписку, выражая послушание и повиновение. Двинулись шатры арабов, имея в виду Киннасрин. Вышли магрибинцы, ища взять паланкины, где был гарем. Долго противоборствовали они друг с другом. Ударили бедуины по магрибинцам, разгромили их, перебили множество знатных магрибинцев и одержали над ними верх. Последние прекратили тогда мечтания о наживе за счет бедуинов и угрозы в их отношении.

Аль-Хаким дал Фатху лакаб Мубарак ад-Даула («Благословенный державы»), 'Али ибн Ахмаду ад-Дайфу – Садид ад-Даула («Достойный державы»), а Салиху ибн Мирдасу – Асад ад-Даула («Лев державы»), и посулил Фатху, что даст ему взамен Халеба и крепости – если он сдаст их ему, – Тир, Сидон и Бейрут в икта' пожизненно, а все, что в крепости, будет также принадлежать ему. Фатх собрался принять это, но Салих вступил с ним в переписку, внушая, чтобы он пребывал в крепости, сам же он будет вне Халеба, и чтобы выслал магрибинцев из Халеба и чтобы они оба соединились для отражения всякого, кто станет просить для себя Халеб, откуда бы он ни был. Фатх поступил согласно этому. Услышало это население Халеба, сошлось под крепостью и говорило: «Мы хотим только магрибинцев и не нужны нам бедуины!» Поднялся мятеж. Вызвал Садид ад-Даула от аль-Хакима подмогу войсками, чтобы усилиться против Салиха ибн Мирдаса. Пришли к нему все наместники, что были в Сирии, с пехотой. С ними пришли из арабов Хассан, сын аль-Муфарриджа ибн аль-Джарраха, и его род, и Синан ибн Сулай-

ман, эмир кальбитов, также с родом своим, и встали на подступах к Халебу. Послал аль-Хаким к Фатху, искушая его и обещая ему благодеяния и милости, прибавил к его лакабу Мубарак ад-Даула новые – Са'д ад-Даула («Счастье державы») и 'Изз ад-Даула («Мощь державы») – и обласкал его сторонников. Внушили они ему сдаться. Он ответил, спустившись из крепости, и сдал ее Садид ад-Дауле 'Али ибн Ахмаду ад-Дайфу. Взял Фатх все, что в ней было, то есть деньги, золотые и серебряные сосуды и прочие драгоценные товары и оружие и все, что только мог увезти. Двинулись все военные вместе с ним. Отклонился он к Тиру и проживал там до дней аз-Захира ибн аль-Хакима, но был выслан оттуда по ложному доносу о бунте, после того как с течением времени все бывшие у него деньги были выжаты из него. Продал он также постепенно то, что с собою прихватил, а вырученная за них цена также мало-помалу у него отбиралась под видом займов для расходов по войскам. Был он перемещен на наместничество иерусалимское, и отняты у него Тир, Сидон и Бейрут. Пребывал он там совсем недолго, а затем был отставлен, возвращен в Тир и умер бедным.

Аль-Хаким поручил Халеб, после выхода из него Фатха, 'Азиз ад-Дауле Фатику, гуляму Вахида, дал ему лакаб Амир аль-умара' («Эмир эмиров») и переправил его туда. Вступил он в Халеб в воскресенье 1 рамадана 407 г. [1 февраля 1017 г. н. э.], и двинулся оттуда Садид ад-Даула ад-Дайф.

Дважды покушались магрибинцы на монастырь Симеона Халебского, убили и увели в плен кого нашли в нем: игумена монастыря, монахов и других христиан.

Дружественные отношения установились между 'Азиз ад-Даулой и Салихом ибн Мирдасом. 'Азиз ад-Даула написал царю Василию, суля ему покорность и преданность, но опустил в своей переписке с царем – равно как и с теми из соседних ромейских наместников, с которыми переписывался, – упоминание о своем лакабе, выпросил для себя исключительное право торговли с соседними странами ромеев, превозносясь тем над аль-Хакимом, овладел Халебом и всеми зависящими от него округами, изгнал оттуда наместников аль-Хакима и назначил туда людей от себя.

В 407 г. [июнь 1016 – май 1017 г. н. э.] один из начальников болгар, по имени Аарон, напал на царя их Комитопула, гуляма Самуила, убил его и присвоил государство болгар. Был этот Аарон из тех, чьим предкам принадлежало преимущество в царствовании над ними, вступил с царем Василием в переписку и написал ему,

суля ему покорность и преданность и ручаясь ему, что будет словно чиновником в государстве, которое покорил, как ему то будет угодно, и не предпримет никакого дела против его воли. Оставался он на царстве один год и был также убит рукой одного из своих сторонников. Списались начальники болгар с царем Василием, раболепствуя перед ним, выражая желание, чтобы он получил находившиеся в их руках замки и страны, и прося его разрешения приехать к нему и поступать согласно его приказам. Двинулся тогда царь в Болгарию в шаввале 408 г. [февраль – март 1018 г. н. э.]. Вышло ему навстречу множество тамошних начальников. Выслал он также жену Аарона, царя болгар, и детей его, принял их замки, оказал им благодеяния и дал каждому из них степень согласно тому, чего предполагали его заслуги, а себе оставил неодолимые замки, назначил над ними наместников из ромеев, разрушил остальные, устроил дела Болгарии и утвердил там василиков, то есть управляющих всеми округами и имуществами. Государство болгар было присоединено к государству ромеев, и сделал он его катепанством. Было это в сорок четвертом году его царства. Вернулся он в Константинополь. Женились дети ромеев на дочерях болгар, а дочери ромеев выходили замуж за сынов болгар, и смешал он одних с другими и тем уничтожил старые распри, которые были между ними. А то, что приключилось с ними впоследствии, мы изложим в своем месте.

* * *

Пристрастился халиф кружить по степям и пустыням, направляться на гору Мукаттам, уединяться от бывших при нем стремянных, оставляя их далеко позади себя, и долго блуждать в одиночестве, куда захочет, возвращаясь к местности, где стояли поджидавшие его стремянные. Говорят, что в уединении на горе он молил Всевышнего Бога, чтобы Он удостоил его беседы и откровений, как Он удостоил беседы и откровений Моисея и других Своих пророков. Стало его состояние недалеко от состояния Навуходоносора, царя Вавилонского, о котором рассказал Даниил, правдивый пророк: «Плоскогорья стали ему убежищем, как диким зверям, и ногти его стали длинными, как когти орла, а волосы как грива льва в наказание за то, что он разрушил храм Господень в Иерусалиме, и осквернил священную утварь, и рассеял народ израильский на чужбине» (ср.: Дан 4). Причина же его безудержности во всех этих удивительных и противоречивых поступках, к которым он стремил-

ся и которые зарождались в его душе, так что совершал их раз за разом, – пусть то и лежит за пределами летописи, которую мы ведем, – есть род болезнетворного расстройства в его мозгу, которое с молодости вызвало в нем некую меланхолию и порок мышления. Ведь общеизвестно в медицинском ремесле, что у тех, кого поражает эта болезнь, возникают в душе призраки, и они фантазируют о всяких делах и чудесах. Но при этом любой из них не сомневается в том, что совершенно прав во всех своих действиях, вызванных тем, что он себе представляет, и никому не удается ни отклонить их от них, ни отвратить. Бывают между ними такие, которые думают, что они пророки, другие же мнят, что они само Божество – да возвысится Оно премного! Иногда замечается у таких столь явная бессмысленность и бессвязность речи, что их состояние обнаруживается для того, кто их наблюдает и с ними разговаривает, и всякая неуверенность при первом же взгляде уничтожается. Иногда же бессмысленность речей у кого-нибудь из них бывает скрыта, и эти фантазии и нездоровые помышления проявляются у него в делах, скрытых от простолюдинов, так что у тех складывается образ его как одного из разумных, они имеют о нем наилучшее мнение и смотрят на него как на достойнейших людей, но когда они дольше испытывают его, проясняется для них дотоле ускользавший от них изъян его. Вот таков был образ состояния аль-Хакима. Его изъян становился очевиден тем, кто долго с ним общался, а тому, кто был далек от него, его проясняли только его поступки. Истинная природа этой охватившей его болезни может доказываться тем, что в молодости проявились у него судороги от сухого расстройства в его мозгу. Это и есть именно то болезненное расстройство, которое происходит при тех или иных видах меланхолии. При лечении от него нуждался он, помимо всего иного, чем его пользовали, в сидении в фиалковом масле и умащении им. Долгая бессонница его и страсть его к постоянным разъездам и вечному беспокойству также вызываются вышеупомянутым болезненным расстройством. И вот, когда ему служил Абу Йа'куб Исхак, сын Ибрахима ибн Анастаса, – да помилует его Бог, – то он убедил его снизойти до питья вина и слушания песен, после того как он их чуждался и всем их запретил. Улучшился его нрав, увлажнился гумор его мозга и поправилось состояние его тела. А когда умер Абу Йа'куб и он вернулся к воздержанию от питья вина и слушания пения, он впал в прежнее состояние. Недуг его даже усугубился, и дошло его дело до того, что мы уже упомянули и что упомянем о его состоянии впоследствии.

* * *

Обратился он на христиан и иудеев и понуждал их вступать в религию ислама. Послушались его те из них, у кого не хватило мужества устоять против его жестоких угроз и его суровой опалы. Через какой-то промежуток он попустил им переселиться в страну ромеев и возвратиться к своему вероисповеданию, когда узнал, каковы скрытые их помыслы и стремления, а также потому что многие его мамлюки были из сыновей ромеев и обратились в ислам при понуждении, и это те, кому приписывали бегство в страну ромеев. Он дал вольную прочим своим мамлюкам и предоставил им власть над собственными делами и поступать по своему желанию с тем, чем владеют и что приобрели из денег, пожитков и угодий. Он освободил их в этом отношении среди всех христиан: тех, кто обратился в ислам, и тех, кто удержался в своей религии, и, в соответствии с тем, что мы изложили выше, оставил в покое их и те деньги и движимость их, которые прихватили с собой.

* * *

В шаввале 411 г. [январь – февраль 1021 г. н. э.] Мухаммад ибн Хулайд аль-Бахрани сдал царю ромеев замок, известный как аль-Хаваби, на горе Бахра, и город Маракию на берегу моря, который был в запустении. Царь оказал ему благодеяния и милости.

Множество мусульман неоднократно сообщало аль-Хакиму, что христиане сходятся в своих жилищах, молятся и совершают таинства, и что с ними присутствует множество тех, кто обратился в ислам, и соучаствуют с ними в причастии. Он этого не порицал, а от разговоров доносчиков отвернулся.

Встретил его авва Сальмун, настоятель монастыря горы Синай, жаловался на несчастное положение монахов горы Синай и какую нужду и нехватку они терпят, и уговаривал его освободить изъятые вакфы, числившиеся за этим монастырем, чтобы они оперлись на них в своем бедственном положении, – что побудит их молиться за него, пока они живы. Согласился он на это и возвратил все ему.

В 410 г. [май 1019 – апрель 1020 г. н. э.] в патриархи Константинопольские был произведен Евстафий; а был он скопцом. Пребывал он пять лет и месяцев и умер. В этом же году, в рамадане [декабрь 1019 – январь 1020 г. н. э.], умер Феофил, патриарх Иерусалимский. Уговорил аль-Хакима некий священник, плотник, из сыновей ромейских рабов, из тех, которые служили в его дворце по плотничьему обыкновению, по имени Никифор, чтобы ему было разрешено

сделаться патриархом Иерусалимским. Ответил халиф на его просьбу. Были у него сын и дочь. Двинулся он в Иерусалим и там был посвящен в воскресенье 10 таммуза 411 г. [10 июля 1021 г. н. э.].

Вновь встретил аль-Хакима авва Сальмун, настоятель монастыря горы Синай, напомнил ему, что церкви все еще в запустении и вакфы, которые за ними числились, захвачены, а ранее запустели и разорены, и подал запрос о разрешении заново отстроить монастырь аль-Кусайр, и чтобы он поступил на свое усмотрение относительно льгот ему, возвращения монахов на житье туда, собрания христиан для молитвы там и освобождения числящихся за ним вакфов. Тот удовлетворил его требование, приказал выдать льготы по хараджу и взносам, которые причитались казне с особых вакфов, и написал ему о том грамоту, список с которой следует:

«Именем Бога Всемилостивого и Всемилосердого! Это письмо от раба и угодника Божия аль-Мансура Абу ʻАли, имама, аль-Хаким би-амр-Аллаха, повелителя верующих, Сулайману ибн Ибрахиму, монаху, о том, что он усмотрел ради милости тому и удовлетворения того, что тот пожелал от него как разрешение ему заново обустроить, в том виде, в каком он был до срытия, монастырь, известный как аль-Кусайр, что на горе Фустат в Мисре, и постановил:

– допустить монахов к житию там и пребыванию в нем согласно их обычаю, совершению ими по-прежнему богопоклонения и молитв и поддержанию установлений их вероисповедания;

– открыть путь к тому, чтобы сходились туда путники из их единоверцев;

– уничтожить преграды, которые им ставились;

– запретить обиды и нападения на них;

– прекратить произвол над ними и утеснение их;

– возвратить вакфы и мульки, выделенные ему и приписанные к нему и состоящие из сел, пашен, пристаней, земель, участков, домов, торговых рядов, бань, площадей, лавок, гончарных мастерских, пальм, огородов, плодовых деревьев и садов в Мисре и округах его и во всей стране государства нашего, во всех областях и окраинах его;

– сдать то сему монаху, да заведует он доходами его, присваивает прибыль и плоды его, тратит их на пользу этого монастыря, пребывающих в нем и стремящихся к нему, и да пользуются свободой рук в распоряжении им он и те, кому он передоверит свои права среди всех, как и в соблюдении прав казны мусульман в его отношении, и да очищает его от тяжести, лежащей на нем;

– предоставить льготы в том, что причитается с того из хараджа, десятины, штрафа и сбора, для диванов его величества, ведающих землями свободными и заповедными;

– устранить придирки к нему и нанесение ему ущерба по той причине и преследование его.

В настоящее время и на грядущие времена, впредь от числа этой грамоты, во исполнение покровительства и в воздаяние за доброжелательство и привязанность их к общине. Да не изменит то повторение мгновений и не обратит вспять течение годов и поколений! Кто прочтет или заслушает чтение из приверженцев наших, наместников, заведующих диванами, откупщиков и чиновников, в округах и при делах, то пусть знает, что это – от повелителя верующих и повелено им, и действует по нему и согласно с ним. Написано в месяце раби'е II 411 г. [июль – август 1020 г. н. э.]. Да читается этот указ перед испросившим его в оправдание себе по его содержанию и будет записан, как ему подобные, если пожелает Бог».

Расписался аль-Хаким в верхней части его собственноручно: Хвала Богу, Господу миров!

Халифат аз-Захир ли-и'заз дин Аллаха

Аз-Захир составил грамоту, которую прочли народу, где выражались его благосклонность ко всем без исключения, оповещение ко всякому, кто занимает какую-либо из правительственных должностей и ведает судебными постановлениями и приговорами, и настояние на том, чтобы они в своих делах опирались на истину и во всем, что доносится до них и имеет к ним касательство, не разлучались со справедливостью, блюли покой людей мирных и честных и преследовали причастных к праздности и пороку. О том, что доносили до него относительно опасения множества зиммиев, как христиан, так и иудеев, что их принудят к переходу в закон ислама, и их возмущение этим, ибо «нет принуждения в религии»[1]. Пусть они устранят из душ своих то, что вообразили, и убедятся, что с ними обращаются так, чтобы блюсти их покой, и как велит забота, и что они удостоены всяческого оберегания и защиты. Если кто из них предпочтет принять исламское вероисповедание по выбору сердца своего и по водительству своего Господа, не ставя целью обман и самовозвеличение, то пусть вступает в него принятым и оправданным. Если же кто предпочтет остаться при своем вероисповедании, не совершая

[1] Коран 2:256.

вероотступничества, то будет ему подобающее ему покровительство и оберегание, а всем единоверцам – охрана и соблюдение. Он сделал ударение и на то, что проведал, в какую крайность зашел в вопросе об имамате некий разряд невежд и насколько они в измышлениях отклонились от того, что предполагают истины, и в описании ими тварного как Творца[1]. И как он перед Богом непричастен к этому и готов всячески отмежеваться, чтобы не использовать никаких слов для пересказа их убеждений и далее не распространяться в упоминании о них. И как он признает перед Богом, что он, его минувшие предки и грядущие потомки сотворены могуществом и подвластны принуждению и не властны над собственной жизнью и смертью, и не выходят из-под суда Бога Всевышнего. И что на всех тех из них, кто вышел за черту доверия и рабского служения Богу – могуч Он и славен! – да будет проклятие Бога и всех, кто их проклянет, как ангелов, так и людей. И что он уже заблаговременно предупредил их о покаянии перед Богом Всевышним в неверии своем и о том, на что он полагается ради сохранения сообщества[2]. А кто совершит такое среди них и пребудет в своем неверии, того искоренит меч истины. Упоминал он и об удалении от себя осведомителей и доносчиков и о доверии ко всем людям, как единоверцам, так и зиммиям, относительно их душ, крови, детей, имущества, обстоятельств, пока они следуют прямому пути и не преследуют порицаемых целей. Возликовали люди от этой грамоты, и новость о ней восприняли как благую весть.

Ситт аль-Мульк, сестра аль-Хакима[3], отчаявшись в своем брате и убедившись в его исчезновении, опередила всех, отослав ʿАли ибн Дауда, одного из кутамийских эмиров, в Дамаск с записками эмирам, полководцам и знатным лицам ополчения, чтобы схватили престолонаследника ʿАбд ар-Рахима ибн Илйаса[4]. Многие поспешили сделать это, так как терпеть его не могли. Был он увезен в оковах,

[1] Здесь и далее речь идет об учении хакимитов – исмаилитской группировки, придерживавшейся «экстремистских» взглядов на миссию халифа аль-Хакима как мессианского персонажа, а то и земного воплощения Божества. Согласно утвердившейся в исламоведении точке зрения, хакимитское сообщество стало в последующие десятилетия ядром секты друзов, с течением времени выделившейся практически в обособленную эзотерическую религию.

[2] Имеется в виду вероучительное единство исламской общины-уммы (в его суннитском понимании).

[3] Ситт аль-Мульк (970–1023), дочь фатимидского халифа аль-ʿАзиза би-Ллаха и регентша Каирского халифата в первые годы царствования аз-Захира.

[4] Троюродный брат халифа аль-Хакима.

и семья его и родные увезены вместе с ним, потом препроводили его в Дамиетту, там заключили временно и ввезли в Миср. По прибытии с него сняли кандалы и временно держали его под стражей во дворце, с почетом и уважением. Подослал ему аз-Захир какой-то отравленный фрукт. Он поел его и умер, а людям было объявлено, что совершил самоубийство. Еще тогда, когда он был схвачен в Дамаске, старший отпрыск его, 'Абд аль-'Азиз, и племянник престолонаследника, Ахмад ибн ат-Тайиб ибн Илйас, бежали в шатер Салиха ибн Мирдаса и пребывали там десять месяцев. Аз-Захир добивался ласками их возвращения, но они устрашились его и бежали в страну ромеев, укрываясь у Василия царя. Принял он их хорошо.

В ту пору, когда аль-Хаким дозволил благоустраивать церкви и вернул им вакфы по прежнему порядку, христиане-мелькиты собрались поставить патриарха над Александрией. В Александрийской епархии оставалось тогда лишь два епископа – авва Христодул, епископ Тиннисский, и авва Исаак, епископ Кульзумский. Оба написали друг к другу по письму, чтобы никому из них не бывать патриархом, но принять участие вместе со множеством народа в выборах того, кому подобает возглавить их. Авва Исаак, епископ Кульзумский, отступился от того, что написал в своем письме, и ласковым обхождением добивался, дабы ему выдали от аль-Хакима грамоту, чтобы быть ему патриархом над Александрией. Множество христиан не потерпели того, потому что святой Арсений, патриарх Александрийский, еще ранее утвердил его, ввиду дел, по которым жаловался на него народ его, проявил терпение и счел нужным, чтобы тот отказался от своего начальства, не доводя до отрешения от него. Святой патриарх Арсений отошел в мир иной, будучи недоволен им. Многие согласились во мнении, что нужно отобрать грамоту, которой он домогался, и просили его об этом, но он не передал ее им и возмечтал о том, чтобы стать над ними патриархом. Авва Сальмун довел то до сведения аль-Хакима, докладывая о том, что тот написал в своем письме, и о всеобщем нерасположении к нему. Халиф отослал человека, который отобрал у того грамоту. В ту самую пору прибыл из области ромеев в Миср иеромонах, родом из Дамиетты, по имени авва Георгий, из монахов горы Синай, возвращаясь от служения священному монастырю. Многие, будучи удовлетворены его святостью и благостыней, согласились во мнении о его поставлении, но он отклонял предложение ему начальства, пока его не заставили и не принудили. Авва Сальмун упросил аль-Хакима изменить грамоту, что была на имя епископа Кульзумского, и сделать ее на имя аввы

Георгия. Епископ же Кульзумский не разделял их удовлетворения относительно его священноначалия и не присутствовал на молитве за него. Так что избрали христиане двух епископов – одного над Дамиеттой, а другого над Мисром. Двенадцать иереев с епископом Тиннисским, аввой Христодулом, сошлись, молились за избранного на престол Дамиеттский и произвели его в епископы. Епископ Тиннисский, епископ Дамиеттский и вышеупомянутые священники согласились и вознесли молитву за авву Георгия, с обещанием произнести благословение аз-Захиру через шесть дней. Был поставлен авва Георгий, из монахов монастыря горы Синай, в патриархи над Александрией в Мисре, в день святой Пасхи, 2 нисана 1332 г., то есть 16 зу-ль-хиджжа 411 г. [2 апреля 1021 г.], через шесть дней после того, как была оглашена смерть аль-Хакима и произнесено благословение аз-Захиру, и пребывал на начальстве пятнадцать лет, и преставился. После того как он был поставлен, произвел он избранного над Мисром и сделал его над ним епископом. Ситт аль-Мульк, сестра аль-Хакима, отослала ему платья, свитки и серебряную утварь, что осталась у нее от ее дяди по матери, Арсения, святого патриарха, завязала связи с христианами и усилила помыслы их. Они усердствовали в благоустройстве своих церквей.

* * *

Стали христиане снова открыто справлять свои праздники и ходить крестным ходом к тем церквам их, которые находились на подступах к городу, и делать то открыто. Аз-Захир являлся смотреть на их сборы и отдавал указания блюсти их покой. Облегчили носимые ими отличия. Большинство из них ограничились ношением зуннара и черной чалмы. Разрешил он им благоустраивать церкви и вернул им те вакфы, которые еще не были освобождены после аль-Хакима.

Множество мусульман в Мисре набросилось на мужа-яковита, известного как Абу Закарийа ибн Аби Галиб, из тех, кто при аль-Хакиме открыто исповедовал ислам, которому халиф позволил вернуться в христианство. Против него кричали на рынках, на него потрясали руками и ставили в вину ему то, что он, пока был мусульманином, постоянно находился в соборной мечети, стоял впереди при молитвах и собственноручно переписывал уроки и книги по хадисам и фикху, хотя другие христиане, которые сначала приняли ислам, а потом отреклись от него, так не делали, и попросили у него, чтобы он вернул им то, что написал и приобрел из их наук. Аз-Захир приказал заточить его в нижний участок городской стражи. Он про-

был в заключении десять дней, причем ежедневно его убеждали возвратиться к исламскому вероисповеданию, угрожали и пугали. Он же не внимал и не отвечал. Когда они отчаялись в его возвращении, то доложили о его деле аз-Захиру. Последний приказал убить его ввиду множества разговоров против него. Его привели в местность, известную как ат-Таббанин, чтобы там убить; а он веселился, радовался, смеялся, пока его не убили.

Из страны ромеев возвратилось множество христиан, обратившихся в ислам. Они открыто объявили себя христианами, и никто не посягнул на них, лишь была взята с них и с тех христиан, которые жили в Египте, джизья с того года, когда взыскание ее с них прекратилось, и до того года, когда каждый из них возвратился.

Что касается того, что приключилось с царем Василием после взятия им Болгарии [в 1020–1021 гг.], то, когда он был занят там, усердно воюя с ними, Георгий, царь абхазов, задумал нанести ему урон на окраинах его страны, соседних с ним, и завладел замками и округами из тех, которые дядя его, куропалат Давид, сдал царю Василию.

По достижении царем своей цели в Болгарии, овладении ею и возвращении в Константинополь, этот Георгий, царь абхазов, не счел нужным исправить свою ошибку, прекратить свои действия и объявить ему свою преданность, как то делали его отец и дядя, однако возгордился и упорствовал в своем заблуждении и списался с аль-Хакимом о том, чтобы им всем сплотиться для войны с ним и чтобы каждый из них направился против него со своей стороны. Донеслось это до царя Василия. Он преисполнился оттого ненавистью к нему, двинулся из Константинополя в Филомилий[1], не оповестив никого о том, что в душе его, а объявив приготовления к походу в края Сирии, подготовил пропитание, разные корма и оружие в Антиохии в качестве боеприпаса для своих воителей. Никто не усомнился в том, что он отправится на Сирию. С пребыванием царя в Филомилии совпало исчезновение аль-Хакима. Направился он в поход на абхазов. Когда узнал об этом абхаз, то собрал свои рати, опирался на кого только мог из чужих и вышел на самую окраину своих владений, возжаждав встретиться с царем и воевать против него. Когда приблизился к нему царь и обнаружилась для него мощь его рати и войск и могущество его войска, то абхаз отступил без боевых действий.

[1] Укрепленный город на юго-востоке малоазийской области Фригия (ныне Акшехир в центральной Турции).

Последовал за ним царь, пока он не укрепился за какой-то рекой, через которую не могли переправиться ромейские войска. Тогда он сжег его села, разграбил все находившееся там зерно, пленил в его краю, убил, ослепил более двухсот тысяч человек его сторонников и опустошил все принадлежавшие ему округа и села, кроме тех, что лежали в местностях за той рекой, за которой тот искал убежища и через которую не могли войска добраться до него. Внезапно повеяло зимой, и царь Василий повернул к Трапезунду, чтобы войска там провели зимнюю пору и чтобы затем возобновить поход.

В это время сдал Сенекерим, царь Васпуракана, все свои замки, крепости и прочую страну Васпуракан царю Василию. Соседний с ним Сын Дереника[1] сдал ему свои замки и крепости. Присоединил тот все это к своему государству. А число их сорок с лишним замков и крепостей. Сделал царь из них особое катепанство, наполнил замки мужами и определил над ними сановников. Сенекериму же и Сыну Дереника с их семействами и родичами он возместил впечатляющими милостями, весомыми деньгами и великолепными званиями. С приездом в Трапезунд царь принялся подготавливать морской флот к плаванию в страну абхазов. Прибыл к нему от царя их, Георгия, посол, через которого тот склонял его к сочувствию, извинялся за то, как поступил, и сулил, что сдаст ему все замки и прочую страну, которые принадлежали его дяде, куропалату Давиду, и отдаст ему в заложники сына своего Баграта, и неизменно и неуклонно останется, пока он жив, в покорности ему и преданности. Согласился царь Василий на все, чего он просил, принял от него то, что он сулил, и отослал вместе с его послом множество начальников и судей. Привели они к присяге всякими крепкими клятвами в исполнении того, что они сулили и на чем условились, Георгия Абхазского, католикоса – это начальник священнослужителей его страны, всех епископов и других начальников и высокопоставленных его сторонников. Взял он себе с них такое обеспечение клятвами, какое берется с исповедующих вероучения.

Двинулся царь тогда, чтобы получить замки и край, которые ему сулил абхаз, и взять его отпрыска. Тут известили царя Василия, что патрикий Никифор, известный как Ксифия, наместник страны

[1] Ибн ад-Дайрани. Данное словосочетание в арабской летописной традиции связано с армянскими правителями Васпуракана и Андзевацика – областей к югу от верхнего течения Аракса и в межозерье Вана и Урмии – и восходит к отчеству самого известного из васпураканских царей Гагика I Арцруни (904–937).

Анатолик, сошелся с Никифором Кривошеим, сыном Варды Фоки, и оба сговорились бунтовать против него. Дело в том, что Ксифий возмечтал о царстве и вступил в переписку с Фокой о том, чтобы им сойтись ради этого, – ибо он знал о склонности многих из ромеев к Фоке и их привязанности к нему по любви их к его предкам, – и чтобы сплотиться и соучаствовать в этих обстоятельствах, и воспользоваться случаем – удаленностью царя Василия в стране ромеев и его занятостью предпринятой им войной с абхазом...

* * *

Между тем наместничество Палестины было возвращено Садид ад-Дауле ʻАли ибн Ахмаду ад-Дайфу, который находился в Египте, был задержан и избрал для того, чтобы вернуться в Палестину, какой-нибудь предлог. Между ним и Хассаном ибн аль-Джаррахом установились отношения, и написал он тому собственноручно несколько записок, в которых внушал ему запутать и расстроить дела Сирии, чтобы необходимость вызвала его отъезд. Эти записки попали в руки Ситт аль-Мульк, тетки аз-Захира, о них был поставлен в известность ас-Садид и казнен по их причине. После того раскаялся аз-Захир в том, что отпустил Хасана ибн аль-Джарраха, и подложил ему яду, чтобы тот погиб от него, и открылось тому это, и заподозрил он неладное. И снова ухудшились взаимные отношения аз-Захира и Хасана. Хасан возобновил клятву и соглашение с Синаном ибн ʻУлаййаном – а он был с ним в свойстве, так как Хасан выдал за него дочь свою, – и с Салихом ибн Мирдасом, на тех же условиях, на которых уговорился с ними в прошлом.

Между тем наместничество Палестины было дано Мунтахаб ад-Дауле Ануштакину ад-Дузбари. И возгорелась война между ним и Хасаном, Салихом и Синаном. Хасан, Салих и арабы взяли над ним верх, и ад-Дузбари отступил в Аскалон. Хасан в раджабе 415 г. [сентябрь – октябрь 1024 г. н. э.] завладел Рамлой, сжег большую часть ее, разграбил ее и забрал в плен множество находившихся в ней женщин.

Абу Мансур Сулайман ибн Таук, писец Салиха ибн Мирдаса, тотчас же овладел Маʻаррат-Масрином, что в округе Алеппо, захватил его наместника, заковал его в цепи и 23 раджаба этого года [30 сентября 1024 г. н. э.] двинулся на Алеппо во главе множества арабов. Произошла война между ним и наместником его, которым в те дни был эмир Садид аль-Мульк Суʻбан, сын Мухаммада ибн Суʻбана, а наместником крепости был Маусуф ас-Саклаби. И повторялись

между ними войны в различные дни. Приехавший из Палестины Салих ибн Мирдас, разграбив и опустошив по дороге многие прибрежные округа, направился на Алеппо с многочисленной конницей в воскресенье 17 рамадана этого года [22 ноября 1024 г. н. э.] и остановился у ворот Баб аль-Джинан...

* * *

Хасан ибн аль-Джаррах снова обрушился на Мунтаджаб ад-Даулу Ануштакина ад-Дузбари, управлявшего наместничеством Палестины, скоро одержал над ним верх и призвал Салиха опередить остальных в продвижении к нему. Необходимость принудила того двинуться к нему. Тот призвал катепана Антиохии, которым был Константин Далассин, с пешими стрелками, чтобы опереться на них в бою с засевшими в крепости. Тот отослал ему триста мужей, и он расставил их на участке городского вала. Катепан Антиохии доложил об этом царю Василию. Тот его осудил и повелел ему отозвать пехоту. Салих отослал ее к нему.

Салих Абу-ль-Марджа назначил Салима ибн Мустафада в Халеб и доверил ему и своему писцу Абу Мансуру Сулайману ибн Тауку сражаться у крепости, а сам двинулся в Палестину во вторник 3 раби'а I этого года [4 мая 1025 г. н. э.]. Осажденные в крепости вступили в переписку о мире с Салимом ибн Мустафадом и Сулайманом ибн Тауком в среду 18 раби'а II [18 июня], но просили у них о вещах, на которые они не сочли нужным дать ответ. Когда светлое время этого дня кончалось, на крепостном валу поставили кресты, закричали: «О победоносный царь Василий!», сняли кресты после выставления их, продолжали кричать всю эту ночь до зари, утром следующего дня опять поставили кресты, проклинали аз-Захира и молились за царя Василия. Кресты оставались по-прежнему поставленными до пятницы, третьего дня после того, когда их впервые выставили. К ним присоединили еще много крестов. Люди стеклись в этот день к крепости с оружием по выходе с пятничной молитвы и бились остаток этого дня, и на второй, и на третий после него. Люди также вторично стеклись к крепости и понесли Кораны на концах копий по рынкам. Возгласили сбор. Обложило все множество крепость во всеоружии. Множество находившихся в крепости магрибинцев сдалось, было награждено почетной одеждой и проведено по городу. Были разбросаны платья парчовые и шелковые, и драгоценные материи, чалмы и платки, и высыпаны деньги напротив крепости, в посул для тех, кто сойдет и сдастся.

Состоялась затем переписка Маусуфа с Ибн Мустафадом и Абу Мансуром, писцом Салиха. Установилось дело между ними на условиях, которые заключались в уговоре, написанном ими совместно. Маусуф отослал некоторых лиц из магрибинцев и других. Абу-ль-Марджа ибн Мустафада и Абу Мансура привели к присяге в исполнении того, что было постановлено.

Пала великая звезда в Халебе в четверг 24 раби'а II 416 г. [24 июня 1025 г. н. э.]. Послышался вслед за этим грохот, похожий на сильный гром.

Был в крепости военачальник масмуда[1], чернокожий, по имени Абу Джуму'а. Спустился он в баню, а когда хотел опять взобраться в крепость, то ему запретили. Тогда он взошел под валом, по участку склона. Кинулись люди, стекаясь к крепости, и вскарабкались ночью по склону со всех сторон. Помогли масмуда и находившиеся в крепости своему военачальнику Абу Джуму'а пролезть в крепость. Были приставлены лестницы, и взобрались люди. Когда Маусуф увидел, в чем дело, то выкинул ключи из одной своей комнаты. Отперли тогда ворота и вошли в крепость в среду 1 джумады I 416 г. [30 июня 1025 г. н. э.]. Сошли с нее магрибинцы и другие. Были разграблены их дома и схвачены Маусуф и Су'бан, сын Мухаммада ибн Су'бана, и глашатай Абу Хиляль, и судья Халеба Абу Усама. И заключили их в городе на три месяца. Потом они были переведены в крепость и заточены в той самой тюрьме, где сидел аль-Асфар. И были отпущены все находившиеся в крепости магрибинцы с их семействами и родичами. И двинулись они по направлению к кибле[2], и когда попали в Кафар-Таб, то у них была отбита большая часть того, что было при них и что им ранее сдали.

И возвратился Салих из Палестины в Халеб и вступил в него в субботу 8 ша'бана этого года [4 октября 1025 г. н. э.]. И велел он привести евнуха Маусуфа на второй день после прибытия, ночью, и виделся с ним наедине, и вернул его назад в темницу, и убил его вслед за этим. И убил он также Абу Усаму судью, а Су'бана, сына Мухаммада ибн Су'бана, отпустил, взяв с него деньги, о которых договорился с ним. И отпустил также глашатая Абу Хиляля.

[1] Масмуда – североафриканский этнос, носители одного из берберо-ливийских языков, населявшие ущелья Атласа (территория современного Марокко) и занимавшиеся преимущественно земледелием; из них вербовалось одно из ополчений, составлявших войско Каирского халифата Фатимидов.

[2] Кибла – ориентация при молитве в исламе, соответствующая направлению на Мекку. В данном контексте – юг.

И осадил Синан ибн 'Улаййан Дамаск, и происходили между ним и его населением ожесточенные военные действия, и разрушил он Дарайю и ее округа и опустошил ее. И построили дамаскинцы вал вокруг своего города и укрепили его.

И покорил Салих ибн Мирдас Хомс, Баальбек, Сидон и Хисн-ибн-'Аккар, что в предместье Триполи, при том что в руках его уже были Рахба, Манбидж, Балис и Ракка.

И отослал он вслед за тем своего писца Абу Мансура Сулаймана ибн Таука к аз-Захиру, и тот вернулся к нему после почетного приема, ему оказанного, и с великолепной почетной одеждой и золотыми ожерельями для него и его детей. И случилось вслед за этим с ним то, что будет упомянуто в своем месте.

И скончался царь Василий в воскресенье 12 кануна I 1337 г., то есть 18 шавваля 416 г. [12 декабря 1025 г. н. э.], в девять часов дня. И была продолжительность его царствования сорок девять лет и одиннадцать месяцев, а от роду тогда ему было шестьдесят восемь лет.

И в день своей кончины он произвел Алексия, настоятеля Студийского монастыря, в патриархи над Константинополем. И за несколько дней до смерти он велел привести своего брата Константина из палат, назначенных ему вне Константинополя, и завещал ему обо всех статьях, и чтобы его не облекали по смерти ни в какие царские одежды, и определил ценность савана в двадцать динаров с лишним, согласно тому, что прежде высказал. И чтобы не хоронили его с царями, а чтобы его гроб был в маленьком монастыре, который он определил и назвал по имени святого Иоанна Евангелиста, за Константинополем, и чтобы ему там покоиться вместе со странниками. Ранее он приготовил себе склеп из мрамора, непревзойденной красоты по многоцветию и затейливым узорам, и поставил его в церкви Двух Апостолов рядом со склепами прежних царей. А когда он отказался от мысли быть погребенным там, то склеп остался пуст до тех пор, пока не был погребен там его брат, царь Константин. И в продолжение всего своего царствования он неизменно ограничивался лишь необходимым в еде, питье и обстановке; постоянно в течение всей жизни отличался рвением и самолично ведал всеми государственными делами, значительными и ничтожными. И оставил он после себя денег звонкой монетой шесть тысяч кинтаров, а когда воцарился, то нашел денег лишь четыре кинтара.

И царствовал после него его брат Константин и был призван на единоличное царство в понедельник на заре. И отпустил он всех, кто сидел в тюрьмах из-за того, что сговорились с Фокой и Ксифием при

бунте, равно как и других преступников. И расставил он людей по разрядам их и списал населению страны ромеев недоимки и взимавшиеся с них поступления от запустевших царских сел, которые соседствуют с каждой общиной их, до тех пор пока они не будут опять обустроены. И замыслили некоторые из его сторонников устроить заговор против него и посадить на престол одного из отпрысков Фоки – других из них уже не осталось. И прознал он о деле их, и ослепил их, и ослепил еще множество других, о которых подумал дурное.

И во втором году его царствования произошло в Константинополе страшное землетрясение 4 кануна I, то есть 21 шавваля 417 г. [5 декабря 1026 г. н. э.]. И обвалились от него и осыпались многие здания.

Царь Василий незадолго до кончины отпустил Баграта, сына Георгия, царя абхазов, и вернул его отцу. И после его прибытия скончался Георгий, его отец, уже во дни царя Константина, и царствовал его сын Баграт. И был он тогда еще молодой и несовершеннолетний, а делами его распоряжалась его мать, дочь Сенекерима, который сдал царю Василию Васпуракан. И его сторонники представляли ему делом выгодным отвоевание тех замков, которые отец его сдал царю Василию, и посягательство на них. И переправил царь Константин своего гуляма паракимомена Николая в Абхазию с войсками в третьем году своего царства. И тот разрушил ее, и сжег, и убивал, и угнал в полон оттуда несметное число. И искали убежища остальные в неодолимых горах и укрепленных местностях, куда рать не добиралась. И вышло к нему множество вождей их. И упрашивала царица, дочь Сенекерима, и отпрыск ее Баграт о забвении происшедшего и извинении его, условливаясь об искренней покорности и непритворной преданности царю Константину, и неизменном следовании угодному ему поведению, и что никто из них более не вернется к действиям наперекор его воле. И установились отношения между ними к взаимному удовольствию, и возвратился паракимомен Николай.

И заболел царь Константин и отчаялся в своей жизни. И внушили ему его приближенные, чтобы он пригласил на царство после себя кого усмотрит и женил его на одной из своих дочерей. А были у него три дочери, из которых старшая была монахиней. И остановился его выбор на патрикии Романе Аргиропуле по причине родства, которым был связан с его предками, и общности происхождения их. Дело в том, что их отцы приходились друг другу двоюродными братьями по матери, так как царь Константин, сын Льва, дед Кон-

стантина и царя Василия, и Аргиропул, дед Романа, были свояками, будучи женаты на двух дочерях старейшины Романа, который встарь был друнгарием, а под конец стал соправителем Константина, сына Льва, как мы это изложили в своем месте в предыдущей части нашей книги.

Женитьба Аргиропула на дочери старейшины Романа состоялась даже до овладения им царством и его соправления с Константином, сыном Льва. И потому именно, что царь Константин принял во внимание эти обстоятельства, связывавшие его с патрикием Романом Аргиропулом, он его возвысил с того самого времени, когда после смерти его брата Василия царство досталось ему, и перевел его из протоспафариев в патрицианское достоинство, а из верховных судей – пока не произвел его в эпархи Константинополя, то есть заместители царя в городском управлении. И сделал его затем экономом великой церкви Святой Софии. И призвал его царь Константин при болезни своей, и угрожал ослепить его, и заявил ему, что это за одно дело, о котором его известили, – именно за то, что он из тех, кто мечтает о царстве и уже начал его искать, – и сослал его за пределы Константинополя. И на четвертый день он его возвратил, полон решимости препоручить царство после себя ему и женить его на средней своей дочери Зое, так как он более всех других людей достоин царства по причине соединяющего их родства. И был Роман Аргиропул женат, но патриарх Константинопольский Алексий дозволил царю Константину развести его с супругой ради пользы, ожидаемой от всего того, что обезопасит государство ромеев.

И разрешилась жажда всякого, чья душа вожделела государства и кто стремился к междоусобице из-за него после кончины Константина. И велел царь привести супругу Романа, а она не знала, что в душе у царя Константина.

* * *

В тишрине I 1343 г., то есть в зу-ль-ка'да 422 г. [октябрь 1031 г. н. э.], в конце третьего года царства Романа, царя ромеев, покорили ромеи город Эдессу благодаря тому, что сдал его пребывавший там Сулайман ибн аль-Курджи, по причине любезного обхождения с ним Георгия Маниака, стратига Самосаты. Он проник туда, а Сулайман двинулся в расположение царя Романа в Константинополь и прихватил с собою письмо, присланное Абгаром, царем Эдесским, Господу Христу и ответ ему Господа Христа. И было каждое из них на листе пергамента, оба написаны по-сирийски. И вышли царь и

патриарх Алексий и все население государства для торжественной встречи двух писем. И получил их царь со смирением и коленопреклонением из благоговения к письму Господа нашего Иисуса Христа, и присоединил их к тем досточтимым святыням, что в палатах царских. И позаботился царь Роман о переводе их обоих с сирийского на греческий, а нам перевел их на арабский тот самый переводчик, который взялся переложить их на греческий, по содержанию и тексту их.

И вот список с послания Абгара, царя города Эдесса, Господу и Богу нашему Иисусу Христу: «От Абгара Черного – Иисусу Христу, доброму врачу, явившемуся в земле Иерусалимской. Господин мой, мир тебе! Я слышал о тебе и об исцелениях, которые ты творишь, что ты излечиваешь без лекарств и без трав, более того, только лишь речением даруешь зрение слепым и исцеляешь расслабленных, и отверзаешь слух глухонемым, и очищаешь прокаженных, и выводишь бесов и нечистых духов словом твоим, и воскрешаешь мертвых. И когда я услышал о тебе это, господин мой, то удивился славным чудесам, которые творишь. Я утвердил в душе своей и связал твое дело с одним из двух: ты или Бог, сошедший с небес, чтобы совершать это, или же сын Божий. И поэтому пишу тебе, чтобы ты явился ко мне, дабы я преклонился перед твоей святостью и дабы ты исцелил меня от некоей болезни, как верую. И дошло до меня также, что иудеи беспокоят и понуждают тебя, и ищут погубить тебя и насмехаться над тобой. И у меня город единственный малый, очень хороший, и его хватит нам, чтобы нам вместе жить в нем в тиши и благополучии. И на дело это твоя воля, господин мой. Мир тебе!» Список с послания Господа Христа к Абгару, царю Эдессы: «Ступай и скажи твоему хозяину, который тебя отослал: Блажен ты, о Абгар, ибо ты уверовал в Меня, не видев Меня. Ибо написано обо Мне, что видящие Меня не уверуют в Меня, а не видящие Меня уверуют в Меня. И писал ты ко Мне, чтобы Я явился к тебе. И то дело, из-за которого Я был послан от Отца сюда, отныне уже уготовлено, и Я вознесусь к Отцу, Который Меня послал, и когда вознесусь, то отошлю к тебе одного из учеников Моих. И болезнь, которая у тебя, будет исцелена. И все, кто у тебя, войдут в жизнь вечную. И страна твоя да будет благословенна вечно, и враг также не нападет ни на тебя, ни на нее вовеки. Мир с тобой»[1].

[1] Подробнее о развитии данного апокрифического сюжета см.: *Мещерская Е. Н.* Легенда об Авгаре. М., 1984.

Иеромонах Михаил. Предисловие к Житию Иоанна Дамаскина (о падении Антиохии 1084 г.)

(Предисловие К. А. Панченко и С. А. Моисеевой, перевод С. А. Моисеевой, комментарии К. А. Панченко)

Сохранившееся арабское Житие Иоанна Дамаскина[1] было составлено вскоре после 4 декабря 1085 г. иеромонахом Михаилом из монастыря преподобного Симеона Дивногорца близ Антиохии. Какие-либо надежные сведения о личности автора отсутствуют. Его принадлежность к обители святого Симеона отмечена в колофоне грузинского перевода Жития, который выполнил современник Михаила, игумен Ефрем Мцире, также подвизавшийся на Дивной (Черной) горе и, вероятно, знавший его лично[2]. В самом тексте Жития нет указаний на монастырь святого Симеона, но есть свидетельства в пользу тесных связей Михаила с Антиохией: он называет ее «своим городом» и вспоминает о неоднократном участии в праздновании памяти святой Варвары в одноименной церкви Антиохии с участием патриарха. Патриаршее богослужение в этот праздник он мог в последний раз видеть в 1073 г. – на следующий год Антиохийский патриарх Эмилиан был выслан из города по приказу императора Михаила VII Дуки, подозревавшего его в политической нелояльности[3], после чего в Антиохии не было патриарха до конца 1080-х гг.

[1] Издание: Biographie de saint Jean Damascène: Texte original arabe / Éd. C. Bacha. Harissa, 1912; русский перевод: *Васильев А. А.* Арабская версия жития св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913; немецкий перевод и исследование: *Graf G.* Das arabische Original der Vita des hl. Johannes von Damaskus // Der Katholik. Mainz, 1913. Bd. 93. S. 164–190, 320–331; английский перевод: *Portillo R. D.* A Life of St John of Damascus // PdO. 1996. Vol. 21. P. 157–188. Фрагменты Жития (включая предисловие) переиздавались с немецким переводом и комментариями в составе хрестоматии арабо-христианских исторических текстов: *Kamerau P.* Christlich-arabische Chrestomathie aus historischen Schriftstellern des Mittelalters. Louvain, 1976. Bd. 1. H. 1. S. 11–17; Bd. 2. S. 34–50. (CSCO; 370, 385). Подробнее о памятнике, включая рукописную традицию и библиографию, см.: *Treiger A.* Michael as-Sim'ānī // CMR. Vol. 5. P. 655–664.

[2] Перевод на грузинский язык выполнен через посредство несохранившейся греческой версии Самуила, митрополита Аданы (см.: *Кекелидзе К. С.* Грузинская версия арабского Жития св. Иоанна Дамаскина // ХВ. 1914. Т. 3. Вып. 2. С. 119–174; *Flusin B.* De l'arabe au grec, puis au géorgien: Une vie de S. Jean Damascène // Traduction et traducteurs au moyen âge. Paris, 1989. P. 51–61).

[3] См.: *Никифор Вриенний.* Исторические записки. М., 1997. С. 105–107.

Таким образом, иеромонах Михаил пребывал в Антиохии в начале 70-х гг. XI в., однако это все, что на данный момент можно сказать о хронологии его жизни.

Как сообщает агиограф в предисловии, поводом для написания Жития стало чудесное освобождение пленных, среди которых он находился, после взятия Антиохии сельджуками в 1084 году. Избавление совершилось 4 декабря, в день памяти преподобного Иоанна Дамаскина. Год спустя Михаил, желая прочесть Житие святого, обнаружил, что его не существует ни на греческом, ни на арабском языке, и взялся в знак благодарности за свое спасение составить его на основании доступных сведений. Однако это арабское Житие в целом совпадает по содержанию с так называемым Иерусалимским житием Иоанна Дамаскина[1], автором которого в рукописях назван Иоанн, патриарх Иерусалимский (или ошибочно – Антиохийский)[2]. Из текста этого греческого сочинения следует, что оно восходит к несохранившемуся арабскому оригиналу[3], к которому, таким образом, следует возводить и сохранившееся арабское Житие[4]. Авторский же текст иеромонаха Михаила главным образом представлен введением, запечатлевшим важнейшее событие ближневосточной истории XI в. – завоевание Антиохии сельджуками, которое положило конец более чем вековому периоду византийского господства.

Чтобы лучше понять масштаб и значение описываемых событий, следует обратиться к предыстории этого события. Византийская реконкиста X в. сдвинула границу православной и мусульманской цивилизаций на 200 км к востоку. Часть Северной Сирии вернулась в состав империи ромеев. Чуть больше века спустя, когда сельджуки разгромили византийцев под Манцикертом в 1071 г., граница цивилизаций поползла обратно. Несколько десятилетий Анатолия, Северная Сирия и Верхняя Месопотамия оставались зоной нестабильности, не-

[1] Впоследствии это Житие было переведено на славянский язык и в сокращенном виде включено в славянские Четьи-Минеи.

[2] Древнейшие рукописи этой версии – Vindob. Phil. 158 и Ath. Vatop. 497 – исследователи датируют X или XI веком. По мнению большинства ученых, автором является патриарх Иоанн VII (964–966).

[3] По подсчетам Б. Хеммердингера, оно было составлено между 808 и 969 годами (см.: *Hemmerdinger B.* La Vita arabe de saint Jean Damascène et BHG 884 // OCP. 1962. Vol. 28. P. 422–423) и поэтому, по всей видимости, является самым ранним Житием преподобного Иоанна Дамаскина.

[4] Об этом говорит и стилистический анализ арабского текста (см.: *Моисеева С. А.* Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015. С. 105–108, 129).

прерывных войн и переселений народов. Степи Анатолийского плато были быстро затоплены волнами тюркских племен, но по периметру полуострова, защищенному лесистыми горными хребтами, христианская государственность удерживалась значительно дольше.

В обстановке кризиса византийских властных структур в 1070-х гг., усугубленной гражданскими войнами и переворотами, в юго-восточном углу рассыпающейся империи на краткий миг возвысился доместик Филарет Варажнуни, объединивший под своей властью остатки византийских владений в Киликии, верхнем Приевфратье, Северной Сирии. Антиохия тоже вошла в состав его эфемерного княжества, хотя точную дату присоединения определить затруднительно. Ясно лишь, что это случилось после 1078 г., когда город еще управлялся наместниками, присылавшимися из Константинополя[1]. Филарет был сторонником императора Романа IV Диогена, разбитого под Манцикертом, а потом погибшего в ходе гражданской войны с Михаилом VII Дукой (1071–1078). Соответственно, Филарет оставался в жесткой оппозиции к Михаилу, но после свержения его Никифором Вотаниатом (1078–1081) признал власть нового императора и получил от него высокий сан куропалата. Впрочем, пышная византийская титулатура была бесполезна перед лицом нового натиска тюрок, под ударами которых сжимались владения Филарета. Он пытался сохранить свою власть ценой изъявления покорности сельджукскому султану Малик-шаху и принятия ислама, но тюркские эмиры к 1086 г. захватили земли Филарета, невзирая на жалованные грамоты, данные ему султаном и аббасидским халифом[2].

Взятие Антиохии в декабре 1084 г. иконийским султаном Сулайманом ибн Кутулмышем было не только важнейшей вехой в процессе распада квазигосударства Филарета Варажнуни, но и событием, которое, быть может, и подтолкнуло его к вероотступничеству в призрачной надежде спасти остатки своих владений. Наряду с этим падение города стало символическим началом упадка византийской

[1] В 1074–1078 гг. Антиохией управлял Исаак Комнин, старший брат будущего императора Алексея I Комнина (см.: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. С. 105–108).

[2] См. библиографию о Филарете Варажнуни: *Гусейнов Р. А.* Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока: Ежег., 1973. М., 1978. С. 46, примеч. 47 (далее: *Михаил Сириец*); *Анна Комнина*. Алексиада. М., 1965. С. 522–523, примеч. 673, 674; *Todt K. P.* Antioch in the Middle Byzantine Period: The Reconstruction of the City as an Administrative, Military, Economic and Ecclesiastical Center // Antioche de Syrie: Histoire, images et traces de la ville antique / Ed. B. Cabouret, P.-L. Gatier. Lyon, 2004. P. 184, note 47.

и порожденной ею арабо-мелькитской культуры региона. Упадок этот был медленным, творческие силы северосирийских мелькитов еще не иссякли, примером чему может служить тот же иеромонах Михаил, сочинение которого предлагается вниманию читателя. Окончательный коллапс православной культуры антиохийского региона наступит после разрушения города и, судя по всему, монастырей Черной горы султаном Бейбарсом в 1268 г. Однако центры культурного творчества и политической активности мелькитов уже с XII в. всё больше сдвигаются на юг, в сторону плато Каламун, Дамаска и Заиорданья.

Падение Антиохии 1084 г., конечно же, привлекло внимание летописцев всех соседних народов. Источники сохранили сирийский, армянский, греческий, арабо-мусульманский взгляды на происходившее. Впрочем, все эти авторы жили либо за полторы тысячи километров от Антиохии, как Анна Комнина, либо несколько поколений, а то и веков спустя после описываемых событий (Матфей Эдесский (Маттеос Урхаеци), Михаил Сириец, Ибн аль-Асир, Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим, Бар 'Эвройо). Лишь иеромонах Михаил имел несчастье оказаться в городе в ту ночь, когда туда ворвались воины Сулаймана, и оставил свидетельство непосредственного очевидца. Добавим, что он, единственный из авторов источников, принадлежал к тому же народу православных арабов, который преобладал в населении Антиохии.

Иные из описаний падения Антиохии в ближневосточных хрониках очень лапидарны. Михаил Сириец, может быть, наиболее краток: «Султан Конии Сулайман обратил внимание на то, что находившиеся в Антиохии греки обессилены и малочисленны. С тремя тысячами всадников он перешел налегке через горы и напал внезапно ночью. Они уничтожили большое количество горожан и завладели (городом). Они превратили в мечеть большую церковь Кассиана»[1]. Историк ошибается прежде всего в численности сельджукского войска: все остальные источники независимо друг от друга дают цифру 300 или даже 280 всадников[2]. С такими силами атаковать хорошо

[1] *Михаил Сириец*. С. 30.

[2] Цифру в 300 воинов дает Матфей Эдесский (см.: Armenia and the Crusades. Tenth to Twelfth Centuries. The Chronicle of Matthew of Edessa. Lanham; New York; London, 1993. P. 147 (далее: *Matthew of Edessa*)) и Ибн аль-Асир («триста всадников и множество мужей»; *Ibn al-Aṯīr*. Kitāb al-kāmil fī t-tārīḫ. Bayrūt, 1407/1987. Vol. 8. P. 436 (далее: *Ibn al-Aṯīr*); о 280 всадниках говорит Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим (рус. пер.: *Семенова Л. А.* Из истории средневековой Сирии: Сельджукский период. М., 1990. С. 106 (далее: *Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*).

укрепленный город с населением в десятки тысяч человек представляется полным безумием.

Стоит обратить внимание и на удаленность Иконийского султаната от Антиохии. Их разделял пояс владений Филарета Варажнуни, который следовало пересечь максимально быстро и незаметно. Теоретически это было возможно, если двигаться через перевалы северных отрогов Киликийского Тавра и потом узкой долиной между хребтами Аманус и Курд-Даг, по труднодоступным и редкозаселенным местностям. Анна Комнина пишет, что отряд Сулаймана прошел путь от Никеи до Антиохии (около 1200 км) за 12 ночей, днем оставаясь на месте из предосторожности[1]. Именно этот момент секретности подчеркивают и другие авторы, в частности Камаль ад-Дин: «И вышел он (Сулайман. – *К. П.*) ночью из Никеи со своим войском, прошел ущелья, опасаясь, что Филарет задержит его у себя, и ускорил движение, пока не достиг ночью Антиохии, перебив всех жителей селения аль-Имраниййа, чтобы они не дали знать о нем (Филарету)»[2].

Сам Филарет Варажнуни со своей конницей в тот момент находился в Эдессе, которой незадолго до этого овладел, воспользовавшись раздорами местных лидеров[3]. В Антиохии практически не осталось войск. Конечно же, Сулайман был проинформирован обо всем этом, коль скоро решился на столь дерзкий рейд. То есть в городе находились люди, готовые сдать его сельджукам. Правление Филарета, по свидетельству нескольких источников, было тягостным для местного населения[4]. Вообще, образ Филарета Варажнуни, одного из видных представителей армянской халкидонитской аристократии, окрашен в истории преимущественно черной краской. Анна Комнина единственная отзывалась о нем позитивно, называя «человеком замечательного мужества и ума»[5]. У монофизитских же хронистов Филарет вызывал резкую неприязнь: «сильный, коварный, дерзкий в разорении и убийстве», «оставил, презренный, свое вероисповедание»,[6] «был он мужем отвратительного нрава»[7].

---

[1] См.: *Анна Комнина*. Алексиада. С. 190.

[2] *Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*. С. 106.

[3] См.: *Matthew of Edessa*. P. 146–147.

[4] Об этом писали Бар 'Эвройо (цит. по: *Matthew of Edessa*. P. 324, section 78, not. 3) и Ибн аль-Асир (*Ibn al-Aṯīr*. P. 435).

[5] *Анна Комнина*. Алексиада. С. 190.

[6] *Михаил Сириец*. С. 30.

[7] *Matthew of Edessa*. P. 147.

По словам Анны Комнины, Филарет, не в силах противостоять военному давлению тюрок, решил принять ислам и тем обезопасить свои владения. «Его сын, – повествует она далее, – настоятельно отговаривал отца от этого неразумного шага, но его благие советы не были услышаны. Сын был очень огорчен. Он отправляется в путь и через восемь дней достигает Никеи, является к эмиру... Сулейману, уговаривает его осадить Антиохию и побуждает вступить в войну с отцом»[1]. Далее сообщается о скрытном броске сельджукского войска к Антиохии и захвате города. Описанная ситуация выглядит несколько нелогичной. Сын Филарета, удрученный желанием отца принять ислам, сам сдает город мусульманам? Анна чего-то недоговаривает, или же она была плохо информирована и донесла до нас лишь обрывки истории о падении Антиохии.

Кое-что проясняет хроника Ибн аль-Асира. Он сообщает, что Филарет («аль-Фирдус ар-Руми») незадолго до того покинул город, оставив там своего наместника, названного шихна (*šiḥna*), то есть командующий силами по охране порядка. «И причинял аль-Фирдус зло народу ее (Антиохии. – *К. П.*) и войску своему также, – пишет хронист, – так что даже заточил собственного сына. И сговорился сын его с шихной о том, чтобы сдать страну Сулайману ибн Кутулмышу, и написали ему, призывая его»[2]. Сулайман с небольшим отрядом переходит горы и теснины, в окрестностях Антиохии встречается с шихной и договаривается о совместных действиях.

По описанию Камаль ад-Дина, в ночь на 1 декабря 1084 г.[3] передовая группа воинов Сулаймана проникла в город по веревкам, закрепленным на копьях в выступах стен, а потом бросилась к воротам Баб-аль-Фарс (видимо, одно из названий Восточных ворот) и открыла их, пропустив остальное войско[4]. Судя по словам Ибн

[1] *Анна Комнина*. Алексиада. С. 190.

[2] *Ibn al-Aṯīr*. P. 435–436.

[3] У самого Камаль ад-Дина есть некоторые неточности в датах. Он относит нападение на Антиохию к пятнице 8 ша'бана или к воскресенью 10 ша'бана 477 г. хиджры (9 или 11 декабря 1084 г. соответственно). На самом деле первая из этих дат соответствует понедельнику, а вторая – среде. Далее он же сообщает, что по юлианскому календарю Антиохия была завоевана в первый день декабря. Он действительно приходится на воскресенье. В днях недели летописцы ошибались реже, чем в числах месяца. Иеромонах Михаил однозначно относит нападение Сулаймана к воскресенью 1 декабря (см. ниже перевод). Дату падения Антиохии Михаил запомнил на всю жизнь, и его датировки заслуживают куда большего доверия, чем данные Камаль ад-Дина, жившего полтора века спустя.

[4] См.: *Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*. С. 106.

аль-Асира, люди шихны уже ждали Сулаймана[1]. Можно предположить, что и веревки со стен спустили они. Ворота были снова заперты, а утром началась резня. Тюрки понимали, что их мало и только беспощадный террор способен сломить волю горожан к сопротивлению и принести победу. «И сражался он (Сулайман. – *К. П.*) с жителями города, и побеждал их раз за разом, и убил многих из них», – пишет Ибн аль-Асир[2]. Матфей Эдесский добавляет: «Когда горожане на следующий день увидели неверных, они были поражены ужасом, потому что не было у них воинов, и были они слабы и неискусны в деле войны, как женщины. Потому жители города сгрудились в цитадели, а силы тюрок день ото дня увеличивались в числе»[3].

Чувствуется, что уровень пассионарности у летописца был куда выше, чем у антиохийских мелькитов, на которых он обрушивает гневные обвинения: «Таким образом, многолюдный город Антиохия был захвачен благодаря вероломному, женоподобному и отвратительному народу, именуемому *пелитикк'*[4], который причисляет себя к ромеям по вере, но по сущности должен считаться за мусульман ввиду своего языка и ввиду своих дел; более того, они должны рассматриваться как хулители православной (то есть монофизитской. – *К. П.*) веры, презирающие святую жизнь, гонители армянского исповедания, и как подобные слабым и немощным женщинам, которые сидят на улицах и трещат языками»[5]. Редкий пример, когда субэтнос православных арабов, которых обычно скопом отождествляли с «греками», удостоился отдельного внимания летописца, пусть и столь конфессионально ангажированного[6].

---

[1] «И поднялся он на стену, и соединился с шихной, и взял город» (*Ibn al-Aṯīr.* P. 436).

[2] См.: Ibid.

[3] *Matthew of Edessa.* P. 147.

[4] Слово *pelitikk'* – неясного происхождения. По мнению исследователей, оно прилагалось к жителям Антиохии (см.: Ibid. P. 324, section 78, not. 2), причем, судя по контексту, речь идет именно об арабоязычных православных антиохийцах.

[5] Ibid. P. 148.

[6] Стоит отметить, что армянский летописец был не вполне объективен в своих обвинениях. Ополчение антиохийских горожан, подобное арабским городским милициям *ахдас*, представляло собой заметную военную силу и активно участвовало во многих военных конфликтах и мятежах кон. X – XI в. Однако ряд катастрофических поражений антиохийцев в гражданских войнах и столкновениях с тюрками 1070-х гг. привел к тяжелым людским потерям и снижению военного потенциала городского ополчения (см.: *Todt.* Antioch... P. 179, 183; *Никифор Вриенний.* Исторические записки. С. 108).

Иеромонах Михаил не имел ни малейшего понятия обо всей этой конспирологии и политических обстоятельствах, сопутствовавших падению города. Его повествование – это рассказ напуганного очевидца. Летописи очень нечасто дают такой ракурс восприятия истории. Мы имеем уникальную возможность наблюдать судьбу маленького человека на фоне эпохального политического катаклизма.

Перевод[1]

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, аминь. Жизнеописание отца нашего, благородного[2] из числа праведных, знаменитого из числа избранных святых, анбы[3] Иоанна Дамаскина, пресвитера, прозванного Златоструем[4], на основе тех свидетельств о нем, которые было легко собрать, – да поможет нам Бог его молитвами! Аминь.

Вот что сподвигло и побудило меня к тому, чтобы последовательно описать жизнь отца нашего, святого праведного анбы Иоанна Дамаскина, пресвитера, прозванного Златоструем, – да помилует нас Бог его молитвами! Сулайман ибн Кутулмыш[5] осадил Великую Антиохию, подойдя к ней с восточной стороны, с горы, называемой аль-Кайсакиль[6], в воскресенье, в первый день месяца кануна I[7], в восьмой индиктион, в 6593 году от сотворения мира (1084 г. от Рождества Христова). За три дня он овладел городом, и

[1] Перевод выполнен С. А. Моисеевой по изданию: *Kamerau P.* Christlich-arabische Chrestomathie aus historischen Schriftstellern des Mittelalters. Louvain, 1976. Bd. 1. H. 1. S. 11–13. (CSCO; 370). Комментарии К. А. Панченко.

[2] Вероятно, прилагательное *nabīl* (благородный) в данном случае является не просто эпитетом, но указывает на знатное происхождение прп. Иоанна Дамаскина, в миру – Мансура ибн Сарджуна, выходца из рода высокопоставленных чиновников Дамаска.

[3] Анба – то же, что авва (отец).

[4] Греч. ὁ Χρυσορρός – так именует прп. Иоанна Дамаскина византийский хронист начала IX в. прп. Феофан Исповедник (см.: Theophanis Chronographia / Recensuit C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 408, 417, 428).

[5] Султан Сулайман I (1077–1086), основатель Румского (Иконийского) султаната в Малой Азии.

[6] Топоним *al-Qīṭāqīl* (либо *al-Qayṭāqīl*) неизвестен по другим источникам. Судя по всему, может иметься в виду гора Ставрин, примыкающая с севера к горе Сильпий, у подножия которой лежит Антиохия, и господствующая над дорогой из Антиохии в Халеб. Матфей Эдесский подтверждает, что тюрки атаковали Антиохию со стороны Халеба (см.: *Matthew of Edessa.* P. 147).

[7] Декабрь.

не осталось никого из жителей, кроме тех, кто поднялись на гору, спасаясь бегством в цитадели[1].

В тот день – это был вторник[2] – я, недостойный иеромонах Михаил, находился в городе и, спасаясь от них бегством, укрылся в одном темном доме, который по воле Божией укрыл меня от их взоров и сохранил. Когда же наступила ночь и я увидел, что в городе нет жителей, меня объял страх и трепет и я начал упрекать себя за медлительность – что не поднялся с прочими горожанами на гору. Затем, посреди ночи, я стал подниматься на гору, пока не добрался ранним утром до ворот цитадели. Но пока я пытался зайти внутрь, оттуда выехала верхом толпа горожан в сопровождении отряда тюрок, которых они, заплатив много динаров, призвали на помощь из крепости Артах[3] против их врага Сулаймана. Они поспешно спустились

[1] Рассказ о падении Антиохии не будет понятен без краткого экскурса в топографию города. Антиохия лежит на левом берегу низменной долины Оронта, обрамленной горными хребтами (гора Сильпий и др.) высотой до 500 метров. Ширина долины от реки до предгорий составляет около 1200 метров. Для удобства обороны города стены его были возведены на гребнях горы Сильпий и частично горы Ставрин, откуда спускались уступами к реке. Эти стены опоясывали огромное пространство, примерно 2 на 3 километра, или несколько сотен гектаров, включавших не только саму городскую застройку, но и прилегающие сады, поля и пустыри. Поэтому защитникам Антиохии во все века не хватало живой силы, чтобы удерживать огромный периметр стен. В византийское время на одном из склонов горы Сильпий была возведена цитадель. Именно туда устремились многие жители города, спасаясь от воинов Сулаймана.

[2] Иеромонах Михаил сообщает уникальные подробности захвата города. Тюрки преодолели стену Антиохии в ночь на воскресенье, 1 декабря, а потом в течение трех дней, с воскресенья по вторник, «зачищали» жилые кварталы. Как пишет Камаль ад-Дин, когда воины Сулаймана вошли в Антиохию, «до утра жители города не подозревали об этом. А тюрки издали громкий вопль, и жители Антиохии подумали, что войско Филарета билось с ними (тюрками) и они разбиты, а когда жители поняли, что город подвергся нападению, некоторые из них устремились в крепость, а некоторые бросились со стен и спаслись» (*Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*. С. 106). У Сулаймана было слишком мало воинов, чтобы помешать разбежаться значительной части жителей. Все ворота Антиохии были заперты, но некоторые горожане спустились со стен, видимо на веревках, другие бежали в цитадель, укрылись в башнях крепостной стены (их насчитывалось 136 – *Todt.* Antioch... P. 180), и трем сотням тюрок должно было потребоваться немало времени, чтобы их «зачистить», или попрятались в кустарник, покрывавший склоны горы Сильпий.

[3] Крепость Артах, стоявшая приблизительно в 40 км к востоку от Антиохии, прикрывала границы византийских владений со стороны Халебского эмирата (см.: *Todt.* Antioch... P. 179), однако после Манцикерта перешла под контроль династии 'Укайлидов, правившей в Халебе как вассалы султана Сельджукидов Малик-шаха. Владетель Халеба Шараф ад-Даула считал Антиохию своей зоной

с горы. Однако пока я метался направо и налево, пытаясь попасть в цитадель, они на моих глазах вернулись в бегстве, преследуемые турками Сулаймана. И те в краткий промежуток времени согнали всех мужчин, женщин и детей, которые были на городской стене и на горе, в цитадели и вокруг нее[1], а кроме того, и верховых, и вьючных животных, и повели их вниз. Среди пленных оказался и я, и я порицал себя за такую неосторожность. Всякий раз, как я вспоминаю это столь скорбное событие, проливаю обильные потоки слез, ибо это было страшное и крайне ужасное бедствие, подобное которому никогда не настигало столь быстро. Когда же их люди погнали нас по склону горы, растерянных и отчаявшихся выжить, мне пришло на память, что это был за день, – а это была среда, четвертое число упомянутого месяца, – и все, чему я в этот день бывал свидетелем в Антиохии: радость и веселие, торжество и ликование ее жителей, их блистательные одеяния, множество всадников на верблюдах и мулах, и то, как они собирались в церкви святой Варвары и совершали ежегодное празднование ее памяти при участии патриарха, клира, правителя и высших чинов. И вот я взмолился к ней, прося ее заступничества, и усугубил молитву, обращаясь к тому, кто разделял с ней день памяти – я имею в виду анбу Иоанна Дамаскина, пресвитера. Я молил его все то время, что спускался с горы, напоминая ему его собственную ревность о христианской вере, и просил его спасти и избавить народ от постигшей его погибели своими молитвами и заступлением. Когда же мы оказались на лугу, то присели отдохнуть на землю, и тут услышали, как глашатаи громко провозгласили: «Сулайман разрешает пленным жителям города спокойно и безбо-

влияния (тем более что византийцы выплачивали ему дань как гарантию ненападения) и никоим образом не сочувствовал военным успехам иконийского султана. За те три дня, пока воины Сулаймана громили Антиохию, укрывшиеся в цитадели горожане успели послать гонцов в Артах с просьбой о помощи и получить оттуда подкрепление. Однако к Сулайману тоже примкнули некоторые мусульманские эмиры со своими дружинами, благодаря чему ему удалось удержать город. Впоследствии иконийский султан, отстаивая права на свои новые владения, сражался с Шараф ад-Даулой и одержал над ним верх, но в 1086 г. погиб в битве с другим соперником, эмиром Дамаска Тутушем, дядей Маликшаха.

[1] То есть в среду 4 декабря воины Сулаймана отразили вылазку из цитадели, а потом устроили облаву на горожан, укрывавшихся на склонах горы Сильпий. Михаил ошибается в том, что касается самой цитадели: она не была захвачена сельджуками. Крепость, лишенная подвоза воды и продовольствия, сдалась после более чем месяца осады, 12 рамадана 477 г. хиджры / 11 января 1085 г. н. э. (см.: *Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*. С. 107).

язненно вернуться в свои дома!»[1] Тогда все возблагодарили Бога – да благословится имя Его! – Который обратил к ним в эту минуту Свой милующий взор и Свой сокровенный милостивый промысл. Таково было благоволение Творца – хвала Ему! – Чьи свойства описать человеческий язык не в силах!

Когда же прошел год и вновь наступило в месяце кануне I это двойное празднество – я имею в виду святой Варвары и праведного Иоанна, – я захотел услышать житие святого Иоанна. Узнав же от всех, что его полного жития нет ни на греческом языке, ни на арабском, я подивился, до какой степени овладело его современниками небрежение о его памяти, несмотря на всю его достохвальность и превосходство в добродетели. И это тогда, когда его речи произносятся в церковных собраниях всех христиан ночью и днем, в течение уже многих лет! Я не нашел никого, кто бы мне объяснил причину этого забвения. Однако я еще раньше слышал разрозненные рассказы о святом Иоанне и нашел некоторые упоминания о нем в собрании житий отцов, которые были его современниками, хотя и очень краткие – середина на половину. Я собрал их вместе, а некоторые опустил, как не относящиеся к сути, и таким образом составил единое последовательное повествование. А тот, кто рассмотрит этот труд, да извинит меня, ибо я покусился на то, что превосходит мою меру[2], обойдя ученых мужей, которые были до меня и были в этом и в остальном красноречивее меня. Однако я решился на это ради происходящей для меня, как я чувствую, пользы. Поэтому я собрал все те свидетельства о его жизни, которые было легко собрать, но это лишь малое из многого[3]. Богу же, воздающему каждому в соответствии с его произволением и усердием, слава во веки! Аминь.

---

[1] Камаль ад-Дин пишет: Сулайман «успокоил жителей (Антиохии), и вернул их в их дома, и освободил большую часть пленных. И молились мусульмане в пятницу 15 шабана в аль-Касиане (церковь Кассиана, или церковь св. Петра, кафедральный собор Антиохии, была обращена в мечеть. – *К. П.*), и было призвано в нее... 110 муэдзинов и множество народа из жителей Сирии... А грабежи горок в Антиохии были бессчетны и превосходят всякое описание» (*Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим*. С. 106). О помиловании Сулайманом жителей Антиохии упоминают и другие авторы (см.: *Matthew of Edessa*. P. 147; *Ibn al-Aṯīr*. P. 436).

[2] Т. н. *topos modestiae* – традиционный прием агиографа, указывающего в предисловии на несоответствие своих сил и способностей той великой задаче, которую он взялся осуществить.

[3] Другой агиографический топос (*ex pluribus pauca*), указывающий на то, что агиограф не будет пытаться во всей полноте описать все добродетели святого, что в принципе невозможно.

Ибн ас-Сука'и. Продолжение книги «О кончинах знаменитых мужей» (фрагменты)

(Перевод, предисловие и комментарии Т. К. Кораева)

Аль-Муваффак Фадлаллах ибн Аби-ль-Фахр из рода Ибн ас-Сука'и[1], известный также под прозванием аль-Катиб ан-Насрани (Писец-христианин), родился около 1230 г. Он сделал успешную карьеру на посту чиновника ведомств обжалования приговоров и наследных дел при мамлюкских султанах Египта и Сирии из династии бахритов и скончался в глубокой старости в 1325/6 г. в собственном имении аль-Арза, близ Дамаска. Точно определить конфессиональную принадлежность «Писца-христианина», отличавшегося, по свидетельству современника-мусульманина Ибн Шакира аль-Кутуби, благочестием и помнившего наизусть многие книги библейского канона («Пятикнижие, Псалтирь и Евангелие»), не представляется возможным: он рассматривается либо как копт, либо, чаще, как православный (мелькит).

Аль-Муваффак Фадлаллах ибн Аби-ль-Фахр ибн ас-Сука'и прославился прежде всего благодаря своей работе над продолжением классического в арабском историописании биографического свода «Кончины знаменитых мужей» (*Wafayāt al-a'yān*), созданного во второй половине XIII в. Шамс ад-Дином Ахмадом ибн Халликаном[2]. «Продолжение книги "Кончины знаменитых мужей"» (*Tālī kitāb wafayāt al-a'yān*) включает биографии деятелей, скончавшихся между 1258 и 1325 гг. Сочинение сохранилось в единственном списке[3], приобретенном для своей библиотеки младшим современником автора, Халилем ас-Сафади, который, в свою очередь, снискал известность как составитель самого популярного дополнения к «Кончинам знаменитых мужей».

---

[1] См. подробнее о нем: HMLEM. Vol. 3. T. 2. P. 100–101; *Swanson M. N.* Ibn al-Ṣuqa'ī // CMR. Vol. 4. P. 820–823.

[2] По сообщениям позднейших биографов, перу Ибн ас-Сука'и также принадлежала сокращенная версия самого сочинения Ибн Халликана, равно как и евангельская гармония, биографический свод «Кончины музыкантов» (*Wafayāt al-muṭribīn*), продолжение летописи коптского хрониста XIII в. аль-Макина Старшего; ни один из этих трудов до нас, по-видимому, не дошел.

[3] Ныне в собрании Национальной библиотеки Франции (Paris. Arab. 2061).

Структура «Продолжения...» стандартна – это жизнеописания, выстроенные в алфавитном порядке имен собственных (за 1258–1317) и хронологически – по годам смерти (за 1317–1325). Содержание же его весьма оригинально. Исполняя свои обязанности в бюрократической системе мамлюкского султаната, автор живо запечатлел ряд коллизий, связанных со взяточничеством, притеснением податного населения (в частности, зиммиев-немусульман), государственной изменой и хищениями из казны. Ряд этих сюжетов впоследствии воспроизводили позднейшие продолжатели Ибн Халликана, немало почерпнувшие у Ибн ас-Сука'и. Таким образом, аль-Катиб ан-Насрани открывает внушительный ряд продолжателей Ибн Халликана, вклад которых определил характер египетской и сирийской просопографии середины XIV – начала XVI в.: помимо упоминавшихся аль-Кутуби и ас-Сафади, это аз-Захаби, аль-Йунини и аль-Джазари. Тем не менее органически он в их число не вошел, вывод о чем можно сделать, исходя из того, что список его труда – уникум, а цитируется он (по сравнению с младшими современниками) крайне редко. Причиной, по всей видимости, стало как его немусульманское происхождение, так и особенности языка: в тексте чувствуется сильное влияние египетско-суданского диалекта, а временами, как кажется, полностью игнорируются нормы формальной грамматики, столь значимые для престижности того или иного сочинения в арабоязычном культурном пространстве.

«Продолжение...» было издано с переводом на французский язык Ж. Сюбле при Французском институте в Дамаске в 1974 г.[1] В качестве примеров для настоящей Антологии выбраны биографии двух представителей мелькитской общины (Ибн аль-Куффа и Ибн аль-Арши), известного коптского подвижника Булуса аль-Хабиса, а также несколько жизнеописаний, так или иначе иллюстрирующих взаимоотношения между мусульманами и зиммиями в различных сферах.

[1] См.: *Ibn aṣ-Ṣuqā'ī.* Tālī kitāb wafayāt al-a'yān: Un fonctionnaire chrétien dans l'administration mamelouke / Éd., trad. J. Sublet. Damas, 1974 (рец.: *Troupeau G.* // Arabica. 1976. Vol. 23. P. 330–331; *Samir Kh.* // OCP. 1980. Vol. 46. P. 181–187).

Перевод[1]

Сайф ад-Дин Абу Бакр (№ 31)

Сайф ад-Дин Абу Бакр, известный как Ибн Асбасалар, вали Мисра[2], был он опытен в обращении с людьми и способах взыскивать средства и управляться с наместничеством. Ночами передавались ему вести отовсюду, и он тайком направлялся лично в те или иные места, благодаря чему приобрел большой достаток.

Ибн аль-Муджир, заместитель по надзору за рынками[3] в Мисре, поведал Амин ад-Дину ибн ар-Раккаки в Дамаске в присутствии пишущего эти строки, что если к нему по нескольку дней не приходили денежные поступления, то упомянутый Сайф ад-Дин принимал на себя казенные расходы и траты.

Случилось так, что он постановил повесить каких-то людей из народа в Судебной палате, так что их повесили в тот же день. И вот упомянутый Сайф ад-Дин призвал к себе одного из мужей, стороживших виселицы по ночам, которому, как и подручным его, доверял. Велел он ему, чтобы он перенес одного из казненных и повесил на двери церкви аль-Му'аллака в Мисре, где проживал патриарх христиан-коптов, и доложил об исполнении. Тот вскоре явился к нему и сообщил, что труп к лестнице церкви привязал.

Рассказчик сказал, что наместник тут же выехал верхами, и тот муж с ним, и еще два-три человека из его гулямов[4]. И явился он к подножию лестницы церкви, и послал за патриархом. К нему постучали и потребовали, чтобы тот говорил с вали, а патриарх уже отправился на покой, но понесли его гулямы и спустили к вали. Они обменялись приветствиями, и вали сказал: «О патриарх, дошло уже до того, что ты вешаешь мусульман на своей двери?» Но тот не дал ему ответа, пока не вернулся в свою келью, взял кошель с тремястами

---

[1] Комментированный перевод выполнен Т. К. Кораевым по изданию: *Ibn aṣ-Ṣuqā'ī.* Tālī kitāb wafayāt al-a'yān: Un fonctionnaire chrétien dans l'administration mamelouke / Éd., trad. J. Sublet. Damas, 1974.

[2] Топоним «Миср» у арабских авторов мамлюкского и более позднего времени обозначает как сам Египет, так и его столицу Каир, в связи с чем данная форма сохранена в переводе за исключением тех случаев, когда речь со всей очевидностью идет о стране и принадлежности к ней.

[3] Араб. *nā'ib al-ḥisba.* Важная контрольная функция, основанная на шариатском праве.

[4] Араб. *ġulām* (букв. «отрок») – слуга (обычно несвободного происхождения – раб) любого возраста.

динарами[1], спустился к нему и поднес деньги в подарок. Вали сказал тому мужу: «Сними повешенного и выбрось его в реку», так что тот вернул его на место в ту же ночь.

С ним случалось много подобных происшествий. А скончался упомянутый Сайф ад-Дин в 679 г. [1280/1 г. н. э.] в Мисре.

Амин ад-Даула Абу-ль-Фарадж ибн аль-Куфф[2] (№ 65)

Шейх Амин ад-Даула Абу-ль-Фарадж ибн аль-Муваффак Йа'куб ибн аль-Куфф, христианин, мелькит, врач. Он был одним из прославленных ученых в этом ремесле, автором нескольких трудов. Множество занимавшихся медициной воспользовались его знаниями: они приезжали к нему из других стран, и присутствовало на его уроках целое собрание врачей.

Он составил толкование на полное собрание сочинений Начальствующего старца[3] и на отдельные главы Гиппократа и составил ряд трудов по медицине и хирургии.

Родом он из Карак-аш-Шаубака, а вырос в Дамаске и занялся науками, и был в высшей степени способным и сведущим в основах этого ремесла. Родился он в 630 г. [1232/3 г. н. э.], а скончался в 685 г. [1286/7 г. н. э.] в Дамаске. И оплакал его один из учеников его касыдой[4], которую прочел на третий день по его кончине в церкви мелькитов, известной как Дарб ас-Сакил, среди целого собрания христиан, стоявших на поминках по нему; начало ее (в размере *басит*[5]):

О скорбь, что принесла стенания и горесть!
Ты метнула краеугольный камень рассудка и науки в запустение.
Да отнимутся руки у тебя! какого молодца уж оглушила ты!
Долготерпеливого и щедрого, процветшего вежеством!

---

[1] Золотая монета в системе денежного обращения халифата Омейядов и Аббасидов, впоследствии дифференцировавшаяся с точки зрения стоимости и оборота; о каких именно динарах идет речь в данном случае, неясно.

[2] См. о нем: *Wüstenfeld F.* Geschichte der arabische Aerzte und Naturforscher. Göttingen, 1840. S. 146; *Leclerc L.* Histoire de la médecine arabe. Paris, 1876. Vol. 2. P. 203–204; *Hamarneh S. Kh.* The Physician, Therapist and Surgeon Ibn al-Quff, 1233–1286: An Introductory Survey of His Time, Life and Works. Cairo, 1974; *Idem.* Ibn al-Quff (al-Karaki) // Encyclopaedia of the History of Science, Technology and Medicine in Non-Western Cultures. Amherst, 2008. Vol. 1. P. 1095–1096.

[3] Араб. *аš-Šайḫ ar-ra'īs* – прозвище Абу 'Али ибн Сины (980–1037), одного из величайших философов в истории ислама, прославившегося и своим капитальным вкладом в медицину.

[4] Одна из главных форм поэтического творчества арабов: панегирическая, элегическая или мистическая ода, следующая в рифмовке принципу монорима.

[5] Один из размеров классического арабского стихосложения ('аруда).

и далее:

Осиротила ты всех учащихся науке медицинской,
Из учеников, в числе которых – как неарабы, так и арабы!
Неужели после уроков твоих, о Ибн аль-Куфф, принесут нам пользу
Речи людей, от постижения истины заслоненных.
Да напоит гробницу твою, о Ибн аль-Куфф, влага дождевая!
Да утолит смертную жажду твою водопоем и проливным потоком!
И да достигнет тебя от Всемилостивого милосердие Его,
И да пребудет прах твой в безопасности от всяких превратностей!
Сыны Иисуса, какого же мужа вы потеряли!
Какой же знатности, каких благороднейших степеней!
Так плачьте в печали по тому, кто был вам украшением
И был среди вас как солнце, окруженное метеорами!

ʻАлам ад-Дин Ибрахим ибн Аби Хулайка[1] (№ 69)

ʻАлам ад-Дин Ибрахим ибн ар-Рашид Абу-ль-Вахш ибн Аби Хулайка, начальник врачебного дела в Мисре и Сирии.

Был он предназначен, еще будучи христианином, до принятия ислама, чтобы стать патриархом над христианами в Мисре, но не согласился и перешел в ислам и превзошел всех остальных среди владевших его ремеслом.

И когда заболел аль-Малик аз-Захир[2] дифтеритом, и постоянно сопровождал его упомянутый врач, случилось так, что созрела болезненная опухоль в глотке у султана, а никто, кроме этого врача, не осмелился протянуть руку к его глотке, и протянул ʻАлам ад-Дин руку свою с позволения султана, и нащупал ее рукой, и вскрыл ее, и она вовремя прорвалась, и вышли вещества, и вернулось к султану здоровье.

И подарили ему эмиры, и упомянутые придворные[3], и врачи денег и тканей без счета, но в душе султана не нашлось щедрости, чтобы выдать ему все это, и приказал он передать ему незначительную часть подарков, а остальное было унесено в казну.

Этот ʻАлам ад-Дин был первым в Сирии, кто занялся производством напитка из свежих роз, а до него в Дамаске такого не знали.

---

[1] См. о нем: *Панченко К. А.* Православные врачи на арабском Востоке // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2013. Вып. 5 (35). С. 64.

[2] Мамлюкский султан Бейбарс (1260–1277).

[3] Перевод предположительный: ни одно из возможных чтений слова (*dūr, duwar, dawr*) не дает однозначного и вполне подходящего смысла.

Он был блестяще воспитан во всех видах адаба[1], а скончался в 708 г. [1308/9 г. н. э.] в Мисре.

А родитель его, ар-Рашид Абу-ль-Вахш Врач, скончался в 676 г. [1277/8 г. н. э.], также в Мисре.

Булус аль-Хабис[2] (№ 89)

Монах Булус, египтянин, копт, известный как Схимник. Он прибыл из Мисра в Сирию во дни ас-Салиха ан-Наджма[3], а вернулся в Миср во дни аль-Му'изза Туркумана[4], и пребывал в схиме на Красной горе[5]. И после этого он прославился поручительством перед казной за множество народу в уплате контрибуции, наложенной на христиан в правление аз-Захира Бейбарса[6], поборов и разнообразных издержек.

Примерная сумма того, что передал он от себя за людей в казну, составила шестьсот тысяч дирхамов[7]. И он великодушно одаривал всякого из народа, кто обращался к нему, суммами от десяти до тысячи дирхамов, и не скупился ни на дирхамы, ни на динары, и не кормился и не одевался из тех средств, что раздавал.

Люди разошлись во мнениях относительно него: были те, кто говорили, будто нашел он клад на Красной горе, а другие – будто это золото появилось от действия алхимии. И следили за ним, и искали, но не узнали ничего о делах его.

А вот что поведал мне Шамс ад-Дин, племянник ас-Сахиба Джамаль ад-Дина ибн Матруха. Он сказал: «Направился я в Хиджаз

---

[1] Араб. *adab* – в средневековой арабской культуре: совокупность знаний и поведенческих навыков, отличающая культурного человека, а также литературный жанр, нацеленный на то, чтобы обеспечить ее усвоение.

[2] См. о нем: *Labib S. Y.* Bulus al-Habis, saint // Coptic Encyclopaedia. New York, 1991. Vol. 2. P. 424–425; *Войтенко А. А.* Булус аль-Хабис // ПЭ. 2003. Т. 6. С. 366; *Панченко К. А.* Булус аль-Хабис, коптский новомученик XIII в.: Судьба на фоне эпохи // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2015. Вып. 5 (45). С. 61–69.

[3] Айюбидский султан ас-Салих Наджм ад-Дин Аййуб (1240–1249).

[4] Мамлюкский султан ал-Му'изз Айбек (1250–1257).

[5] Горный массив Джабаль-Ахмар под Хелуаном к югу от Каира.

[6] В июне 1265 г. Бейбарс обвинил верхушку христианской и иудейской общин в поджоге Каира, и был вынесен смертный приговор, который потом заменили выплатой непосильного денежного штрафа. Булус аль-Хабис прославился тем, что вносил деньги за тех, кто не в состоянии был это сделать (см. подробности: *Панченко.* Булус аль-Хабис...).

[7] Серебряная монета в системе денежного обращения халифата Омейядов и Аббасидов, впоследствии дифференцировавшаяся с точки зрения стоимости и оборота; о каких именно дирхамах идет речь в данном случае, неясно.

в 663 г. [1264/5 г. н. э.], и оказался ограблен шайкой конных арабов[1], и прибыл в Миср бедняком, ничего не имея за душой. Я был знаком с писцом аль-Гутми, чей начальник занимал не последнее место в государстве. Так что я посетил его, чтобы сообщить ему о том, что выпало на мою долю. А тут прибыл затворник Булус верхом на осле, и вся тварь Божия уж клянчила у него милостыню, и вошел он в тот дом, и посмотрел на меня, а я все раздумывал.

Он спросил обо мне, и сообщил ему домохозяин о роде моем и о том, что приключилось у меня с арабами. А под боком у меня стояла чернильница с обрывком бумаги. И попросил он вежливо у меня чернильницу, и взял от той бумажки обрывок на пол-ладони, и написал там нечто, мне пока неизвестное, и свернул его и протянул его мне, и сказал: "О господин наш, как выйду вон, так прочти это". И встал выходить, после того как поел из того, что поднесли ему из монашеских кушаний. Я развернул бумагу и обнаружил там написанное:

"Имя Бога Всевышнего, презренный Булус – тысяча дирхамов".

И спросил я, кто сообщит мне об обстоятельствах его. Тот сказал: "Дай ее тому, кого выберешь из менял, и возьми, что там указано"».

Рассказчик продолжал: «Я явился к менялам, уселся перед тем человеком, рядом с которым никого не было, и положил бумагу и свой платок. Тот прочел ее, поцеловал, отвесил тысячу дирхамов и сложил их в платок. И взял я их, как будто там была тысяча динаров».

В помянутом 663 г. призвал его аль-Малик аз-Захир к себе во дворец и допросил о деле его. И пробыл он там два-три дня, пока слуга приносил ему передачу с монашеской едой, затем султан убил его. И так и не узнал никто, в чем была тайна его, ни до ни после того как он был убит, а произошло его убийство в помянутом 663 г.

Ас-Садр Бадр ад-Дин аль-Амиди (№ 94)

Ас-Садр Бадр ад-Дин Джа'фар ибн Мухаммад аль-Амиди, смотритель диванов Сирии, занимал высокое положение среди людей начальствующих, неприкосновенных, неприступных. Он принял на себя надзор за областями и городами в Египте, исполнял обязан-

[1] Арабами (*'arab, 'urb*) источники мамлюкской и более поздних эпох называют кочевые племена (бедуинов), противопоставляя их оседлому (городскому и сельскому) населению, хотя и те и другие говорили на арабских диалектах.

ности наместника Дамаска в 666 г. хиджры [1267/8 г. н. э.]. Сперва месячное жалованье смотрителя диванов составляло 1333 дирхама, 1/3 и 1/10 гараир[1], но в период службы ответственного за надзор Наджм ад-Дина ибн аль-Лябуди установили жалованье в 400 дирхамов и 4,5 гараир в месяц. Та же ставка сохранялась и для Бадр ад-Дина, но он не жаловался никому на малый размер довольствия.

В начале его службы эмир 'Ала' ад-Дин аш-Шукайри, войсковой надзиратель[2], стал недолжным образом расходовать средства. С ним неизменно находились самаритянин, писец отдела хранения сахара[3], и группа писцов-самаритян. Они были обходительны с ним и вошли к нему в доверие, а эмир Джамаль ад-Дин, наместник Дамаска, и Бадр ад-Дин, смотритель, болезненно переживали это положение. Дерзость самаритян стала известна султану, и он приказал доставить самаритян-мубаширов[4] в Миср в цепях. Аш-Шукайри, надзиратель, укрыл у себя писца отдела сахара с его братом, которые и были главными провинившимися, а остальных отослали под конвоем в Миср. С каждого из них постановили взыскать по 10 тыс. дирхамов и отослали в Дамаск, чтобы изъять у них деньги. Писец отдела сахара и его брат раскошелились и внесли за себя 20 тыс. дирхамов. Поступило распоряжение, чтобы о деньгах, расходах и делах управления говорили только наместник и Бадр ад-Дин, смотритель. Писец отдела сахара испугался и попросил аш-Шукайри помочь ему добраться в сопровождении своих мужей до страны франков. Возможность бежать он нашел только в ночь субботы. Он уже собрался было и выехал, когда его защитники окликнули его: «Куда едешь в ночь субботы?» А наместник заранее подсказал попечителю[5], чтобы он посоветовал им так поступить. Тут же его, вместе с вьючной скотиной и путевым снаряжением, схватил староста квартала[6] и передал вали

[1] *Ġirāra* (мн. ч. *ġarā'ir*) – единица измерения сыпучих веществ, прежде всего зерна, около 2 ц.

[2] Араб. *nāẓir al-ǧayš* – высокопоставленный чиновник, ведавший средствами, предназначенными на содержание войска, в данном случае в провинции Дамаск.

[3] Видимо, речь идет о чиновнике, контролировавшем оборот сахара и соответствующие налоговые отчисления. Это была одна из самых перспективных доходных статей государственного бюджета.

[4] Араб. *mubāšir* («ответственный») – один из административных рангов.

[5] Араб. *mutawalli* – чиновник, следующий по рангу после смотрителя (*nāẓir*) и находившийся в непосредственном подчинении у смотрителя диванов, то есть Бадр ад-Дина.

[6] Араб. *šayḫ ad-darb*.

бедуинов[1], который сразу же доставил его к эмиру Джамаль ад-Дину ан-Наджиби, наместнику Дамаска. Тот его спросил: «Хитрец, куда едешь?» Он сказал: «От страха перед тобой намеревался бежать». Тот ему: «Сообщи мне, куда ты дел деньги от продажи сахара, и будет тебе гарантия безопасности от меня, чтобы никто тебя не беспокоил». Он в ответ: «Господин мой[2], из денег от сахара утаили ни больше ни меньше как 300 дирхамов». И назвал тех, кто их присвоил, – надзирателя и налоговых сборщиков, и расписал о них подробно на листах в трех списках... А наутро наместник послал извещение султану аль-Малику аз-Захиру Бейбарсу, а тот пребывал в Сафаде[3], и приложил к почте один из листов, где было написано о сахаре.

На третий день после отправки донесения султан спозаранку прискакал в цитадель с немногочисленной свитой. Явился наместник, и султан потребовал доставить всех, кто поименно был назван в листе. Аш-Шукайри он еще ранее назначил выплатить 75 тысяч дирхамов. Султан обругал его, на нем разорвали одежды, он был взят под стражу. Было приказано вернуть деньги и задержать тех, кому они предназначались.

Среди названных был некий иудей, известный как ас-Сунни, мубашир при налоговом сборщике по надзору[4]. Он в свое время набрался дерзости и написал бумагу в Миср, где ручался собрать для казны войскового дивана дополнительно 500 тыс. дирхамов на содержание эмиров и ратников, которые наместник не мог раздобыть. Султан переслал лист наместнику, и тот не смог отомстить ас-Сунни Иудею. Однако наместник затаил на него зло, и когда сказал ему аль-Малик аз-Захир: «Пригвозди этого самаритянина и выстави его на позор», то он ответил: «Господин мой, я уже дал ему свой аман[5],

[1] Араб. *wālī al-'urb*. Мамлюкские власти давали бедуинским вождям звания государственных служащих и облекали их полномочиями по поддержанию порядка в зоне своих кочевий. Видимо, писец был схвачен на значительном расстоянии от Дамаска, в степи, и бедуинский вождь должен был отконвоировать арестованного в город.

[2] Хаванд – почтительное обращение иранского (курдского) происхождения, распространившееся в Египте начиная с эпохи Айюбидов и применявшееся к представителям высшего эшелона правящей верхушки (государь и его семья, главные военачальники).

[3] Сафад (совр. Цфат) – город в Галилее, на расстоянии ок. 100 км от Дамаска. В айюбидскую и мамлюкскую эпохи он был важнейшим центром северной Палестины, выполняя как административные, так и экономические функции.

[4] Араб. *mustawfī an-naẓar* – глава одного из подразделений дивана, контролировавший оборот финансовой документации.

[5] Гарантию безопасности.

да и большая вина на иудее – налоговом сборщике, который научил их, что делать с деньгами. Он и заслуживает пригвождения». Он похвалил Бадр ад-Дина, смотрителя, и его надежность, а султан ему сказал: «Договорись с ним об общей пользе и выставь одного из этих на позор с пригвождением». И вернулся султан в Сафад. Было то в 668 г. хиджры [1269/70 г. н. э.].

Когда же иудей узнал, что он – уже покойник, то написал лист наместнику о том, что немедленно внесет 50 тыс. дирхамов из своих денег и поручится внести в скором времени еще 100 тыс. дирхамов, если тот его простит. Наместник ответил, чтобы он сперва внес 50 тыс. дирхамов и определил источники получения остальных 100 тыс. дирхамов, и тогда он получит прощение.

Когда же услышал об этом деле самаритянин, писец отдела сахара, то убедился, что сумма, которую поручились внести с поступлений от оборота сахара, пока не известна из-за расхищения их. И написал он письмо к ас-Сунни Иудею, соболезнуя ему, и просил не включать доходы от сахара в его поручительство, обещая ему за это немедленно предоставить 10 тыс. дирхамов[1].

Письмо отнесли наместнику, и тот сказал: «Я избавил его от пригвождения, а он помогает моему врагу! Возьмите иудея, пригвоздите сперва его, а затем самаритянина». И пригвоздили ас-Сунни, водрузив на верблюда, в дорогих одеяниях его и в чалме, спозаранку в субботу, и в тот же день он умер. А на вторую субботу был распят аль-Фахр Самаритянин, писец отдела сахара, и он прожил еще несколько месяцев, так что его возили на позорище в Газу, а затем на Евфрат, он же еще был жив.

Аш-Шукайри, надзиратель, получил отставку, и был назначен на его место аль-Акра'и, который пребывал в согласии с Бадр ад-Дином, упомянутым наместником, в делах общей пользы, пока Бадр ад-Дин не скончался в Дамаске в шаввале 675 г. хиджры [1277 г. н. э.]. Родился же он в Амиде в 597 г. хиджры [1200/1 г. н. э.].

Его брат, Муваффак ад-Дин 'Али, скончался в аль-Караке. Он был исполняющим обязанности надзирателя в 674 г. хиджры [1275/6 г. н. э.]. Родился же он в Амиде в 589 г. хиджры [1192/3 г. н. э.].

[1] Текст не вполне ясен. Судя по всему, еврейский писец собирался взыскать 100 тыс. дирхамов, раскрыв механизмы хищений в администрации Дамаска и «сдав» лиц, присвоивших казенные средства. Самаритянин пытался вывести из-под удара свое ведомство, контролировавшее оборот сахара.

Шейх Хидр[1] (№ 106)

Шейх Хидр ибн Аби Бакр ибн Муса аль-'Адави, шейх аль-Малик аз-Захира, чье житие известно и от мира не скрыто. В своих частых поездках в Сирию он останавливался при куполе[2], отстроить который для него приказал аль-Малик аз-Захир на холме у склона аль-Маззы, и называл его Домом поклонения. И отдал ему же синагогу иудеев и окружавшие ее имения их. И устроил он пир в синагоге, где, в числе прочего, подавались булки на литаврах (?), так что ими кидались друг в друга и попирали хлеб его ногами в танце своем при возвращении султана после покорения Хисн-аль-Акрада[3] и 'Аккара[4].

И в тот день, в 669 г. [1270/71 г. н. э.], случился великий разлив в воскресенье днем, разрушал, губил, сносил быки мостов и разносил их в щепы своим потоком, а султан заранее стал на привал у аль-Катифы.

И когда стало ясным султану житие шейха и его самоуверенность, то заключил он его в Мисре и решил провести разбирательство о нем в своем присутствии. К тому времени уже было названо несколько человек из его сотоварищей и помощников, и потребовали их из Дамаска для расследования о нем.

И воссели султан аль-Малик аз-Захир, эмир Фарис ад-Дин Атабек, эмир Сайф ад-Дин Калаун и эмир Бадр ад-Дин Байсара в 671 г. [1272/73 г. н. э.], и был послан эмир Сайф ад-Дин Куштамур аль-'Аджами, чтобы доставить его, а был он из числа ярых приверженцев Хидра, и сообщил ему, чего ради его требуют, и доставил его из тюрьмы. Тот явился и не обнаружил того прежнего обращения,

---

[1] Шейх Хидр аль-Михрани, одна из самых одиозных фигур эпохи Бейбарса, мистик-суфий, претендовавший на обладание пророческими знаниями. Он обладал огромным влиянием на султана, вмешивался в государственные дела и вел скандально-развратный образ жизни. Читатели сочинения Ибн ас-Сука'и были младшими современниками шейха Хидра и, конечно же, много слышали о нем. См. о нем, в частности: *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382. London, 1986. P. 53–55 (там же – библиография).

[2] Речь идет о купольном строении, где размещалась суфийская обитель.

[3] Франц. Krak des Chevaliers; один из важнейших оплотов франков в Восточном Средиземноморье в период последних крестовых походов.

[4] Описание обряда, проводившегося под руководством героя жизнеописания, содержит ряд трудночитаемых лексем, очевидно, диалектного происхождения и восстанавливается с лакунами. По-видимому, речь идет о разновидности суфийского радения (зикр) с присущими ему в ряде братств музыкальными и плясовыми элементами (сама').

к которому привык с их стороны. Он сел, и привели тех, кого истребовали для очной ставки с ним и расследования о нем. И высказали ему в лицо всякие мерзости и гадости. А он сказал: «Я этого не знаю и не говорил вам, что человек я праведный. Вы это сказали. Так что если то, что сказали сии, верно, то солгали вы». Султан встал со своего места, вышел в другое место и сказал эмирам: «Что полагаете относительно него?» Атабек сказал: «Он проведал о тайнах державы, и не подобает оставлять его в живых на земле». И остальные с ним в том согласились. Так что понял Хидр, о чем они решили, и сказал султану: «Мой смертный час близок к твоему, и между мной и тобой – какие-то считаные дни: кто из нас умрет, другой скоро за ним отправится». Тот приказал вернуть его в тюрьму.

И когда вернулся султан из Рума в начале 676 г. [середина 1277 г. н. э.][1], то послал приказ, чтобы выпустить Хидра из заключения, но ему доложили, что тот уже умер 1 мухаррама того же года. А султан скончался на последней декаде того же месяца в Дамаске. И оказалось между ними двадцать дней – до кончины султана после него.

Аль-Хаким Абу-н-Наджм ибн аль-'Арши (№ 342)

Аль-Хаким Абу-н-Наджм ибн ас-Сафи ибн аль-'Арши, врачеватель-христианин. Родитель его был врачом, как и дед его. И сделался родитель его митрополитом над общиной мелькитов. Пребывал он таковым непродолжительный срок и скончался.

И был возведен вместо него в митрополиты некий муж, которого знали как Дауда ибн аль-Мутрана. Некоторое время пребывал он в этом сане и вел образ жизни, не должный для подобных ему. Его сменили, и возведен был в митрополиты вместо него этот Абу-н-Наджм...[2] А когда последний был врачом, а не митрополитом и не монахом, он придерживался такого поведения, что руководился одним лишь страхом Божиим.

И после некоторого времени его пребывания в митрополитах скончался патриарх, владыка Антиохийского престола, правящий в Сирии и прочих странах митрополитами и прочими. И был возведен в патриархи вместо него, в местности, где он скончался, в стране

[1] Имеется в виду последнее военное предприятие Байбарса – поход на Румский султанат Сельджукидов, занимавший бóльшую часть полуострова Малая Азия, со столицей в Конии (ныне Конья).

[2] В тексте лакуна.

армян[1], некто, кого знали как Тирского монаха[2], и распоряжался по своей воле. Но этот Абу-н-Наджм захватил власть в Дамаске, и собрал собор митрополитов и епископов, и склонил их к тому, что они возвели его в патриархи в 722 г. [1322/3 г. н. э.]. В то время пресеклось дорожное сообщение со страной армян. А после этого патриарх послал писание к тому, кого возвели в Дамаске, чередуя обещания и угрозы и силясь вернуть его на путь истинный.

Но тот упорствовал и продолжал противостояние, и подорвали его силы различные болезни, и преследовали его боли, пока не скончался он в раджабе 723 г. [6 июля – 4 августа 1323 г. н. э.], порицаемый и не встретивший благодарности[3].

[1] Под страной армян, как правило, имелась в виду Киликия, где в XII–XIV вв. существовало самостоятельное княжество (затем – царство) династий Рубенидов и Хетумидов со столицей в Сисе. После разорения Антиохии Бейбарсом в 1268 г. резиденция Антиохийского патриарха периодически находилась в Киликии. О православном присутствии в Киликийской Армении см.: *Брюн С. П.* Халкидонское православие в королевстве Армения: Церковная иерархия, знать и общины ромеев и армян-халкидонитов в Киликии XII–XIV вв. // ВЦИ. 2018. № 3/4 (51/52). С. 79–98.

[2] Софроний Тирский был избран на Антиохийский престол в 1322 г.

[3] Ж. Насралла датирует кончину отца Абу-н-Наджма 1303/4 г., а избрание его самого на митрополичью кафедру – 1318/19 г. (см.: HMLEM. Vol. 3. T. 2. P. 107; *Панченко.* Православные врачи... С. 71–72).

Трактат о самоназвании мелькитов

(Перевод, предисловие и комментарии свящ. А. Трейгера)

Как известно, с VIII в. за православными христианами Ближнего Востока закрепилось именование «мелькиты». Происходит оно от сирийского слова *malkā* и арабского *malik*, в переводе означающего «царь». Таким образом, мелькиты это «царская община», то есть ближневосточные христиане, разделяющие христологическое исповедание византийского императора и пребывающие в литургическом общении с Константинопольской Церковью. Это именование православных, скорее всего, зародилось в инославной христианской среде – в первую очередь среди маронитов, то есть монофелитов, отколовшихся от православных после VI Вселенского Собора (680–681), а также среди яковитов и несториан – и использовалось ими первоначально в уничижительном смысле; однако очень скоро оно было принято и самими православными.

Данное происхождение слова «мелькиты» не ставится под сомнение не только современными учеными, но и средневековыми ближневосточными историками, как христианскими, так и мусульманскими. Тем более интересно предлагаемое вниманию читателей анонимное произведение «О самоназвании мелькитов», в котором неожиданно выдвигается альтернативная версия[1]. Это сочинение объясняет именование «мелькиты» действиями мусульманского халифа и завоевателя Иерусалима ʻУмар ибн аль-Хаттаба, вынудившего свт. Софрония († 638) – патриарха Иерусалимского на момент мусульманского завоевания Ближнего Востока – офи-

[1] Данное сочинение сохранилось в двух рукописях: петербургской (ИВР РАН. В 1220. Л. 128 об. – 131 об.), переписанной в 1642 г. Павлом Алеппским, и дамасской (библиотека Антиохийского православного патриархата, № 290), скопированной в 1669 г. Издание текста (по петербургской рукописи) и английский перевод: *Treiger A.* Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1): On the Origin of the Term "Melkite" and on the Destruction of the Maryamiyya Cathedral in Damascus // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2014. № 29. P. 10–20.

циально зарегистрировать православную общину. По воле Божией, явленной ему во сне, Софроний записал православную общину под именем «мелькиты» – однако не в честь византийского василевса, а в честь «Небесного Царя», Господа Иисуса Христа. Сочинение также поясняет, как получили свои именования еретические сообщества – яковиты и несториане (они также записались под этими именами во времена 'Умара ибн аль-Хаттаба), – а также мусульмане и иудеи. Строки, посвященные мусульманам и иудеям, имеют яркую полемическую направленность. Мусульмане обвиняются в том, что их чересчур строгая концепция единства Божия не оставляет места для троичности Ипостасей, а иудеи – в том, что они не только отвергли Христа, но и преступили закон Моисея.

Как утверждается в предисловии переписчика, сочинение найдено среди бумаг одного благочестивого монаха в Иерусалиме после его смерти. Скорее всего, он и является автором этого произведения. Как показал К. А. Панченко, написано оно, вероятно, в 1570–1580-х гг. Об этом свидетельствует тот факт, что кроме данного сочинения самоидентификация мелькитов как «подданных Небесного Царя» встречается лишь в одном источнике: послании к папе Римскому, написанном между 1587 и 1592 гг. православным митрополитом Триполи, Бейрута, Тира и Сидона Анастасием ибн Муджаллой. Таким образом, самоидентификация мелькитов как «подданных Небесного Царя» – это «очень локальная и недолговечная концепция, зафиксированная лишь в наших двух текстах»[1], чем и объясняется привязка сочинения «О самоназвании мелькитов» к той же исторической эпохе, что и деятельность Анастасия ибн Муджаллы, то есть к Мелькитскому проторенессансу.

Конечно, с научной точки зрения объяснение именования «мелькиты» как «подданные Небесного Царя» не представляется состоятельным, а повествование о выборе этого именования Софронием – очевидно, не более чем благочестивая легенда. Тем не менее данное сочинение не лишено исторического значения, поскольку оно представляет собой яркий источник, свидетельствующий о самоидентификации мелькитов в раннеосманскую эпоху.

[1] *Панченко К. А.* [Рец. на:] Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1)... // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. № 5 (40). С. 137–144.

Перевод[1]

С помощью Божьей – слава Ему! – переписываем сочинение, найденное одним верующим в Иерусалиме, в одной из книг, попавших к нему от благочестивого человека, прославившегося добродетелью и познаниями. Вот пример добродетелей этого человека: он был высокопоставленным чиновником[2], но оставил свою должность, принял монашеский постриг и поселился в Иерусалиме[3], где и провел всю оставшуюся жизнь, как дóлжно. Знавшие его рассказывают, что он отличался умом, добродетельной жизнью, превосходным почерком[4] и красноречием. Даже многие мусульмане, и не только они, искали общения с ним и ценили его наставления, а также красоту и приятность его слога – ведь он в совершенстве владел искусством письма[5]. Они почитали и превозносили его, поскольку для них были очевидны его знания и добродетель. После его смерти часть принадлежавших ему книг попала в руки того верующего брата, который и обнаружил среди них это сочинение. Рассудив, что оно превосходно написано и почти не встречается в рукописях, он решил переписать его и размножить, чтобы сделать достоянием всех верующих.

Рассказ повествует об обмане и дерзости еретиков, о том, как они измыслили собственное нечестивое учение, отделились от православных и пошли за родоначальниками ересей и лжеучений, противостоящих Святой Соборной Церкви Божией. Из-за этого приведшего к ереси и нечестию отпадения Церковь Божия пребывала в глубокой печали и смятении. Все видели злодеяния и преступления еретиков. Они же не только сами впали в губительное для их душ заблуждение, но всё больше и больше смущали и притесняли верующих. Когда их власть укрепилась, они стали преследовать и убивать всех верующих, кого только могли, совершая злодеяния, большинство из которых уже описаны в анналах Церкви. В то время они еще не были известны ни как яковиты, ни как несториане, но все их секты утверждали, что они – православные. Слово «православные» означает «верно славящие». Им называли только верующих и благо-

[1] Комментированный перевод выполнен свящ. А. Трейгером по рукописи ИВР РАН. В 1220. Л. 128 об. – 131 об.

[2] Дамасская рукопись: секретарем одного из эмиров.

[3] Дамасская рукопись: в одном из монастырей священного Иерусалима.

[4] *Al-ḥaẓẓ* следует исправить на *al-ḫaṭṭ*.

[5] Слова «ценили... письма» восстанавливаются по дамасской рукописи. В петербургском списке они отсутствуют.

честивых императоров, а всех остальных именовали «христианами», то есть людьми Христовыми.

Так было до наступления власти мусульман. Их царство захватило Сирию, а войско, возглавляемое их вождем ʻУмаром ибн аль-Хаттабом, подошло к Иерусалиму. В то время патриархом Иерусалимским был Софроний, именуемый Христоуст[1], святой и благочестивый человек. Когда мусульманское войско подступило к городу (а оно было сравнительно небольшим и не таким уж сильным, но всё совершается по воле Божией – Бог приближает кого захочет, и отдаляет кого захочет), Софроний собрал старейшин народа и спросил их: «Что вы думаете об этом враге?» Поскольку они любили Софрония всем сердцем за его святость и поскольку совсем недавно город постигло нашествие нечестивых персов, которые учинили в нем убийства, пленение и разрушение, то общим ответом Софронию было: «Да будет по воле Божией и по твоей воле, а мы вверяем себя в руки Божии и в твои руки. Поступай как сочтешь нужным».

Все вместе начали молиться, поститься и совершать ночные бдения, прося у Бога указать им правильное решение. И было Софронию откровение от Бога и сказано было ему: «Сдай им город и не сопротивляйся им, поскольку это Мое попущение на время». Софроний предупредил народ и сдал город мусульманам в обмен на обещание безопасности. Он принес им дары и оказал почести, а они чувствовали почтение к нему и принимали в любое время. Он часто бывал у них и встречался с их вождем ʻУмаром.

Со временем военная власть мусульман над городом усилилась, они захватили всю Палестину и потребовали подушную подать. Считая свое положение безнадежным, всё новые и новые верующие попадали под их влияние. Люди разумные и знающие весьма скорбели, понимая, что эта участь постигла их за их грехи и провинности. Невежды же не печалились, но шли на поклон к ʻУмару и просили записать их под особыми именами. Первым отправился к нему предводитель сообщества яковитов. С этого времени они и откололись от Соборной Церкви Божией и получили свое прозвание «яковиты». За ними последовали несториане. Увидев поступок яковитов, они со своим предводителем также пошли на поклон, записались и получили свое прозвание «несториане».

Когда же святой патриарх Софроний пришел к ʻУмару ибн аль-Хаттабу, тот сказал ему:

[1] Букв.: уста Христовы.

– Ну а ты, патриарх, как желаешь именоваться?

– Я христианин, – ответствовал святой.

– Ко мне уже приходили две назарейские[1] секты, – возразил эмир, – и тоже утверждали, что они христиане, однако записались не христианами, а под особыми именованиями, чтобы отличаться от остальных. Скажи мне и ты, патриарх, к какому из сообществ ты себя причисляешь, и мы припишем тебя к нему. Если же у тебя с ними разногласия, то позаботься выбрать себе особое имя, под которым будешь записан ты и твоя община.

Увидев, что спорить бесполезно, святой попросил об отсрочке на три дня, и ʻУмар согласился.

Софроний созвал собор священников, монахов и всех, кого только мог, и повелел поститься, молиться и взывать к Богу об избавлении от этой напасти. Все собрались в святом храме Воскресения[2] и оставались двое суток в посте, молитве и бдении, плакали, стенали и взывали к милосердному Богу, чтобы Он призрел на них. На заре третьего дня, когда Софроний сидел на своем троне[3] во время кафизм[4], он ненадолго задремал. Во сне ему явился ангел и сказал: «Восстань и не печалься! Послушай, что возгласит диакон, и назови так себя самого и христиан. Сообщи об этом своему врагу! Назови себя именем Бога, Царя Небесного!»

Софроний очнулся в страхе. Как раз в этот момент один из диаконов произносил начало пятого псалма из Псалтири. Он как раз дошел до слов: *Глаголы моя внуши, Господи, разумей звание мое, Царю мой и Боже мой* (Пс 5. 1–2)[5]. Осознав всю силу этих слов, Софроний уразумел их смысл, возрадовался великой радостью и поведал присутствующим бывшее ему видение.

С наступлением утра собрался народ, и Софроний возвестил ему: «Господь даровал нам отселе новое имя. Этим именем Он поставил нас превыше всех еретиков и утвердил нас Своею паствою и сынами Своего Царства. Возблагодарим же Его за эту милость и постигнем величие ее!» Он немедленно отправился к эмиру и записал себя и

[1] То есть христианские. Словом «назареи» (*naṣārā*) христиане именуются в Коране и мусульманской литературе (см.: *Griffith S. H.* Al-Naṣārā in the Qur'ān: A Hermeneutical Reflection // New Perspectives on the Qur'ān: The Qur'ān in Its Historical Context 2 / Ed. G. S. Reynolds. London, 2011. P. 301–322).

[2] То есть в храме Гроба Господня в Иерусалиме.

[3] В греческих храмах епископский трон находится в правой (южной) части храма, неподалеку от алтаря.

[4] Букв.: в то время, когда полагалось сидеть.

[5] Пятый псалом входит в чинопоследование Первого часа.

свою паству под именем «мелькиты»[1]. С тех пор оно и стало нашим именованием вовеки.

Если же еретики начнут утверждать, что наше именование дано в честь царя назарейской[2] веры, то ведь этот царь, как и мы, подчиняется закону нашей веры, и по этому закону у него те же обязательства, что и у остальных верующих, от которых его отличает только царская власть. Если же они скажут, что нашу веру измыслил один из царей, уклонившийся (Боже упаси!) от Православия, то ведь нет никого, кто мог бы заставить народ последовать за ним. Например, Соборная Церковь Божия отвергла императора Анастасия, а вот отпавшее от Православия еретическое сообщество, напротив, с восторгом приняло его. Анафемы и проклятия преследовали Анастасия до тех пор, пока Бог не обрек его на страшную погибель[3].

Еще один довод: если бы 'Умар ибн аль-Хаттаб знал, что наше именование – в честь византийского императора, то он бы не согласился с ним и не признал бы его. Если бы оно не было дано по воле Божией, то ни мусульмане, ни кто другой не приняли бы его.

Еще один довод: первые соборы действительно проходили в присутствии благочестивых царей, но они не привносили ничего своего[4], и целью их было только служение Богу и торжество Истины.

Мы отвечаем только за свое исповедание, а оно состоит в том, что мы именуемся в честь Царя, Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Мы не примкнем ни к кому, кто не принимает нашего вероисповедания. Если бы какому-нибудь еретику, яковиту, или несторианину, или любому другому, сказали: «Ты приверженец такой-то веры», а он не согласился бы с ними, то никто не мог бы продолжать настаивать и повторять: «Неправда, ты все-таки к ней принадлежишь». Этот пример еще раз доказывает, что мы именуемся мелькитами по воле Божией, а все утверждения и доводы еретиков ложны и тщетны.

После появления ислама наших верующих собратьев, именовавшихся «христианами», стали называть «назареями». Если же кто возразит, что в священной книге Деяний рассказывается только о том, как в граде Антиохии, в котором укреплялась вера и распро-

[1] От слова *malkā* (сир.) / *malik* (араб.) – «Царь».

[2] То есть христианской.

[3] Император Анастасий I (491–518) придерживался монофизитства. Назначение им монофизитских патриархов в Константинополе (511) и в Антиохии (512) вызвало бунт в столице и восстание во Фракии. Попытки поставить монофизитского патриарха в Иерусалиме не увенчались успехом.

[4] Следует исправить *'inda-hum* на *min 'indi-him* по дамасской рукописи.

странялось учение Христово, появилось имя «христиане»[1], [а о прозвании «назареи» не сказано][2], то мы дадим такой ответ. Это слово не римское, не греческое, не сирийское и не арабское. Оно дано по вдохновению Духа Святого. Назарейство обозначает послушание, поскольку назареи послушно следуют евангельским заповедям. Еще оно обозначает помощь[3], поскольку они помогают Истине верными знамениями, а Истина помогает им, так что они и помогают, и принимают помощь. Наконец, это слово происходит от именования Господа Иисуса Христа – Назарей[4].

Также и мусульмане не назывались мусульманами искони. Это наименование закрепилось за ними, когда они раскололись на различные толки. В древности же их именованиями были «невежды»[5], «идолопоклонники» и «дикие варвары». Только после того как они приняли оседлый образ жизни, их прозвали мусульманами, поскольку они пребывают в безопасности и получили власть[6]. Они пребывают в безопасности от прежнего идолопоклонства и безверия и получили власть, поскольку уверовали в Бога и последовали за своими вождями. Об этом свидетельствует их исповедание, что Творец – да будет превознесена Его слава! – один, един, единичен и целен[7]. В то же время единство и цельность это самые отвратительные атрибуты, от которых Творца – да будет превознесена Его слава! – следовало бы очистить. У человека, не верующего, что Бог – да святятся имена Его! – это одна превечная и могущественная субстанция, в которой

[1] См.: Деян 11. 26.

[2] Вставка в квадратных скобках отсутствует в арабском тексте, но необходима по смыслу.

[3] Слово «*nuṣra*» (помощь) созвучно слову «*naṣrāniyya*» (назарейство).

[4] Ср.: Мк 1. 24; 14. 67; Лк 4. 34; 24. 19.

[5] В мусульманских источниках словом «невежды» (*ǧāhiliyya*) называются арабы-язычники, жившие до появления ислама.

[6] Выражения «пребывают в безопасности» (*as-sālimiyyīn*) и «получили власть» (*al-mutasallimīn al-mulk*) созвучны слову «мусульмане» (*muslimīn*). Однако приводимые объяснения крайне натянуты; в действительности слово «мусульмане» означает «предавшие себя Богу».

[7] Арабское определение *aṣ-ṣamad* (Коран 112:2) имеет множество интерпретаций. В средневековой византийской литературе оно рассматривалось как указание на цельность и плотность. Мусульманам, таким образом, приписывалось учение, что Бог – это некое цельное тело, не имеющее полостей (в отличие от человека). Подобные верования действительно зафиксированы в раннемусульманской среде, однако позднейшие мусульманские авторы отвергли их как еретические из-за усвоения Богу телесных характеристик (см.: *Simelidis C.* The Byzantine Understanding of the Qur'anic Term *al-ṣamad* and the Greek Translation of the Qur'an // Speculum. 2011. T. 86. P. 887–913).

сочетаются три свойства, нет ни веры, ни знания, по слову Господа нашего и Спасителя Его пречистым ученикам: *Идите ко всем народам, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф 28. 19); и *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк 16. 16)[1].

Иудеи же не подчиняются вообще никакому закону, и у них нет признанной веры. Они утверждают, что следуют закону Моисея, но в закон Моисея входят священство, пророчество и царство, а у них нет ни того, ни другого, ни третьего. Все это потому, что они ослушались и отвергли того Законоположителя, который посылает пророков и освящает священников. Более того, они ослушались и Моисея, поскольку он предостерегал их, говоря: *Пророка из братьев ваших, как меня, воздвигнет вам Бог. Каждая душа, которая не послушает Его и не подчинится Ему, да истребится из народа ее* (Втор 18. 15, 18–19). Здесь он свидетельствует, что закон – это указатель и путеводитель к Господу нашему Иисусу Христу[2]. Но иудеи отвергли пришедшего Христа, и Он низложил их. Они лишились ветхозаветного закона, а новозаветного не получили и оказались предоставлены сами себе, как заблудшие овцы.

Хотя закрепившееся именование «иудеи» происходит от имени Иуды, сына Иакова, Иуда настолько же далек от них, насколько они чужды ему, поскольку телесное происхождение не имеет значения, если ему не сопутствует вера. Знамением оставил иудеев Бог в мире, и обладающий разумением понимает это и остерегается того, что постигло их.

Итак, всеми возможными способами доказано, что только мы, верующие в Господа Христа, являемся избранными сынами Божиими, а не порочные иудеи, не варварские народы и не отверженные еретики. Мы должны постичь величие этой милости, возблагодарить за нее и хранить ее, дабы улучить славу. Мы должны избегать удаляющих от нее деяний и, напротив, предпринимать то, что укрепит нас в ней, дабы нам встретить Господа и Бога нашего *с открытыми лицами* (2 Кор 3. 18), *с чистыми сердцами* (Мф 5. 8), *с возжженными светильниками* (Мф 25. 1–13) и стяжать то, чего *не видел глаз, не слышало ухо, и что не приходило на сердце человеку* (1 Кор 2. 9).

Слова же Моисея: *Пророка, как меня, воздвигнет вам Бог* (Втор 18. 15) не означают, что Христос – пророк, как другие проро-

[1] По мысли автора, «отвратительность» веры в единичность и цельность Бога заключается в том, что она не оставляет места для троичности Ипостасей.

[2] Ср.: Гал 3. 24.

ки, но что Он – причина пророков и осуществление их пророчеств[1]. *Как меня* следует понимать в том смысле, что Он облечен в тело и является Законодателем. Ему же подобает поклонение со Отцем и Святым Духом, и ныне и присно и во веки всех веков, аминь!

Сказание о чуде Александрийского патриарха Иоакима

(Перевод С. А. Моисеевой, предисловие К. А. Панченко, комментарии К. А. Панченко и С. А. Моисеевой)

Александрийский патриарх Иоаким I Пани (ок. 1449–1567?) был одной из самых эпических фигур в истории Православного Востока[2]. 118-летний старец, около 80 лет (с 1486/7) занимавший кафедру апостола Марка, он уже при жизни стал героем сказаний о явленных им чудесах. Согласно преданию, патриарх по требованию египетского султана, наученного своим еврейским советником, выпил чашу с ядом в доказательство истинности христианской веры и остался невредим. Хотя сюжет испытания ядом известен и в более ранних памятниках в контексте иудео-христианского диспута перед мусульманским правителем[3], не исключено, что за этой историей стояла какая-то реальная попытка отравить первосвятителя. Сопоставляя косвенные данные, содержащиеся в источниках, можно датировать описываемые события промежутком между концом марта и началом июля 1498 г.[4] Еще при жизни патриарха Иоакима предание получило известность далеко за пределами православной

[1] Пророки пророчествовали о Христе и ради Христа, и посылал их Сам Христос, будучи Богом.

[2] См. о нем подробнее: *Панченко К. А.* Иоаким I, патриарх Александрийский (ср. сн. 4 на с. 204) // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 160–163. В 2002 г. Иоаким был канонизирован Александрийской Православной Церковью, а в следующем году его память (под 17 сентября) была внесена в календарь Русской Православной Церкви.

[3] О месте сказания в истории развития сюжета и о его редакциях см.: *Моисеева С. А.* Сюжет придворного диспута с иудеем в арабо-христианской агиографии // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 32–43; *Она же.* Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015. С. 72–84.

[4] О попытке реконструкции исторической основы сказания см.: *Панченко К. А.* Испить смертное зелье: Александрийский патриарх Иоаким между эпосом и историей // Исторический вестник. М., 2017. Т. 20. Июнь. С. 136–163.

общины Египта и нашло отражение в целом ряде текстов на русском, арабском и греческом языках.

Возможно, предание о питье яда Иоакимом было впервые письменно зафиксировано в России. В 1558 г. подьячие Посольского приказа записали рассказ о чудесах патриарха со слов синайских старцев, прибывших в Москву с грамотами от Александрийского первосвятителя и епископа монастыря св. Екатерины[1]. Осенью 1559 г. русский посланник Василий Позняков лично встречался в Египте с Иоакимом и непосредственно от него слышал рассказ о питье смертного зелья[2].

Предположительно в 70–80-х гг. XVI в. анонимный арабо-христианский книжник объединил предание об испытании ядом патриарха Иоакима с древним повествованием о чудесах коптского патриарха Авраама ибн Зар'а (975–978), создав расширенную, или двусоставную, версию (далее: «Сказание»). История Авраама имеет много параллелей с повестью об Иоакиме: тот же мотив христианско-иудейской полемики в присутствии мусульманского властителя, которым на этот раз выступает фатимидский халиф аль-Му'изз (953–975), то же требование к патриарху доказать истинность своей веры, явив чудо, о котором говорится в Евангелии (Мф 17. 20). Христианам предлагается силой молитвы сдвинуть гору Мукаттам близ Каира. Три дня патриарх Авраам со всей паствой постится и молится – подобно тому как это будет делать Иоаким пятьсот лет спустя. На третий день патриарху является Богородица и указывает на некоего одноглазого кожевника, великого святого, чья молитва может вызвать требуемое чудо. В назначенный час патриарх, кожевник и каирские христиане на глазах халифа и его окружения возносят молитву, трижды простираются ниц, и трижды гора Мукаттам приподнимается с места, повинуясь велению первосвятителя. Устрашенный халиф признает силу христианской веры и осыпает патриарха милостями[3]. Описание этого чуда вошло в синаксарное Житие Авраама под 6 кихака (2 декабря)[4], а в скальном массиве Му-

[1] См.: Россия и Греческий мир в XVI веке / Ред.: С. М. Каштанов. М., 2004. С. 239–240.

[2] См.: Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока, 1558–1561 гг. СПб., 1887. С. 8–14.

[3] См.: History of the Patriarchs of the Egyptian Church (History of the Holy Church) / Ed., transl. A. S. Atiya, Yassa Abd al-Masih, O. H. E. Burmester. Cairo, 1948. Vol. 2. Part. 2. P. 137–144.

[4] См.: Le synaxaire arabe-jacobite (rédaction copte). Paris, 1907. Pt. 2: Les mois de hatour et de kihak / Ed., trad. R. Basset. P. 384–388. (PO; T. 3; Fasc. 3).

каттам уже в XX в. был вырублен пещерный храм в ознаменование чуда с горой. Предание о сдвинувшейся горе и одноглазом ремесленнике вышло за пределы христианского Египта и получило широкое распространение в литературах Западной и Восточной Европы, превратившись в бродячий литературный сюжет, весьма далеко ушедший от своей коптской первоосновы[1]. В конечном итоге, как было сказано, предание вошло как составная часть в повесть о чудесах патриарха Иоакима.

Арабская двусоставная версия предания возникла в промежуток между 1559 г. (когда Василий Позняков зафиксировал легенду о питье яда Иоакимом без всяких упоминаний о сдвинувшейся горе) и концом XVI в., которым датируется Житие Феофила Мироточивого, где фигурируют уже оба чуда. Упоминание в тексте «Сказания» преемника Иоакима Александрийского патриарха Сильвестра (1569–1590) позволяет отнести появление двусоставной версии именно к периоду его правления, 70–80-м гг. XVI в.

Среди известных нам писателей Мелькитского проторенессанса на роль предполагаемого автора «Сказания» больше всего подходит Вифлеемский митрополит Иоаким (на кафедре: до 1578 – после 1593 г.). Арабский книжник, бывавший на Синае и лично знавший патриарха Сильвестра, то есть знакомый с недавней египетской церковной историей, владевший при этом греческим языком и тесно связанный с греческим духовенством Балкан и Ближнего Востока, он вполне мог быть и составителем «Сказания», и тем, через кого оно попало в греческую среду[2].

Впрочем, кто бы ни был автором «Сказания», очевидно, что это был по-своему творческий человек, не имевший ничего общего со многими средневековыми компиляторами, которые механически «сшивали» разнородные тексты, не заботясь об их редактировании и литературной обработке. Тот факт, что версии легенды о питии яда, изложенные синайскими монахами в Москве в 1558 г. и патриархом Иоакимом в беседе с Василием Позняковым в 1559 г., сильно различаются между собой, наводит на мысль, что предание в тот момент еще не имело письменно зафиксированной формы. Не исклю-

[1] См.: *Веселовский А. Н.* К сказанию о прении жидов с христианами // *Он же.* Заметки по литературе и народной словесности. Приложения к XLV тому записок Императорской Академии наук. СПб., 1883. № 3. С. 14–33.

[2] См. об Иоакиме Вифлеемском: *Панченко К. А.* Когда и где начался Мелькитский ренессанс? Жизнь и труды Вифлеемского митрополита Иоакима // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 266–282.

чено, что автор двусоставной версии был первым, кто записал его по-арабски. Что же до коптского сказания об одноглазом кожевнике и сдвинувшейся горе, то оно было очень серьезно переработано составителем «Сказания»: местами сокращено, местами дополнено риторическими отступлениями или переделано в целях приспособления к историческим реалиям эпохи Иоакима. Дословных совпадений между двумя текстами нет вообще. Кроме того, анонимный автор двусоставной редакции использовал фрагменты из других литературных памятников. В «Сказании» можно распознать следы коптской легенды о патриархе Исааке (688/9–691), приглашенном на пир к египетскому наместнику ʿАбд аль-ʿАзизу, – наместник запретил патриарху осенять крестным знамением блюдо с предложенной ему пищей, но мудрый первосвятитель сумел хитростью обойти этот запрет[1]. В истории об Иоакиме этот сюжет трансформировался в рассказ о том, как патриарх сумел, вопреки запрету султана, осенить крестом чашу с ядом. В двусоставную версию включена также финальная сцена беседы египетского царя с патриархом о христианской вере. Диалог заканчивается тем, что правитель уверовал во Христа и принял крещение. Подобные истории об обращении иноверного царя в христианство были достаточно широко распространены в восточнохристианской литературе Средневековья, так что в данном случае определить источник заимствования (или степень оригинальности автора «Сказания») представляется затруднительным.

Расширенная версия легенды об Иоакиме, включающая историю с горой, довольно быстро попала в греческую литературу. Предание упоминается в Житии афонского старца Феофила Мироточивого (кон. XVI в.)[2] и в сочинении монаха Христофора Ангела, изданном в 1619 г.[3] Наконец, в 1688 г. был выполнен полный греческий перевод с двусоставной арабской версии предания (автор перевода остался анонимным). Арабский оригинал сочинения был впоследствии утрачен, текст дошел до нас только в греческом переложении. В XIX в. еп. Порфирий (Успенский) обнаружил эту рукопись в архиве Синайского монастыря и подготовил ее к изданию в составе сборника документов по истории Александрийской Церкви.

[1] См.: *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; New York, 2010. P. 8–9.

[2] Житие преподобного Феофила Мироточивого // Жития святых, просиявших на Святой Горе Афон. Минск, 2003. С. 455–462.

[3] Краткое изложение повествования Христофора Ангела см.: *Веселовский.* К сказанию... С. 23–24.

Перевод[1]

Сказание о чуде, бывшем в Египте посредством горы, которая сдвинулась по молитве тогдашнего Александрийского патриарха Иоакима, и посредством яда, который он выпил, и через одного монаха, некогда сапожника; это сказание в течение долгого времени не существовало на греческом языке, некий же христианин, найдя его в арабской книге и движимый божественной ревностью, перевел его на греческий. Итак, у всякого, кто прочтет его с благоговением, вострепещет дух от совершившихся чудес.

I[2]

В начале царствования агарян[3] был патриарх Александрийский по имени Григорий. До него на Александрийском престоле было 67 патриархов; и сей приснопамятный, богоугодно проуправляв паствой достаточно времени, преставился ко Господу[4]. А тогдашнего царя Египта звали Мелек Минадз[5]. Тогда, как мы сказали, умер

[1] Перевод выполнен С. А. Моисеевой по изданию: *Порфирий (Успенский), еп.* Александрийская патриархия: Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. СПб., 1898. Т. 1. С. 15–28. Выделение смысловых блоков (под римскими цифрами) позволяет лучше представить манеру работы составителя «Сказания», который заимствовал сюжеты своего рассказа из разных источников и разбавлял эти заимствования собственным текстом. Комментарии К. А. Панченко и С. А. Моисеевой.

[2] Этот пассаж представляется наиболее оригинальным в «Сказании». В какой-то мере он отражает церковную историю мелькитов конца XV в., хотя отделить реальные факты от литературных штампов крайне сложно. Вкрапления из коптской истории о патриархе Аврааме ибн Зар'а единичны и не всегда с уверенностью распознаются. Таковыми могут считаться, помимо имени правителя Египта, тема благотворительности будущего патриарха, мотив его нежелания вступать на патриаршую кафедру и описание внешности.

[3] Агаряне – традиционное наименование арабов, считавшихся потомками Исмаила, сына Авраама и Агари, и, расширительно, мусульман вообще.

[4] Григорий V, уроженец сирийской Бостры, занимал Александрийский престол приблизительно в 1480–1486 гг. Ж. Насралла опубликовал колофон некоего Иоакима аль-Караки, ученика патриарха Григория, где утверждалось, что он пробыл на патриаршестве 23 года и скончался 6 апреля 1503 г. (см.: HMLEM. Vol. 3. T. 2. P. 58), однако эта информация противоречит целому ряду других аутентичных источников. Цифру «67», составитель, похоже, позаимствовал из какой-то из версий коптской историографии – в «Истории Александрийских патриархов» Авраам назван 62-м предстоятелем Церкви (см.: History of the Patriarchs. P. 135). Православных же Александрийских патриархов, по нынешним представлениям, к этому времени сменилось около 90.

[5] Искаженное имя фатимидского халифа аль-Му'изза (953–975). «Мелек» – араб. *malik* (царь).

патриарх Григорий, и христиане пребывали в великой печали и сильно пали духом, что потеряли такого достойного пастыря. Но Бог, хотя и Сам управлял ими, снова их обрадовал, послав им другого, еще более достойного пастыря. Ибо в то время был некий иеромонах, добродетельный и мудрый муж, достойный взойти на патриарший престол Александрии. Имя его было Иоаким. Он был украшен мудростью, целомудрием и всякой иной добродетелью, имел также милосердие и сострадание безмерное, так что не вкушал хлеба, если сперва не окажет щедро милосердие нищим[1]. Поэтому его столь любили не только христиане, но и сам царь имел к нему безмерную любовь и благорасположение. Итак, собрались все христиане, малые и великие, в церковь, чтобы посоветоваться, и говорили о том, кто же достоин стать их патриархом и пастырем. И не нашли никого другого достойного, кроме Иоакима. Тогда христиане стали ежедневно призывать его, чтобы он совершил это божественное дело. А он, как смиренномудрый, считал себя недостойным этого поставления[2]. Однако, видя непреклонность их решения, против воли согласился и стал патриархом. Потому что если бы не стал, то дал бы народу некий повод к соблазну. Поэтому не по доброй воле и желанию, как мы сказали, взошел на патриарший престол. И это, как я считаю, было волей Божией и делом Его Божественного Промысла, чтобы светильник не был сокрыт под

[1] Авраам, бывший в миру богатым торговцем, славился своей благотворительностью (см.: History of the Patriarchs. P. 135). Едва ли эта добродетель была по силам монаху Иоакиму. Впрочем, есть сведения, что Иоаким какое-то время был сборщиком милостыни для Святого Гроба или лавры святого Саввы (см.: *Максим Симский.* История Иерусалимских патриархов со времен 6 Вселенского Собора до 1810 г. // Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX века. СПб., 1904. Т. 2. С. 42).

[2] Многократный отказ от патриаршего сана приобрел в Коптской Церкви характер обязательного ритуала, вплоть до того, что избранных на патриаршество кандидатов часто приводили на хиротонию насильно, на цепи. В большинстве случаев нежелание восходить на кафедру было совершенно искренним, так как, согласно коптским традициям, патриарха выбирали по принципу благочестия, как правило, из числа святых монахов и подвижников, то есть людей, абсолютно не готовых к бремени административно-финансовых обязанностей Церкви. Такая же сцена разыгралась в каирской церкви Сергия и Вакха при избрании Авраама: «Когда он приблизился к их (архонтов и епископов. – *К. П.*) собранию, все они вскричали: "Вот он – тот, кого избрал Господь". Они сразу же схватили его и наложили на него железные цепи. Он же кричал и рыдал, говоря: "Я не пригоден для этого бремени". Они же вынесли его вон, отправились с ним в Александрию и посвятили его там в патриарха» (History of the Patriarchs. P. 136).

спудом, но [стоял] на подсвечнике, чтобы светить всем, находящимся в доме, по слову Евангелия[1].

Его родиной были Афины. Происходил он от благородных и верующих родителей. Когда же взошел на апостольский престол и стал патриархом, ему было 38 лет и был он человеком, заслуживающим священства, уважаемым и достойным во всех отношениях – как в созерцательной, так и в деятельной жизни. У него была большая, до пояса, и красивая борода[2], а более всего он был мудр и добродетелен. Но об этом довольно, мы же перейдем к предмету нашего повествования.

II[3]

Когда, наконец, стал патриархом этот удивительный Иоаким, была великая радость у христиан. Он тотчас начал учить и проповедовать Божественное учение в церквах, всех наставляя, причем пожелал явить его не только словами, но и делом. Итак, прежде всего, какое только имел состояние, он раздал нищим. Затем и священникам дал предписание, причем с выговором, чтобы никто из них отныне не дерзал брать аспры[4] за исповедь или святое Причастие; подобным образом он и мирянам давал наставления отечески и законно, чтобы не сожительствовали ни с кем, кроме своих законных жен, ни с их рабынями, ибо это великое и страшное беззаконие. Слыша это, христиане весьма радовались, что обогатились таким мудрым пастырем и учителем. Однако некоторые из них, глупые и неразумные, не слушали его заповедей и наставлений, но творили беззаконие,

[1] См.: Мф 5. 15.

[2] Повествование о коптском патриархе Аврааме говорит: «Он был старцем, чья борода ниспадала на грудь, как у отца нашего Авраама, первого [патриарха]» (History of the Patriarchs. P. 135). Любопытно отметить, что в русской версии легенды об Иоакиме, записанной в 1558 г. со слов синайских старцев, говорится, что, когда Иоаким выпил чашу с зельем, «проиде то смертоносное зелие посторонь боку его ис-под ребр, власи же брадные его все сскочиша, и зубы выпадоша. Кроме же того, ничем Божиею милостию невредим бысть. Брада же его выросте по первому и во всем утвердися здрав и цел» (Россия и Греческий мир. С. 240; текст дается в современной орфографии). Арабский автор повести об Иоакиме почему-то не стал обыгрывать этот сюжет с выпавшей бородой.

[3] Следующий раздел, где говорится о борьбе патриарха за очищение нравов христиан, полемике с иудеями и чуде со сдвинувшейся горой, восходит к коптской историографии, посвященной патриарху Аврааму.

[4] Аспр (от греч. ἄσπρος – «белый») – греческое наименование мелкой серебряной монеты акче (тур. akçe), находившейся в обращении в Османской империи. Во множественном числе может также использоваться в собирательном значении «деньги».

и поэтому, как на преступников закона, он на них гневался и отлучал их. Тогда они, испугавшись, оставляли беззаконие, и он их прощал и благословлял будучи незлопамятен. Был же некий богач, именем христианин, а по делам нечестивец. Он не захотел оставить беззаконие, но поскольку был секретарем дивана[1] и имел внешнюю власть, то, гордясь этим, нисколько не брал в свой безрассудный ум наставление святейшего патриарха, но имел рабынь и с ними совершал беззаконие, беззаконнейший. По этой причине, подвигнутый божественным рвением, добрый пастырь и патриарх выбрал один из дней, чтобы прийти в дом этого богача и дать ему наставление, как добрый и благочестивейший архиерей, чтобы тот отстал от своих мерзких дел. Однако богач, имея в себе дьявола, настолько возненавидел патриарха, что, узнав о его грядущем приходе, запер дверь, чтобы тот не вошел. А патриарх, придя и найдя дверь запертой, простоял снаружи до двух часов, но этот негодяй не захотел ему открыть. Тогда патриарх не выдержал и из глубины души проклял его, а потом вернулся в патриархию ни с чем. Богач же этот спустя малое время так обнищал, что стал всеобщим посмешищем – и для ангелов и для людей, – вплоть до того, что даже хлеба насущного почти не имел несчастный и выживал только милостью христиан. В конце концов – о судьбы Божии! – его правая рука сгнила и отпала, и несчастный позорно умер[2].

А царь Египта Минадз имел тогда одного визиря из страны Варвария, который, прежде чем стать визирем, был евреем по имени Йакуп[3].

---

[1] Налогово-финансовое ведомство.

[2] Пассаж о борьбе патриарха с многоженством заимствован из коптской летописи (см.: History of the Patriarchs. P. 136–137). Коптская элита фатимидской эпохи восприняла многие жизненные стандарты мусульманской знати, вплоть до гаремов. Безвременную кончину Авраама объясняли тем, что он был отравлен одним из коптских архонтов, которого непримиримый патриарх отлучил от Церкви за сожительство с наложницами (см.: Ibid. P. 146). Сложно сказать, в какой мере все эти реалии можно переносить на арабо-христианскую среду позднемамлюкского времени. Известно, впрочем, что коптскому патриарху Йуаннису XV (1619–1628) хронисты приписали такую же смерть от яда, поднесенного архонтом-многоженцем (см.: *Guirguis M., Doorn-Harder N., van.* The Popes of Egypt. Cairo; N. Y., 2001. Vol. 3: The Emergence of the Modern Coptic Papacy. P. 28). Благодарим доц. Т. Ю. Кобищанова за указание на эту информацию.

[3] Йа'куб – арабская форма имени Иаков. Имеется в виду Йа'куб ибн Киллис (930–991), знаменитый везир эпохи Фатимидов. Выходец из иракских евреев, служил в администрации правителя Египта Кафура аль-Ишхиди, принял ислам из карьерных соображений. Впав в немилость, бежал на запад, во владения Фатимидов, возвысился на службе халифа аль-Му'изза. Термин «Магриб»

Потом он стал турком[1], вошел во дворец и понемногу, попущением Божиим, дослужился до царского визиря. Он питал к христианскому роду непостижимую ненависть и вражду. Будучи сам из мерзкого еврейского рода, визирь выбрал из него же одно порождение ехиднино[2], который был столь мудр на зло и на всякого рода коварство, что всякий его страшился, и ради большего его преуспеяния сделал его секретарем дивана. Имя его было Муса[3]. Царь очень его любил ради визиря. Однако весьма любил царь и патриарха, слыша о его добродетельном житии и прочих богоугодных подвигах. Визирь же, видя большую любовь царя к патриарху, был уязвлен в сердце и, сжигаемый завистью, часто злоумышлял, мерзкий, тайно умертвить его. Сделать же этого не мог, боясь, как бы не дошло это до слуха царя, ибо знал, что патриарх является ему дорогим и возлюбленным другом, как мы сказали. И поэтому что же задумал нечестивец? Однажды он говорит царю: «Я желаю, о многолетний царь, если есть на то твоя царская воля, да приведешь ты по своему приказанию патриарха, чтобы мы вместе побеседовали о вере, потому что я хочу убедиться, что он добродетельный и мудрый человек. Поэтому прошу тебя послать одного из рабов твоего величества, чтобы патриарх поскорее

(Арабский Запад) переводчик передал современным ему понятием «Варвария», обозначавшим Северо-Западную Африку. После завоевания Египта войсками Фатимидов и перенесения столицы халифата в Каир (973) Йа'куб встал во главе финансовой администрации Египта. При халифе аль-'Азизе в 977 г. занял специально учрежденный пост везира, который удерживал, с небольшим перерывом, до конца жизни. См. о нем: *Fischel W. J.* Jews in the Economic and Political Life of Medieval Islam. N. Y., 1969. P. 45–68; *Lev Y.* The Fatimid Vizier Ya'qub ibn Killis and the Beginning of the Fatimid Administration in Egypt // Der Islam. 1981. Bd. 58. S. 237–249. Взаимоотношения Йа'куба ибн Киллиса с его бывшими еврейскими единоверцами, возможно, были не столь тесными и дружественными, как это изображено в христианских источниках. См.: *Cohen M., Somekh S.* In the Court of Ya'kub Ibn Killis: A Fragment from the Cairo Genizah // The Jewish Quarterly Review. 1990. Vol. 80. № 3–4 (Jan.–Apr.). P. 283–314. Придворные группировки в окружении фатимидских халифов складывались не по чисто этноконфессиональному признаку, а были довольно пестрыми и включали в себя представителей разных общин, связанных личными узами служения и покровительства.

[1] Т. е. мусульманином. Переводчик опять же оперировал понятиями своей эпохи.

[2] Ср.: Мф 3. 7; 12. 34 и др.

[3] Муса – арабская форма имени Моисей. Некоторые исследователи предлагали отождествить этого Мусу с известным из источников приближенным аль-Му'изза, выходцем из Южной Италии еврейским врачом Мусой ибн Элазаром (см.: *Cohen, Somekh.* In the Court... P. 287).

пришел сюда». И царь, тотчас послав одного из чаушей[1] к патриарху, велел тому быстро прийти. Патриарх же, зная, как прозорливый, в чем дело, не пошел пока сам под предлогом того, что будто бы болен. Имея же одного монаха по имени Георгий[2], который был мудр и сведущ в греческом и арабском языках, послал к царю его. Итак, тот отправился, побеседовал с визирем и некоторыми другими евреями, которые там присутствовали, и заставил их всех замолчать разного рода доводами от Божественного Писания Ветхого и Нового Завета.

На следующий же день они позвали патриарха. Он пришел и говорит царю: «О царь, такие беседы не могут беспристрастно вестись перед твоим величеством». Царь же говорит: «Я желаю, чтобы они велись передо мной. Говори, что хочешь, без страха». Тогда, став, патриарх с полной прямотой говорит еврею Мусе: «Мне хорошо известно, что ты весьма невежествен в Божественном Писании и не знаешь своего Владыку – Бога, создавшего тебя. Поэтому Божественное Писание провозглашает, что бессловесные животные знают своего Творца, а некоторые люди бесчувственнее деревьев, подобно тому как ныне вы; иудеи[3]. Поэтому говорит божественное и священное Евангелие, неложные уста Христовы, что тот, кто Меня знает и имеет веру как горчичное зерно, скажет горам, и переместятся, куда он ни пожелает»[4]. И тотчас, ухватившись за слово патриарха, еврей говорит царю: «Царь многолетний, по слову, которое сказал сейчас патриарх, справедливо, чтобы всё это исполнилось, если истинно слово его Евангелия». Тогда царь говорит патриарху: «Истинны ли эти слова, которые ты сказал нам сегодня?» Патриарх со всей прямотой ответил: «Да, они верны, царь: всякий, кто имеет

[1] Чауш (тур. çavuş – посланник) – в Османской империи должность придворного военного гонца.

[2] В коптском оригинале здесь стоит имя Севира ибн аль-Мукаффа', епископа аль-Ашмунейна, выдающегося коптского богослова X в., основоположника копто-арабской литературы (см. о нем: GCAL. Bd. 2. S. 300–317). Насколько реальной фигурой является монах Георгий, которым автор «Сказания» заменил Севира ибн аль-Мукаффа', неизвестно. Обращает на себя внимание, что в коптской версии истории о патриархе Аврааме диспуты епископа Севира с мусульманами и иудеями описаны со множеством подробностей (см.: History of the Patriarchs. P. 137–138), здесь же прения сторон опущены. Остается неясным, зачем вообще понадобилось вставлять эпизод с попыткой патриарха уклониться от диспута и послать вместо себя монаха Георгия, коль скоро Иоакиму все-таки пришлось предстать перед оппонентами.

[3] Ср.: Ис 1. 3.

[4] Ср.: Мф 17. 20.

истинную веру, больше этого сотворит». Царь говорит: «Итак, если действительно истинно то, что ты сказал, мое величество приказывает тебе осуществить это на деле. Если исполнишь, то получишь от моего величества почести, милости и великие дары вместе со всем твоим родом; если же это окажется ложным, я истреблю и тебя, и весь твой род от мала до велика». Сказав это, царь замолчал. А патриарх говорит царю: «Могущественнейший царь, прошу твое могущество дать мне срок в три дня, и тогда силой Господа моего Иисуса Христа я исполню повеление». Итак, когда царь дал патриарху по его просьбе срок в три дня, тот вышел от царя и отправился в патриархию[1].

И тотчас, собрав народ, малых и великих, с женами и детьми, патриарх изложил им дело и укрепил их в вере. Итак, все они отправились в Старый Каир и вошли в храм Пресвятой Богородицы[2]. Тогда он со слезами возопил к народу и говорит: «Чада мои, в Господе возлюбленные и желанные! Давайте со страхом и трепетом помолимся и призовем Пресвятую Богородицу с Преблагословенным Ее Сыном и Богом нашим, чтобы Она избавила меня от этой великой опасности, которая меня внезапно постигла, и чтобы посрамились враги моей веры. Кроме того, умоляю вас, чада о Господе возлюбленнейшие, послушайтесь меня – сотворим малый пост до трех дней, и пост не только от яств, но и от всякого рода телесного греха воздержитесь. Вы сотворите так, дети же, сколько могут, пусть столько и они сотворят, а те, которые совсем малолетние, пусть едят сухой хлеб после захода солнца». Когда патриарх сказал это благочестивому народу, все преклонили главы и таким образом вошли в храм, и каждый молился, сколько мог. А патриарх, подойдя к иконе Богоматери, молился с горячими слезами и безмерными стенаниями и, как непоколебимый столп, никак не отходил от чтимой иконы, но молился так: «Господи, Словом Своим сотворивший все сущее

[1] В коптской версии иудеев во время диспута обличает епископ Севир. Впрочем, источник не вкладывает в его уста фразу про «горчичное зерно». Ее отыскал в Евангелии Муса и зачитал во время следующего диспута, состоявшегося через несколько дней (см.: History of the Patriarchs. P. 138–140).

[2] Имеется в виду коптская церковь Богородицы, известная как аль-Му'аллака («Подвешенная»), кафедральный собор Фустата (Старого Каира). Любопытно, что в данном случае мелькитский автор не потрудился заменить коптский собор на его православный аналог – каирскую церковь св. Николая. В повествовании Василия Познякова главный храм египетских мелькитов назван правильно: «И паки прииде [патриарх] в воскресение к заутрени к чюдотворцу Николе во святую церковь...» (Хождение купца Василия Познякова. С. 11).

из не сущего! Верующий в Тебя исполнится благодати и истины, и Ты скоро даруешь ему, чего он ни попросит. И ныне вонми мольбе грешного и непотребного раба Твоего, ибо я грешен и недостоин, но вручаю себя милости благоутробия Твоего – да не будет тщетным моление раба Твоего, да не возрадуются видимые и невидимые враги наши о погибели народа Твоего, по приказанию царя, если не будет исполнено повеленное. Но Владыка Господи Иисусе Христе, Сын и Слово Бога Отца, вонми Своему словесному стаду и прославь Свое всесвятое имя, да посрамятся враги наши и да возрадуются твои рабы. Ибо я верую, Господи, что будет так, как Ты сказал нам во святом Твоем Евангелии, что имеющий веру с горчичное зерно скажет горе сей: "поднимись и ввергнись в море", – и это исполнится[1]. Поэтому, Господи Боже мой, твердо верую и исповедую и я сам, и все вверенное мне Тобою стадо, как Ты повелел нам, что просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят[2]. А поэтому повели и этой горе сдвинуться для укрепления веры рабов Твоих и чтобы познали противящиеся нашей истинной и непостыдной вере, что нет другой более крепкой веры, чем наша». Это и многое другое говорил блаженной памяти патриарх, обращаясь к Господу нашему Иисусу Христу, а также к Пренепорочной Его Матери.

На третий же день в полночь нашел на него от сильного утомления бдением внезапный сон, и явилась ему посреди храма Госпожа Богородица, облаченная в пречудное и прекраснейшее одеяние, с другими девами, несшими светильники, и говорит сладким и приятнейшим голосом: «Не бойся, раб благой и верный, но радуйся и веруй, что Сын Мой с тобою и услышал моление твое. Утром, как только день даст свет, иди скорее к городской стене, к железным воротам, и там увидишь человека без правого глаза – имя ему Симеон. Он достоин этого поручения, ибо и он избранный сосуд девства и чистоты». Когда Богородица так сказала, Она тотчас была взята от него, а он, бодрствующий, остался напуган, и скорбя и радуясь одновременно. Встав, он рассказал все народу, и люди сильно возрадовались и прославили Бога и Приснодеву Марию. Сразу же после божественного священнодействия он оставил народ в радости и ликовании и отправился к железным воротам городской стены, как повелела Богородица Мария. Увидев указанного человека, патриарх говорит ему: «О истинный раб Божий, прошу тебя, выслушай меня, я расскажу тебе, что повелела нам Пречистая Богородица. Выслу-

[1] Контаминация Мф 17. 20 и Мк 11. 23.

[2] Мф 7. 8.

шай нас со вниманием!» – и подробно изложил ему все. Тот же назвал себя жалким, и грешным, и недостойным такого поручения.

Однако послушай со вниманием, о любитель чтения, о жизни и деяниях его, чтобы получить многую пользу[1]. Этот блаженный Симеон был родом из Александрии, по профессии сапожник. Был он человеком справедливым и целомудренным и из средств, заработанных им ежедневным трудом, он оставлял себе столько, сколько было необходимо для пропитания, а остальное раздавал нищим. Но еще более удивительно, что он никогда не хотел видеть женского лица и вовсе не общался с женщинами. Этому позавидовал ненавистник добра, дьявол, и что же сделал враг рода человеческого? Некая коварная и развратная женщина, услышав, что он не смотрит на женские лица, но всегда опускает взгляд и смотрит в землю, говорит другим подобным ей женщинам: «Я смогу склонить его к тому, чтобы совершить со мной беззаконие», – на что те отвечали: «Если сможешь, иди». Тогда эта бесстыднейшая и мерзкая женщина, замолчав, отправилась к тому самому справедливому и незлобивому мужу и говорит ему: «Любезный, я хочу, чтобы ты сделал мне пару сандалий». Он посмотрел на ее ногу, чтобы узнать размер (хотя это и не было у него в обычае, но, как мы сказали, так подстроил враг-человеконенавистник), а эта бесстыжая женщина показала ему все тело. Увидев же, святой, будучи человеком, носящим плоть, соблазнился, но, вспомнив слова Святого Евангелия, в котором неложные уста Христовы говорят: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя»[2], – взял шило и выколол им у себя правый глаз. Женщина, наблюдая за тем, что он делал, очень удивилась и, уйдя, рассказывала другим об увиденном. Но враг истины, дьявол, не терпя своего посрамления от того, что этот муж не сотворил беззаконие,

[1] История жизни Симеона здесь изложена намного подробнее, чем в «Истории Александрийских патриархов» (см.: History of the Patriarchs. P. 142–143), где праведник даже не назван по имени. Автор, вероятно, воспользовался какой-то более поздней версией легенды, широко распространившейся в арабо-христианской среде, либо скомпилировал повествование из разных источников. В частности, в коптской версии отсутствует история соблазнения – ремесленник лишь кратко объясняет патриарху, что лишил себя глаза, чтобы не смотреть с вожделением. Интересно, что сюжет со второй соблазнительницей, решившей оклеветать целомудренного праведника перед правителем, схож с сюжетом из Мученичества Михаила Савваита, в котором также присутствует сюжет диспута с иудеем и испытания ядом (см.: *Моисеева.* Сюжет придворного диспута... С. 35–36).

[2] Мф 18. 9.

настроил против него другую женщину, еще более дурную, чем первая. Облачившись в свои дерзкие одежды, она пришла к блаженному и сказала то же, что и ее предшественница. Однако он, умудренный опытом, даже не взглянул на лицо этой развратницы. Тогда бесстыжая, видя непреклонность праведника, выпустила яд коварства и сказала ему: «Любезный, или сделай то, что я хочу, или я оклевещу тебя перед правителем и скажу, что ты сотворил со мной беззаконие, так что он предаст тебя злой смерти и великому позору». Но праведник не переставал повторять сказанное: «Если Бог с нами, никто против нас»[1]. Из-за этого он покинул Александрию и пришел в Мемфис Египетский, точнее в Миср[2]. Поселившись там у одного кожевника, он стал заниматься его ремеслом и из денег, которые получал, половину отдавал нищим, а другую оставлял себе на жизнь. Там прожил он некоторое время, а затем ушел и раздавал воду[3], что на арабском языке называется «себил Алла»[4]. Такова вкратце жизнь Симеона-сапожника. А мы переходим к основной теме нашего повествования.

Итак, когда царь по прошествии трех назначенных дней призвал патриарха, тот, взяв с собой Симеона и весь христоименитый народ, пришел к нему во дворец. Тогда царь, взглянув на него, говорит: «Вот и настал час доказать твои слова – что скажешь?» Патриарх же с радостным лицом и веселым взором отвечает царю: «Вот и я готов – да будет воля твоего могущественного величества! Итак, прикажи, чтобы сюда пришли и наши противники». После этих слов патриарха царь тотчас разослал глашатаев, приказав им, чтобы они быстро собрали весь народ. И вмиг все собрались, и большие и малые, и вышли за городскую стену, также и сам царь с воинами и придворными сановниками, в доспехах, с криками ликования и музыкой. А патриарх вышел в церковном облачении с иереями, диаконами и певчими и стоял посреди них с молитвой и псалмопением. Остальные же христиане, обнажив головы, со слезами на глазах восклицали «Господи, помилуй!». Тогда царь говорит патриарху: «Прикажи, чтобы гора, которая перед нами, пошла, согласно тому, что ты сказал

[1] Ср.: Рим 8. 31.

[2] Каир.

[3] Ср. в «Истории Александрийских патриархов»: «Каждый день, прежде чем идти на работу, я пою водой бедняков, у которых нет возможности купить воды у разносчика» (History of the Patriarchs. P. 142).

[4] Араб. *sabīl Allāh* – «путь Бога». Контекст употребления этого понятия в Коране (2:195 и др.) обусловил закрепившуюся за ним в исламе связь с благотворительностью.

нам». Патриарх отвечает: «Первым, твое величество, поднимись ты и соверши свою молитву вместе с твоими имамами, потом – иудеи, противники наши, а потом и мы. По чьей молитве сдвинется гора, та молитва и есть главнейшая и святейшая». Слово патриарха понравилось царю, и он, тотчас приступив к молитве, совершал ее вместе с остальными около четырех часов, «но ни голоса, ни ответа»[1]. Затем стали молиться евреи. Они громко кричали, как некогда во времена пророка Илии Фесвитянина[2]; но и эти несчастные ничего не достигли и были постыжены. Тогда патриарх собрал вокруг себя всех христиан, иереев и диаконов, чтобы совершить молитву с горячими слезами и сокрушенным сердцем. И пока все православные христиане согласно восклицали «Господи, помилуй!», патриарх, взяв кадило, крестообразно покадил перед благочестивым народом, а затем, преклонив голову и встав на колени, некоторое время тайно молился. Поднявшись, он призывает монаха Симеона, сапожника, и говорит ему: «О раб Бога истинного, настал час – прикажи горе сдвинуться во имя Господа, как заповедал нам Господь!» Симеон говорит: «О святой господин, недостоин я перед твоим святейшеством попытаться совершить столь удивительное дело!» Тогда патриарх знаком велел ему повиноваться, и они оба тотчас преклонили головы и некоторое время молились тайно. Затем патриарх, подняв руки к небу и обратив взор на восток, произнес громким голосом со многими слезами: «Господи, Преблагой Боже всего, давший Твоим святым ученикам и апостолам власть совершать во имя Твое то, что они пожелают[3]; ныне и мне Ты подал эту Божественную благодать и власть, хотя я и недостоин, но милость благоутробия Твоего безмерна и щедроты Твои велики! Призри же, Господи, на нас в час сей и избавь народ Твой от этой нужды, чтобы и иноверцы познали нашу святую веру и что нет иного бога, кроме Тебя». Такими и прочими словами молился святейший патриарх, а вместе с ним, сколько мог, и праведный Симеон. И вот они оба громким голосом обратились к горе: «И ты, которая, по слову Господа нашего Иисуса Христа из небытия перешла в бытие, по Его же слову, ибо Сам Господь наш Иисус Христос вновь повелевает тебе, послушайся и иди к нам!» И после этих слов – о страшное чудо! – гора тотчас раскололась на три части, поднялся ужасный шум, и от этого великого шума и ударов, от страха и трепета у беременных случились выкидыши. Гора же

[1] 3 Цар 18. 26.
[2] 3 Цар 18. 26–29.
[3] Ср.: Ин 16. 23.

стала двигаться, разделившись на три части. Эти три части находились друг от друга на расстоянии до двадцати аршин[1] и, как я думаю, символизировали Святую Троицу; они и до сих пор стоят как знамение и подтверждение того страшного чуда. Итак, когда гора двинулась на них с сильнейшим шумом, все испугались, как бы она не раздавила их. Тогда царь со всем народом громогласно заявил патриарху: «Истинна ваша христианская вера! Только избавь нас от этой горькой смерти!» И тотчас патриарх, подняв руки, благословил гору и вместе с праведным Симеоном говорит: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа стой!»[2] И, таким образом, гора остановилась. С тех пор она называется по-турецки «Дур-Даг»[3].

III[4]

Наблюдая это чудо, царь возмутился духом и сильно рассердился на визиря, секретаря и прочих иудеев. Итак, он приказывает тотчас их казнить. Они же, видя гнев царя, припадают к нему со слезами и говорят: «О многолетний царь, мы ясно понимаем, что все мы достойны смерти. Но мы еще просим твое величество, чтобы ты послушал нас и сказал патриарху, что еще написано в их Евангелии, что всякий, кто имеет веру, даже если что смертоносное выпьет, не повредит ему[5]. И если патриарх не отречется от этих слов, тогда пусть твое величество прикажет ему выпить яд, который мы приготовили. Кроме того, прикажи ему, чтобы не совершал крестное знамение, когда

[1] Греч. πήχυς (букв. – предплечье) – мера длины, равная 64 см или 1 м.

[2] В «Истории Александрийских патриархов» эта сцена выглядит несколько менее пафосно: «И они кричали: “Господи, помилуй!” много раз. Потом Авраам велел им замолчать и простерся ниц на земле, и все, кто были с ним, простерлись три раза, и каждый раз, когда он поднимал лицо свое и делал знамение креста, гора поднималась от земли. А когда они простирались ниц, гора опускалась на землю. Царь аль-Му‘изз был сильно испуган и вскричал со всеми мусульманами: “Велик Бог! Нет бога, кроме Тебя!” После третьего раза царь аль-Му‘изз сказал патриарху: “Довольно, о патриарх, я познал истинность твоей веры”» (History of the Patriarchs. P. 143–144). При сравнении двух текстов видно, как мелькитский книжник украсил повествование, добавив в него и сцену сравнения силы молитвы у приверженцев трех религий (с отсылками к 3-й книге Царств), и диалог патриарха с сапожником, и патетические призывы патриарха.

[3] «Стой, гора!». Эта турецкая фраза указывает, что сложение легенды относится не к мамлюкскому, а к османскому времени, когда турецкий язык получил определенное распространение в Египте.

[4] Следующий раздел представляет собой переработку сказания о питии яда Иоакимом.

[5] Ср.: Мф 16. 17–18.

соберется пить, поскольку крест у них обладает какими-то магическими свойствами, и когда они совершают крестное знамение, то лишают силы любой яд. И вот если патриарх выпьет этот яд-отраву и не потерпит вреда, тогда мы более не будем иметь права жить, но пусть христиане по приказанию твоего величества умертвят нас всех от мала до велика. Если же нет, то пусть твое величество казнит христиан». Это слово понравилось царю, и он, призвав патриарха, говорит ему с радостным и приятнейшим выражением лица: «О патриарх, поистине вчера мы видели преславные дела и явно узнали на деле, что самыми что ни на есть истинными являются те слова вашего Евангелия, которые гласят: "Имеющий веру с горчичное зерно скажет горе сей: «Сдвинься отсюда туда», – и она сдвинется". Итак, в этом у нас нет ни малейшего сомнения. Но в вашем Евангелии еще написано и то, что имеющий веру даже если что смертоносное выпьет, не повредит ему. А потому мое величество вновь приказывает тебе, чтобы ты совершил и это – выпил перед нами яд, чтобы мы увидели, правдиво ли и в этом ваше Евангелие. Однако мы приказываем тебе отнюдь не осенять его крестным знамением. Если и в этом ваша вера окажется истинной, тогда, конечно, мое величество повелит по приговору казнить ваших противников иудеев, а вам воздать великие почести, как вам и обещаю».

Патриарх, услышав это, ничуть не изменился в лице, а со смиренным видом попросил царя вновь дать ему отсрочку в три дня, чтобы посоветоваться с христианами. Получив позволение царя, он ушел в патриархию и, призвав всех христиан, благословил их и говорит со слезами: «Возлюбленные в Господе чада, позавчера вы видели, как мы с верой молились Богу и Он нас услышал – случилось это страшное чудо: гора сдвинулась, наши противники были посрамлены, а наша святейшая вера признана всеми народами. И теперь давайте вновь поступим таким же образом: возложим на себя малый пост и будем молить Всевышнего Бога, потому что через три дня мне, смиренному, по приказанию царя предстоит выпить смертоносный яд. Но не печальтесь, дети мои, ибо я надеюсь на неложные уста Христа моего, сказавшие, что имеющий веру если даже что смертоносное выпьет, не повредит ему». После этих слов патриарха все тотчас приклонили головы и так пошли в храм Пресвятой Богородицы, где молились день и ночь с горячими слезами. На третий день, после Божественной литургии, патриарх в сопровождении христоименитого народа отправился к царю. Увидев патриарха, царь очень обрадовался и тотчас послал сказать всему на-

роду. Когда все собрались, один из евреев принес яд в чаше и дал ее патриарху, чтобы тот выпил. Тогда патриарх перед всеми людьми взял эту чашу, полную сильнейшего и смертоносного яда. Царь же вновь говорит ему: «Твердо помни, ты не должен осенять крестным знамением ни чашу, ни себя самого».

Патриарх, преклонив голову, пообещал царю, что отнюдь не перекрестит ни чашу, ни себя самого. Однако, просвещенный Божественной благодатью, мудрейший патриарх изобретает одну удивительную хитрость, как про себя тайно благословить чашу, и спрашивает царя: «Итак, царь, откуда велишь мне пить? – и показывает правой рукой на чашу, – с этого края? Или с этого? Или с этого? Или с этого?» – и таким образом он благословил чашу, коснувшись ее с четырех сторон. Тогда царь говорит: «Пей откуда хочешь», – ведь ни царь и никто другой не понял, что патриарх осенил чашу знамением Животворящего Креста и уже благословил ее[1].

Тогда немедленно перед всеми он поднял чашу и выпил весь яд, и тотчас же – о величайшее чудо! – правый бок патриарха открылся, и весь яд вытек. В знак этого чуда, пока блаженный патриарх был жив, его сорочка всегда с той стороны была зеленовато-желтого цвета, как с клятвой свидетельствовали слуги этого приснопамятного мужа, поскольку они сами видели пятно, когда собирались стирать сорочку[2]. После же того как патриарх все выпил, он попросил принести воды и, налив немного в чашу, ополоснул ее. Затем говорит царю: «Я, царь, как ты видел, выпил полную чашу яда. Теперь же пусть еврей выпьет хотя бы ту воду, которой я ополоснул чашу, чтобы нам увидеть и его веру». Итак, патриарх дает чашу еврею, что-

[1] Эпизод, вероятно, заимствован из Жития коптского патриарха Исаака (690–692), который, будучи приглашен на пир к египетскому наместнику ʻАбд аль-ʻАзизу, столкнулся с таким же запретом осенять крестным знамением свою пищу – блюдо с финиками (наместник хотел проверить, подчинится ли патриарх его приказанию или предпочтет не отступать от христианского обычая). Исаак «вытянул правую руку... и сказал царю: "С какого края блюда ты велишь мне есть? С этого места или с этого? Оттуда или отсюда?"... Царь ответил ему: "Ешь, откуда хочешь". И когда он откушал фиников, царь отпустил архиерея». Лишь позже ʻАбд аль-ʻАзиз понял, что патриарх сумел обойти его запрет (цит. по: *Swanson*. The Coptic Papacy in Islamic Egypt. P. 9).

[2] По версии синайских посланцев, когда Иоаким выпил чашу, «проиде то смертоносное зелие посторонь боку его ис-под ребр, власи же брадные его все сскочиша, и зубы выпадоша. Кроме же того, ничим Божиею милостию невредим бысть. Брада же его выросте по первому, и во всем утвердися здрав и цел» (Россия и Греческий мир. С. 240). Анализ и попытку рационального объяснения этого сюжета см.: *Панченко*. Испить смертное зелье... С. 157–158.

бы тот выпил. А еврей не хочет. Тогда царь, пригрозив, сказал ему: «Живо пей, чтобы мы увидели твою лживую веру». И вот еврей волей-неволей выпил эту воду из чаши, а как только выпил, нечестивца тотчас разорвало, несчастный лопнул и отошел в огонь вечный[1]. Когда царь увидел и это изумительное чудо, совершенное патриархом, он устрашился и, исполнившись гнева против неверных евреев, тотчас приказал, чтобы христиане их всех умертвили. Однако они вновь не были убиты по просьбе патриарха, сказавшего царю: «Наш христианский закон, о могущественнейший царь, никого не приговаривает к смерти. Но так как во дворце нет воды, прикажи, чтобы они носили воду в город из Нила». Тогда царь повелел, чтобы так и было, а город отстоял от Нила на большом расстоянии и на большой высоте, так что они построили большой и высокий акведук и всю свою жизнь[2] потратили, исполняя это повеление[3]. А христиане, видевшие произошедшие чудеса, возвратились домой с великой радостью, славя и благодаря творящего чудеса Бога.

[1] Можно сравнить эпизод гибели еврейского врача с версией синайских старцев: «И принесе жидовин воду ко устом, и расседеся жидовин на многие части» (Россия и Греческий мир. С. 240) и Василия Познякова: «Царь же повеле ему пити, и паки нудиша его с великою нуждею пити. И испи воды тое мало, и начало абие тело его пухнути. Он же побеже из полаты в дом свой. Царь же посла за ним яныченина видети, что над ним будет. И паки на полгодины прииде яныченеин и рече: Царю, окоянный жидовин зле живот свой испроверже и разседеся, и утроба его разседеся и излияся» (Хождение купца Василия Познякова. С. 13). Мотив испытания яда на другом живом существе (человеке, собаке), которое сразу же погибает подобным образом (с разрушением тела), присутствует и в других текстах, повествующих о чудесном испитии яда во время придворного иудео-христианского диспута, – Мученичестве Михаила Савваита и Житии Иоанна Эдесского (см.: *Моисеева.* Сюжет придворного диспута... С. 40, примеч. 23).

[2] Либо: состояние.

[3] Тема наказания евреев отсутствует как в коптской истории о чудесах патриарха Авраама, так и в преданиях о питье яда Иоакимом в версии синайских старцев и Василия Познякова. Однако в ходе эволюции легенды о сдвинувшейся горе она обросла яркими деталями, которые дошли до нас, например, в позднем (1636) пересказе паломника Василия Гагары, и там уже воздаяние неверным описано во многих подробностях: «И паша де выбрал лутчих жидов человек с пятдесят и предасть смертной казне, и много казны с них взял, и веру их проклняша. Инии же жиды и доныне возят воду на греков за то прение. А воду возят из Геон реки (Нила. – *К. П.*) на верблудах в город, и в городе зделан великий кладезь, и оне воду льют в тот кладезь; и кои греки недостаточные в богатстве, и вдовицы емлют на всякую нужу» (Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары: 1634–1637 гг. СПб., 1891. С. 67).

IV[1]

На следующий же день царь вновь призывает к себе патриарха и говорит ему: «В самом деле истинна вера, которую имеете вы, христиане, и нет кроме нее другой истинной. Но то, что вы говорите, что Христос является и Сыном Божьим и Богом, это невероятно и неправдоподобно, поскольку, как такое возможно, чтобы Бог имел сына? И где такое написано?» Патриарх отвечает ему: «Послушай, царь, все пророки едиными устами свидетельствуют об этом. Но оставим всех прочих, чтобы не отягощать ваш слух, и обратимся к пророку Давиду, который ясно говорит в Писании: "ныне Я родил Тебя"[2]. А пророк Даниил говорит так: "я видел Сына Божьего, сидящего одесную Отца"[3]. Также и в Евангелии: "Сей есть Сын Мой возлюбленный"[4]». И многие другие свидетельства он привел вкратце из книг пророков и апостолов о домостроительстве воплощения Единородного Сына Божьего. А потом говорит: «Послушай, царь, и свое собственное Писание – о чем оно свидетельствует? В "келлам серифи"[5] написано так: "нур у нур, дерух Аллах", то есть Свет от Света, от Бога истинного[6]. Весь наш род человеческий рождается от мужского семени, а Господь наш Иисус Христос без семени был рожден. Ибо после благовестия ангела Дева зачала Господа славы, Который, восприняв плоть, был осмеян, назван самарянином, наконец, распят, погребен ради спасения нашего и в третий день воскрес, как и мы чаем воскреснуть во второе Его пришествие. Сначала

[1] Следующий раздел посвящен апологии христианства. Не удовольствовавшись описанными чудесами, автор вкладывает в уста патриарха рациональные богословские аргументы, свидетельствующие об истинности христианской веры. Подобная апологетическая и полемическая литература была достаточно широко распространена в восточнохристианской среде, поэтому установить источник заимствований, к которому обращался автор «Сказания», достаточно сложно. Отметим, однако, что в описаниях придворных иудео-христианских диспутов богословская дискуссия, как правило, предшествует рассказу о чуде.

[2] Пс 2. 7.

[3] Вероятно, аллюзия на Дан 7. 13–14. Ср.: Лк 22. 69–70.

[4] Мф 3. 17; 17. 5; Мк 1. 11; 9. 7; Лк 3. 22; 9. 35.

[5] Араб. *kalām šarīf* – Священное Писание, то есть Коран.

[6] Араб. *nūr wa-nūr, rūḥ Allāh* – «свет и свет, дух Божий». Вероятно, патриарх имеет в виду, что в Коране ʻИса (Иисус) именуется «Словом от Аллаха» (3:39) и «духом от него» (4:171), прочитывая эти указания сквозь призму Никео-Константинопольского Символа веры («Света от Света, Бога истинного от Бога истинного»; речь патриарха и дальше строится как краткий пересказ Символа веры). Эти коранические аяты часто использовались арабо-христианскими апологетами в диалоге с исламом.

Он пришел как раб, а тогда придет как Царь, чтобы каждому воздать по делам его. И те, которые уверовали во Христа и соблюдали заповеди Его, те нарекутся сынами Божьими и наследниками Царства Небесного. А те, которые не уверовали в Него, и не познали Его как истинного Бога, и творили злые дела, – а все такие дела мертвы, – те пойдут в вечный огонь, чтобы терпеть вечное наказание». Услышав это, царь весьма обрадовался и уверовал во имя Христово. Он был тайно крещен патриархом и по видимости казался агарянином, а втайне был христианином. Тогда царь говорит патриарху: «Проси у моего величества, что ты хочешь, чтобы я тебе дал». Патриарх отвечает: «Хочу, чтобы отныне не чинили несправедливость христианскому роду и чтобы ты уменьшил им харадж[1]». Царь сказал: «Все это я уже утвердил. Проси у меня еще один какой-нибудь большой подарок»[2].

V[3]

Тогда патриарх говорит: «Хочу, чтобы ты дал мне разрешение на строительство хотя бы одной церкви». Царь тотчас разрешил, и патриарх построил дивный храм во имя святого Меркурия, а затем начал и другой храм – во имя Пресвятой Богородицы. Но утилемеды[4],

[1] Налог с иноверцев.

[2] Тема награды патриарху варьируется в разных версиях легенды. В рассказе синайских старцев это лишь моральное воздаяние: «И видевше то людие, Божия величия чюдеса, прославиша Бога, содеяша сия, и мнози вероваша во Христа и крестишася; невернии же посрамлени быша» (Россия и Греческий мир. С. 240). У Василия Познякова патриарх требует от султана передать египетских христиан под его юрисдикцию: «Дай мне тех християн, которые во Египте живут, чтоб яз их ведал и судил и приставы б твои по ним не ходили, и чтоб им продажи не было» (Хождение купца Василия Познякова. С. 13–14). Это требование может показаться удивительным, учитывая, что христиане в мусульманском государстве и так находились под управлением своих духовных лидеров, решавших имущественные и семейно-брачные дела единоверцев. Однако возможно, что в данную эпоху накопилось достаточно отступлений от этого правила, которые Иоаким хотел устранить. Известно, в частности, что во время эпидемии чумы 1438 г. султан Барсбай издал указ о том, что выморочное имущество христиан поступает не в распоряжение патриархии, а в государственную казну (см.: *Aḥmad ibn ʻAlī al-Maqrīzī*. Kitāb as-sulūk li-maʻrifat duwal al-mulūk. Bayrūt, 1997. Pt. 7. P. 352).

[3] Данный пассаж восходит к «Истории Александрийских патриархов», согласно которой патриарху разрешено было восстановить церковь св. Меркурия в Фустате, превращенную к тому времени в склад сахара, обветшавший собор аль-Муʻаллака и ряд других коптских храмов (см.: History of the Patriarchs. P. 144–146).

[4] Вероятно, улемы (алимы) – авторитетные знатоки исламского вероучения и шариата.

то есть ходжиды[1], не позволяли ему строить. Среди них был один трижды проклятый великий шейх, который твердо стоял против строительства и говорил, что, пока он жив, не позволит, чтобы храм был построен, но если будет царское распоряжение о строительстве, пусть его живого заложат в фундамент, а потом строят. Когда царь услышал об этом, то очень рассердился и верхом прискакал на место. Услышав эти слова из его уст, царь решил их исполнить и уже достроил до середины, но, вновь по просьбе патриарха, шейх был избавлен от смерти. Храм же был построен. После этого патриах восстановил и некоторые другие храмы до самой Александрии, которые сейчас занимают копты. А место, где жил патриарх, называется по-арабски «хартиль батрах»[2].

VI

Визирю и секретарю дивана царь мечом отрубил головы, как и многим другим нечестивым евреям. А через некоторое время царь тайно покинул Египет и ушел в Синайскую пустыню, где богоугодно окончил свою жизнь и предал душу Господу[3].

Патриарх же преставился ко Господу, после того как 78 лет пас стадо Христово, как записано в древнем кодексе Александрийского престола. И было, когда он стал патриархом, от Адама 7013 лет, а от Рождества Христова – 1486. Он был рукоположен в Дамаске патриархом Антиохийским 6-го августа. А всего прожил он 116 лет[4]. После его смерти его преемником стал кир[5] Сильвестр, тоже человек достойнейший и мудрейший[6].

---

[1] Возможно, хаджи – мусульмане, совершившие паломничество в Мекку; наименование могло использоваться в качестве почтительного обращения к пожилому человеку или синонима слова «алимы».

[2] Вероятно, *arḍ al-batraq* – «земля патриарха».

[3] Это сообщение, конечно же, легендарно. Оно повторяет расхожий сюжет восточнохристианской литературы о тайном обращении в христианство иноверного царя. Подобное обращение приписывали, в частности, аббасидскому халифу аль-Мамуну и фатимидскому аль-Хакиму.

[4] Приведенные даты возраста и продолжительности правления Иоакима не совсем точны. Кроме того, 7013 год от сотворения мира соответствует 1504/5 г., в то время как рукоположение патриарха произошло в 1486 или 1487 г. О датировках жизни и патриаршества Иоакима см.: *Панченко.* Иоаким I, патриарх Александрийский...

[5] Господин.

[6] Сильвестр занимал Александрийский престол в 1569–1590 гг. Данная фраза позволяет предположить, что арабская версия легенды о чудесах Иоакима была составлена именно в его патриаршество.

Таковы вкратце ужаснейшие чудеса тогдашнего Александрийского патриарха Иоакима. А если мы в чем-то погрешили против истины, да не осудит нас никто, поскольку то, что совершается по силам, любезно Богу, а особенно потому, что, как мы сказали в начале, мы перевели это из арабской книги через переводчика в 1688 году. Господь же наш Иисус Христос да удостоит нас всех Небесного Царствия по молитвам этого святейшего патриарха-чудотворца. Аминь.

'Иса, митрополит Хамы. Касыда о Московии

(Перевод, предисловие и комментарии Т. К. Кораева)

Впервые 'Ису[1] (как священника) упоминает в колофоне собственноручно переписанной рукописи митрополит Триполийский Дорофей Дау как одного из своих спутников по поездке зимой 1578/79 г. в Иерусалим. С 1581 г. связь 'Исы с митрополитом окрепла в борьбе последнего за Антиохийский престол с патриархом-соперником Михаилом VII (Ибн ас-Саббагом). В 1583 г. Дорофей Дау (на патриаршестве Иоаким V) одержал окончательную победу. Финансовые проблемы, с которыми столкнулся патриарх, побудили его отправиться в путешествие по Восточной Европе в поисках средств на покрытие долгов Антиохийской Церкви. Этому способствовало участие Иоакима V Дау во встрече патриархов Константинопольского и Александрийского с послом Иоанна IV Грозного, Борисом Благим, который в 1584 г. привез в Стамбул и на Афон царскую милостыню, а также общение с митрополитом Вифлеемским, в это же время возвращавшимся из Москвы.

Весной 1585 г. Антиохийский патриарх покинул османскую столицу и через Валахию и Молдавию двинулся в пределы Речи Посполитой, где он в январе 1586 г., по поручению Вселенского патриарха, исследовал состояние Киевской митрополии, утвердил новый устав

[1] Подробнее о нем см.: GCAL. Bd. 3. S. 89; HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 232; *Панченко К. А.* Россия и Антиохийский патриархат: Начало диалога // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2/3. С. 203–221; *Он же.* Митрополит 'Иса и первое арабское описание Московии (1586) // Вестник Московского университета: Востоковедение. 2007. № 4. С. 87–95 (2-е изд.: *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 282–292); *Он же.* Иса // ПЭ. 2011. Т. 26. С. 668; *Kilpatrick H.* Visions of Distant Cities: Travellers as Poets in the Early Ottoman Period // Quaderni di studi arabi. N. S. Roma, 2008. Vol. 3. P. 67–71, 76–80.

Львовского братства и содействовал созданию его школы. В апреле того же года Иоаким V запросил царя Федора Ивановича о возможности посещения Московской Руси для сбора милостыни и получил самый благоприятный ответ. В июне он со свитой из архидиакона и пяти старцев, одним из которых, очевидно, был ʻИса, вступил через Смоленск в пределы монархии Рюриковичей. Патриарху был оказан самый торжественный прием. Он пробыл в Москве до августа. По возвращении в Сирию в 1587 г. Иоаким поставил ʻИсу митрополитом Хамы. Судя по всему, ʻИса скончался до 1594 г., поскольку в грамоте с подписями всего антиохийского клира, которую в апреле 1594 г. отправил русскому царю Федору Ивановичу следующий патриарх Иоаким VI (ибн Зийаде), митрополитом Хамы назван некий Пахомий.

Память о путешествии митрополит ʻИса запечатлел в традиционном для арабской классической поэзии жанре касыды. Лингвистические особенности его произведения отражают как сравнительно невысокий уровень владения литературным языком среди современных ему православных арабов, так и терминологические искания для передачи незнакомых потенциальному читателю восточноевропейских реалий. К. А. Панченко, который первым из отечественных востоковедов исследовал поэму ʻИсы, видит в ней одно из предвестий Мелькитского ренессанса и отражение политических симпатий православных арабов в эпоху, когда Антиохийский патриархат столкнулся с активизацией католической пропаганды на Ближнем Востоке[1].

Касыда сохранилась в нескольких списках: два из них находились в рукописном собрании католического Университета св. Иосифа в Бейруте (ныне утрачены), один – в Национальной библиотеке Франции (Paris. Arab. 312) и один – в частном собрании И. Маʻлуфа, который в 1941 г. опубликовал фрагменты поэмы. В 1959 г. Ж. Насралла издал полный текст по парижской рукописи – 72 стиха-бейта[2]. О значительных разночтениях между двумя версиями можно судить уже по тому, что в неизданном списке Маʻлуфа количество бейтов в полтора раза больше, чем в издании Насраллы.

Текст поэмы демонстрирует особенности т. н. «среднеарабского» языка с характерными варваризмами, нарушением классической грамматики и просодии. При прозаическом переводе в наиболее показательных случаях мы стремились по возможности сохранить эту неустойчивость соответствующими русскими аграмматизмами. На поэтическую ценность текст не притязает: сквозная рифма *-āt* в по-

[1] См.: *Панченко.* Митрополит ʻИса...

[2] Poésie de ʻIsa, évêque de Hama // CPMA: 1500–1634. P. 86–88.

давляющем большинстве стихов – показатель мн. ч., причем безотносительно падежных окончаний (последние отсутствуют и в целом ряде причастных словоформ и существительных).

Перевод[1]

Именем Бога Живого, Всемогущего, Предвечного, Извечного – Ему доверие мое и на Него моя надежда!

Начинаем, с помощью Бога Всевышнего и Его благого споспешествования, записывать стихотворение митрополита 'Исы, ученика покойного отца-патриарха кир Иоакима, которое сложил он, когда путешествовали они по стране русских, московитов[2], валахов и иных, где описывает он их церкви, монастыри, колокола, убранство, красоты и прочее.

1. Приступаем с именем Бога Единого по природе,
Господа Всевышнего в Царствии Своем, Зиждителя небес,
2. Создателя твари земной, Бога достохвального,
Владыки единосущного, триипостасного,
3. Отца, Сына и Святого Духа, изреченных
Тремя лицами словесно, нераздельных!
4. Записываем содержание известий о стране русских:
Через сколько холмов перебрались мы в повозках!
5. Валахию[3] пересекли мы, степи земли ее и горы,
В то время как падали дождь и снег в Саны[4].
6. С тоской постоянно вспоминаю я о жилищах ее.
И въехали мы в села Молдавии[5] в подводах.

[1] Комментированный перевод выполнен Т. К. Кораевым по изданию: Poésie de 'Isa, évêque de Hama // CPMA: 1500–1634. P. 86–88.

[2] В касыде встречаются два варианта топонима «Москва» (*Mūskū*) – с определенным артиклем и без него. Первый относится скорее к стране Московия, а второй – к ее столице.

[3] Араб. *Ulāḫ*, во вводном описании – *al-Falāḫ*. Издатель текста сопоставляет это наименование со словом *alāh* (в значении «лях»), встречающимся у Павла Алеппского, и комментирует: «Пренебрежительное наименование, прилагаемое к полякам». Однако и логика повествования и орфография заставляют отказаться от такого отождествления.

[4] Араб. *Sānāt* – река Сан, правый приток Вислы, разделявший Галицию на западную и восточную половины (ср. украинскую пословицу «Знай, ляше, по Сян – наше!»).

[5] Араб. *Qurā Buġḍān* – обозначение Молдавского княжества по обоим берегам Прута, производное от имени Богдан, которое носил первый самостоятельный князь Молдавии в середине XIV в.

7. Но мысленно возвращаемся к стране русских также,
И обстоятельно описываем для вас ее землю, с достоинствами ее.
8. Там – церкви, убранство их из серебра,
Перлами, алмазами и яхонтами унизанные.
9. Сколько там монастырей, а сколько куполов, и сколько лавок
В краю Московском вдоль дорог отстроено!
10. Звон колоколов в Москве сотрясает землю,
После же слышатся от него и посреди равнины отголоски.
11. Сколько тысяч колоколов в Москве – без счета –
Десятки десятков, в верхней части куполов подвешены!
12. У дворца царского, за воротами его – колокол,
Прямо напротив церкви, громадный, весящий
13. Семьдесят кинтаров, и грузила, проверенные на весах,
На вершине купола закреплены, на самом верху.
14. Очертаниями он схож с шатром, растянутым на тросах,
Литой работы, как круг обруча, а по нему завитки
15. Желтой меди, резной, золотом подобранной,
А на нем – цепи, из булата изготовленные.
16. Сила тридцати юношей нужна, чтобы сдвинуть его
На пяти канатах конопляных, крепко скрученных.
17. «Главой колоколов» слывет он в стране русских.
Громадным размером отличается, но часто приходит в движение[1].
18. А коли пожелаешь посмотреть на красоты собора государева,
То он – посреди дворца[2], а сколько же там диковин!
19. Произведения ремесел там изумляют воображение,
Нет во всем творении подобного искусства.
20. В длину и ширину высятся на сотню маховых саженей железные
Столбы, с позолоченным серебром поверху.
21. О, собор царский на Руси, высочайший средь них,
Во всем творении нет подобных ему соборов!
22. На двухдневном удалении видишь вершину его купола,
Как солнце на рассвете, сверкает он.
23. Двадцать пять куполов из золота, и более того,
Вздымаются они горé, в воздух, возвышенные.
24. Подобно звездам, мерцают во мраке ночи
Кресты, где на верхушках – кружевная резьба.

[1] Описание Царь-колокола.

[2] Все соборы Кремля («царского дворца» – «сарая») автор воспринимает как единый архитектурный комплекс.

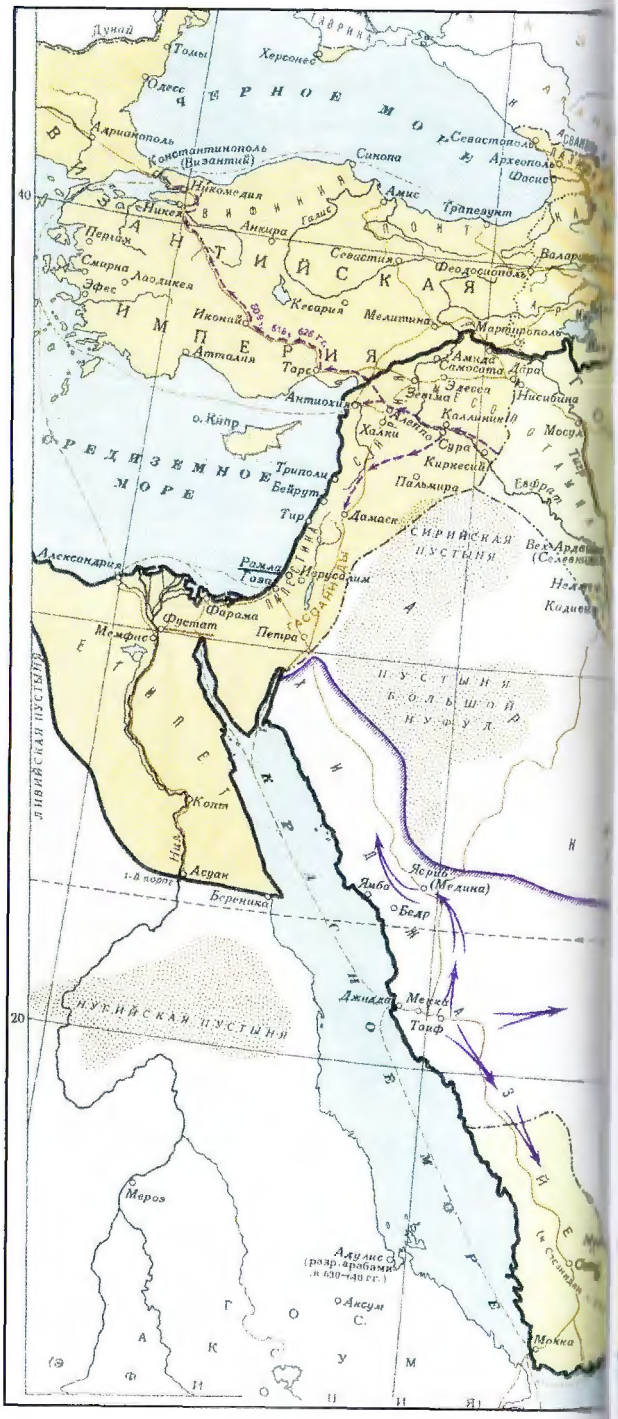
Лавра св. Саввы в Иудейской пустыне, древнейший монашеский центр Ближнего Востока, место рождения арабо-христианской литературы.

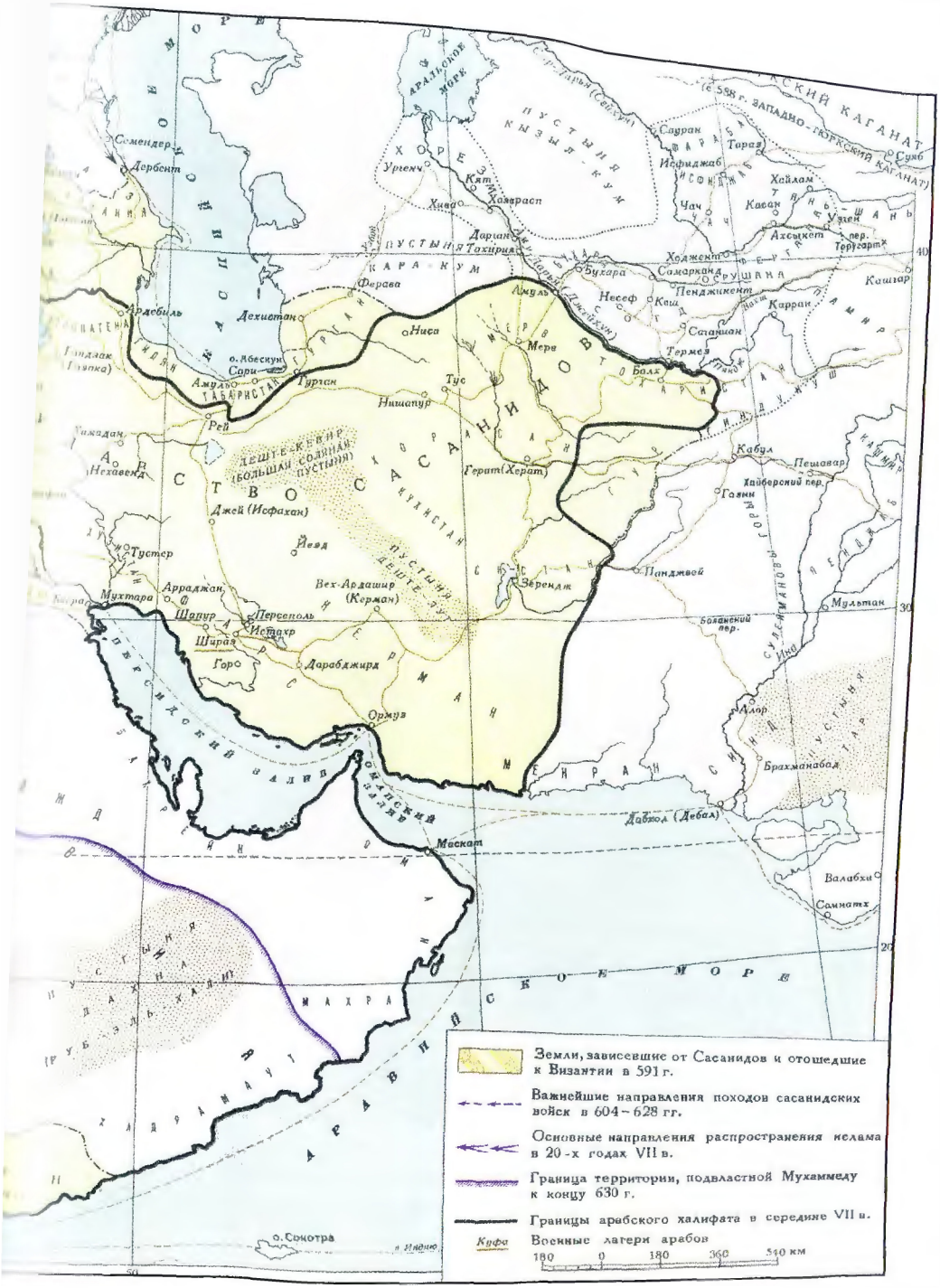
Акварель. 1839 г. Художник Д. Робертс

Кафедральный собор аль-Марйамиййа (Март-Марйам), Дамаск. Современный вид храм приобрел во второй половине XIX в. в результате перестройки после разрушений в 1860 г.

Фото К. А. Панченко, 2010 г.

Ближний Восток в VII в.




Земли, зависевшие от Сасанидов и отошедшие к Византии в 591 г.
Важнейшие направления походов сасанидских войск в 604–628 гг.
Основные направления распространения ислама в 20-х годах VII в.
Граница территории, подвластной Мухаммеду к концу 630 г.
Границы арабского халифата в середине VII в.
Куфа
Военные лагери арабов
180 0 180 360 540 км

Баламандский монастырь, Ливан. Крупнейший образовательный и научный центр Антиохийской Православной Церкви.

Фото Н. А. Дороговой, 2017 г.

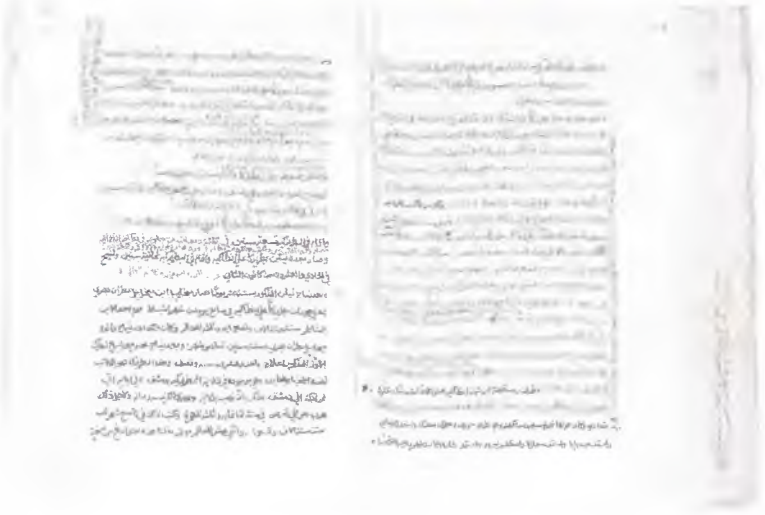
Монастырь Хаматура в ущелье Кадиша, Ливан. Один из очагов Мелькитского проторенессанса.

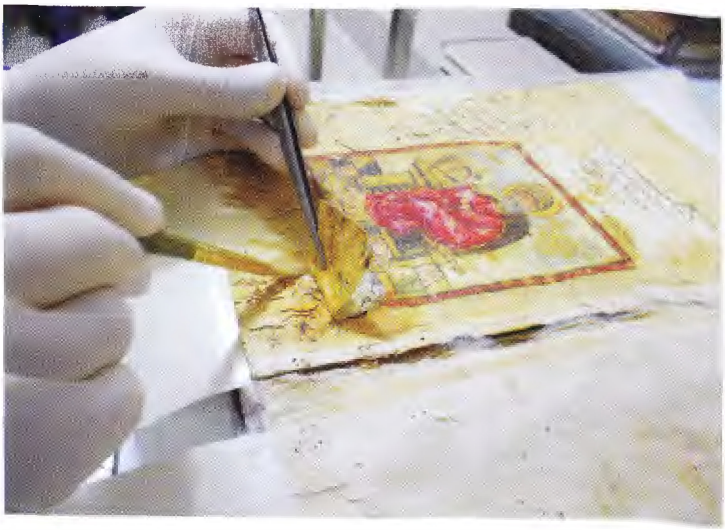
Фото игум. Арсения Соколова, 2017 г.

Рукопись В 1220 из собрания ИВР РАН.
«Ответ папе Римскому» митрополита Анастасия ибн Муджаллы, автограф Павла Алеппского 1642 г.

Страница из «Тактикона» в редакции Иоакима Вифлеемского, кон. 1580-х гг. Собрание монастыря Хаматура (Ливан).
Один из базовых текстов «Мелькитского Проторенессанса»

Православный Восток в составе Османской империи. Границы государств указаны на 1600 г.

Портрет Антиохийского патриарха Макария III аз-За'има из Царского Титулярника 1672 г.

Рукопись В 1227 из собрания ИВР РАН. «Имена патриархов града Божьего Антиохии», автограф патриарха Макария III аз-За'има со следами его редакторской правки



Восстановление рукописи в Центре реставрации и хранения древних манускриптов в Баламандском монастыре

Рукопись А 187 из собрания ИВР РАН. Шедевр Мелькитского ренессанса: Псалтырь 1648 г., переписанная Павлом Алеппским и украшенная миниатюрами Юсуфа аль-Мусаввира, первого арабо-православного художника Нового времени

25. Связанные цепями из камня хрусталя
Красного и белого, кубического, искусной работы.
26. А поверхность [куполов?] вся из золота, и вся окружность их,
И даже то, что за воротами и порогами.
27. Сколько же там мощей святых
В раках, серебром окованных!
28. Пара тысяч рак, полны мощей мучеников,
И праведников со всего мира, и жен святых.
29. Иконы их все серебряные, высокой чеканки,
Облаченные в золото червонное, позлащенные.
30. Кресты их усыпаны жемчугами, хризолитом отделаны,
Облаченные в... гравированной резьбой.
31. Ручки их из граната, инкрустированы кораллом,
Столбы их с кольцами, по сторонам приделанными.
32. Серебро окладов Евангелий их бело, как снег,
Укрывают их завесы разноцветные, камчатные.
33. Там – подобные луне..., из чистого хрусталя,
Красного и зеленого, обильного цветами стеклянными.
34. Там гробницы всех царей русских,
Со дня, как стали они христианами и построили соборы.
35. Сколько же на них самоцветов и... алмазных!
Стенки их золотом и перлами выложены.
36. Сколько завес парчовых с жемчугом, золотом вышитых
разными цветами, на них дома, отлитые из металла.
37. Бог пусть дарует жилищам их блаженство эдемское,
Со всеми апостолами, наследниками селений небесных,
38. А также пусть хранит оберегаемого царя[1] их
Ивана[2], и защитит их от всяких напастей!
39. О, что за ликование охватывает их в ночи праздничные
В присутствии вельмож и сановников с военачальниками!
40. Пребывает царь восседающим на престоле своем,
А войска его могучие вокруг него все плачут.
41. И свеча зажжена, трепещет, подобно свету солнечному,
И благовония благоухают, стебель нарда и стиракс.
42. Митрополит их, когда грядет на богослужение,
Словно светом бывает увенчан и в роскошнейших облачениях.

[1] Досл.: «халифа их».

[2] Хотя визит Иоакима Дау состоялся в правление Федора Ивановича, для автора поэмы имя недавно почившего Ивана Грозного (о котором немало слышали на арабском Востоке) представлялось более значимым.

43. А священники вокруг него в красивейшей одежде,
Одеяния серебряные, кайма каждого из них – златотканая.
44. А диаконы их подобны ангелам из света,
Облаченные в убранство свое, среди народа знамена.
45. Монахи их на сиденьях, подобны святым,
Опоясаны милотями и мантиями.
46. Сколько же там вельмож народа сановных
Вокруг царя воздымают руки в молитве!
47. Что до воинов, то видишь их словно реку Нил
При разливе, колышутся они волнами.
48. Все они держат свечи, стоят неколебимо
Перед Богом – да простит им прегрешения.
49. Господи, прими мольбу их ради их образа жизни,
И храни царя их, и изгладь их проступки.
50. Господи, сделай так, чтобы пребывала Москва в безопасности,
И упрочился в ней достаток, и подешевел там хлеб!
51. И храни ее неизменно от прочих бедствий,
И сделай царя их... святости ...
52. И всю землю русских –
В великолепии во все времена!
53. Пусть царь пребудет покорен имени Твоему, подчиняется закону,
Действует так, как постановил собор господ.
54. Господи, укрепи силу воинов его в каждом месте,
И умножь число их, и поборай с ними в победах,
55. Сделай витязей народа его правителями среди людей,
И возвысь бунчуки[1] царства его в небесах знаменами!
56. Подчини его державе прочих царей земли,
И сделай всех вельмож страны его пашами.
57. И подчини ему все страны франков,
Ляхов, австрийцев, немцев и венгров[2],
58. И пошли им хранителя тайн Михаила,
Архистратига воинства небесного,

[1] Араб. *sanǧaq* – инсигнии военного чина в виде древка с привязанным хвостом коня или яка – метонимически часто обозначают их носителя.

[2] Лях – в тексте *layḫ*. Австриец – в тексте *bayḫ*; реконструируемая форма *bayǧ / bīǧ* (буквы *ǧ* и *ḫ* различаются только диакритической точкой, часто выпадающей на письме) отсылает к топониму Беч – османскому обозначению Вены, а следовательно, к эрцгерцогству Австрийскому. *An-Nims* означает Священную Римскую империю германской нации, а *al-Maǧarāt* – венгров (букв. Венгрии).

59. Да дарует он им победу и ободрит воинов их,
А на врага их обрушит в наступлении его удары.
60. Удержи от них во все времена зло тех, кто желает пойти
на них войной
И храни их от всех испытаний!
61. Прости написавшему, Господи, прегрешение его,
По заступничеству Родительницы Твоей Марии,
Матери всех заступничеств.
62. Она Заступница всякому, кто прибегает к заступничеству Ее,
Прощает вины его, даже если число их – тьмы.
63. Пожелал я Ее себе в заступницы от юности своей,
От рождения своего, когда носим я был няньками.
64. Нет мне, кроме Нее, помощницы, чтобы спасла меня
Из моря греха моего, пусть даже утопал бы я в проступках.
65. Впрочем, давайте вернемся к тому, о чем уже говорили,
О церквах и имеющихся в них знамениях
66. В царском городе Москве, госпоже всех городов,
Достоинства которой на земле не поддаются исчислению.
67. Вот, что узрели мы в странах русских.
Стихи, которыми извещаем владыку[1], писанные.
68. Шлю привет вам и груз на тысячу вьюков шелка –
Городок мой в Сирии – в тюках увязанных.
69. А если были тут какие огрехи, то не взыщите
С писавшего о недостатках и излишках остроумного
составителя стихов,
70. Потому что пища, если не посолить ее[2], противна,
Пусть даже зальют ее миндальным маслом и пряностями.
71. Шлю привет всем присутствующим
От имени раба рабов господина господ,
72. Который просит у Бога сначала, затем у них подаяния,
Пусть смилостивятся они над писавшим это,
будь он жив иль умер.

Завершен и закончен при помощи свыше отрывок с сообщением о московитах из сочинения покойного митрополита 'Исы.

[1] К какому владыке обращается автор, остается неясным.

[2] Риторический прием таджнис – основан на сближении однокоренных слов: прилагательного *malīḥ* (здесь: «остроумный») и глагола *malaḥa* («солить»).

Митрополит Анастасий ибн Муджалла. Ответ папе Римскому

(Перевод, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Информации о личности Анастасия ибн Муджаллы не много[1]. Он был уроженцем Мармариты, в то время крупного христианского селения в долине Нахр-аль-Кабир, разделяющей Ливанские и Нусайрийские горы. То есть Анастасий принадлежал к христианской общине триполийского региона, которая доминировала в Антиохийской Церкви в патриаршество Иоакима V Дау (1581–1592). С патриархом, уроженцем Сафиты, они были почти земляки – их родные деревни лежали в дне пути друг от друга.

В заглавии «Ответа» папе Анастасий именуется «учеником» патриарха Иоакима. По всей вероятности, Анастасий сопровождал Иоакима V в его путешествии в Восточную Европу в 1584–1587 гг. – именно этим может объясняться широкий геополитический кругозор писателя и его детальное знакомство с греческой полемической литературой, а также то покровительство, которое оказывал ему впоследствии Иоаким, продвигавший своих спутников по путешествию на архиерейские престолы.

После низложения весной 1590 г. Триполийского митрополита Михаила Анастасий был возведен на его кафедру – важнейшую по тем временам в патриархате. По смерти бейрутского митрополита в мае 1592 г. патриарх присоединил его епархию к владениям Анастасия. В заглавии некоторых копий трактата Анастасия его титул звучит как «митрополит Триполи, Бейрута, Тира и Сайды». Складывается впечатление, что в начале 1590-х гг. этот человек выступал почти как соправитель патриарха Иоакима. Скончался Анастасий летом или осенью 1594 г.

Анастасий и Иоаким Дау жили в эпоху Контрреформации, которая ознаменовалась экспансией католического мира в восточном направлении, активной пропагандой унии среди народов византийского культурного круга. Брестская уния 1596 г., обращение в католичество Малабарской Церкви в 1599 г., собор в Канубине 1596 г., окончательно интегрировавший в римскую сферу влияния марони-

[1] Реконструкцию его биографии см. в статье: *Панченко К. А.* Антиохийская Православная Церковь и Рим в эпоху Контрреформации. Полемический ответ папе Римскому Анастасия ибн Муджаллы // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 292–322, здесь: с. 305–307.

тов, – все эти события, хотя и разделенные в пространстве тысячами километров, произошли почти одновременно и были звеньями одной глобальной стратегии. В их основе лежал грандиозный проект Римского папы Григория XIII, который предусматривал также вовлечение в унию коптов, сиро-яковитов, православных Ближнего Востока. В последней четверти XVI в. в Сирии работали иезуитские миссии во главе с Джованни Баттистой Элиано (1578–1582) и Леонардо Абелем (1583–1586), которые установили контакты с Антиохийским патриархом Иоакимом V Дау[1].

Патриарх был исключительно любезен и гостеприимен; по предложению легатов он писал в Рим послания, полные цветистых восточных славословий и заверений в братской любви. В то же время Иоаким старательно уклонялся от любых обещаний и обязательств, касавшихся унии с папским престолом. Любопытно, что не все приближенные патриарха демонстрировали столь же бесконечную толерантность: нашлись такие, кто во время встречи Антиохийского первосвятителя с Элиано в Дамаске в декабре 1581 г. напомнили о догматических разногласиях Восточной и Западной Церквей. Легаты вступили в дискуссию с православными. Позже в своем отчете иезуиты написали: «Отцам показалось возможным испытать верования этих греков (то есть мелькитов. – *К. П.*), предлагая им простую логику против их мнения. Из-за того что представители их общины не сумели ответить удовлетворительно, греки несколько опечалились, у маронитов же, которые были с нами, это вызвало большую радость»[2].

Возможно, будущий митрополит Анастасий присутствовал на этой встрече и получил первый урок настоящей религиозной полемики. Существовавшая у православных арабов апологетическая литература обличала древние ереси эпохи Вселенских Соборов, что было едва ли актуально в конце XVI века. Анастасий, несомненно владевший греческим языком, сумел освоить корпус византийской антилатинской полемики и донести ее основные мысли до своего народа на родном ему языке и в понятных образах. Этого человека можно считать ведущим мелькитским богословом своего столетия.

Ответ папе Римскому был написан не ранее марта 1584 г., когда состоялась встреча Иоакима Дау с папским легатом Леонардом Абе-

[1] Подробнее об антиохийско-римских контактах см.: *Панченко.* Антиохийская Православная Церковь и Рим...

[2] Monumenta Proximi Orientis. Roma, 1989. Pt. 1: Palestine – Liban – Syrie – Mésopotamie, 1523–1583 / Ed. S. Kuri. P. 377.

лем, передавшим официальные предложения Рима к Антиохийской Церкви о принятии унии и григорианского календаря. Можно еще более сузить датировку этого трактата – скорее всего, он появился после возвращения Иоакима из долгого путешествия в Восточную Европу (1587), когда патриарх расплатился московской милостыней с долгами своего престола и мог чувствовать себя достаточно уверенно, чтобы не бояться испортить отношения с Римом. Анастасий в своем трактате упоминает о существовании четырех православных патриархатов – это можно истолковать как указание на то, что текст был написан до 1590 г., когда Восточные Церкви на Соборе в Константинополе признали учреждение Московского патриаршего престола. Впрочем, информация о Соборе могла прийти в Сирию с запозданием, а сами Антиохийские иерархи, возможно по инерции, продолжали оперировать понятием о четырех патриархатах как канонической структуре православного мира. В любом случае, верхней временной границей появления этого текста может считаться октябрь 1592 г., дата гибели Иоакима Дау.

Известно девять списков трактата Анастасия, хранящихся в различных коллекциях – библиотеке Упсалы, собрании П. Сбата, ИВР РАН в Санкт-Петербурге, библиотеке Восточного факультета университета св. Иосифа в Бейруте, рукописных собраниях Баламандского и Сайднайского монастырей и др.[1] Заглавия списков заметно отличаются друг от друга. Видимо, каждый переписчик давал название тексту по своему разумению, хотя некое общее ядро присутствует во всех известных вариантах заголовка, то есть они восходят к общему протографу[2].

Настоящий перевод сделан на основе рукописи В 1220 из собрания ИВР РАН. Этот манускрипт – автограф Павла Алеппского 1642 г., содержащий ряд текстов богословского и церковно-исторического характера. «Ответ» занимает чуть больше 19 листов текста, записанного крупным почерком, по 13 строк на странице[3].

Анастасий начинает с подчеркнуто вежливого пересказа папского послания, призывающего антиохийских христиан к единению с Римским престолом (л. 85 об. – 87 об.). Потом митрополит обращается к анализу конкретных расхождений православной и католиче-

[1] Семь рукописей перечисляет Ж. Насралла: HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 182. Еще две копии трактата удалось выявить в собрании Баламандского монастыря. См.: *Панченко.* Антиохийская Православная Церковь и Рим... С. 308.

[2] См. разбор заглавий сочинения Анастасия: Там же. С. 308–309.

[3] ИВР РАН. В 1220. Л. 85 об. – 104 об.

ской Церквей в догматике и обрядах и жестко критикует латинскую церковную традицию. Он разбирает проблемы григорианского календаря (л. 87 об. – 92 об.), *Filioque* (л. 93 об. – 96), употребления опресноков на литургии (л. 96–99). Напускная вежливость постепенно исчезает, тон полемики становится все резче. В конце трактата (л. 101 об. – 104 об.) автор гневно клеймит Феррара-Флорентийский собор и заявляет, что именно православные выступают хранителями истинной христианской традиции: «Всё, что в руках наших, – и обряды наши, и исповедание наше.., и все установления наши... – получили мы от Петра, главы апостолов, а потом от 318 отцов-богословов [Никейского Собора]... И стоим на этом... со времен их до наших дней, и молим Господа укрепить нас в этом до последнего вздоха»[1].

Ответ папе Римскому интересен как манифестация мелькитской идентичности, самоутверждения православных арабов в контексте христианского мира. Этот текст обращен не столько к Риму, сколько к соплеменникам Анастасия, которым митрополит доказывает, что антиохийские христиане – наследники изначальной апостольской традиции, хранители истинного предания. «И сказано ими, – пишет Анастасий о западных теологах, – "Воистину мы приняли это предписание (речь идет об опресноках. – *К. П.*) от Петра, главы апостолов, потому что так он учил, когда благовествовал нам во спасение в Риме, и Испании, и других землях франкских". И сказано вам (то есть римским адресатам послания. – *К. П.*): "Воистину Петр, глава непорочных... до того как пойти в Рим... проповедовал в Антиохии, и Дамаске, и округе его около двадцати лет, и не слышали, чтобы в эти годы предлагал он опресноки и ничего, что измыслили они (то есть католики. – *К. П.*). И если бы что-то из того, что он делал, было забыто за эти годы в нашей земле, то патриархов – четыре, а папа – один, и каждому понятно, что свидетельство четырех сильнее, чем свидетельство одного»[2].

Анастасий воспринимает свой народ как часть огромной православной ойкумены, включающей множество царств и племен, большую часть которых он, должно быть, увидел лично в ходе своих странствий с патриархом Иоакимом Дау.

Обращает на себя внимание толкование Анастасием самоназвания мелькитской общины: «Мы не называем себя по имени какого-нибудь из тварных людей, нарушивших Закон, и не шли вслед кого-

[1] ИВР РАН. В 1220. Л. 100 об.

[2] Там же. Л. 99–99 об.

либо из еретиков богохульствующих... подобно прочим общинам. Среди них те, кто названы по имени Ария, а другие – Евтихия, а прочие – Нестория и Иакова Барадея... потому что каждая община называлась по имени главы ереси своей. Что же до нас, то называемся мы "ромеи-мелькиты" («царские». – *К. П.*), то есть идущие вослед Царя Небесного, который есть Царь царей и Учитель учителей»[1]. Излишне говорить, что это объяснение далеко от общепринятого представления о происхождении термина «мелькиты». Однако в словах полемиста звучат отголоски мироощущения его народа или, скорее, попытка сформулировать такое мироощущение, создать мощную позитивную самоидентификацию.

Обращаясь к проблеме календаря, Анастасий противопоставляет рациональным доводам европейских математиков внушение Святого Духа, авторитет святых апостолов и 318 отцов-богословов Никейского Собора. Причем в их число автор, слабо разбиравшийся в истории, включает великих каппадокийцев и Иоанна Златоуста. Отцы Никейского Собора превращаются в собирательный мифологизированный образ, символ православной традиции. К их авторитету автор обращается при любом затруднении. Возможно, дело тут не в недостатке образования, а в специфике менталитета Анастасия. Его мышление было иррационально, и в этом заключалась его сила.

По словам митрополита, семь Вселенских Соборов завершили оформление христианского вероучения. Святые отцы наложили проклятие на всякого, кто прибавит или убавит что-либо в догматике или созовет новый Собор. В ответ на рассудочные доводы европейских теологов Анастасий апеллировал к авторитету традиции и тому, что деяния Вселенских Соборов направлялись внушением Святого Духа.

Католическая сторона с некоторым запозданием приняла брошенный ей вызов. Лишь в 1630-х гг. Бонавентура де Луде, глава капуцинской миссии в Халебе, составил полемический ответ на «пасквиль» Анастасия ибн Муджаллы[2]. Однако в кругах ближневосточных христиан трактат Триполийского митрополита имел довольно широкое хождение в течение всего XVII столетия (последняя по времени из его известных копий была сделана в 1697 г.). И только XVIII в., время обострения межконфессионального противостояния

[1] ИВР РАН. В 1220. Л. 100 об.–101. Утверждения Анастасия восходят к воззрениям анонимного автора Трактата о самоназвании мелькитов, также опубликованного в настоящей Антологии (см. с. 175–183).

[2] См.: HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 183.

в Сирии и сложения Мелькитской католической Церкви, вызвал к жизни новую волну арабоязычных антикатолических сочинений, более приспособленных к обстоятельствам своего времени.

Как уже говорилось, бóльшая часть аргументов Анастасия была заимствована из византийской антикатолической литературы, восходящей еще ко временам Константинопольского патриарха Фотия, Великой схизмы и Первого Крестового похода. В то же время имелся один вопрос, на который нельзя было найти ответа у средневековых византийских полемистов. По инициативе папы Григория XIII в 1582 г. в Римско-Католической Церкви был введен новый календарь, который Римский понтифик предложил принять остальному христианскому миру. Вопрос сразу приобрел политическую окраску. В ноябре 1583 г. в Константинополе прошел собор греческого духовенства, который отклонил календарную реформу. Хотя несовершенство старого календаря тоже не вызывало сомнений, при нем мог сохраняться канон Никейского Собора о времени празднования Пасхи. Согласно этому установлению, категорически не допускалось совпадение христианской Пасхи с иудейской, что периодически случалось в григорианском календаре. Для публикации в настоящем сборнике выбран фрагмент из трактата Анастасия, посвященный именно этой злободневной тогда теме. В календарных спорах полнее всего проявилась индивидуальность Анастасия как богослова и полемиста.

Перевод[1]

[85 об.] Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога.

Начнем с помощью Всевышнего Бога и благим Его вспоможением писать ответ, написанный папе города Рима, который послал письмо[2] с Батиштой, учеником своим, к отцу господину патриарху кир Иоакиму Антиохийскому ас-Сафити, и составил его митрополит

[1] Комментированный перевод выполнен К. А. Панченко по рукописи ИВР РАН. В 1220 с указанием ее листов. Переводчик выражает глубокую благодарность канд. ист. наук П. В. Кузенкову и канд. ист. наук Т. К. Кораеву за ценные замечания, касающиеся интерпретации текста.

[2] В результате этой не очень удачной формулировки некоторые составители каталогов арабских рукописей ошибочно воспринимали этот текст как письмо от папы к патриарху Иоакиму, а не наоборот. Кроме того, как уже отмечалось в предисловии, послание от папы Римского передал Иоакиму не Джованни Баттиста Элиано, а Леонардо Абель. Заглавие явно принадлежит не Анастасию ибн Муджалле, а кому-то из позднейших переписчиков, уже путавшемуся в исторических реалиях 1580-х гг.

Анастасий из Марманиты родом, мелькит по исповеданию, известный как Ибн Муджалла, да ниспошлет Господь милость Свою душе его и да помилует нас молитвами святых, аминь.

Записанный ответ.

Сим извещаем мы папу, главу великого города Рима и всех земель франкских, что прибыли грамоты ваши в страну нашу. И прочитали мы их и уразумели содержание их. И то, что говорили вы в посланиях ваших по поводу тех расколов и разделений, которые посеял враг наш диавол – да посрамит его Бог – между рабов Его христиан, с давних времен. И писали вы также в посланиях ваших, чтобы отцы наши и архиереи наши – патриархи и митрополиты и епископы и настоятели монастырей и монахи и весь народ наш ромеев-мелькитов **[86]** – были бы соединены с отцом нашим папой города Рима единой верой и единой Церковью, союзом всеобъемлющим, подобно тому как были едины отцы наши праведные патриархи со святыми папами, и 318 отцов-богословов Первого Вселенского Никейского Собора и Второго Собора и Третьего – до Седьмого и после немалое время.

И сказано было также об отце нашем папе посланниками, направленными в страну нашу, что он не таков, как праведные папы до него, потому что обладает он разумением, и пониманием, и мудростью, и знанием, и образованностью, и благородством, и верой чистой, и любовью искренней, а также имеет сильное рвение и великое старание в устроении монастырей, и упорядочении монашества, и украшении церквей, и улучшении убранства их, и недопущении беспорядка в них, и величайшее внимание выказывает к бедным **[86 об.]** и убогим, и воспитанию сирот и утешению вдов, и неустанное усердие в строительстве больниц и школ. И озаботился он также собрать от всех общин людей мудрых и разумеющих, и философов, познавших все науки, и определил содержание им и раздал жалованье им, чтобы добиться ему успеха в этом великом дерзновении со всеми, кто взыскует знания и научает мудрости. И что наибольшие старания его и величайшее желание – в том, дабы посредством посольств и посланий объединить всех христиан от четырех стран света в единую общину, которая есть Святая Церковь. И да станем мы, христиане, все вместе покоряющимися и повинующимися Закону Божьему и будем объединены единодушием нашим в союз совершенный любовью духовной, исповедующими исповедание, чистое от обмана и порока, **[87]** просвещенными единой соборной святой

апостольской верой и единым крещением и одним вероучением, исповедующими одну соборную святую апостольскую Церковь, которую исповедовали святые апостолы и божественные отцы и преемники их, идущие во след их.

И когда услышали мы это, сильно возрадовались и возликовали духовным ликованием – мы, и община наша, и весь народ наш православных христиан. И просили мы у Бога Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа и вспоможения Святого Духа и у святых апостолов, да свершится желание отца нашего папы, и все, что задумал он на пути истинном, угодном Господу нашему Иисусу Христу, но не на пути ложном, вызывающем гнев Его. Да соберемся все мы единодушно и станем единой паствой единого Пастыря, **[87 об.]** который есть Господь наш Иисус Христос, и пребудем под заступничеством веры, угождающими Ему делами благими, аминь.

И также упоминал отец наш папа в грамоте своей, что собрались у вас в городе Риме от всех общин люди ученые, философы, сведущие в движениях небесных, наблюдении звезд и астрологии, умудренные в движениях орбит и перемещении Солнца и обращении Луны, познавшие исчисление времен и равноденствий и изменений [лунных фаз?][1]. И много потрудились они и приложили большие усилия на протяжении больше двадцати лет, со времени предыдущего папы, как упоминали вы, и до нашего времени, пока не достигли цели своей. А именно: они вычли время, прошедшее от эпохи 318 отцов Никейского Собора, потом посмотрели на него зрелым взглядом и тщательно перепроверили **[88]** его; вычли они годы его и месяцы и дни и часы и минуты и секунды[2], и когда удостоверились в этих расчетах, увидели, что счету времени недостает десяти дней и более, однако ближе к десяти дням. И когда увидели это, указали, что следует передвинуть праздники с положенного им места на недостающие десять дней. И это ради равноденствий и изменчивостей лунных фаз, из опасения, да не случится в мире порча, и да не будут праздники отмечаться не в должное им время. А 318 отцов не разумели этого вопроса, и в прежние времена праздник Пасхи и остальные праздники отмечались не в свой срок многие годы, потому что равноденствие

[1] См. о юлианском календаре, вычислении пасхалии и календарной реформе папы Григория XIII: *Цыбульский В. В.* Календари и хронология стран мира. М., 1982. С. 47, 54–55; *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1990. С. 287–305.

[2] Досл. *ša'īrāt* – мера длины в 1/6 пальца (ок. 0,5 см) или мера веса, равная весу ячменного зерна, то есть крайне маленькая единица измерения.

устанавливалось не в свой срок. И когда после проверки увидели, что не хватает десяти дней и нехватка приходится на октябрь, то указали вы, чтобы все неподвижные праздники **[88 об.]** отмечались с учетом пропуска десяти дней, и становился пятый день октября пятнадцатым его днем, и следующие за ним шестнадцатым и двадцатым, и так же у остальных месяцев[1]. И они рассмотрели этот вопрос, и упорядочили его, и написали об этом, и распространили по приказу господина нашего папы и в присутствии архиереев и архонтов и знатных и глав общины римлян и в присутствии многочисленного собрания людей от всех стран франкских. И упомянули вы также в грамоте вашей, что вы написали послания и отправили посланников ко всем общинам, и народам, и племенам, и языкам, и царям, и властителям, и правителям, и благородным, и предводителям, и наставникам, и патриархам, и митрополитам, и епископам, и икономам, и настоятелям монастырей, и монахам, и всем христианам, ближним и дальним, в четырех сторонах света, и к главам **[89]** нашим тоже, чтобы упорядочили мы этот вопрос, и подтвердили его, и зафиксировали это письменно[2], и установили правилом, и следовали ему. Да будет по мысли отца нашего папы и всех ученых богословов, упомянутых вами, присутствующих и отсутствующих, близких и далеких.

Поистине это дело, о котором говорили вы, очень затруднительное для всех, кто слышит о нем. И как же так, что оно не устрашило разум ваш? Воистину, святые апостолы, ученики Господа нашего Иисуса Христа, когда снизошел на них Дух Святой на горе Сион, и явились от них знамения, и заговорили они на всех языках, то прежде чем уйти с горы Сион и разойтись по миру и проповедовать Евангелие, положили они христианам каноны, и правила, и предания, и законоположения, и упорядочили их, и записали, и утвердили, и установили, и обещали тем, кто сохранит их, благодать и благословение, **[89 об.]** и угрожали тому, кто нарушит их, запретами и проклятиями и по смерти их вечными муками. И после них 318 отцов пречистых Никейского Собора утвердили наследие апостолов и строили на основе его. И также Второй Собор и Третий и вплоть до Седьмого – все они запретили и прокляли и отлучили каждого, кто ослушался того, что сказали святые апостолы и определили в пра-

[1] Папской буллой "Inter gravissimas..." от 24 февраля 1582 г. предписывалось для исправления календаря изъять десять дней из октября текущего года – от третьего дня перед нонами (5 октября) до кануна ид (14 октября) включительно (см.: *Климишин.* Календарь и хронология. С. 301).

[2] Досл. «написали его».

вилах своих божественных, установленных по внушению Святого Духа, и сказали они: «Каждый, кто нарушит то, что установили мы, и то, что передали мы, да будет запрещен и отлучен от славы Господа Отца и Сына и благодати Святого Духа». И все мы знаем, что святые апостолы и отцы-богословы от Первого Вселенского Собора до Седьмого Собора не делали что-либо сами собой и не брали это из чернильниц своих, но все, что установили они, происходит по внушению Святого Духа. **[90]** Так же и община наша и епископы наши и цари наши[1] и весь наш народ, разделенный на четыре стороны света, – греки, русские, грузины, валахи, сербы, молдаване, тюрки[2], арабы[3] и другие в различных местах с отдаленными местностями их и дальними странами их и различными языками их – все они со времен святых апостолов и отцов-богословов семи святых Вселенских Соборов и до наших дней признают одну веру, и одно исповедание, и одну Церковь, и одно крещение, и един обряд наш, и одни молитвы наши, и одно название наше, и весь народ наш согласен в четырех концах вселенной единым словом и единым делом. И мы не принимали исповедание и предание, которым обладаем, – как пост и молитва и праздники и празднества **[90 об.]** – от людей неведомых, как другие отколовшиеся общины, так что было у них в одной стране две церкви и сделали в каждой церкви чин и молитву не такие, как чин другой церкви, подобно Арию и секте его, и Евтихию[4], и Оригену, и Несторию, и Диоскору, и Иакову Барадею, и Маруну, и прочим еретикам, хулившим Святой Дух. Но приняли мы его от

[1] Фраза «цари наши» в устах православного араба, чей народ никогда не имел государственности, выглядит несколько неожиданно. Как уже отмечалось, в этих словах мы видим попытку арабо-христианского книжника выстроить позитивную идентификацию для своих соплеменников, вписать их в круг великих единоверных народов, имеющих своих царей и свои государства.

[2] Возможно, имеются в виду караманлы и другие тюркоязычные христиане Анатолии, которых Анастасий мог встречать лично во время их паломничества в Святую землю, пролегавшего по территории Сирии. Эти субэтносы, условно причисляемые к «грекам», сохранялись в Каппадокии, Вифинии и Понте до 20-х гг. XX в.

[3] Здесь мы видим один из редких примеров самоотождествления арабоязычных христиан с «арабами». Для людей раннего Нового времени вообще не была характерна этнолингвистическая самоидентификация. Тем более это относилось к слову «арабы», которое, как правило, обозначало кочевников-бедуинов, вечных врагов оседлого населения, и поэтому зачастую несло негативную окраску.

[4] Евтихий, идеолог радикального монофизитства, в тексте трактата странным образом «раздвоился» на персонажей по имени *Aftīšiyūs* и *Awtūšiyūs*. При переводе это «раздвоение» исправлено.

святых апостолов и 318 отцов-богословов. Знамения их сияют и чудеса, явленные ими, явственны. И как можно нам изменить преданию подобных святых и отцов-богословов и последовать за словом людей неведомых, не имеющих иного занятия, кроме наблюдения звезд, астрологии и изучения небесного свода? Все эти дела отклоняются от предания нашего и далеки от закона нашего.

[91] И сказали они[1], что 318 отцов, которые установили нам этот закон и учредили нам этот порядок, – а это Василий [Великий] и Григорий [Назианзин] и Иоанн Златоуст[2], – не понимали этого вопроса во время свое и не уразумели его. И сказано вам: Если подобные этим столпам святости и мудрости и знания ошиблись, как сказали они, то во сколько раз больше ошибались самые достойные из ученых ваших, о которых упомянули вы, в наше время? И говорим мы вам: Нет, не ошиблись они, но, напротив, святые апостолы и отцы-богословы смотрели на время и нарастание его как на спокойствие моря и волнение его. Подобно тому как море, если увеличатся волны его от воздействия его на него, так же и время – если прибавятся дни его и если сократятся годы его, то прибавление и сокращение его – от него и в нем[3]. Потому что отцы, **[91 об.]** когда смотрели на год, четыре его природы и четыре сезона, весну и лето и осень и зиму, осознавали, что (?) каждый сезон из них неподвижен в положении его, и место его неизменно, подобно сроку, который определил им Господь. Также святые апостолы и отцы-богословы расставили посты и праздники на места их и сочли за лучшее ничего не изменять, не увеличивать число дней и не убавлять их. И если было это именно так, какая же необходимость заставит нас изменить то, что установили святые отцы, и переносить неподвижные праздники, определенные святыми апостолами, на другие позиции? Произойдет из этого великий разлад и большое несчастье закону нашему и людям общины нашей, и подпадем мы под запрещение непреложное и проклятия, отлучающие от Господа. И вместе с тем святые апостолы и **[92]** отцы-богословы, будучи научены Святым Духом, что от подобного происходит в мире разлад и отделяются от нас неведомые люди, что-

[1] Католические ученые.

[2] Автор, слабо разбиравшийся в церковной истории, включил в число отцов Никейского Собора великих каппадокийцев и Иоанна Златоуста, живших два поколения спустя.

[3] Пассаж довольно сложен для понимания. Возможно, Анастасий использовал метафорическое сопоставление изменения хронологической шкалы с опасностями бурного моря.

бы разделить паству, и расколоть вероучение, и расстроить Церковь, и изменить праздники, создали для нас ясный способ исчисления Пасхи, изложенный в большой Триоди, то есть цикл[1]. От времени отца нашего Адама до наших дней каждые 532 года приходит солнце в место его, и луна в свой зодиакальный знак, и равноденствие в место его, и праздники и сезоны и годы и месяцы и дни, и каждый из них подобно времени, определенному для него, и дню его и часу. И это записано, утверждено нам со времен 318 отцов до наших дней, от святых отцов, через которых говорил Святой Дух. И последуем ли мы слову темных людей звездочетов, **[92 об.]** как говорили мы в начале? И пребудем под запретами и проклятиями от Бога? Да будет известно вам, что дело, о котором говорили вы, – никогда не подобает разумному человеку принимать[2] его, и не склонится к нему никто, кроме совсем невежественного, не имеющего разума, знания и понимания <...>.

[1] Именно в Триодях помещали таблицы 532-летнего пасхального цикла.

[2] Досл. «слушать его» или «повиноваться ему».

МЕЛЬКИТСКИЙ РЕНЕССАНС И XVIII ВЕК

Акты Собора в Рас-Баальбеке 1628 г.

(Перевод, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Собор архиереев Антиохийской Церкви в селении Рас-Баальбек подвел итог одной из самых разрушительных смут в истории сирийской мелькитской общины. Внутренняя жизнь Антиохийского патриархата в раннее Новое время была переполнена конфликтами региональных элит, стремившихся доминировать в церковных делах и продвигавших своих ставленников на патриаршество[1]. Влияние двух «политических тяжеловесов» – Дамаска и Халеба – долгое время уравновешивалось ролью третьего центра силы – Триполи, бывшего в конце XVI – начале XVII в. главным портом Восточного Средиземноморья и столицей пашалыка с самой высокой концентрацией христиан в Леванте[2].

Однако с начала XVII в. наблюдается усиление христианской общины Дамаска, своей волей возводившей и свергавшей патриархов. Один из этих патриархов, Афанасий II Даббас, был низложен дамасцами около 1617 г., а на его место выбран Тиро-Сидонский митрополит Игнатий ʻАтыйа. Афанасий нашел убежище в Триполи, где его сан еще признавали. После смерти патриарха-изгнанника весной 1618 г. триполийцы передали патриаршую власть его брату Кириллу Даббасу[3]. Триполийские христиане и, соответственно, Кирилл

[1] О внутренней истории Антиохийского патриархата и борьбе региональных элит в XVI–XVIII вв. см.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 190–206.

[2] О роли триполийской христианской общины в истории Антиохийской Церкви в раннее Новое время и, в частности, о противостоянии патриархов Кирилла Даббаса и Игнатия ʻАтыйи см.: *Панченко К. А.* Триполийское гнездо: Православная община г. Триполи в культурно-политической жизни Антиохийского патриархата XVI – первой половины XVII в. // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2009. Вып. 1 (15). С. 41–64; Вып. 3 (17). С. 19–37 (2-е изд.: *Панченко К. А.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 212–265).

[3] Кончину Афанасия Даббаса и поставление Кирилла и Игнатия в литературе иногда относили к 1619 г. Однако новый анализ весьма противоречивых све-

опирались на поддержку феодального владетеля Йусуфа Сайфы, контролировавшего северный Ливан. Игнатий, бывший когда-то писцом друзского эмира Фахр ад-Дина Ма'ана, пользовался благосклонностью клана Ма'анов.

Антиохийский патриархат раскололся по границам владений мусульманских эмиров. Незадолго до разгрома Ма'анами клана Сайфа в 1625 г. Кирилл перебрался из северного Ливана в Халеб. Там он столкнулся с сильной оппозицией местной христианской знати и митрополита Мелетия Кармы, не желавших признавать его полномочия. В конечном итоге, после нескольких лет противостояния, Кирилл покинул Халеб, опасаясь покушения на свою жизнь, и перебрался в Дамаск. Местные христиане были полностью разорены десятилетней смутой и не имели средств, чтобы перекупить местного пашу и не допустить Кирилла в город.

Кирилл обратился к Фахр ад-Дину, покровителю Игнатия, с предложением созвать Собор архиереев Антиохийской Церкви и положить конец гибельной смуте, соборным решением утвердив на патриаршестве одного из двух соперников, а второму дав епархию в кормление. Однако когда сирийские митрополиты в конце весны 1628 г. съехались в селение Рас-Баальбек в северной части долины Бекаа, Кирилл изменил свои планы и отказался участвовать в Соборе. Может быть, дело было в передаче османами Фахр ад-Дину в 1627 г. Триполийского пашалыка, благодаря чему ливанский эмир получил возможность оказать давление на сторонников Кирилла, или в личном присутствии Фахр ад-Дина в Рас-Баальбеке[1] и его готовности прямо влиять на ход Собора. При этом иерархи, связанные с Ма'анами или общинами Дамаска и Халеба, и так были настроены к Кириллу враждебно.

В Соборе участвовали 11 архиереев, не считая патриарха Игнатия. Это были митрополиты Хамы, Хомса, Халеба, Тира и Сидона, Бостры, Баальбека, Триполи, Байаса, епископы Сайднаи, аз-Забадани и Кары. Кроме того, на заседаниях присутствовало значительное число православных нотаблей, не названных по именам.

Несомненно, что за Игнатия стояли митрополиты Южного и Центрального Ливана: преемник Игнатия на Тирской кафедре Макарий или Марк (идентификация спорна) и новопоставленный

дений источников побудил сдвинуть датировку этих событий на год вперед (см.: *Панченко К. А.* Кирилл IV Даббас, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2014. Т. 34. С. 567–568).

[1] См.: CPMA: 1500–1634. P. 85.

митрополит Баальбека Епифаний. Учитывая давнюю вражду Кирилла Даббаса и дамасских христиан, можно предположить, что архиереи небольших городов южной Сирии, тяготевших к Дамаску, – Иоаким, епископ аз-Забадани, и Николай, митрополит Хауранский (оба – уроженцы своих епархий) – тоже солидаризировались с дамаскинцами. Иоасаф, епископ Кары, хотя и происходил из селения Бзиза под Триполи, но в епископский сан был возведен патриархом Игнатием и, видимо, стоял на его стороне. Естественно, против Кирилла должен был резко выступить Мелетий Карма, митрополит Халеба. Единственной опорой Кирилла Даббаса могли бы стать архиереи Триполийского пашалыка, его традиционные сторонники – митрополиты Хамы Симеон и Триполи Иоаким, – но теперь они целиком зависели от Фахр ад-Дина. Возможно, с Триполийским гнездом мог быть связан Сайднайский митрополит Симеон, уроженец селения Дараййа в Северном Ливане и бывший игумен ливанских монастырей Кафтун и Баламанд. Однако на Сайднайской кафедре Симеон пребывал уже четверть века и должен был сродниться с интересами дамасской христианской элиты, чьими пожертвованиями богател Сайднайский монастырь. Оставался еще митрополит Байаса из Киликии Игнатий, однако, в любом случае, его голос не мог ничего изменить.

Понятно, что при такой расстановке сил Кирилл не хотел ехать в Рас-Баальбек, несмотря на многочисленные приглашения. Однако Фахр ад-Дин был достаточно влиятелен в пределах Дамасского пашалыка, чтобы добиться от местных властей выдачи Кирилла, не имевшего ни поддержки в христианской общине города, ни, видимо, средств, чтобы купить покровительство дамасского паши. Патриарх был закован в цепи и доставлен в Рас-Баальбек. Собор постановил низложить Кирилла «в силу нарушенных им статей священных законов, – как писал Павел Алеппский, – тем более что он сделался патриархом без согласия своей паствы и много вреда и убытков нанес всем христианам»[1]. Игнатий был утвержден единым главой Антиохийской Церкви. Впрочем, и после этого он предпочитал жить в Бейруте, под защитой Ма'анов.

Кирилла, по сведениям Павла, отправили в заточение «в известную пещеру монаха близ села аль-Хармиль в области ар-Рас, и там

[1] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 681.

могила его»[1]. Макарий аз-За'им дает несколько иную версию событий. По его словам, Собор и избрание Игнатия прошли в отсутствие Кирилла, и только после этого он был схвачен в Дамаске, вывезен в Ливан и там обезглавлен, а тело его брошено в так называемый Колодец монаха в местности Хермель[2]. Смерть Кирилла действительно должна была быть насильственной, учитывая, что патриарх Игнатий впоследствии обращался даже к папскому престолу, пытаясь получить отпущение грехов за причастность к гибели своего соперника.

Собор, по словам летописца, «постановил много полезного и необходимого как для архиереев, так и для мирян в двадцати главах, которые сохранились в деяниях этого поместного Собора и которые всякий желающий может прочесть в патриархии или у некоторых христиан»[3]. Первые шесть канонических установлений касаются порядка выборов патриархов и имеют целью не допустить повторения недавней смуты. Однако эти благие пожелания остались большей частью на бумаге. Правда, раскол Кирилла – Игнатия стал хорошим уроком для двух поколений сирийских мелькитов, стремившихся избегать новых нестроений. Но спустя менее полувека внутренние конфликты в Антиохийской Церкви возобновились с прежней силой.

Остальные же пункты деяний Собора – это уникальный источник по этнографии мелькитской общины, тому, что называется «бытовое православие». Описания быта и нравов православных арабов встречаются у путешественников XIX в., но более ранних сведений такого рода почти не сохранилось. Каноны Собора перечисляют социальные пороки в христианской среде, прежде всего коррупцию и беспорядки в церковной практике, а также полуязыческие пережитки и суеверия в повседневном быту, подлежащие искоренению. Таким образом, мы можем видеть, как православные арабы, точнее наиболее радикально настроенные круги духовенства, представляли себе назревшие социальные проблемы и пути их решения.

Не приходится сомневаться, что инициатором кампании по очищению нравов был Халебский митрополит Мелетий Карма. Патриарх Макарий III в жизнеописании этого иерарха повествует, что Мелетий пытался привести жизнь своей паствы в соответствие

[1] Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 681.

[2] См.: *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya. Bayrūt, 2006. P. 148. Рус. пер.: Список антиохийских патриархов // ТКДА. 1874. № 6. С. 436.

[3] *Brayk.* Al-Ḥaqā'iq... P. 148. См. также: Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 681.

с церковными нормами, боролся против светских «излишеств» – «многорасходной роскоши», «неприличных гудений и плясок». Как писал Михаил Брейк, он «запретил женщинам рядиться в иностранные непристойные одежды и подкрашивать лица, так как все это губит души»[1]. Особое внимание Мелетий, сам придерживавшийся аскетического образа жизни, уделял воспитанию в этом же духе низшего духовенства, требовал от священников «степенности», «потому что они должны быть светом для мира»[2]. Отголоски этих настроений проявились и в актах Собора в Рас-Баальбеке.

Решения Собора пытались проводить в жизнь: сохранился текст 1629 г., подписанный всеми священниками и вакилями[3] Сайднаи, с обязательством пресекать крайности в проявлении радости и печали жителями селения (имеются в виду разгульные пиршества и погребальные плачи) и самим не участвовать в подобных действиях[4]. Со временем, однако, даже сами записи актов Собора в Рас-Баальбеке едва не были утрачены. Когда архим. Порфирий (Успенский) в середине XIX в. заказал перевод хроники Михаила Брейка, переводчик из православных арабов напротив фразы хрониста о том, что деяния Собора «кто пожелает, может прочесть в патриархии и у некоторых христиан», добавил от себя, что актов «нет ни у них, ни в Патриархии»[5]. Тем не менее список деяний сохранился и был опубликован в начале XX в.

Перевод[6]

Первое: Был у христиан гибельный обычай: если умрет патриарх, то придут двое епископов или трое и поставят [нового] патриарха и помолятся над ним, в отсутствие остальных. И отныне не дозволено ставить патриарха иначе как в присутствии архиереев всех епархий и великих митрополитов. А если кто нарушит этот закон – да будет отлучен всем синодом.

---

[1] Список Антиохийских патриархов. С. 438–439.

[2] Там же. С. 439.

[3] Вакили (досл. «наместники») – авторитетные миряне и священники, ведавшие хозяйственными делами Церкви.

[4] См.: Waṣf li-l-kutub wa-l-maḫṭuṭāt fī baṭriyarkiyyat Anṭākiya wa-sā'ir al-mašriq li-r-rūm al-urṯūḏuks: Dayr Sayyidat Saydanāyā. Dimašq, 1986. № 156.

[5] Список Антиохийских патриархов. С. 436. То есть список соборных установлений пропал еще до Дамасской резни 1860 г., когда здание патриархии сгорело вместе с архивом.

[6] Комментированный перевод выполнен К. А. Панченко по изданию: *Rustum A.* Kanīsat madīnat Allāh Anṭākiya al-'uẓmā. Bayrūt, 1988. T. 3. P. 40–43.

Второе: Был у них обычай избирать патриарха не по жребию, как то предписывают священные законы. И отныне не дозволено ставить патриарха без жребия и без согласия народа, но когда соберутся все архиереи, то да изберут из своей среды троих равных добродетелью и целомудрием, и тот из трех, кто вытянет жребий, станет патриархом. А если кто нарушит этот закон – да будет отлучен всем синодом[1].

Третье: Был у них гибельный обычай ставить патриарха без общего совета, и от того происходят расколы, зло и смуты. И отныне не дозволено ставить патриарха без совета, но да будет он поставлен по согласию народа, потому что патриарх – наместник Христа, а Христос – гордость мира. И если кто станет патриархом не таким путем и поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Четвертое: Был у них гибельный обычай, что миряне[2] и некоторые священники вмешиваются в дела патриархии, и поступает патриарх по воле и желанию их. И отныне не дозволено никому из мирян и из священников вступать в дела патриарха никоим образом[3]. Но если возникнет в делах его разногласие, то должно принять мнение большинства из них. А если кто нарушит этот закон – да будет отлучен всем синодом.

Пятое: Был у них гибельный обычай, если умрет патриарх, выбирать патриарха и рукополагать его и испрашивать утверждения его полномочий у судьи, прежде чем соберутся все архиереи[4]. И отныне

[1] Практика выбора патриарха по жребию не была распространена у мелькитов, в отличие, например, от Коптской Церкви. У коптов подобная традиция тоже имела целью свести к минимуму конфликты и интриги, сопутствовавшие избранию патриарха. Решение Собора в Рас-Баальбеке об определении предстоятеля Церкви жребием ни разу не было выполнено на практике – настолько это противоречило сложившимся традициям и интересам региональных элит.

[2] Дословно: простые христиане (*'awāmm al-masīḥiyyīn*).

[3] Здесь мы видим указание на то, как выглядело доминирование тех или иных христианских элит в патриархии. «Простые христиане» – это влиятельные старейшины (шейхи, аяны, архонты), носившие сан не выше диакона или вообще никакого сана не имевшие, но во многом определявшие политику патриархов.

[4] Решение синода о поставлении нового патриарха должно было быть утверждено органами османской государственной власти, верховным судьей того города, где находился патриарший престол, а во многих случаях – также и великим везиром, который препровождал патриарху султанский указ (берат) с перечислением полномочий предстоятеля христиан. Получив соответствующее официальное признание, патриарх, в случае необходимости, мог опираться на османский аппарат подавления для утверждения своей власти.

не дозволено поступать таким образом, но следует отложить обращение к судье, пока не прибудут все архиереи. А когда соберутся все без исключения, должно им бросить жребий, и помолиться над избранным, и поставить его патриархом. И он получит утверждение согласно обычаю. А если кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Шестое: Был у архиереев гибельный обычай: если умрет патриарх, торопится один из них опередить остальных, чтобы утвердить нового патриарха судебным указом, до того как явятся сотоварищи его. И становится патриархом недостойный патриаршества. А другой из архиереев не торопится с прибытием из опасения тягот и трудов путешествия[1]. И отныне не дозволено никому опережать остальных, чтобы взять патриаршество решением судебной власти, и не дозволено никому задерживаться с прибытием на Собор по нерадению и пренебрежению к синоду. А срок для прибытия архиереев – месяц времени, и более того – два месяца, и превыше этого – три месяца, как указано в священных канонах. А если кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Седьмое: Был у них гибельный обычай, что патриарх берет мзду за хиротонию с архиереев, а архиереи берут со священников и диаконов. И отныне не дозволено ни патриарху, ни митрополиту, ни епископу брать деньги за хиротонию. И не дозволено никому платить за хиротонию. Потому что это – грех перед Богом, и это – как хула на Духа Святого, больше, чем лобзание Христа Иудой, и худшее неверие, чем ересь Аполлинария, и большее богохульство, чем учение Македония[2]. И кто возьмет деньги за хиротонию – да будет отлучен всем синодом[3].

---

[1] Митрополиты Восточной Анатолии (Амида/Диярбакыр, Эрзурум) из-за удаленности своих епархий крайне редко участвовали в работе синодов Антиохийского патриархата. Но, судя по подписям в актах церковных соборов, многие архиереи сирийских городов точно так же игнорировали эти мероприятия.

[2] Едва ли большинство собравшихся в Рас-Баальбеке знали суть учений упомянутых ересиархов. Их имена, проклинаемые в актах Вселенских Соборов, были использованы для эмоционального воздействия на читателя/слушателя, как своего рода ритуальные заклинания, призванные устрашить потенциальных правонарушителей.

[3] Утрата Церковью после мусульманского завоевания государственной поддержки и значительной части своих земельных владений заставила иерархов обратиться к иным источникам дохода, прежде всего к налогообложению паствы и взиманию денег за хиротонии. Скудость православных источников не позволяет говорить, когда утвердилась эта практика, но коптские аналогии свидетельствуют, что традиция симонии приобрела регулярный характер уже в IX в.

Восьмое: Был у архиереев гибельный обычай: если приходит к ним человек, желающий рукоположения в священство, и он известного имени, не проверяют ни его самого, ни его прошлую жизнь, но рукополагают его безо всякой проверки, полагая, что хиротония смывает великие грехи. И отныне не дозволено ставить священника без проверки, дабы не умолчал он о каком-нибудь грехе, делающем невозможным священнослужение. Но должен он быть почтенным, чистым, из достойного рода, не быть невежественным, но безупречным в мыслях и поступках. И все кто поступят вопреки этому закону – да будут отлучены всем синодом.

Девятое: Был у них гибельный обычай брать взятки за разрешение браков в недопустимых степенях родства, будь то телесного или духовного, по кумовству. И это недопустимо. И называют они выплату взятки законом и говорят: «Мы отдаем эти деньги беднякам». И отныне не дозволено никому разрешать браки, недопустимые по причинам родства телесного или духовного, то есть по кумовству. Потому что родство духовное, по миропомазанию, превыше родства телесного. И каждый, кто даст или возьмет взятку и поступит вопреки закону, – да будет отлучен всем синодом[1].

Десятое: Был у них гибельный обычай, что на крестинах детей их дарят им кумовья их подарки – кто золото, кто серебро, кто ткани или что другое. И устраивают в день крестин и день недельный пиры и угощения для объедения и пития и пьянства. И великое бедствие

и сохранялась на протяжении всего Средневековья. Значительная часть клириков и мирян воспринимала плату за хиротонию как худшее из зол, и эти настроения присутствуют на страницах коптских летописей. Похоже, Мелетий Карма, предполагаемый инициатор многих решений Собора 1628 г., придерживался таких же убеждений. Известно о его конфликтах с патриархами Афанасием II (поставившим Мелетия на Халебскую кафедру) и Кириллом III Даббасом на почве неуплаты причитавшихся с него сумм. Характерно, что патриарх Макарий III аз-За'им, в отличие от своего учителя, воспринимал плату архиереев за хиротонии как благой обычай, укрепляющий бюджет патриархии. В летописи Михаила Брейка есть пассаж, восходящий к записям Макария: «И сообщаю о митрополите Апамеи... было у него в подчинении 19 архиереев... И каждый из этих архиереев окормлял многочисленную паству христианскую. И выплачивал за хиротонию свою значительную сумму денег. И был доход патриархии Антиохийской таким, что невозможно описать» (*Brayk.* Al-Ḥaqā'iq... P. 155).

[1] Проблеме близкородственных браков придавала особую остроту малочисленность православного населения в некоторых местностях (иногда церковным иерархам по этой причине приходилось разрешать браки с представителями иных христианских исповеданий), а также, возможно, арабские семейно-брачные обычаи, допускавшие высокую степень кровосмешения (кросс-кузенный брак).

в том, что они позволяют кумовьям быть закладчиками без всяких препятствий[1]. И отныне не разрешено поступать таким образом. А если кто поступит вопреки Божьему закону – да будет отлучен всем синодом.

Одиннадцатое: Был у них гибельный обычай повышать цену выкупа за невесту и дарить крестным родителям невесты браслеты из золота или другое, подобной цены, или иные вещи. А также в качестве выкупа требуют непомерные деньги, так что девушка приходит в возраст женщины, а не просватана, а мужчина состаривается, не женившись. И поэтому установили мы предел выкупа за невесту. И ограничили мы его для знатных[2] суммой в сорок киршей, и четыре кирша – крестным родителям невесты; для людей среднего достатка предел – тридцать киршей, и крестным – три кирша; для прочих предел – двадцать киршей и два кирша крестным; и наименьшее – десять киршей, и кирш – крестным. Что же до подарков от жениха на праздники, то да будут они умеренными, без обиды на жениха. А срок помолвки – три года, согласно закону. А если кто уклонится от этого – да будет отлучен всем синодом[3].

Двенадцатое: Был у них гибельный обычай, что священники приходят на свадьбы, где бьют в барабаны и дудят в рожки; и сидят на пирах и застольях, и упиваются вином допьяна. И отныне не разрешается никому из священников или диаконов поступать подобным порочным образом, ибо сказано в Писании: «Еще была пища в устах

[1] Смысл фразы темен. По предположению свящ. А. Трейгера, высказанному в частной переписке, возможно, речь идет о том, что кумовья входили в непосильные расходы и закладывали свое имущество, чтобы собрать средства на подарки, которые, по обычаю, следовало делать в день крестин.

[2] Дословно: *ru'ūs aṭ-ṭabaqāt* – «главы [родовых? корпоративных?] подразделений».

[3] В арабской традиции не невеста приносила с собой приданое, а жених делал ей предбрачный подарок (*махр*). Высокая стоимость его осложняла создание семьи и, соответственно, воспроизводство общины. Заметно, что церковные иерархи уже не в первый раз пытались упорядочить размеры предбрачного подарка. В 1573 г. патриарх Иоаким IV ибн Джум'а провел собор по вопросам размеров выкупа за невесту – он был разделен на несколько категорий в зависимости от имущественного состояния вступающих в брак и жестко фиксирован, родителям невест запрещалось требовать большего. Постановление было высечено на пороге врат церкви святых Киприана и Иустины в Дамаске; Иоаким заручился грамотами остальных трех восточных патриархов с угрозами отлучения тех, кто не подчинится установленному порядку (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 425–426; Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 680; CPMA: 1500–1634. P. 33–34).

их, гнев Божий пришел на них, убил тучных их и юношей Израилевых низложил»[1]. А другая книга гласит: «Не пейте вина, дабы не забыть разум»[2]. И апостол Господа говорил, что опьяненные вином не войдут в Царство Божие. И кто пьянствует и поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом[3].

Тринадцатое: Был у них гибельный обычай, что венчают жениха и невесту вечером или ночью вне церкви, и священник при этом нарушает пост, и жених с невестой не соблюдают пост, и *альмашита*[4] красит руки и ноги невесты, подобно язычникам. И забывают, что венчание подобно Божественной литургии. И не разумеют также, что нельзя совершать венчание кроме как в церкви, и должен священник перед этим поститься, и жених с невестой блюсти пост, и невеста не быть разукрашенной, чтобы отпустил им грехи Дух Святой. И отныне не разрешается проводить венчание вне церкви, кроме как по необходимости, и священник должен поститься, и жених с невестой тоже, и да не будет невеста накрашена *аль-машитой*. И кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Четырнадцатое: Был у них гибельный обычай, что священники пишут заклинания на амулетах, и простонародье вешает эти амулеты и талисманы на шею детям своим, и читают молитву Богородицы и вешают ее на шею детям своим. И многие из христиан верят астрологам и заклинателям, и они творят заклинания, как язычники, и толкуют предзнаменования, и занимаются магией. И отныне не разрешается поступать таким образом, потому что Божественное Писание гласит: Да не будет среди вас того, кто толкует предзнаменования и творит заклинания и пишет на амулетах. А кто сделает так – если он священник, то да будет извержен из священства, а если мирянин – то отлучен от Церкви Божьей. И кто поступит вопреки закону Божьему – да будет отлучен всем синодом.

---

[1] Пс 77. 30–31.

[2] Возможно, это неточная цитата из Сир 31. 36: «Излишнее употребление вина увеличивает ярость неразумного до преткновения».

[3] Об отношении Антиохийской Церкви к проблемам пьянства и алкоголизма см.: *Панченко К. А.* К реконструкции материальной культуры Православного Востока XVI–XVIII вв.: Пища и питание // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2008. № 4 (14). С. 40–62 (2-е изд.: *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 183–211).

[4] *Al-māšiṭa* (досл. «стригунья») – женщина, укладывавшая прически и головные покрывала. Судя по всему, в круг ее профессиональных умений входило и нанесение хной узоров на тело женщины.

Пятнадцатое: Был у них гибельный обычай, что мужчины ночуют в домах женщин, а монахи смешиваются с мирскими мужами. И отныне не разрешается поступать таким образом, потому что такие дела суть врата, отверстые для диавола[1]. И кто нарушит это и поступит вопреки закону Божьему – да будет отлучен всем синодом.

Шестнадцатое: Был у них гибельный обычай, от незнания и невежества их, вносить книги еретические в церковь, и полагать их книгами православными, и читать оттуда рассказы и предания и проповеди и прочее. И отныне не разрешается делать таким образом, как велит то святой закон. И кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Семнадцатое: Был у них обычай брать за покаяние и исповедь деньги, и называть это законом, и приводить этому обоснования неразумные, и говорить: «Берем это не для себя, но для милостыни бедным» или брать плату за обедню или плату <...> нуждающимся. И отныне не позволяется духовнику налагать иные епитимьи, кроме поста и молитвы и поклонов[2], и если он потребует милостыню от кающегося или за обедни, то да скажет исповедующийся, что даст эти деньги беднякам из руки своей в руки их и помимо руки исповедующего. И кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Восемнадцатое: Был у них гибельный обычай, что монах, коему предписано пребывать в каком-либо монастыре, переходит в другой монастырь. И что иеромонахи и простые монахи бродят по градам и весям и принимают сынов крещения[3], и есть среди них люди, собирающие деньги и принимающие вклады для церкви во имя какого-нибудь святого или для какого-нибудь монастыря, и носят с собой книги для записи вкладов без грамоты от патриарха епархии[4]. И от-

[1] Дословно: «потому что диавол имеет великий вход в такие дела».

[2] В оригинале употреблена арабская калька греческого слова μετάνοια.

[3] То есть христиан.

[4] Официальные сборщики милостыни снабжались грамотой от своего патриарха с подтверждением их полномочий. Сами книги записей пожертвований, судя по свидетельствам следующего столетия, должны были иметь пронумерованные и прошитые листы. В реальности, как видим, Левант кишел самозваными сборщиками подаяний, которые иногда вступали в столкновения друг с другом. В середине XVII в. французский путешественник Г.-Ж. Грело сообщал, как в округе Джабаль-Аджлун, на канонической территории Иерусалимского патриархата, двое святогробских сборщиков милостыни поймали монаха-самозванца, выдававшего себя за сборщика, посланного из Сайднайского монастыря (см.: *Grelot G.-J.* A Late Voyage to Constantinople. London, 1683. P. 144–145).

ныне не разрешается делать таким образом. И кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Девятнадцатое: Был у них гибельный обычай, что патриарх ставит диакона или священника, не имеющего ни грамоты от своего архиерея, ни свидетельства за подписями людей его страны о том, что он достоин священства. А хуже того то, что некоторые священники, приписанные к какой-либо церкви, оставляют ее и переходят в другую церковь. И отныне не разрешается делать таким образом. И всякий, кто поступит вопреки закону, – да будет отлучен всем синодом.

Двадцатое: Был у них гибельный обычай ставить во всякое место мздоимца, чтобы получать через него взятки, называемые им законным обычаем, которые брал он за венчания недопустимых браков. И называют такого взяточника вакилем[1] патриаршим. И великая беда бывает, что вакиль-мирянин входит в дела священнические и препятствует архиерею епархии в делах веры. И отныне не разрешается подобный пагубный обычай. И да не будет поставлен вакиль патриарший в область, где есть архиерей. И кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Последнее: Должно наставить общину верующих, что на свадьбах христианских не дозволены бой в барабаны, игра на рожках, стук [в бубны?], пляски, объедение, питие, пьянство и прочее. Одним словом, деяния подобные этому – грех, и гневят они Бога. И отменили мы всё это, и упразднили, и отвергли. И завещаем вам хранить все эти установления, и хранить все заветы Бога, и не уклоняться от закона, потому что уклонение от закона губит землю, и совершение зла повергает престолы могущественные. Здесь заканчивается слово наше, и кто поступит вопреки закону – да будет отлучен всем синодом.

Хождение к горе Божьей Синай 1635–1636 гг.

(Перевод, предисловие и комментарии Ю. И. Петровой)

Основное направление мелькитской литературы путешествий составляли записи о паломничестве к святым местам Палестины и Синая. Ранние ее памятники до нас не дошли. Первым известным сочинением такого рода является описание Синая диакона Еф-

[1] Наместником.

рема, которое относится предположительно к концу XVI – началу XVII в.[1] По жанру это сочинение соответствует греческим проскинитариям, написанным в форме общих путеводителей[2]. В собрании рукописей Баламандского монастыря (Ливан) хранится еще один памятник арабо-православной паломнической литературы – сочинение о посещении Синая и Святой земли в 30-х гг. XVII в.; с этим текстом, очевидно, не были знакомы Г. Граф и Ж. Насралла. Это неопубликованный текст, входящий в состав рукописного сборника Balamand. 181, который датирован 1689–1690 гг.[3] Данное сочинение можно считать самым ранним дошедшим до нас памятником оригинальной мелькитской литературы о святых местах Востока в жанре авторских путевых записок (хождений). Единственным исследователем, занимавшимся изучением этого текста, был немецкий арабист К. Валбинер[4].

Текст рукописи занимает 17 листов указанного сборника; на листах 113r–127v помещается само описание путешествия на Синай и в Палестину, а в конце (листы 127v–129r) имеется приложение с подзаголовком «Описание всех церквей, находящихся в окрестностях святой горы Синай».

Оригинал рукописи не сохранился, и имя автора неизвестно; из его рассказа следует, что это был священнослужитель из Дамаска. К. Валбинер выдвигает две гипотезы относительно идентификации автора рукописи[5]. Фамильное прозвище паломника – ан-Наккаш – можно вычленить из упомянутого им имени своего дяди по отцу –

[1] См.: *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. 4. С. 681.

[2] Текст памятника был издан Л. Шейхо по двум рукописям из Алеппо, датированным 1816 и 1834 гг. (см.: Waṣf Ṭūr Sīnā wa-abniyati-hi / Sa'ā bi-našri-hi al-ab Luwīs Šayḫū al-yasū'ī // Al-Mašriq. 1906. T. 9. P. 736–743, 794–799). Ж. Насралла предполагал, что он может представлять собой обработку до сих пор не найденного – возможно, греческого – оригинала и предлагал более раннюю датировку – XV в., а самого автора отождествлял с диаконом Ефремом из монастыря св. Екатерины, имя которого фигурирует в двух рукописях конца XV в. (см.: HMLEM. Vol. 3. T. 2. P. 103).

[3] См. описание рукописного сборника Balamand. 181 в каталоге арабских рукописей Баламандского монастыря: *Slīm S.* Waṣf al-maḫṭūṭāt // Al-maḫṭūṭāt al-'arabiyya fī l-adyira al-urṯūḏuksiyya al-anṭākiyya fī Lubnān. Bayrūt; Ǧāmi'at al-Balamand, 1994. Pt. 2. P. 136–138.

[4] *Walbiner C.* Ein christlich-arabischer Bericht über eine Pilgerfahrt von Damaskus zum Berge Sinai in den Jahren 1635/36 (Hs. Balamand 181) // PdO. 1999. Vol. 24. P. 319–337.

[5] См.: Ibid. P. 322–323.

священника (хури) Йа'куба ан-Наккаша (fol. 124v). Священник с таким именем упоминается еще в одном источнике. Так, в 1647 г. хури Йа'куб ан-Наккаш присутствовал при интронизации Макария ибн аз-За'има на патриарший престол в Дамаске, о чем пишет сам патриарх в записи о своей интронизации, вошедшей в состав его рукописного сборника-автографа (ИВР РАН. В 1227)[1]. Другой возможный вариант идентификации автора сочинения предлагает колофон (приписка № 6) на листе 194а в рукописи Четвероевангелия Sin. Arab. 80 из собрания синайского монастыря св. Екатерины. В нем упоминается о пребывании в монастыре в праздник Трех святителей 30 января 7144 (1636) года – того периода, о котором идет речь в рассматриваемом источнике, – священника «Йуханны, сына диакона 'Исы 'Ульбаса из Дамаска»[2]. Валбинер, вслед за Ж. Насраллой[3], не исключает, что фамильное прозвище написано с искажением и здесь подразумевается хури Йуханна 'Увейсат – известный поэт и художник-миниатюрист, который был рукоположен в сан священника до 1629 г. и скончался после 1663 г.[4]

Согласно данным османской статистики, православные арабы из различных регионов Палестины и Сирии в XVI–XVII вв. составляли основную массу паломников в Иерусалиме. Большинство их приходило туда только на празднование Пасхи, в отличие от иноземных богомольцев, как правило приезжавших в Святую землю осенью и остававшихся там до Фоминой недели[5].

Из Дамаска автор и его спутники выехали 29 сентября 1635 г.[6] Их маршрут проходил сухопутным караванным путем из Сирии в Египет. Отправной точкой путешествия в синайский монастырь св. Екатерины для всех паломников того времени был Каир; путники вначале останавливались на подворье монастыря в квартале Джуваниййа,

[1] См.: *Панченко К. А.* Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // ВЦИ. 2012. № 1–2 (25–26). С. 130.

[2] *'Aṭiyya 'A. S.* Al-Fahāris at-taḥlīliyya li-maḫṭūṭāt Ṭūr Sīnā al-'arabiyya. Al-Iskandariyya, 1970. Pt. 1. P. 161.

[3] См.: HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 233.

[4] О священнической семье 'Увейсат см. также: *Панченко К. А.* К истории Антиохийской Православной Церкви кон. XVII в.: Патриарший престол и клановая солидарность // ВЦИ. 2016. № 1–2 (41–42). С. 189–190, примеч. 7.

[5] См.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 269, 283.

[6] Автор указывает 1636 г., но из дальнейшей хронологии становится ясно, что это, вероятно, описка.

где монахи договаривались с бедуинами о сопровождении и найме верблюдов. Автор и его спутники достигли цели путешествия 26 января. В монастыре они находились 13 дней и за это время посетили окрестные обители и церкви, ряд которых более поздние паломники застанут уже заброшенными. Выехав из монастыря 8 февраля 1636 г., автор и его спутники тем же путем вернулись в Каир и направились в Палестину, чтобы встретить Пасху в Иерусалиме. В 1636 г. она приходилась на 17 апреля. Оттуда они выехали в Фомино воскресенье, а в Дамаск вернулись 3 мая, во вторник Недели жен-мироносиц.

Несмотря на небольшой объем текста и безыскусственность изложения, рассказ о паломничестве в рукописи Balamand. 181 представляет несомненный интерес. По своему жанру это сочинение соответствует «хождениям» и отличается выраженным индивидуальным началом и мемуарным характером (в противовес однообразным проскинитариям-путеводителям, в стиле которых создано и более раннее описание Синая диакона Ефрема). Сочинение представляет собой благочестивый рассказ о святых местах; кульминацией его является описание поклонения мощам св. Екатерины. Для автора характерно восторженное восприятие увиденного, благоговение перед святынями и отсутствие аналитических рассуждений. Дамасский священник записывает в основном свои духовные впечатления и обходит вниманием многие негативные реалии, в которых приходилось существовать Синайской архиепископии и которые встречаются практически во всех описаниях иностранных паломников. Так, замечания о бедуинском окружении монастыря, бедности и заброшенности окрестных обителей, наличии мечетей в монастыре и на горе Синай, пессимистические рассуждения о судьбе христианства под мусульманским владычеством и другие подобные мотивы, характерные для христианской паломнической литературы османской эпохи, полностью отсутствуют в рассказе богомольца из Дамаска. Очевидно, для ближневосточного автора эти реалии не представляли особой экзотики, и он стремился представить в своих записках исключительно духовное измерение предпринятого путешествия.

Заметно, что Синаю и его святыням, как цели более удаленной и труднодоступной, автор уделяет значительно больше внимания, чем Святой земле. Повествование о посещении Палестины выглядит более кратким и сдержанным, а Иерусалим даже не упоминается в названии сочинения; зато к рассказу специально прилагается список синайских обителей, церквей и часовен. Паломничество на Синай пользовалось особым уважением у восточных христиан; по

словам паломника-писателя архим. Леонтия (Зеленского), иерусалимский опыт «в сравнении несравненного труда и в разсуждении сугубаго расстояния, не стоит половины синайского»[1]. Поэтому автор не обходит вниманием проблему питьевой воды при переходе через Синайскую пустыню и упоминает о недуге, постигшем его из-за тягот пути. Особое восхищение у него вызывают монастырские сады и источники пресной воды в окрестностях горы Синай; в этом его впечатления согласуются с записями других паломников, где отправной точкой в описании пустынной местности служило наличие/отсутствие в ней водных ресурсов. Очевидно, что природно-климатические условия соседней Палестины для автора не представляли интереса, поскольку он о них не упоминает. Интересно, что дамасский паломник не касается и темы финансовой стороны путешествия, столь типичной для записок иностранных богомольцев, которые в один голос сетовали на сборы, взимаемые с них турками в Святой земле. В этом смещении акцентов можно усмотреть специфику записок паломника – подданного Османской империи, которому не пришлось описывать инокультурную среду.

Перевод[2]

[113г] Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога.

Повествование о хождении к горе Божьей Синай и о том, что мы там видели

Во вторник, 29 числа благословенного месяца сентября лета 7144 от отца нашего Адама – мир ему! – что соответствует 1636 году[3] от Воплощения Господня, мы выехали из города Дамаска для посещения святой горы Божией Синай. Вместе с нами отправились эконом старец Митрофан и диакон Иоасаф[4] из братии святой обители.

---

[1] Цит. по: *Кириллина С. А.* «Очарованные странники»: Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 142.

[2] Комментированный перевод выполнен Ю. И. Петровой по неопубликованной рукописи Balamand. 181 с указанием ее листов.

[3] Указанный автором год является ошибкой; сентябрю 7144 г. византийской эры соответствует сентябрь 1635 г.

[4] Если верно предположение об отождествлении автора с Йуханной ʻУвейсатом, то здесь наверняка имеется в виду Иоасаф, упомянутый в колофоне рукописи Sin. Arab. 35 из собрания синайского монастыря св. Екатерины. Эта рукопись псалмов и молитвословий является автографом ʻУвейсата и была переписана в 1629 г. по просьбе «брата о Господе, именуемого в монашестве Иоасаф, сына ʻАбд аль-ʻАзиза ибн Таммама из аянов Дамаска, принявшего на

В среду днем мы прибыли в Са'са'[1], первый на пути постоялый двор, оттуда направились в аль-Кунейтру[2], затем к Джиср-Йа'куб (мосту Иакова)[3], к аль-Минье[4], а оттуда к 'Уйун-[113v]-ат-Туджжар[5], затем аль-Какун[6], аль-Луджун[7] и Джальджулие[8]. Отправившись на следующий день, рано утром в пятницу 9 октября, мы проехали через город Лод[9], где издали поклонились храму великого святого – Мар Джирджиса (Георгия). На этом месте была погребена его глава, а ныне высокий величественный храм стоит разрушенным. Оттуда мы направились в город Рамла[10]; там мы пробыли день и молились в церкви Владычицы. Это величественная церковь ромейской постройки[11], сводчатая, на четырех мраморных столбах. Нам оказали

то время ангельский образ в святой обители горы Синай» (*Aṭiyya*. Al-Fahāris at-taḥlīliyya... Pt. 1. P. 87).

[1] Городок к юго-западу от Дамаска, расположенный в плодородной местности на склонах горного массива Хермон (Джабаль-аш-Шейх) в цепи Антиливан. Был знаменит своим постоялым двором, построенным великим визирем Синаном-пашой на исторической дороге из Дамаска в Иерусалим ок. 1580 г.

[2] Город на юго-западе Сирии на Голанских высотах. Основан в османскую эпоху как стоянка на караванном пути в Дамаск; ныне разрушен и практически необитаем вследствие арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг.

[3] Джиср-Йа'куб (более известен как Джиср-банат-Йа'куб – «мост дочерей Иакова») – историческая переправа через р. Иордан, соединяющая Голанские высоты и Верхнюю Галилею. Упомянут Василием Гагарой (см.: Житие и хождение в Іерусалим и Египет казанца Василія Яковлева Гагары 1634–1637 гг. // ППС. Т. 11. Вып. 3. С. 7).

[4] Аль-Минья (Каср-аль-Минья) – построенный в эпоху Омейядов дворец в ныне заброшенной местности Хирбат-аль-Минья в 200 м к северо-западу от Тивериадского озера; место было известно также благодаря караван-сараю, где останавливались путешествующие вдоль озера.

[5] Караван-сарай в 5 км к востоку от Назарета; название (букв.: «Источники торговцев») связано с имеющимися в изобилии в этой местности источниками воды.

[6] Ныне заброшенная деревня возле г. Тулькарм на Западном берегу р. Иордан, где имелся караван-сарай.

[7] Деревня, находившаяся в 16 км к северо-западу от г. Дженин; в османскую эпоху была административным центром местности.

[8] Арабская деревня в 3 км от г. Калькилия на территории Палестинской автономии у границы Западного берега р. Иордан.

[9] Лод (Лидда) – город в центральной части Палестины. В христианской традиции известен как родина вмч. Георгия; на месте погребения его мощей была построена церковь, которая многократно подвергалась разрушению.

[10] Город в 5 км к югу от Лидды, расположенный на пересечении исторических торговых путей.

[11] Т. е. византийского периода.

гостеприимство достопочтенный шейх[1] ʻИса ибн аль-Бури и его досточтимый сын шейх Джирджис – да продлит Господь их дни!

Утром мы направились к деревне под названием Исдуд[2], которая упоминается в книге «Аль-Браксис»[3] – Деяний святых апостолов. Там говорится, что когда диакон Филипп шел **[114r]** в Исдуд, встретился ему евнух эфиоплянин, из вельмож Кандакии, царицы[4] эфиопской. Они оказались у воды, и Филипп крестил его, после того как благовествовал ему, и дальше как сказано в Писании[5].

В воскресенье мы достигли Газы, когда литургия уже закончилась. Мы остановились при церкви, посвященной Владычице. Это большой храм ромейской постройки, в котором с правой стороны имеется часовня великого святого Мар Джирджиса. В городе Газе мы пробыли восемь дней, будучи гостеприимно приняты владыкой кир Парфением, митрополитом Газы[6], который родом киприот, а также священниками. В воскресенье 18 октября мы выехали из Газы в Хан-Йунис[7], из Хан-Йуниса – к аз-Заʻка[8], а оттуда – в аль-ʻАриш[9], где имеется крепость и пристань. Из аль-ʻАриша мы направились в Умм-аль-Хасан[10], вода там соленая и горькая; затем – к Бир аль-ʻАбд[11],

[1] Этим словом у христиан мог обозначаться глава местной христианской общины, старейшина квартала или любой уважаемый пожилой человек.

[2] Ныне – город Ашдод; в османский период в этой арабской деревне было несколько сотен жителей и имелся постоялый двор.

[3] Греч. Πράξεις.

[4] В рукописи: «царя». Возможно, приведенное написание имени Кандакии كنداكس (греч. Κανδάκης – ж. р., род. п.) воспринималось как форма мужского рода.

[5] См.: Деян 8. 26–40.

[6] Этот иерарх известен тем, что он вместе с митрополитом Вифлеемским Афанасием в отсутствие патриарха Иерусалимского возглавлял православную общину во время конфликта с армянами из-за празднования знаменитой Кривой Пасхи 1634 г., когда Благодатный огонь вырвался из храма наружу (см.: *Панченко К. А., Кузенков П. В.* «Кривые Пасхи» и Благодатный огонь в исторической ретроспективе // *Панченко К. А.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 57–88).

[7] Город на юге сектора Газа, названный именем эмира Йунуса, основавшего в конце XIV в. крупный хан (постоялый двор), вокруг которого в дальнейшем образовался город.

[8] Ныне – египетский город Шейх-Зувейд в мухафазе Северный Синай, расположенный на пути между городами Рафах и аль-ʻАриш.

[9] Город в Египте на берегу Средиземного моря, административный центр мухафазы Северный Синай.

[10] По сообщению диакона Ефрема, на расстоянии двух дней пути от аль-ʻАриша находился источник с соленой и горькой водой, называемый аль-Хасана (*al-Ḥasana*) (см.: Waṣf Ṭūr Sīnā... P. 799).

[11] Город в мухафазе Северный Синай, расположенный у соленого озера Бардавиль.

где вода соленая. Оттуда – к Бир-**[114v]**-ад-Дувейдар[1], тоже с соленой водой, затем к крепости Катыййа[2] с пристанью, оттуда – к аль-Бир и к ас-Салихийе[3]. Там мы испили пресной воды из Нила. Оттуда наш путь был к аль-Карин[4], из аль-Карин в Бильбейс[5], из Бильбейса в аль-Ханка[6]. Оттуда мы добрались до Мисра, то есть Каира, в понедельник 2-го числа месяца ноября.

Мы прибыли на подворье, где встретились с владыкой кир Иоасафом[7], епископом монастыря горы Божией Синай, со всеми священниками и старцами. Нам выделили помещение в новом постоялом дворе в квартале аль-Джуваниййа[8], и мы пробыли там до заговенья на Рождественский пост. Меня, убогого, постигла тяжкая болезнь и недомогание вследствие путешествия и перемены воды, и отцы с подворья переселили нас в келью над амбаром с пшеницей **[115r]** и другими крупами. Там мы провели весь Рождественский пост, будучи нездоровы.

В воскресенье перед Рождеством, известное как Неделя святых отец, мы были в церкви Мар Николая[9], где встретились с владыкой Кир Митрофаном-философом[10], митрополитом Мисра, то есть Каира. Мы поцеловали его руки и получили его благословение. Он ока-

---

[1] Один из источников на севере Синая, неподалеку от г. Исмаилия.

[2] Крепость, существовавшая к северо-востоку от г. аль-Фарама (Пелузий) и служившая важным оборонительным пунктом на пути в Египет с северо-востока.

[3] Крепость, которую султан ас-Салих Наджм ад-Дин из династии Айюбидов возвел в 1246 г. в качестве оборонительного пункта на сухопутном пути между Египтом и Сирией.

[4] Город в мухафазе Шаркия.

[5] Второй по величине город мухафазы Шаркия.

[6] Город в мухафазе Кальюбия, в южной части дельты Нила.

[7] Архиепископ Синайский, Фаранский и Раифский в 1617–1660 гг.

[8] Букв.: «внутренний». Квартал Каира *Ḥārat ar-rūm* (букв.: «Греческий квартал») имел две части, одна из которых – верхняя (внутренняя) – находилась возле ворот Баб-ан-Наср, слева по направлению к старому городу. На ее территории располагались резиденция Александрийских патриархов (до 1839 г.) и подворье Синайского монастыря, которое довольно подробно описал гостивший там архим. Порфирий (Успенский) (см.: Путешествие по Египту и в монастыри святаго Антония Великаго и преподобнаго Павла Фивейскаго в 1850 г., архимандрита Порфирия Успенскаго. СПб., 1856. С. 109–115).

[9] Церковь при старой патриархии в Каире; о ней упоминает архим. Порфирий (см.: Там же. С. 70).

[10] Митрофан Критопулос (ок. 1589–1639) – известный богослов и церковный деятель; в 1633–1636 гг. митрополит Мемфиса и Мисра, с сентября 1636 г. патриарх Александрийский.

зал нам самый любезный прием и гостеприимно принял в патриархии. Мы отпраздновали Рождество. На праздник Крещения решили служить литургию. Владыка пригласил нас, и мы причастились Божественных Таин.

В день преподобного Антония, 17 января, мы отправились в паломничество к святому монастырю. Выехав из Мисра[1] с бедуинами днем в субботу, во вторник мы достигли крепости под названием ʻАджруд[2]. Оттуда уже совсем близко до города Суэц, **[115v]** в котором есть крепость, порт и пристань, куда причаливают суда из Индии и Йемена. В Суэце мы провели один день и затем направились к ʻУйун-Муса[3], где наполнили бурдюки, а оттуда – к источнику Гарандаль[4].

Во вторник к вечеру, в канун праздника перенесения мощей Иоанна Златоуста[5], мы достигли святого монастыря Синайской горы. Напротив монастыря есть сад с церковью во имя Успения Владычицы, башней и кладбищем для братии. Отцы вышли встретить нас за ворота монастыря, преподали нам святое лобзание и ввели нас с молитвами и песнопениями в обитель. Мы оказались в большом храме – кафоликоне, куда спустились по ступенькам. Он посвящен Преображению **[116r]** Господню, величествен и приводит смотрящих в изумление. Увидев эту прославленную церковь, мы вознесли хвалу Всевышнему. Вот ее описание: церковь эта со сводом, покрытым свинцом, с двумя боковыми галереями; пол ее из мрамора, с изящными узорами, притягивает взоры. Церковь украшена иконами,

[1] Т. е. Каира (название «Миср» традиционно фигурирует в паломнической литературе).

[2] Крепость, находившаяся в 20 км к северо-западу от г. Суэц и бывшая важным пунктом на паломническом пути в Мекку.

[3] Плодородный оазис, расположенный в 35 км к югу от г. Суэц на восточном берегу Суэцкого залива на Синайском п-ове. Название («Моисеевы источники») связано с библейским (Исх 15. 23–25; 17. 1–6) и кораническим (2:60) преданиями об изведении Моисеем источников воды во время странствования еврейского народа по пустыне. Некоторые исследователи отождествляют это место с Меррой – первым станом израильтян на Синае (Исх 15. 23); эта же версия фигурирует у диакона Ефрема (См.: Waṣf Ṭūr Sīnā... P. 738). Архим. Порфирий (Успенский) оспаривал это мнение, предложив иную этимологию названия – от слова «мос» («вода») в древнеегипетском языке (см.: Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенскаго. СПб., 1856. С. 36–37).

[4] Плодородная долина с пресноводными и термальными источниками на юге Синая.

[5] Отмечается 27 января по юлианскому календарю.

все оклады и боковые части которых позолочены, а пелены их расшиты золотом. Перед ними стоит бесчисленное множество подсвечников, каждый высотой в четыре локтя и весом до 50 ратлей[1]. В церкви имеются изображения и резьба, каких не видывало око, и ряды окон над арками; все это изумляет смотрящего.

Когда мы вошли в церковь, дикей[2] пропел перед нами «Аксион»[3]; звали его хури Неофит. Там были и священник **[116v]** Неофит Младший, хури Гедеон, священник Иеремия, диакон Софроний, диакон Григорий, диакон Иоасаф, эконом старец Григорий и другие старцы и братия; все они зашли перед нами в церковь. Мы приложились к иконам, будучи запыленными с дороги, едва сойдя со спин верблюдов. Мы вышли из церкви, и нас поселили в архиерейских кельях в боковом приделе, возле церкви во имя Богородицы, где проистекает миро[4].

К вечерне ударили в било. Мы спустились в церковь и помолились на вечерней службе. Затем мы поднялись в трапезную. Невозможно описать ее красоту, порядок и убранство. На восточной стене ее, над головой игумена, имеется изображение Страшного Суда и последнего дня, обителей **[117r]** рая и мест мучения. В тот вечер нам приготовили братскую трапезу любви и порадовали нас всевозможными видами рыбы и разными другими кушаньями. Потом мы вернулись в главную церковь на повечерие, после чего каждый отправился в свою келью.

Через час явился игумен[5] с экономом и некоторыми из священников; они принесли приятное угощение из печеной рыбы, фиников и икры и сели, дабы доставить нам утешение. После этого мы еще раз помолились ко сну и легли.

---

[1] Ратль – мера веса, равная 449,28 г.

[2] Дикей (греч. δικαῖος) – скитоначальник; здесь термин означает наместника монастыря, который возглавлял собор старцев в отсутствие архиепископа.

[3] Греч. Ἄξιόν ἐστιν... – «Достойно есть...» (песнопение в честь Пресвятой Богородицы).

[4] Церковь в честь иконы Богородицы «Живоносный источник» в архиерейских покоях к западу от южного бокового придела кафоликона (см.: Странствования Василия Григоровича-Барскаго по святым местам Востока. СПб., 1886. Ч. 2. С. 31). Гостевые комнаты находятся в галерее вдоль западной монастырской стены. В церкви паломникам показывали «каменистое место, из которого будто бы пореяло масло по молитве Георгия Арселаита» (см.: Первое путешествие... С. 168).

[5] Очевидно, здесь и далее имеется в виду дикей, так как игумен монастыря (архиепископ Синайский) в то время находился в Каире.

К полуночи ударили в било, и мы помолились на утрене. Службу закончили до рассвета, и каждый из нас пошел отдохнуть в своей келье. Через два часа после рассвета ударили в било. В тот день было празднование перенесения мощей святого Иоанна **[117v]** Златоуста. Литургию отслужили в церкви Трех святителей[1]; это прелестная маленькая церковь.

После литургии мы пошли в трапезную. Ради этого был приготовлен таз с теплой водой, для омовения нам ног. Нам умыли ноги, ибо таков у них обычай. Пока не завершили омовение, пели стихиры этого чина. Затем отерли наши ноги шелковыми полотенцами, и мы сразу со всей братией сели за трапезу.

Отведав то, что было подано, мы поднялись из-за стола и пошли поклониться в главной церкви и церкви на месте святой купины[2], где Господь явился Моисею пророку, когда тот увидел терновый куст, горящий огнем **[118r]** и не сгорающий. Увидев сие дивное явление, Моисей подошел рассмотреть чудо, и Бог воззвал к нему из среды куста, сказав ему: «Моисей! Моисей! Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято»[3]. Это часовня позади главного алтаря, с двумя входами – с юга и с севера. Двери ее, украшенные орнаментами и резьбой, изумляют смотрящих. Вся церковь увешана иконами, потолок ее позолочен, стены сверху донизу из мрамора, и желающий описать ее окажется в затруднении; пол ее устлан шелковыми коврами. Туда не заходят поклониться, не разувшись, а священник служит литургию не иначе как без обуви. Мы поклонились этим **[118v]** святым пречистым местам, которые благоуханнее любых ароматов и амбры и которым совершенно чужд дух сего мира.

Над самой Купиной установлены четыре столбика, иссеченных из мрамора, каждый толщиной с предплечье мужчины. На них установлен изящный мраморный престол. Четыре неугасимые серебряные позолоченные лампады горят между колоннами над Купиной день и ночь.

Мы поклонились тем местам и возблагодарили Господа, дающего благие дарования. От охватившей нас великой радости и веселья мы

[1] В. Григорович-Барский упоминает, что эта часовня – одна из 15 «параклисий, или церков малих» – находится около южной стены монастыря (см.: Странствования Василия... Ч. 2. С. 30). Часовни и приделы автор рукописи именует церквами, так как в арабо-православной традиции нет специальной лексемы для обозначения часовни (изредка употреблялся грецизм *bārāklīsī*).

[2] Часовня Неопалимой Купины, расположенная за алтарем кафоликона.

[3] Исх 3. 2–5.

забыли тяготы пути, жажду, зной и всякие бедствия. Ведь даже если все земные тревоги лягут на сердце человека и он окажется в этом месте, **[119r]** тотчас отступят от него все заботы и печали. Ибо, если кто переступит порог великой соборной церкви, взор его устремится туда, где изображены чины Архангелов, апостолы и все святые, где, стоя в величественных стасидиях, святая братия – насельники монастыря, все облаченные в мантии, – воспевают сладостные, умилительные молитвы. Поистине ангельское действо! Перед ними в центре хора[1] стоят два драгоценных аналоя, инкрустированные слоновой костью, перламутром и панцирем черепахи. Блажен, кто посетит эти святые места, кои Бог избрал и сотворил Своим уделом, где явил Свет Свой и которые освятил!

Мы поклонились и в приделах[2], находящихся внутри **[119v]** соборного храма. Это девять небольших приделов: четыре слева, четыре справа и церковь Купины, а с главным алтарем – всего десять престолов внутри соборной церкви.

В субботу, 30-го числа месяца января, мы отслужили литургию в церкви Купины. В ней имеется завеса, загораживающая алтарь от стены к стене; она привешена на кольцах на бечевке и отделяет священника от братии после Великого входа.

В воскресенье, на следующий день, мы служили в великой церкви – кафоликоне. Во вторник, 2 февраля, в праздник Сретения Господня, отслужив, мы отправились посетить Гору Откровения[3]. Нас сопровождали диакон Иоасаф и диакон Иеремия ибн Фурках, которого я, убогий, воспитал и обучил грамоте; **[120r]** родом он из селения Блюдан[4]. В середине дня мы отправились к месту, которое

[1] Пространство перед алтарем.

[2] Здесь и далее букв.: «церквах».

[3] Выражением *Ǧabal al-Munāǧā* (букв.: «гора тайной беседы») автор последовательно называет гору Моисея (Хорив). Возможно, это связано с тем, что данное название значилось в арабской надписи на воротах монастыря св. Екатерины, где сообщалось об основании обители императором Юстинианом I и его супругой Феодорой (см.: Riḥlat Ḫalīl Ṣabbāġ ilā Ṭūr Sīnā / Našara-hā al-ab Luwīs Šayḫū al-yasū'ī // Al-Mašriq. 1904. T. 7. P. 967); в рукописи диакона Ефрема, впрочем, употребляются общепринятые названия *Ḥūrīb* и *Ǧabal Ṭūr Sīnā*. В современной арабской топонимике среди хребтов Синайского горного массива различают *Ǧabal Mūsā* (Гора Моисея, 7363 футов) и расположенную к северу от нее *Ǧabal al-Munāǧā* (6000 футов). Название «Джабаль-Мнаджа» использовалось бедуинами и для одной из гор в Вади-Фиран (см.: Первое путешествие... С. 276).

[4] Поселок в 50 км к северо-западу от Дамаска с преимущественно христианским населением; благодаря расположению на высоте 1550 м над уровнем моря издавна славится как летний курорт.

называют «Источник сапожника». Давным-давно здесь жил монах-сапожник, который мастерил обувь для братии. Ему недоставало воды, он помолился и попросил у Бога, и Бог извел ему тот источник воды. Вода эта прозрачная, приятная и студеная. Испив ее и немного отдохнув, мы пришли в церковь Пресвятой Владычицы и Споручницы[1], где отслужили молебен и немного отдохнули. Ближе к вечеру мы достигли церкви Мар-Илйас[2], в которой три престола: центральный посвящен Илии пророку – на месте пещеры, где он скрывался и подвизался, второй – Елисею, его ученику, и третий – святой Марине. Мы немного отдохнули и спустились **[120v]** поклониться в церкви Мар Иоанна Крестителя и церкви мученика Пантелеимона[3], а оттуда направились к месту, где святой Фома встретил Богородицу после Ее Успения и Она дала ему Свой пояс[4]. Оттуда мы направились к кельям царевичей[5] и их послушника, у подножия Горы Откровения, где они подвизались. Это место труднодоступное, с узким проходом.

Затем мы вернулись в церковь святого Илии и переночевали там. Помолившись, утром мы взбирались по Горе Откровения и с вос-

[1] Церковь Богоматери Икономиссы (Домостроительницы) (в некоторых текстах русских паломников – «Богородицы экономовой»), расположенная на середине пути к вершине горы Синай; построена в память явления на этом месте Божией Матери эконому монастыря, когда братия терпела лишения и собиралась покинуть обитель.

[2] Церковь во имя пророков Илии и Елисея на пути к вершине Синая; построена грузинским царем Давидом IV Строителем (1089–1125) над пещерой, в которой скрывался пророк Илия (3 Цар 19. 8–18), на месте древней одноименной церкви, известной с IV в.

[3] Небольшие храмы, расположенные на тропе вдоль хребта горы Синай. Архим. Порфирий описал их как «приземистые домики, складенные из грубых камней» (Первое путешествие... С. 179).

[4] Паисий Агиапостолит упомянул о наличии на пути к вершине горы Синай церкви в честь св. Пояса; местное предание связывало это место с передачей Богородицей Ее пояса ап. Фоме, когда ангелы несли Ее на небо (см.: Паисия Агиапостолита, митрополита Родского, описание Святой горы Синайской и ее окрестностей, в стихах написанное между 1577 и 1592 гг. / Изд.: А. И. Пападопуло-Керамевс, пер.: Г. С. Дестунис. СПб., 1891. С. 97). Иерусалимское предание связывает место передачи св. Пояса ап. Фоме с Гефсиманией (см.: Странствования Василия... 1885. Ч. 1. С. 324).

[5] По сообщению Паисия Агиапостолита, на пути к вершине горы Синай находилась пещера, где подвизались в аскетических подвигах два родных брата-царевича (см.: Паисия Агиапостолита... описание... С. 96). В сказаниях монаха Синхрона говорится о том, что братья-близнецы были экскувиторами и пришли из Царьграда во время настоятельства прп. Иоанна Лествичника (см.: Первое путешествие... С. 113).

ходом солнца достигли места, где Моисей собеседовал с Господом. Узрев славу Божию, он пал на лицо свое и спрятался в скале; отпечаток его головы и ног имеется на камне доныне.

Мы вошли в церковь Откровения[1] за скалой на вершине горы, зажгли свечи **[121r]** и лампады, совершили освящение воды и отслужили литургию. После литургии отслужили параклиси[2] и позавтракали там, после чего спустились оттуда.

С обратной стороны Горы Откровения по направлению к аль-Леджа[3] находится монастырь во имя Сорока мучеников[4]. Это большой монастырь, с кельями, трапезными, садами, плодовыми и оливковыми деревьями, простирающимися на сколько хватает взора, также и апельсиновыми, лимонными деревьями, с проточной сладкой водой, стекающей к водоему за воротами монастыря. Мы поклонились этому месту. Нам оказал гостеприимство живущий там монах, и мы переночевали у него. После мы отправились на поклонение в монастырь Онуфрия[5].

Когда мы ночевали в аль-Леджа, наблюдали великое диво. Две ночи вершину горы и церковь на Горе Откровения окружал яркий свет, от захода солнца до двух часов **[121v]** ночи; потом он исчезал[6].

На следующий день, в четверг 4 февраля, мы поднимались на гору св. Екатерины, где тело ее пребывало в течение трехсот семидесяти двух лет, а ангелы служили ей и стерегли ее мощи на горной верши-

[1] Ниже автор сообщает, что церковь на вершине горы Синай была посвящена пророку Моисею. Об этом же пишут диакон Ефрем (см.: Waṣf Ṭūr Sīnā... P. 795) и Григорович-Барский (см.: Странствования Василия... Ч. 2. С. 13); последний в другом месте упоминает, что церковь «яже есть на конци верха святія онія гори, идеже Моисей воспріят закон» – это церковь Спаса (Там же. С. 32). О церкви Преображения на горе Синай упоминали Василий Позняков (см.: Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи / Подготовка текста, пер. и коммент.: О. А. Белоброва // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10. С. 65) и архим. Порфирий (Успенский) (см.: Первое путешествие... С. 178). Ныне там находится храм в честь Святой Троицы, построенный в 1934 г.

[2] Греч. παράκληση (чинопоследование молебного канона).

[3] Долина у подножия горы св. Екатерины, образовавшаяся как русло сезонного селевого потока.

[4] Монастырь Сорока мучеников расположен в долине аль-Леджа, в часе ходьбы от монастыря св. Екатерины; назван в честь преподобных отцов, пострадавших от кочевых племен ок. 312 г., когда в один день приняли мученическую кончину 40 синайских и 39 раифских преподобных.

[5] Монастырь в долине аль-Леджа на пути к вершине горы св. Екатерины; в настоящее время на этом месте находится часовня прп. Онуфрия.

[6] Об этом явлении упомянул Григорович-Барский (см.: Странствования Василия... Ч. 2. С. 32).

не. Там оказалась часовня[1], вмещающая четыре-пять человек. Оттуда видно море, гору Синай и всю пустыню. Мы отслужили молебен и поклонились месту, где было тело святой; это отпечаток на камне на самой вершине.

Мы снова спустились к аль-Леджа и провели там ночь. Встав утром, направились к ар-Рабве[2]. По дороге находятся двенадцать источников, которые извел Моисей. Он ударил посохом в камень, и из него забило двенадцать источников, которые существуют до сих пор; это огромный камень.

В ар-Рабве находится **[122r]** монастырь во имя апостолов Петра и Павла[3]. Монастырь большой, с кельями и жилищами, с укрепленными железными вратами. Снаружи обители имеются плодовые и другие деревья, виноградники, растут апельсины, лимоны, кипарисы и есть источник холодной воды; она слаще сиропа, студеная, проистекает из горы и образует водоем, откуда поливают все те деревья. Это места, подобные райским. Братия постелила нам у водоема под деревьями и подала трапезу; мы отведали предложенное.

После полудня мы отправились в Карм-Дауд[4], к монастырю, посвященному Владычице[5]. Там тоже имеются виноградники, сады с прекрасными плодовыми и другими деревьями. Мы снова отслужили молебен, затем отправились посетить пещеру святого Иоанна, написавшего «Лествицу»[6]. Это две части горы, где он устроил себе

[1] О наличии на вершине горы св. Екатерины скромной часовни в источниках упоминается с XVI в.; Григорович-Барский называет ее «едина калива, зело мала сочиненна» (Там же. С. 16). Ранее место обретения мощей святой было отмечено камнями (см.: *Масиель Санчес Л. К.* Екатерины великомученицы монастырь на Синае: Монастырский комплекс // ПЭ. 2008. Т. 18. С. 197).

[2] Букв.: «возвышенность; подгорье». Архим. Порфирий (Успенский) указывал, что «Рабба» – это «угловый утес горы Хамры» и отождествлял это название с Вифрамвой (от араб. Бет-Рабба), упомянутой в «Сказании прп. Нила Синайского об избиении монахов на горе Синайской». По его мнению, именно там Моисей извел воду из скалы (Исх 17. 1–7) (см.: Первое путешествие... С. 181, 191–192).

[3] Монастырь святых Петра и Павла находился в начале долины аль-Леджа у горы Хамра.

[4] Букв.: «Давидов виноградник». Диакон Ефрем отметил, что сад насадил «отец Давид-грузин» (*anbā Dāwud al-kurǧī*) (Waṣf Ṭūr Sīnā... P. 797). По сообщению Григоровича-Барского, это место было «седеніе и зданіе ветхого некоего монаха, именуемого Давида» (Странствования Василия... Ч. 2. С. 35).

[5] На этом месте находился небольшой монастырь, именуемый Παναγία Νταούτη («Богородица Давида») (Там же. С. 35).

[6] Пещера прп. Иоанна Лествичника находится в верховьях ущелья Вади-Фола, на расстоянии 2–3 часов ходьбы от монастыря св. Екатерины.

жилище из камней и проделал в нем **[122v]** два маленьких окошка, чтобы во всякий день видеть Гору Откровения. Там он подвизался сорок лет. Мы спустились к месту его затвора; оно удивительное — огромный черный камень взвален на скалу. С вершины горы вниз стекает источник, который струится по этим камням; вода его холоднее снега и слаще сиропа.

Мы посетили монастырь Космы и Дамиана[1], обитель Бессребреников; он окружен садами. Отслужив молебен, мы завершили паломничество, вознеся благодарение Богу. На этом месте заканчивается посещение монастырей, находящихся в пустыне Синайской горы. Возблагодарив Господа за достижение желаемого, мы вернулись в святую обитель в пятницу ближе к вечеру.

Утром в субботу мы отслужили литургию на кладбище снаружи монастыря, где находятся захоронения монашеской братии и церковь, посвященная Владычице. Нам оказал гостеприимство брат **[123r]** Лаврентий, монах-киприот, живущий в башне. Мы совершили освящение воды и окропили ею все деревья и овощи в саду. Вернувшись в монастырь, мы присутствовали на службе в церкви Купины, затем поднялись к трапезе и отведали предложенное.

На следующий день после литургии в соборном храме все священники надели облачения, дали каждому зажженную свечу и начали петь стихиры, посвященные святой Екатерине. Все мы в облачениях находились в алтаре вокруг раки с мощами святой. Вошел игумен и снял покровы и облачения с раки святой. Над мраморной ракой висят пять неугасимых лампад из серебра. Он зажег свечи вокруг раки и отпер железные замки, затем поднял **[123v]** крышку мраморного ковчега, откуда к нам донеслось благоухание слаще мускуса и амбры. Над телом оказалась серебряная решетка — для того чтобы никто не протянул руки к святым мощам. Честные мощи под решеткой сияют, словно драгоценный кристалл. Игумен снял решетку, и когда мы увидели то дивное зрелище, разум пришел в замешательство, а из очей потекли обильные потоки слез. Затем я, убогий, подошел и окадил святые пречистые мощи трижды, а остальные пели стихиры. Все священники подходили кадить, а после каждения каждый из нас сделал три земных поклона и облобызал честные мощи. Я прикоснулся устами к честному телу святой и облобызал ее главу. От моей великой любви к святой я не желал **[124r]** поднимать голову и расставаться с этим великим сокровищем. Я облобызал ее руку

[1] Монастырь свв. Космы и Дамиана находится в ущелье, к которому ведет тропа, ответвляющаяся от Вади-Фола; ныне заброшен.

и персты, на которые надеты драгоценные царские перстни. Затем подошел игумен и приложился, а также и вся братия. Мы взяли для благословения от мощей немного хлопчатой бумаги[1]. По окончании молитв раку заперли, как раньше, и сверху положили покровы.

Выйдя, мы направились в трапезную и отведали что Бог послал. Вечером мы вернулись в церковь и помолились на вечерне, а после трапезы – на повечерии и разошлись по своим кельям. В монастыре мы провели две недели, пребывая в любви и благополучии среди ангелов и святых. В понедельник, 8 февраля, мы попрощались с этими местами и с братией и направились с бедуинами к Мисру тем же путем, **[124v]** которым прибыли и о котором не стоит вновь упоминать.

В богохранимый Миср мы добрались во вторник Недели мясопустной. Заговенье на пост мы встретили в Мисре. В первое воскресенье Великого поста отслужили литургию вместе с митрополитом Каира, также и во второе воскресенье. В понедельник третьей Недели поста мы попрощались с каирской братией; нас вышли проводить за Баб-ан-Наср[2].

Положившись на Бога, мы отправились тем же путем и, проведя в дороге 20 дней, достигли Рамлы. Оттуда мы направились во Святой град Иерусалим, куда прибыли в четверг ранним утром Вербной недели. Мы остановились в монастыре святого Николая[3], известном как Дейр-аз-Занкаль[4], в келье моего дяди по отцу хури Йа'куба ан-Наккаша. Он с родным братом находился в Иерусалиме. **[125r]** Мы встретились со множеством паломников, которые прибыли из Дамаска и из других областей.

В Лазареву субботу мы посетили аль-'Азарию[5] и отслужили литургию на Елеонской горе. К вечеру мы пришли в храм Воскресения

[1] На Востоке до сих пор существует традиция раздавать паломникам кусочки ваты, пропитанные миром от чудотворных икон.

[2] Городские ворота в Каире, сооруженные знаменитым фатимидским военачальником Джаухаром ас-Сакали (ум. в 992 г.). Название («Врата победы») связано с тем, что ворота служили для триумфального въезда египетских армий.

[3] Никольский монастырь, расположенный к северу от патриархии; одна из грузинских обителей Иерусалима. Согласно местному преданию, на этом месте располагался дом, где останавливался свт. Николай во время своего паломничества в Святую землю.

[4] Объяснение этого наименования остается спорным. Автор привел название монастыря в локальной арабской традиции, впоследствии забытой.

[5] Селение на юго-восточном склоне Елеонской горы, отождествляемое с Вифанией; ныне пригород Восточного Иерусалима. Современное арабское название связано с именем Лазаря, гробница которого там находится.

Господня и отслужили всенощную. На следующий день мы служили литургию вместе с отцом митрополитом Афанасием, владыкой Вифлеемским[1]; там были митрополит Газы и митрополит Амиды[2]. Мы побывали у Святого Живоносного Гроба, на Святой Голгофе, в пещере Креста[3] и у других святынь.

В тот же день Вербной недели, когда мы вышли из храма Воскресения, нам оказал гостеприимство хури Йуханна ибн Наср аль-Халили – да продлит Господь его дни и да хранит его детей! Это был третий день после кончины его отца. Нас принимали у себя жители Иерусалима – да продлит Господь жизнь их! Когда мы прибыли в монастырь Мар Михаила[4], нам оказали гостеприимство отец **[125v]** игумен и братия; они приготовили нам вечерю любви.

В Великий Понедельник мы отправились в монастырь Святого Креста[5]. Это величественный монастырь с кельями, где проживают игумен и братия. В нем великолепная церковь; алтарь сооружен на месте, где было срублено древо Святого Креста. Посетив его и поклонившись там, мы направились в Вифлеем и побывали в пещере Рождества[6]. В этой пещере все стены из мрамора и имеются два входа: один – южный, другой – северный. Мы побывали у всех святынь.

---

[1] Митрополит Вифлеемский (ранее 1629 – ок. 1634 г.), двоюродный брат патриарха Иерусалимского Феофана III (1608–1644), предположительно из семьи Каракаллов. Приезжал в Москву в 1627 и 1629 гг. от Феофана Иерусалимского. В 1629 г. привез возобновленную после утраты в московском пожаре ставленную грамоту патриарху Филарету Никитичу. См. о нем, в частности: *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством. СПб., 1895. Т. 1. С. 58–59.

[2] Город на юго-востоке Турции (совр. Диярбакыр), митрополия Антиохийской Церкви. В 1635–1647 гг. митрополитом Амиды был Филипп аль-Амиди, поставленный патриархом Евфимием III ас-Сакизи (см.: *Панченко К. А.* Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви... С. 132).

[3] Подземная часовня Обретения Креста.

[4] Архангельский монастырь в 700 м к северу от Храмовой горы, основанный сербским королем Стефаном Урошем II Милутиным Неманичем в начале XIV в. на месте явления Ангела Давиду (1Пар 21. 15–16); был ядром сербской общины в Святой земле.

[5] Знаменитый мужской монастырь в западной части Иерусалима, основанный в 1038 г. и с XI по XVII в. принадлежавший грузинской общине. Название связано с преданием о построении монастырского храма на месте, где произрастало древо Креста Господня; эту легенду подробно излагает Григорович-Барский (см.: Странствования Василия... Ч. 1. С. 336–338).

[6] Букв.: «Честной Колыбели».

По дороге мы зашли в монастырь святого Илии[1]. Это большой монастырь с кельями и жилищами, изумляющими взоры. Братия оказала нам гостеприимство. Затем мы вернулись в монастырь Святого Креста и переночевали там.

Встав поутру в Великую Среду, мы направились во Святой град Иерусалим. В Великий Четверг мы служили литургию вместе с отцом митрополитом, владыкой Вифлеемским, в маленьком приделе в церкви Марии Магдалины[2] – там, где **[126r]** Господь встретил ее по Воскресении Своем из гроба и сказал ей: «Не приближайся[3] ко Мне». Был совершен чин Умовения ног у врат Храма Воскресения.

Вечером Великой Пятницы мы вошли в святой храм Воскресения и совершили чин Погребения в пятом часу вечера. То была великая ночь.

В субботу до наступления вечера явился Святой свет[4]. Настал час поистине великий. Мы вошли и отслужили в главном алтаре литургию Василия Великого. В четвертом часу ночи архиереи и все священники облачились, и была отслужена пасхальная утреня у входа в Гроб Господень. Пасхальное лобзание происходило у входа в алтарь. Мы завершили пасхальную литургию за час до наступления рассвета. После того как рассвело, храм Воскресения открыли[5], и все паломники вышли. Нам оказал гостеприимство шейх Хабиб Абу Салим – Бог да хранит его и его сына! **[126v]** Он приготовил нам царскую трапезу, после чего мы поднялись наверх и прилегли ненадолго.

На следующий день, в понедельник, мы отправились в монастырь Святого Креста; там была отслужена литургия. Во вторник я, убогий, служил в соборе монастыря Святого Креста. Затем мы возвра-

[1] Монастырь Илии Пророка расположен на юге Иерусалима на пути к Вифлеему; основан в VI в. на месте явления Ангела пророку Илии, скрывавшемуся в пустыне от Иезавели (3 Цар 19. 4–8).

[2] Придел св. Марии Магдалины в храме Гроба Господня, вблизи от Кувуклии.

[3] Ин 20. 17. В евангельском тексте: «Не прикасайся».

[4] Благодатный огонь у арабов-христиан называется согласно греческой традиции (τὸ Ἅγιον Φῶς). Обстоятельства его схождения в 1636 г. описал В. Гагара, который тогда находился в Иерусалиме на Пасху (см.: Житие и хождение в Іерусалим и Египет казанца Василія Яковлева Гагары... С. 33–37).

[5] Стражами дверей храма Гроба Господня с 1246 г. является мусульманское семейство Нусейба; раньше их открывали за плату на короткое время ради групп паломников: «идеже егда впустиша нас, оставиша вратам отверзтим бити яко полчаса, поклоненія ради народа Іерусалимского» (см.: Странствования Василия... Ч. 1. С. 315). Такой порядок был заведен со времен Салах ад-Дина (см.: *Кириллина*. «Очарованные странники»... С. 61).

тились в Иерусалим и завершили посещение всех его монастырей и церквей.

В пятницу мы отправились в обитель святого Саввы[1] и отслужили там всенощную. Это величественный, царский[2] монастырь, расположенный в долине; в нем есть башни, кельи, церкви и равноангельные святыни.

В субботу утром мы служили в церкви святого Георгия, потому что был его праздник. После литургии мы зашли в трапезную и отведали предложенное.

В канун Фомина воскресенья мы вернулись в Иерусалим, пришли в храм Воскресения и отслужили всенощную. На следующий день, в воскресенье после Светлой седмицы, я, убогий, служил **[127r]** в верхнем храме на Голгофе. Попрощавшись со святынями, мы вышли и приготовили съестные припасы в дорогу, собираясь к себе на родину, в богохранимый город Дамаск.

После полудня мы выехали из Иерусалима и, достигнув деревни аль-Бира[3], переночевали там. Оттуда наш путь был в Наблус, в Дженин, далее к ʻУйун-ат-Туджжар; там были люди из Дамаска, строители, которые оказали нам гостеприимство. Из ʻУйун-ат-Туджжар мы направились к озеру аль-Минья, то есть к Тивериадскому озеру, а оттуда – к мосту Иакова. От моста Иакова – в аль-Кунейтру; это место с великолепными каменными строениями. Далее – в Саʻса', где тоже имеются сходные сооружения. Туда мы прибыли во второе воскресенье после Пасхи. В понедельник вечером мы выехали из Саʻса'. В Дамаск мы вступили **[127v]** утром во вторник и отдохнули от трудов путешествия, после того как достигли желаемого. Хвала Господу за дарованное нам Его милостью! Записано в упомянутом году. Завершено при содействии Божием.

Описание всех церквей, находящихся в окрестности святой горы Синай (хвала Богу!). Во-первых, великая церковь, кафоликон, то есть соборная – во имя Преображения Господня. Это церковь со сводом посередине, на 12 колоннах; высота каждой – как три опоры под арками в этой церкви. В каждой колонне мощи святых. Ко-

[1] Лавра прп. Саввы Освященного в Иудейской пустыне. В оригинале – *sīq Sābā* («пещера Саввы»); так называется нынешний скит Саввы Освященного (первая келья святого, положившая начало монастырю).

[2] Слово «царский» в то время употреблялось в значении «великолепный».

[3] Ныне заброшенная арабская деревня в 7,5 км к северу от г. Бисан (Бейт-Шеан, библ. Бефсан).

лонны наглухо закрыты мраморной плитой[1], и на каждой находится медный крест работы царских мастеров. К каждой колонне подвешена икона месяца, на которой изображены все святые и праздники, память которых совершается в этот месяц. Перед каждой колонной висит серебряная лампада размером с ларец. **[128r]** В церкви имеются стеклянные окна, резьба над арками, две галереи справа и слева. В галерее справа четыре придела, по правую сторону от входящего. Первый посвящен целителям Косме и Дамиану, второй – святому Симеону, третий – в честь праведных Иоакима и Анны, четвертый, близ главного алтаря, – в честь синайских отцов, принявших мученичество, и Иоанна Лествичника. И с левой стороны от входящего четыре придела: первый – в честь мученицы Ирины, второй – царственных Константина и Елены, третий – святого Антипы, четвертый, близ главного алтаря, – во имя святого **[128v]** Иакова Рассеченного. Позади главного алтаря находится церковь Купины, «Агиа Ватос»[2]. Всего – десять престолов в соборной церкви.

В монастыре между кельями имеется двадцать церквей. Всех же монастырей и церквей снаружи, которые находятся на святой горе – Горе Откровения и у подножия ее, – шестнадцать. Первая – церковь на вершине Горы Откровения, в честь Моисея пророка, вторая – в честь Илии пророка, третья – Елисея, его ученика, четвертая – святой Марины, пятая – святой Анны, матери Богородицы, шестая – Иоанна Крестителя, седьмая – святого Георгия, восьмая – церковь Пояса Богородицы, девятая – Пантелеимона, десятая – Богородицы Споручницы. Одиннадцатый – монастырь в аль-Леджа в честь Сорока мучеников, двенадцатый – в честь Онуфрия, тринадцатый – монастырь в ар-Рабве в честь апостолов Петра и Павла, **[129r]** четырнадцатая – церковь Богородицы в Карм-Дауд, пятнадцатая – церковь Бессребреников, святых целителей Космы и Дамиана, шестнадцатая – кладбищенская церковь во имя Успения Владычицы. Всего – 46 церквей[3]. Длина соборной церкви – 120 шагов, ширина ее – 60 шагов. Длина монастыря по окружности снаружи – 64 локтя на 64, а ширина его – 60 на 60 локтей.

[1] Плиты закрывают небольшое углубление в колоннах, куда вложены частицы мощей святых.

[2] Греч. ἡ Ἁγία Βάτος – «святой куст».

[3] Данные о количестве церквей в источниках разнятся. Так, современник автора В. Гагара, посетивший Египет в том же году, писал, что в окрестностях горы Синай имеется «четыредесять монастыре, и все пусти» (Житие и хождение в Іерусалим... С. 70).

Хвала Богу вовеки!
Завершено при содействии Всевышнего. Аминь.

Переписывание сего закончено в святой четверг Вознесения, девятый день благословенного месяца мая, лета 7197[1] от отца нашего Адама – мир ему! – рукой убогого, грешного раба Симеона, называемого иереем, монаха только по облачению[2], служителя[3] обители Владычицы нашей, монастыря аль-Баламанд (Господь да дарует ему процветание на веки вечные!). Аминь.
Хвала Богу вовеки!

Макарий III ибн аз-За'им. История Антиохийских патриархов (фрагмент)

(Предисловие К. А. Панченко, перевод Р. И. Касумова, комментарии Р. И. Касумова и К. А. Панченко)

Патриарх Макарий III ибн аз-За'им (на кафедре 1647–1672 гг.) выступает стержневой фигурой антиохийской церковной истории и арабо-христианской литературы раннего Нового времени[4]. Из всех культурно-политических проектов этого неутомимого деятеля самым главным для него самого, несомненно, было возрождение исторической памяти своего народа. В первую очередь это означало написание истории Антиохийской Церкви, воссоздание преемства первосвятителей, восходивших на кафедру апостола Петра. Макарий много раз обращался к этой теме, он посвятил ей ряд трудов, которые потом дополнял и дорабатывал всю жизнь.

Изначально это были два сочинения – история Антиохийских патриархов от апостола Петра до начала Крестовых походов и недавняя для Макария история от вступления на патриаршество Иоакима IV ибн Джум'а (1543) до избрания самого Макария (1647). Если первый

[1] 1689 г. от Р. Х.

[2] Самоуничижительная формула.

[3] В мелькитской рукописной традиции слово *ḫādim* «слуга, служитель» обычно употребляли игумены и епископы перед наименованиями своих обителей и кафедр, поэтому в данном контексте возможно значение «игумен».

[4] См. о биографии и литературном творчестве Макария введение к настоящему тому, а также: GCAL. Bd. 3. S. 94–112; HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 87–127, 196–197, 201–202; *Панченко К. А.* Макарий III, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2016. Т. 42. С. 534–543; *Walbiner C.* Macarius Ibn al-Za'īm // CMR. Vol. 10. P. 343–354.

из этих трактатов восходил к византийской исторической традиции, то второй содержал уникальную информацию, почерпнутую из устного предания и утраченных впоследствии документов. Именно этот труд патриарха предлагается вниманию читателей в настоящей Антологии. Хронологическую лакуну между двумя историческими повествованиями Макария попытался восполнить Павел Алеппский, составивший свой перечень патриархов от эпохи крестоносцев до начала патриаршества своего отца. Павел задействовал несохранившуюся до наших дней хронику Антиохийского патриарха Михаила II (1395–1404), а также колофоны исторического содержания, найденные им в различных рукописях[1].

Одна из ранних версий сочинения Макария об истории его недавних предшественников сохранилась в рукописном сборнике-автографе Макария, именуемом «Изящный сборник» (*Maǧmū' laṭīf*) и датируемом 1657 годом. Ж. Насралла издал этот текст в приложении к своему исследованию о хронологии правлений Антиохийских патриархов[2].

Несколько более позднюю версию исторических трудов Макария воспроизвел в своей хронике дамасский священник Михаил Брейк († после 1781 г.). Брейк дословно переписал оба сочинения Макария, истории патриархов I–XI вв. и XVI – середины XVII в., а промежуток между ними заполнил данными, почерпнутыми из вышеупомянутого исследования Павла Алеппского, и рядом сведений, найденных в источниках самостоятельно. Хроника Михаила Брейка впервые была введена в научный оборот еп. Порфирием (Успенским)[3]. Полноценная арабская публикация этого источника вышла в свет под редакцией Н. Каидбей только в 2006 г.[4]

В эту редакцию была включена биография наставника Макария митрополита Мелетия Кармы, отсутствующая в версии, опубликованной Ж. Насраллой. Также, описывая положение христиан Восточной Анатолии при патриархе Иоакиме VI ибн Зийаде (1593–1604), Макарий в поздней редакции текста добавил собственные впечатления от поездки по этой стране и встреч с местными христианами

[1] Этот текст был включен Павлом в состав его грандиозного труда «Путешествие Макария» и доступен отечественному читателю в русском переводе: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 676–688.

[2] См.: CPMA: 1500–1634. P. 75–81.

[3] См.: Список Антиохийских патриархов // ТКДА. 1874. № 6. С. 346–457.

[4] См.: *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2006.

в 1664 г.: «И я, смиренный, видел их, когда посещал их землю, и увидел я там многое, что заставит даже камни плакать»[1]. В силу этого для включения в Антологию было отдано предпочтение не оригинальному тексту Макария из «Изящного сборника», а более поздней и полной редакции в передаче Михаила Брейка. Между вариантами текста, опубликованными Ж. Насраллой, еп. Порфирием (Успенским) и Н. Каидбей, существует еще несколько расхождений, помимо указанных выше, – все они отмечены в примечаниях.

Перевод[2]

129[3]. Патриарх Иоаким ибн Джум'а.

После кончины вышеупомянутого патриарха Дорофея жители Дамаска избрали новым патриархом блаженного Иоакима ибн Джум'а, который в то время был митрополитом Бейрута[4]. Он возглавлял Бейрутскую епархию 11 лет и был рукоположен в сан патриарха Антиохийского в 7051 году от сотворения мира[5]. И жил в дни его патриаршества покойный ныне Макарий ибн Хиляль, епископ Кары, который упорно боролся с Иоакимом за патриаршество[6]. И разделилась тогда паства на две части. Иоаким со своими сторонниками молился в церкви святых Киприана и Иустины, Макарий же со своими последователями молился в церкви святого Анании, которая тогда принадлежала христианам[7]. И произошел тогда великий раскол между двумя общинами, который продолжался в течение

[1] *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya. P. 142.

[2] Перевод выполнен Р. И. Касумовым по изданию: *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2006. P. 137–154. Комментарии Р. И. Касумова и К. А. Панченко.

[3] Цифра перед именем патриарха указывает на его порядковый номер в чреде предстоятелей Антиохийской Церкви.

[4] В варианте истории Антиохийских патриархов, опубликованном Ж. Насраллой, отмечается также, что Иоаким ибн Джум'а был уроженцем Дамаска (см.: СРМА: 1500–1634. P. 75).

[5] 1543 г. от Р. Х. О патриаршестве Иоакима см.: СРМА: 1500–1634. P. 30–35; *Панченко К. А.* Иоаким IV, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 164–165.

[6] См. о нем: СРМА: 1500–1634. P. 36–37; *Панченко К. А.* Триполийское гнездо: Православная община г. Триполи в культурно-политической жизни Антиохийского патриархата XVI – первой половины XVII в. // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 217–219.

[7] См. о церкви св. Анании: *Nasrallah J.* Souvenirs de St. Paul. Damas, 2001. P. 33–42; *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 122.

семи лет, и обе они понесли большие денежные потери. В последний же год заболел Макарий, и послал он тогда за Иоакимом и испросил у него прощения. Затем принял он от Иоакима великую схиму монашескую и вскоре скончался. И воцарились тогда любовь и мир среди православных. Иоаким же сказал: «Вот теперь я действительно стал патриархом».

В то время был у жителей Дамаска скверный обычай брать за своих дочерей в качестве приданого слишком много денег. И сколько бы ни давал жених своей невесте, ее родители этим не удовлетворялись и просили еще больше. И жил тогда в квартале Ханания один богатый человек, у которого была взрослая дочь. И обручил он ее с одним юношей, который дарил постоянно своей невесте подарки и деньги, домогаясь бракосочетания с нею. Тесть же его, не довольствуясь этим, требовал все больше и больше. В конце концов дочь его пришла в большое негодование из-за происходящего. И был у нее сосед, мусульманский воин, который отправил к ней одну скверную женщину и с помощью нее обманул девушку, заставив ее пойти к мусульманскому судье и отказаться от Христа, после чего девушка вышла за этого воина замуж. Затем она вызвала своего отца в суд и несправедливо взыскала с него 7 тысяч пиастров. И было это к величайшему стыду и неописуемому позору его и всех христиан.

В связи с этим блаженный патриарх Иоаким ибн Джум'а собрал всех епархиальных архиереев и составил с ними священный Собор, известный как Дамасский. И установили они тогда, что размер приданого для дев и вдов может быть четырех разрядов: первый разряд – 10 пиастров с придатком 2 пиастра; второй – 20 пиастров с придатком 4 пиастра; третий – 30 пиастров с придатком 6 пиастров; четвертый – 40 пиастров с придатком 8 пиастров. И должны они быть употреблены на подарки, оплату расходов на празднества, еду, питье и прочее. И должно всем делать это со страхом Божиим и с любовью искренней при одобрении местных священников и богоугодным образом. И было это постановление записано на камне внутри Дамасской церкви, который находится там и поныне. Затем отправили посланников к остальным трем патриархам, и вскоре пришли от них извещения о признании прошедшего священного Собора. И было это все в 7081 году от сотворения мира[1].

Блаженный патриарх Иоаким ибн Джум'а хорошо управлял апостольским престолом и с любовью заботился о пастве своей. Пре-

[1] 1572/3 г. от Р. Х.

бывал же он на престоле 33 года, пока душа его не отошла к Господу в 7084 году от сотворения мира[1].

130. Патриарх Михаил VII.

Обращаемся к Михаилу. И собрались все епархиальные архиереи в Дамаске и выбрали трех из них в качестве кандидатов на пост патриарха, а именно: епископа Халеба Григория, митрополита Евхаитского Михаила и митрополита Триполи Иоакима Дау. И сказали им члены собора: «Войдите втроем в патриархию и договоритесь о том, кого из вас мы сделаем патриархом». Тогда епископ Халеба, имевший там четырех братьев и родственников и не желавший расставаться с ними, взял лист бумаги и написал: «Автор сих строк, епископ Халебский Григорий, заявляет, что с одобрением принимает Евхаитского митрополита Михаила как своего патриарха». И митрополит Триполийский Иоаким, когда увидел это, написал то же самое.

И вышли тогда эти три архиерея к остальным членам собора, показали им написанное и сказали всем о своем решении. И возрадовались тогда многие и написали такие же письма. И рукоположили они тут же Михаила в сан патриарха Антиохийского, и было это в 7085 году от сотворения мира[2]. Я же нашел записи об этом в одной греческой книге. И стал патриарх управлять престолом. Но уже вскоре началась вражда между ним и некоторыми мирянами. И вызвали они его, в конце концов, к мусульманскому судье и несправедливо обвинили в каноническом проступке. И вошел тогда один падший человек из числа монахов его, которого они подкупили, и свидетельствовал о том, что патриарх это сделал. И заставили враги его из числа мирян отречься от священства[3]. Патриарх же был крайне удручен происходившими злодеяниями. И заставили тогда его написать худжат[4] об этом отречении, после чего покинул он Дамаск и вернулся в свой родной город Хаму. Новость же о случившемся с ним распространилась по всей стране. И отправился тогда к нему епископ Халеба и начал винить его за сделанное, за оставление

[1] 1575/6 г. от Р. Х.

[2] 1576/7 г. от Р. Х.

[3] В версии, опубликованной Насраллой, стоит «...отречься от престола» (CPMA: 1500–1634. P. 76). В переводе еп. Порфирия (Успенского) оба пункта требований, предъявленных Михаилу, объединены: «Миряне, враги его, требовали от патриарха отречения от престола и даже хотели лишить его архиерейского сана» (Список Антиохийских патриархов // ТКДА. 1874. № 6. С. 427).

[4] Худжат (ходжет) – юридический документ на право владения чем-либо, в данном случае – акт об отречении от патриаршего престола.

патриаршества из-за клеветы и лжи, без собора патриархов и лишь из-за слов мирян. И раскаялся Михаил, и отслужил литургию в Хаме в присутствии архиереев из числа его сторонников и местных священников, и отлучил дамаскинцев[1].

131. Патриарх Иоаким V Дау.

Дамаскинцы же призвали к себе митрополита Триполийского Иоакима Дау и сделали его своим патриархом. И стал тогда Иоаким патриархом Антиохийским в Дамаске. И он также отслужил там литургию в присутствии архиереев и священников из числа его сторонников и отлучил Михаила вместе с его последователями. И разделилась тогда патриархия на две части. И начались распри великие и неописуемые, и понесли обе стороны убытки неисчислимые. И были те, кто из-за тяжести своего положения отрекся от веры христианской. Были и те, кого несправедливо убили среди всего происходившего зла.

Затем Михаил назначил епископа Халебского своим вакилем во всех местностях, где были его последователи, и благословил его носить саккос[2]. А в былые времена не было такого обычая, чтобы архиерей Халебский носил саккос. После же этого Михаил прибыл в Константинополь и встретился с патриархом Вселенским, которым был тогда Иеремия[3]. Патриарх вместе с собором архиереев патриархата вынес решение в пользу Михаила, после чего тот вернулся в Халеб с султанскими указами и в сопровождении солдат. И приумножилась тогда злоба, и ухудшились дела. И отрекались отцы от сыновей, братья от братьев, жены от мужей и священники от сослужителей своих. И начались между ними раздоры великие, и случались дела, достойные лишь слез и рыданий. И совершались тогда хиротонии и молитвы не для прославления Бога, но ради противодействия друг другу.

[1] О патриаршестве Михаила аль-Хамави и последующей борьбе Михаила и Иоакима см.: CPMA: 1500–1634. P. 38–46; *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 223–228.

[2] Верхнее архиерейское богослужебное облачение в виде длинной просторной одежды с короткими широкими рукавами. В раннеосманскую эпоху в Антиохийской Церкви ношение саккоса было прерогативой патриархов и, как видим, лишь в исключительных случаях эта привилегия жаловалась епархиальным архиереям.

[3] Иеремия II, патриарх Константинопольский в 1572–1579, 1580–1584 и 1586–1595 гг. В отечественной истории известен в связи с его ролью в учреждении патриаршего престола в Москве в 1589 г.

Затем во второй раз отправился Михаил в Константинополь. И присудили ему оставить престол патриарший и занять прежний свой престол митрополита Евхаитского, чтобы кормиться с него до конца жизни. И отправился Михаил обратно из Константинополя по морю, но по приближении к острову Родос скончался[1]. И там он был похоронен с почестями. Могила его и поныне там и весьма почитается местными жителями. Занимал же он престол патриарший семь лет.

И осталась патриархия в руках одного Иоакима. И во дни его улучшилось положение христиан. Но было у престола Антиохийского много долгов, посему отправился Иоаким в Константинополь, а оттуда в земли христианские, чтобы собрать деньги для выплаты долгов. И прибыл он в Московию, а затем выехал в Киев, что в Малороссии. Было это в 7092 году от сотворения мира[2], о чем я, смиреннейший, видел там запись. Есть там и поныне портрет его в митрополии Киевской вместе с портретами патриарха Константинопольского Иеремии, патриарха Александрийского Мелетия и патриарха Иерусалимского Феофана[3].

Затем отправился оттуда патриарх Антиохийский Иоаким обратно в Фессалоники, где сел на корабль и отплыл в Триполи, а оттуда – в Дамаск. И там он пробыл некоторое время, управляя своим народом. Жил же тогда в патриархии тот самый несчастный монах, который лжесвидетельствовал против патриарха Михаила. Однажды

[1] Утверждение Макария о кончине патриарха Михаила на Родосе в 1583 или 1584 г. ошибочно. Экс-патриарх встречался с папским легатом Леонардо Абелем в 1585 г., что подтверждено документально, а скончался в декабре 1592 г., даже ненадолго пережив своего соперника Иоакима Дау. Впрочем, все эти годы Михаил оставался не более чем частным лицом. См.: *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 227.

[2] 1584 г. от Р. Х. О путешествии Иоакима Дау в Восточную Европу см., напр.: *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Т. 1. С. 169–179; *Крачковский И. Ю.* Грамота Иоакима IV, патриарха Антиохийского, львовской пастве в 1586 году // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 445–454; *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 2. С. 12–16; *Панченко К. А.* Россия и Антиохийский патриархат: начало диалога (конец XVI – первая половина XVII в.) // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 327–330.

[3] Макарий упоминает о своем посещении резиденции Киевского митрополита на обратном пути из Москвы в июне 1656 г. Ср. описание этого же эпизода у Павла Алеппского: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 538.

он заболел и попросил патриарха прийти к нему и принять его исповедь. И стали тогда священники упрашивать патриарха выполнить эту просьбу. Когда патриарх пришел к больному и начал его исповедовать, монах-лжесвидетель сказал: «Прости меня, отец мой, воистину я впал в заблуждение и согрешил пред лицом Бога, когда солгал и лжесвидетельствовал против патриарха Михаила». Патриарх же, услышав это, сильно разгневался на монаха и ответил: «Я всегда считал, что ты сказал правду о патриархе Михаиле, и всегда говорил, что тот, кто совершил прегрешение, о котором свидетельствовал один лишь ты, не достоин патриаршего престола. Именно поэтому я оставил сан митрополита и стал патриархом. А сейчас я узнал, что я отлучен от Церкви за то, что сместил достойного патриарха с престола и занял его место. И вот действительно я – пятый патриарх. А каждый пятый патриарх отлучен от Церкви. Знай же, несчастный, что именно из-за твоего обмана и лжесвидетельства против патриарха ты отлучаешься от Церкви и отдаляешься от славы Божьей! Да не простит Господь твои грехи ни в нынешнем веке, ни в будущем». Потом он оставил его и ушел. Так и погиб этот монах. Вскоре же после этого патриарх отправился навестить христианских жителей Хаурана. Там он скончался и был похоронен. Пребывал же он на патриаршем престоле...[1]

132. Патриарх Иоаким ибн Зийаде.

И после этого избрали они[2] Иоакима, митрополита Хомса, прозванного Ибн Зийаде и бывшего родом из селения аш-Шабинийа в области аль-Хусн[3]. И сделали они его патриархом Антиохийским.

[1] В текстах, опубликованных Н. Каитбей и Ж. Насраллой, дальше идет пропуск. Однако в издании еп. Порфирия указано, что Иоаким находился на престоле патриарха Антиохийского 10 лет (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 429). По данным Павла Алеппского, Иоаким во время посещения Хаурана «был мученически умерщвлен» (Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 680). О патриаршестве Иоакима Дау см.: *Панченко К. А.* Иоаким V, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 165–167.

[2] Кто именно, жители Дамаска или епархиальные архиереи, не уточняется. Как пишет Павел Алеппский, после Иоакима Дау «престол целый год оставался без патриарха, пока не был поставлен на него кир Иоаким, митрополит Эмесский» (Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 680). Избрание Иоакима ибн Зийаде произошло в 1593 г.

[3] В версии Насраллы деревня, где родился Иоаким, называется ас-Сисиния (см.: CPMA: 1500–1634. P. 78), в транскрипции еп. Порфирия – Сепсиние (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 429). Аль-Хусн – область в Сирии, находящаяся между городами Хомс и Тартус, долина реки Нахр-аль-

Иоаким хорошо управлял своей паствой в течение 11 лет. В дни его жил один уроженец Дамаска из дома аль-Кибаб, облекшийся в одежду монашескую, но по внешности только, не по делам. И в таком ложном образе бродил он по всей стране. Мусульмане Халеба много раз видели его в местных кофейнях пьющего и едящего по утрам Великого поста. И рассказали они о нем халебским священникам. Священники же халебские поведали об этом мне. Они хорошо знали его и знали о его дурном образе жизни. Тогда он покинул Халеб и отправился в страны аль-Кемах, Джамизкезек и округу их, а это страны восточные[1]. Там он выдавал себя за митрополита, посланного к местным жителям патриархом Антиохийским, и были у него поддельные грамоты от имени патриарха. Люди же, по благочестию своему и простоте, а также из-за того, что никогда не посещал их архиерей, приняли его с большим почетом. И начал он служить с ними литургии, рукополагать священников, диаконов и монахов и исполнять все обязанности, которые должно исполнять архиереям.

Патриарх Иоаким ибн Зийаде, узнав о нем, сильно разгневался, особенно услышав о том, что самозванец собрал с людей много денег. Ибо было тогда там столько христиан, сколько сейчас их во всех епархиях Антиохийской патриархии. И отправил тогда патриарх к митрополиту Халебскому Макарию по прозвищу Ибн Халяф, послание, в котором поручил ему отправиться в Константинополь и сообщить о случившемся патриарху его. Он также отправил через митрополита письмо, в котором подробно все изложил. И отправился тогда Халебский митрополит в Константинополь и вручил письмо патриарха Антиохийского Константинопольскому патриарху. Тот же, прочтя письмо и ознакомившись с его содержанием, сообщил об этом деле великому визирю. И тогда отправил великий визирь к самозванцу своих людей во главе с чаушем[2], и привели они его в Константинополь к визирю вместе с деньгами, собранными с христиан. Когда же потребовали от него эти деньги, он в тот час же отрекся от Христа и отдалил себя от Бога.

Кабир. До настоящего времени в регионе сохраняется высокая концентрация христианского населения.

[1] Кемах – город в верхнем течении Евфрата, несколько ниже г. Эрзинджан. Джамизкезек (Чемишгезек) – селение на одном из левых притоков в верховьях Евфрата.

[2] Военно-полицейский чин, представители которого часто выполняли функции курьера, уполномоченного приводить в исполнение указания Высокой Порты.

Патриарх же Григорий от чрезмерного негодования заболел и скончался в Константинополе. Там он и был похоронен[1]. А что касается священников и диаконов, рукоположенных этим несчастным, то оба патриарха и священный Синод приняли решение об их повторном рукоположении, так как этот отлученный от Церкви обманщик не имел права их рукополагать. Так они и сделали с ними. Что же касается остальных христиан, то, когда они узнали, что самозванец отрекся от веры христианской, большая их часть последовала за ним, а за ними – другие, так что ныне осталось очень мало христиан в тех краях[2]. И я, смиренный, видел их, когда посещал их землю, и увидел я там многое, что заставит даже камни плакать[3].

Патриарх же Иоаким прожил благую жизнь, но под конец ее потерял зрение. И привели тогда дамаскинцы к нему архонта 'Абд аль-'Азиза ибн аль-Ахмара. И поставил его патриарх сначала диаконом, потом кассисом, потом хури, а затем митрополитом патриаршей кельи[4]. После же этого, против его воли, заставили они Иоакима поставить Ибн аль-Ахмара патриархом вместо себя. И по принуж-

[1] В данном месте возникает определенная путаница в персоналиях. Если в издании Н. Каитбей указывается, что от «чрезмерного негодования» в Константинополе заболел и умер местный патриарх Григорий (причем патриарх с таким именем в кон. XVI в. неизвестен), то в переводе еп. Порфирия сообщается, что это произошло не с Константинопольским патриархом, а с митрополитом Халеба Макарием (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 430). При этом в варианте, опубликованном Насраллой, утверждается, что вышеописанное случилось с «митрополитом Григорием», что, в свою очередь, является очевидной ошибкой, так как ранее Халебский митрополит в этой же версии текста правильно назван Макарий ибн Халяф (см.: CPMA: 1500–1634. P. 78). Судя по общему контексту, можно заключить, что архиерей, скончавшийся в Стамбуле «от чрезмерного негодования», – Халебский митрополит Макарий.

[2] Эта же история в сокращенном виде изложена Макарием в его трактате об антиохийских епархиях (см.: *Панченко.* Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // ВЦИ. 2012. № 1–2 (25–26). С. 131).

[3] Два последних предложения, начиная со слов «Что же касается остальных христиан...», отсутствуют в тексте «Изящного сборника», составленном в 1657 г. Они добавлены Макарием позже, под впечатлением от его поездки по Восточной Анатолии в 1664 г., где он стал свидетелем угасания последних очагов местного православия. См. сообщение Макария об этом: *Панченко.* Митрополиты и епархии... С. 141.

[4] Кассис и хури – разные градации священнического сана у православных арабов. Пост «митрополита патриаршей кельи» («епископа-келейника») периодически вводился в Антиохийской Церкви. Его носитель исполнял функции наместника патриарха в престольной епархии. См.: *Šārūn K.* Silsilat asāqifat Dimašq al-malikiyyīn // Al-Mašriq. 1909. T. 12. P. 912–920.

дению поставил он его, и посвятили его в сан, и назвал его Дорофеем. Патриарх же Иоаким покинул Дамаск в большом гневе на них. И говорили многие, что в ту ночь падали с неба на Дамаск метеоры огненные. Затем патриарх отправился в селение ас-Сисиния[1], а оттуда – в Египет[2], где он и скончался. Монахи взяли его священное тело и похоронили в стенах Синайского монастыря, где оно находится до сих пор[3].

133. Патриарх Дорофей IV.

И пребывал блаженнейший Дорофей на патриаршестве, наилучшим образом управляя делами апостольского престола. Под конец однажды он покинул Дамаск для обозрения состояния епархий. Прибыв в селение Хасбея в Сирии[4], совершил он там литургию и хиротонию. Выйдя же из церкви, он заболел и умер. Там он и был похоронен. Могила же его и поныне там. Пробыл он на патриаршестве семь лет[5]. А после смерти его начались раздоры. И было множество претендентов на патриарший престол.

134. Патриарх Афанасий ибн ад-Даббас.

В конце концов пришел митрополит Хаурана Афанасий по прозвищу Ибн ад-Даббас и добивался патриаршего престола для себя. Сначала его отвергли. Но затем он пообещал каждый год выплачивать за христиан недоимки по подушной подати[6]. И составили они расписку об этом. И возвели его в сан патриарха в 7119 году от сотворения мира[7]. И получил Афанасий престол. Спустя же некоторое

[1] См. примеч. 3 на с. 263.

[2] В издании еп. Порфирия – в Александрию (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 431).

[3] Иоаким ибн Зийаде был тесно связан с тогдашним Синайским епископом Лаврентием, возведенным на кафедру двумя епископами Антиохийского патриархата в 1593 г. против воли Александрийского патриарха Мелетия I Пигаса. Неканоничное рукоположение Лаврентия, поддержанное Иоакимом, вызвало тяжелый кризис в отношениях поместных Церквей Леванта. См.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 294–295. О патриаршестве Иоакима ибн Зийаде см.: CPMA: 1500–1634. P. 49–53; *Панченко К. А.* Иоаким VI, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 167–169; *Он же.* Триполийское гнездо... С. 241–243.

[4] Селение Хасбея находится в южной части хребта Антиливан, у реки аль-Хасбани, одного из притоков, образующих Иордан.

[5] Властный патриарх Дорофей, возможно, был отравлен кем-то из своих недругов. См. о его патриаршестве: CPMA: 1500–1634. P. 53–54.

[6] Речь идет о джизье.

[7] 1611 г. от Р. Х.

время он покинул Дамаск и обошел Хомс, Хаму, Халеб и Адану, после чего он отправился в Константинополь, где судился с митрополитом Халебским Мелетием[1]. Затем он вернулся в Дамаск. Когда же пришло время уплаты податей и дамасские христиане потребовали от него оплатить недоимки, то он не пожелал что-либо платить за них. По этой причине судились с ним в присутствии паши и судьи в Дамаске, после чего заключили его в крепость. И договорились тогда все христиане о том, чтобы низложить Афанасия с престола патриаршего[2].

135. Патриарх Игнатий 'Атыйа.

И выбрали они митрополита Сидонского Игнатия, прозванного 'Атыйа, и отправили вместе с ним священников и знатных христиан в Константинополь[3]. И там он был рукоположен в патриарха Антиохийского от Тимофея, патриарха Константинопольского, в воскресенье о самаряныне[4]. Спустя некоторое время он вернулся в Дамаск и взошел на престол патриарший. И вошел он в город в 7127 году от сотворения мира[5] к великой радости жителей Дамаска и стал управлять своей паствой.

Что же касается Афанасия, то он, после того как просидел некоторое время в крепости и выкупился, издержав немалую сумму денег, покинул Дамаск и отправился в Триполи, после чего обошел все местные земли. Там он и скончался спустя некоторое время. И похоронили его в монастыре Бикафтин. Могила его известна и поныне. *Управлял же он патриархией семь лет.*

---

[1] Мелетий Карма, поставленный Афанасием на Халебскую кафедру в 1612 г., судя по всему, уклонялся от уплаты патриарху ежегодных податей.

[2] О патриаршестве Афанасия см.: СРМА: 1500–1634. P. 54–55; *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 247–248.

[3] В издании Ж. Насраллы содержится следующее предложение: «И пожаловались они на дела престола Антиохийского Константинопольскому патриарху Тимофею» (СРМА: 1500–1634. P. 79).

[4] Датировка этих событий вызывает определенные затруднения ввиду противоречивых сообщений источников. В свое время я пытался разобраться в этих хронологических хитросплетениях (см.: *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 249–251) и склонился к выводу, что речь идет о воскресенье о самаряныне 7127/1619 г. Такая версия была воспроизведена мной в ряде публикаций: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 197; *Он же.* Игнатий III, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2009. Т. 21. С. 134–135. Впоследствии, однако, выяснилось, что в расчетах была допущена ошибка, и поставление Игнатия 'Атыйи, как и его соперника Кирилла Даббаса, следует перенести на воскресенье о самаряныне (3 мая) 1618 г.

[5] Соответствует 1.09.1618–31.08.1619 г. от Р. Х.

136. Патриарх Кирилл.

Был у него брат Кирилл, бывший тогда митрополитом Хаурана с именем Косма. И явился он в Триполи, где заручился помощью христианина хаджи Сулаймана, кяхьи паши триполийского Йусуф-паши Абу Сайфа[1], который разослал послания[2] митрополиту Хамы Симеону, митрополиту Хомса Лазарю и епископу аль-Хусна Дионисию, и доставил их силой в Триполи и повелел сделать Кирилла патриархом. И рукоположили они его в селении Амйун[3], что в земле триполийской. И произошло это воскресным днем в Неделю о самаряныне – тогда же, когда был рукоположен в Константинополе Игнатий[4]. И было это по воле Божьей из-за грехов паствы.

И стал, таким образом, Кирилл патриархом без одобрения дамаскинцев и всех антиохийских епархий. И обосновался он в Триполи и силою местного паши стал управлять всеми православными жителями этого края. И раскололись тогда епархии антиохийские на сторонников двух патриархов. Дамаск и его окрестности вместе с землями, подвластными дому Ма'ан, поддерживали Игнатия, так как был Ибн Ма'ан покровителем его[5]. Ибн Сайфа же поддерживал Кирилла. И начались тогда неописуемые распри, смуты и злодеяния между христианами епархий антиохийских. И понесли они потери неисчислимые.

Затем Кирилл отправил сына дяди своего Джирджиса аш-Шахира в Константинополь, где тот добился султанского берата о низложении Игнатия и его ссылке на Кипр. И послал он в Дамаск несколько воинов, на которых христиане издержали немало денег[6].

---

[1] См. о личности триполийского паши Йусуфа ибн Сайфы и его секретаря Сулаймана ибн Джирджиса: *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 214–215, 243–245, 249. Кяхья – управляющий делами.

[2] В версии текста по изданию Ж. Насраллы вместо слов «разослал послания» стоит: «в соответствии с приказом Ибн Сайфы, паши триполийского, отправил за ними солдат» (CPMA: 1500–1634. P. 79).

[3] Амйун – селение в горах к юго-востоку от Триполи, столица области Кура, до настоящего времени компактно заселенной православными.

[4] О патриаршестве Кирилла см.: *Панченко К. А.* Кирилл IV, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2014. Т. 34. С. 567–568.

[5] Фахр ад-Дин ибн Ма'ан (ум. в 1635 г.) – друзский эмир, политический гегемон Горного Ливана в первой трети XVII в. В конечном итоге был разгромлен османами, взят в плен и казнен. См. о его роли в антиохийской церковной истории: *Панченко.* Триполийское гнездо... С. 243–245, 248, 251–253, 259–263.

[6] Имеется в виду, чтобы подкупить уполномоченных Высокой Порты и склонить их закрыть глаза на невыполнение султанского распоряжения.

Затем отправился Кирилл из Триполи в Египет, где встретился он с патриархом Александрийским Кириллом[1] и пожаловался ему на свои обстоятельства. И отправил тогда патриарх Александрийский дамаскинцам послание, в котором укорял их за то, что поставили они на престол патриарший Игнатия. Жители же Дамаска отправили патриарху Александрийскому письмо, в котором написали: «Мы не хотим Кирилла и не желаем, чтобы он был нашим патриархом. Ты же должен заниматься делами своей паствы, а принуждать нас к чему-либо и приказывать нам делать то, чего мы не желаем, права ты не имеешь». И разгневался тогда патриарх Александрийский и отслужил литургию вместе с Кириллом. И приумножились тогда злодеяния, и усилились смуты, и начался великий раскол в большей части епархий антиохийских.

Когда же после этого умер Ибн Сайфа, Кирилл из страха перед Ибн Ма'аном бежал из Триполи[2]. И пришел он в Халеб и поселился в доме митрополита Мелетия[3]. И провел он там 42 дня, но ни разу не был приглашен Мелетием отслужить с ним литургию. И ни один из них не разделял с другим это дело. После этого Кирилл мирно и спокойно покинул Халеб и отправился в Константинополь, где был тогда патриархом Кирилл, бывший Александрийский патриарх, который оставил этот престол и назначил на свое место Герасима, а сам занял престол Константинопольский. И был он очень рад приезду Кирилла, и отправил он его в Валахию и Богданию, снабдив посланиями от себя к знатным людям тех стран[4]. И явился туда Кирилл, и приняли его с большим почетом. Потом вернулся он в Константинополь и отслужил с патриархом Константинопольским литургию. Затем же вновь он отправил оттуда в Дамаск нескольких

[1] Кирилл Лукарис (1572–1638) – выдающийся церковный деятель Православного Востока, патриарх Александрийский в 1601/2–1620 гг., Константинопольский – в 1621–1638 гг. с перерывами.

[2] Йусуф ибн Сайфа скончался в возрасте ок. 100 лет в 1625 г. Переселение Кирилла из Триполи в Халеб, судя по всему, произошло годом раньше, в 1624 г.

[3] Мелетий Карма (1572–1635), выдающийся церковный деятель Антиохийского патриархата, инициатор т. н. Мелькитского ренессанса, митрополит Халеба в 1612–1634 гг., патриарх Антиохийский с именем Евфимий II в 1634–1635 гг. См. о нем ниже в этом же тексте.

[4] Т. н. Дунайские княжества, Молдавия (араб. *al-Buġdān*) и Валахия, в течение нескольких веков выступали финансовыми донорами Иерусалимской Церкви, монастырей Афона, Синая и др. церковных структур Восточного Средиземноморья.

воинов с указом о низложении Игнатия. И опять издержали дамаскинцы немало денег.

И так то один добивался указа султанского о низложении другого, то второй делал то же самое. И поступали они так до тех пор, пока не стало бедственным положение христиан всех епархий антиохийских, в особенности же дамаскинцев, так что бывало иногда даже так, что ни один священник не служил в церкви, но все они убегали и скрывались, как священники, так и миряне. И если вдруг умирал кто-либо из знатных христиан, не находилось даже священника, чтобы похоронить усопщего. И случались тогда многие другие события, достойные лишь слез и рыданий.

Что касается Игнатия, то пребывал он тогда все время в Бейруте, Сайде, в других краях, которые были подвластны Ибн Ма'ану. В Дамаск же приезжать он не осмеливался из страха перед местными правителями. А затем Кирилл 27 августа[1] 7132 года от сотворения мира[2] приехал из Константинополя в Халеб. Но Мелетий, митрополит Халебский, не позволил ему поселиться в новопостроенной митрополии. Тогда Кирилл ушел от него и поселился в доме одного знатного армянина. И каждый, кто не любил Мелетия, отправлялся к Кириллу. И стали они дружить с людьми из других общин, и ни один не служил литургию с другим, а встречались они лишь по воскресеньям и по праздникам для молитвы. В будни же приходил на службу только Мелетий и один совершал литургию, что продолжалось в течение некоторого времени.

Затем Кирилл сам начал служить литургию по воскресеньям и праздникам с местными священниками, так как митрополит Халебский позволил ему это делать. А потом Кирилл вечером рождественского сочельника устроил великий пир, на который пригласил местную знать, шерифов[3] и воинов, а также пребывавших тогда в Халебе патриархов армянского и сиро-яковитского с их свитами. Пригласил он также знатных франков, некоторых членов нашей общины и знатных армян, которые служили тогда секретарями султанскими в Халебе. Позвали и Мелетия из митрополии и уговаривали его отслужить литургию вместе с Кириллом. Однако он отказался и удалился в свою митрополию, притворившись больным. Кирилл же отпраздновал Пасху в Халебе, а в среду, в праздник Пре-

[1] В издании Ж. Насраллы – 28 августа (см.: CPMA: 1500–1634. P. 80).

[2] 1624 г. от Р. Х.

[3] Потомки Мухаммада, обладавшие привилегированным статусом на средневековом Востоке.

половения Пятидесятницы, призвал он Мелетия к паше халебскому и потребовал от него уплаты денег за 12 лет[1]. И тогда по приказу паши нанесли ему за отказ выплатить деньги 80 палочных ударов, после чего бросили в тюрьму. Спустя 12 дней он вышел из заключения и выплатил немало денег, а после этого укрылся в доме одного мусульманского шейха.

На второй год пребывания Кирилла в Халебе, вечером в Вербное воскресенье, созвал он против Мелетия другое большое собрание. И спросили Мелетия, будет ли он служить с ним литургию. Но тот отказался, а после Пасхи отправился в Константинополь. Спустя некоторое время Кирилл последовал за ним туда. И завязалась между ними ссора великая. Затем Мелетий вернулся в Халеб, а спустя некоторое время, 7 октября 7136 года от сотворения мира[2], явился туда и Кирилл. И пришел он к правителю вместе со всеми христианами из числа его сторонников. И стали они судиться с Мелетием, после чего посадили его в крепость. И схватили они также 27 знатных мужей из нашей общины, и посадили их в тюрьму мутасаллима[3]. А спустя три дня их заставили выплатить большую сумму денег – так же как это было во время первого приезда Кирилла[4].

Затем Кирилл отправился в Дамаск. Местные жители не стали ему противиться, так как пребывали они в плачевном состоянии. Кирилл оставался там некоторое время. А затем отправил он послание к Ибн Ма'ану, в котором упрашивал его созвать Собор из всех архиереев епархий антиохийских и при участии Игнатия и самого Кирилла. И кого выберут тогда архиереи и все православные, тот и будет патриархом, а второму в кормление будет отведен один из епархиальных престолов. И сделал тогда эмир по слову его, и созвал всех архиереев и Игнатия в селении ар-Раас, что вблизи Баальбека[5]. И посылал он за Кириллом неоднократно, но тот не явился, ибо уже раскаялся в своих же словах. И присудили все участники Собора отдать престол патриарший Игнатию. Этот Собор также постановил много полезного и необходимого как для архиереев, так и для мирян в двадцати главах, которые сохранились в деяниях этого поместного

[1] Имеется в виду неуплата Мелетием податей патриаршему престолу.

[2] 1628 г. от Р. Х.

[3] Градоначальник, наместник.

[4] В издании еп. Порфирия указывается, что после уплаты денег знатных христиан выпустили из тюрьмы (см.: Список Антиохийских патриархов. С. 435).

[5] Селение ар-Раас или Рас-Баальбек находится в северной части долины Бекаа, в 32 км к северу от Баальбека.

Собора и которые всякий желающий может прочесть в патриархии или у некоторых христиан[1].

Эмир же Ибн Ма'ан, заручившись приказом властей дамасских, отправил своих людей за Кириллом в Дамаск, и они в цепях привезли его к нему. А когда эмиру доложили о прибытии Кирилла, он сказал: «Видеть его не хочу! Идите и убейте его». И тотчас же они убили его и бросили в расселину 'Айн-ар-Рахиб (Колодец/Пещера монаха), что неподалеку от Хермеля[2]. После этого Собор был распущен, а Игнатий один стал управлять патриархией. А жил он в Бейруте и его окрестностях.

В 7141 году от сотворения мира[3] выступили войска султанские по морю и по суше на войну с Ибн Ма'аном. Игнатий ушел тогда в Сайду, на митрополита которой Марка надел схиму монашескую, после чего тот скончался в его присутствии. Там Игнатий похоронил его. Возвращаясь переодетым в Бейрут, он был убит некими людьми около реки ад-Дамур. Похоронили его в церкви селения аш-Шувейфат[4]. А возглавлял он патриархию 14 лет.

137. Патриарх Евфимий III Карма.

И избрали тогда новым патриархом блаженного Халебского митрополита Мелетия. И пришли к нему старейшины дамасские и отвезли его туда с почетом великим. И было это по причине множества его добродетелей, умения хорошо вести дела и благих его назиданий, кои осветили все епархии антиохийские. И возвели его в сан патриарший 1 мая в Дамаске, назвав Евфимием, а прозвищем его было Карма. Он хорошо пас свой народ, но вскоре заболел. Перед смертью он избрал отца Мелетия ас-Сакизи своим преемником. Скончался же он в праздник святого Василия Великого в 7143 году

[1] См. Акты Собора в Рас-Баальбеке на с. 224–235 наст. изд.

[2] Хермель — город в северной части долины Бекаа, в 14 км севернее Рас-Баальбека. Ср. версию о кончине Кирилла в истории Антиохийских патриархов Павла Алеппского в переводе Г. А. Муркоса (см.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 681).

[3] 1633 г. от Р. Х.

[4] В изложении Павла Алеппского эта история выглядит так: «В начале войны османского правительства с упомянутым Фахрутдином и возникших вследствие того смятений в стране, в то время как вышеназванный патриарх, переодевшись ратником, тайком бежал из Сидона в Бейрут, друзы убили его среди дороги у реки ад-Дамур, не зная, кто он. Это случилось в (1634/35) 7143 году» (Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 681). Река ад-Дамур находится на середине пути между Сидоном (Сайдой) и Бейрутом. Аш-Шувейфат – деревня на приморской низменности в 10 км к югу от Бейрута.

от сотворения мира[1]. Пребывал он на престоле патриаршем восемь месяцев[2].

И[3] когда был я, ничтожный, учеником его, почтил он меня достоинством священства и дал он мне образование и обучил знаниям. Я же не желаю быть неблагодарным к благодеяниям его, посему считаю необходимым рассказать о добродетелях его, кои я наблюдал, и благих назиданиях его, кои я слышал, чтобы не быть мне наказанным, подобно зарывшему свой талант. И вознамерился я написать о жизни его замечательной для пользы братьев моих христиан, и чтобы уподобились начальствующие и подвластные им Мелетию в благодеяниях его и поучениях его ради прощения грехов их и обретения Царствия Небесного.

Знай же, что блаженный Антиохийский патриарх Евфимий был родом из города Хама. Родители его были благочестивыми людьми. Отец его был священником по имени Хауран[4], а мать его звали Са'адат. Еще во чреве матери он был избран Богом, ибо с раннего детства любил он добродетель и чтение непорочных книг. Он полностью избегал юношеских игр и шуток, днем и ночью посвящая себя учению и наукам. Отца его на пути из Триполи в Хаму убили разбойники. И остался блаженный Евфимий сиротой. Он во всем повиновался своей матери, усердствовал в благочестии, постах, молитвах, бодрствовании, творил метания без устали денно и нощно, вместе с товарищем его, блаженнейшим Варлаамом Подвижником, который позже пострижен был вместе с ним в монахи в монастыре святого Саввы, что в Иерусалиме, и скончался в конце концов в монастыре святого Саввы в Молдавии[5]. Жил же он, усердствуя в целомудрии, непорочности, чтении книг, посещении церквей, в спасении души

[1] 1 января 1635 г. от Р. Х.

[2] В издании еп. Порфирия ошибочно – «десять месяцев» (Список Антиохийских патриархов. С. 437).

[3] В издании Ж. Насраллы отсутствует текст с этого места и до начала описания патриаршества Евфимия ас-Сакизи.

[4] В переводе еп. Порфирия – «Ховрана».

[5] Варлаам выступает еще одним представителем Мелькитского проторенессанса, движения, которое, помимо литературного оживления, стимулировало подъем монашеского аскетизма, попытки возрождения ранневизантийского подвижничества. Лавра св. Саввы в Иудейской пустыне, где подвизались Мелетий Карма и Варлаам, была центром интернациональной монашеской республики, имевшей свои метохи (подворья) в самых разных странах. В частности, молдавский воевода Петр Хромой (1586–1592) пожаловал лавре монастырь во имя св. Саввы в Яссах, о котором и идет речь в тексте летописи (см.: *Панченко*. Ближневосточное Православие... С. 284).

своей смиренно и неустанно. И любил он все добродетели, ведя жизнь, угодную Богу. И стал он сосудом избранным Святого Духа, вместившим каждую добродетель. Каждый, кто смотрел на него и слышал сладостность его речей, сочащуюся медом добродетели, и наблюдал дела его праведные, дивился увиденному. Достигнув юношеского возраста, отправился он на поклонение святым местам и памятникам Божьего пребывания на земле, ибо желал он пламенно сделать это. Когда же исполнилось желание его благое и побывал он там, облекся он в схиму ангельскую и принял монашество в монастыре святого Саввы, расположенном в окрестностях Иерусалима, от настоятеля его отца Флавиана[1]. И прожил он там около двух лет, проявляя всяческое подвижничество в затворе[2].

Затем жители города его отправили ему послание, в котором упрашивали его вернуться к ним. И выполнил он их желание и вернулся в Хаму, чему они несказанно обрадовались. И возросло их счастье еще больше, когда начал он распространять среди них поучения свои. Затем рукоположил его митрополит Хамы блаженный Симеон сначала в диакона, а потом – в священника. И когда получил он достоинство иерейское, увеличилось рвение его. И поучал он народ. Являл он, во-первых, эту добродетель, а также приучал людей к благотворительности и милосердию, причем не только к жителям Хамы, но к каждому приходящему, кто в этом нуждался. Когда же распространилась молва о его благодеяниях, праведности и хорошем управлении, стали приходить к нему люди со всей страны, чтобы услышать речи его и лицезреть образ его. Услышав же поучения его, благодарили они Бога за то, что послал Он им этого праведного служителя.

И было в то время среди жителей Хамы много людей, имевших долги по выплатам податей. Из-за этого были верующие в большом

[1] Имеющаяся информация об игуменах лавры весьма отрывочна. Даты настоятельства Флавиана неизвестны. Принимая во внимание фразу о «юношеском возрасте» Мелетия, можно предположить, что его паломничество и монашеский постриг произошли на рубеже 1580-х и 1590-х гг., но до 1592 г., когда настоятелем лавры был некий Христофор (*Панченко*. Ближневосточное Православие... С. 176).

[2] Мелетий провел в лавре явно больше двух лет. Он был среди саввинской братии еще в первые годы XVII в., когда бóльшая часть монахов, спасаясь от насилий бедуинов, ранее сентября 1602 г. покинула лавру и перебралась в ее иерусалимское подворье – монастырь Архангела Михаила. Известна рукопись, переписанная Мелетием в этом монастыре в феврале 1604 г. (см.: Там же. С. 176–177).

стеснении. А в тот год прибыл в Халеб везир, который, идя на войну, остановился перезимовать в городе[1]. И отправился тогда блаженный Мелетий в Халеб, чтобы уговорить везира вычеркнуть многие имена должников его города из султанского дафтара[2], ибо имел он обычай помогать верующим словом и делом. И с Божьей помощью он это сделал, после чего пробыл в городе длительное время, поучая и просвещая людей. Затем, по воле Божьей, избрали его жители Халеба своим митрополитом, потому что не было в Халебе в то время митрополита[3]. И отправились они с ним в Дамаск, где рукоположил его покойный патриарх Афанасий в сан Халебского митрополита, дав ему имя Мелетий[4]. После этого вернулся он в Халеб и осветил души всех жителей его и всех приходящих житием своим добродетельным.

Заботился Мелетий в первую очередь о братьях своих христианах. Он записал имена бедняков, слепых, немощных, вдов и сирот в тетрадь и выделял им в каждый праздник определенное пособие. Он назначил вакиля[5], который собирал милостыню с верующих, а именно деньги, хлеб, мясо, фрукты и одежду, и сам распределял ее между ними, давая каждому по его нужде. Помимо этого он посещал больных в их домах, чтобы узнать, в чем они нуждались. И платил он за их жилье. Он назначил также другого вакиля для оказания помощи чужестранцам и приезжим[6]. Кроме того, он упорядочил бракосочетание дев и юношей по достижении ими соответствующего возраста, отменил выплаты больших сумм денег, причитавшихся за невест,

[1] Возможно, имеется в виду карательный поход великого везира Мурада-паши против мятежного курдского вождя 'Али Джанбулата в 1607 г. (см.: *Abdul-Rahim Abu-Husayn.* Provincial Leaderships in Syria, 1575–1650. Beirut, 1985. P. 27). Однако описание Макария больше напоминает одну из османских военных экспедиций против персов. Война Османской империи и Сефевидского Ирана тянулась с 1605 по 1639 г., и какой именно из походов имеется в виду, остается неясным.

[2] Дафтар (араб. *daftar* – «тетрадь») – документы османского налогового учета, сброшюрованные в книги.

[3] Халебский архиерейский престол пустовал с 1596/7 г., потому что раздоры между группировками местных христиан не позволили патриарху Иоакиму ибн Зийаде рукоположить кого-либо из кандидатов. Халебская епархия была временно передана под управление митрополита аль-Хусна Симеона (см.: *Панченко.* Митрополиты и епархии... С. 131–132).

[4] До принятия архиерейского сана Мелетий носил имя 'Абд аль-Карим. Его хиротония произошла 12 февраля 1612 г. (см.: CPMA: 1500–1634. P. 54).

[5] Вакиль (араб. *wakīl*) – заместитель, уполномоченный.

[6] Возможно, в этой подчеркнутой заботе о странниках нашел отражение тот факт, что Халеб лежал на одном из основных путей христианского паломничества в Святую землю, по которому шли караваны богомольцев из Анатолии и Закавказья.

воспретил празднование свадеб с барабанным боем и развлечениями. Он приказал, чтобы бракосочетания проходили в церкви с благословением и молитвами и запретил сборища в доме жениха. И отменил он обычаи, затрудняющие бракосочетания, такие как большие расходы и приглашение гостей. И сделал он это по двум причинам: во-первых, чтобы священный обряд бракосочетания проходил без непотребства[1]; во-вторых, чтобы возросла и приумножилась паства Христова[2]. И воспретил он также женщинам рядиться в иностранные одежды и красить лицо и брови, ибо все это старит лицо и тело и губит душу. А мужчинам он приказал не расточать деньги на яства, выпивку и одежду, а покупать лишь то, что необходимо. И указал им каждый день откладывать часть доходов на уплату хараджа и долгов верующих, а также для нищих, людей, которых постигли какие-то беды, и священников, чтобы всегда они были в достатке.

Затем он занялся строительством церквей и укреплением их и украшением. И поучал он священников вести жизнь праведную и придерживаться порядка подобающего, ибо они – свет этого мира. Он показывал им пример в исполнении этих добродетелей, ибо не пил он ни вина, ни арака, и совершенно не посещал пирушки. И приказывал он священникам и мирянам воздерживаться от пьянства и употребления вина и усердствовать в спасении души своей, помогать друг другу и любить друг друга всем своим сердцем[3]. Если же согрешит кто-то против другого человека, то следует прощать его от всего сердца. Именно так и поступал блаженный Мелетий с каждым, кто причинял ему зло. И заявлял он прилюдно: «Благо нам и польза от тех, кто нас ругает и оскорбляет, им же – беда».

И заботился он о том, чтобы выдавать девиц бедных и сиротствующих замуж, сочетая их браком с юношами, соответствующими им по возрасту и положению. И посещал он вдов, давая им утешения, помощь и наставления. Заботился он и о детях сиротствующих, воспитывая их. Мальчиков же он отдавал учителям, чтобы учили они их ремеслам мирским и догматам веры. Поступал он так же и с девушками. Когда же достигали они возраста соответствующего, сочетал он их браком с теми, кто им подходил. И жили тогда многие из них

[1] Дословно – «блуда».

[2] Христианские иерархи ясно осознавали, что облегчение процедуры бракосочетания способствует более ранним бракам и увеличению деторождения. Ср. в актах Собора в Рас-Баальбеке (с. 224–235 наст. изд.), правила 11, 13 и 21, также касавшиеся упорядочения семейно-брачных дел христиан.

[3] Ср. 12-е правило Собора в Рас-Баальбеке.

в миру в достатке, имея немало денег, имущества и детей. Многие верующие из любви к нему и его проповедям покидали свою родину и вместе с родными переселялись в Халеб, так что пречистая церковь не могла вместить и малой доли христиан. Ибо умножилось число прихожан, желавших совершить святую молитву, и стало их бесчисленное множество. И премного благословил их Бог. И предостерегал их Мелетий от праздности, лености и времяпровождения без дела и пользы. И усердно побуждал их к прилежанию в делах и воздержанию от хождения в гости друг к другу с женами и детьми. Но чтобы сидел каждый из них у себя дома и вкушал с женой своей и детьми своими то, что ниспослал ему Бог, довольствуясь дозволенным, избегая запретного и благодаря за это Всевышнего.

Проповеди его смягчали сердца каменные, склоняя их к милосердию и добродетелям. И спрашивали его многие по причине учености его и мудрости о вопросах запутанных, а он им все растолковывал. И посещали его многие из наилучших ученых, и спрашивали его о разных неясных вещах, он же им все объяснял. А другие из разных земель отправляли ему письма с вопросами своими, прося у него ответа, и он отвечал на них силой Святого Духа, пребывавшего в нем. И не принимал он ни от кого подарков, за исключением тех случаев, когда к нему приходили с дарами для бедняков, тех, кого постигло беда, или же церквей и монастырей. И не ограничивался он трудами во благо паствы своей днем, но и ночью не знал устали в молитвах, бдениях и мольбах к Богу о них. И многие жители страны благословляли халебцев за него, ибо их положение ухудшалось, в то время как жители Халеба преуспевали и приумножали состояние.

Что и говорить! Дошло до того, что большую часть жителей города он превратил в аскетов, так что во дни Великого поста были они непорочны, словно ангелы. Затем он заметил, что посеяли еретики в некоторых книгах плевелы свои дурные, и предпринял искоренение их и истребление. И перевел он Служебник, Требник, Часослов, Синаксарь и другие книги с греческого языка на арабский[1]. И обновил он многие книги, обветшавшие из-за небрежения и невнимания к ним. И боролся он за веру истинную, так что племена и народы иные[2] дивились мудрости его великой и учености.

[1] См. о переводческой и литературной деятельности Мелетия: GCAL. Bd. 3. P. 92–93; HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 70–85; *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 513–514.

[2] Имеются в виду представители других религиозных общин, в том числе и мусульманских.

Мы же описали лишь малую часть из многих его дел, для пользы верующих, как начальствующих, так и подчиненных. Мелетий хорошо пас свой народ в течение 12 лет так, как это было угодно Богу. Но не потерпел этого диавол, вечный противник Церкви, и посеял великий раздор в Церкви Божьей. И начались между Мелетием и пришедшим патриархом Кириллом злоба, смуты, раздоры, потери и преступления, продолжавшиеся более 12 лет. Здесь мы пропустим описание этих событий, так как уже писали о них ранее. И было это все в 7135 году от сотворения мира[1].

Когда же пожелал Бог, избрали Мелетия патриархом Антиохийским. И возглавлял он патриархию десять месяцев[2], после чего скончался. Перед смертью своей он избрал отца Мелетия ас-Сакизи своим преемником. И завещал ему также, чтобы он, став патриархом, послал за мной, ничтожным, пишущим эти строки, в Халеб, и поставил меня митрополитом над этим городом. Так, в конце концов, и произошло. Евфимий же возглавлял митрополию Халебскую 22 года и три месяца, а патриархию – десять месяцев. Всего же прожил он 63 года[3]. Просим Господа, чтобы и нам Он позволил разделить его долю в Царствии Небесном.

138. Патриарх Мелетий ас-Сакизи

После этого возвели отца Мелетия ас-Сакизи в сан патриарха Антиохийского, дав ему имя Евфимий, в городе Дамаске митрополит Хомса Филофей, митрополит Сайднаи Симеон и епископ аз-Забадани Иоаким[4]. И послал он за мной, ничтожным, и рукоположил меня в сан митрополита Халебского 27 сентября 7144 года от сотворения мира[5]. И управлял он народом со страхом Божьим. Через три года он обошел все епархии антиохийские, после чего вернулся обратно. Спустя еще три года он во второй раз обошел все епархии, затем возвратился на свой престол. Но через некоторое время после этого он заболел. Когда ухудшилось его состояние, он собрал весь клир и священников, и избрали они меня, ничтожного, автора сих

[1] 1626/7 г. от Р. Х.

[2] Здесь допущена ошибка, так как Евфимий занимал патриарший престол восемь месяцев, как это и было указано самим автором «Истории Антиохийских патриархов» выше.

[3] См. о биографии Мелетия Кармы: *Панченко К. А.* Евфимий II, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2008. Т. 17. С. 425–427.

[4] См. о патриаршестве Евфимия III ас-Сакизи (Хиосца): *Панченко К. А.* Евфимий III, патриарх Антиохийский // Там же. С. 427–428.

[5] 1635 г. от Р. Х.

строк Мелетия, ибо так меня звали раньше, и послали они призвать меня в Дамаск из Килиза[1]. И увидел я, как скончался блаженный Евфимий. И после этого рукоположили меня семь архиереев в патриарха Антиохийского 21 ноября[2] 7156 года от сотворения мира[3]. И назвали меня Макарием, патриархом Антиохийским.

Макарий III ибн аз-За'им. Имена патриархов града Божьего Антиохии (фрагмент)

(Перевод, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Во время пребывания в грузинских землях в 1665 г. патриарх Макарий аз-За'им, располагавший значительным досугом, переработал свои сочинения об антиохийской истории. Он значительно расширил повествование о патриархах XI в., опираясь на труды греческого писателя XI в. Никона Черногорца, незнакомые ему ранее, а также заполнил лакуну между XI и XVI вв., которая оставалась в его изысканиях. Этот труд, напомним, уже был выполнен Павлом Алеппским, но Макарий не стал механически переписывать текст своего сына, а самостоятельно обратился к его источникам, в первую очередь хронике патриарха Михаила II. Все эти записи Макария, озаглавленные «Описание имен патриархов града Божиего Антиохии» (*Šarḥ asāmī baṭārikat madīnat Allah Anṭākiya*), находятся в его рукописи-автографе, ныне хранящейся в Институте Восточных рукописей в Санкт-Петербурге под шифром В 1227 (известна также ее копия в ватиканском собрании – Vat. Arab. 689)[4]. Надо отметить, впрочем,

[1] Килиз – город в 50 км к северу от Халеба, ныне на территории Турции. В османское время входил в епархию Халеба.

[2] В издании Ж. Насраллы и в трактате Макария об антиохийских епархиях указывается, что рукоположение Макария состоялось 11 ноября. Там же отмечается, что патриарх Евфимий ас-Сакизи скончался 11 октября. Павел Алеппский в разных своих сочинениях приводит даты возведения своего отца на патриаршество 12 ноября и 12 декабря. Ближе к истине, судя по всему, ранние даты. См. об обстоятельствах и датировке поставления Макария: *Панченко.* Митрополиты и епархии... С. 129–130, 145 (примеч. 8–10).

[3] 1647 г. от Р. Х.

[4] Полное название: «Описание имен патриархов града Божьего Антиохии со времен святого апостола Мар Петра, первого патриарха ее, до наших дней» (*Šarḥ asāmī baṭārikat madīnat Allah Anṭākiya munḏu 'ahd al-qiddīs Mār Buṭrus ar-rasūl awwal*

что эта версия местами выглядит как бессистемное собрание выписок из первоисточников. Макарий так и не успел завершить отделку своего труда[1].

Может быть, именно этим объясняется то, что описание антиохийской церковной истории XVI–XVII вв. в рукописи B 1227 дано более сжато, чем в ранних редакциях – Макарий не рассматривал этот текст как итог своих исторических изысканий. Он явно задумывал какой-то финальный свод, куда должны были войти все собранные и отредактированные им сведения об антиохийских первосвятителях. В то же время краткая версия истории патриархов XVI–XVII вв. в рукописи B 1227 содержит ряд уникальных сведений, отсутствующих в более пространных ранних редакциях. В первую очередь это описание патриаршества Дорофея III (1540–1543) и его беспрецедентной попытки заключения унии с маронитами. Поэтому Ж. Насралла в свое время предпочел опубликовать обе редакции хроники Макария: раннюю/подробную по «Изящному сборнику» и позднюю/сжатую по рукописи Vat. Arab. 689. Мы следуем этому примеру и публикуем в настоящем издании обе версии антиохийской церковной истории раннеосманской эпохи, дополняющие друг друга.

Перевод[2]

[87] И стал после него кир **Дорофей II**, известный как **Ибн ас-Сабуни**, патриархом Антиохийским в месяц сентябрь [1497 г.]. И пробыл на патриаршестве 26 лет и упокоился[3].

---

baṭārikati-hā ilā ẓamāni-nā hāḏā) // ИВР РАН. B 1227. Л. 57–90 об. Ж. Насралла опубликовал фрагмент этой летописи, относящийся к периоду XVI–XVII вв. по ватиканской рукописи: CPMA: 1500–1634. P. 81–85.

[1] См. разбор структуры и источников фрагмента этой хроники, посвященного XI – началу XVI в.: *Панченко К. А.* Вспомнить прошлое: Антиохийский патриарх Макарий III аз-За'ӣм как историк // Miscellania Orientalia Christiana = Восточнохристианское разнообразие. М., 2014. С. 359–384.

[2] Комментированный перевод выполнен К. А. Панченко по рукописи-автографу ИВР РАН. B 1227 (с указанием листов), позволяющему уточнить некоторые дефектные места текста рукописи Vat. Arab. 689, а также включает финальную часть повествования патриарха Макария, не вошедшую в публикацию Насраллы (Л. 89 об. – 90). Во избежание повторов персоналии и события, упоминаемые в комментариях к предыдущему тексту, здесь не рассматриваются.

[3] Дорофей II ибн ас-Сабуни («Сын мыловара»), патриарх Антиохийский в 1497–1522/3 гг. См. о нем: CPMA: 1500–1634. P. 21–23; *Панченко К. А.* Дорофей II, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2007. Т. 16. С. 29.

И стал после него кир **Михаил IV**, известный как **Ибн аль-Маварди**, патриархом Антиохийским. И пробыл на патриаршестве 17 лет и упокоился в год 7049 [1540/41] от сотворения мира[1].

И стал после него **Дорофей III** патриархом Антиохийским и пробыл на патриаршестве три года. И когда покинул он Дамаск для объезда епархий и прибыл в деревню Дария, что в нахии аз-Завия в стране Триполи, и встретился там с Петром, тогдашним патриархом маронитов[2], то заключил с маронитами соглашение, да быть им заедино. И священники православные да совершают для маронитов то, что потребно им ко благу в делах веры, и благословляют их, и заключают браки между ними [и православными], и священники маронитские да утоляют православным все нужды их в делах веры их, и каждая община да останется при своем старом исповедании. Видели мы это соглашение в грамоте, написанной этим патриархом, которая хранится у нас в келье митрополита Халеба. И находится там также послание Иоакима, тогдашнего патриарха Александрийского, писанное его рукой по-арабски, потому что был он из сынов арабов[3]. И писал он этому Дорофею, патриарху Антиохийскому, об извержении его из священнического сана. И в тот год прибыл Иеремия, патриарх Константинопольский, в Иерусалим, и прибыл Иоа-

[1] Михаил V ибн аль-Маварди («Сын торговца розовой водой»), патриарх Антиохийский в 1523–1540 гг. См. о нем: CPMA: 1500–1634. P. 23–27; *Панченко К. А.* Михаил V, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2017. Т. 45. С. 681–682.

[2] Ж. Насралла увидел в этом сообщении фактическую ошибку. Патриарх, носивший имя Петр (известный также как Шам'ун ибн Дауд), возглавлял Маронитскую церковь в 1492–1524 гг. В начале 1540-х гг. маронитским патриархом был Муса аль-'Аккари (1525–1567) (см.: CPMA: 1500–1634. P. 28). Действительно, в официальных списках предстоятелей Маронитской Церкви патриарх, правивший в 1525–1567 гг., носит имя Муса. Однако ряд аутентичных источников называют тогдашнего маронитского патриарха именно Петром (Мар Бутросом аль-'Аккари) (см.: *Salibi K.* The *Muqaddams* of Bšarri: Maronite Chieftains of the Northern Lebanon 1382–1621 // Arabica. Leiden, 1968. Vol. 15. P. 75; Catalogue raisonné des manuscrits de la bibliothèque de la résidence patriarcale Maronite (Bkerké) / Ed. F. Baissari. Beyrouth, 1999. № 7). Похоже, он тоже носил два имени, так что сообщение Макария не содержит ошибки. Само по себе тесное взаимодействие православных и маронитов, включая совместное использование церквей, подтверждается многими источниками позднего Средневековья и раннего Нового времени. См., напр.: CPMA: 1500–1634. P. 66.

[3] Иоаким I Пани, патриарх Александрийский (1486–1567), выдающийся церковный деятель Православного Востока, прославленный как исповедник и чудотворец. См. о нем с. 183–205 наст. изд. Стоит отметить, что Иоаким был уроженцем Афин, однако он настолько глубоко интегрировался в арабскую среду, что Макарий причислял его к «сынам арабов».

ким, упомянутый патриарх Александрийский, и Герман, патриарх Иерусалимский, и провели в Иерусалиме собор по этой причине, **[87 об.]** ради дел, происшедших из-за него, и других проступков[1]. И низложили его и поставили вместо него кир **Иоакима** патриархом Антиохийским, и было это в год 7047 от сотворения мира[2].

И пробыл на патриаршестве семь лет и упокоился. И это — Иоаким II[3].

И стал после него кир **Михаил** патриархом Антиохийским. И ходил он в Иерусалим на богомолье, и в то время случилось расхождение между общинами христианскими в вычислении праздника Пасхи, и было это в год 7047 [1538/9] от сотворения мира[4]. И пробыл этот Михаил V на патриаршестве четыре года и скончался в год 7051 [1542/3] от сотворения мира[5].

И стал на его место **Иоаким** митрополит Бейрута, известный как **Ибн Джум'а,** пробывший на Бейрутской митрополии одиннадцать

---

[1] См. разбор обстоятельств собора трех патриархов в Иерусалиме: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 299–300.

[2] Дата низложения Дорофея поставлена ошибочно. 7047 г. от сотворения мира соответствует 1538/9 г. от Р. Х., что противоречит самим же Макарием указанной дате кончины предыдущего патриарха Михаила (7049). Собор трех патриархов и низложение Дорофея относятся к 1543 г. См. о его патриаршестве: CPMA: 1500–1634. P. 27–30; *Панченко К. А.* Дорофей III, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2007. Т. 16. С. 29.

[3] Как говорилось во введении к этому тексту, он местами представляет собой сырой конспект, собрание предварительных выписок, которые Макарий не успел оформить в связное повествование. В данном месте мы как раз видим один из «швов», соединяющих два фрагмента текста. Рассказ о патриаршестве Дорофея II, Михаила V и Дорофея III механически состыкован с другим перечнем Антиохийских патриархов, начинающимся с Иоакима II (1412?–1425) или Иоакима III († после 1459 г.). После него пропущен ряд имен, а далее идут Михаил V ибн аль-Маварди, уже упоминавшийся раньше, и преемник Дорофея III Иоаким IV ибн Джум'а. Нумерация Антиохийских патриархов у Макария несколько отличается от современных представлений. Иоаким ибн Джум'а сейчас считается Четвертым, а не Вторым. Соответственно, патриархи Иоаким Дау и Иоаким ибн Зийаде носят номера Пятого и Шестого.

[4] Имеется в виду периодически возникающее расхождение между православным и армянским литургическим календарем, приводящее к вычислению разных дат Пасхи — 7 или 14 апреля (т. н. «Кривая Пасха»). В данном случае имеется в виду «Кривая Пасха» 1539 г. См. о данном феномене: *Кузенков П. В., Панченко К. А.* «Кривые Пасхи» и Благодатный огонь в исторической ретроспективе // *Панченко.* Православные арабы: Путь через века. С. 57–88.

[5] Дата 7051 (1542/3) г. ошибочна. Между Михаилом и Иоакимом ибн Джум'а стояло патриаршество Дорофея III (1541–1543), а Михаил, как указывалось выше, скончался в 1540/1 г.

лет. И когда стал он патриархом Антиохийским, сместил его с патриаршества **Ибн Хиляль**, епископ Кары, именуемый **Макарий**, на семь лет. И раскололись христиане Дамаска на две партии. И молился Иоаким ибн Джум'а с партией своей в церкви Киприана и Иустины. А Ибн Хиляль молился с партией своей в церкви Анании, потому что тогда она была в руках христиан. Потом скончался Ибн Хиляль. После того патриарх Ибн Джум'а послал гонцов и собрал всех архиереев и провел поместный священный Собор по вопросу вступления в брак дочерей христиан и того, сколько должен составлять махр[1] их деньгами и имуществом и прочим, и установили пределы его и отлучили того, кто возьмет свыше этого. И написали это на пороге врат великой древней церкви святых Киприана и Иустины. И написали это на великом свитке, и поставили там подписи он и все архиереи, бывшие на этом соборе. И был он мужем достойным. И пробыл на патриаршестве 33 года и упокоился и был похоронен в Дамаске. И это – Иоаким III.

И выбрали вместо него Макария аль-Хамави, митрополита Евхаитского, и назвали его **Михаил VI**. И пробыл он на патриаршестве четыре года. И когда возникли между ним и народом Дамаска многие злобы, не захотел он пребывать среди них и сам ушел с патриаршества. И написал документ об отречении по своей воле. И когда прибыл он в Хаму, пришел туда **[88]** Григорий, епископ Халеба, и другие и осудили то, что он сделал, и заставили раскаяться в отречении его от престола. Потом сослужили вместе с ним и отлучили дамаскинцев. А дамаскинцы послали за митрополитом Триполи Дорофеем по прозвищу Дау и привели его и сделали патриархом Антиохийским, и дали ему имя **Иоаким**.

И стали каждое воскресенье служить и анафематствовать патриарха Михаила и присных его, и были между ними многие злобы и денежные убытки неисчислимые. И разделилась паства надвое, потому что от Хамы, Халеба, Латакии и округи их до Аданы были сторонники Михаила, а народ Дамаска и Триполи и округи их были приверженцы Иоакима. И ходил патриарх Михаил в Константинополь дважды в этой связи и возвращался в Халеб и Хаму. И убили из райи многих по этой причине, и в их числе был Баракат Му'аллим ас-Султан в Хаме, возвели хулу на него, и убил его бостанджи-баши[2] Триполи. И с тех пор хури Вахбе аль-Хамави всю жизнь свою не воз-

[1] Махр – предбрачный подарок жениха невесте.

[2] Бостанджи-баши – один из высоких офицерских рангов в корпусе янычар.

лагал на шею епитрахиль, потому что он был причиной того убийства. И также оставили многие христиане веру свою из-за этих дел, и среди них диакон Михаил аль-Хаддад ибн Ни'ма ибн Умм Сурур аль-Халяби с улицы аш-Шимали и другие[1]. И наконец, пошел патриарх Михаил в землю ромеев[2] и скончался на острове Родос и там похоронен. А патриарх Иоаким Дау, по причине долгов, обременявших патриархию из-за смуты, случившейся между ним и упомянутым патриархом Михаилом, пошел в страну Богданию и Московию, и мы видели портрет его там. Потом вернулся в Дамаск, потом пошел в страну Хауран и был там убит и умер мучеником и там похоронен. И пробыл он на патриаршестве 12 лет. И оставался после него престол без патриарха в течение целого года. И зовется он Иоаким IV.

Потом стал **Иоаким**, митрополит Хомса, известный как **Ибн Зийаде**, патриархом Антиохийским, и был достойным. И варили во дни его миро по обычаю, и служил он в Великий Четверг в год 7103 от сотворения мира[3]. И пробыл он на патриаршестве 11 лет и ослеп. И когда потерял зрение, умножились недовольство[4] им во дни шейха Джирджиса[5] ибн Самура, и поставили вместо него кир **Дорофея** патриархом, известного как **Ибн аль-Ахмар**, которого Иоаким при жизни возвел в сан митрополита патриаршей кельи. **[88 об.]** После этого патриарх Иоаким ибн Зийаде ушел в Египет и скончался в монастыре Синайском и там был погребен. И он – Иоаким V. Что же до патриарха Дорофея ибн аль-Ахмара, то пробыл он на патриаршестве восемь лет и умер в деревне Хасбея в Вади-ат-Тайм и там погребен. И он – Дорофей IV.

---

[1] Реконструировать описываемые события и идентифицировать упоминаемые персоналии при нынешнем состоянии источников не представляется возможным. Можно лишь предположить, что речь идет о неких репрессиях против сторонников Михаила в период преобладания партии Иоакима. Османские власти Триполи (в т. ч. упомянутый бостанджи-баши) были тесно связаны с местной христианской верхушкой, из которой происходил и Иоаким Дау. Хама и Халеб были оплотом его противников. При этом убийство христианского старейшины Хамы, носившего звучное наименование Му'аллим ас-Султан («Учитель султана»), было связано с некими внутригородскими противоречиями христиан, коль скоро виновником убийства назван священник Вахбе аль-Хамави («уроженец Хамы»).

[2] Араб. *bilād ar-rūm*. Имеется в виду Балканский полуостров; ср. османский топоним с тем же значением «Румелия».

[3] 17 апреля 1595 г. от Р. Х.

[4] Досл.: «битье».

[5] Насралла, работавший с ватиканской копией, ошибочно идентифицировал это имя как «Вахбе».

И стал после него Афанасий, митрополит Хаурана, известный как Ибн ад-Даббас, патриархом Антиохийским. И пробыл на патриаршестве восемь лет. И были во дни его смуты и злобы и убытки неисчислимые, и заточили его христиане дамасские по указу властей в крепость. И послали за **Игнатием**, известным как **'Атыйа**, митрополитом Сайды, и отправили его со священниками и старейшинами в Константинополь, чтобы поставили его там патриархом для них, и низложили Афанасия ибн ад-Даббаса. После выхода его из крепости Дамаска удалился он для объезда епархий и скончался в городе Триполи во дни Великого Поста, и был похоронен в монастыре Кафтун за пределами города[1].

А брат его **Кирилл**, митрополит Хаурана, привлек на свою сторону Ибн Сайфу, пашу Триполи, и послал тот за Симеоном, митрополитом Хамы, и Лазарем, митрополитом Хомса, и Дионисием, епископом аль-Хусна, и приказал им рукоположить упомянутого Кирилла патриархом Антиохийским в деревне Амйун в округе триполийском в воскресенье о самаряныне. И в этот же самый день возведен был Игнатий 'Атыйа патриархом Константинопольским Тимофеем в патриарха Антиохийского. И прибыл он в Дамаск в год 7127 от сотворения мира [1618/9], и не знал, что Кирилл стал патриархом в Триполи. И были между этими двумя патриархами злобы и смуты и убытки неисчислимые в течение семи лет. И по этой причине пришли в расстройство дела, пока не собрались все архиереи епархий антиохийских к эмиру Фахр ад-Дину ибн Ма'ану, а был он тогда в богоспасаемом Рас-Баальбеке. И составили священный Собор и утвердили там разрыв с Кириллом и отлучение его, поскольку предписывали это положения священных законов, нарушенных им, ибо стал он патриархом без согласия епархии своей, и за множество страданий и убытков от него всем христианам. И записали деяния этого поместного Собора, и они находятся теперь в книгохранилище патриархии. Что же до упомянутого Кирилла, то схватил его эмир Ибн Ма'ан и сослал его **[89]** в заточение в 'Айн-ар-Рахиб (Пещеру монаха), около деревни аль-Хармиль в стране ар-Рас, и там была могила его. И было это в год 7136 от сотворения мира [1627/8][2]. И утвердил Собор на патриаршестве Игнатия, и управлял он престолом после этого семь лет. А до того пробыл он на патриаршестве девять лет, и была общая

[1] Монастырь Кафтун расположен к югу от Триполи, в ущелье Кадиша. См. о нем: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 254–255.

[2] Собор в Рас-Баальбеке завершился 1 июня 1628 г. См. публикацию деяний этого Собора в настоящем томе.

продолжительность правления его 16 лет. И в начале войны османов с Фахр ад-Дином ибн Ма'аном и смятения в стране по причине этой упомянутый патриарх Игнатий бежал из Сайды в Бейрут, переодетый в воинскую одежду, и убили его друзы на середине пути у реки ад-Дамур, не зная, кто он. И было это в год 7143 от сотворения мира [1633/4]. И был он похоронен в деревне над Бейрутом, называемой Шувейфат.

И пришла об этом весть с гонцом в Дамаск, а оттуда – в Халеб, к **Мелетию**, митрополиту Халеба, известному как **Карма аль-Хамави**. Был он тогда митрополитом в Халебе 24 года, а рукоположил его покойный патриарх Афанасий в митрополита в год 7120 [1612] в четверг 12 февраля, и пас он паству свою халебскую на нивах спасения как должно. И после того как в прежние времена оскудело число христиан Халеба, стали во дни его стекаться туда верующие из всех земель и разных местностей, приходили туда, услышав о благом научении его божественном и словах учительских и проповедях жизненных, и насаждались там, и созревали, и давали плоды, и вырастали, и увеличивались, и умножались. И обогатил он бедность душ их богатством духовным, и укрепил их также добрым управлением своим мирским[1], и воздвиг там здание кельи митрополичьей весьма удивительное, имеющее все блага искусно сделанной постройки. И я, убогий Макарий Антиохийский, писец его, записал все известия о нем от юности его до времени кончины его. И кто любит добродетель, да прочитает это и да уподобится ему в добродетели его. Потом перешел он из Халеба в Дамаск по настоянию жителей Дамаска, и там поставили его патриархом над ними и назвали **Евфимием**.

И тогда зарделось и воссияло в патриархате блистание света его, и взошли на небосклоне веры христианской светила достоинств его от возвышения светильника его. И был он премного озабочен, да осчастливится вся паства патриархата добрым управлением и здравым разумением, и да приведет он их в согласие, и да ведет их всех, чтобы следовали они **[89 об.]** путем праведности благополезной. Через некоторое время поразила его болезнь неизвестная[2], и настигла его смерть. И провел он на патриаршестве семь месяцев. А перед

[1] Досл.: «телесным».

[2] В католической историографии существует мнение, что Евфимий Карма был отравлен собственным окружением из-за его филокатолических настроений, а Макарий в своих исторических трудах деликатно обошел молчанием этот эпизод (см.: HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 73–74).

смертью избрал он отца Мелетия аль-Мусаввира ас-Сакизи[1], которого привез из Иерусалима, из монастыря Мар-Саба, чтобы написал он ему иконы для церкви Дамаска. И сделал он его преемником своим, и упокоился 1 января, и похоронен был с честью за городом Дамаском подле гробницы покойного Иоакима ибн Джум'а. Потом прибыли после кончины его некоторые архиереи патриархии и поставили упомянутого отца Мелетия аль-Мусаввира патриархом над Антиохией.

И объехал он патриархию два раза, и пробыл на патриаршестве 13 лет без нескольких дней. И когда постигла его сильная болезнь и отчаялись в нем врачи, то тогда собрались подле него в Дамаске священники города и клир и аййаны[2], и советовались с ним, кого хочет он преемником себе на престоле патриаршем. И тогда сошлись мнения его и их, чтобы послать за смиренным[3] и призвать его на патриаршество. И так сделали, и тотчас послали от патриарха грамоту, написанную рукой его, и от них подобные же грамоты, содержащие приглашение на патриаршество, – один раз и второй. Потом скончался патриарх 11 октября, а наименовали его на хиротонии **Евфимий II**[4]. И похоронили его с честью за Дамаском подле покойных патриархов Ибн Джум'а и Евфимия Кармы аль-Хамави, учителя его. И было это в начале 7156 года от сотворения мира[5].

И после кончины его через несколько дней прибыл я, смиренный, в Дамаск, и сопровождали нас Мелетий, митрополит Хамы, и Филофей, митрополит Хомса, и Иоасаф, митрополит Кары. И находились в Дамаске митрополит Хаурана Григорий и Савва, митрополит Сайды. И по общему согласию с клиром и народом рукоположили нас 11 ноября того же упомянутого года. И поименовали нас на хиротонии **Макарием**. Потому что когда пришли священники Дамаска и аййаны его – в отсутствие наше до прихода нашего к ним в Дамаск – и исходатайствовали для нас худжат от эфенди

[1] Аль-Мусаввир – «художник», ас-Сакизи – «уроженец Хиоса». Мелетий ас-Сакизи считается инициатором возрождения мелькитской иконописи во второй трети XVII в.

[2] Аййаны – местная знать.

[3] Макарий говорит о себе в третьем лице.

[4] В современных перечнях Антиохийских первосвятителей Евфимий ас-Сакизи (1635–1647) числится Третьим. Макарий не знал о существовании патриарха Евфимия I (до 1258–1277), жившего в конце эпохи крестоносцев.

[5] 1647/8 г. от Р. Х.

Дамаска и указ от паши Дамаска[1], то было это 23 октября, в день, когда поминается апостол Иаков, брат Божий, и с ним поминается Макарий ар-Руми, и поэтому дали нам имя **[90]** Макарий, во имя святого этого дня.

А прежде того, когда был я митрополитом города Халеба, то перевел я книгу об истории ромеев с греческого языка на арабский[2], и было в ней среди прочего упоминание всех архиереев Константинополя от времени, когда рукоположил апостол Андрей Стахия, одного из семидесяти апостолов, первым епископом его – а день его поминовения 31 октября, – до времени бывшего в наши дни Кирилла, патриарха Александрии[3], который оставил престол ее и стал патриархом в Константинополе. И все имена их, нанизанные, связанные, одно подле другого, с полным перечнем епископов, и в их числе – первые, а это – 22 епископа, которые были там от времени упомянутого Стахия до времени Митрофана, первого патриарха Константинополя, которого почтили 318 отцов Никейского Собора и возвели из епископского достоинства в патриаршее во дни великого царя Константина. И от времени этого Митрофана до времени патриархов нынешних имена были нанизаны, связаны как ожерелье.

И исследовал я, и разыскивал усердно во многих книгах, и расспрашивал у ученых и у многих людей, чтобы найти[4] известия о патриархах Антиохии от времени апостола Петра, первого патриарха ее, до настоящего времени. И нашли мы имена некоторых из них, о ком упомянул только Ибн Батрик в «Истории» его и Йахйа ибн Са'ид аль-Антаки[5]. И когда стал я патриархом в Дамаске, исследовал я и проверил все книги в резиденции патриаршей – нет ли там имен патриархов Антиохийских и известий о них, и нашел там кое-что об этом. А также в начале своего патриаршества объехал я все епархии

[1] Имеются в виду постановления османской судебной и административной властей Дамаска о признании полномочий нового патриарха православной общины.

[2] Речь идет о хронике Дорофея Монемвасийского, названной в арабской версии «Книга нанизанного жемчуга известий о ромейских царях» (*Kitāb ad-durr al-manẓūm fī aḫbār mulūk ar-rūm*). Она стала для Макария одним из примеров, стимулировавших его собственные исторические изыскания.

[3] Кирилл Лукарис (1572–1638), патриарх Александрийский в 1601–1621 гг. (Кирилл III), в промежутке 1620–1638 гг. шесть раз восходил на Константинопольский патриарший престол (Кирилл I).

[4] Досл.: «рассмотреть».

[5] Имеются в виду Евтихий Александрийский (Са'ид ибн Батрик) и Яхья Антиохийский, крупнейшие арабо-христианские историки Средневековья. См. с. 54–74 и 101–150 наст. изд.

наши и не пропустил ни одного монастыря, ни церкви, ни деревни, без того чтобы не просмотреть их книги, в чаянии обрести эти известия. И нашли мы некоторые вещи из этого, потому что любили читать об этом и разыскивать книги о близких временах.

И когда пришли мы в землю ромеев ради уплаты многих долгов, которые были на патриархии, то мы также много исследовали этот вопрос по книгам ромейским и нашли в них некоторые известия о патриархах Антиохийских. И извлекал я также из книг франкских то, что писали ученые ромеев об истории Церкви. И нашел я в них также многие вещи. И собрал я все эти известия, и имена патриархов Антиохии от времен апостола Петра доныне, и сделали мы их нанизанной связкой, подобной золотому ожерелью. И всё это в чаянии вознаграждения и воздаяния от Бога. Так что не были мы **[90 об.]** праздными от исследования и чтения книг наших святых и изыскания известий о Церкви нашей и патриархах ее <...>.

Павел Алеппский. Путешествие Макария (фрагмент)

(Перевод, предисловие и комментарии Ю. И. Петровой)

Архидиакон Павел Алеппский (ок. 1627–1669)[1], сын Антиохийского патриарха Макария III ибн аз-За'има, был одной из выдающихся фигур Мелькитского ренессанса. Образованный, способный к языкам, любознательный и наблюдательный, он неизменно сопровождал своего отца в путешествиях и выполнял обязанности

[1] Подробнее см.: GCAL. Bd. 3. S. 110–112; *Крачковский И. Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 259–272; HMLEM. Vol. 4. T. 1. P. 219–224; *Feodorov I.* Un lettré melkite voyageur aux Pays Roumains: Paul d'Alep // Kalimat al-Balamand. 1996. Vol. 4. P. 55–62; *Eadem.* Paul of Aleppo // The Orthodox Church in the Arab World. P. 252–275; *Kilpatrick H.* Makāriyūs Ibn al-Za'īm (ca. 1600–1672) and Būlus Ibn al-Za'īm (1627–1669) // Essays in Arabic Literary Biography II: 1350–1850 / Ed. J. E. Lowry, D. J. Stewart. Wiesbaden, 2009. P. 262–273; *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 517–522; *Он же.* Павел Алеппский // ПЭ. 2019. Т. 54. С. 91–94; *Çolak H.* Worlds Apart and Interwoven: Orthodox, Syrian and Ottoman Cultures in Paul of Aleppo's Memoirs // Studies in Travel Writing. 2012. Vol. 16. № 4. P. 375–385; *Feodorov I.* Paul of Aleppo // CMR. Vol. 10. P. 355–370.

его секретаря. В период 1652–1659 гг. патриарх Макарий находился в длительном путешествии в Россию через территории Малой Азии, Дунайских княжеств и Украины, целью которого был сбор милостыни для уплаты накопившихся долгов Антиохийской кафедры. Все это время находившийся неотлучно при патриархе Павел составлял по горячим следам путевые записки, которые легли в основу объемного дневника путешествия.

Литературная деятельность Павла Алеппского, как и его отца, была направлена на возрождение арабо-православной историографической традиции, прерванной в период культурного упадка ближневосточного христианства. Старания молодого талантливого архидиакона увенчались успехом – его книга, носящая ярко выраженный индивидуальный характер, заметно выделяется на фоне других произведений эпохи, преимущественно компилятивных и переводных, и по праву считается самым выдающимся произведением арабо-христианской литературы османского периода. В своем дневнике Павел описал подробности истории и географии стран, через которые проезжали путешественники, дал характеристику государственных деятелей и церковных иерархов, с которыми им довелось встречаться, привел живые зарисовки быта, обычаев и нравов народов Восточной Европы, а также интересные детали о жизни православного миллета Османской империи.

Автограф рукописи Павла Алеппского не сохранился, и его дневник дошел до нас в нескольких списках, важнейшими из которых являются:

– Парижский список (рукопись Paris. Arab. 6016; Национальная библиотека Франции) – самая старая (конец XVII в.) и полная (622 страницы) редакция;

– Лондонский список (рукопись Brit. Lib. Add. 18427–18430; Британская библиотека) – полная копия парижской рукописи, переписан в 1765 г.;

– Петербургский (ранее – дамасский) список 1699 г. (рукопись ИВР РАН. В 1230; Институт восточных рукописей РАН) – менее полная редакция; в 1913 г. в составе коллекции рукописей был преподнесен Антиохийским патриархом Григорием IV в дар императору Николаю II по случаю 300-летия дома Романовых.

Существует также более поздняя (конец XVIII в.) сокращенная редакция «Путешествия Макария» (140 страниц), которая хранилась ранее в Сайднайском монастыре Рождества Богородицы близ Дамаска и была вывезена из Сирии А. Е. Крымским в конце XIX в.

С 2007 г. эта рукопись хранится в архиве проф. О. Прицака в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» в Киеве.

Первой в научный оборот вошла лондонская рукопись: по ней в 1829–1836 гг. был выполнен английский перевод Ф. Бельфура. Однако он был далек от совершенства, поскольку переводчик, по его собственному признанию, тяготился длинными описаниями православных богослужений, церквей и монастырей и опускал целые фрагменты, считая, что они не представляют интереса для читателя; кроме того, в переводе допущена масса ошибок, порой весьма курьезных[1].

В середине XIX в. с дамасской рукописи были сделаны и переданы в Россию три копии, которые легли в основу известного русского перевода профессора Лазаревского института восточных языков, уроженца Дамаска Г. А. Муркоса (1846–1911)[2]. До сих пор он остается самым полным переводом[3], так как фрагменты, отсутствующие в дамасской рукописи, воспроизведены по переводу Бельфура. Качество перевода Муркоса несравненно выше, чем у его предшественника, однако фрагменты, переведенные по изданию Бельфура, содержат ряд искажений и нуждаются в пересмотре.

Дальнейший вклад в исследование сочинения Павла Алеппского внес румынский арабист В. Раду, настоятель румынского прихода в Париже[4]. В 1930–1950-х гг. он опубликовал в серии «Patrologia Orientalis» часть арабского текста с французским переводом, положив в основу издания наиболее качественную – парижскую – рукопись с указанием важнейших разночтений по лондонской и петербургской[5]. Хотя издание охватывает меньшую часть текста (путешествие по Малой Азии, Молдавии, Валахии и частично Украи-

[1] Об этом см.: *Муркос Г.* Предисловие переводчика к первому выпуску // Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркос. М., 2005. С. 9.

[2] См. о нем: *Панченко К. А.* Муркос // ПЭ. 2017. Т. 47. С. 685–686.

[3] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркос. М., 1896–1900. Вып. 1–5 (2-е изд.: М., 2005).

[4] Подробнее о нем и о его издании см.: *Crişan C.* Basile Radu et son édition et traduction française des «Notes de voyage» de Paul d'Alep // Relations entre les peuples de l'Europe Orientale et les chrétiens arabes au XVIIe siècle. Macaire III Ibn al-Za'īm et Paul d'Alep: Actes du Ier Colloque international le 16 septembre 2011, Bucarest / Textes réunis et présentés par I. Feodorov. Bucureşti, 2012. P. 51–58.

[5] Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche / Éd., trad. B. Radu. Paris, 1930–1949. 3 vol. (PO; T. 22. Fasc. 1; T. 24. Fasc. 4; T. 26. Fasc. 5).

не), оно стало значительным шагом вперед в научном отношении. Акад. И. Ю. Крачковский отмечал, что из работы Раду «придется исходить при дальнейших текстологических исследованиях»[1].

Следующим двуязычным изданием стала публикация части парижской рукописи, касающейся фрагментов о Молдавии и Валахии, с переводом на румынский язык И. Феодоров[2]. Это серьезное академическое издание, снабженное обстоятельным предисловием, исчерпывающей библиографией, обширным лингвистическим и историческим комментарием. В 2015 г. отдельно была издана сокращенная киевская рукопись с комментированным русским переводом[3]. В настоящее время в рамках международного проекта (при участии исследователей из Румынии, России и Украины) ведется работа над подготовкой полного критического издания дневника Павла Алеппского с английским переводом. В текстологической работе задействованы все четыре указанных списка рукописи; в основу положена парижская рукопись.

Для настоящей Антологии выбран фрагмент финальной части «Путешествия Макария», где Павел Алеппский повествует о долгожданном возвращении патриарха со свитой в Сирию после почти семилетнего отсутствия и сопутствовавших этому событиях (весна 1659 – июль 1661). Поскольку автор являлся непосредственным их участником, его записи представляют собой ценный исторический источник, ярко и живо изображающий внутреннюю жизнь сирийской православной общины в османскую эпоху и условия, в которых тогда приходилось существовать христианам Ближнего Востока. Особый интерес представляют рассказы о конфликтах в среде высшего клира и Соборе Антиохийской Церкви, состоявшемся в Дамаске 28 августа 1659 г., данные о церковной экономике, составлении налоговых реестров христиан и переписи податного населения, сведения об административной и хозяйственной деятельности автора в качестве патриаршего вакиля (наместника).

[1] *Крачковский.* Описание путешествия... С. 271.

[2] Paul din Alep, Jurnal de călătorie în Moldova şi Valahia / Studiu introductiv, ediţia manuscrisului arab, traducere în limba română, note şi indici de I. Feodorov; cuvânt înainte de R. Theodorescu. Bucureşti; Brăila, 2014 (рец.: *Grigore G.* // Romano-Arabica. 2015. № 15. P. 331–333).

[3] «Путешествие патриарха Антиохийского Макария»: Киевский список рукописи Павла Алеппского / Изд., пер., комм., предисл. Ю. И. Петрова; ред. В. С. Рыбалкин. Киев, 2015.

Перевод[1]

[303г]... После полудня я прибыл в Килис[2], в дом ʻАмиш[3], словно гонец с радостной вестью. Они не могли поверить, увидев меня, и изумлялись с недоверчивостью – ведь всякие известия от нас прекратились, и о нас говорили, что мы были убиты в Валахии во время мятежа Константина[4], о котором мы рассказывали, – тогда погибли все находившиеся в монастыре, в котором мы жили. Они возрадовались нашему приезду. Благодарение Богу и слава Ему за наше благополучное возвращение!

Тотчас же я написал письма в Халеб, Дамаск и другие города, и мы отправили их с гонцом, чтобы сообщить о нашем приближении. Так было суждено, хотя изначально мы предполагали идти из Токата к Кесарии, а оттуда – к Адане, Антиохии-на-Оронте[5] и Дамаску; однако не нашлось попутчиков. Мы вовсе не собирались заезжать в Халеб. Причиной тому было множество злодеяний и пакостей, которые наделал христианам враг Божий – Митрофан, сын священника Бишары, митрополит Алеппский[6], поставление которого на эту епархию было попущением Божиим на ее паству. Воспользовавшись отсутствием нашего владыки патриарха, он прибег к злодеяниям и притеснениям и причинил многие убытки христианам, особенно во времена Абшира-паши[7]. Как нам рассказали, он предъявил иск, что они якобы должны ему шесть или семь тысяч

---

[1] Комментированный перевод (с сокращениями) выполнен Ю. И. Петровой по рукописи Paris. Arab. 6016 с указанием ее листов. Приведенный фрагмент отсутствует в петербургской рукописи, за исключением нескольких фраз; в издании Муркоса он воспроизведен по английскому переводу Бельфура. Заголовки жирным шрифтом соответствуют заголовкам на полях парижской рукописи. В примечаниях даны те варианты интерпретации текста Бельфуром, где встречаются фактологические ошибки (приведены по переводу Муркоса; условное обозначение – «Б»).

[2] Город в южной Турции на границе с Сирией.

[3] Христианский род из г. Килис; к нему принадлежал рукоположенный Макарием митрополит Эмесский Афанасий (о нем будет сказано ниже).

[4] Константин Щербан Басараб – господарь Валахии в 1654–1658 гг.

[5] Автор обозначает здесь реку Оронт арабским словом *maḍīq* «пролив», хотя в других местах использует общепринятое название аль-ʻАси.

[6] В начале своего дневника (Paris. Arab. 6016. Fol. 8v) Павел Алеппский сообщает, что после избрания на Антиохийскую кафедру Макарий 21 ноября 1647 г. назначил своим преемником в Халебской епархии хури Михаила, сына алеппского священника Бишары, с наречением ему имени Митрофан.

[7] По сообщению автора, Абшир-паша со своим войском примкнул к мятежному Хасану-паше (см. ниже).

пиастров[1], и вынудил пашу собрать с них эти деньги. Это было сделано при помощи палочных ударов и избиений[2], а митрополичий дом превратился в жилище аг, притон порока и темницу. Он никому не выказывал сострадания и упорно продолжал свои злодеяния и гнусности, пятная всеми этими делами архиерейское достоинство и нанося вред христианам. Абшир же, взяв все эти деньги, употребил их на уплату жалованья сарыджа[3] и сейменам[4], не дав митрополиту ровно ничего. Взгляни же на поступки этого нечестивца, отверженного Богом, на его безбожие и лицемерие, в котором он дошел до того, что приписал этот убыток в счет шелка-сырца, собираемого ежегодно с христиан Рождественским постом в пользу бедных! Этот добрый обычай существовал со времен почившего патриарха Евфимия, известного под прозвищем Карма[5], и еще больше распространился при нашем владыке патриархе, когда он был митрополитом. Но при этом нечестивце обычай был упразднен по указанной нами причине, а к христианам стали придираться со словами: «Ты дал в прошлом году шелка-сырца на пять одежд (или меньше), значит, заплатил десятину от того, чем владеешь».

О мерзких делах Алеппского митрополита.

Он натворил столько подобных гнусностей, что писать об этом было бы слишком долго. Он открыто безобразничал, пьянствовал, совершал злодеяния и тому подобное, сделав имя православных посмешищем у других общин. При покойном патриархе Карме он единолично заведовал церковными доходами, но когда наш владыка вступил на митрополичью кафедру, ему посоветовали назначить сорок вакилей[6], двое из которых ежегодно должны были, предстоя пред Богом, служить Церкви, от одного дня праздника Сорока му-

[1] Первоначально – название серебряных европейских монет, имевших хождение в Османской империи. С 1687 г. – собственно турецкая серебряная монета.

[2] Б: «казней». Глагол *qatala* может иметь значение «убивать; казнить» и «избивать» (ср. в другом месте (Fol. 191r): يسحبونه للبركاز ويسجنونه عدة ايام بعد قتل وضرب كثير «его тащили в Приказ и засаживали под арест на несколько дней после избиений и нанесения многих ударов»).

[3] Род войск, набиравшихся из крестьян (тур. sarıca).

[4] Род пеших войск (тур. seymen / sеğmen).

[5] Патриарх Евфимий II Карма (1634–1635, ранее митрополит Алеппский Мелетий) – выдающийся иерарх Антиохийской Церкви.

[6] Араб. *wakīl* – «доверенное лицо; уполномоченный».

чеников до следующего[1]. Так и устроилось, и дела Церкви были в порядке милостью Божией: подвалы из года в год были наполнены маслом, восковые свечи взвешивались кантарами[2], церковная ризница была полна всем необходимым, пока упомянутый человек не стал митрополитом, что явилось попущением Божьим. Дела изменились таким образом, что вакили стали назначаться по решению суда и указу пашей, путем борьбы и распрей, благодаря кошелькам с деньгами и протекциям, так что Церковь оказалась обремененной долгами в размере тысяч – да не воздаст им Бог добром! Когда нам в Килисе стало известно обо всех этих делах и обстоятельствах, мы страшно разгневались, **[303v]** в особенности наш владыка патриарх, который не переставал проклинать и анафематствовать митрополита, от всей души призывая на него Божий гнев.

В начале его управления митрополией, когда он только начал проявлять свои пороки и беззакония, наш владыка патриарх прислал распоряжение лишить его священного сана, но он явился к нему в Хаму и прибег за заступничеством ко многим лицам, дав перед Богом обет и поклявшись страшными клятвами, что откажется от вина, водки и других хмельных напитков. После того как мы составили на него узаконенное поручительство с подписями именитых жителей и ученых мужей Хамы, владыка простил его. Однако тот с помощью доносчиков своего сына и родственников подал иск властям на алеппских христиан за то, что они прочли статикон[3] о его отлучении. Возвратившись вместе с нашим владыкой патриархом в Халеб, он снова впал в прежнее состояние и втайне нарушил свои клятвы. Таким образом, он постоянно вел себя противоречиво[4] и вследствие злоупотребления хмельными напитками был поражен болезнями и недугами. Так он и жил, пока Господь вскоре не поразил его дизентерией, как будет рассказано.

Возвращаемся. Между тем я, убогий, пишущий это, послал с гонцом письмо своим домашним, наказав им не распространять изве-

[1] Порфирий (Успенский) в сер. XIX в. писал о наличии в Сайднайском монастыре двух эпитропов, которые сменялись каждый год и подавали патриарху отчет о доходах и расходах; служили они «ради спасения души и чести» (см.: *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки. СПб., 1894. Т. 1. С. 244).

[2] Б: «в ее складах были запасены восковые свечи». Кантар (кинтар) – ближневосточная мера веса; по разным данным, равнялся в Египте 44,9 кг, в Дамаске – ок. 190,5 кг, в Халебе – ок. 256 кг.

[3] Греч. στατικόν – «постановление».

[4] Б: «бесчинствовал».

стий о нашем прибытии. Однако я захотел увидеть своих сыновей, Ананию и Константина, дабы утолить мою тоску по ним после столь долгого времени, – ведь прошло уже семь лет без трех месяцев. Мы твердо решили не заезжать в Халеб, а направиться из Килиса к Дамаску. Однако едва мой дядя, ходжа[1] Илйас, выехал с моими сыновьями и прибыл к нам, весть эта распространилась по Халебу. Тогда множество друзей – христиане, священники, диаконы, а также из другой общины[2] – поспешили в Килис поприветствовать нас и упрашивали заехать к ним, говоря, что редкость визитов к ним нашего владыки патриарха служит им в укор и что они будут опозорены перед другими городами, если там узнают, что он по прибытии проехал мимо, хотя это его родной город.

Что касается отлученного[3] и отверженного Богом хищного волка, рассеявшего овец Христовых и предавшего их в пасть волкам, то, прослышав о нашем прибытии, он притворился больным дизентерией, как бы полумертвым и прикованным к постели[4], и прислал извинение, что не может явиться по нездоровью.

В Фомино воскресенье мы отслужили в Килисе литургию в радости и ликовании. Мы пробыли там пятнадцать дней. Поскольку прибывшие из Халеба и звавшие нас туда священники и аяны[5] докучали нам, владыка патриарх наконец уступил их желанию, но с условием, что он возьмет с них причитающийся ему сбор и что все его затраты на подношения паше и все подарки будут за их счет, и в этом они поручились друг перед другом. Мы выехали из Килиса с немногими вещами, оставив в нем остальные. Подъезжая к Халебу, мы остановились в деревне Билирмун, чтобы пробыть тут до вечера и войти в город незаметно. Но, прослышав об этом, христиане разных общин вышли все вместе встретить нас и стекались к нам толпами. Если бы мы вошли в Халеб сразу по прибытии, это было бы удобнее и спокойнее, а пока мы имели остановку, наплыв народа увеличился, так что обстоятельства вынудили нас двинуться к городу.

---

[1] Титул, указывавший на посещение его обладателем (как мусульманином, так и христианином) святых мест.

[2] Очевидно, мусульмане. Б: «другие сословия» (other classes).

[3] Б: «покойного» (в лондонской рукописи *al-marḥūm*).

[4] Б: «заболел лихорадкой и, по всей видимости, умер, но оказалось, что это был обморок».

[5] Араб. *aʿyān* – «знать, вельможи» (представители региональной элиты в Османской империи).

Как мы въехали в Халеб и восславили Бога за благополучное возвращение.

Женщины вышли встречать нас до Ханакии[1], а мы не могли пройти через мост Баш-Куббе из-за толп народа и встречавших нас, и если бы не янычары и ясакджи[2], шедшие впереди нас с палками, мы бы не пробились. Приблизившись к христианскому кладбищу, мы увидели издали, что все пространство заполнено народом, и продвигались с большим трудом. Попасть в церковь, согласно обычаю, мы не смогли из-за столпотворения и потому, что уже наступил вечер, хотя священники разных общин были наготове в облачениях, по любви к владыке патриарху – да ущедрит их Господь! Митрополит, о котором мы упоминали, также явился встретить нас, трясясь и дрожа, в жалком, плачевном состоянии. Бог свидетель – мы, вследствие перемены в его наружности, не узнали его. Он передвигался при поддержке четырех человек, падая ниц и прося прощения, и из-за столпотворения едва не был растоптан под ногами народа. Таким образом мы добрались до митрополичьей резиденции, **[304г]** где отдохнули, выбросив из головы все тяготы путешествия. Хвала Богу за наше благополучное прибытие на родину и за воссоединение с друзьями и дорогими нам людьми! Наш въезд в богохранимый город Халеб состоялся вечером в четверг 21 апреля.

В канун субботы мы вышли процессией со всеми священниками и диаконами во время входа[3], как принято в этих краях, по случаю праздника великомученика Георгия, который приходился на следующий день. В тот вечер нашего владыку патриарха встречали все священники разных общин в облачениях и вводили его в свои церкви со всяческими почестями и уважением. На следующий день мы отслужили литургию с торжественным крестным ходом и раздали людям свечи по их просьбе. Христиане – да дарует им Бог благоденствие и благословит! – всячески чествовали нашего владыку патриарха и угощали обедом и ужином, устроив дело так, чтобы он обедал в одном месте, а ужинал в другом, и так соперничали в этом, что иногда, бывало, двое или трое одновременно готовили трапезу,

---

[1] Исторический район Алеппо; ранее находился за воротами города к северу и получил название от глагола *ḫanaqa* «душить», что связано с местными легендами о расположенных там таинственных пещерах.

[2] Стражи, обычно охранявшие иностранцев в Османской империи.

[3] Заимствованием *īṣūdun* (греч. εἴσοδον, вин. п. от εἴσοδος «вход») автор обозначает исхождение священнослужителей из алтаря на середину храма во время богослужения.

с обилием яств и сортов рыбы[1]. Они являлись к нему с жалобами на своего митрополита и на то, как он поступал с ними, и владыка патриарх скорбел о них, между тем как тот оставался прикованным к постели.

Гонец, которого мы посылали в Дамаск, вернулся с известием о великой радости тамошних христиан по случаю благополучного прибытия нашего владыки. Также он привез от них письма, в которых они просили его выехать к ним поскорее, чтобы наладить их дела и взять их в свои руки, ибо они стали подобны виноградным лозам после сбора винограда[2]. Еще они жаловались ему на митрополита Эмесского[3] Ибн 'Амиша – второго Иуду, на гнусности, которые он натворил, и причиненные им убытки. Послав к нему, они пригласили его пребывать у них в качестве вакиля, а он явился и служил литургию на кафедре апостола Петра[4] в саккосе, совершал хиротонии и становился на горнем месте, и все это без дозволения предстоятеля. Он совершал незаконные венчания за деньги и натворил много гнусностей – еще больше, чем его собрат[5], митрополит Алеппский. Услыхав о приезде нашего владыки патриарха, он смутился, ибо все время распространял о нас слухи, что мы убиты и уже никогда не вернемся, говоря народу, что теперь он будет их патриархом – чтоб ему пропасть! Он предал своего владыку, рукоположившего его во священника и во епископа. И как митрополит Алеппский питал страсть к хмельным напиткам, так этот человек был поражен неду-

[1] Б: «Не менее многочисленны и обильны были их благодеяния и милостыни».

[2] Арабский фразеологический оборот, означающий обнищание, запустение. В аналогичном значении в Библии используется образ обивания маслин (ср.: Ис 17. 6; 24. 13).

[3] Т. е. митрополита г. Хомс (Сирия). По сообщению Павла Алеппского (Paris. Arab. Fol. 10r), Макарий поставил хури Ибрахима ибн 'Амиша из Килиса митрополитом на Эмесскую кафедру 3 июня 1651 г. с наречением имени Афанасий.

[4] Образное наименование Антиохийского престола, указывающее на то, что первым предстоятелем Антиохийской Церкви, по преданию, был апостол Петр.

[5] Автор использует здесь выражение «сын его тестя» в диалектном варианте и саркастическом словоупотреблении – такую интерпретацию предложил нам епископ Эрзурумский Кайс (Садик), викарий Антиохийского патриарха. Трактовку Бельфура – «хамасец» («the Hemahian») – стоит признать ошибочной, т. к. оба митрополита были земляками Макария, что, очевидно, и послужило причиной для их избрания. В другом фрагменте парижской рукописи (Fol. 10v), отсутствующем в переводе Муркоса, об упомянутых архиереях сказано: «И тогда владыка патриарх разочаровался в них. Так как оба они алеппинцы, он думал оставить их преемниками, дабы гордиться ими еще больше».

гом стяжательства, жестокосердием и скупостью, о чем мы подробно расскажем, если будет угодно Господу.

Впоследствии он бежал из Дамаска и отправился в Сайднайский монастырь, где и оставался. Из-за ненависти к нему жителей Дамаска – а он принуждал их платить большие суммы правителям – и зная об их жалобах на него своему владыке патриарху, он посылал из Сайднаи доносы властям, чтобы напакостить им. Мы тотчас послали ему уведомление, чтобы он явился в Халеб. Также сюда прибыли поприветствовать нас кир[1] Мелетий, митрополит Триполи, кир Николай, митрополит ʻАккара, и кир Неофит, митрополит Латакии.

Между тем из Дамаска через гонцов поступали письма с просьбами, чтобы владыка патриарх собирался и ехал к ним. Наконец решение было принято, и, послав за остальными нашими вещами из Килиса, мы начали готовиться выезжать в Дамаск. Тогда к нам обратились некоторые из алеппских христиан, прося забрать от них их митрополита, чтобы им глотнуть свежего воздуха и передохнуть в его отсутствие какое-то время. Наш владыка патриарх устроил совещание по этому поводу и по делу вакилей; последних он сместил и поставил других. Посчитали долги, остающиеся за алеппской церковной общиной, и оказалось, что их было на семь тысяч пиастров; все церковное имущество, облачения и богослужебные сосуды были отданы в залог заимодавцам. Все эти убытки причинил митрополит, не считая тех сумм, которыми он отягчал свою паству. Что же мог сделать с ним владыка патриарх? Он предал его в руки правосудному правителю, чтобы тот воздал ему должное и наказал его. Тогда тот стал просить владыку позволить ему отправиться с ним в Дамаск, но патриарх отказал, и это было по Промыслу Божьему, как мы расскажем впоследствии. Тот продолжал умолять о помиловании, и мы оставили его[2].

Выезд из Халеба в Дамаск.

Мы выступили **[304v]** из Халеба вместе с паломниками[3] в четверг, 21 июня. По прибытии нашем в Хаму нас ожидали добрые вести.

[1] Кир (греч. Κύρ; от κύριος – «господин») – приложение к имени у православных архиереев на Ближнем Востоке, выражавшее почтительное отношение к ним.

[2] Б: «и мы предоставили его сынам сатаны». Это место в рукописи не совсем ясно.

[3] Термином «хадж» в арабо-христианской литературе обозначается паломничество как мусульман, так и христиан. В данном случае речь идет о мусульманских паломниках, которые должны были достигнуть Мекки к месяцу зу-ль-хиджжа (август 1659 г.), когда совершается хадж.

Дело в том, что в Дамаске было два важных человека из именитых людей города: один по имени ʻАбд ас-Салям, янычарский кяхья[1], другой – ʻАбд аль-Баки, янычарский языджи[2]. Они были весьма своевольны и строптивы по отношению к султанскому правительству и поддерживали тайные сношения с мятежным Хасаном-пашой[3] против визиря. Когда упомянутый паша погиб, визирь послал хатт-и-шериф[4] Кадыри-паше, паше дамасскому, о котором мы упоминали ранее как о паше силистрийском, повелевая ему, прибегнув к хитрости, отрубить им головы. Тот пригласил их во дворец и, обезглавив их, послал их головы в Стамбул. Теперь в Хаме мы увидели тех, которые их везли, и обрадовались: то было для нас большим благодеянием, так как об этих людях нам недавно рассказали, что они час за часом поджидали нашего владыку патриарха, а мы были не в силах удовлетворить их алчность. Но Господь положил конец их существованию. Когда погибли те, кто был во главе мятежа, визирь написал упомянутому Кадыри-паше, настоятельно советуя ему отрубить головы всем тем своевольным янычарам, которые были замечены в упорном неповиновении и клевете на султана и визиря. Многие из них были обезглавлены, а остальные бежали и рассеялись по Йемену, Египту и Аравии. Еще раньше визирь послал двух чорбаджи[5] капыкулу[6] с их людьми – один чорбаджи из двадцать шестой оды[7], другой из тридцать второй – с шестьюстами или семьюстами человек и, отстранив дамасских янычар, охранявших крепость, поставил этих вместо них, и они усилились против тех[8]. Гнев Божий поразил их за все жестокости и зверства, которые они совершали над подданными, не имея над собой никакой власти. Таким образом Бог дал визирю привести его желание по отношению к ним в исполнение, и все это случилось к нашему благополучию – хвала и благодарение Господу!

---

[1] Тур. kâhyâ (управляющий делами; поверенный) – один из высших офицерских чинов у янычар.

[2] Тур. yazıcı – «писарь, секретарь».

[3] Ранее автор пояснял, что туркменский ага Хасан-паша был назначен халебским пашой и открыто выступил против визиря, возглавив вооруженное восстание.

[4] Обычно этим термином обозначаются официальные документы авторства султана.

[5] Тур. çorbacı (офицерский чин у янычар).

[6] Тур. kapıkulu (гвардейский янычарский корпус, личная гвардия султана).

[7] Тур. oda – «комната» (рота в составе янычарского полка).

[8] Б: «Поведение первых было теперь подвергнуто строгому расследованию».

Когда мы прибыли в Хомс, навстречу нам вышел злочестивый митрополит этого города, второй Арий, который явился из Сайднаи, прибегнув к обману и ухищрениям. Но мы его ни в чем не упрекнули, а, посмеиваясь над ним[1], взяли его с собой и успокоили его – с тем чтобы достигнуть своей цели в отношении него и произвести над ним суд в присутствии его противников, созвав против него синод. Когда мы отъехали от Хомса на два дня пути, я, убогий, начал выговаривать ему, напоминая ему о его гнусных делах по порядку, а он забеспокоился и стал отнекиваться.

О нашем прибытии в Дамаск.

Наконец мы вступили в богохранимый[2] город Дамаск 1 июля. Христианская община встретила нас со всяческими почестями и уважением, радостью, весельем и ликованием. Прежде всего мы засвидетельствовали свое почтение паше, посетив его, а также всех аянов города с подарками, восковыми свечами, сахаром и тканями. Затем мы занялись уплатой наших долгов. Первым значился долг дому Хаджи Насыр ад-Дина, общая сумма которого, по определению суда, составляла около девяти тысяч пиастров. Мы его уплатили, написав расчет между нами и ими. Другому кредитору мы выплатили около двух тысяч пиастров, третьему – две тысячи пятьсот, четвертому – тысячу, еще одному – пятьсот, таким образом, всего – около 15 тысяч пиастров, как деньгами[3], так и сукном, мускусом, мехом и тому подобным. На пашу и других именитых лиц мы истратили более трех тысяч пиастров.

О постройке патриаршей резиденции и ее зала.

Патриарший дом и его зал к тому времени совсем обветшали, так как были построены главным образом из кирпича и старой древесины. Мы снесли их до основания и построили новый дворец, принадлежащий нам, с погребами для кладовой[4], галереями, отхожими местами с проточной водой, жилыми комнатами и мощеными дворами. Зал мы вымостили плитами разных цветов; я заказал из Халеба желтые и серые плиты, и это обошлось нам вместе с водоемом примерно в шестьсот пиастров. Фасад дворца я облицевал от основания до верха черным и белым камнем и устроил при нем фонтан

[1] Б: «встретили его с веселой улыбкой».

[2] Б: «укрепленный».

[3] Б: «Патриарший дом также требовал некоторой суммы денег».

[4] Б: «кельями для духовенства».

и водомет из разноцветной мозаики и цветного мрамора; вода стекается туда и, вытекая **[305r]** россыпями, радует сердце и прогоняет тоску с души.

<...> Красота зала с его водоемом и фонтаном была предметом разговоров в Дамаске, и многие знатные люди приходили посмотреть на него. Вся эта постройка обошлась нам примерно в три тысячи пиастров. Ничто бы тебя так не восхитило, брат, как ряды нарциссов и других цветов на ступеньках фонтана, спускающихся сверху донизу, с рассыпающейся посреди них водой; по краям водоема кругом стоят бутылки вина, брызги фонтанов встречаются друг с другом[1], а мы сидим в новом зале напротив и пьем себе на здоровье[2] с кубками в руках. Молю Господа моего, да сподобит Он **[305v]** всякого читателя и всякого слушателя моего убогого рассказа посетить святой Иерусалим и увидеть это удивительное место! Я уверен[3], что если бы у нас была целая сокровищница денег, они непременно ускользнули бы из наших рук, но это сооружение останется на память будущим поколениям, дабы люди просили воздаяния и награды для нас у Всещедрого Царя. Поскольку деньги, имевшиеся у нас, составились из пожертвований христиан, то надо было употребить их на эти добрые дела, к щедрому воздаянию.

О постройке патриаршего хана[4].

Патриархии принадлежал хан, пожалованный ей в собственность, находившийся напротив дверей портика патриаршего дома; сверху были жилые надстройки для бедных. В последнее время он сделался прибежищем блудниц, и многие безуспешно пытались выгнать их за их лицемерие, беззакония и гнусности, которые они творили. Я их выставил и, сравняв все здание с землей, воздвиг его заново с самого основания и сделал его в два этажа: на нижнем этаже было девять больших, просторных мастерских, а на верхнем – восемь, еще лучше и привлекательнее[5]. Ежегодный доход от аренды хана, прежде равнявшийся 25 пиастрам, теперь составлял более ста двадцати. Однако мне пришлось много потрудиться над его постройкой, вследствие большого количества земли, бывшей внутри него, – да избавит нас Господь от дамасских зданий! Едва сделаешь отверстие в своде, как

[1] Б: «вперемежку с кувшинами воды».

[2] Б: «во славу Божию».

[3] Б: «...которое я сумел так хорошо устроить».

[4] Постоялый двор. Здесь – здание, использовавшееся для нужд патриархии.

[5] Второе возможное значение: «просторнее».

вся стена, сверху донизу, обрушивается. Все это стоило нам около двух тысяч пиастров – для одного только пересыпания земли сотни пиастров оказалось недостаточно. В этом здании я сделал небольшую дверь, наподобие двери митрополичьей резиденции в Халебе, и при входе в одну из мастерских написал дату постройки.

В наше отсутствие в старом патриаршем доме поселили агу и сделали здание его жилищем, впустив его через ворота хлебопекарни. Мы выдворили его с большим трудом. Поэтому я заложил обе двери камнем, оставив только одни ворота для входа, а именно внешние. Я сделал их еще более красивыми и глубокими, чем ворота митрополичьей резиденции в Халебе, из больших тяжелых камней, с укрепленным входом; другие подобные им были с внутренней стороны, и вместе они походили на ворота крепости. Теперь – слава Богу! – обитатели уже не боялись, что кто-нибудь будет им досаждать, ибо ничья рука не в силах сокрушить ворота: их выемки столь глубоки, что в них может укрыться человек. Работники и искусные мастера трудились около двух лет, но мы постарались достроить хан до наступления зимы, увеличив число мастеров и рабочих – всего их было человек шестьдесят-семьдесят – так что он был окончен за 80 дней. Этому удивлялись знатные мусульмане: ведь если бы эта работа делалась для них, то ее не завершили бы и за два года, но так как все работники были христиане, то им было совестно перед нами, и они трудились от всей души над этим добрым делом, тем более что я принадлежу к их племени, их Церкви и их патриархии[1].

Еще со времен прежних патриархов существовала традиция доставлять каждую неделю для патриаршего дома две партии вина из Сайднаи. В наше отсутствие она прервалась, но я много трудился и старался, пока не установил ее снова.

По прибытии нашем в Дамаск к нам явились митрополит Сидонский, митрополит Бейрутский, митрополит Баальбекский и митрополит Триполийский, чтобы поприветствовать нашего владыку патриарха, после чего он отправил их собрать ему нурию[2], согласно обычаю.

[1] «Б: “тем более что это делалось для их соотечественника, для их Церкви и для их патриарха”».

[2] Годовой сбор (предположительно в размере десятины дохода) с сирийских христиан в пользу патриархии (см.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 160–161).

7168 год от сотворения мира

Сам владыка отправился посетить Сайднаю первого сентября, когда наступил 7168 год от сотворения мира[1]; я же, убогий, остался вместо него в Дамаске. Через шесть дней после праздника Воздвижения Креста к нам прибыл из Халеба гонец с важной радостной вестью и сообщил о смерти митрополита Алеппского 13 сентября, после непродолжительной болезни, извергнувшей полностью его кишки, так что конец его был плачевным[2]. Все радовались его кончине; Господь посетил Свой народ, освободив и избавив его от испытаний. Вестник прибыл к нам после полудня, и я немедленно снарядил конного гонца в Сайднаю доставить радостное известие нашему владыке патриарху. Он получил его после ужина, прежде чем отошел ко сну, и исполнился радости, не злорадствуя смерти митрополита, но радуясь избавлению **[306r]** алеппинцев от его зла. Тут же он отслужил параклиси[3] Божьей Матери, вознеся Ей благодарение и хвалу, так как это радостное известие застало его в Ее монастыре[4]. Также я послал сообщить эту новость остальным архиереям епархии; все они терпеть его не могли.

Затем нашему владыке патриарху пришла мысль заняться в этом году варением святого мира, так как мира, приготовленного почившим патриархом Иоакимом ибн Зийаде[5], оставалось не более одного сосуда[6]. Тогда мы записали названия снадобий и трав в тетрадь и начали покупать и собирать их, послав в Египет за бальзамным маслом.

В начале Рождественского поста я, убогий, прибыл в Халеб, где оставался до 10 марта. Я начал сооружать также диван-ханэ[7], который был необходим, и два погреба для солений[8] и съестных припасов, по

[1] 7168 г. от сотворения мира соответствует 1 сентября 1659 г. – 31 августа 1660 г.

[2] Б: «после краткой болезни, опорожнившей дочиста его желудок, от которой он испустил дух в слезах и рыданиях».

[3] Греч. παράκληση (последование молебного канона).

[4] Имеется в виду знаменитый женский монастырь Рождества Богородицы в Сайднае, основанный, по преданию, в VI в. императором Юстинианом.

[5] Иоаким VI ибн Зийаде – патриарх Антиохийский в 1593–1603 гг. Он был последним, кто готовил священное миро до Макария в 1595 г.; перерыв составил более 60 лет.

[6] Б: «немного более одного галлона».

[7] В османском словоупотреблении этот персидский термин означал: 1) судебная палата; 2) помещение для прислуги (см.: Redhouse's Turkish Dictionary. London, 1880. P. 575).

[8] Б: «два подвала для темницы».

причине ужасов, тревог и грабежей, случившихся в мое отсутствие из-за Ахмада-паши[1], о чем мы уже упоминали, а также из-за недавнего страха перед Хасаном-пашой и Муртезой[2]. К тому же мне удалось достать прекрасную мраморную колонну – настоящее произведение искусства[3] – вместе с тремя арками из пестрого, желтого и черного камня по сходной цене, за тридцать два пиастра. Предприятие удалось, и благословенная постройка была закончена. Это делалось одновременно – в то время как я занимался в Дамаске упомянутым строительством, в Халебе в мое отсутствие возводили эту постройку.

Затем я выехал в Дамаск в обществе иерусалимских паломников, присоединился к моему родителю и, преклонив колена перед его святостью, получил его благословение.

Описание приготовления святого мира.

Тогда мы приступили к делу мироварения и, собрав все необходимое к Вербной неделе[4], растолкли все снадобья в ступке, для пяти варок. <...>

В ту ночь было явлено великое и очевидное чудо от икон на вратах алтаря этой церкви, а именно: с наступлением темноты они стали источать миро, которое лилось с них ручьем, чему мы были изумлены. <...>

Как я устроил амвон в дамасском храме.

К нынешнему празднику Пасхи я устроил для внутреннего храма аль-Марйамиййа[5] новый амвон с четырьмя прекрасными позолоченными колоннами и сенью, и первое, что я прочел на нем, было Пасхальное Евангелие.

Как я устроил престол с киворием в дамасском храме.

Еще раньше я посылал привезти из бейрутской церкви мраморную плиту – очень большой обтесанный камень, и поместил его на престол. Прежний престол был слишком маленьким, и я снял его, а вместо него устроил новый с арками, колоннами и изразца-

[1] Ахмад-паша был прислан из Стамбула управлять Халебом, но встретил сопротивление местных жителей, что повлекло за собой осаду и грабежи.

[2] Паша Диярбакыра, присланный султаном воевать с мятежным Хасаном-пашой.

[3] Б: «...столб, который можно было расколоть на плиты».

[4] Т. е. к шестой неделе Великого поста.

[5] Успенский кафедральный собор Дамаска.

ми. В центре я установил подпорку из мрамора, на которой написал дату, а сверх нее мы поместили упомянутую плиту, и получилось необычайно красиво. <...>

О синоде, собравшемся против митрополита Эмесского Ибн 'Амиша и отлучившем его[1].

Возвращаемся. Что же до случившегося с митрополитом Эмесским, Ибн 'Амишем, то это нельзя обойти молчанием. Мы созвали против него синод, на котором присутствовали Мелетий, митрополит Триполийский, Филипп, митрополит Бейрутский, Иеремия, митрополит **[309r]** Сидонский, Николай, митрополит 'Аккарский, Неофит, митрополит Лаодикийский, Герасим, митрополит Забаданский[2], Григорий, митрополит Хауранский[3], все дамасские священники, духовенство и аяны, в церкви святого Николая. Все судили его и постановили против него, в его присутствии, что он, во-первых, становился на горнее место; во-вторых, что он облачался в притворе при пении «Тон дэспотин»[4]; в-третьих, что он рукополагал священников и диаконов; в-четвертых, что он постриг в монашество одну мирянку с наречением ей имени Симеона и, не найдя для нее восприемницы-монахини, назначил некоего монаха по имени Симеон ее восприемником, и это было сделано после того, как она скончалась и дух ее отошел, ради ее наследства; в-пятых, что он постоянно провозглашал: «Патриарх Макарий уже не вернется, я – ваш патриарх»; и в-шестых, что он венчал незаконные браки в четырех степенях родства, в городе и в области, ради получения денег. Подобных беззаконий и гнусностей приводили против него без числа, так что все единодушно приговорили его к лишению священного сана и отлучению, пока он не покается. Постановление об этом изложили в статиконе, который мы разослали по всей епархии, и все обрадовались этому, ибо этот человек с его языком был для всех бритвой.

Вот его содержание:

«Слава Богу во веки!

Макарий, милостью Всевышнего Бога патриарх Антиохийский и всего Востока.

---

[1] Этот заголовок вписан на полях ниже, возле начала текста статикона.

[2] Аз-Забадани – город на территории мухафазы Дамаск.

[3] Хауран – историческая область на юге Сирии.

[4] Возглашение хором многолетия архиерею («Господина и архиерея нашего, Господи, сохрани на многая лета»). Обычно поется по-гречески ("Τὸν Δεσπότην καὶ Ἀρχιερέα ἡμῶν..."). Б: «по обычаю владык (патриархов)».

В воскресенье, 28-го числа благословенного месяца августа 7167 года от сотворения мира, соответствующего середине месяца зу-ль-хиджжа[1] 1069 года по хиджре, в городе Дамаске, в церкви святого Николая, собрался священный синод в присутствии нашего смирения, приложившего свою подпись и печать вверху и внизу, и в присутствии архиереев области[2] Антиохийской, подписи и печати которых приложены в конце. Собрание их и иск были против Афанасия, митрополита Эмесского: что он, явившись в Дамаск, всходил на патриаршее место без дозволения патриарха и без их совета и согласия; что он служил в патриаршей церкви, облачившись снаружи в притворе; что он рукополагал священников и диаконов без разрешения предстоятеля; что он становился на горнее место, куда не всходит никто, кроме патриарха; что он дерзал клеветать на своих собратьев-архиереев; что он совершал незаконные венчания в городе и в области и объявлял их законными, получая за это деньги. Все это было доказано при нем по порядку, в собрании упомянутого священного синода, городского духовенства, высшего клира и аянов общины. Далее – что он, удалившись в Сайднайский монастырь, всходил на кафедру и служил литургию без разрешения, уже после того как упомянутые священнослужители, клир и почетные лица общины прислали ему запрет делать это, но он не перестал. Еще до этого были выявлены и занесены в ведомости многие его гнусности, доказанные в его присутствии. Посему наше смирение, Макарий, патриарх Антиохийский, согласно предписаниям христианского закона, повелением Всемилостивого Бога и султана, присуждает этого человека, то есть упомянутого Афанасия, к лишению всех степеней священства, дабы он не имел права служить литургию или иные богослужения и надевать на себя епитрахиль. Если же преступит он наше постановление, то да будет предан анафеме и отлучен от славы Отца, и Сына, и Святого Духа, и от святых Вселенских Соборов, пока не обратится к покаянию и не очистит свою совесть, возвратив украденное им у патриархии, у Церкви из ее имущества, у живых и мертвых». На этом священный синод разошелся с миром.

Возвращаемся. После этого митрополит ночью бежал из Дамаска и удалился в Халеб, где оставался год и два месяца, упорствуя в своем

[1] 12-й месяц мусульманского лунного календаря.

[2] Согласно интерпретации Бельфура (в лондонской рукописи *aš-šūriyya*). В парижской рукописи из-за кляксы стоящее здесь слово идентифицировать невозможно.

лицемерии, пока Господь не послал ему погибель 11 ноября, **[309v]** отлученному и лишенному сана. Так что арабские земли лишились двух «светил» – я имею в виду этого человека с его собратом[1], – да воздаст им Создатель по делам их! Известие об этом доставили нам его собственные гонцы.

Возвращаемся. Что касается нашего владыки патриарха, то он пробыл в Дамаске год и четыре дня, а в ночь на 5 июля отправился в Сайднаю, и оттуда – в ар-Рас[2], Бейрут, Триполи и Хаму, проведав всю свою паству. В Халеб он прибыл 7 мая[3], отпраздновав Пасху в Хаме и поставив там митрополитом хури[4] Неофита ас-Сакизи[5], бывшего одним из диаконов патриарха Евфимия и его земляком. Это было в Светлый понедельник, на следующий день после Пасхи 7169 г.[6], в присутствии Антония, митрополита Баальбекского, и Герасима, митрополита Забаданского.

Прибытие патриарха в Халеб стало для тамошних христиан радостным событием, доброй вестью и облегчением, так как там был паша по имени аль-Хасеки, притеснитель и тиран, изощрявшийся в угнетении жителей города. А в этом году случился повсеместно большой неурожай, вплоть до Румелии, Валахии и Молдавии, как нам сообщили, и в особенности в арабских областях, так что цена маккука[7] пшеницы в Халебе доходила до 100 пиастров, и то ее негде было достать, как и другое зерно. То же самое было в Дамаске, но Господь – слава Ему! – помиловал Дамаск в лице его тогдашнего паши, а именно Ахмада-паши, сына визиря Кёпрюлю[8]. Он позаботился, чтобы из Египта доставили большое количество пшеницы, риса и другого зерна, чего раньше никогда не случалось, потому что обычно пшеницу из Египта не вывозят, но ему, как визирю, сыну визиря, выделили. В то время как мешок местной пшеницы продавался за 80 пиастров, он продавал[9] его по 40 пиастров и дешевле, а иначе люди съели бы

[1] Т. е. вышеупомянутым митрополитом Халебским Митрофаном. Б: «и арабская страна потеряла бачмана(?), – я хочу сказать, Ибн-ахмаха».

[2] Рас-Бейрут (район к западу от Бейрута, в настоящее время – часть города).

[3] Б: «17-го».

[4] Приходской священник.

[5] Т. е. хиосца.

[6] 1661 г. от Р. Х.

[7] Мера объема сыпучих тел, составлявшая в разное время от 7 до 18 л.

[8] Династия Кёпрюлю (тур. Köprülü) – знатный род Османской империи албанского происхождения, к которому принадлежали восемь великих визирей.

[9] Б: «покупал».

друг друга. Иногда стоимость ратля[1] хлеба, изготовленного из чего попало – опилок костей, навоза и тому подобного (да избавит нас Господь!) – доходила до трех пиастров и даже до трех с половиной, да и то нельзя было достать его, а пекарни закрывались из-за натиска народа. Вот какое благодеяние совершил паша дамасский, а упомянутый аль-Хасеки делал и продолжал делать совершенно обратное, и наш владыка патриарх, опасаясь его притеснений, терял время в Хаме и ее области. Но когда тот прибыл в Сармин[2], его постигла Божья кара, ибо султан – да поможет ему Господь! – и визирь, узнав о его тирании, разгневались на него, послали схватить его и казнили. Господь послал избавление Халебу и его жителям.

О втором въезде нашего владыки патриарха в Халеб.

Тогда наш владыка патриарх вступил в город со спокойным сердцем, и жители возрадовались его прибытию. В тот же вечер повесили человека по имени Абу Йусуф Бави, который служил у того паши аль-Хасеки главным доносчиком[3]. Он погиб вместе с Иудой, и его казнь была радостью для всего населения города.

Что касается меня, убогого, то я оставался вместо моего родителя в Дамаске в качестве его вакиля, по обычаю выказывая любезности сыну визиря и поддерживая связи со всеми его агами и кяхьями. Когда наступило время сбора хараджа[4], евреи пожаловались на пребывавшего в Дамаске дефтердара[5], который собирал харадж на паломников, что он взял с них в прошлом году на тысячу пиастров[6] больше, чем повелел султан. Сын визиря разгневался на него и потребовал у него отчет. Было решено произвести перепись христиан и евреев.

Наш владыка патриарх ранее вычеркнул из списка плательщиков хараджа в Газе 141 имя, во времена Абшира-паши, который очень его любил, – а паша дамасский имеет полномочия списывать

[1] Ратль – мера веса, равная 449,28 г (см.: *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. М., 1996. Т. 1. С. 302). По другим данным, алеппский ратль составлял 1,5 кг.

[2] Город в Сирии, в мухафазе Идлиб. Б: «когда нечестие этого притеснителя дошло до высших пределов».

[3] Б: «в доме которого проживал атаман разбойников».

[4] Изначально – поземельный налог с немусульман; подушная подать называлась «джизья». В Османской империи хараджем называли оба вида налога. Павел Алеппский использует этот термин во втором значении.

[5] Чиновник, ведающий финансами и налоговыми реестрами.

[6] Слово «тысяча» здесь пропущено, но ниже говорится, что дефтердар ежегодно брал тысячу пиастров сверх положенного хараджа.

харадж и рассматривать обжалования, и его действия имеют силу[1]. Большинство газских христиан уже перешли в ислам, а на оставшихся возлагали харадж за обратившихся в ислам, поэтому христиан осталось совсем мало. Придя, они припали к нашему владыке патриарху, который сжалился над ними и снял с них упомянутый харадж, так что в списке осталось имен сорок, не больше. Но чтобы добиться списания, он истратил около **[310r]** двух тысяч пиастров. Услышав об этом, дамасские христиане взбудоражились и сказали ему: «Ты освобождаешь от подати людей из другой епархии, а как же мы?» Поэтому он приложил всяческие старания и усилия и вычеркнул из них 120 имен, из жителей Кары[2] – 15 имен, из населения Ма'арунии[3] – 15 имен; на это потребовалось около четырех-пяти тысяч пиастров. В отсутствие нашего владыки патриарха в течение этих лет не нашлось доброго человека, который бы воспрепятствовал этим нарушениям, и вышеупомянутый дефтердар, прибыв в Дамаск и узнав об этом, находил предлог ежегодно взимать с христиан, после уплаты хараджа, тысячу пиастров и больше, вплоть до настоящего времени.

О переписи, устроенной сыном визиря в Дамаске.

Тогда выехал матараджи[4] визирского сына, назначенный производить перепись; при нем был секретарь, наш приятель, которого мы задобрили, так что он писал согласно нашему желанию. То была милость Божья, а иначе, если бы он записывал священников, диаконов, детей и всяких бедолаг[5], как было указано в имевшемся при нем буюрулду[6], то дело было бы плохо. Подушный харадж с дамасских христиан в то время включал 480[7] имен, а харадж с жителей Баальбека – 20, как и с населения Кафр-Бухума[8]. Мне пришлось вместе с несколькими стариками раньше секретаря обойти каждую улицу,

[1] Б: «уменьшать харадж с Газы на сто одно имя и даже больше» (в лондонской рукописи здесь гаплография).

[2] Город в Сирии в мухафазе Дамаск, на полпути между Дамаском и Хомсом.

[3] Имеется в виду селение Ма'аруна в мухафазе Дамаск, на склоне горного массива Каламун, с преимущественно христианским населением.

[4] Тур. mataracı (от matara – «фляга») – придворная должность вроде стольника (в другом месте автор поясняет термин через персидское слово *šarābdār* «виночерпий»).

[5] Б: «недоносков».

[6] Письменный указ османских сановников (тур. buyuruldu).

[7] Б: «180».

[8] Город в Сирии, в мухафазе Хама.

дом за домом[1], и предупредить тайком людей, чтобы они удалили с глаз убогих и калек[2]. Ага располагался у входа в квартал и давал строгие указания и предупреждения сборщикам хараджа, известным лицам и почтенным жителям квартала, чтобы они никого не скрывали. Поэтому, кто набрался смелости и с нашего ведома не был занесен в списки, проходил незамеченным, а боязливые попадались. Языджи имел при себе чистую тетрадь, вверху каждой страницы которой были написаны имена различных родов – дамаскинцы отдельно, население области и кочевники отдельно; каждого он записывал под соответствующим заголовком. Если человек был холост[3] и не имел имущества, его пропускали; но отсутствовавших холостяков, имевших собственность, записывали. Таким образом мы, укрепив сердца силою Всевышнего, составили список дамаскинцев не более как в 470 имен, и они избавились от ежегодных вымогательств дефтердара. Жителей Баальбека было много, однако большую часть их мы вычеркнули и с согласия аги записали всего 43 имени, хотя их было больше полутораста; ведь они очень бедны. Жителей Кафр-Бухума было около двухсот в городе и в округе, а мы снизили цифру до 60 – и так же в остальных разделах тетради. Что касается уже возмужавших юношей, то, когда аге попадался кто-то из них, мы ходатайствовали за него и ублажали агу одним пиастром или двумя, причем брали у него бумагу с подписью и печатью, чтобы юношу не притянули вторично. Ведь по окончании переписи ага со своими служителями пускался на розыски и, хватая каждого, кто попадался ему, налагал штраф на его семейство и жителей квартала за то, что его не записали. Мы, в меру своих возможностей, задабривали его до окончания дела и до полного сбора хараджа; однако мне это стоило многих затрат, и все это ради небесной награды и воздаяния. Если бы я не присутствовал по Божьей воле в этом году при этом деле, то поборы сильно увеличились бы; но благодаря тому что ага питал к нам большую симпатию и ему было неловко из-за множества наших подношений, подарков и угощений, он не прислушивался к речам наших врагов и еретиков, клеветавших на нас из зависти.

Таким образом закончилась перепись, и нами остались довольны и дефтердар, и кяхья паши, и все его аги; они ходатайствовали о нас перед матараджи. Но вскоре паша получил новое назначение – его

[1] Б: «Чиновник продолжал перепись с таким рвением, что поток людей являлся пред ним, когда он ходил, в сопровождении некоторых старшин...»

[2] Б: «слабоумных и недоносков».

[3] Б (дополнительно): «не имел братьев».

отец прислал за ним, чтобы поставить его визирем вместо себя. Он выехал с гонцами со 150 лошадьми. Он находился в состоянии войны с родами Ма'ан и Шихаб[1] и поставил условием, что они должны заплатить 500 кошельков[2] его величеству султану для получения прощения. Для принятия этих денег он оставил в Бекаа[3] Каплана-пашу, пашу триполийского, с его собственными войсками и с войсками дамасскими. В два дня он достиг Хамы **[310v]** и ехал день и ночь, пока не прибыл в Эдирне[4], где увидел своего отца, по смерти которого унаследовал должность визиря.

О моей деятельности в бытность мою вакилем в Дамаске.

В то время когда я был патриаршим вакилем в этом году вместе с кир Николаем, митрополитом 'Аккарским, умерли пятеро из дамасских священников. В начале патриаршества нашего владыки здесь было 30 священников, из которых на сегодня скончались пятнадцать – да упокоит их Господь! На отпевании их и после их погребения я совершал обряды, принятые в этой местности, раздавая присутствующим вино и сухари и наливая им три чаши за упокой души усопших. На могилах священников я положил большой шлифованный камень, на котором написал даты по-гречески, а на могилах монахов поместил большой черный камень, чтобы отметить место.

Я утвердил обычай вести список имен усопших, которых записывали в тетрадь, находящуюся в алтаре, изо дня в день в течение года, чтобы их поминали на каждой литургии. Родные почившего знали, когда будет сороковой день, полгода и годовщина, и могли отслужить по нему панихиду или литургию. По прошествии года его имя вычеркивалось. Это входило в обязанность пономарей.

Священники вторгались в недельное служение друг друга, погребая умерших, совершая крещения и помазывая елеем[5] без разрешения чередного священника недели и патриаршего вакиля. Я запретил им это, предписав, чтобы все вопросы, возникающие в течение

[1] Феодальные кланы, правившие в Горном Ливане.

[2] В финансовых операциях того времени наибольшее хождение имел румелийский кошелек – сумма денег, равная 500 пиастрам (см.: *Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1961. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. С. 282).

[3] Провинция на востоке Ливана.

[4] Эдирне (греч. Адрианополь) – город на северо-западе Турции; с 1365 г. по 1453 г. столица Османского государства.

[5] Б: «освящая свечи». Глагол *qandala* (производный от *qindīl* – «лампада») в значении «помазывать маслом» встречается у Павла Алеппского при описании освящения мира в Великий Четверг (Paris. Arab. Fol. 184v).

недели, решались служащим священником той недели, в согласовании с вакилем. Это привело к всеобщему благу, установлению порядка и прекращению несогласий. Я запретил приезжим священникам справлять требы для жителей города и вторгаться в область городского духовенства, повелев им заниматься делами своих общин в деревнях и квартале аль-Мидан[1].

Я ввел обычай, чтобы архиерей кадил над усопшим вокруг его гроба и затем присутствующим, согласно обычаю этой страны, а после него – священники.

Христиане по праздникам устремлялись к причащению Святых Таин без исповеди, поэтому я послал к нашему владыке патриарху и получил от него статикон, затем обязал духовников изготовить печати с их именами и поставить их на грамотах, которые они должны были выдавать своим ученикам, исповедующимся у них, – и женщинам, и мужчинам; так что священники и диаконы никому не преподавали Святые Тайны без бумаги с печатью, и таким образом установилась дисциплина.

В Дамаске были старые сборщики хараджа, злые нечестивцы, Бога не боявшиеся, которых никто не мог сместить, так как ежегодно они находили способ подкупить харадж[2] и оставались на своей должности благодаря его покровительству. Они пользовались своей властью над бедными и несчастными, живя из года в год за счет кошелька христиан. Приложив все усилия, я добился их удаления и назначения вместо них четырех других, почтенного возраста, набожных и богобоязненных, так что благодаря им в этом году настало полное спокойствие и большое благо для бедняков.

Шейхом[3] христианских кварталов обычно был христианин, который назначался с согласия патриарха и остальных христиан, но в наше отсутствие над ними был поставлен шейхом один окаянный человек, отверженный Богом, наносивший вред и своими действиями, и языком. Он внес в дела христиан много беспокойства и нарушил порядок в их среде, из-за того что был пристрастен к вину и пропадал в то время, когда его отыскивали; никто не был в силах отстранить его. Однако мы отстранили его, сместив с должности, и я назначил другого человека, который, пока оставался на этом месте, приносил всем покой.

[1] Известный район к югу от исторического центра Дамаска, с преимущественно христианским населением.

[2] Сборщик налогов.

[3] Старейшина, глава общины.

Обыкновенно от христианского квартала требовалось каждый раз, когда являлся паша, обеспечить известное число помещений. В связи с прибытием визирского сына я приложил много стараний и, отдав все свои деньги вместе с тюками тканей, купил несколько домов. Я обустроил их и обставил по образцу лучших жилищ, что доставило прибывшим немалое удовольствие, а христианские дома были избавлены от разорения и вымогательств со стороны субаши[1] и его людей, да и шейха квартала тоже. Я отверз руку щедрости, угощал их яствами и напитками, как подобало патриаршему наместнику и патриаршему дому, так что слово мое имело вес у каждого, и что бы ни сказал диакон, принималось всеми. Все **[311r]** это было по молитвам моего родителя.

Во время похода сына визиря против родов Шихаб и Ма'ан все их подданные, будь то христиане, мусульмане или евреи, потерпели много вымогательств и большие убытки; я же, по мере возможности, помогал нашей общине и защищал их.

У христианских женщин существовал отвратительный обычай, который они изобрели в наше отсутствие, а именно: когда кто-то умирал или приходило известие о смерти кого-нибудь, они с наступлением вечера выбегали толпами вместе со своими родственницами[2], при свечах, и обходили с воплями дома своей родни. Тогда я послал и получил от нашего владыки патриарха статикон об отлучении всякого, кто будет делать это; а если кто упорствовал и продолжал, я не давал совершить погребение умершего, пока тело не начинало издавать зловоние и пока они не уплатят за это в пользу Церкви Божией, и наконец полностью искоренил этот дурной обычай.

В этот благословенный год я понес большой убыток и чрезмерные расходы по причине сильного неурожая, вследствие которого бедняки осаждали патриархию – едва уходили одни, являлись другие, а я был не в силах заградиться и не пустить их; с хараджем было то же самое, как мы уже упомянули. Поэтому еще до окончания года я, выбившись из сил, крайне подавленный и расстроенный, попытался выбраться из этого положения. Я выехал из Дамаска в четверг вечером, 4 июля, через четыре дня после сына визиря, в обществе его кяхьи Салиха-аги, который следовал за ним с его тяжелой кладью, имуществом и казной. Я раньше виделся с ним и усиленно ходатайствовал перед ним за христианскую общину, в том числе

[1] Тур. subaşı – чиновник, выполнявший обязанности начальника полиции.

[2] Слово *aqribā'* стоит здесь в форме мн. ч. муж. рода, но, очевидно, подразумеваются женщины.

за священника и еще десятерых человек из Маалюли[1], где был убит один из дулатов[2] сына визиря. Этих бедолаг привезли и заключили в темницу крепости, где они оставались целый год, не брея головы, в величайшей нужде, и двое из них умерли, так как на них был наложен штраф, часть которого они выплатили, но оплатить полностью не смогли. У паши в темнице также было много людей из области друзов и множество других обвиняемых, почти целый год вместе томившихся в заключении. Я продолжал ходатайствовать за них, пока он не простил их, сжалившись как над мусульманами, так и над христианами. Он представил их список сыну визиря, и тот помиловал их; по внушению Создателя всех выпустили.

Итак, я выехал с ним из Дамаска в обществе наших друзей. Мы вступили вслед за ним в Халеб в понедельник 15 июля, присоединились к нашему владыке патриарху и получили благословение его святости.

Молим Всеславного и Всевышнего Господа, да сохранит Он его и продлит его жизнь до преклонных лет в изобилии всяческих благ, исполненной душевного спокойствия после уплаты долгов, в совершенном покое ума и сердца! Да споспешествует Он нам благословением его святых молитв и искренних молений о нас и о всей его христианской пастве, да сохранит и его, и нас от всякого зла[3], предстательством Владычицы нашей, Непорочной Девы и Матери Божией, святого Петра, первоверховного апостола, и всех святых! Аминь.

Хвала Богу вовеки![4]

Конец[5].

---

[1] Город в 55 км к северу от Дамаска, с преимущественно христианским населением.

[2] В рукописи *dālātiyya* (от тур. deli – «безумец; лихач»). Дулаты – иррегулярные наемные вооруженные формирования, состоявшие в основном из курдов и туркменов. Термин идентифицирован Т. К. Кораевым.

[3] Б: «да не укажет Он ему на нас и не укажет нам на него в день судный».

[4] В петербургской рукописи колофон следующий: «Молим Всевышнего Благословенного Создателя, как даровал Он нам воссоединиться с христианами, родными и друзьями, так да дарует Он нам встретиться с ними в Царствии Небесном».

[5] Подпись в лондонской рукописи: «Переписывание этой книги завершено 19-го числа месяца мая 1765 года от Воплощения Господня»; в петербургской рукописи: «Переписывание сего завершено в четверг, 5-го числа месяца октября 7208 года от сотворения мира бренной рукой Ни'матуллаха ибн аль-хури Джирджиса ибн Салима».

Павел Алеппский. Описание Грузии

(Подготовка к публикации, предисловие и комментарии К. А. Панченко)

Картвельский мир был одним из важнейших направлений внешних связей Антиохийской Церкви. Согласно церковной традиции, крещение Картли связано с именем архиепископа Антиохийского свт. Евстафия. Картлийская Церковь долгое время состояла в юрисдикционной зависимости от Антиохийского патриархата. Автокефальный статус Церковь Картли, самоуправляемая с V в. и с первой четверти VI в. имеющая католикоса, получала в несколько этапов в период с середины VIII по конец XI в. Однако и после этого Картлийская Церковь сохранила некоторые обязательства перед Антиохийской: ее предстоятели поминались на богослужениях, получали символическую дань, а один из антиохийских клириков носил сан «экзарха Иверии». Последнее упоминание этого титула относится как раз к эпохе Макария аз-За'има[1]. Грузинские монахи составляли заметную долю среди насельников монашеской республики Черной горы близ Антиохии, ближневосточном аналоге Афона, процветавшем в конце X – XIII в. Даже в позднемамлюкскую эпоху, период максимальной изоляции христианского Востока, антиохийские патриархи вовлекались в грузинские церковно-политические дела. Когда картвельские земли находились в состоянии тяжелого политического упадка и раздробленности, прибывший в Грузию Антиохийский патриарх Михаил IV в 1460 г. по просьбе имеретинского царя Баграта VI и правителя Гурии посвятил в Западногрузинского католикоса Цаиш-Бедийского архиепископа Иоакима. Это повлекло за собой образование двух католикосатов – Восточного (Картлийского) и Западногрузинского (Абхазского). После первого католикоса Иоакима последующие выбирались на поместном соборе без участия Антиохийского патриарха. В начале XVI в. Антиохийский патриарх Дорофей II по просьбе правителя Самцхе-Саатабаго Мзечабуки предоставил Ацкурскому архиепископу, возглавлявшему церковные структуры его владений, право самостоятельно совер-

[1] В первой половине 1649 г. патриарх Макарий возвел своего ученика Гавриила аль-Халяби в сан архимандрита и отправил его экзархом в «грузинские страны» (Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 687).

шать епископские хиротонии, что давало кафедре некоторые права автокефальной Церкви[1].

На протяжении многих веков грузинские цари и представители знати жертвовали значительные средства на поддержание ближневосточных монастырей и престолов. Милостыня не иссякала даже в XVI–XVII вв., когда две региональные супердержавы – Османская империя и Сефевидский Иран – разделили грузинские земли на сферы влияния. Кроме того, юго-западные грузинские области были включены непосредственно в состав Османского государства (Ахалцихский пашалык), и началась постепенная исламизация местного населения.

Тем не менее грузинские правители, даже те из них, кто под давлением Сефевидов формально приняли ислам, продолжали оказывать покровительство Православному Востоку. Именно эти обстоятельства побудили Антиохийского патриарха Макария III аз-За'има, озабоченного поисками источников финансовой помощи для своей бедствующей Церкви, предпринять в 1664 г. путешествие в грузинские земли. В поездке его сопровождал сын, архидиакон Павел Алеппский, с которым связано появление текста, публикуемого в настоящей Антологии.

Макарий тронулся в путь из Сирии весной 1664 г. Маршрут его пролегал через Малатью и Эрзурум (там патриарх находился в июне 1664). Дальнейшее направление его движения не вполне ясно. Едва ли Макарий ехал через долину Чороха и Гурию – о Гурии Павел в своем описании говорит очень мало, то есть он явно не видел эти земли. Так или иначе, вторую половину 1664 и бóльшую часть 1665 г. Макарий со спутниками провели в Западной Грузии. Судя по колофонам в рукописях Макария, в сентябре 1664 г. он находился в Кутаиси, столице Имеретии, а в августе 1665 г. – в одном из монастырей Мингрелии.

[1] Об истории грузинско-антиохийских связей см.: *Панченко К. А.* Православные арабы и Кавказ в середине XVII в. // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 379–395; *Он же.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 395–402, 420–421. О контактах антиохийских патриархов позднемамлюкской эпохи и западногрузинской знати см.: *Рыбаков А. Л.* Особенности канонического строя Грузинской Православной Церкви и фактор влияния Антиохии в церковных делах средневековой Грузии // Исторический вестник. 2017. Т. 20. С. 106–135; *Таварткиладзе Д. Т.* Грамота Антиохийского патриарха Дорофея II (1512) // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 227–270.

В ходе длительного пребывания в грузинских землях Макарий общался с государями и архиереями, пытался исправлять нравы местного духовенства, крестил тысячи людей в предгорьях Абхазии и Сванетии и проповедовал среди местных племен, почти утративших память о христианской культуре.

Продолжительный досуг и отсутствие церковно-административных забот весьма поспособствовали литературному творчеству патриарха. Многие из его рукописей-автографов помечены 1664–1665 гг. и были созданы в Кутаиси или других грузинских местностях[1].

Особое место среди сочинений Макария занимает описание истории и этнографии грузинских земель – «Известия о стране грузин» (*Aḫbār bilād al-kurǧ*). Этот текст был опубликован как в арабском оригинале, так и во французском и русском переводах еще в нач. XX в.[2] Куда менее известно описание Грузии, составленное сыном патриарха Павлом Алеппским и представленное в феврале 1667 г. в московский Приказ тайных дел, службу безопасности царя Алексея Михайловича[3].

«Описание Грузии» Павла принадлежит жанру не столько географической литературы, сколько политической аналитики. Оно было написано в связи с тем, что Макарий прямо из Грузии отправился в свою вторую поездку в Россию. 1 октября 1665 г. в Тифлисе появился московский посланник Мелетий Грек, передавший Макарию приглашение царя Алексея Михайловича прибыть к его двору для участия в процессе над патриархом Никоном. Мелетий к тому времени уже побывал в Египте и Сирии, вместе с ним в Москву ехал Александрийский патриарх Паисий, принявший царское приглашение.

[1] Именно во время пребывания в Грузии Макарий составил один из своих сборников, рукопись-автограф, ныне хранящуюся в ИВР РАН под шифром В 1227. Оттуда происходит текст об истории Антиохийских патриархов, приведенный в настоящей Антологии (см. с. 279–289).

[2] См. арабский текст с русским переводом: Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария / Пер.: П. Жузе // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. № 1. С. 111–127; № 3. С. 441–458; Ч. 2. № 5. С. 66–93 (далее: *Макарий*. Грузия).

[3] РГАДА. Ф. 27. № 542. «Описание Грузии, представленное архидиаконом Павлом, сыном Антиохийского патриарха Макария». Литературный памятник был единственный раз опубликован в редком издании: Материалы к истории Грузии XVII века: Описание Грузии, составленное Павлом Алеппским / Подготовка к изд., исслед. и комм. Н. Ш. Асатиани. Тбилиси, 1973. С. 69–79 (исследование и комментарии на груз. яз.).

Макарий долгое время колебался, несмотря на обещанную щедрую милостыню. Как считается, конец его колебаниям положили картлийский царь Вахтанг V (известный также под своим мусульманским именем Шах-Наваз-хан, 1658–1676) и его сын Арчил (Шах-Назар-хан), бывший в тот момент правителем Кахетии (1664–1675). Они убедили Макария выступить посредником в их контактах с русским царем, которого многие грузинские владетели рассматривали как желанную альтернативу османам и кызылбашам, доминировавшим на Южном Кавказе[1].

В момент приезда в Грузию Мелетия Грека Макарий пребывал в Имеретии. Как сообщал потом московский посланник, Вахтанг V удержал его в Тифлисе, а за Макарием отправил гонца от своего имени. Антиохийский патриарх прибыл в Тифлис в начале ноября. Зиму он провел там, а в марте–апреле 1666 г., проехав через Кахетию, присоединился к Паисию Александрийскому и остальным греческим клирикам, зимовавшим в Шемахе, откуда все они отправились в Астрахань[2].

Текст «Описания Грузии» Павла Алеппского появился, возможно, не только по настоянию восточногрузинских царей, но и с подачи московского Посольского приказа, целенаправленно собиравшего информацию о сопредельных народах и государствах. Н. Ш. Асатиани считает, что приказные подьячие вручили Павлу список вопросов, которые он должен был осветить в своем обзоре[3]. Заметно, что текст «Описания Грузии» довольно жестко структурирован, разбит заголовками на разделы и подразделы. Сначала идет общий очерк географии и политического устройства грузинских земель; потом, отдельно по каждому из грузинских царств и княжеств, детальное описание рек, задающих структуру ландшафта; следом – опять же по регионам – церковные епархии, монастыри, почитаемые святыни, а также природные ресурсы и климат. Отдельно рассматриваются народы, населяющие Кавказский хребет. На этом, похоже, вопросник был исчерпан, и далее, с листа 12 об., идет уже информация, которую Павел хотел донести от лица царей Вахтанга и Арчила.

[1] См.: *Качарава Ю. Ю.* Политическое положение Грузии и вопросы взаимоотношений с Россией (2-я пол. XVII): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1968. С. 24.

[2] См.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 832–846, 903–912.

[3] См.: *Асатиани Н. Ш.* Резюме // Материалы к истории Грузии... С. 101–102.

При этом сирийский диакон выступал не просто проводником интересов картлийско-кахетинской дипломатии, но и сам в полной мере разделял идею о необходимости русской военно-политической поддержки кавказских единоверцев. Это наложило заметный отпечаток на подачу материала в описании Грузии. Павел всячески подчеркивает достоинства грузинских земель – благодатный климат, плодородие, даже мифические золотые копи, которые должны были возбудить интерес московского правительства. Подробно описаны христианские реликвии, благочестиво сохраняющиеся в грузинских монастырях, а также поругание этих святынь турками и кызылбашами в ходе недавних опустошительных вторжений в Грузию. Павел призывает помочь остановить растущую исламизацию языческих народов Кавказа, прежде бывших христианами. На последних страницах своих заметок он прямо переходит к геостратегическим сюжетам и озвучивает предложения Арчила о военно-политическом сотрудничестве с Русским государством.

Текст «Описания Грузии» Павла был составлен, видимо, на греческом языке, т. к. в Посольском приказе не было переводчиков с арабского. Возможно, архидиакон прибегал к помощи хиосского грека Иоанна Сакулиса, секретаря Макария, сопровождавшего его в этой поездке. Греческий оригинал утрачен, сохранился лишь его русский перевод. Сочинение Павла демонстрирует еще одну грань его дарований, попытку не только описывать прошлое и настоящее, но и напрямую вмешиваться в текущую международную политику.

Публикация[1]

[1] Перевод с грецкого письма, что подал Антиохийского патриарха Макария сын архидиакон Павел в нынешнем во 175 году февраля в 27 день

[2] О грузинской земле.

В грузинской земле суть пять государств. Первая именуется Имерет. И тамо обретается государь Панкратей[2], который низводится от

[1] Текст подготовлен к публикации и откомментирован К. А. Панченко по рукописи РГАДА. Ф. 27. № 542 с указанием ее листов. При подготовке были восстановлены выносные и пропущенные буквы, мягкий знак, расставлены знаки препинания. Сомнительные места отмечены знаком вопроса. В идентификации грузинских топонимов и реалий неоценимую помощь оказала издателю проф. Ф. М. Ацамба.

[2] Имеется в виду Баграт, сын имеретинского царя Александра († 1660). Вскоре после вступления на престол Баграт был свергнут и ослеплен своей мачехой Дареджан, дочерью кахетинского царя Теймураза. В 1661 г. Имерети была захва-

Пангратиани, первые цари грузинские, и тамо есть престол каталикос Абхази, и сие царство есть посреди Грузинские земли.

Второе государство – Кахет, что было престол Теймураза царя[1].

Третье государство – Картел, и столица сего есть в Тефлизе. И тут обретается второй каталикос.

Четвертое – Менгрелиа, государство Дадьяново[2].

чена Арчилом, сыном картлийского царя Вахтанга V, а в 1663 г. снова передана Вахтангом под управление Баграта. (См. о нем также л. 16 источника). Дальнейшая его судьба складывалась не менее драматично, несколько раз он терял и возвращал престол. В 1669 г. отправлял в Москву посольство с заверениями в лояльности (см.: Путешествие патриарха Досифея, с религиозным и политическим состоянием Грузии до XVII века // *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. 1. С. 1–178, здесь: с. 171–178; История Грузии / Сост.: Н. А. Бердзенишвили и др. Тбилиси, 1962. Т. 1. С. 314). Из-за многоженства Баграта и, возможно, некоторых других преступлений, Досифей весьма резко отзывался о нем: «Достойный сын змеи» (Путешествие патриарха Досифея... С. 45). Макарий, напротив, выражал сочувствие несчастной судьбе этого царя, а Дареджан называл «проклятой» (*Макарий.* Грузия. С. 123–125).

[1] Теймураз (ок. 1589–1663) – ключевая фигура грузинской политики в течение более чем полувека. Испытав множество взлетов и падений, побывав на престолах нескольких царств, Теймураз, будучи правителем Кахети, в 1630–40-х гг. вел активные переговоры о союзе с Россией. Пытаясь овладеть Картли, был в 1648 г. разбит и укрылся в Имерети. Оттуда, добиваясь дальнейшего покровительства русского царя, Теймураз отправил в Москву своего внука Ираклия/Николая Давидовича, а в 1657–1658 гг. сам ездил в Россию. Не получив ожидаемой военной помощи, вернулся на Кавказ и, пытаясь примириться с персами, сдался шаху. Отказавшись перейти в ислам, кончил дни в заточении в Астрабаде (см.: Путешествие патриарха Досифея... С. 43, 140, 162–169; История Грузии. С. 296–310). При том что Макарий и Павел, похоже, никогда не виделись с Теймуразом, они питали к нему величайшее уважение. Макарий называл его «новый мученик» (*Макарий.* Грузия. С. 122). Возможно, между Макарием и Теймуразом, в бытность того кахетинским царем, существовала переписка или поддерживались какие-то иные контакты. Будучи в Москве в 1655 г., Антиохийский патриарх встречался с жившей там царицей Еленой, невесткой Теймураза, и его внуком. Как писал Павел: «Мы часто посещали их, по причине большой любви их к нашему владыке патриарху, так как они знали о нем, когда он был еще в Халебе (то есть митрополитом Халеба, еще до поставления в патриархи в 1647 г. – *К. П.*)» (Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898. Кн. 3. С. 86). В декабре 1656 г., возвращаясь на родину, Макарий отправил письмо русскому царю из Валахии; в этом послании он, среди прочего, призывал его оказать помощь Теймуразу в возвращении кахетинского престола и укреплении православия в Грузии, а также просил не оставлять своими милостями Николая Давидовича и царицу Елену (РГАДА. Ф. 52/4. № 46).

[2] Имеется в виду правивший в Мингрелии (Самегрело) княжеский род Дадиани.

[2 об.] Пятое – Гуриа, вне Грузи, который разделит река великая Корион *(Риони)*[1]. И вся Грузинская земля есть от реки Алазана и от Кахетцкие пределы и Кизылбашские до Опхазив ходу дватцать пять дней в длину, в ширину шесть дней. От запада разделит гора великая, которая есть за Грузинскою землею. А от востока разделит гора, которая имянуется Ялбус.

О Мегрелии.

Мегрельская земля в длину десять дней от реки Конские *(Цхенисцкали)* до Опхатцкого государства, где же бе престол был опхазиев. В **[3]** ширину до Чернаго моря четыре дни. И образ есть сеи земли яко лук, и подобна волоской и мултьянской землям з горами и з Дуном рекою. Имеет шесть рек великих, и ходят по них кораблями. Первая река Кодор, вторая Гализга *(Галыдзга)*, третия Енгур *(Ингури)*, четвертая Хоб *(Хоби)*, пятая Тихур *(Техури)*, шестая Конская *(Цхенисцкали)*.

О Имеретии.

Имерет имеет одну реку великую имянуется Регион *(Риони)*. Есть иные реки меньши той, и все реки имеретскии и мегрельскии впали в Черное море.

[3 об.] О Картели.

Картел имеет три реки великих. Одна Миткуари *(Мтквари, Кура)*. Другая Лиахр *(Лиахви)*. Третья Кечия.

О Кахете.

Кахет имеет две реки. Одна Арагви расделит пределы Картлеские от Кахету. Другая река Алазан. Сии реки впали в Хвалинское море.

О Менгрелии.

Колики епископы имеет, шесть епископов. Первый Скоиндел (?) *(Чкондиди?)*. Второй Мукуел *(Мокви?)*. Третий Педиел *(Бедия)*. Четвертой Цаише *(Чаиши)*. **[4]** Пятый Хупе *(Хопи)*. Шестой Трандел *(Дранда)*[2].

[1] Здесь и далее современные топонимы даются в скобках курсивом после соответствующих названий в тексте Павла.

[2] При идентификации западногрузинских епархий мы опирались на приведенный М. Селезневым список епархий Абхазии, Мингрелии и Имерети (см.: Путешествие патриарха Досифея... С. 119–120). Названия некоторых церковных

В первой епископ, который имянуется и Мартуил (?), зане обретаеца там о кроме Чеснаго Древа едина рубаха окровавлена от тех младенцев, которых побил Ирод за Христа, а имя тому младенцу было Мартуил.

Вторая епископиа есть создания от греческаго царя Андроника Комнина, и обретаетца тамо мощи руки и ноги архидьякона Стефана.

В третией епископии обретается Пречистые Богородицы образ, что зовется Влахернской, и лице и руки ее есть что плоть человеческая. А та епископия именуетца Педиел.

[4 об.] Четвертая епископиа Цаишен.

В пятой епископии есть риза Богородицына[1], и таким именем имянуется и есть все живописное. И есть от Чеснаго Древа с поларшина. И видится три древа совокуплены – певг, кедер, кепарис[2].

В шестой епископии Трандела есть рука святые Варвары и от Чеснаго Древа и мощи святых многих во образах, и от сие епископии до престола Апхазии четыре дни ходу. И тамо обретаеца и доднесь великая церковь, которую основал первозванный апостол Андрей, и потом царь Иустиниан **[5]** ту церковь поновил. И тамо ходит каталикос со архиереями своими и творят святое великое миро.

Град Анакови *(Анаклия/Гераклея? Анакопия?)* и близ тово града на берегу Черного моря обретаетца церковь, и глаголют по предание отцев, и что тамо погребен святый апостол Кананит[3]. И все тамошние люди имеют тыи церкви великую честь. И как нечестивые плениша Грузи о Опхазию, пренесли престол кафаликосов в Кутатис *(Кутаиси)* жити вместе с царем Панкратием.

областей встречаются и в описании Грузии Макария, но там они очень сильно искажены.

[1] Ср. описание монастыря Хопи у Досифея, бывшего там зимой 1659 г. Среди монастырских реликвий он тоже упоминает тунику Богоматери, «какие еще теперь ткут в Иерусалиме» (Путешествие патриарха Досифея... С. 34–35).

[2] Согласно преданию, восходящему еще к византийским временам, на месте нынешнего Крестового монастыря в Иерусалиме Лот вырастил три саженца, данных ему Авраамом: сосну, кедр и кипарис. Три дерева срослись в единый ствол. Он был срублен при постройке храма Соломона, но балки, вытесанные из этого дерева, были признаны строителями негодными. Много позже из них сделали крест, на котором был распят Христос (см.: *Чехановец Я.* Грузинская церковь на Святой Земле. М., 2012. С. 66).

[3] Апостол Симон Кананит, которому приписывается начало проповеди христианства на Кавказе.

Обретаеца еще монастырь, где гроб **[5 об.]** Дадианов и длань святого Иоанна Предтечи и гортань с частью волосов от бороды, и от Чеснаго Древа, и многие святых мощи, и святые иконы пречюдные.

Есть монастырь святого великомученика Георгия, идеже по вся годы приносит по волу невидимо пред церковь в 10 день ноября месяца. Которые и мы видехом своими очесами и литургисахом в тот день, и сотвориша великое торжества малыи и велицыи[1].

Менгрелия еще есть богатодательное **[6]** место: шолку много, железа, винограду на древесах и зверей всяких.

О Имеретии.

Имерет есть преславный царский престол, имеющ великия благодати, зане есть выше о всея Грузинские земли, воздух здрав и место красно, богато от всяких плодов и овощей. Грады каменныя крепкие, руды серебряной и железной много, только от страху нечестивых не объявляют[2]. Родитца **[6 об.]** и шолку много.

Имеет шесть епископий. Первое Кутатеи *(Кутаиси)*, еже есть великая церковь, строена от Давыда царя куропалата[3]. Чюдная церковь и зело велика, мраморные столпы белые и зеленые резные. Иконы старые чюдотворные, якоже влахернскоя.

Второе епископия – Гилатской *(Гелатский)* монастырь чюдный и красный. Есть образ Пречистые Богородицы, что написал еван-

---

[1] См. о том же у Досифея: «3-го ноября Имеретинцы, Мингрельцы и Абхазы соединяются в Мингрелии, закрывают храм св. Георгия... и запечатывают на ночь. На другой день, открыв его пред литургиею, находят там прекрасного быка, которого убивают и разделяют между собою» (Путешествие патриарха Досифея... С. 28).

[2] Залежи драгоценных металлов в Грузии – традиционный аргумент промосковских грузинских кругов, стремившихся заинтересовать Россию в продвижении на Кавказ. Так, в 1640 г. посольство царя Теймураза в Москве, испрашивавшее помощи против кумыков, сообщало об имевшихся в Кахети месторождениях золота и серебра и предлагало царю прислать «рудознатцев», обещая половину от найденных и добытых драгоценных металлов. Российскому посольству в Кахети князя Е. Ф. Мышецкого (1641) поручалось, среди прочего, прояснить вопрос с залежами золотой и серебряной руды и доставить образцы. Вернувшись в Москву, князь Мышецкий не подтвердил сведений о золоте: «Теймураз царь той золотой и серебряной рудою манит», т. е. втягивает Москву в дела Закавказья (*Рзянин А. А.* Грузинский вопрос во внешней политике Московского царства в 1 пол. XVII в. (1613–1652): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955. С. 14–17). Павел, похоже, придерживался той же тактики.

[3] Давид († 1000) – правитель южногрузинской области Тао, вассал Византийской империи, носивший византийский придворный титул куропалата.

гелист Лука. Есть еще икона святого великомученика Георгия, обложена вся ис тридесят сребряник, что продал Христа Июда. Есть **[7]** еще посреди великого креста от злата, что принесли волхвы в Вифлеом Пресвятой Богородице, есть и мощи святых много. Такого монастыря и такой церкви несть ни одно подобно им, колико суть в Грузех, созданием в длину и в ширину и великий камень. Созда Давыд, царь грузинский, яко же пишут ветхие книги, сю обитель. Егда нечестивыи хотеша пленить Грузию, и тогда царь Давыд прииде в Русию и поклонися и попроси помощи, и давали ему великую силу, и пошол и изгна нечестивых от места своего и свободи от них[1].

[7 об.] Третиа епископия обретаетца в горе Раче, где есть путь руской. Тамо есть и церковь святого Николы пречюдная и красна.

Четвертая есть епископиа под горами соанскими *(сванскими)*. Близ есть тамо гроб святого Максима Исповедника, идеже бе сослан со учеником своим, и оттуду течет река Конская *(Цхенисцкали)*[2].

Пятое епископия во имя святого Георгия имянуется.

Шестое митрополия есть.

[8] О Картели.

Есть епископов 12 и другой католикос Грузинской. Есть церковь зело чюдная, которую созидали первые цари грузинские Вактан и Коркасар[3] поучением преподобныя Нины. И обретается в той церкви во едину репиду[4] золотой един гвоздь, что при распятии Владыки Христа, и две веревки, которыми связан был Христос, и от крови Христовы и от Чеснаго древа много(?). Есть еще на правой стране всей церкви един велик столп и зело украшен. И в том столпе обретается хитон Христов, яко же является в грузинских книгах. И глаго-

[1] Еще один элемент той же пропагандистской кампании (см. примеч. 2 на с. 324). Сообщение о визите на Русь царя Давида IV Строителя (1089–1125) и получении им военной помощи полностью легендарно, но как нельзя лучше передает желания Павла, намекавшего, что российскому правительству надлежит последовать примеру предков.

[2] По вопросу локализации места ссылки и захоронения выдающегося византийского мыслителя и церковного деятеля прп. Максима Исповедника (582–662) см.: *Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996. Т. 3. С. 206–207 (там же библиография вопроса).

[3] Павел Алеппский, достаточно слабо разбиравшийся в истории далеких народов, иной раз допускал ошибки даже в повествовании о событиях XVI в., не говоря уже о V в., когда жил царь Вахтанг Горгасали, под пером Павла раздвоившийся.

[4] Рипида – церковная утварь в виде опахала на длинной ручке.

лют, что воини оны, которыи быша **[8 об.]** при страсти Христовых, Грузинцы[1].

Есть еще и сеи карталинское место благодатны, имеет руду серебряную и иные, и шолку много, и кипячую воду. И от многого пленения, что сотвориша турки и кизылбаши в Картел и Кахете, пропали многие мощи святых и запустошися церкви, а осталось три чюдные вещи. Един монастырь святого великомученика Евстафия, идеже приносит(?) по всякой год на праздник ево по оленю(?), и торжествует весь народ для того чюда. И некогда показа святый велие чюдо, и умроша турки **[9]** и татары многи, до шестидесят тысяч, егда приходиша пленили Грузинскую землю, и от того страха больше на то место не приходиша.

Второе есть монастырь святого Исихия, который был от новых двунадесят апостолов, ихже посла Антиохийский патриарх некоторым временем от Месупотамии в Грузи да научит христиан, и киижде от них созда по одному монастырю в Картели и в Кахете. И сей святый Исихей на всякой год в четверток на Сырной неделе показует чюдо. И есть гроб ево под церковью **[9 об.]**, и в праздник ево во время божественные литоргии пред собранием всему народу по великий вход – оле чюдесе – изыдет от мощей святого едина часть из гроба сквозь стену, иногда рука, иногда нога, иногда иная часть, и приимет архиерей в руки свои, и со многоговением и трепетом целует весь народ, и после божественной литоргии пред всем народом невидимо бывает чюдо велие и страшное.

Третье. Тамо близ обретаетца монастырь крепкой, в нем же есть святая глава святого апостола Фомы и мощи **[10]** святых многие.

О Кахете.

В Кахете есть 2 митрополии и 7 епископий.

Первая митрополия есть Аливердел *(Алаверди)*. Второе Бедбел *(Бодби)*. Епископии – первая архиепископия Ростонел (*Рустави*), вторая – Святые Троицы, третия – Никотсмендел *(Ниноцминда)*, четвертая – Черемел *(Череми)*, пятое – Некречелис *(Некреси)*, шестая – Хаджисинелис *(Самеба?)*, седьмая – Дишель (*Гишская епархия?*).

[1] Из сопоставления этого описания с данными Досифея (см.: Путешествие патриарха Досифея... С. 10) видно, что речь идет о Тбилисском соборе. В 1685 г. царь Арчил, уезжая в Россию, забрал с собой эти реликвии и оставил их в астраханской церкви, которая потом сгорела со всеми сокровищами.

В первой митрополии Аливерделю был сударь Владыки(?) Христа, и егда пле**[10 об.]**ниша место шах Аббас[1], и взяли тот сударь со иными честными вещми.

Во второй митрополии Бедебел есть мощи преподобные и равноапостольные Нины, что крестила в Грузях весь народ, и пленения ради нечестивого шах Аббаса погибоша многие церкви и монастыри, и честные святые вещи, и осьмдесят тысяч человек погибоша.

О государстве Гурии.

Гурия есть малое государство. За Рион река в пределе вне Грузи в подданстве **[11]** мепу имеретинского[2]. И есть 4 епископии и один митрополит. Есть там и монастырь хороший, где погребаются государи. Имеет и от Чеснаго Древа много и многие святых мощи.

О горе Ялбузе *(Эльбрусе, Кавказе)*[3].

Живут в той горе 300 языков. Начинается от Апхазии. Апхазана суть два государства; одно государство в подданстве у Дадьяна Мингрельского, и суть християне именем, но некрещены. Поклоняются святым иконом и почитают церкви, а тово ради некрещены **[11 об.]**, что нет у них владыки, ни священников[4].

Другое государство есть нечестивыи, и близ их живут оллани *(аланы)*, авазги *(абазги)*, зикхе *(зикхи, предположительно абхазское племя)*, черкесы, леки *(лаки?лезгины?)*[5], соаны *(сваны)*[6], и есть великие недруги Менгрелием и восхищают и пленяют их.

Еще под имеретскою властью есть 2 роды. Соаны *(сваны)* и суть християне, и многою церкви, и священники, и архиереи, и суть под-

[1] Имеется в виду вторжение шаха Аббаса в Кахетию в 1611 г.

[2] *Мепе* (груз.) – царь. Один из немногих грузинских терминов, употребленных Павлом. Любопытно, что патриарх Досифей тоже приводит это слово без перевода (см.: Путешествие патриарха Досифея... С. 28–29).

[3] В русском издании описания Грузии Макария переводчик неправильно понял это слово *(albūz)*, приняв первые две буквы за определенный артикль (*al-*), и перевел «гора Воз» (*Макарий*. Грузия. С. 119).

[4] См. о том же в описании Макария: Там же. С. 73.

[5] См. также примеч. 3 на с. 329.

[6] При уточнении этнонимов здесь и далее мы использовали соответствующий раздел сочинения Макария (см.: Там же. С. 119–120), который тут как никогда близок по содержанию и структуре к тексту Павла; даже кавказские племена перечисляются у обоих авторов в том же порядке, только у Макария их намного больше.

данныи. Второй род есть за рекою Рион, и суть самовластны. Еще два рода есть, что имянуются Осидоно (?)[1], есть меж Имерет и Картели и суть **[12]** крещены, и имеют священники. А другой род некрещены, и близ их живут твелети *(твелы)*.

И сия роды все держат Великий пост и имеют церкви великие и почитают святые иконы, а за то, что не имеют добрых епископов и священников исправити их, свирепы стали. И суть подданы к мепу и дань дают, и под властию Картелии. О сей горы есть савины и екавиты, которые держат литургию святого Иякова брата Господня[2].

[12 об.] О Кахете.

Владеет царь кахетский о[т] края Горы до конца от яковиты, что имянуются хепсурии *(хевсуры)*, и иной род, что имянуются туши *(тушинцы)*, и суть християне православные, и другие, что зовутся диди *(дидоети)*, и иные, имянуются кести *(кистины)*, и отселе до конца Горы обретаются безбожные кумыки. Родится в Кахете шолку много, железа, олово и медь. А в тушах обретается руда золотая и серебряная, а от страху нечестивых не объявляют. От града Торга, где был престол Теймуразов и отца и деда ево, до Туши есть **[13]** в 7 часов, а от Туши до царского града, что имянуется Кистет-Шембут (?) 4 часа, и от туду до великого града, что имянуется имя его по реке, что течет тамо, Сионз, яже есть создание и поновление блаженные памяти царь Иван Васильевич[3], и сей град ныне разорен, только основание и рвы стоят еще, и обретается с пятьсот дворов. И вла-

[1] Осетины? В описании Грузии Макария они названы *awsana* (Там же. С. 120).

[2] Под «екавитами» подразумеваются не «яковиты» (распространенное название сиро-египетских монофизитов в Средние века, восходящее к имени одного из лидеров этой конфессии в VI в. Иакова Барадея), а приверженцы древней церковной традиции, сохранявшие литургию св. Иакова. В раннее Средневековье литургия св. Иакова доминировала в сиро-палестинском регионе, однако в XI–XII вв. она активно вытеснялась стараниями византийского клира, стремившегося к унификации церковных традиций православных народов по образцу Константинополя, где служились литургии св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста.

[3] Речь идет о русской крепости Сунженский острог у слияния рек Сунжи и Терека, контролировавшей торговые пути Северного Кавказа. Крепость впервые была основана действительно при Иване Грозном, в 1566 г. С тех пор она неоднократно оставлялась, разрушалась и снова восстанавливалась. Последний раз Сунженский острог был отстроен в 1651 г. и через два года сожжен иранским войском и его дагестанскими союзниками.

деет ими един воевода именем Арщал (*Арчил*)[1]. И егда убиша царя русийского[2], тогда приидоша на сей град недруги веры нашея легзи[3] и разориша его, и от разорения сего града прияша они великую силу против християнов.

[13 об.] А тот воевода приказывал нам многажды, егда были мы в Грузех, с великою клятвою, что да пишем вашему царскому величеству известно учиних(?), яко аще изволишь утвердити град Терек и прочия росийские казацкие городы, и да сохранятся православные християна грузи от злотворцов им легзи, да пошлет ваше царское величество созидати тово града, яко же и прежде, и утвердит с войском крепко, и тогда поимеешь вси распутие, и осляпятца очи вражиа, наипаче же отсечется путь от легзей до Крыму, зане аще бе град **[14]** создан и утвержден, не приидоша легзи по всякий день с толикими тысячами русским людем, плененных от татар, и продают в кизылбаши. Великую силу взяли легзи от разорения сего града, и аще возможно было им, созидаша бы тот град про себя. Приказывал нам паки с клятвою тот воевода с великим молением, яко да будем мы по нем порутчики, что он будет раб вашего царского величества, яко же и дед его. И за утверждения истины сын его будет в аманаты[4] в Терки или к Москве. Сей воевода проводи и избави **[14 об.]** от многих бед царицу Елену и царевича Николая, ради имя вашего царского величества, и есть християнолюбив[5]. И будет вашему царскому величе-

[1] Арчил (Шах-Назар), сын картлийского царя Вахтанга V (Шах-Наваза) (1658–1675), в то время – правитель Кахети (1664–1675). Неоднократно занимал также имеретинский престол. Придерживался пророссийской ориентации. В 1680-х гг., находясь в изгнании, несколько лет провел в Москве.

[2] Фраза не совсем ясна. Может быть, это отсылка ко временам Бориса Годунова, когда после поражения русского войска в северном Дагестане в 1605 г. Сунженская крепость была в очередной раз оставлена.

[3] Возможно, имеются в виду лезгины, совершавшие постоянные набеги на Грузию. По замечанию современного грузинского историка, «"Лезгинский вопрос" для Грузии XVI–XVII вв. принял характер почти "стихийного бедствия"» (*Боцвадзе Т. Д.* Роль России в грузино-северокавказских взаимоотношениях XV–XVIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988. С. 210). Впрочем, не исключено, что тут употреблен грузинский термин *леки* – собирательное название для всех кавказских горцев, периодически совершавших набеги на Грузию.

[4] Т. е. заложником.

[5] Речь идет о поездке в Москву невестки и внука царя Теймураза, с которыми Макарий виделся во время своего первого пребывания в России в 1655 г. (см. примеч. 1 на с. 321). Вернувшись в Грузию, Николай/Ираклий пытался отвоевать Кахети, но был разбит и пленен Вахтангом. Однако в связи с приездом Макария Вахтанг освободил Ираклия и дал ему возможность бежать в Россию, тем самым

ству великая мзда от Бога и прибыль царствию. И вся Грузия молят вашего царского величества, да будет се дело, и нас молили, да будем заступники в том деле вашему царскому величеству, чтоб путь чист был из Грузей до Терека сухим путем[1].

Те государства, что писахом, которые суть в горах, не имеет себе главу и потеряша веру право**[15]**славную, молят ваше царское величество, да будеши им глава. И да поклонятся тебе и примут веру христианскую и крестятся. В сих городах есть много руд золотых и серебряных и иных, но за что не имеют главы, боятся объявить. От их архиереев никто в то горы не ходил, ниже видели что от страха. Но мы были тамо телесно и ходили и крестихом многие тысящи душ мужского и женского полу, юных и старых, и до осмидесяти лет и больши. И тецаху с великим благоговением, и теплою любовию крещахуся и не вмениша снегу и мраза ни во что[2].

[15 об.] Еще ведомо да будет вашему царскому величеству, что как взял шах Кахет и разорил его, завладел и Картел, то сажает ханов от християнов грузинцов, которые побасурманились. И помалу все бояра картелинские побасурманились тово ради, чтобы они имели честь свою и вотчины.

Менгрелия и Гуриа не захотели быть подданными мепу[3], яко ж и прежде, поклонишася в подданство турку и дают на всякой год вместо дани по сороку тысяч локоть остари (*на полях пометка:* полотно тонкое)[4] и по три человека. А Гуриа дают по пяти сот тарелей[5] на год.

[16] А мепа Панграτеи, зане что ослепили ево недрузи его, и остался без силы, иде хан тефлиский на него, и сего ради поклонился

расчищая себе путь к сближению с Москвой (см.: *Качарава.* Политическое положение Грузии... С. 25).

[1] См. о геополитической ситуации на Кавказе и стремлении Грузии пробить кольцо враждебного окружения в сторону волжско-астраханской торговой магистрали: *Боцвадзе.* Роль России в грузино-северокавказских взаимоотношениях... С. 200–202.

[2] Ср. у Макария схожий пассаж: *Макарий.* Грузия. С. 70–73.

[3] Имеется в виду царь Имерети (см. примеч. 2 на с. 327).

[4] У Макария тоже упоминается грузинская дань османам, где встречается слово *aṣṭur: «ṭawb qumāš kinān aṣṭur»*, что переведено как «полосатое (тканое?) льняное полотно» (Там же. С. 123). *Aṣṭār* означает множественное число от *saṭr* – «линия (полоса)». По мнению Ф. М. Ацамба, тут, возможно, употреблен турецкий термин astar kumaş – «материал на подкладку».

[5] Талер – западноевропейская серебряная монета, приравнивавшаяся к османскому пиастру или киршу.

турку[1]. И дает на год по несколько человек людей, чтобы был ему помощником в нуждах его.

И за что не имеют грузи главы, о том ратуют друг на друга. И на всякой год, что в Кизылбашех и в турках полоненников больши десяти тысяч.

О Шевкале лезиском[2].

Сей род живут на крае сее Горы, прямыи турки *(одно слово неразборч.)* християноборцы, **[16 об.]** веру держат, что турки и татары. И дела у них иново нет, токмо красти и пленити в Кахете християнов грузинцов и русских с Терка и иных городов. И яко же имеют татары в вере их пахвалу ратовати на християны всегда и пленити а во уничижение и в стыд нам християном, тако же и они. Егда увидят христианина больново и немощново от труда или от глада, ссекут ево вместо жертвы поганому их богу. И хто от них убиен будет, почитают его яко мученика по вере их. Тако же и сей род горше татаров творят: **[17]** не токмо убивают християнов, но и кровь его пьют первое, а второе умывают лице свое тою кровию за безбожие свое. Егда блаженные памяти Теймураз царь жив был, всегда с ними бился. И как ево не стало, укрепишася они и беспрестанно пленят християнов. И за что град строения блаженные памяти царя Ивана Васильевича есть разорен, зовемый Сионз[3], имеют великую волю и ходят в Крым и в черкасы и торгуют и покупают полонянников русских. И колико время были мы в Шемахе[4], беспрестанно привозили по пятьсот и по тысячи полоненников, яко мы **[17 об.]** сами видели своими очми. И не токмо сие, но и школы имеют, и живут ходжи и посадят полонянников молодых, и учатся, да навыкнут скверной вере их. Которые ходят в Черкесские страны и учат тамошних людей и мещут

[1] О Панкратии (Баграте), царе Имерети см. примеч. 2 на с. 320. В 1661 г. картлийский царь Вахтанг V в союзе с гурийским мтаваром овладел Имерети. На недолгое время Вахтанг посадил на имеретинский престол своего сына Арчила, однако позже был вынужден вернуть власть Баграту, за которым стояла Османская империя.

[2] Имеется в виду шамхальство – феодальное образование в Дагестане.

[3] См. примеч. 3 на с. 328.

[4] Судя по русским архивным документам, Макарий приехал в Шемаху вскоре после 18 марта 1666 г. и оставался там весь апрель и, видимо, большую часть мая. Получив известие о прибытии, судя по всему, в Дербент, русских кораблей с охраной, восточные иерархи перебрались в этот город и оттуда отплыли в Астрахань (точная дата неизвестна). В устье Волги Макарий со спутниками прибыли 16 июня (см.: *Гиббенет.* Историческое исследование... С. 903–912).

на них яды свои смертоносныя. И нихто как они не ходят пеши до скверного гроба Мехметова молитися. Над сими сказывал нам един епископ старый от Мегрелия, благоговеен и благочестив, что хотел приитти к великому государю к Москве, и от их страху возвратился. И от Предтечева монастыря из Мегрелии и которые братья, **[18]** которые в плену были у них восмь лет у алани и зикхи[1], и сказывали нам со страхом Божиим, что в прежних временах у тех родов турской веры не было, токмо те ходжи, которые ходят к ним и научат их, что хотят, от них приняли и турскую веру. Сей род кумыки не любят кизылбашев по вере их, и друг друга проклинают, токмо ради купли меж собою держат мир, зане инуды нет иново места, где купля и продажа сотворите. В том месте есть горы все каменные, **[18 об.]** и невозможно сеяти ничто для того, что не родитца. Токмо в поле, которое есть от Терка до Дербени, сеют и во время жатвы собирают хлеб и бегут в горы. Свидетель есть Бог, что и мы страха их ради жили толикое время в Шемахе, зане не возмогохом пройти. И сказывали нам некоторые люди, что говорил и говорит Шевкал: «как бог мне даст в руки мои тех патриархов, которые держат золотые посохи, Росиа вся в руках моих будет». Кони добрые имеют и посылают **[19]** в Астрахань в подарок и емлют из Астрахани всякую потребу.

И как мы были многое время на бусах[2] по морю и от жажды было померли и с великим страхом послали мы за водою с людьми, чтоб воды пресной достать, а они были готовы и ожидали нас, чтоб папали в руки их. И на наших посланных людей приступиша со оружием и мало не плениша их. А мы от жажды и от бури морской яко мертвы были; и их было много множества собрано, и молили бога своего, чтоб бусы выкинуло из моря бурею, да пленят нас.

[19 об.] Во всех турских книгах пишет еще, что говорил ложный пророк Мегмет, яко же турки восточные будут взяти царство Греческое, потом приидет время, и будут рускии роды с калмыки и возьмут царство от рук их[3].

---

[1] См. Л. 11 об. источника.

[2] Тип корабля, использовавшийся на Каспийском море в XVII–XVIII вв.

[3] Пророчество это, в той или иной редакции, было широко распространено на Православном Востоке, однако не вполне понятно, зачем Павел включил его в описание Грузии. Возможно, все с той же целью подтолкнуть Россию к активной экспансии на южном направлении.

Михаил Брейк. Полная истина об истории патриархов Антиохийской Церкви (фрагмент)

(Предисловие К. А. Панченко, перевод Р. И. Касумова, комментарии Р. И. Касумова и К. А. Панченко)

Сведения о жизни Михаила Брейка весьма скудны и реконструируются по случайным упоминаниям в его трудах. Родился он, видимо, в начале второго десятилетия XVIII в., жил в Дамаске. Занимал важное место в среде белого духовенства города, так что в 1750 г. вакиль (наместник) Антиохийского патриарха Сильвестра митрополит Никифор оставил Брейка в Дамаске своим заместителем на время отъезда, возведя в сан протоиерея. В нач. 1767 г. он некоторое время выполнял обязанности патриаршего вакиля, видимо в связи с отбытием патриарха Филимона из Дамаска для объезда епархий. В 1768 г. патриарх Даниил назначил Михаила экономом-настоятелем Сайднайского монастыря (эту женскую обитель периодически возглавляли настоятели-мужчины в священническом сане), но уже через год он оставил свой пост, ссылаясь на усталость и беспорядки[1]. В рукописном собрании Сайднайского монастыря хранится несколько книг, переписанных Михаилом или пожертвованных в монастырь в его настоятельство. Из колофонов этих рукописей явствует, что священник-летописец занимал пост настоятеля монастыря также и в 1773 г. Тематика книг, переписанных Михаилом, указывает на достаточно высокий уровень его образования и интересов. В частности, в августе 1773 г. он вложил в монастырь книгу-автограф о принципах расчета пасхального цикла с приложением таблицы дат Пасхи почти на 200 лет вперед, до 7468 (1940) г. Михаил Брейк был свидетелем и в некоторых случаях непосредственным участником многих событий церковно-политической жизни региона – противостояния Православной и Мелькитской Католической Церквей, на которые раскололся Антиохийский патриархат, политических потрясений времен Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и сопутствовавших ей сепаратистских движений в ближневосточных османских провин-

[1] О жизни и творчестве Михаила см.: GCAL. Bd. 3. S. 152–154; HMLEM. Vol. 4. T. 2. P. 314–316; *El-Eid Bualuan H.* Mikha'il Breik: A Chronicler and a Historian in 18th Century Bilād al-Šām // PdO. 1996. Vol. 21. P. 257–270; *Панченко К. А.* Михаил Брейк // ПЭ. 2017. Т. 45. С. 703–704.

циях. Он умер, видимо, вскоре после 1781 г., на котором заканчивается последняя из его летописей.

Одним из главных трудов хрониста является история Антиохийских патриархов «Полная истина об истории патриархов Антиохийской Церкви» (*Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya*). Летопись, охватывающая период от апостольского века до рукоположения патриарха Даниила 6 августа 1767 г., является во многом финальным этапом в развитии православной арабской историографии. В основу своего сочинения Михаил Брейк положил одну из ранних версий трудов патриарха Макария III аз-За'има: перечень Антиохийских патриархов от ап. Петра до прихода крестоносцев и существовавшую изначально как отдельный текст историю патриархов XVI – сер. XVII в. (от Иоакима IV ибн Джум'а до вступления на престол самого Макария). Лакуну между двумя этими хрониками Михаил заполнил, опираясь на исторические изыскания Павла Алеппского о патриархах мамлюкской эпохи. Все эти труды Михаил переписывал близко к тексту, не подвергая редакторской правке. Он сохранил стилистику текста Макария, представлявшего собой местами незавершенный конспект, где встречаются повторы и «раздвоения» патриархов. Отрезок летописи Михаила Брейка от начала патриаршества Макария (1647) до кончины Афанасия III Даббаса (1724) восходит к записям дамасского священника Фараха, жившего на рубеже XVII–XVIII вв. Самому Брейку принадлежит финальная часть летописи (1724–1767), перевод которой приводится в настоящей Антологии.

Церковная история Михаила сохранилась в довольно большом количестве копий (самая поздняя – 1889), что свидетельствует о ее востребованности в арабо-христианской среде. Хроника впервые была введена в научный оборот архим. Порфирием (Успенским). Не владея арабским языком, он заказал перевод списка летописи Брейка двум своим сотрудникам, арабу-христианину, перелагавшему текст на греческий язык, и армянину, подготовившему итальянский перевод. Далее архим. Порфирий, иронически сравнивавший свой издательский проект с Септуагинтой[1], сопоставлял оба имевшихся у него перевода и на их основе подготовил русскую версию текста[2].

[1] По преданию, египетский царь приказал, чтобы 72 иудейских толковника выполняли перевод Библии на греческий язык, будучи изолированными друг от друга, во избежание преднамеренных искажений. Финальная версия текста была составлена на основе сличения 72 переводов.

[2] См.: Список Антиохийских патриархов // ТКДА. 1874. № 6. С. 346–457.

Следует отметить, что этот перевод, опубликованный в 1874 г., на удивление точно отражает содержание оригинала, если не считать искажений личных имен и топонимов, а также характерной стилистики архим. Порфирия.

В 1903 г. арабский оригинал был издан С. Каб'айном в составе компилятивного труда по истории Антиохийской Церкви[1] на основе единственной поздней рукописи, текст которой издатель считал себя вправе подвергать стилистическим переделкам и дополнениям. Эта публикация осталась библиографической редкостью, почти не использовавшейся европейскими арабистами. Критическое издание текста, соответствующее современным научным требованиям, было подготовлено Н. Каидбей только в 2006 г.[2]

Перевод[3]

143. Патриарх Сильвестр[4].

И вступил Сильвестр на престол Антиохийский. И был он мужем святым и богобоязненным, что признавалось как двумя христианскими общинами[5], так и остальными народами[6], так как творил он своими молитвами чудеса и делал так, что вода ключом била из источников[7]. Однако он был лишен умения управлять и часто менял свое мнение в пользу того, кто с ним говорил. После посвящения

[1] *Qub'ayn S.* Al-Ḥaqā'iq al-waḍiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya al-urṯūḏuksiyya. Al-Qāhira, 1903.

[2] *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2006.

[3] Перевод выполнен Р. И. Касумовым по изданию: *Brayk M.* Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2006. P. 162–170. Комментарии Р. И. Касумова и К. А. Панченко.

[4] Патриарх Сильвестр (1724–1766) – уроженец Кипра, служивший диаконом при патриархе Афанасии III Даббасе (см. о нем примеч. 4 на с. 337), который назначил Сильвестра своим преемником. Период пребывания Сильвестра на Антиохийском престоле ознаменовался расколом внутри патриархата и обострением борьбы в Сирии между сторонниками унии с Католической Церковью и православными христианами. Кроме того, именно с периодом патриаршества Сильвестра обычно связывается начало греческой «ксенократии» в Антиохийской Церкви. Подробнее о нем см.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2013. С. 304–308, 444–454.

[5] Имеются в виду православные и мелькиты-униаты.

[6] В данном случае под словом «народы» (*umam*) подразумеваются, скорее всего, мусульмане.

[7] Досл.: «Заставлял течь источники воды молитвами своими».

в сан патриарха он прибыл в Халеб[1] и бесстрашно защищал веру восточную всеми силами[2]. Он призвал к себе жителей Халеба, придерживавшихся западного вероучения, схватил их, бросил в тюрьмы и заставил выплатить немалую сумму денег. И тогда охватили их ненависть и гнев, и усилились злодеяния и смута, и было это из-за серьезности происшедшего и отсутствия должного управления со стороны патриарха. И замыслили халебцы из-за злобы своей восстать против него и с помощью местного правителя схватить патриарха и убить его. Однако Всевышний не позволил этому случиться, ибо удалось патриарху однажды ночью бежать из города и отправиться в Стамбул[3]. Тогда жители Халеба заплатили много денег властям и подали им жалобу на патриарха, после чего они смогли выйти из подчинения Сильвестру и назначить себе своего архиерея.

Говорили, что произошло это из-за козней патриарха Константинопольского Паисия[4] и заблуждения патриарха Иерусалимского Хрисанфа[5]. Последний невзлюбил Сильвестра по наущению одно-

[1] Халеб (Алеппо) – столица одноименной провинции Османской империи, второй по значимости политический центр сиро-ливанского региона и его крупнейший экономический центр. В середине XVIII в. население города достигало 100 тыс. чел., из которых около 16–17 тыс. чел. составляли христиане различных вероисповеданий. При этом община православных (вместе с униатами) насчитывала от 6800 до 7250 чел. (подсчеты сделаны по данным: *Masters B. A.* Christians and Jews in the Ottoman Arab World: The Roots of Sectarianism. Cambridge, 2001. P. 56–57, 64).

[2] Михаил Брейк в данном слу́чае явно нарушает хронологическую последовательность описания событий, так как Сильвестр прибыл в Халеб только в 1726 г., то есть спустя два года после вступления на патриарший престол. Подробнее о его пребывании в городе см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 447–449.

[3] Стамбул – столица и крупнейший город Османской империи, в котором находилась резиденция Вселенского Константинопольского патриарха.

[4] В оригинале ошибочно «Василия». Патриарх Паисий II четырежды занимал Константинопольский престол: 1726–1733; 1740–1743; 1744–1748; 1751–1752. Виднейший российский специалист по истории Православной Церкви начала XX в. А. П. Лебедев в крайне негативных тонах описывает деятельность этого патриарха, называя его человеком, проявлявшим «деспотические наклонности» и «страсть к наживе, не знавшую себе ограничения», и упрекает его в параноидальной боязни заговоров с целью его смещения с должности главы Константинопольской патриархии (*Лебедев А. П.* История Греко-Восточной Церкви под властью турок. СПб., 2012. С. 270, 275–276).

[5] Патриарх Иерусалимский Хрисанф Нотара (1707–1731) – один из виднейших представителей ближневосточного православного духовенства в османскую эпоху. Получив блестящее образование в Европе, Хрисанф после своего избрания на кафедру Иерусалимского патриарха активно покровительствовал

го находившегося в Халебе монаха – сборщика милостыни из Храма Гроба Господня, которого жители города подкупили и возвели в сан митрополита при посредничестве[1] Серафима, прозванного Кириллом[2]. И стали они придерживаться вероучения франков, выйдя из-под власти Восточной Церкви, и так продолжается и поныне.

Когда же до жителей Дамаска[3] дошла весть о кончине в Халебе патриарха Афанасия[4], некоторые из них решили избрать своим

школам и библиотекам, способствовал развитию издательской деятельности Иерусалимской Церкви. В отличие от многих своих предшественников, патриарх Хрисанф был полностью лоялен по отношению к Османской империи, и именно при нем произошел разрыв традиционных контактов между Россией и Православным Востоком. Подробнее о нем см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 407–412, 496–497.

[1] Похоже, в летописи Брейка, писавшего несколько десятилетий спустя, произошла некоторая путаница и наслоение событий. После изгнания из Халеба патриарха Сильвестра в 1726 г. Константинопольский Синод прислал в город для расследования ситуации греческого епископа Григория, который оставался там в течение двух лет. После его отъезда халебцы исходатайствовали у Константинополя согласие на возвращение в город митрополита Герасима, поставленного на Халебскую кафедру еще Афанасием III Даббасом (см. примеч. 4 на с. 337), а потом им же отправленного в ссылку по обвинению в католических наклонностях. Пребывание Герасима на Халебской кафедре продолжалось до 1732 г., когда он в результате каких-то интриг внутри униатской общины был вынужден сложить с себя власть и уступить митрополию Максиму аль-Хакиму (1685–1761), прежнему лидеру униатского монашеского ордена шувейритов и будущему второму патриарху Мелькитской католической Церкви (1760–1761).

[2] Серафим/Кирилл VI Танас (1680–1760) – уроженец Дамаска и племянник лидера прокатолической группировки Антиохийской патриархии митрополита Тира и Сидона Евфимия ас-Сайфи (1643–1723). В 1724 г. после смерти Антиохийского патриарха Афанасия III униатская община Дамаска избрала Серафима, принявшего имя Кирилл, новым патриархом. Долгие годы Кирилл выступал главным соперником Сильвестра в борьбе за Антиохийский патриарший престол. Подробнее о нем см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 442–458.

[3] Дамаск – столица одноименной провинции Османской империи и главный политический центр сиро-ливанского региона. С XIV в. в Дамаске находится резиденция Антиохийских патриархов. В 1700 г. население города достигало 60–65 тыс. чел., из которых христиан насчитывалось около 6600–7150 чел. (подсчеты сделаны по данным: *Masters.* Christians and Jews... P. 58). При этом доля православных, в том числе и униатов, составляла не менее 80 % (см.: *Кобищанов Т. Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М., 2003. С. 64).

[4] Афанасий III Даббас († 1724) – патриарх Антиохийской Православной Церкви в 1685–1694 и 1720–1724 гг. Перед вторичным вступлением на патриар-

новым патриархом митрополита Сайды и Тира Евфимия[1], прозванного «кладезем знаний». Однако он уже вскоре скончался[2] в Дамаске, так как Всевышний не избрал его для патриаршества, потому что он исказил восточное вероучение и принял различные нововведения, которые перечислены в соборном определении об отлучении его от Церкви, принятом собравшимся для обсуждения его дела Константинопольским Синодом[3]. Копию этого отлучения, переведенного на арабский язык, Синод отправил в Дамаск, где она до сих пор и хранится. Тогда некоторые избрали патриархом сына его сестры Серафима. И были они довольны им, и рукоположили они его в патриарший сан, назвав Кириллом. И стал он патриархом города Дамаска при поддержке везира Абу Таука[4]. Тут же в церкви[5] прилюдно объявили пять догматов[6], и вошли

ший престол занимал кафедру Халебского митрополита (1694–1720). Афанасий на протяжении долгих лет лавировал между прокатолическим и православным лагерями Антиохийского патриархата. Подробнее о нем см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 204–206, 437–445.

[1] Евфимий ас-Сайфи (1643–1723) – уроженец Дамаска, с 1682 г. митрополит Тира и Сидона. Получивший образование в миссионерской школе, Евфимий в 1683 г. тайно принял католичество и, как пишет К. А. Панченко, «в течение четырех десятилетий выступал главным проводником римского влияния на Арабском Востоке» (*Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 437). Подробнее о нем см.: Там же. С. 437–442; *Он же.* Евфимий ас-Сайфи // ПЭ. 2008. Т. 17. С. 455–457; *Haddad R.* On Melkite Passage to the Unia: The Case of Patriarch Cyril al-Za'īm (1672–1720) // Christians and Jews in Ottoman Empire. New York; London, 1982. Vol. 2. P. 67–90.

[2] Здесь налицо явный анахронизм, так как патриарх Афанасий Даббас скончался в 1724 г., тогда как Евфимий ас-Сайфи умер за год до этого.

[3] Евфимий из-за своей прокатолической деятельности в Сирии был отлучен Константинопольским Синодом в октябре 1718 г. Подробнее см.: *Haddad.* On Melkite Passage to the Unia...

[4] 'Усман-паша Абу Таук – правитель Сайды (1716–1719 и 1721–1723) и Дамаска (1719–1721 и 1723–1725). Был союзником лидера католического лагеря в Антиохийской патриархии Евфимия ас-Сайфи, после смерти которого активно поддерживал его племянника, ставленника униатов и многолетнего соперника Сильвестра в борьбе за Антиохийский престол Кирилла Танаса. См. о нем: *Brayk M.* Tārīḫ aš-Šām (1720–1782). Dimašq, 1982. P. 19–21; *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 437–445.

[5] Речь идет об одном из старейших христианских храмов Сирии, кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии, расположенном в северо-восточном квартале Дамаска Баб-Шарки. Рядом с собором находилась резиденция Антиохийских патриархов.

[6] Видимо, речь идет об официальном признании сторонниками унии пяти католических догматов, к которым сводятся основные доктринальные расхождения между католичеством и православием. Первый догмат известен под

тогда франки в церковь, а православные были унижены[1]. Даже и не спрашивай о случившихся тогда потерях, несправедливостях, злодеяниях и смутах! Бывало даже и такое, что мусульмане, служившие у правителя Дамаска, с табачными трубками в руках входили в алтарь в то время, когда патриарх отправлял литургию, и разговаривали с ним! И случались дела, достойные лишь слез и рыданий. И восстала одна община против другой, и начали католики читать касыды[2] и стихи, называя в них православных упрямцами. И так же вели себя православные. И это лишь малая часть случившихся несчастий.

названием «Филиокве» (лат. Filioque – «и от Сына») и заключается в вере в исхождение Святого Духа не только от Бога Отца (как считают православные), но и от Бога Сына. Второй – учение о непогрешимости Римского папы и его главенстве над всеми христианами («примат папского престола»). Третий догмат католицизма, не признаваемый православными, – учение о чистилище. Четвертый догмат – католическая интерпретация природы святости, признающая факт накопления Церковью «избыточной» благодати, дарованной святым, и ее последующее перераспределение посредством индульгенций (освобождение от кары за грехи, в которых грешник уже покаялся и вина за которые уже прощена в таинстве исповеди). Наконец, пятый догмат связан с трактовкой таинства Евхаристии, при котором у католиков употребляется пресный хлеб (опресноки), а у православных – квасной.

[1] Немецкий исследователь К. Валбинер, проанализировав описание событий, связанных с расколом в Антиохийском патриархате 1724 г., в православных и униатских источниках, пришел к выводу о том, что сам Кирилл Танас изначально не собирался противопоставлять себя православной общине, стремясь стать законным главой Антиохийского патриархата, признаваемым Константинопольским патриархом и османскими властями. Лишь в 1730 г., когда Кирилл осознал, что ему не удастся добиться желаемой цели, он пошел на сближение с Римом (см.: *Walbiner C.-M.* The Split of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch (1724) and the Emergence of a New Identity in Bilâd al-Shâm as Reflected by Some Melkite Historians of the 18th and Early 20th Centuries // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2003. № 7. P. 30). Таким образом, описание интронизации Кирилла в хронике Брейка во многом является тенденциозным и пронизанным духом антикатолической полемики. Оно показывает, как события 1724 г. воспринимались православными поколение спустя, когда создавалась хроника. Многие мелкие подробности Антиохийского раскола были уже забыты, все отлилось в несколько ярких символов и образов.

[2] Касыда – форма поэтического произведения в арабской литературе. Поэтическое творчество на разговорном диалекте было широко распространено в среде арабов-христиан. В данном случае речь, возможно, идет о сочинениях Никулависа ас-Саига (1692–1756), настоятеля униатского монастыря в Шувейре и известного поэта (см. о нем: HMLEM. Vol. 4. T. 2. P. 109ff).

Так все продолжалось, пока вскоре не прибыл в Дамаск вакиль[1] Сильвестра в сопровождении кабуджи[2]. Кирилл же незадолго до его прибытия в город сбежал ночью со своими сторонниками. И забрал он с собой все ценные вещи из патриархии и отправился в город Дейр аль-Камар, что в области аш-Шуф[3]. С позволения эмиров[4] он поселился в монастыре Дейр-аль-Мухаллис[5], который построил его дядя Евфимий, скончавшийся незадолго до этого. Там он и оставался, открыто распространяя оттуда католическое вероучение, живое и поныне[6].

Потом прибыл в Дамаск митрополит-вакиль патриарха и сразу же занял патриархию и церковь. И возликовали тогда православные и возрадовались, а противники их были пристыжены. Смута и злодеяния продолжались короткое время, но вскоре все утихло, и успокоились дела.

[1] Вакиль (араб. «заместитель, уполномоченное лицо») в данном случае – патриарший наместник. Вакили занимались в первую очередь управлением хозяйственными делами патриархата. Зачастую им удавалось сконцентрировать в своих руках немалые финансовые средства. При этом пост патриаршего вакиля мог занимать как митрополит, так и простой священник.

[2] Кабуджи, капиджи (тур. «страж ворот, привратник») – османский чиновник, доставлявший в отдаленные провинции империи государственные указы.

[3] Аш-Шуф – область в Ливанских горах юго-восточнее Бейрута. Дейр-аль-Камар – столица местных правителей из родов Ма'ан (1516–1697) и аш-Шихаб (1697–1842). Последние имели очень тесные связи с католическим миром. Во второй половине XVIII в. многие члены семьи аш-Шихаб приняли маронитское вероисповедание, после чего стали оказывать активную поддержку униатскому движению в сиро-ливанском регионе.

[4] Эмир (араб. «правитель») в данном случае – почетный титул лидеров влиятельных ливанских фамилий, управлявших округами Горного Ливана.

[5] Монастырь Дейр-аль-Мухаллис (монастырь Спасителя) был основан лидером униатской общины Евфимием ас-Сайфи недалеко от города Сайда (современный Ливан) в 1709 г. и уже вскоре превратился в один из важнейших центров католической пропаганды в сиро-ливанском регионе, а также служил убежищем для многих сторонников унии в периоды гонений.

[6] В этом месте Михаил Брейк вновь совершает хронологическую ошибку. Для удобства ориентирования в истории описываемых событий следует напомнить их правильную последовательность: смерть Афанасия III Даббаса (25 июля 1724 г.); избрание Кирилла VI Танаса патриархом в Дамаске (19/20 сентября 1724 г.); хиротония Сильвестра в Константинополе (27 сентября 1724 г.); бегство Кирилла в Дейр-аль-Камар (январь 1725 г.); отъезд Сильвестра в Сирию с султанскими фирманами о признании его патриархом и об аресте Кирилла (октябрь 1725 г.); прибытие Сильвестра в Халеб, объезд подвластных епархий и его пребывание в Халебе (весна 1726 г.); бунт халебских христиан против Сильвестра и его бегство в Константинополь (август 1726 г.); автокефалия Халеба (апрель 1730 г.).

Что же касается общины православных, то теперь они спокойно и без опасений молились в церкви. Католики же молились в монастыре францисканцев[1] в страхе и тревоге, потому что власти воспользовались представившимся случаем для того, чтобы взыскивать с них деньги за неповиновение своему патриарху. Они постоянно хватали их, сажали в тюрьмы, заставляли платить немалые суммы денег, приказывали им вновь подчиниться патриарху Сильвестру и молиться в его церкви. Те сначала соглашались, но потом нарушали свое слово. Даже и не спрашивай о случившихся тогда убытках! Так для правителей открылся новый путь, по которому они следовали один за другим. За двадцать лет правители собрали с дамаскинцев не менее тысячи мешков[2], а возможно, и больше. И это не считая расхищенных сокровищ покойного Кирилла[3], скончавшегося ранее этого в 7228 году от сотворения мира[4]. И все это происходило из-за упрямства и корысти людей.

Патриарх же Сильвестр, после того как покинул Халеб и отправился в Стамбул, оставался там некоторое время и издержал много денег, для того чтобы вернуть христианских жителей города в лоно Антиохийской Церкви. Но ему не удалось этого добиться. Тогда ему пришлось покинуть Константинополь и обойти все земли Румелии[5], чтобы собрать милостыню, которую он потратил на погашение долгов. Затем, в 1731 г., он прибыл в Дамаск, где его приняли и встретили с большим почетом. Но спустя несколько дней вновь вспыхнула взаимная вражда между православными и католиками.

---

[1] Монастырь ордена францисканцев расположен в северо-восточном квартале Дамаска Баб-Тума.

[2] Мешок (*qīs*) – денежная сумма в 500 пиастров.

[3] Кирилл V ибн аз-За'им (1652–1720) – патриарх Антиохийской Православной Церкви в 1672–1720 гг. Правление Кирилла было отмечено многолетними распрями внутри Антиохийского патриархата на почве борьбы за патриарший престол, а также постепенным усилением в Сирии сторонников унии с Католической Церковью (подробнее о Кирилле V см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 203–205, 437–444). Михаил Брейк сообщает, что патриарх Кирилл V за долгие годы своего правления успел собрать разными способами «великое богатство». Однако сразу после его смерти состояние покойного патриарха было практически полностью расхищено двенадцатью православными старейшинами Дамаска, которые впоследствии, как не без удовлетворения пишет Брейк, «сгинули сами вместе с деньгами их, и детьми, и имениями» (*Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 160–161).

[4] 7228 год от сотворения мира соответствует 1719/1720 году от Р. Х. Кирилл скончался 6 января 1720 г.

[5] Румелия – балканские провинции Османской империи.

И возобновились опять злодеяния. И случались дела, достойные лишь слез и рыданий. И были убытки неописуемые. Когда же патриарх увидел все это и то, что не подчиняются они ему, он покинул Дамаск и обошел подвластные Антиохийскому престолу епархии, а затем отправился в Стамбул. Там он пробыл некоторое время, после чего опять вернулся в Дамаск. Но находился он там недолго, ибо не увидел ничего, что могло бы его порадовать. И было у него тогда множество долгов, из-за чего ему пришлось покинуть Дамаск и отправиться в страны Валахию и Молдавию[1]. И провел он там 12 лет. Было всему этому[2] две причины: первая – неумение патриарха устраивать дела; вторая – простота его и неумеренная приверженность канонам.

В это время францисканцы воспользовались представившейся возможностью и сговорились с патриархом Кириллом, союзником их. Тот собрал достаточное количество подписей и подал при поддержке своих сторонников центральным властям жалобу, в которой говорилось, что патриарх Сильвестр покинул свою паству и отправился в земли Валахии и Молдавии, паства же хотела себе патриарха, и имелся у них в стране арабов патриарх по имени Кирилл. Они заплатили много денег властям, а также обязались, что Антиохийский престол ежегодно будет выплачивать в государственную казну налог мири[3] в размере 250 пиастров. С того времени обременен был апостольский престол налогом мири, который до этого он никогда не платил. И отсюда взяло начало нововведение, превратившееся в обычай. Наконец, они добились султанского берата[4] на низложение Сильвестра и назначение Кирилла[5]. Сразу же в Дамаск отправился вакиль патриарха Кирилла вместе с копией султанского берата. Сам

[1] Княжества Молдавия и Валахия – ядро будущей Румынии – находились в вассальной зависимости от Османской империи, но управлялись христианскими господарями и в течение нескольких веков выступали главным финансовым донором ближневосточных православных Церквей.

[2] Имеются в виду внутренние проблемы Антиохийской Церкви и расстройство патриарших финансов.

[3] Мири – фиксированный поземельный налог в Османской империи.

[4] Берат (тур. «грамота, свидетельство») – жалованная грамота, выдававшаяся османскими султанами патриархам и митрополитам при их вступлении на кафедру.

[5] По свидетельству российского резидента в Константинополе А. А. Вешнякова, в 1745 г. французский посол заплатил османским властям 50 тыс. пиастров за назначение Кирилла Антиохийским патриархом (см.: *Панченко К. А.* Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766) и Россия: Непонятый союзник // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 406–423, здесь: с. 422).

же патриарх находился тогда в монастыре Дейр-аль-Мухаллис. Когда вакиль прибыл в Дамаск, он отправился к господину везиру Ас'ад-паше ибн Исмаил-паше аль-'Азму[1]. Тот принял его. В то время у патриарха Сильвестра был вакиль по имени Михаил Тума. Везир приказал арестовать его и бросить в тюрьму. Нового же монаха-вакиля он отправил в патриархию. И занял ее вакиль вместе с церковью. Произошло это воскресным днем 21 июля 1745 года от Боговоплощения. Даже и не спрашивай об унижениях и позоре, которые претерпели последователи православной веры, и свирепстве сторонников патриарха Кирилла!

Спустя восемь дней правитель схватил группу христиан, посадил их в тюрьму и заставил выплатить немалую сумму денег. И были приверженцы православной веры сильно унижены. Однако Бог Всевышний не позволил этим унижениям продолжаться более 32 дней. В среду 22 августа 1745 года прибыл в Дамаск из Стамбула посланец от Сильвестра с указом о низложении Кирилла и его изгнании и передаче патриархии и церкви прежнему вакилю, как это было раньше. И охватила тогда великая радость детей Церкви! Сторонники же Кирилла были унижены и попрятались по своим норам. Некоторые же невежды из числа православных христиан в сопровождении музыкантов с барабанами ходили по христианскому кварталу. И происходили тогда дела недобрые. И стали эти христиане распевать песни и громко читать касыды[2]. Но вскоре все успокоилось, хотя униатам пришлось заплатить немало денег. Некоторые люди из униатов бежали в другие страны. Правитель же схватил вакиля патриарха Кирилла, а также группу священников из числа его сторонников, бросил их в тюрьму на несколько дней, взыскал с них немалые суммы денег, а затем отпустил. В те же дни прибыли и победоносные яны-

[1] Ас'ад-паша аль-'Азм (ум. в 1757) – правитель Дамаска в 1743–1757 гг., лидер арабского клана аль-'Азм – наиболее влиятельной политической группировки Сирии в 20–50-х гг. XVIII в. В 1757 г. османские власти, опасавшиеся чрезмерного роста могущества Ас'ад-паши, а также остро нуждавшиеся в финансовых средствах, приняли решение о его казни, после которой конфисковали все его имущество (подробнее о нем и о клане аль-'Азм см.: *Rafeq, Abdul-Karim.* The Province of Damascus, 1723–1783. Beirut, 1966). В своей «Истории Дамаска» Михаил Брейк крайне положительно отзывается об Ас'ад-паше аль-'Азме, называя его лучшим правителем Дамаска с момента его завоевания мусульманами и отмечая весьма благосклонное отношение Ас'ад-паши к христианам (см.: *Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 73–75).

[2] Имеется в виду, что они декламировали сатирические вирши и распевали песни, оскорблявшие католиков.

чарские[1] оджаки[2], и служили среди них бессовестные разбойники, которые стали собирать с христиан деньги[3]. И происходили тогда дела, достойные лишь слез и рыданий. Но вскоре все утихло. Сторонники Кирилла, как в былые времена, стали молиться в монастыре францисканцев. Последователи же православной веры в течение года спокойно молились в патриаршей церкви.

Вскоре прибыл уполномоченный наместник патриарха Сильвестра епископ Байаса Никифор с государственными фирманами[4] о возвращении паствы в лоно православной Церкви. Когда он вступил в Дамаск, везир Ас'ад-паша принял его у себя с большим почетом. Он привел в исполнение султанские фирманы, приказав схватить христиан, которые молились в монастыре францисканцев, и заставил их молиться в православной церкви и подчиняться Сильвестру, назначенному их патриархом. Францисканцам же он запретил посещать их дома. Затем он собрал с них[5] некоторые суммы денег и отпустил. Но спустя несколько дней они опять перестали ходить в православную церковь. И становилось таких все больше и больше, и вскоре уже ни один из них не посещал ее. Затем, благодаря помощи некоторых из числа власть имущих, заручились они согласием везира и вновь стали молиться в монастыре францисканцев без страха и беспокойства. И на этом успокоилось всё на некоторое время, и ни одна из сторон не выступала против другой.

Волнения среди них прекратились, и причиной тому была крайняя бедность обоих исповеданий[6]. Однако вскоре община униатов усилилась. Они заплатили много мешков денег знатным людям и

[1] Янычары – солдаты постоянного пехотного войска в Османской империи в 1365–1826 гг., пользовавшиеся привилегированным статусом. Помимо участия в войнах янычары выполняли полицейские, охранные, пожарные и иногда карательные функции.

[2] Оджак – название основных подразделений, на которые делился янычарский корпус.

[3] Янычарские корпуса, расквартированные в сирийских городах, представляли собой во многом не зависимую от местных правителей военно-политическую силу и нередко вступали в открытое противостояние как с провинциальными властями, так и друг с другом. Зачастую от действий янычарских корпусов страдало местное население, причем как христианское, так и мусульманское, что многократно отмечал в своей «Истории Дамаска» Михаил Брейк. См., например: *Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 27, 57, 65, 76.

[4] Фирман – султанский указ.

[5] Имеются в виду униаты.

[6] Главы обеих христианских общин вынуждены были расходовать большие финансовые средства, чтобы добиваться поддержки османских властей.

властям и, обманув кое-кого из нас и при посредничестве некоторых власть имущих, устроили такую хитрость: каждый раз, когда власти взыскивали с них деньги, ноша эта должна была возлагаться на обе общины. Так и случилось. И было это по воле Божьей для того, чтобы перестали они нести убытки, так как вышеупомянутый митрополит дважды или трижды в течение каждого года наносил им большой ущерб. Когда же денежные взносы были разделены между двумя общинами, он прекратил вредить униатам. Потом же община униатов при посредничестве настоятеля францисканского монастыря в Иерусалиме[1] договорилась с везиром Ас'ад-пашой о том, что в обмен на ежегодную выплату францисканцами определенной суммы денег он не будет позволять кому-либо притеснять их[2] или вмешиваться в их дела. Так и случилось. И обозлились они тогда и рассвирепели. И стали они открыто, без страха или опасений, бранить членов нашей общины. И произошло так с позволения Всевышнего по причине, лишь одному Ему ведомой.

Затем в 1754 году прибыл в Дамаск из Молдавии патриарх Сильвестр. Ему навстречу вышли местные главы христиан, и целовали они ему руку, но каждый из них без страха придерживался своего вероучения, и никто из них не выступал против другого. И наступило тогда затишье, и прекратились волнения, и закончились убытки. Взываем к тебе, о Всевышний, с просьбой объединить всех христиан под одним вероучением и в лоне одной святой соборной апостольской Церкви!

В том же году варили священное миро в церкви святого Николая в присутствии 2 митрополитов, 17 священников, 9 диаконов и многих чтецов и монахов. Патриарх же Сильвестр оставался в городе Дамаске 12 лет, и воцарились при нем спокойствие и мир. И управлял он паствой своей в меру своего разумения. Был он человеком далеким от зла, обмана и сребролюбия, любил творить добро и был сострадателен к другим. Он бережно хранил отеческие традиции и был сведущ в законах, выполнял церковные обряды и предписания. И вся паства почитала его добродетельным мужем и праведником. Утром в понедельник 13 марта 1766 года вышеупомянутый патриарх

[1] Францисканский монастырь примыкал к северной части Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Францисканцы, традиционно считавшиеся в католическом мире «стражами Святого Гроба», курировали католическую миссию в ряде городов сиро-палестинского региона, в частности в Дамаске.

[2] Униатов.

Сильвестр отошел в лучший мир. Пребывал он на престоле патриаршем 41 год, 5 месяцев и 16 дней.

144. Патриарх Филимон I[1].

Преемником патриарха на престоле Антиохийском стал митрополит Халеба Филимон. Был он рукоположен в Константинополе в воскресенье 30 апреля 1766 года местным Синодом в присутствии трех патриархов: Самуила[2], патриарха Константинопольского; Парфения[3], патриарха Иерусалимского; Матфея[4], патриарха Александрийского. В месяце декабре прибыл патриарх Филимон в Дамаск. И был он человеком храбрым, но не обладал должной ученостью. Утром в Рождество Христово он вкушал мясо на трапезе, и ел он его открыто в присутствии митрополитов и монахов[5]. Издревле не было

[1] Патриарх Филимон († 1768) возглавлял Антиохийскую Церковь чуть более одного года. Перед этим, с 1757 по 1766 г., был митрополитом Халеба. За короткое время пребывания на Антиохийском престоле успел снискать себе дурную славу среди своей паствы. Особенно сильное недовольство современников вызвала продажа патриархом с целью погашения личных расходов многих ценностей, взятых им из Сайднайского монастыря, пользовавшегося особым уважением сирийских христиан. В «Истории Дамаска» Михаил Брейк пишет, что скорая смерть Филимона была Божьей карой именно за разграбление этой обители (см.: *Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 81–82, 85–99).

[2] Самуил I – патриарх Константинопольский в 1763–1768 и 1773–1774 гг., «один из самых действительно просвещенных иерархов столицы (Стамбула. – *Р. К.*) XVIII в.», при котором Константинопольская патриархия «достигла высшего процветания», как пишет о нем А. П. Лебедев (*Лебедев.* История Греко-Восточной Церкви... С. 210, 289–290). Самуил I стремился подчинить Константинопольскому престолу все остальные православные патриархаты (см.: *Панченко.* Ближневосточное Православие... С. 306–308).

[3] Парфений Афинянин († после 1770 г.) возглавлял Иерусалимский патриархат в 1737–1766 гг. Был одним из наиболее последовательных сторонников поддержания тесных контактов с Российской империей. Подробнее о нем см. примеч. 5 на с. 342.

[4] Матфей Псалт – патриарх Александрийской Православной Церкви в 1746–1766 гг. Стоит отметить, что Александрийский патриархат в османскую эпоху не играл значительной роли в жизни православной ближневосточной общины, а Александрийские патриархи находились в полной зависимости от Константинопольской Церкви.

[5] Формально никакого запрета на употребление патриархами мяса не существовало. Однако, судя по всему, среди христиан Антиохийской патриархии в XVIII в. было широко распространено представление о том, что монахам, церковным иерархам и тем более патриарху не пристало есть мясо. В «Истории Дамаска» Михаил Брейк также описывает подобного рода примеры нарушения монашеского благочестия как события большой важности, отмечая,

видано такого обычая, чтобы архиереи Церкви Восточной открыто вкушали мясо.

После этого он составил собор с семью митрополитами, находившимися тогда в Дамаске, и принял на нем 11 канонов, которые собрал в своде, скрепив его патриаршей печатью и подписью, а также подписями митрополитов. Вот эти каноны:

1) Архиереи избираются Синодом, а не одним лишь патриархом.

2) Если на архиерея подается жалоба, то да не будет он осужден без синодального расследования.

3) В случае отсутствия патриарха заместитель его утверждается только с ведома Синода, при этом патриарший наместник не может быть мирянином.

4) Вакили в каждой епархии должны повиноваться в делах церковных архиереям.

5) Запрещается любая симония[1].

6) Каждый архиерей должен распределять свое имущество в составленном им завещании, оставляя большую его часть в дар Антиохийскому престолу.

7) Архиерейские одеяния, постели и посуда должны оставаться в митрополии после смерти митрополита. Остальное же переходит во владение Антиохийского престола.

8) Любое церковное дело решается с ведома Синода, а не единоличным решением кого-либо.

9) После смерти патриарха новый патриарх может быть утвержден и одобрен только Синодом, то есть архиереями Антиохийского престола. В противном же случае он таковым не признается.

10) Антиохийский патриарх не имеет права отречься от престола по своему единоличному желанию. Это может произойти только с одобрения Синода.

11) Все доходы и расходы Антиохийского престола без всяких нарушений должны богобоязненно и на совесть записываться в специальной книге.

что употребление патриархами мяса вызывало недовольство среди дамасских христиан (см.: *Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 93–94, 102). Подробнее о рационе ближневосточных православных христиан в рассматриваемый период см.: *Панченко К. А.* К реконструкции материальной культуры Православного Востока XVI–XVIII вв. Пища и питание // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. С. 183–211.

[1] Симония – практика продажи и покупки церковных должностей или духовного сана.

После того как эти законы были записаны и под ними поставлены подписи всех архиереев Антиохийского престола, их отправили в Константинополь, где их также подписал патриарх кир Самуил. И были они приняты Великою Церковью[1] как законы священных Соборов.

В марте патриарх Филимон выехал из Дамаска, чтобы обойти все антиохийские епархии и проверить состояние их дел. Когда же прибыл он в город Латакию[2], то окончились там его дни, и отошел он в мир иной. Похоронили его утром 5 июля. И пробыл он на патриаршем престоле один год, два месяца и пять дней.

145. Патриарх Даниил[3].

И стал его преемником на престоле Антиохийском патриарх Даниил, рукоположение коего состоялось в Константинополе 6 августа 1767 года. И произошло это с одобрения патриарха кир Самуила и Константинопольского Синода.

Михаил Брейк. История Дамаска (фрагмент)

(Перевод Ю. И. Петровой при участии И. Г. Константинопольского, предисловие К. А. Панченко, комментарии Ю. И. Петровой)

Наряду с описанием антиохийской церковной истории, Михаил Брейк составил политическую хронику Дамаска своего времени «История Дамаска» (*Tārīḫ aš-Šām*)[4], охватывающую период

[1] Имеется в виду Константинопольский патриархат.

[2] Латакия – город в Сирии, расположенный на берегу Средиземного моря.

[3] Даниил Хиосец – патриарх Антиохийской Православной Церкви в 1767–1791 гг. В «Истории Дамаска» Михаил Брейк сообщает, что у Даниила крайне тяжело складывались отношения с его дамасской паствой, которая в 1777 г. пожаловалась на него Константинопольскому патриарху, обвинив Даниила в тирании и чрезмерной скупости. Стороны примирились в 1779 г. (см.: *Brayk.* Tārīḫ aš-Šām. P. 100–101, 109, 116–117, 119; рус. пер. см.: Наст. изд. С. 350–367).

[4] Топоним *aš-Šām* может означать как собственно Дамаск, так и Сирию в широком смысле этого слова, но в сочинении Михаила Брейка он употребляется в первом значении.

1720–1781 гг. Центральное место в летописи занимает жизнь православной общины, включенная в более широкий общесирийский политический контекст. Автор пишет о войнах, мятежах, сменах властителей, урожаях, нашествиях саранчи, эпидемиях, ценах на хлеб и др. Подобная тенденция сочетания церковной и общественно-политической истории, ставшая характерной для арабо-христианских хронистов XVIII в., берет свое начало, видимо, с Михаила Брейка. Основное внимание автор уделял Дамаску; тем не менее в летописи фигурируют эпизоды из текущей истории Ливана, Палестины, Египта. Михаил Брейк ориентировался в положении соседних православных Церквей, смене османских султанов, некоторых событиях европейской жизни (Семилетняя война, Лиссабонское землетрясение 1755 г. и др.), что свидетельствует о расширении культурных контактов и кругозора арабов-христиан. В хронике приводятся также различные полуфольклорные предания, рассказы о чудесах и пророчествах, бытовавшие среди православных арабов. Позднейшим арабским историкам импонировал неоднократно встречавшийся у летописца этноним «сыны арабов» в применении к жителям Сирии, в чем исследователи видели проблески национального самосознания. В целом летопись Михаила Брейка представляет собой один из основных нарративных источников по истории арабских вилайетов Османской империи XVIII в. и стоит в ряду лучших достижений арабо-православной историографии.

«История Дамаска» была издана мелькитским католическим историком К. Башей в 1930 г.[1] по единственной известной тогда рукописи, хранившейся в Берлине (впоследствии в частном собрании была открыта еще одна копия этого труда). Публикацию текста К. Баша сопроводил обширной подборкой исторических документов католического происхождения, которые должны были «уравновесить» православный ракурс летописца. Книга была переиздана с дополнительными комментариями и указателем в Дамаске в 1982 г.[2] Для публикации в Антологии выбран перевод финального отрывка летописи (1767–1781).

[1] Documents inédits pour sérvir à l'histoire du Patriarcat Melkite d'Antioche. Vol. 2: *Breik M.* Histoire du pays de Damas de 1720 à 1782 / Éd. C. Bacha. Harissa, 1930.

[2] *Brayk M.* Tārīḫ aš-Šām (1720–1782) / Ed. A. Ġ. Sabānū. Dimašq, 1982.

Перевод[1]

1767 г.

6-го числа месяца августа 1767 года патриархом на Антиохийский престол был поставлен протосинкелл[2] Константинопольского патриарха отец[3] Даниил Хиосский[4]. Он сохранил имя Даниил при рукоположении, которое состоялось в Константинополе по избранию Константинопольского синода и без ведома митрополитов Антиохийской кафедры, хотя ранее в этом году на соборе с патриархом Филимоном[5] было решено, что Антиохийский патриарх должен назначаться только с ведома и согласия митрополитов после изучения собором их мнений, как было принято у нас до того.

10 августа наместника Джирджиса аль-Халяби сильно изранили трое солдат капыкулу[6]. Два месяца он лечился от ран и болел, а затем умер. Не нужны ни должность, ни деньги, ни главенство, когда конец – подобные муки земные, а что в загробной жизни – один Господь ведает. Однако же, как мне известно, все постигшее его произошло по Божьему попущению, ибо этот человек был жестокосердным по отношению к своим братьям, несправедливым и сребролюбцем. О смерти его злорадствовали и простолюдины, и знатные.

---

[1] Перевод выполнен Ю. И. Петровой при участии И. Г. Константинопольского по изданию: *Brayk M.* Tārīḫ aš-Šām (1720–1782). Dimašq, 1982. P. 100–122. Комментарии Ю. И. Петровой.

[2] Протосинкелл – церковная должность, ближайший помощник правящего епископа.

[3] В тексте букв. «папа» (использовано заимствование из греч. παπάς).

[4] Даниил Хиосский – Антиохийский патриарх в 1767–1791 гг. См. о нем: *Панченко К. А.* Даниил, патриарх Антиохийский // ПЭ. 2006. Т. 14. С. 76–77.

[5] Филимон – Антиохийский патриарх (1766–1767), был назначен Константинопольским синодом без согласования с сирийскими митрополитами. См. о его правлении соответствующие разделы «Истории Антиохийских патриархов» Михаила Брейка, приведенные в настоящей Антологии (с. 333–348).

[6] Тур. kapıkulu («рабы врат») – социальная категория т. н. султанских рабов в Османской империи, в состав которой входил янычарский корпус. Хотя практика принудительного набора в ряды янычар христианских юношей по системе девширме в XVII в. была прекращена, лица, вступавшие в янычарские подразделения, по-прежнему имели статус «рабов падишаха». В сирийских провинциях XVII–XVIII вв. термин «капыкулу» означал янычарские контингенты, присланные из столицы в качестве противовеса местным янычарским формированиям «йарлиййа», склонным к мятежам и неповиновению (см.: *Кобищанов Т. Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М., 2003. С. 8–9).

10 октября в среду во второй половине дня Всевышний Создатель послал гром и молнии, а затем весьма обильный дождь и сильный град[1] в течение примерно трех часов. В Дамаске случилось огромное половодье, так что все в городе пришли в страх, думая, что настал потоп. Сколько домов, лавок и иных помещений разрушило наводнение, сколько оно унесло имущества и детей! На следующий день люди поздравляли друг друга с тем, что остались целы.

Поскольку наместник Джирджис умер, правитель велел христианам назначить себе нового наместника. Они просили его избавить их от наместника и назначить им старшину квартала, как было принято ранее. Правитель назначил им Митри[2] Сакра, и христианам пришлось уплатить за это более тридцати кошельков[3].

Правитель схватил брата прежнего наместника и, будучи человеком жестокосердным, взял с него более двадцати кошельков. Он не сжалился над дамасскими христианами, которые за два года похоронили двух патриархов, двух наместников и были обложены большими податями. Да дарует им за это Всевышний Царствие Небесное!

1768 г.

В январе[4] патриарх Даниил прибыл в Дамаск вместе с митрополитом Триполи. Он предстал перед визирем, преподнес ему подарок

[1] Используемое в летописи арабское слово برد можно истолковать как «град» или «холод». См.: *Greham J.* Everyday Life and Consumer Culture in Eighteenth-Century Damascus. Washington, 2007. P. 31.

[2] Судя по всему, Митри – это сокращенная форма имени «Димитрий», которая до сих пор встречается в сиро-ливанском регионе.

[3] Кошелек (араб. *kīs*, тур. sürre) – сумма денег, равная 500 пиастрам («румелийский кошелек»). Пиастр (араб. *qirš*) – османская серебряная монета, равная 40 парá. С 1717 по 1788 г. курс пиастра упал на 180 %. См.: *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 39; *Панченко К. А.* Османская империя и судьбы Православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX в.). М., 1998. С. 135. В начале XVIII в. вес парá составлял 1,10 г. К XIX в. ее вес упал в 4 раза; также сильно снизилось и содержание в ней серебра (за XVIII в. с 70 до 35 %). После реформы 1844 г. парá стала мелкой медной монетой. Подробнее об османской денежной системе и о содержании в монетах драгоценных металлов см.: ʿOṯmānli // The Encyclopaedia of Islam: New ed. / Ed. H. A. R. Gibb. Leiden; London, 1960. Vol. 8. P. 190a; Ṣurra // Ibid. Vol. 9. P. 894a; Pāra // Ibid. Vol. 8. P. 266b. См. также: *Кобищанов.* Христианские общины в арабо-османском мире. С. 75, 95.

[4] Из арабского текста, в котором употребляется слово *kānūn*, неясно, какой месяц имеется в виду – декабрь (канун I) или январь (канун II). Однако из контекста следует, что речь идет о январе 1768 г.

и был принят у него наилучшим образом. Впоследствии он стал, как и покойный патриарх Филимон, употреблять в пищу мясо. Он мало усердствовал и был скуп. В этот год во всех областях сирийских шли сильные дожди и снег.

В тот же год его святость патриарх призвал меня и назначил игуменом и наместником святого Сайднайского монастыря[1]. Я отправился туда и служил там целый год, но затем отказался от служения по некоторым причинам, в том числе из-за больших хлопот и отсутствия там порядка.

1769 г.

В этом году случилась большая война московитов против богохранимого государства[2] и татар[3], в которой, как мы слышали, московиты добились победы и великой славы. Война продолжалась до 1770 г.

1771 г.

Царица Екатерина[4] начала большую войну московитов против Османского государства. Ее командующим был Стефан-бей. Московиты одержали победу во многих сражениях, а мусульманские войска понесли большие потери. Затем московиты появились в Белом море[5] и отняли у мусульман множество кораблей. До нас доходило

[1] Имеется в виду знаменитый ставропигиальный женский монастырь Рождества Богородицы в городке Сайдная, расположенном примерно в 30 км к северу от Дамаска. О состоянии монастыря в османскую эпоху см.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. М., 2012. С. 236–242. В Сайднайском собрании рукописей хранится несколько книг, переписанных Михаилом или пожертвованных в монастырь в его настоятельство (Baṭriyarkiyyat Anṭākiya wa-sā'ir al-Mašriq li-r-rūm al-urṯūḏuks. Dayr Sayyidat Ṣaydanāyā al-baṭriyarkiyy. Waṣf li-l-kutub wa-l-maḫṭūṭāt. Dimašq, 1986. № 74, автограф Брейка 1768 г.). Из их колофонов явствует, что священник-летописец занимал пост настоятеля монастыря также и в 1773 г. (Ibid. № 28, 55).

[2] Официальное наименование Османской империи.

[3] Имеется в виду Русско-турецкая война 1768–1774 гг. По-видимому, летописец был недостаточно осведомлен о ходе боевых действий, датируя конец войны 1770 г. Учитывая, что далее автор хроники пишет о возобновлении войны, возможно, он имеет в виду отдельные военные кампании.

[4] Имеется в виду Екатерина II Алексеевна (1729–1796), императрица Всероссийская в 1762–1796 гг.

[5] Имеется в виду Средиземное море, которое тогда именовалось согласно турецкой традиции Akdeniz – «Белое море».

множество подобных вестей, и мы молились, чтобы все закончилось благополучно. Московиты же совершенно завладели Белым морем, и в нем не осталось ни одного мусульманского судна, а только лишь принадлежавшие московитам.

1772 г.

Тогда в Египте возвысился один начальник санджака[1] по имени ʻАли-бей[2]. Он восстал против остальных беев и убил многих из них, а также бедуинского шейха Ибн Хумама[3]. ʻАли-бей овладел всеми египетскими областями, поднял бунт против Порты и начал чеканить монету со своим именем. Он послал войско в Хиджаз и завладел Меккой, Мединой и Джиддой. Затем он вступил в сговор с правителем Акки и Сафеда Дахиром аль-ʻУмаром[4], послал войско в Газу и Рамлу и захватил их. Осман-паша с сирийским войском выступил в поход против египетской армии, но, разграбив Яффу, бежал обратно в Дамаск. В городе и в окрестностях воцарились страх, мошенничество, доносительство, угнетения, несправедливость и враждебность.

Позднее в 1772 г. Дахир аль-ʻУмар усилился и прославился. Он разграбил арсенал дамасского вали Османа-паши. Когда паша отправился в Музайриб[5], Дахир аль-ʻУмар пошел в поход против него

---

[1] Санджак (округ) – военно-административная единица в Османской империи.

[2] ʻАли-бей аль-Кабир (1728–1773) – мамлюкский бей, ставший к 1760-м гг. фактическим правителем Египта. В годы Русско-турецкой войны вышел из повиновения Высокой Порте. В союзе с галилейским шейхом Дахиром аль-ʻУмаром и русской эскадрой вел войну с османами в Палестине. Был свергнут в 1772 г. в результате мятежа мамлюкских беев и укрылся во владениях Дахира. В 1773 г. попытался вернуть власть в Египте, но потерпел поражение и погиб. См. о нем: *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007. С. 68, 73–78, 83–84.

[3] Шейх известного бедуинского племени хувара в Египте (примечание в арабском издании).

[4] Шейх Дахир аль-ʻУмар ибн Салих ас-Сафади аз-Зайдани – знаменитый «Галилейский шейх», правитель Сафеда, Акки, Назарета, Табарии, Сайды и т. д. Вел борьбу против Порты, заключив союз с Россией и ʻАли-беем Египетским. После окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и ухода из Средиземноморья русского флота османские власти направили против Дахира крупные военно-морские силы. Шейх был убит при попытке бежать из Акки, а его владения завоеваны османскими пашами. См.: *Базили.* Сирия и Палестина... С. 69–78, 82–88.

[5] Город на юге Сирии в мухафазе Дарʻа, расположенный вблизи нынешней сирийско-иорданской границы.

и хотел ограбить паломников, захватить махмаль[1] и перебить визирей. Однако Всевышний Создатель не допустил этого. Дороги были перерезаны, страна пребывала в беспорядке, сообщение и торговля были нарушены. Пока паша был в хадже, в Дамаск прибыли четыре визиря с солдатами и янычарами для охраны сирийских земель от имени Высокой Порты, но они лишь принесли Дамаску и другим областям убытки, а не пользу. Когда же паша вернулся из Хиджаза в Дамаск, египетская армия, высланная ʻАли-беем, двинулась на сирийские земли. С ней был Мухаммад-бей Абу-з-Захаб[2], а также Дахир аль-ʻУмар и мутавалии[3]. Это войско было огромным, словно бурное море, и имело около сотни пушек. Оно встало лагерем у местечка Каукаб[4]. В тот же день сирийский вали Осман-паша послал к христианам и потребовал от них с рассвета до полудня собрать сумму более тридцати тысяч пиастров для снаряжения войск. Бедные сирийские христиане!

На следующий день визири выступили с находившимися в Дамаске войсками и сирийской армией, общая численность которых превышала сто тысяч человек. Началась битва на равнине близ селения Дарайя[5]. Сирийские войска не продержались против наступления египетской армии и двух часов, были разбиты, бежали и побежденными вернулись в город. Ночью сирийский наместник с остальными визирями и многие солдаты бежали в направлении Хомса, Хамы и других мест в тех краях. Дамаск оказался в жалком положении и был охвачен страхом. Египетские войска продвинулись и вошли в квартал аль-Кадам[6], пройдя местечко Баб-Аллах[7]. Затем они пошли

[1] Богато украшенный паланкин, в котором перевозилась кисва (покрывало) и другие дары для Каабы.

[2] Мухаммад-бей Абу-з-Захаб (1735–1775) – мамлюкский военачальник, правитель Египта с 1772 по 1775 г.

[3] Одно из наименований шиитов. Шиитские племена, населявшие южные отроги Ливанских гор, до кон. XVIII в. были заметной военно-политической силой в регионе.

[4] Селение на южной окраине Дамаска; согласно местному преданию, на этом месте произошло обращение ап. Павла.

[5] Дарайя – город в Сирии примерно в 8 км к юго-западу от Дамаска.

[6] Аль-Кадам – в XVIII в. пригородное поселение к югу от Дамаска за пределами его городских стен. Сегодня – муниципалитет в южной части сирийской столицы.

[7] Баб-Аллах (более известное название: *Bawwābat Allāh* или *Bāb Miṣr*) – в XVIII в. пригородное местечко к юго-западу от Дамаска за пределами его городских стен.

в наступление на Дамаск и овладели им, разграбили и сожгли несколько частей квартала аль-Мидан[1].

На следующий день к ним вышли знатные жители, изъявляя покорность, и поневоле сдали им город. Мухаммад-бей Абу-з-Захаб потребовал от них сдать крепость. Те ответили, что она принадлежит султану, и в ней находится подразделение янычар и капыкулу, поэтому никто не имеет над ней власти[2]. Он сказал: «Я возьму ее мечом», и тотчас направил на нее пушки с ядрами. Тогда вынесли махмаль и поставили его на городской стене. Увидев его, завоеватели перестали обстреливать город и сражаться за него; мамлюки и египетские войска вошли в город и стали продавать и покупать, а жители были в безопасности. Правители областей явились с покорностью к Мухаммаду-бею Абу-з-Захабу, который успокоил их и одарил одеждами; больше египетскими войсками не было причинено никакого вреда.

На 15-й день по прибытии он назначил мутасаллима[3] в Дамаск и агу янычар и, призвав к миру, разрушил свой лагерь и отправился обратно в Египет – да не даст ему Бог благополучного возвращения! Никому не была известна причина его ухода[4]. Гонцы разнесли радостную весть об этом, и тогда вернулись визири и сирийские войска. Все поздравляли друг друга с благополучным избавлением. С ними прибыл эмир Йусуф Шихаб[5], правитель аш-Шуфа[6], в сопровождении своих войск, состоящих из друзов; имя его было у всех на устах. Его люди вели себя вызывающе по отношению к дамаскинцам и доставили мусульманам немало неприятностей и обид. Дошло до того, что друзы и бывшие с ними христиане стали заходить в мечеть Омейядов[7] обутыми, и дамасским

[1] Аль-Мидан – в XVIII в. пригородный квартал Дамаска, прилегающий к городским стенам с южной стороны. Сегодня – один из муниципалитетов сирийской столицы близ ее исторического центра.

[2] В Дамаске XVIII в. две орты (подразделения) «имперских» янычар держали под своим контролем цитадель и городские ворота.

[3] Градоначальник, наместник.

[4] См. об обстоятельствах отступления мамлюкского войска из Сирии: *Базили.* Сирия и Палестина... С. 74.

[5] Йусуф Шихаб (1748–1790) – полунезависимый эмир Горного Ливана в 1770–1789 гг., представитель могущественного клана Шихабов. Часть династии Шихабов в XVIII в. тайно перешла в христианскую веру своих подданных-маронитов (см.: Там же. С. 119–123).

[6] Аш-Шуф – историческая область в южной части Ливанских гор, центр расселения друзской общины.

[7] Мечеть Омейядов в Дамаске (начало VIII в.) – одна из древнейших и наиболее почитаемых мечетей в мире, находится в центре старого города на месте бывшей церкви Иоанна Крестителя.

христианам пришлось затаиться. Через несколько дней они возвратились в свои владения, и тогда появились разбойники, которые запугивали несчастных дамасских христиан; те подверглись неописуемым вымогательствам, доносам, притеснениям и нападениям, так что многие из них покинули свои жилища и, взяв жен и детей, бежали в Галилею, остальные же прятались по домам. То были скорбные дни, достойные слез – Господь да поможет христианам в постигшем их бедствии!

Затем визирь Осман-паша схватил агу янычар Ибн Джабари и велел его задушить, тем самым избавив людей от его притеснений. За короткое время дома угнетателей опустели[1]. Между тем Осман-паша был смещен с должности в Дамаске, и наместником был назначен Мухаммад-паша ибн аль-'Азм[2].

Еще будучи в должности, Осман-паша выступил со своим войском против Дахира аль-'Умара и мутавалиев. Когда он достиг селения аль-Хейт[3] возле озера Хула[4], Дахир аль-'Умар и мутавалии вышли к нему со своими войсками и сразились с ним. По воле Всевышнего армия паши была разбита – одни были убиты, другие бросились в воды озера и утонули, так что от войска ничего не осталось. Сам паша бросился в озеро, и его вытащили. Сторонники паши вернулись в Дамаск постыженные, а Дахир аль-'Умар завладел его лагерем со всеми трофеями и возвратился в Акку с триумфом победителем.

Тем временем друзы и эмир Йусуф ибн аш-Шихаб двинулись со своими многочисленными войсками против мутавалиев и Дахира аль-'Умара. Когда войско друзов оказалось в области мутавалиев[5], им навстречу выступил с войском Дахир аль-'Умар. Произошло сражение, и по воле Всевышнего войско друзов было разбито. Многие из них были убиты, а остальные обратились в бегство постыженные. Тогда друзы стали подвергаться неописуемым унижениям и оскорблениям, а Дахир аль-'Умар возвысился, и имя его прославилось. Он отобрал у везира город Сайду, водрузил в нем свое знамя и укрепил

[1] Арабская поговорка.

[2] Мухаммад-паша аль-'Азм – дамасский вали в 1771–1772 и 1773–1782 гг., один из представителей известного клана аль-'Азм, происходившего из дамасской знати. Многие члены клана занимали видные административные посты в османской Сирии между 1720 и 1807 гг.

[3] Мугр-аль-Хейт – деревня, существовавшая в 4,5 км к северо-востоку от г. Сафед.

[4] Озеро в 20 км к северу от Тивериадского озера.

[5] Имеется в виду исторический регион Джабаль-'Амаль (др. названия – Джабаль-аль-Джалиль, Джабаль-аль-Хейль, Биляд-Бишара) на юге Ливана. Мутавалии жили в горах между районами аш-Шуф и Сафед.

его. В городе и в округе воцарился страх, торговля нарушилась, на дорогах был беспорядок.

Затем Дахир аль-'Умар отправил своих сыновей, Ахмада и Са'ида, и захватил с их помощью область Ирбид[1] и горы 'Аджлун[2]. Эти земли покорились ему, и он завладел ими.

Между тем Мухаммад-паша ибн аль-'Азм, вали Дамаска, прибыл в город в месяце раджабе 1185 года хиджры[3] и хотел выехать взимать сбор на хадж[4], но ему воспрепятствовал Дахир аль-'Умар. Он[5] оказался несправедливым и подверг христиан и мусульман притеснениям; затем он выступил в Хиджаз. Страх и ужас усилились, сообщение было нарушено, разбойники обижали несчастных бедняков и христиан (да поможет им Бог!).

Между тем Дахир аль-'Умар отправил своего сына 'Али, правителя Сафеда, известного лихача, в поход на Хауран[6]. Эта область ему подчинилась после непродолжительной войны. Он завладел Босрой[7], Сальхадом[8] и окрестными территориями, захватил все имущество и приобретения сирийских наместников. Имя его было у всех на устах, и все пребывали в страхе. Появилось много обманщиков, и во всякий день можно было услышать самые разные новости, которые за ночь забывались и бесследно исчезали, а наутро уже появлялись другие. Дела в стране остановились – ни купли, ни продажи, никаких занятий не было; дороги были расстроены. Да облегчит Всевышний рабам Своим эту тяжесть!

---

[1] Ирбид – город на севере нынешней Иордании.

[2] Горная местность на северо-западе современной Иордании.

[3] Соответствует 10 октября – 10 ноября 1771 г.

[4] В тексте – *ad-dawra* (здесь: «объезд; тур»). Этим термином в XVIII в. обозначался ежегодный объезд дамасским вали южных санджаков Сирии для взимания средств на снабжение паломнического каравана, отправляющегося в Мекку. Как правило, наместник в сопровождении войска выступал для сбора денег в месяце ша'бан, чтобы вернуться в Дамаск к началу рамадана и снарядить караван. С 1708 г. дамасские наместники регулярно назначались предводителями паломнических караванов. Подробнее см.: *Barbir K. K.* Ottoman Rule in Damascus, 1708–1758. Princeton, 1980. P. 122–125.

[5] Имеется в виду вали Дамаска.

[6] Исторический регион, занимающий юго-западную часть современной Сирии и северо-западную часть Иордании.

[7] Древний город на юге Сирии на территории нынешней мухафазы Дар'а; известен своими историческими памятниками, внесенными в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

[8] Город на юге Сирии, на территории нынешней мухафазы ас-Сувайда; имел важное стратегическое значение.

В этом году был большой неурожай в Сирии и в соседних странах.

Вернемся к повествованию о Мухаммаде-бее Абу-з-Захабе. Возвратившись в Египет, он пробыл там недолгое время, а затем между ним и ʻАли-беем началась война. Абу-з-Захаб усилился, изгнал ʻАли-бея из Египта и завладел им. ʻАли-бей бежал к Дахиру аль-ʻУмару в Акку. Вместе они выступили и осадили Яффу. Через восемь месяцев они завладели ею. Каждый день поступали самые противоречивые вести. Сообщение было нарушено, на дорогах было опасно, в городе и в окрестностях царил страх, к тому же по-прежнему был неурожай.

В это время был смещен Мухаммад-паша ибн аль-ʻАзм, и наместником Дамаска стал Мустафа-паша[1].

После этого ʻАли-бей собрал войско и выступил в Египет. Армия Абу-з-Захаба двинулась ему навстречу. По воле Всевышнего войско ʻАли-бея было разбито. Сам он был ранен, схвачен и доставлен в Каир, где и скончался. Всевышний Господь избавил народ от его зла, и наступило спокойствие.

В это же время выяснилось, что патриарх стал давать деньги в долг под проценты; нам было из-за этого стыдно. Да взыщет Всевышний Господь с того, кто надоумил его на этот грех!

В этом же году Высокая Порта прислала визиря, наместника над Сирией по имени Осман-паша аль-Мисри. Он был представителем Порты, назначающим пашей и раздающим бунчуки[2].

1773 г.

В этом году снова вернулись корабли московитов и осадили Бейрут. Через некоторое время московиты взяли его и водрузили крест на городских воротах. Слава о них распространилась, и имя их возвысилось.

В этом году один юноша-христианин по имени Ханна ибн Муса Аллахверди из-за своего вспыльчивого характера – а он к тому же употреблял спиртное – и по причине, о которой не стоит упоминать[3], отрекся от своей веры и произнес исповедание мусульманской веры. Его схватили, а на следующий день он вернулся к своей вере и отрекся от ислама, сказав: «Я христианин». Правитель велел отрубить ему голову. Юноша сказал палачу: «Делай свое дело, я христианин и

[1] Хафиз Мустафа-паша Бустанджи – дамасский вали в 1772–1773 гг.

[2] Бунчук – символ власти и знак достоинства османских военачальников; представлял собой древко с золоченым шаром и пучком конских волос.

[3] Другая возможная интерпретация: «по неизвестной причине».

умираю с любовью ко Христу и верой в Него». Он стал мучеником, а остальное лишь Богу известно.

В это время был смещен Мустафа-паша, который обустроил навес аль-Кадам[1] возле аль-'Ассали[2]. Вернулся Мухаммад-паша ибн аль-'Азм и вновь стал наместником Дамаска. Он схватил агу янычар Османа ибн Шабиба, велел его задушить и присвоил себе его состояние, поскольку он был человеком жестоким и дерзким; на место его он назначил другого.

В этом же году в Дамаске случился большой неурожай. Мудд[3] пшеницы продавался за полтора пиастра, а ратль[4] оливкового масла – за полтора пиастра в Дамаске и за два в области. Соль в Дамаске продавалась за три пиастра, на весах одну окку[5] отвешивали за два пара[6].

В этом году по всей Сирии было очень холодно. Все фрукты, кроме винограда, пропали. Воды в реках стало меньше. Мудд муки продавался за три пара. Вдобавок ко всему этому не прекращались смута и гнусные дела, учиняемые Дахиром аль-'Умаром и его сыновьями. Дороги были перерезаны, караваны подвергались грабежу на суше, а московиты грабили суда на море.

В этом году Дахир аль-'Умар укрепил свои позиции, взял города Сайду и Яффу и поставил там своих наместников. Имя его было у всех на устах. Явились визири с войсками сразиться с ним, но, достигнув Дамаска, обратились в бегство. По пути они причинили много убытков деревням и крестьянам. То были дни, достойные лишь оплакивания.

1774 г.

В этом году был ограблен багдадский караван, везший несметные богатства. Это сделали бедуины из окрестностей Газы, которые

[1] Исторический район на юге Дамаска, «южные ворота» города. Название *al-qadam* (букв. «стопа») связано с отпечатком стопы на камне, который хранится в местной мечети, относящейся к омейядской эпохе. Народная легенда гласит, что отпечаток стопы принадлежит основателю ислама Мухаммаду, в связи с чем это место было важным пунктом на пути паломнических караванов. Это место в тексте не вполне ясно.

[2] Район на юге Дамаска; ныне входит в муниципалитет аль-Кадам.

[3] Мера сыпучих тел, равная 18¾ л.

[4] Мера веса, равная 449,28 г (см.: *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. М., 1996. Т. 1. С. 302).

[5] Окка – османская мера веса, равная 1282 г.

[6] Пара – 1/40 османского пиастра.

ранее захватили караван, шедший из Мекки. В Дамаске дела замерли, и всё было в жалком состоянии. Затем сильно подорожало мясо, так что ратль продавали за два пиастра. Также подорожало животное масло – ратль стоил четыре пиастра, а ратль кунжутного масла – три пиастра.

В этом году было заключено перемирие между московитами и османами. Корабли московитов ушли, и всё то, о чем мы слышали и на что надеялись, не состоялось.

В этом году умер султан Мустафа[1], и вместо него султаном стал ʻАбд аль-Хамид[2]. Именно он заключил мир с московитами[3].

1775 г.

В этом году египетский вали Мухаммад-бей Абу-з-Захаб выступил по суше со множеством пушек и большим войском, намереваясь идти войной на Палестину, область Сафед и Дахира аль-ʻУмара. Он осадил город Яффу и, обстреляв его, в короткий срок завладел им обманным путем. Он повелел умертвить всех находящихся в городе, включая женщин, детей и даже чужеземцев. Отобрав себе некоторых женщин и детей, он отправил их в Египет, а все остальные погибли от меча – да помилует их Господь! Весь город был разорен, и лишь немногие спаслись.

Затем Абу-з-Захаб вышел из Яффы и двинулся на Акку против Дахира аль-ʻУмара. Тот тотчас же бежал из крепости Акки, также бежали и все его сыновья из своих укреплений в области Сафед до прибытия туда Абу-з-Захаба. Все, кто были верхом на лошадях, и весь народ бежали в область друзов и в другие части страны. Силы врагов укрепились, и над всеми навис страх.

Абу-з-Захаб по дороге из Яффы в Акку проходил мимо монастыря Мар-Илйас, находящегося на горе Кармель[4]. Увидев его, он повелел разорить его и разграбить. Монастырь сразу же подвергли разорению, но как скоро наступило возмездие! В тот же час святой Илия незаметно поразил его, так что тело его стало гореть в лихорадке,

[1] Мустафа III – султан Османской империи в 1757–1774 гг.

[2] Абдул-Хамид I – брат Мустафы III, султан Османской империи в 1774–1789 гг.

[3] Имеется в виду Кючук-Кайнарджийский мирный договор, подписанный 10(21) июля 1774 г.

[4] Горный массив Кармель (библ. Кармил) расположен на северо-западе современного Израиля у г. Хайфы; иудейская и христианская традиции связывают его с именем пророка Илии (3 Цар 18).

и он сказал бывшим с ним: «Этот старик ударил меня. Что я сделал плохого ему и той Царственной Жене, Которая рядом с ним?» На следующий день Абу-з-Захаб ушел оттуда и двинулся на укрепленный город Акку, которым завладел без боя, поскольку его жители бежали вместе с Дахиром аль-'Умаром. К нему явились шейхи из окрестности и из области Бишара[1], изъявляя покорность. Солдаты его, разбредясь по окрестностям и по крепостям, наделали много зла. Сам же Абу-з-Захаб по-прежнему пылал в сильной горячке, и по прошествии недели его несчастная душа погибла, отправившись в тартар. Тотчас же войска бежали обратно в Египет, забрав с собой тело этого злодея. Его похоронили в Каире, и его смерть вызвала большую радость. Дахир аль-'Умар и его сыновья вернулись в свои крепости постыженные, ибо они уронили свое достоинство. Всевышний Создатель попустил им это унижение из-за многих их притеснений и посягательств на имущество других людей, грабежа караванов и путников и прелюбодейства с чужими женами.

О Мухаммаде-бее Абу-з-Захабе рассказывали, что он был мятежником, ненавидел людей, в особенности христиан, был угнетателем, не знающим пощады и милости. Владения его расширились до пределов Антиохии, но Всевышний Господь предал его смерти, и люди избавились от его злодеяний.

Вскоре после этого, когда Дахир аль-'Умар был в Акке, Высокая Порта выслала против него военные корабли. От него потребовали заплатить поземельный налог[2]. Он не пожелал, и это послужило причиной его гибели. Говорят, что из-за скупости его кяхьи[3] Ибрахима ас-Саббага[4], его тщеславия и высокомерия, Господь сокрушил его гордыню, когда он явил неповиновение к Порте. Тотчас же по Акке начали стрелять с кораблей из пушек, а поскольку это были мощные военные орудия, Дахир аль-'Умар испугался и обратился в бегство вместе со своим войском. Когда он пытался покинуть Акку, один

[1] См. примеч. 5 на с. 356.

[2] В тексте употреблено слово *mīrī;* этим термином обозначалась часть поземельного налога, посылавшаяся в качестве дани султану.

[3] Тур. kâhyâ – управляющий делами, поверенный.

[4] Ибрахим ас-Саббаг, из мелькитов-католиков, «министр финансов» Дахира аль-'Умара, убедил своего шейха отклонить требования османов об уплате выкупа и решиться на военное противостояние. Измена магрибинских наемников Дахира привела к его поражению и гибели. Ибрахим ас-Саббаг был захвачен османским капудан-пашой и впоследствии повешен, дабы избежать утечки сведений о размерах казны Дахира и той ее части, которая была присвоена капуданом (см.: *Базили.* Сирия и Палестина... С. 86–88).

из служивших у него магрибинцев выстрелил в него, сбросил его с коня, отрубил ему голову и тотчас отдал ее капуджи[1] морского флота. Капуджи вошел в Акку и завладел ею, чему весьма обрадовался. Затем он схватил Ибрахима ас-Саббага и подверг его пыткам, чтобы тот открыл ему местонахождение сокровищ Дахира аль-'Умара. Как мы слышали позже и удостоверились в том от людей, бывших в Акке, было обнаружено несметное количество денег, сокровищ, украшений и драгоценных металлов. Капудан взял эти богатства и Ибрахима ас-Саббага и отправился в Стамбул, где Ибрахим ас-Саббаг скончался. Что касается сыновей и подопечных Дахира аль-'Умара, они бежали в Джабаль-ад-Друз[2] и скрывались в унижении. Это то, чего они заслуживают, ибо они слишком превознеслись, возгордились и угнетали людей, поэтому Бог подверг их уничижению и сокрушил их гордыню и высокомерие.

Завершим повествование об этом годе следующим сообщением. Из Рима от папы поступил указ, что, согласно договору между франкскими королями и князьями о полном упразднении монашеского ордена иезуитов по всей Вселенной, отныне никто не может в него вступить[3]. Пребывающие в нем сейчас, где бы они ни были в мире, доживают свой век, а после их смерти их монастыри будут переходить один за другим к франкским монахам, и так, пока иезуитство не исчезнет окончательно. В послании папы говорится, чтобы никто не спрашивал и не исследовал причину этого. Также там сказано: «Отрасль сию насадил Святой Дух, Он же ее выдернул и выбросил. Никто да не вопрошает, как и почему». Вот что произошло.

1776 г.

В этом году к Акке подошли военные корабли, высланные Высокой Портой. Они осадили 'Али, сына Дахира аль-'Умара, в крепости Дейр-Ханна[4]. Из-за отсутствия согласия между ним и его братьями и взаимной ненависти братьев – каждый из них искал главенства для себя – правильнее будет сказать, что Господь попустил им уничиже-

[1] Тур. kapıcı – привратник. Термин использовался также для обозначения разных государственных чинов (здесь: «адмирал»).

[2] Букв. «гора друзов» (регион аш-Шуф в Горном Ливане).

[3] Речь идет о бреве «Dominus ac Redemptor», изданном папой Климентом XIV 21 июля 1773 г.

[4] Селение на севере Палестины, один из оплотов клана аз-Зайдани, к которому принадлежал Дахир аль-'Умар.

ние, ибо они притесняли, угнетали и грабили людей, губили честь женщин и оскверняли их и детей, так что Всевышний Создатель разгневался на них и на их жестоких головорезов[1]. При помощи хитрости сераскира[2] и Ахмада-паши аль-Джаззара[3], правителя Сайды и Акки, турки схватили всех сыновей Дахира аль-'Умара, взяли и разрушили крепость Дейр-Ханна. 'Али, сын Дахира аль-'Умара, бежал от них. Других сыновей Дахира отправили в Стамбул. Мужчины разбежались из города, жители оказались в самом худшем положении, и Порта завладела той областью. Наконец, по прошествии немногого времени, наместник Дамаска Мухаммад-паша ибн аль-'Азм прибег к хитрости и выслал часть войск якобы для служения 'Али, сыну Дахира, но те его тотчас схватили, сняли с него голову и, вернувшись в Дамаск, послали ее правительству. Так померкла слава имени Дахира аль-'Умара и его сыновей. Люди говорили, что таково воздаяние тем, кто угнетал народ, насаждал пороки, покушался на честь женщин и имущество других людей; это стало назидательным примером для умеющих извлекать урок. Слава их обратилась в великое уничижение, так что исполнилась поговорка, гласящая: «Не преуспеть тому, кто несправедлив и кого проклинают женщины», как и другая: «Зло угнетателя обернется против него».

Затем Ахмад-паша аль-Джаззар, правитель Сайды, двинулся на Бейрут. Знатные жители бежали из него, а он вошел в город со своим войском и взял его. Он разграбил и разорил значительную часть города и поставил там своего наместника. Солдатам была дана воля сколько угодно производить убийства и грабежи по деревням, дорогам и в области Бекаа[4]. Поступавшие вести печалили сердце и приводили в смятение ум. Повсюду царил беспорядок, было нарушено передвижение и сообщение, к тому же сирийские капыкулу были

[1] Араб. *fidāwiyya*. Это слово может обозначать участников достаточно широкого спектра вооруженных формирований, от средневековых ассасинов до палестинских боевиков 2-й пол. XX в. В большинстве случаев термин имеет положительную окраску («жертвующие собой»), но Михаил Брейк придает ему явно негативный оттенок.

[2] Тур. serasker – главнокомандующий войсками.

[3] Ахмад-паша аль-Джаззар (ум. в 1804 г.) – мамлюк боснийского происхождения, правитель Палестины и части Сирии в 1775–1804 гг. По одной из версий, прозвище «аль-Джаззар» («мясник») получил за свирепую расправу над мятежными бедуинами; правление его было отмечено жестокостью и деспотизмом (см.: *Базили.* Сирия и Палестина... С. 79–82, 91–114).

[4] Долина на востоке Ливана, расположенная между горными хребтами Ливан и Антиливан.

поставлены над христианами, чтобы обирать их ради арака[1] и вина и заниматься вымогательством, а правители незаконно присваивали себе их имущество.

Слышал я от знающих людей и от тех, кто достоверно исследовали эти дела, что дамасские христиане за последние семь лет каждый год подвергались вымогательствам правителя, который требовал с них примерно 120 кошельков, не считая вымогательств со стороны капыкулу и янычар и суммы хараджа[2]. Каждый раз он выдумывал какие-то новые бесовские уловки для вытягивания из них денег. За каждый год выходило в целом более 60 тысяч пиастров. Всевышний Господь да поможет им и да воздаст им в иной жизни! Аминь.

В завершение рассказа об этом годе сообщим о том, что патриарх Даниил покинул Дамаск, чтобы объехать антиохийские епархии и потом вернуться на свою кафедру. В этот год было мало дождей и много притеснений отовсюду, даже от патриарха; он поставил своим вакилем Варнаву ад-Димашки, митрополита Сайднаи.

1777 г.

В этот год христиане Дамаска заволновались из-за увеличившегося произвола и написали письма Константинопольскому патриарху Софронию[3] в отношении их патриарха Даниила, жалуясь на свое положение и на причиняемые патриархом Даниилом притеснения, его сребролюбие, скупость и на другие пороки. Главным было то, что он давал деньги в долг под проценты и стал известен как патриарх-ростовщик. За два года произошло много плохого, возникла вражда и образовались противоборствующие партии. В Дамаске не нашлось ни одной трезвомыслящей головы, и между ними не было согласия – один противоречил другому. После долгой переписки, споров и многих словопрений на протяжении двух лет его святость патриарх Константинопольский Софроний прислал дамаскинцам письма и окружные послания, прося их примириться со своим патриархом. Они удовлет-

[1] Арак – крепкий алкогольный напиток, распространенный на Ближнем Востоке.

[2] Изначально – поземельный налог с немусульман. В Османской империи хараджем называлась также подушная подать, уплачиваемая немусульманами (джизья). В арабо-христианских текстах термин часто используется во втором значении.

[3] Софроний аль-Килизи – патриарх Иерусалимский (VI, 1771–1774) и Константинопольский (II, 1774–1780). Был родом из г. Килис в северной Сирии; известен как крупный богослов и церковный писатель.

ворили его просьбу и согласились, чтобы патриарх вернулся к ним, при соблюдении условий, приемлемых для обеих сторон. Так закончилось это дело, и проблема была решена сторонами мирно и полюбовно, ибо патриарх Даниил в то время находился в Константинополе.

В завершение рассказа об этом годе упомянем о жестокостях правителя Сайды Ахмада-паши аль-Джаззара. Он стянул многочисленное войско к границам области друзов и области Бекаа, грабил и захватывал людей. Он разграбил известный монастырь Дейр-аль-Мухаллис[1]; ходили слухи, что он вывез оттуда много богатств и приношений от друзов. Также он разорил другие монастыри и многие города. Женщин оттуда вывозили и продавали в Дамаске как пленниц. Это печалило сердце и приводило в смятение ум. Через несколько дней все христиане из селений, которые были ограблены, отправились в Дамаск, и каждая семья бродила по улицам и переулкам города, прося милостыню на пропитание. Сколько из них умерло от голода и холода! Скольких девиц, юношей и женщин выкупили дамаскинцы у солдат и отпустили на волю! Вдобавок ко всем этим бедам был неурожай и притеснения отовсюду. Да поможет Господь сирийским христианам в этих бедствиях!

1778 г.

В этом году в Дамаске и других областях не прекращались злодеяния и мятежи, учиняемые жестокими и порочными людьми. В то же время прошедшим летом среди христиан Дамаска распространилась неизвестная болезнь вроде горячки со странным ознобом, которая унесла женщин и детей в количестве, равном половине умерших от моровой язвы[2]; это продолжалось до конца года.

В этом году в Дамаске и других областях случилось большое нашествие саранчи. Мало того, что подобное бывало в прошлые годы кое-где, в этот раз это стало всеобщим бедствием в странах арабских[3]. Саранча попортила все деревья в Дамаске и других областях,

[1] *Dayr al-Muḫalliṣ* («монастырь Спасителя») – наиболее влиятельный греко-католический монастырь сиро-ливанского региона, расположенный под г. Сайда. Основан в 1708 г. митрополитом Тира и Сидона Евфимием ас-Сайфи, который первым из антиохийских архиереев принял унию с Римом в 1683 г.

[2] Автор подразумевает эпидемию холеры 1760 г., которая была описана им ранее в его хронике.

[3] Один из ранних примеров зарождения этнического самосознания в арабской среде. Традиционно «арабами» на Ближнем Востоке называли кочевников-бедуинов.

и все плоды пропали; осталась только пшеница. Всевышний Господь сохранил ее ради Своих рабов.

1779 г.

Было много снега, который держался около месяца – снегопад то шел, то прекращался. Вскоре стало известно, что это было везде в арабских странах, начиная от Багдада, а также в Константинополе, так что даже залив в море[1] замерз.

В этом году Всевышний Господь вразумил наместника Дамаска Мухаммада-пашу ибн аль-'Азма явить справедливость к христианской общине. Он отстранил от дел их вакиля Митри Сакра, который не был подходящим человеком, и обеспечил им необходимую защиту и покровительство.

В этом году в Дамаск прибыл патриарх Даниил. Христиане оказали ему наилучший прием, и внешне между сторонами был мир. Внутреннее же ведомо только Всевышнему.

Его святость патриарх Даниил позаботился о том, чтобы на следующий год восстановили церковь в Дамаске[2]. Опоры ее сильно обветшали со времени землетрясений, после которых прошло уже больше двадцати лет[3]. Крыша ее едва держалась, а арки приходилось подпирать. От времени они уже были на грани обрушения. Я имею в виду внутреннюю церковь[4]. Мы не могли там молиться из-за опасности обрушения и уже больше двух лет молились в церкви Мар Николая. Когда же Всевышнему Создателю было угодно, чтобы ее восстановили, его святость патриарх приложил старания и с позволения великого везира Мухаммада-паши ибн аль-'Азма отремонти-

[1] Имеется в виду залив Золотой Рог в Константинополе; автор называет его согласно турецкой традиции *Ḫalīǧ* («залив; бухта»).

[2] Имеется в виду кафедральный собор Успения Богородицы.

[3] С 19 октября по 25 ноября 1759 г. по Восточному Средиземноморью прокатилась серия мощных подземных толчков, достигавших 7,4 балла и приведших к многочисленным жертвам и разрушениям в Бейруте, Дамаске, Алеппо и др. Эти события описаны в хронике дамаскинца Ахмада аль-Будайри (см.: Ḥawādiṯ Dimašq al-yawmiyya / Ǧama'a-hā aš-šayḫ Aḥmad al-Budayrī al-Ḥallāq. Al-Qāhira, 1959. P. 222–226); Михаил Брейк также упоминал о них ранее в своей хронике.

[4] На месте нынешнего кафедрального собора после пожара 1760 г. находилось три храма: древнейший и самый большой – церковь Успения Богородицы (аль-Марйамиййа), называемая «внутренней», церковь свв. Киприана и Иустины («внешняя») и церковь свт. Николая. Последняя, очевидно, была подземной и служила для погребения патриархов, архиереев, клириков и мирян (примечание в арабском издании).

ровал внутреннюю церковь полностью вместе с четырьмя стенами, поменял ее крышу и восстановил стены внешней церкви, а также восстановил церковь Мар Николая и поменял на ней крышу. Теперь все это стало отрадой для взоров. На это было потрачено много денег – да воздаст Господь за все! Всем этим управлял по большей части митрополит Сайднайский Варнава, который много потрудился.

1780 г.

В начале повествования об этом годе упомянем о справедливости, покровительстве и защите, которые явил дамасский вали христианам, и о дешевизне, хорошем урожае, изобилии плодов и дождей, которые ниспослал Всевышний (да возвеличится имя Его!). Люди жили в совершенной безопасности, были восстановлены сообщение и торговля. Молим Всевышнего, чтобы все благополучно закончилось. Аминь.

В этом году объявился сарраф-еврей Шихада[1], имя которого стало всем известно. Выяснилось, что он является вакилем[2] христианской общины в Дамаске и действует в интересах патриарха Даниила. Именно он помогал патриарху в делах с везиром Мухаммадом-пашой и получил для него буюрулду[3] на восстановление церкви. Он был умным человеком, трудился на благо общины христиан, управлял некоторыми их делами и разрешал их споры.

В тот год везир Мухаммад-паша двинулся на крепость ас-Салт[4]. Всевышний даровал ему победу над Ибн 'Удваном[5], которого он обезглавил. Крепость ас-Салт покорилась ему, и он ее не разрушил.

[1] Шаул (Шихада) Фархи – предприниматель из богатого еврейского клана Фархи, действовавшего в Дамаске в XVIII – нач. XIX в. С 1740-х гг. члены клана известны как банкиры (араб. *ṣarrāf*, букв. «меняла»), в 1790-х гг. служили в финансовой администрации сирийских пашей. Положение Шаула Фархи открыло ему доступ к политическому влиянию и позволило ходатайствовать за местных христиан. В 20-х гг. XIX в. клан Фархи потерял свои позиции в финансово-политической жизни Сирии; его место заняли чиновники христианского исповедания. См.: Электронная еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. Кол. 1329–1330 (URL: http://www.eleven.co.il/article/14253); *Кобищанов*. Христианские общины... С. 126–127).

[2] Полномочный представитель, доверенное лицо; агент; покровитель.

[3] Письменный указ османских сановников (тур. buyuruldu).

[4] Город на северо-западе современной Иордании, административный центр мухафазы аль-Балька'.

[5] Имеется в виду один из вождей восточно-иорданского бедуинского племени 'удван, которое контролировало территорию области аль-Балька'.

Он вернулся победителем, ему подчинились тамошние и другие области, и слава о нем разнеслась далеко.

В том же году вали Сайды везир Ахмад-паша аль-Джаззар, проживающий в Акке, явил справедливость в отношении всей христианской общины. Он двинулся на Джабаль-ад-Друз и завоевал ту область. В ее пределах и в окрестностях наступили покой и безопасность. После этого он пошел на область мутавалиев, и Господь даровал ему победу над ними. Он убил их шейха Насыфа[1], захватил крепости и города и подчинил непокорных. Таким образом, волки стали мирно жить вместе с овцами[2], имя аль-Джаззара возвысилось, в тех областях установилась справедливость, была обеспечена защита и безопасность.

1781 г.

В этом году скончался Вселенский патриарх Софроний, патриарх Константинопольский, который был родом из арабов и прославился своей ученостью и трудами. Да помилует его Всевышний Господь! Аминь.

В этом году был восстановлен монастырь святого великомученика Георгия в селении Сайдная[3]. До этого у него была крыша из дерева, а внутри лежал обвалившийся камень. При покровительстве святого Георгия и стараниями хури Христофора ибн аль-Масабни, подвизавшегося там, камень из церкви был вынесен, была положена сводчатая крыша, монастырь был украшен, так что стал отрадой для взоров. Да упрочит его Господь!

---

[1] Независимый эмир мутавалиев Насыф ан-Нассар аль-'Амали правил в регионе Джабаль-'Амаль и был союзником Дахира аль-'Умара в борьбе с османской властью. Упомянутая автором битва произошла в местечке Йарун; Насыф ан-Нассар похоронен там же.

[2] Арабская поговорка (ср.: Ис 11. 6).

[3] Мужской монастырь вмч. Георгия расположен на скале к югу от знаменитого женского монастыря Рождества Богородицы в Сайднае. Время основания обители неизвестно. В 1727 г. его посетил В. Григорович-Барский, оставивший такое описание: «...храм святаго великомученика Христова Георгия, иже отстоит вне села, яко на стреление з лука, при единой малой горе. Церковь убо мала, но от каменей сеченних великих зданна крепко, и та есть ветха летми; суть же при ней и мало келий, последи зданних» (Странствования Василия Григоровича-Барскаго по святым местам Востока. СПб., 1886. Ч. 2. С. 104–105). До 1924 г. монастырь являлся центром Селевкийской епархии, в которую входили окрестные селения.

В том же году справедливый наместник Мухаммад-паша ибн аль-ʿАзм обустроил новый рынок[1], который простирается по обеим сторонам от ворот Греческого рынка до цитадели[2]. Раньше он не был крытым и находился под открытым небом, лишь половина его южной стороны была крытой. Поэтому он обустроил его и снабдил покрытием.

В этом году была оштукатурена внешняя церковь Киприана и Иустины. Также была оштукатурена стена над плитой, где сообщается о Соборе, состоявшемся в Дамаске по поводу установления выкупа за невест[3] на веки вечные. Аминь.

[1] Речь идет о знаменитом дамасском рынке аль-Хамидиййа. Историческим ядром его был «Греческий рынок» (*sūq al-arwām*), названный по имени греков-переселенцев из Малой Азии. При Мухаммаде-паше ибн аль-ʿАзме была обустроена западная часть нынешнего рынка, которая получила тогда название «Новый рынок» (*as-sūq al-ǧadīda*), хотя старое наименование было в употреблении вплоть до 20-х гг. XX в. Нынешнее название (*sūq al-Ḥamīdiyya*) вошло в практику только после устройства восточной части рынка при султане Абдул-Хамиде II в 1883–1884 гг. (см.: *Zaytūn Ǧ.* Sūq al-Ḥamīdiyya. URL: http://www.josephzeitoun.com/2015/07/سوق-الحميدية/).

[2] Цитадель Дамаска расположена в северо-западной части стен старого города; нынешнее строение восходит к айюбидской эпохе (нач. XIII в.).

[3] Имеется в виду церковный Собор, прошедший под председательством патриарха Иоакима IV ибн Джум'а; на нем были упорядочены правила бракосочетания христиан и установлены фиксированные размеры выкупа за невесту в зависимости от имущественного положения ее семьи (см. с. 259 настоящей Антологии).

Список литературы

Библиография

Teule H. G. B., Schepens V. Christian Arabic Bibliography // Journal of Eastern Christian Studies. 2005. Vol. 57. № 1–2. P. 129–174; 2006. Vol. 58. № 3–4. P. 265–299; 2010. Vol. 62. № 3–4. P. 271–302.

Treiger A. Unified Bibliography on Christian Arabic (2000–2012). URL: https://dal.academia.edu/AlexanderTreiger [электронный ресурс].

Treiger A. Christian Arabic: A Classified Bibliography for Researchers. URL: https://dal.academia.edu/AlexanderTreiger [электронный ресурс].

Kessel G. M., Seleznyov N. N. Bibliography of Syriac and Christian Arabic Studies in Russian // Hugoye: Journal of Syriac Studies. 2013. Vol. 16. № 1. P. 134–155; 2014. Vol. 17. № 1. P. 132–140; 2015. Vol. 18. № 1. P. 125–145; 2016. Vol. 19. №. 1. P. 247–257; 2017. Vol. 20. №. 1. P. 317–331; 2018. Vol. 21. №. 1. P. 127–141.

Общие работы[1]

Арабская Псалтырь: Приложение к факсимильному изданию рукописи А 187 (Арабская петербургская лицевая Псалтырь) из собрания Института востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал) / Подг.: Вал. В. Полосин, Н. И. Сериков, С. А. Французов; под общ. ред. Н. И. Серикова. СПб., 2005. (Mirabilia).

Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока / [Сост. Н. Г. Головнина]. М., 2013. (Литературное наследие и история христианского Востока).

Бат-Йеор [Литман Г.] Зимми: Евреи и христиане под властью ислама: Пер. с англ. Иерусалим, 1991. Т. 1.

Крачковский И. Ю. Рукописи двух патриархов, или сбывшееся предсказание // *Он же.* Над арабскими рукописями. М.; Л., 1946. С. 31–37.

[1] В разделах с общими работами публикации приводятся в алфавитном порядке, а в разделах, посвященных отдельным авторам/произведениям, – в хронологическом, отражающем историю их изучения.

Крачковский И. Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока / Сост.: А. А. Долинина, С. А. Французов, В. В. Полосин, Л. И. Николаева. СПб., 2015.

Панченко К. А. Православные арабы: Путь через века: сб. статей. М., 2013.

Селезнев Н. Н. «Мелькиты» в арабо-мусульманском традиционном религиоведении // Точки = Puncta. М., 2011. № 3/4. С. 27–38.

Селезнев Н. Н. Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке / Под общ. ред. И. С. Смирнова. М., 2014.

Трейгер А. С. Арабское христианство // Символ. Париж; М., 2010. № 58 (Syriaca et Arabica). С. 9–33.

Agnès-Mariam de la Croix. Icônes arabes: Mystères d'orient. Méolans-Revel, 2006.

Blau J. A Grammar of Christian Arabic, Based Mainly on South-Palestinian Texts from the First Millennium. Louvain, 1966–1967. 3 vol. (CSCO; 267, 276, 279. Subsidia; 27–29).

Conversion and Continuity: Indigenous Christian Communities in Islamic Lands, Eighth to Eighteenth Centuries / Ed. M. Gervers, R. J. Bikhazi. Toronto, 1990.

Charon (Korolevsky) C. History of the Melkite Patriarchates / Transl. N. Samra. Fairfax (VA), 1998–2001. 3 vol.

Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History / Ed. D. Thomas et al. Leiden, 2009–2018. 12 vol.

Cragg K. The Arab Christian: A History in the Middle East. Louisville (KY), 1991.

Darblade J. B. La collection canonique arabe des Melkites (XIIIe–XVIIe siècles): Introduction. Harissa, 1946.

Dick I. Melkites: Greek Orthodox and Greek Catholics of the Patriarchates of Antioch, Alexandria, and Jerusalem / Transl. N. Samra. Roslindale (MA), 2004.

Fattal A. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam. Beirut, 1995.

Graf G. Geschichte der christlicher arabischen Literatur. Città del Vaticano, 1944–1953. 5 Bde. (Studi e testi; 118, 133, 146, 147, 172).

Hage W. Das orientalische Christentum. Stuttgart, 2007. S. 69–112.

Icônes Melkites: Exposition organisée par le Musée Nicolas Sursock du 16 mai au 15 juin 1969 / Éd. V. Cândea. Beyrouth, 1969.

Kamerau P. Christlich-arabische Chrestomathie aus historischen Schriftstellern des Mittelalters. Louvain, 1976. Bd. 1. H. 1–2; Bd. 2. (CSCO; 370, 374, 385. Subsidia; 46, 50, 53).

Karalevskij C. Antioche // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique / Éd. A. Baudrillart etc. Paris, 1924. T. 3. Col. 563–703.

Khoury Sh., Khoury N. A Survey of the History of the Orthodox Church of Jerusalem. Amman, 2002.

Lumières de l'Orient chrétien: Icônes de la collection Abou Adal. Beyrouth, 1997.

Nasrallah J. L'église melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie centrale // Proche-Orient Chrétien. 1975. T. 25. P. 135–173; 1976. T. 26. P. 16–34, 319–353.

Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'Eglise melchite du Ve au XXe siècle. Louvain; Paris, 1979–1989. 3 vol. in 6 pt. Damas, 1996.

Pyatnitsky Yu. «...Will Have Their Day!»: The Collection of the Christian Arabic Manuscripts of Gregory IV of Antioch in St Petersburg // Eastern Christian Art. Leuven, 2011. Vol. 8. P. 121–147.

Rabbath A. Documents inédits pour servir à l'histoire du christianisme en Orient. Paris, 1905–1911. New York, 1973^r^. 2 vol.

Skaff E. The Place of the Patriarchs of Antioch in Church History. Newton (MA), 1993.

Studies on the Christian Arabic Heritage in Honour of S. Kh. Samir at the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday / Ed. R. Ebied, H. Teule. Leuven, 2004.

The Orthodox Church in the Arab World, 700–1700: An Anthology of Sources / Ed. S. Noble, A. Treiger. DeKalb (Ill.), 2014.

The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present / Ed. J. Patrich. Leuven, 2001.

Thomas D. Arab Christianity // The Blackwell Companion to Eastern Christianity / Ed. K. Parry. Malden (MA), 2010. P. 1–22.

Treiger A. The Arabic [Christian] Tradition // The Orthodox Christian World / Ed. A. Casiday. London, 2012. P. 89–104.

Valognes J.-P. Vie et mort des chrétiens d'Orient: Des origines à nos jours. P., 1994.

Средневековье

Бартольд В. В. Ислам и мелькиты // *Он же.* Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 651–658.

Брюн С. П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв.: к истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах Востока: В 2 т. М., 2015.

Кривов М. В. Арабы-христиане в Антиохии X–XI вв. // Традиции и наследие христианского Востока: Материалы международной конференции. М., 1996. С. 247–255.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ея арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897–1903. 2 т. в 4 кн. (ППС; Т. 17. Вып. 2 (50)).

Моисеева С. А. Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015.

Планк П. Православные христиане Св. Земли во времена крестовых походов (1099–1187) // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). С. 180–191.

Christians and Others in the Umayyad State / Ed. A. Borrut, F. Donner. Chicago, 2016.

Ducellier A. Chrétiens d'Orient et Islam au Moyen Âge, VIIe–XVe siècle. Paris, 1996.

Gil M. A History of Palestine, 634–1099. Cambridge, 1992.

Griffith S. H. Arabic Christianity in the Monasteries of Ninth-Century Palestine. Aldershot etc., 1992.

Griffith S. H. From Aramaic to Arabic: The Languages of the Monasteries of Palestine in the Byzantine and Early Islamic Periods // Dumbarton Oaks Papers. 1997. Vol. 51. P. 11–31.

Griffith S. H. The Church of Jerusalem and the «Melkites»: The Making of an «Arab Orthodox» Christian Identity in the World of Islam, 750–1050 CE // Christians and Christianity in the Holy Land: From the Origins to the Latin Kingdoms / Ed. O. Limor, G. G. Stroumsa. Turnhout, 2006. P. 174–202.

Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades: Continuity and Adaptation in the Byzantine Legacy // XVIIth International Byzantine Congress: Major Papers. New Rochelle, 1986. P. 325–344 (= *Idem.* The Byzantine and Early Islamic Near East. Aldershot, 2006. Essay VI).

Levy-Rubin M. Non-Muslims in the Early Islamic Empire: From Surrender to Coexistence. Cambridge, 2011.

Nasrallah J. Chronologie des patriarches Melchites d'Antioche de 1250 à 1500. Jérusalem, 1968.

Pahlitzsch J. Graeci und Suriani im Palästina der Kreuzfahrerzeit: Beiträge und Quellen zur Geschichte des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Jerusalem. Berlin, 2001. (Berliner Historische Studien; 33).

Samir S. Kh. La littérature melkite sous les premiers abbasides // OCP. 1990. Vol. 56. P. 469–486.

Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington D. C., 1984.

Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington D. C., 1989.

Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Washington D. C., 1995–2010. 3 vol.

Todt K.-P. Griechisch-Orthodoxe (Melkitische) Christen im zentralen und südlichen Syrien: Die Periode von der arabischen Eroberung bis zur Verlegung der Patriarchenresidenz nach Damaskus (635–1365) // Le Muséon. 2006. Vol. 119. Fasc. 1–2. P. 33–88.

Todt K.-P. Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia in mittelbyzantinischer Zeit und im Zeitalter der Kreuzüge: 969–1204. Wiesbaden, 1998.

Tritton A. S. The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of 'Umar. London, 1930.

Troupeau G. Études sur le christianisme arabe au Moyen Âge. Aldershot, 1995.

Известие о разрушении церкви Март-Марйам

Издания и переводы:

Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1): On the Origin of the Term «Melkite» and on the Destruction of the Maryamiyya Cathedral in Damascus // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2014. № 29. P. 25–33.

Исследования:

Панченко К. А. Разрушение дамасской церкви Март-Марйам в 924 г. Свидетельство очевидца // Символ. М., 2012. № 61. С. 339–356.

Панченко К. А. [Рец. на:] Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1)... // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. Вып. 5 (40). С. 137–144.

Евтихий Александрийский

Издания и переводы:

Eutychii aegyptii, patriarchae orthodoxorum Alexandrini Ecclesiae suae origines / Ed. J. Selden. London, 1642.

Abraham Ecchellensis. Eutychius, patriarcha Alexandrinus. Roma, 1660–1661. 2 pt.

Contextio Gemmarum, sive Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales / Ed. E. Pococke. Oxford, 1658. 2 vol. (= Patrologia graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1863. T. 111. Col. 889–1232).

Медников Н. А. Палестина от завоевания ея арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Т. 2. Ч. 1. С. 255–294 [рус. пер.]; Ч. 3. С. 1–42 [араб. текст].

Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars prior / Ed. L. Cheikho. Beryti, 1906. Louvain, 1954^{r}. (CSCO; 50. Arab.; 6); Pars posterior: Accedunt Annales Yahia Ibn Saïd Antiochensis / Ed. L. Cheikho, B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti, 1909. Louvain, 1954^{r}. (CSCO; 51. Arab.; 7).

Das Annalenwerk des Eutychios von Alexandrien: Ausgewählte Geschichten und Legenden kompiliert von Sa'īd ibn Baṭrīq um 935 AD / Hrsg., Übers. M. Breydy. Louvain, 1985. 2 Bde. (CSCO; 471–472. Arab.; 44–45).

Gli annali di Eutichio, patriarca di Alessandria (877–940) / Introd., trad. e note B. Pirone. Cairo, 1987.

Исследования:

Schreiner P. Fragment d'une paraphrase grecque des Annales d'Eutychius d'Alexandrie // OCP. 1971. Vol. 37. P. 384–390.

Breydy M. Mitteilung über die älteste Vorlage der Annales Eutychii in der identifizierten Hs. Sinaï Arab. 580 (582) // Oriens Christianus. 1975. Bd. 59. P. 165–168.

Breydy M. La conquête arabe d'Égypte: Un fragment du traditionniste 'Uthman ibn Ṣāliḥ, identifié dans les Annales d'Eutychios d'Alexandrie // PdO. 1977/1978. Vol. 8. P. 379–396.

Breydy M. Aspects méconnus des Annales d'Eutychès d'Alexandrie et une compilation historique arabo-chrétienne à la facon de traditionnistes musulmans // XX. Deutscher Orientalistentag / Hrsg. W. Voigt. Wiesbaden, 1980. S. 148–153.

Breydy M. Mamila ou Maqella? La prise de Jérusalem et ses conséquences (614 AD) selon la recension alexandrine des Annales d'Eutychès // Oriens Christianus. 1981. Bd. 65. S. 62–86.

Griffith S. H. Eutychius of Alexandria on the Emperor Theophilus and Iconoclasm in Byzantium: A 10th Century Moment in Christian Apologetics in Arabic // Byzantium. 1982. Vol. 52. P. 154–190.

Breydy M. Études sur Sa'īd ibn Baṭrīq et ses sources. Louvain, 1983. (CSCO; 450. Subsidia; 69).

Исакова Л. В. К вопросу о Хронике Евтихия и ее рукописях // ВВ. 1983. Т. 44 (69). С. 112–116.

Möhring H. Zu der Geschichte der orientalischen Herrscher des Wilhelm von Tyrus: Die Frage der Quellenabhängigkeiten // Mittellateinisches Jahrbuch. 1984. Bd. 19. S. 170–183.

Horst H. Eutychios und die Kirchengeschichte: Das erste Konzil von Nikaia (325) // Oriens Christianus. 1990. Bd. 74. S. 152–167.

Бойко К. А. Арабская историческая литература в Египте, IX–XI вв. М., 1991. С. 53–60.

Исакова Л. В. Евтихий Александрийский и его хроника // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 1996. С. 56–66.

Лоллий (Юрьевский), архиеп. Евтихий Александрийский // *Он же.* Александрия и Египет. СПб., 2001. С. 98–108.

Pietruschka U. Muslimische Überlieferungen in christlichem Gewand: Das Annalenwerk des Eutychius von Alexandria // Regionale Systeme koexestierender Religionsgemeinschaften / Hrsg. W. Belzt, J. Tubach. Halle, 2002. S. 257–286.

Griffith S. H. Apologetics and Historiography in the Annals of Eutychios of Alexandria: Christian Self-definition in the World of Islam // Studies on the Christian Arabic Heritage in Honour of S. Kh. Samir at the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday / Ed. R. Ebied, H. Teule. Leuven, 2004. P. 65–89.

Simonsohn U. The Biblical Narrative in the «Annales» of Sa'īd ibn Baṭrīq and the Question of Medieval Byzantine-Orthodox Identity // Islam and Christian-Muslim Relations. 2011. Vol. 22. № 1. P. 37–55.

Агапий Манбиджский

Издания и переводы:

Agapius, episcopus Mabbugensis. Historia universalis / Ed. L. Cheikho. Beryti, 1912. (CSCO. Ser. 3; 5).

Kitab al-'unvan: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd., trad. A. Vasiliev. Paris, 1910–1915. 2 pt. in 4. (PO; T. 5. Fasc. 4; T. 7. Fasc. 4; T. 8. Fasc. 3; T. 11. Fasc. 1).

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подгот. текстов и пер.: Л. Е. Куббель, В. В. Матвеев. М.; Л., 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. С. 123–132.

Деревенский Б. Г. Агапий Манбиджский. Книга титулов II // Иисус Христос в документах истории. СПб., 2001. С. 58–59, 421–423, 443–445.

Agapius of Manbidj / Introd., transl. J. C. Lamoreaux // The Orthodox Church in the Arab World. 2014. P. 136–159.

Agapius of Hierapolis / Introd., transl. R. Pearse. URL: http://www.tertullian.org/fathers/agapius_history_01_part1.htm; http://www.tertullian.org/fathers/agapius_history_02_part2.htm [электр. ресурс: англ. перевод с франц. перевода А. А. Васильева].

Theophilus of Edessa's Chronicle and the Circulation of Historical Knowledge in Late Antiquity and Early Islam / Transl. R. G. Hoyland. Liverpool, 2011. (Translated Texts for Historian; 57).

Исследования:

Розен В. Р. Заметки о летописи Агапия Манбиджского // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Янв. С. 47–75.

Васильев А. А. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века // ВВ. 1904. Т. 11. С. 574–587.

Linder J. Papias und die Perikope von der Ehebrecherin (Joh 7:53–8:11) bei Agapius von Mambiğ // Zeitschrift für katholische Theologie. 1916. Bd. 40. S. 191–199.

Vandenhoff B. Über die in der Weltgeschichte des Agapius von Menbig erwähnten Sonnenfinsternisse // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. 1917. Bd. 71. S. 299–312; 1918. Bd. 72. S. 157–160.

Pines S. An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and Its Implications. Jerusalem, 1971.

Dubarle A. M. Le témoignage de Josèphe sur Jésus d'après la tradition indirecte // Revue biblique. 1973. Vol. 80. P. 481–513.

Breydy M. Richtigstellungen über Agapius von Manbiğ und sein historisches Werk // Oriens Christianus. 1989. Bd. 73. S. 90–96.

Панченко К. А. К истории православного летописания в Халифате: Источники хроники Агапия Манбиджского по VII–VIII вв. // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 109–120.

Яхья Антиохийский

Издания и переводы:

Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского / Изд., пер., коммент.: В. Р. Розен. СПб., 1883.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ея арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Ч. 2. С. 328–390. (ППС; Т. 17. Вып. 2 (2)).

Eutychii patriarchae Alexandrini Annales. Pars posterior: Accedunt Annales Yahia Ibn Saïd Antiochensis / Ed. L. Cheikho, B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti etc., 1909. P. 89–273. (CSCO. Scriptores Arabici. Ser. 3; 7).

Histoire de Yaḥyā-ibn-Sa'īd d'Antioche, continuateur de Sa'īd-ibn-Bitrīq / Éd., trad. I. Kratchkovsky, A. Vasiliev. Paris, 1924–1932. 2 pt. (PO; T. 18. Fasc. 5; T. 23. Fasc. 3).

Forsyth J. H. The Byzantine-Arabic Chronicle, 938–1034, of Yaḥyā b. Sa'īd al-Anṭākī: Diss. Ann Arbor, 1977. Vol. 2.

Tārīḫ al-Anṭākī al-ma'rūf bi-ṣilat tārīḫ Ūtīḫā ta'līf Yaḥyā ibn Sa'īd ibn Yaḥyā / Ed. 'Umar 'Abd as-Salām Tadmurī. Ṭarābulus (Lubnān), 1990.

Histoire de Yaḥyā ibn Sa'īd d'Antioche / Éd. crit. préparée par I. Kratchkovsky, trad. F. Micheau, G. Troupeau. Turnhout, 1997. (PO; T. 47. Fasc. 4).

Yaḥyā al-Anṭākī. Cronache dell'Egitto fatimide e dell'Impero bizantino, 937–1033 / A cura di B. Pirone. Milano, 1998. Bologna, 2018². (Patrimonio Culturale Arabo Cristiano; 3).

Исследования:

Крачковский И. Ю. Предисловие [к кн.: История Йахйи ибн Са'йда Антиохийского, продолжателя Са'йда ибн Битрйка] // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 460–462 (= *Он же.* Труды по истории и филологии христианского Востока. 2015. С. 201–203).

Canard M. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confines des Xe et XIe siècles // Revue des études byzantines. 1961. Vol. 19. P. 284–314.

Forsyth J. H. The Byzantine-Arabic Chronicle, 938–1034, of Yaḥyā b. Sa'īd al-Anṭākī: Diss. Ann Arbor, 1977. Vol. 1.

El-Eid Bualuan H. The Rise of Druzism in «Tārīḫ bin Sa'īd al-Anṭākī Ṣilat Tārīḫ Uṭīḫā» // PdO. 2009. Vol. 34. P. 81–93.

Walker P. E. Caliph of Cairo: Al-Hakim bi-Amr Allah, 996–1021. Cairo, 2009.

Иеромонах Михаил

Издания и переводы:

Biographie de saint Jean Damascène: Texte original arabe / Éd. C. Bacha. Harissa, 1912.

Васильев А. А. Арабская версия жития св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913.

Graf G. Das arabische Original der Vita des hl. Johannes von Damaskus // Der Katholik. Mainz, 1913. Bd. 93. S. 164–190, 320–331.
Portillo R. D. A Life of St John of Damascus // PdO. 1996. Vol. 21. P. 157–188.

Исследования:

Hemmerdinger B. La Vita arabe de saint Jean Damascène et BHG 884 // OCP. 1962. Vol. 28. P. 422–423.
Flusin B. De l'arabe au grec, puis au géorgien: Une vie de S. Jean Damascène // Traduction et traducteurs au moyen âge. Paris, 1989. P. 51–61.
Моисеева С. А. Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015. С. 41–42, 51–52, 105–108.

Ибн ас-Сука'и

Издания и переводы:

Ibn aṣ-Ṣuqā'ī. Tālī kitāb wafayāt al-a'yān: Un fonctionnaire chrétien dans l'administration mamelouke / Éd., trad. J. Sublet. Damas, 1974.

Исследования:

Gazagnadou D. Note sur le «Tâlî kitâb wafayât al-'a'yân» d'Ibn as-Suqâ'î: Une précieuse source arabe quant aux relations mamlûko-mongoles aux XIIIème siècle // Der Islam. 1989. Bd. 66. S. 94–97.

ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД

Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях: В 2 ч. Одесса, 1861–1862 (переизд.: СПб., 1875. 2 ч. М., 1962. М.; Иерусалим, 2007).
Кобищанов Т. Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – 1-я треть XIX в.). М., 2003.
Крымский А. Е. История новой арабской литературы. М., 1971.
Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.
Муркос Г. А. Интересы России в Палестине. М., 1882 (2-е изд.: ППС. 2003. Вып. 100. С. 86–102).
Панченко К. А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX в.). М., 1998.
Панченко К. А. Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия, 1516–1831. М., 2012.
Порфирий (Успенский), еп. Александрийская патриархия: Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. СПб., 1898. Т. 1.

Пятницкий Ю. А. Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909–1914 годы // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия М. Б. Пиотровского / Сост. и отв. ред.: А. В. Седов. М., 2014. С. 282–337.

Якушев М. И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи, 1830-е – начало XX в. М., 2013.

Christians and Jews in the Ottoman Empire / Ed. B. Braude, B. Lewis. New York; London, 1982. Vol. 2. The Arabic-Speaking Lands.

Haddad R. Syrian Christians in Muslim Society: An Interpretation. Princeton (NJ), 1970.

Heyberger B. Les chrétiens du Proche-Orient au temps de la Réforme catholique: Syrie, Liban, Palestine, XVIe–XVIIIe siècle. Rome, 1994.

Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969.

Lake A. The First Protestants in the Arab World: The Contribution to Christian Mission of the English Aleppo Chaplains, 1597–1782: Diss. [Melbourne, 2015].

Masters B. Christians and Jews in the Ottoman Arab World: The Roots of Sectarianism. Cambridge, 2001.

Nasrallah J. Chronologie des patriarches Melchites d'Antioche de 1500 à 1634. Jérusalem, 1959.

Peri O. Christianity under Islam in Jerusalem: The Question of the Holy Sites in Early Ottoman Times. Leiden, 2001.

Raheb A. Conception of the Union in the Orthodox Patriarchate of Antioch (1622–1672) / Transl. N. J. Sabra. Beirut, 1981.

Walbiner C.-M. Bishops and Metropolitans of the Antiochean Patriarchate in the 17th Century // ARAM Periodical. 1997–1998. № 9–10. P. 577–587.

Walbiner C.-M. Die Bischofs- und Metropolitensitze des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Antiochia von 1594 bis 1664 nach einigen zeitgenössischen Quellen // Oriens Christianus. 1998. Bd. 82. S. 99–152.

Walbiner C.-M. Die Beziehungen zwischen dem griechisch-orthodoxen Patriarchat von Antiochia und der Kirche von Georgien vom 14. bis zum 18. Jh. // Le Muséon. 2001. Vol. 114. P. 437–455.

Walbiner C.-M. Die Bischofs- und Metropolitensitze des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Antiochia von 1665 bis 1724 nach einigen zeitgenössischen Quellen // Oriens Christianus. 2004. Bd. 88. S. 36–92.

Трактат о самоназвании мелькитов

Издания и переводы:

Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1): On the Origin of the Term "Melkite" and on the Destruction of the Maryamiyya Cathedral in Damascus // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2014. № 29. P. 10–20.

Исследования:

Панченко К. А. [Рец. на:] Treiger A. Unpublished Texts from the Arab Orthodox Tradition (1)... // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. Вып. 5 (40). С. 137–144.

Сказание о чуде Александрийского патриарха Иоакима

Издания и переводы:

Порфирий (Успенский), еп. Александрийская патриархия: Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. СПб., 1898. Т. 1. С. 15–28.

Исследования:

Веселовский А. Н. К сказанию о прении жидов с христианами // *Он же.* Заметки по литературе и народной словесности. Приложения к XLV-му тому записок Императорской Академии наук. СПб., 1883. № 3. С. 14–33.

Моисеева С. А. Сюжет придворного диспута с иудеем в арабо-христианской агиографии // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 32–43.

Моисеева С. А. Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М., 2015. С. 72–84.

Панченко К. А. Испить смертное зелье: Александрийский патриарх Иоаким между эпосом и историей // Исторический вестник. М., 2017. Т. 20. Июнь. С. 136–163.

ʻИса, митрополит Хамы

Издания и переводы:

Poésie de ʻIsa, évêque de Hama // CPMA: 1500–1634. P. 86–88.

Исследования:

Панченко К. А. Россия и Антиохийский патриархат: Начало диалога // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2/3. С. 203–221.

Панченко К. А. Митрополит ʻИса и первое арабское описание Московии (1586 г.) // Вестник Московского университета: Востоковедение. 2007. № 4. С. 87–95.

Kilpatrick H. Visions of Distant Cities: Travellers as Poets in the Early Ottoman Period // Quaderni di studi arabi. N. S. Roma, 2008. Vol. 3. P. 67–82.

Митрополит Анастасий ибн Муджалла

Исследования:

Панченко К. А., Фонкич Б. Л. Грамота 1594 г. антиохийского патриарха Иоакима IV царю Феодору Иоанновичу // Монфокон: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. Т. 1. С. 166–184.

Панченко К. А. Антиохийская Православная Церковь и Рим в эпоху Контрреформации. Полемический ответ папе Римскому Анастасия ибн Муджаллы // *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 292–322.

Панченко К. А. Триполийское гнездо: Православная община г. Триполи в культурно-политической жизни Антиохийского патриархата XVI – первой половины XVII в. // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2009. Вып. 1 (15). С. 41–64 (= *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 243–265).

Акты Собора в Рас-Баальбеке 1628 г.

Издания и переводы:

Rustum A. Kanīsat madīnat Allāh Anṭākiya al-ʻuẓmā. Bayrūt, 1988. T. 3. P. 40–43.

Исследования:

Панченко К. А. Триполийское гнездо: Окончание // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2009. Вып. 3 (17). С. 19–37 (= *Он же.* Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 243–265).

Хождение к горе Божьей Синай 1635–1636 гг.

Исследования:

Walbiner C.-M. Ein christlich-arabischer Bericht über eine Pilgerfahrt von Damaskus zum Berge Sinai in den Jahren 1635/36 (Hs. Balamand 181) // PdO. 1999. Vol. 24. P. 319–337.

Петрова Ю. И. «Хождение к горе Божией Синай» как памятник мелькитской паломнической литературы // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2018. Вып. 57. С. 89–101.

Макарий III ибн аз-Заʻим

Издания и переводы:

Муркос Г. А. О рукописном сборнике XVII в. на разных восточных языках из собрания графа А. С. Уварова // Древности Восточные. 1891. Т. 1. Вып. 2. С. 212–222.

Rabbāṭ A. Aṭ-ṭawā'if aš-šarqiyya wa-bid'at al-kalwīniyyīn fī al-ğīl as-sābi' 'ašar // Al-Mašriq. 1903. T. 6. P. 971–973; 1904. T. 7. P. 766–773, 795–803.

Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария / Пер.: П. Жузе // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. № 1. С. 111–127; № 3. С. 441–458; Ч. 2. № 5. С. 66–93.

Codex 689 du Vatican: Histoire de la conversion des Géorgiens au Christianisme par le Patriarche Macaire d'Antioche / Trad. O. de Lébédew. Rome, 1905.

Aṭar qadīm li-l-baṭriyark Makāriyūs ibn az-Za'īm / Ed. Ilyās Ḥassūn al-Ma'lūf // Al-Mašriq. 1933. T. 31. P. 911–920.

La Chronique de Valachie, 1292–1664 / Introd., éd., trad. I. Feodorov // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 1991–1992. Vol. 52. P. 3–71.

Сериков Н. И. Из «записной книжки» антиохийского патриарха Макария // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1997. Вып. 9. С. 174–178.

'Aǧā'ib as-Sayyida al-'Aḏrā' / Ed. Idwār al-Bustān. Ğūniya, 1998.

Serikoff N. Understanding of the Scriptures: Patriarch Mākāriyūs b. az-Za'īm and His Arabic Speaking Flock: From the Patriarch Mākāriyūs' "Note-Book" // ARAM Periodical. 2000. Vol. 12. P. 523–531.

Сериков Н. И. Слова со скрытым значением: Из «записной книжки» патриарха Макария ибн аз-За'има // ХВ. 2002. Т. 3 (9). С. 297–307.

Feodorov I. The Arabic Version of the Life of St. Paraskevi the New by Makarios az-Za'īm al-Ḥalabī // Proceedings of the 20th Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants. Budapest, 2002. Pt. 1. P. 69–80.

Панченко К. А. Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // ВЦИ. 2012. № 1/2 (25/26). С. 116–157.

Patriarch Macarius Ibn al-Za'im / Introd., transl. N. Serikoff // The Orthodox Church in the Arab World. 2014. P. 236–251.

Исследования:

Николаевский П. Ф., прот. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. 1882. Ч. 1. № 1/2. С. 245–267; № 5/6. С. 732–775.

Дмитриевский А. А. Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и связанное с ним учреждение здесь митрополии // ТКДА. 1904. № 3. С. 317–358.

Каптерев Н. Ф. Хлопоты московского правительства о восстановлении Паисия Александрийского и Макария Антиохийского на их патриарших кафедрах и о разрешении от запрещения Паисия Лигарида // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 9. С. 67–98; № 10. С. 209–232 (2-я паг.).

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914².

Крачковский И. Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 259–272 (= *Он же.* Труды по истории и филологии христианского Востока. 2015. С. 237–254).

Михайлова А. И. Лицевая арабская рукопись перевода греческого хронографа XVII в. // ППС. 1966. Вып. 15 (78). С. 201–207.

Edelby N. Asāqifat ar-rūm al-malikiyyīn bi-Ḥalab. Ḥalab, 1983. P. 57–71, 81–97.

Брюсова В. Г. Иконы русских иконописцев XVII в. на Ближнем Востоке // ППС. 1992. Вып. 31(94). С. 129–130.

Abraṣ M. Maḫṭūṭat «Maǧmū‘ laṭīf» li-l-baṭriyark Makāriyūs aṯ-ṯāliṯ Za‘īm (1647–1672) // Al-Mašriq. 1994. T. 68. P. 421–448.

Walbiner C.-M. Mitteilungen des griechisch-orthodexen Patriarchen Makarius Ibn az-Za‘īm von Antiochia (1647–1672) über Georgien nach dem arabischen Autograph von St. Petersburg: Diss. Lpz., 1994.

Abraṣ M. Vies des saints d'Antioche de Makāriyūs Ibn al-Za‘īm, patriarche d'Antioche (1647–1672) // PdO. 1996. Vol. 21. P. 285–306.

Rassi-Rihani J. Sources arabes du Livre de l'Abeille (Kitāb al-Naḥlah) de Makāriyūs Ibn al-Za‘īm // PdO. 1996. Vol. 21. P. 215–244.

Walbiner C.-M. Accounts of Georgia in the Works of Makāriyūs ibn az-Za‘īm // PdO. 1996. Vol. 21. P. 245–255.

Kilpatrick H. Journeying towards Modernity: The "Safrat al-Baṭrak Makâriyûs" of Bûlus Ibn al-Za‘îm al-Ḥalabî // Die Welt des Islams. 1997. Bd. 37. № 2. S. 156–177.

Walbiner C.-M. The Second Journey of Macarius ibn az-Za‘īm to Russia, 1666–1668 // Rūsiyā wa-urṯūḏuks aš-šarq = La Russie et les Orthodoxes en Orient. Balamand, 1998. P. 99–114.

Walbiner C.-M. Biographies of Prominent Clerics as a Possible Approach to the History of the Christian Arabs in the First Centuries of Ottoman Rule: The Case of Macarius Ibn al-Za‘īm // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2000. № 3. P. 35–60.

Walbiner C.-M. The City of Antioch in the Writings of Macarius Ibn al-Za‘īm (17th Cent.) // ARAM Periodical. 2000. Vol. 12. P. 509–521.

Rassi J. La première lettre du patriarche Macaire Ibn al-Za‘im (1648–1672) au roi de France Louis XIV (datée de 19 nov. 1653) // PdO. 2002. Vol. 27. P. 105–131.

Фонкич Б. Л. Иоанн Сакулис: Страничка из истории участия греков в «Деле патриарха Никона» // *Он же.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 323–332.

Feodorov I. Middle Arabic Elements in Two Texts from Macarius Ibn al-Za‘īm's "Maǧmū‘ laṭīf" // Romano-Arabica. N. S. Bucharest, 2004. № 3. P. 81–93.

Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: Миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона

Павла Алеппского. Международная научная конференция: Мат-лы / ИВИ РАН. М., 2006. (Каптеревские чтения; 4-е).

Rassi J. Le «Livre de l'Abeille» (al-Naḥlah) de Macaire Ibn al-Za'īm, témoin de l'échange des cultures // PdO. 2007. Vol. 32. P. 211–257.

Ченцова В. Г. К изучению эпистолярного наследия Антиохийского патриарха Макария: Патриарший писец иеромонах Даниил // Каптеревские чтения. М., 2008. Вып. 6. С. 59–74.

Фонкич Б. Л. О дате кончины Павла Алеппского // Очерки феодальной России. 2009. Вып. 13. С. 289–292.

Kilpatrick H. Makāriyūs Ibn al-Za'īm (ca. 1600–1672) and Būlus Ibn al-Za'īm (Paul of Aleppo) (1627–1669) // Essays in Arabic Literary Biography II, 1350–1850 / Ed. E. J. Lowry, D. J. Stewart. Wiesbaden, 2009. P. 263–264, 269–273.

Walbiner C.-M. Preserving the Past and Enlightening the Present: Macarius b. al-Za'īm and Medieval Melkite Literature // PdO. 2009. Vol. 34. P. 433–441.

Walbiner C.-M. Macarius Ibn al-Za'īm and the Beginnings of an Orthodox Church Historiography in Bilād al-Shām // Le rôle des historiens orthodoxes dans l'historiographie. Balamand, 2010. P. 11–28.

Walbiner C.-M. Eine christlich-arabische (Um-)Deutung der muslimischen Basmala // Synoptikos: Mélanges offerts à D. Urvoy. Toulouse, 2011. P. 567–572.

Macaire III Ibn al-Za'īm et Paul d'Alep: Relations entre les peuples de l'Europe Orientale et les chrétiens arabes au XVIIe siècle (Actes du Ier colloque international, le 16 septembre 2011) / Éd. I. Feodorov. Bucharest, 2012.

Ченцова В. Г. Первое путешествие Антиохийского патриарха Макария III ибн аз-За'има в Москву (1652–1659): Контакты и конфликты // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2013. Вып. 5 (35). С. 116–130.

Tchentsova V. Le patriarche d'Antioche Macaire III ibn al-Za'īm et la chrétienté latine // Réduire le schisme?: Ecclésiologies et politiques de l'Union entre Orient et Occident (XIIIe–XVIIIe siècles) / Éd. M.-H. Blanchet, F. Gabriel. Paris, 2013. P. 313–335.

Панченко К. А. Вспомнить прошлое: Антиохийский патриарх Макарий III аз-За'им как историк // Miscellanea Orientalia Christiana = Восточнохристианское разнообразие. М., 2014. С. 359–384.

Ченцова В. Г. Еще раз о дате кончины Павла Алеппского // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. Вып. 5 (40). С. 100–110.

Macaire III Ibn al-Za'īm et Paul d'Alep: Relations entre les peuples de l'Europe Orientale et les chrétiens arabes au XVIIe siècle (Actes du IIe colloque international, le 10 décembre 2013) / Éd. I. Feodorov // Revue des Études Sud-Est Européennes. 2014. Vol. 52. № 1–4. P. 257–376.

Europe in Arabic Sources: «The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch»: Proceedings of the International Conference «In the Eyes of the Orient: Europe in Arabic Sources» (Kyiv, 22–23 Sept. 2015) / Ed. Y. Petrova, I. Feodorov. Kiev, 2016.

Павел Алеппский

Издания и переводы:

The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch, Written by His Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / Transl. F. C. Belfour. London, 1829–1836. 9 pt.; 1836². 2 vol.

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб.: Г. Муркос. М., 1896–1900. Вып. 1–5 (2-е изд.: М., 2005).

Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche / Éd., trad. B. Radu. Paris, 1930–1949. 3 vol. (PO; T. 22. Fasc. 1; T. 24. Fasc. 4; T. 26. Fasc. 5).

Полосин Вл. В. Записка Павла Алеппского о поставлении митрополитов Антиохийским патриархом Макарием // ХВ. 2001. Т. 2 (8). С. 329–342.

Paul din Alep. Jurnal de călătorie în Moldova şi Valahia / Studiu introductiv, ediţia manuscrisului arab, traducere în limba română, note şi indici de I. Feodorov; cuvânt înainte de R. Theodorescu. Bucureşti; Brăila, 2014.

Paul of Aleppo / Introd., transl. I. Feodorov // The Orthodox Church in the Arab World. 2014. P. 252–275.

«Путешествие патриарха Антиохийского Макария»: Киевский список рукописи Павла Алеппского / Изд., пер., коммент., предисл.: Ю. И. Петрова; ред.: В. С. Рыбалкин. Киев, 2015.

Исследования
(см. также литературу о Макарии III аз-За'име):

Муркос Г. А. Арабская рукопись путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII в. // Сборник МГАМИД. 1899. № 6. С. 383–400.

Radu B. Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche: Étude préliminaire. Valeur des manuscrits et des traductions. Paris, 1927.

Пумпян Г. З. Диалектизмы в «Путешествии патриарха Макария Антиохийского»: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

Пумпян Г. З. Турецкие заимствования в «Путешествии патриарха Макария Антиохийского» // ПС. 1987. Вып. 29 (92). С. 64–73.

Kowalska M. Bosphorus, Schwarzes Mer und Dobrudscha um die Mitte des 17. Jh. im Bericht des arabischen Reisenden Pauls, des Sohnes von Macarios aus Aleppo // Folia Orientalia. 1988. Vol. 25. P. 181–194.

Feodorov I. Un lettré melkite voyageur aux Pays Roumains: Paul d'Alep // Kalimat al-Balamand. 1996. Vol. 4. P. 55–62.

Halperin Ch. J. In the Eye of the Beholder: Two Views of Seventeenth-century Muscovy // Russian History = Histoire russe. 1997. Vol. 24. P. 409–423.

Halperin Ch. J. Friend and Foe in Paul of Aleppo's Travels of Patriarch Macarios // Modern Greek Studies Yearbook: A Publication of Mediteranean Slavic and Eastern Orthodox Studies. 1998/1999. Vol. 14/15. P. 97–114.

Feodorov I. Ottoman Authority in the Romanian Principalities as Witnessed by a Christian Arab Traveller of the 17th Century: Paul of Aleppo // Authority, Privacy and Public Order in Islam: Proceedings of the 20th Congress of l'Union Européenne des Arabisants et Islamisants, Cracow, Poland, 2004. Leuven, 2006. P. 307–321.

Feodorov I. The Monasteries of the Holy Mountain in Paul of Aleppo's Travels of Makarios, Patriarch of Antioch // Revue des Études Sud-Est Européennes. 2010. Vol. 48. № 1–4. P. 195–210.

Feodorov I. Images et coutumes des Pays Roumains dans le récit de voyage de Paul d'Alep // Tropes du voyage: Les rencontres / Éd. A. Aboubakr. Paris, 2011. P. 221–246.

Çolak H. Worlds Apart and Interwoven: Orthodox, Syrian and Ottoman Cultures in Paul of Aleppo's Memoirs // Studies in Travel Writing. 2012. Vol. 16. № 4. P. 375–385.

Feodorov I. Friends and Foes of the Papacy as Recorded in Paul of Aleppo's Notes // Revue des Études Sud-Est Européennes. 2012. Vol. 50. № 1–4. P. 227–238.

Feodorov I. Notes sur les livres et l'imprimerie chez Paul d'Alep, Voyage du Patriarche Macaire III d'Antioche aux pays roumains, au 'pays des Cosaques' et en Russie // Actes du Symposium International: le Livre, la Roumanie, l'Europe. Bucharest, 2012. Vol. 3. P. 200–209.

Petrova Yu. A Case of Colloquialization of the Text: the Kyiv Manuscript of «The Travels of Macarius» // Arabic Varieties – Far and Wide: Proceedings of the 11th International Conference of AIDA, Bucharest, 2015 / Ed. G. Grigore, G. Biţună. Bucharest, 2016. P. 445–452.

Петрова Ю. И. Лексика славянских языков в дневнике Павла Алеппского // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2017. Вып. 53. С. 78–93.

Михаил Брейк

Издания и переводы:

Список Антиохийских патриархов / Пер.: еп. Порфирий (Успенский) // ТКДА. 1874. № 6. С. 346–457.

Qub'ayn S. Al-Ḥaqā'iq al-waḍiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya al-urṯūḏuksiyya. Al-Qāhira, 1903.

Documents inédits pour sérvir à l'histoire du Patriarcat Melkite d'Antioche. Harissa, 1930. Vol. 2: *Breik M.* Histoire du pays de Damas de 1720 à 1782 / Éd. C. Bacha (переизд.: *Brayk M.* Tārīḫ aš-Šām (1720–1782) / Ed. A. Ġ. Sabānū. Dimašq, 1982).

Brayk M. Al-Ḥaqā'iq al-wafiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya / Ed. N. Qā'idbayh. Bayrūt, 2006.

Исследования:

Masters B. The View from the Province: Syrian Chronicles of the 18th Century // Journal of the American Oriental Society. 1994. Vol. 144. P. 353–362.

El-Eid Bualuan H. Mikha'il Breik: A Chronicler and a Historian in 18th Century Bilād al-Šām // PdO. 1996. Vol. 21. P. 257–270.

Sajdi D. Peripheral Visions: The Worlds and Worldviews of Commoner Chroniclers in the 18th Century Ottoman Levant: Diss. New York, 2002.

Walbiner C.-M. The Split of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch (1724) and the Emergence of a New Identity in Bilâd al-Shâm as Reflected by Some Melkite Historians of the 18th and Early 20th Cent. // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2003. № 7. P. 9–36.

Walbiner C.-M., Karam S. Ḏayl 'alā maḫṭūṭ «Al-Ḥaqā'iq al-wāfiyya fī tārīḫ baṭārikat al-kanīsa al-anṭākiyya» li-Miḫā'īl Brayk ḥattā sanat 1891 bi-qalam Anṭūn Ṣayfī // Chronos: Revue d'Histoire de l'Université de Balamand. 2009. № 20. P. 171–197.

Именной указатель[1]

Аарон, царь Болгарии – 133, 134.
'Аббад ибн 'Асим – 92, 93.
Аббас, сефевидский шах – 327.
Аббасиды – 102, 165, 167.
Абгар V Черный, царь Эдессы – 149, 150.
'Абд аль-'Азиз, наместник Египта – 186, 200.
'Абд аль-'Азиз ибн аль-Ахмар – см. Дорофей IV, патр. Антиохийский
'Абд аль-'Азиз ибн 'Абд ар-Рахим – 140.
'Абд аль-Баки – 300.
'Абд аль-Карим – см. Мелетий Карма
'Абд ар-Рахим ибн Илйас – 139.
'Абд ас-Салям – 300.
'Абдаллах ибн аль-'Аббас ибн 'Абд аль-Мутталиб – 96, 97.
'Абдаллах ибн аль-Мукаффа' – 55.
'Абдаллах ибн аль-Фадль аль-Антаки ('Абдаллах Антиохийский) – 12, 35.
'Абдаллах ибн Михаил Трад – 41–43.
Абдул-Хамид I, османск. султан – 360.
Абдул-Хамид II, османск. султан – 369.
Абель, Леонард – 213, 217, 262.
Абу 'Абдаллах ибн Наззаль (Мухтар ад-Даула) – 121.
Абу Бакр 'Атик ибн Аби Кухафа – 74, 82, 89, 114.
Абу Джа'фар ибн аль-Хусайн ибн Джаухар – 121.
Абу Джуму'а аль-Масмуди – 146.
Абу Закарийа ибн Аби Галиб – 141.
Абу Йа'куб Исхак ибн Ибрахим ибн Анастас – 115, 135.
Абу Йусуф Бави – 309.
Абу Лу'лу'а – 94.
Абу Мансур Са'ид (Ахмад) ибн Марван (Мумаххид ад-Даула) – 127.
Абу Мансур Сулайман ибн Таук – 144, 145, 147.
Абу Раква – 115.
Абу Салим ибн Лу'лу' – 129, 132.
Абу Тамим Сулайман ибн Фалах – 106.
Абу Таук – см. Усман-паша Абу Таук
Абу 'Убайда ибн аль-Джаррах – 92, 93.
Абу Усама аль-Кади – 146.
Абу Фарадж (Абу-ль-Футух) аль-Хасан ибн Джа'фар аль-Хасани (ар-Рашид ли-дин Аллах) – 122.
Абу Хиляль ад-Да'и – 146.
Абу-ль-'Ала' Фахд ибн Ибрахим ан-Насрани – 106.
Абу-ль-Баракат ибн Мансур ибн Лу'лу' – 132.
Абу-ль-Вахш ар-Рашид – 166, 167.

[1] В указатель не включены имена библейских персонажей, святых доарабского периода, деятелей античной истории, а также ученых Нового и Новейшего времени.

Абу-ль-Ганаим ибн Мансур ибн Лу'лу' – 132.
Абу-ль-Джайш ибн Лу'лу' – 130, 132.
Абу-ль-Кауль – 123.
Абу-ль-Марджа – 145.
Абу-ль-'Уд – 96.
Абу-ль-Фаварис ад-Дайф – 120.
Абу-ль-Фадаиль ибн Са'д ад-Даула ибн Хамдан – 107, 127.
Абу-ль-Фарадж ибн аль-Муваффак Йа'куб ибн аль-Куфф (Амин ад-Даула) – 165.
Абу-ль-Фарадж Йахйа ибн Са'ид – 101.
Абу-ль-Фатх Мансур ибн Сахлан ибн Мукашшир – 115.
Абу-ль-Фатх Сахлан ибн Мукашшир ан-Насрани – 112.
Абу-ль-Футух – 122, 123.
Абу-ль-Хайджа' ибн Са'д ад-Даула – 127, 128.
Абу-ль-Хасан аль-Мазини – 97.
Абу-н-Наджм ибн ас-Сафи ибн аль-'Арши (аль-Хаким) – 173, 174.
Абшир-паша – 293, 294, 309.
Авраам ибн Зар'а (Зур'а), коптский патр. – 184–190, 192, 198, 201.
Агапий Манбиджский (Махбуб ибн Кустантын) – 23–27, 35, 74–77, 80, 81, 83, 89, 91, 103.
Агафон, папа Римский – 100.
аль-'Азиз, фатимидский халиф – 191.
аль-'Азими, хронист – 101.
аль-'Азм, род – 343, 356.
'Аиша, жена Мухаммада – 74.
Айюбиды – 170, 242.
аль-Акра'и – 171.
'Алам ад-Дин Абу-ль-Вахш Ибрахим ибн ар-Рашид ибн Аби Хулайка – 166.
Александр III, царь Имеретии – 320.
Алексей I Комнин, визант. имп. – 153.
Алексей Михайлович, рус. царь – 318.
Алексий Студит, патр. К-польский – 147, 149, 150.
'Али-бей аль-Кабир – 353, 354, 358.
'Али Джанбулат – 275.
'Али ибн 'Абд аль-Вахид ибн Хайдара – 128.
'Али ибн Аби Талиб, халиф – 96, 100.
'Али ибн Аби-ль-Хайдж 'Абдаллах – 107.
'Али ибн Ахмад ад-Дайф (Садид ад-Даула) – 131–133, 144.
'Али ибн Дауд аль-Кутами – 139.
'Али ибн Салих ад-Давидари – 119.
'Али ибн Фалах (Кутб ад-Даула) – 127.
'Али, сын Дахира аль-'Умара – 362, 363.
'Али, сын аль-Муфарриджа ибн Дагфаля ибн аль-Джарраха – 115.
'Аллака, тирский бунтовщик – 107.
Амин ад-Дин ибн ар-Раккаки – 164.
'Амр ибн аль-'Ас – 90–92, 97, 98.
Анания, сын Павла Алеппского – 296.
Анастасий I, патр. Антиохийский – 78.
Анастасий I, визант. имп. – 180.
Анастасий ибн Муджалла – 15, 33, 46, 176, 212–218, 221, 222.
Анастасий Синаит – 20.
Андрей, евнух – 98.
Андрей Критский – 20.
Андроник I Комнин, визант. имп. – 323.
Анна Комнина – 153–156.
Анна Романовна, жена киевского вел. кн. Владимира Святославовича – 103
Антиох Стратиг – 61.

Антоний, митр. Баальбекский – 308.
Ануштакин ад-Дузбари (Мунтахаб/Мунтаджаб ад-Даула) – 144, 145.
Анфим, патр. Антиохийский – 42.
Аполлинарий – 230.
Ардашир III, сасанидский шах – 81, 88.
Арий – 221
Арсений I, патр. Александрийский – 111, 117, 120, 121, 140, 141.
Арчил II (Шах-Назар-хан), царь Кахети – 319–321, 326, 329, 331.
Ас'ад-паша ибн Исмаил-паша аль-'Азм – 343–345.
Афанасий, митр. Вифлеемский – 241, 252.
Афанасий (Ибн 'Амиш), митр. Эмесский – 293, 298, 307.
Афанасий II, патр. Иерусалимский – 35.
Афанасий II (ибн ад-)Даббас, патр. Антиохийский – 224, 231, 266, 267, 275, 285, 286.
Афанасий III Даббас, патр. Антиохийский – 37, 38, 40, 334, 335, 337, 338, 340.
Афанасий 'Аталла – 43.
Афляк М. – 18.
Афраат – 10.
Ахемениды – 9, 55.
Ахмад аль-Будайри – 366.
Ахмад ибн аль-Касури – 121.
Ахмад ибн ат-Тайиб ибн Илйас – 140.
Ахмад ибн Хусайн (Асфар Таглиб) – 113.
Ахмад, сын Дахира аль-'Умара – 357.
Ахмад-паша аль-Джаззар – 42, 43, 363, 365, 368.
Ахмад-паша Кёпрюлю, вали Дамаска – 308.
Ахмад-паша, паша Халеба – 305.

Баграт IV, царь Грузии – 143, 148.
Баграт V, царь Имеретии – 320, 321, 331.
Баграт VI, царь Картли и Имеретии – 316.
Бадр ад-Дин аль-Амиди (ас-Садр) – 168, 169, 171.
Бадр ад-Дин Байсара – 172.
Банджу-такин – 105.
Бар Кохба – 55.
Бар 'Эвройо – 23, 29, 76, 154, 155.
Баракат Му'аллим ас-Султан – 283.
Бардесан – 10, 75, 76.
Барджаван-евнух (ар-Раис) – 106, 110, 111.
Бароний, Цезарь, кард. – 34
Барсбай, мамлюкский султан – 203.
Басахнатис, патрикий – 95.
Бахрам Чубин – 77, 78.
Бейбарс (аль-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Байбарс), мамлюкский султан – 154, 166, 167, 170, 172, 174.
Бигас, патрикий – 113.
Бишара, свящ. – 293.
Бишр ибн Артат – 97–99.
Богдан I, кн. Молдавии – 207.
Бонавентура де Луде – 216.
Бонифаций IV или V, папа Римский – 70.
Борис Благой – 205.
Борис Годунов, рус. царь – 329.
Букинатур, триполийский сановник – 96.
Булус аль-Хабис – 163, 167, 168.
Буран, сасанидская царица – 81.
Бустросы, род – 42
Бутрос аль-Аккари – см. Петр (Шам'ун ибн Дауд)

Ваан (Махан), визант. полководец – 57.
Варда Фока – 103, 144.
Варлаам Подвижник – 273.
Варнава, митр. Сайднайский – 367.

Василий II Болгаробойца, визант. имп. – 103, 105, 107, 110, 111, 121, 127, 128, 130–134, 140, 142–145, 147–149.
Вассаб ибн Джа'фар – 113.
Вахбе аль-Хамави – 283, 284.
Вахтанг I Горгасали, царь Грузии – 325.
Вахтанг V (Шах-Наваз-хан), царь Картли – 319, 321, 329, 331.
Вешняков А. А. – 342.
Вон, патрикий – 67.

Гагара, Василий – 201, 240.
Гедеон, мон. – 244.
Георгий, настоятель Синайского монастыря – 140, 141.
Георгий, мон. – 192.
Георгий I, царь Грузии – 142, 143, 148.
Георгий II, патр. Александрийский – 141.
Георгий Арселаит – 244.
Георгий Маниак – 102, 149.
Георгий Синкелл – 22, 23.
Герасим I, патр. Александрийский – 269.
Герасим, митр. Забаданский – 306, 308.
Герасим, униатский митр. Халебский – 337.
Герман, патр. Иерусалимский – 282.
Грело Г.-Ж. – 234.
Григорий, еп., местоблюститель Халебской кафедры – 337.
Григорий, еп. Халебский – 260, 283.
Григорий, диак. – 244.
Григорий, дядя визант. имп. Ираклия I – 79.
Григорий, митр. Хауранский – 287, 306.
Григорий, патр. К-польский (?) – 265.
Григорий, патрикий – 94.
Григорий, эконом Синайского монастыря – 244.
Григорий IV Хаддад, патр. Антиохийский – 17, 45, 46, 290.
Григорий V, патр. Александрийский – 187, 188.
Григорий XIII, папа Римский – 213, 217, 219.
Григорович-Барский В. Г. – 245, 248, 249, 252, 368.
аль-Гутми, писец – 168.

Давид I Куропалат, правитель Тао-Кларджети – 110, 142, 143, 324.
Давид IV Строитель, царь Грузии – 247, 325.
Давид Грузин – 249.
Дадиани (Дадьян) – 321.
Дамиан Далассин – 108.
Даниил Хиосец, патр. Антиохийский – 40, 42, 333, 334, 348, 350, 351, 364–367.
Дареджан, царица Имерети – 320, 321.
Дауд ибн аль-Мутран – 173.
Дахир аль-'Умар аз-Зайдани – 353, 354, 356–363, 368.
аль-Джазари, хронист – 163.
Джаззар – см. Ахмад-паша аль-Джаззар
Джайш ибн Мухаммад ибн ас-Самсам – 107–109.
Джамаль ад-Дин ан-Наджиби (ан-Наиб) – 169, 170.
Джамаль ад-Дин ибн Матрух (ас-Сахиб) – 167.
аль-Джамали, бедуинский шейх – 113.
Джаухар ас-Сакали – 251.
Джа'фар ибн аль-Хусайн ибн Джаухар – 121.
Джирджис ибн Самур – 284.
Джирджис, сын 'Исы ибн аль-Бури – 241.

Джирджис аль-Халяби – 350, 351.
Джирджис аш-Шахир – 268.
Диоклетиан, римский имп. – 22, 66.
Дионисий, еп. аль-Хусна – 268, 285.
Дионисий Малый – 66.
Дионисий Телль-Махрский, яковитский патр. – 22, 23.
Диоскор, монофизитский архиеп. Александрийский – 221.
Дорофей II ибн ас-Сабуни, патр. Антиохийский – 280, 316.
Дорофей III, патр. Антиохийский – 258, 280–282.
Дорофей IV ибн аль-Ахмар, патр. Антиохийский ('Абд аль-'Азиз ибн аль-Ахмар) – 266, 284.
Дорофей Дау (см. также Иоаким V Дау) – 205, 283.
Дорофей Монемвасийский – 288.

Досифей II, патр. Иерусалимский – 321, 323, 324, 326, 327.
ад-Духайкин – 107.

Евстафий, патр. К-польский – 136.
Евтихий (Са'ид ибн Батрик), патр. Александрийский – 12, 25–28, 35, 48, 54–66, 68, 69, 71, 73, 74, 101–103, 118, 288.
Евтихий, идеолог монофизитства – 216, 221.
Евфимий I, патр. Антиохийский – 287.
Евфимий II Карма, патр. Антиохийский (см. также Мелетий Карма) – 14, 269, 272, 278, 286, 294.
Евфимий III ас-Сакизи (Мелетий ас-Сакизи), патр. Антиохийский – 37, 252, 273, 278, 279, 287, 308.
Евфимий ас-Сайфи, митр. Тира и Сидона – 337, 338, 340, 365.
Екатерина II, рос. имп. – 352.
Елена, невестка кахетинского царя Теймураза – 321, 329.
Епифаний, митр. Баальбекский – 226.
Ефрем, диак. – 236, 238, 241, 243, 246, 248, 249.

аз-Зайдани, род – 362.
аз-Захаби, хронист – 163.
Захария, патр. Иерусалимский – 50, 57, 61, 74.
аз-Захир ибн аль-Хаким би-амр Аллах, фатимидский халиф – 133, 138–142, 144, 145, 147.
Зоя, визант. имп. – 149.
аз-Зубайр, сподвижник Мухаммада – 96.
Зур'а ибн 'Иса ибн Настурус (аш-Шафи) – 123.

Иаков Барадей – 216, 221, 328.
Ибн Аби Захир – 120.
Ибн Аби Усайби'а – 102.
Ибн аль-Асир – 154, 156, 157.
Ибн Батрик – см. Евтихий, патр. Александрийский
Ибн Бутлан – 102.
Ибн Гийас – 125–126.
Ибн ад-Дайрани – 143.
Ибн Джабари – 356.
Ибн Джу'ма – см. Иоаким IV ибн Джу'ма
Ибн Ма'ан – см. Фахр ад-Дин (ибн) Ма'ан
Ибн аль-Муджир – 164.
Ибн Сайфа – см. Йусуф Сайфа
Ибн Сина – 165.
Ибн ас-Сука'и, аль-Муваффак Фадлаллах – 29, 162.
Ибн 'Удван – 367.
Ибн Хамдан (Са'д ад-Даула) – 107, 127.
Ибн Хиляль – см. Макарий II ибн Хиляль
Ибн Хумам – 353.
Ибрахим ибн Йуханна – 28.

Ибрахим ас-Саббаг – 361, 362.
Ибрахим-паша – 43.
Иван IV Васильевич Грозный, рус. царь – 205, 209, 328, 331.
Игнатий, митр. – 226.
Игнатий III 'Атыйа, патр. Антиохийский – 224–227, 267–272, 285, 286.
Иеремия, митр. Сидонский – 306.
Иеремия I, патр. К-польский – 281.
Иеремия II, патр. К-польский – 261, 262.
Иеремия ибн Фурках, диак. – 246.
Иеремия, свящ. – 244.
Иешу Стилит – 19.
Илия I, патр. Александрийский – 111.
Илия Мжа'ас, свящ. – 43.
Илйас, дядя Павла Алеппского – 296.
Иоаким I Пани, патр. Александрийский – 32, 33, 183–189, 192, 198, 200, 201, 203–205, 281.
Иоаким II, патр. Антиохийский – 282.
Иоаким IV ибн Джум'а, патр. Антиохийский – 232, 256, 258, 259, 282, 283, 287, 334, 369.
Иоаким V Дау, патр. Антиохийский – 15, 31–33, 205–207, 209, 212–215, 217, 260–263, 282–284.
Иоаким VI ибн Зийаде, патр. Антиохийский – 257, 263–266, 275, 282, 284, 304.
Иоаким, еп. аз-Забадани – 226, 278.
Иоаким, католикос Западной Грузии – 316.
Иоаким, митр. Триполи – 226.
Иоаким аль-Караки – 187.
Иоанн I Цимисхий, визант. имп. – 102.
Иоанн V Милостивый, патр. Александрийский – 56, 62–64.
Иоанн VII, патр. Иерусалимский – 52, 152.
Иоанн Дамаскин – 11, 20, 28, 151, 152, 158, 160, 161.
Иоанн Лествичник – 11, 20, 247, 249, 255.
Иоанн Малала – 19.
Иоанн Сакулис – 320.
Иоанн Эдесский – 201.
Иоанн Эфесский – 19.
Иоасаф, диак. – 239, 244, 246.
Иоасаф, еп. Кары – 226, 287.
Иоасаф, еп. Синайский – 242.
Ираклий (Николай Давидович), внук царя Теймураза – 329.
Ираклий, патрикий – 79.
Ираклий I, визант. имп. – 58, 62, 64–74, 79–94, 117.
Ираклий II, визант. имп. – 93, 94.
'Иса ибн аль-Бури – 241.
'Иса ибн Настурус – 105.
'Иса, брат Александрийского патр. Евтихия – 66.
'Иса, митр. Хамы – 33, 205, 206.
Исаак Комнин – 153.
Исаак, еп. Кульзумский – 140.
Исаак, коптский патр. – 186, 200.
Исаия, яковит из Эдессы – 85.

Йазид I ибн Му'авийа, омейядский халиф – 98, 100.
Йа'куб ибн Йусуф ибн Киллис – 122, 190, 191.
Йа'куб ан-Наккаш – 251.
Йакут (Феодосий?), брат визант. имп. Константа II – 96.
Йарух ('Алам ад-Даула Амир аль-умара') – 119, 122.
Йахйа аль-Антаки – см. Яхья Антиохийский
Йездигерд III, сасанидский шах – 90, 95.
Йуаннис XV, коптский патр. – 190.
Йунан, врач Хосрова II – 84.

аль-Йунини, хронист – 163.
Йунус, эмир – 241.
Йунус Никула – 41, 42.
Йусуф ибн Йарух – 119.
Йусуф аль-Мусаввир – 34.
Йусуф Сайфа (Йусуф-паша Абу Сайфа; Ибн Сайфа) – 225, 268, 269, 285.
Йусуф (ибн аш-) Шихаб – 43, 355, 356.
Йуханна аль-'Уджайми – 39.
Йуханна ибн Наср аль-Халили – 252.
Йуханна 'Увейсат – 237.

Кавад II Шируйе, сасанидский шах – 69, 81.
Кадыри-паша – 300.
Кайс (Садик), еп. Эрзурумский – 298.
Кайс ибн Са'ид (ибн Са'да) – 97.
Камаль ад-Дин ибн аль-'Адим – 154–156, 159, 161.
Каплан-паша – 312.
Каракаллы, род – 252.
Касруан, марзбан – 80.
Кафур аль-Ихшиди – 190.
аль-Кибаб, род – 264.
Кир, патр. Александрийский – 90–92.
Кирилл IV Даббас, патр. Антиохийский – 267–272, 278, 285.
Кирилл V (ибн) аз-За'им, патр. Антиохийский – 341.
Кирилл VI (Серафим) Танас, униатский патр. Антиохийский – 337–340, 342–344.
Кирилл Лукарис, патр. Александрийский (III) и К-польский (I) – 269, 288.
Климент XIV, папа Римский – 362.
Комитопулы – 111, 133.
Констант II, визант. имп. – 82, 95, 96, 99.
Константин, сын Павла Алеппского (см. также Кирилл V аз-За'им) – 296.
Константин I Великий, римский имп. – 34, 55, 89, 100.
Константин I Щербан (Басараб), валашский кн. – 293.
Константин II Брынковяну, валашский кн. – 38.
Константин III, визант. имп. – 93.
Константин IV, визант. имп. – 99, 100.
Константин VII Багрянородный, визант. имп. – 148.
Константин VIII, визант. имп. – 102, 103, 147–149.
Константин Далассин – 145.
Косма, митр. Хаурана – см. Кирилл IV Даббас
Косма Маюмский – 20.
Курра, еп. Эдесский – 88.
Курра, яковит из Эдессы – 84.
Куста ибн Лука – 24–26.

Лаврентий, еп. Синайский – 266.
Лаврентий, синайский мон. – 250.
Лазарь, митр. Хомса – 268, 285.
Лев, патрикий – 100.
Лев IV Хазар, визант. имп. – 74.
Лу'лу' (аль-Кабир) – 107, 113.

Ма'аны, род – 225, 226, 268, 312, 314, 340.
Маврикий, визант. имп. – 57–61, 69, 71, 77–79.
Макарий II ибн Хиляль, патр. Антиохийский – 283.
Макарий III ибн аз-За'им, патр. Антиохийский – 15, 34–38, 40, 42, 227, 231, 237, 256–259, 262, 265, 279–282, 286–293, 298, 304, 306, 316–321, 323, 327–331, 334.
Макарий ибн Халяф, митр. Халеба – 264, 265.

Макарий/Марк, митр. Тира – 225.
Макарий аль-Хамави – см. Михаил VI (VII) аль-Хамави
Македоний, ересиарх – 230.
аль-Макин Старший – 76, 162.
Максим Исповедник – 325.
Максим аль-Хаким, патриарх Мелькитской католической Церкви – 337.
аль-Малаити, апамеец – 108.
аль-Малик аз-Захир (Рукн ад-Дин Байбарс) (см. также Бейбарс) – 166–168, 170, 172.
Малик-шах – 153, 159, 160.
аль-Мамун, аббасидский халиф – 204.
Мансур ибн 'Абдун (аль-Кафи) – 119, 121.
Мансур ибн Лу'лу' – 127–132.
Мансур ибн Са'дун ан-Насрани – 119.
Мансур ибн Серджун – см. Иоанн Дамаскин
Мансур, сын Сергоны – 71, 73.
Мануил, патрикий – 90, 91, 94, 95.
Марван I ибн аль-Хакам, омейядский халиф – 98.
Мардик (Мардикан), марзбан – 86, 88.
Мария, дочь визант. имп. Маврикия – 60, 61, 69.
Марк, митр. Сайды – 225.
Марун, ересиарх – 221.
аль-Мас'уди – 76.
Матфей Кигала – 34.
Матфей Псалт, патриарх Александрийский – 346.
Матфей Эдесский (Маттеос Урхаеци) – 154, 157, 158.
Маусуф аль-Хадим ас-Саклаби – 144, 146.
аль-Махди, аббасидский халиф – 23, 74.
Махмуд, сын аль-Муфарриджа ибн Дагфаля ибн аль-Джарраха – 115.
Мелетий, митр. Триполи – 299, 306.
Мелетий I Пигас, патр. Александрийский – 262, 266.
Мелетий II Думани, патр. Антиохийский – 17.
Мелетий Грек – 318, 319.
Мелетий Карма аль-Хамави (см. также Евфимий II Карма) – 14, 35, 225–228, 231, 257, 267, 269–278, 286, 294.
Мелетий аль-Мусаввир ас-Сакизи (см. также Евфимий III ас-Сакизи) – 272, 278, 287.
Мелетий, митр. Хамы – 287.
Мизизий, визант. узурпатор – 99.
Митри (Димитрий) Сакр – 351, 366.
Митрофан, митр. Алеппский – 293, 308.
Митрофан, эконом Синайского монастыря – 239.
Митрофан I, патр. К-польский – 288.
Митрофан Критопулос, патр. Александрийский – 242.
Михаил II, патр. Антиохийский – 30, 257, 279.
Михаил IV, патр. Антихийский – 316.
Михаил V ибн аль-Маварди, патр. Антиохийский – 281, 282.
Михаил VI (VII) аль-Хамави (ибн ас-Саббаг), патр. Антиохийский – 205, 260–263, 283–284.
Михаил VII Дука, визант. имп. – 151, 153.
Михаил Брейк ад-Димашки – 39, 40, 228, 231, 257, 258, 333, 334, 336, 340, 341, 343, 344, 346, 348–350, 352, 363, 366.
Михаил ад-Димашки (псевдоним) – 39.

Михаил, иеромон., автор Жития Иоанна Дамаскина – 28, 151–154, 156, 158–160.
Михаил, митр. Триполи – 212.
Михаил Китоний – 121.
Михаил Савваит – 195, 201
Михаил Сириец (Михаил Великий), яковитский патр. – 76, 154.
Михаил Тума – 343.
Михаил аль-Хаддад ибн Ни'ма – 284.
Модест, патр. Иерусалимский – 57, 61, 63, 71, 73, 74.
Му'авийа ибн Аби Суфйан, омейядский халиф – 93–100, 114.
Муваффак ад-Дин 'Али – 171.
аль-Муваффак Фадлаллах ибн Аби-ль-Фахр ибн ас-Сука'и – см. Ибн ас-Сука'и
аль-Мугира ибн Шу'ба – 97.
аль-Му'изз, фатимидский халиф – 184, 187, 190, 191, 198.
аль-Му'изз Айбек (Туркуман), мамлюкский султан – 167.
Мурад IV, османский султан – 34.
Мурад-паша – 275.
Муртеза-паша – 305.
Муса аль-'Аккари (Мар Бутрос аль-'Аккари) – 281.
Муса ибн Элазар – 191–193.
Мустафа III, османский султан – 360.
Мустафа-паша (Хафиз Мустафа-паша Бустанджи) – 358, 359.
Муфаддаль ибн Аби-ль-Фадаиль – 29.
аль-Муфарридж, сын Дагфаля ибн аль-Джарраха – 115, 122, 126, 127.
Мухаммад, основатель ислама – 55, 66, 74, 83–85, 87, 89, 114, 270, 359.
Мухаммад ибн Хузайфа – 97.
Мухаммад ибн Хулайд аль-Бахрани – 136.
Мухаммад-бей Абу-з-Захаб – 354, 355, 358, 360, 361.
Мухаммад-паша ибн аль-'Азм – 356–359, 363, 366, 367, 369.
Мышецкий Е. Ф., кн. – 324.

Наджм ад-Дин ибн аль-Лябуди – 169.
Насыф ан-Нассар аль-'Амали – 368.
Неофит, дикей Синайского монастыря – 244.
Неофит, митр. Латакии – 299, 306.
Неофит, патр. Антиохийский – 37, 40.
Неофит Младший, синайский иеромон. – 244.
Неофит ас-Сакизи, митр. Хамы (см. также Неофит, патр. Антиохийский) – 308.
Несторий, архиеп. К-польский – 216, 221.
Ни'матуллах ибн аль-Хури Джирджис ибн Салим – 315.
Никита, патрикий – 63, 64, 79, 80.
Никифор, еп. Байаса – 333, 344.
Никифор, магистр – 109.
Никифор, патрикий – 98.
Никифор I, патр. Иерусалимский – 136.
Никифор I, патр. К-польский – 56, 73.
Никифор III Вотаниат, визант. имп. – 153.
Никифор Кривошеий, сын Варды Фоки – 144.
Никифор Ксифия – 143.
Николай, митр. 'Аккара – 299, 306, 312.
Николай, митр. Хауранский – 226.
Николай II, рос. имп. – 17, 45, 290.
Николай Давидович – см. Ираклий
Николай Паракимоменон – 148.
Никон, патр. Московский – 15, 318.
Никон Черногорец – 35, 279.

Никулавис ас-Саиг – 339.
Нил Синайский – 249
Ни'мат ибн аль-хури Тума – 39.
Нусейба, род – 253.

Олимпиодор, философ – 87
Омейяды – 20, 77, 165, 167, 240
Орест, патр. Иерусалимский – 110, 111, 117
Ориген – 221
Осман ибн Шабиб – 359
Осман-паша, вали Дамаска – 353, 354, 356
Осман-паша аль-Мисри – 358

Павел (Булус ар-Рахиб), еп. Сидонский – 35
Павел, патрикий Месопотамии – 93
Павел Алеппский, архидиак. – 15, 30, 34, 36, 37, 40, 45, 47, 51, 54, 175, 207, 214, 226, 257, 262, 263, 272, 279, 289–293, 298, 309, 312, 316–320, 322, 325, 327, 332, 334
Паисий, патр. Александрийский – 318, 319
Паисий II, патр. К-польский – 336
Паисий Агиапостолит – 247
Парфений, митр. Газы – 241
Парфений Афинянин, патр. Иерусалимский – 346
Петр, брат визант. имп. Маврикия – 79
Петр (Шам'ун ибн Дауд), маронитский патр. – 281
Петр I, рос. имп. – 15
Петр VI Хромой, молдавский кн. – 273
Позняков, Василий – 184, 185, 193, 201, 203, 248
Прокопий Кесарийский – 19
Псевдо-Захария Митиленский – 19
Птолемеи – 55, 75
Птолемей, патрикий Месопотамии – 93

Рахзад, сасанидский полководец – 69
Роман III Аргир(опул), визант. имп. – 148–150
Роман IV Диоген, визант. имп. – 153
Романовы – 17, 290

Са'адат, мать патр. Евфимия II Кармы – 273
Са'аде А. – 18
Сабур, омейядский мятежник – 98
Савва, митр. Сайды – 287
Са'ид, сын аль-'Аса – 90
Са'ид, сын Дахира аль-'Умара – 357
Са'ид, сын 'Усмана – 95
Са'ид ибн Йахйа – 101
Са'ид Э. – 18
Сайф ад-Дин Абу Бакр ибн Асбасалар – 164, 165
Сайф ад-Дин Калаун, мамлюкский султан – 172
Сайф ад-Дин Куштамур аль-'Аджами – 172
Сайфа, род – 225
Салах ад-Дин, айюбидский султан – 253
Салих ибн 'Али ибн Салих ад-Давадари – 119
Салих ибн Мирдас (Салих Абу-ль-Марджа, Асад ад-Даула) – 129–133, 140, 144–147
Салих-ага – 314
ас-Салих Наджм ад-Дин Аййуб, айюбидский султан – 167, 242
Салим ибн Мустафад – 145, 146.
Сальмун (Сулайман) ибн Ибрахим – 126, 136, 137, 140
Самуил, митр. Аданы – 151
Самуил, царь Болгарии – 133
Самуил I, патр. К-польский – 346, 348
Сасаниды, династия – 9, 20, 50, 55, 58, 70

Сахл ибн Ханифа – 97
Севир ибн аль-Мукаффа', еп. – 192, 193
Сельджукиды – 159, 173
Сенекерим, царь Васпуракана – 143, 148
Серафим Танас – см. Кирилл VI Танас
Сергий, патрикий – 89
Сергий I, патр. К-польский – 62, 67
Сергий II, патр. К-польский – 111
Сефевиды – 317
Сильвестр, патр. Александрийский – 185, 204
Сильвестр, патр. Антиохийский – 333, 335–338, 340–346
Симеон, игум. Баламандского монастыря – 256
Симеон, митр. Сайднаи – 226, 278
Симеон, митр. Хамы – 226, 268, 274, 285
Симеон, митр. аль-Хусна – 275
Симеон, мон. – 306
Симеон, коптский св. – 194–198
Симеона, мон. – 306
Синан ибн Сулайман – 132
Синан ибн 'Улаййан – 144, 147
Синан-паша – 240
Синхрон, агиограф – 247
Ситт аль-Мульк – 139, 141, 144
Склир, визант. аристократ – 110, 113
Софроний, синайский мон. – 244
Софроний I, патр. Иерусалимский – 32, 92, 175, 176, 178, 179
Софроний аль-Килизи, патр. Иерусалимский (VI) и К-польский (II) – 42, 364, 368
Софроний (Тирский), патр. Антиохийский – 174
Стефан, философ – 87
Стефан II Урош Неманич, сербский кор. – 252
Су'бан ибн Мухаммад ибн Су'бан (Садид аль-Мульк) – 144
ас-Сука'и, Фадлаллах ибн Аби-ль-Фахр – см. Ибн ас-Сука'и
Сулайман ибн Джирджис – 268
Сулайман ибн аль-Курджи – 149
Сулайман ибн Кутулмыш (Кутулмуш), сельджукский султан – 153–161
ас-Сунни, чиновник-иудей – 170, 171

Тадмури, 'Умар 'Абд ас-Салам – 103, 104
Тальха, сподвижник Мухаммада – 96
Теймураз I, царь Кахети – 320, 321, 324, 328, 329, 331
Тимофей II, патр. К-польский – 267, 285
Тимур, эмир – 30
Тутуш, эмир – 160

'Укайлиды – 159
'Умар ибн аль-Хаттаб, халиф – 175, 176, 178–180
'Усман ибн 'Аффан, халиф – 94–96
'Усман-паша Абу Таук – 338
'Утба ибн Аби Суфйан – 98

Фадала ибн 'Абд – 97
Фаик аль-Барраз – 107
Фанна-Хусрау ('Адуд ад-Даула) – 109, 110
Фарах, хури – 40, 334
Фарис ад-Дин Атабек – 172
Фархи, род – 367
Фатик ('Азиз ад-Даула) – 133
Фатима, дочь Мухаммада – 74
Фатимиды – 102, 105, 106, 115, 146, 190, 191
Фатх (Мубарак ад-Даула, Са'д ад-Даула, 'Изз ад-Даула) – 130–133
Фахр ад-Дин (ибн) Ма'ан – 225, 226, 268–272, 285, 286

аль-Фахр ас-Самири – 171
Федор Иванович, рус. царь – 206, 209
Феодор, брат визант. имп. Ираклия I – 88
Феодор, папа Римский (?) – 63
Феодор, патр. Александрийский – 62
Феодор, слуга визант. имп. Маврикия – 59
Феодор, философ – 87
Феодор IV Вальсамон, патр. Антиохийский – 35
Феодор Абу Курра, еп. Харранский – 7, 12
Феодора, визант. имп. – 246
Феодосий, сын визант. имп. Маврикия – 60
Феофан III, патр. Иерусалимский – 252, 262
Феофан Исповедник – 22, 23, 56, 158
Феофил I, патр. Иерусалимский – 122, 127, 136
Феофил бар Тома (Феофил Эдесский) – 23–26, 75
Феофил Мироточивый – 185, 186
Филарет, патр. Московский – 252
Филарет Варажнуни (аль-Фирдус ар-Руми) – 153, 155, 156, 159
Филимон, патр. Антиохийский – 333, 346, 348, 350, 352
Филипп, митр. Бейрутский – 306
Филипп аль-Амиди – 252
Филофей, митр. Хомса – 278, 287
Флавиан, игум. лавры св. Саввы – 274
Фока, визант. имп. – 58, 59, 62–66, 78–80
Фома, еп. – 94
Фотий I, патр. К-польский – 217

Хабаш Ж. – 18
Хабиб Абу Салем – 253
аль-Хакам ибн ас-Салт – 97
аль-Хаким би-амр Аллах, фатимидский халиф – 28, 48, 101, 102, 104–113, 115, 118–123, 126–128, 131–133, 135–142, 204
Халид ибн аль-Валид – 89, 90, 92
Халиль ас-Сафади – 162
Халиль Файйад – 43
Ханания аль-Мунаййир – 39
Ханна ибн Муса Аллахверди – 358
Харун ар-Рашид, аббасидский халиф – 22
аль-Хасан ибн ʻАли, халиф – 97
аль-Хасан ибн ʻАммар (Амин ад-Даула) – 105
Хасан-паша, правитель Халеба – 293, 300, 305
Хасан, сын аль-Муфарриджа ибн Дагфаля ибн аль-Джарраха – 115, 121, 123, 132, 144–145
аль-Хасеки Мехмед-паша – 308, 309
Хауран (Ховрана), отец патр. Евфимия II Кармы – 273
Хидр ибн Аби Бакр ибн Муса аль-ʻАдави – 172, 173
Хильман (Хамлан) ибн Карадис – 108
Хосров II Парвиз, сасанидский шах – 58–61, 64, 65, 67–71, 77–81, 83–88
Хрисанф Нотара, патр. Иерусалимский – 336, 337
Христодул, еп. Тиннисский – 140, 141
Христофор, игум. лавры св. Саввы – 274
Христофор, патр. Антиохийский – 27
Христофор Ангел – 186
Христофор ибн аль-Масабни, хури – 368
Хунайн ибн Исхак – 102
Хурузейх, сасанидский военачальник (?) – 60, 63

аль-Хусайн ибн Джаухар – 111, 112, 118, 121
аль-Хусайн ибн Захир аль-Ваззан – 119, 123, 124

Шамс ад-Дин, информатор Ибн ас-Сука'и – 167
Шамс ад-Дин Ахмад ибн Халликан – 162
Шараф ад-Даула – 159, 160
Шаул (Шихада) Фархи – 367
Шах-Наваз-хан – см. Вахтанг V
Шах-Назар-хан – см. Арчил II
Шахрбараз – 81, 84–86, 88, 89
Шируйе – см. Кавад II
Шихабы (аш-Шихаб), род – 312, 340, 355
аш-Шукайри – 169–171.

Элагабал, римский имп. – 10
Элиано Дж. Б. – 213
Эмилиан, патр. Антиохийский – 151

Юлий Африкан – 26, 75
Юстиниан I, визант. имп. – 57, 89, 246, 304

Яхья Антиохийский (Йахйа ибн Са'ид аль-Антаки) – 12, 28, 35, 36, 101–105, 288

Указатель географических названий[1]

Абхазия (Апхазия) 148, 318, 321, 322
Австрийское эрцгерцогство 210
Адана 151, 267, 283, 293
'Аджлун, обл. 357
'Аджруд 243
аль-'Азария 251
Азербайджан 87
'Айн-Джалут 47
'Айн-ар-Рахиб 272, 285
Акка (Акко) 353, 356, 358, 360–363, 368
'Аккар 172, 299
Алаверди (Аливердел) 326
Алазань, р. 322
Александрия 28, 60, 62–64, 80, 87, 91, 92, 94, 111, 117, 125, 140, 141, 188, 195, 196, 204, 266
Алеппо – см. Халеб
Аманус 155
Амафунт (Асатанта) 64
Америка 18
Амид (Амида, Диярбакыр) 19, 68, 79, 87, 171, 230, 252, 305
Амйун 268, 285,
Анаклия (Гераклея) 323
Анакопия (Анакови) 323
Анатолийское плато 152
Анатолия 152, 221, 275
аль-Анджаз 68
Анкира 84
Антиливан, горный хребет 240, 266, 363
Антиохия 12, 13, 28, 29, 33, 35, 79, 80, 89, 90, 93, 99, 101, 102, 108–110, 113, 117, 123, 131, 132, 142, 145, 151–161, 174, 180, 293, 316, 317, 361
Апамея 80, 89, 107, 108, 131, 231
Арабский халифат 11, 20–22, 24–27, 55, 75, 77, 165, 167
Аравия, полуостров 300
Аравия, римская провинция 11
Арагви, р. 322
Арад 94, 95
Аракс, р. 69, 143
аль-'Ариш 97, 241
'Арка 109
Армения 24, 68, 86, 87, 90, 95–97, 99, 174
Арсанас, р. 68–70
Артах 113, 159, 160
Аскалон 47, 52, 106, 144
Астрабад 321
Астрахань 319, 331, 332
Атлас 146
Аудина 98
Афины 189, 281
Афон 205, 269, 316
Африка 79, 93, 94, 99
Ахалцихский пашалык 317
Ашдод – см. Исдуд
аль-Ашмунейн 192

[1] Упоминания топонимов, входящих в архиерейский титул, в указателе не учитываются.

Баальбек 24, 108, 109, 147, 225, 271, 310, 311
Багдад 10, 110, 366
Балис 147
аль-Балька' 89, 367
Балканы (Балканский полуостров) 12, 14, 56, 185, 284
Бардавиль, оз. 241
Басра 97
Байас 225, 226, 344
Бедбел – см. Бодби
Бедия (Педиел) 322
Бейрут 33, 41–43, 109, 132, 133, 206, 214, 226, 258, 270, 272, 286, 308, 340, 358, 363, 366
Бейт-Шеан – см. Бисан
Бекаа, обл. 225, 271, 272, 312, 363, 365
Белое море – см. Средиземное море
Бет-Рабба – см. ар-Рабва
Бзиза 226
Библ 109
Билирмун 296
Бильбейс 242
аль-Бир 242
аль-Бира 254
Бир-ад-Дувейдар 242
Бир-аль-'Абд 241
Бисан (Бейт-Шеан, Бефсан) 254
Бишара (Биляд-Бишара) – см. Джабаль-'Амаль
Благодатный Полумесяц 8, 9
Ближний Восток 9–18, 22, 31, 47, 59, 104, 175, 185, 206, 213, 292, 299, 364, 365
Блюдан 246
Богдания – см. Молдавия
Бодби (Бедбел) 326
Болгария 110, 134, 142
Болгарское царство 102, 111
Большая Сирия (аш-Шам) 8
Большой Заб, р. 87
Бостра (Босра) 89, 187, 225, 357
аль-Бугдан (Богдания) 207, 269, 284
Буковина 58
аль-Бульдан 68
Вавилон 78, 82
Вади-ат-Тайм 284
Вади-Фиран 246
Вади-Фола 249, 250
Валахия 205, 207, 269, 291–293, 308, 321, 342
Варвария 190, 191
Васит 78
Васпуракан 143, 148
Вена 210
Венгрия 210
Верхний Египет 117
Верхняя Месопотамия 9, 10, 20, 152
Византия (Византийская империя) 11–13, 20–26, 28, 33, 50, 56, 59, 70, 77, 79, 96, 102, 103, 105, 324
Висла, р. 207
Вифания 251
Вифиния 221
Вифлеем (Вифлеом) 252, 253, 325
Вифрамва – см. ар-Рабва
Волга, р. 331
Восточная Анатолия 11, 230, 257, 265
Восточная Европа 15, 32, 185, 205, 212, 214, 262, 290
Восточное Средиземноморье 9, 11, 31, 41, 102, 172, 224, 366

Газа 122, 171, 241, 309, 310, 353, 359
Галилейская гора 64, 71, 72, 100
Галилея 170, 240, 356
Галис, р. 80
Галиция 207
Галыдзга (Гализга), р. 322
Гандзак 68, 70
Гарандаль 243
Гефсимания 247
Гишская епархия (Кахети) 326

Голанские высоты 240
Голгофа 252, 254
Гора Откровения – см. Моисея гора
Горный Ливан, обл. 268, 312, 355, 362
Грузия (Грузинская/ие земля/и, страна грузин) 14, 68, 102, 110, 279, 316–330, 332
Гурия (Гуриа) 316, 317, 322, 327, 330

Дагестан 329, 331
Дамаск 12, 13, 27, 35, 36, 39, 40, 44–47, 49, 52, 54, 63, 64, 71, 73, 82, 89, 90, 94, 95, 97, 100, 105–109, 119, 121, 127, 139, 140, 147, 154, 158, 160, 162–166, 169–171, 173, 174, 204, 213, 215, 224–227, 232, 236–240, 246, 251, 254, 258–264, 266–272, 275, 278, 279, 281, 283–288, 290–293, 295, 298–310, 312–315, 333, 337–349, 351–360, 363–367, 369
Дамасский пашалык 226
Дамиетта 120, 140, 141
ад-Дамур, р. 272, 286
Дара 78, 79, 81, 93
Дараййа 147, 226, 354
Дария 281
Дар'а, мухафаза 353, 357
Дастагерд 68, 69
Двин 68
Двуречье 102, 110
Дейр-аль-Камар 340
Дейр-Ханна 362, 363
Дельта 47, 242
Дербент (Дербень) 331, 332
аль-Джабаль 68
Джабаль-Аджлун 234
Джабаль-'Амаль (Джабаль-аль-Джалиль, Джабаль-аль-Хейль) 356, 368
Джабаль-Ахмар – см. Красная гора

Джабаль-ад-Друз – см. аш-Шуф
Джабаль-Мнаджа 246
Джабаль-аш-Шейх – см. Хермон
Джазира 113, 127
Джальджулие 240
Джамизкезек (Чемишгезек) 264
аль-Джарзан (Джурзан) 68
Джаушан, гора 129
Дженин 240, 254
Джидда 353
Джиср-(банат-) Йа'куб (мост Иакова) 240
Джиср-аль-Хадид 108, 109, 113
Джувания 237, 242
аль-Джуди, гора 87
Дивная гора (Черная гора) 12, 13, 28, 35, 100, 151, 154, 316
Дидоети (Диди)
Дийар-Бакр, обл. 110, 127
Дишель 325
Дранда (Трандел) 322
Дунай (Дун), р. 59
Дунайские княжества 14, 269, 290

Евразия 9, 56
Европа 25, 336
Евфрат, р. 13, 19, 81, 90, 93, 98, 113, 171, 264
Египет 11–14, 16, 28, 55, 60, 63–66, 73, 82, 83, 86, 87, 89–92, 95–99, 105, 115, 118, 142, 144, 162, 164, 168, 170, 183–185, 187, 190, 191, 198, 203, 204, 237, 241, 242, 255, 266, 269, 284, 295, 300, 304, 308, 318, 349, 353–355, 358, 360, 361
Екатерины святой гора 248, 249
Елеонская гора 251

аз-Забадани 225, 306
аз-Завия 281

Заиорданье 11, 13, 154
аз-За'ка 241
Закавказье 275, 324
Западная Азия 77
Западная Европа 34, 185
Золотой Рог, залив 366

Иверия 68, 316
Иерусалим (Святой град) 13, 16, 35, 47–50, 52, 53, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 71–74, 80, 82, 89, 92, 117, 118, 121, 122, 127, 134, 137, 175–180, 205, 237, 238, 240, 251–254, 273, 274, 281, 282, 287, 302, 323, 345, 367
Израиль 8, 18, 360
Иконийский (Румский) султанат 155, 158, 173
Имерети (Имерет) 317, 319–322, 324, 328, 330, 331
аль-Имраниййа 155
Ингури (Енгур), р. 322
Индия 243
Иордан, р. 240, 266
Иордания 8, 18, 357, 367
Ирак 8, 85, 96, 97, 121
Иран 20, 55, 56, 59, 70, 75, 80, 105, 110, 275, 317
Ирбид 357
Исдуд (Ашдод) 241
Исмаилия 242
Испания 215
Исфахан 68
Иудейская пустыня 11, 12, 20, 48, 254, 273

Йармук, р. 57, 81
Йарун 368
Йасриб – см. Медина
Йемен 243, 300

Кавказ 12, 319, 321, 323, 324, 328, 330
Кавказский хребет 319
Кадас, пустыня 90
Кадисия 90
Кадиша 285
Каир (аль-Кахира, Миср) 13, 28, 101, 106, 107, 111, 112, 114, 119, 124, 164, 167, 184, 191, 193, 196, 237, 238, 242–244, 251, 358, 361
аль-Кайсакиль, гора 158
аль-Какун 240
Каламун, плато 154, 310
Калькилия 240
Кальюбия, мухафаза 242
Канубин 212
Каппадокия 221
Кара 225, 310
аль-Карак (Карак-аш-Шаубак) 165, 171
аль-Карафа 112
аль-Карин 242
Карм-Дауд 249, 255
Кармель (Кармил), горный массив 360
Картли (Картел) 68, 316, 321, 322
Карфаген 65
Катина 35
аль-Катифа 172
Катнан 100
Катыййа 242
Каукаб 354
Кафар-Аззун 113
Кафар-Таб 146
Кафр-Бухум 310, 311
Кахети (Кахет) 319, 321, 322, 324, 326–331
Кемах 264
Кесария Каппадокийская 80, 95, 293
Кесария Палестинская 47, 80, 82, 93
Кечия, р. 322
Киев 43, 262, 291
Киликия 94, 153, 174, 226
Килис (Килиз) 279, 293, 295, 296, 298, 299, 364

Киннасрин 79, 132
Кипр 62–64, 82, 88, 94, 268, 335
Киренаика 115
Кистет-Шембут 328
Кодор, р. 322
Коммагена 10
Константинополь (Царьград; см. также Стамбул) 20, 34, 55, 58, 60, 62, 64–71, 79, 82, 84–89, 96, 98–100, 110, 117, 128, 134, 142, 147–149, 153, 180, 214, 217, 247, 261, 262, 264, 265, 267–271, 283, 285, 288, 328, 337, 340–342, 346, 348, 350, 365, 366
Конья 173
Красная гора 167
Крым 329, 331
Ктесифон 69, 77, 78
Кульзум 125, 126
аль-Кунейтра 240, 254
Кура, обл. 268
Кура, р. 322
Курд-Даг 155
Кутаиси (Кутатис, Кутатеи) 317, 318, 323, 324
Куфа 90, 97
аль-Куфур 31

Лазика 68
Лаодикия (Латакия) 79, 109, 123, 126, 283, 348
Левант 15, 18, 40, 224, 234, 266
аль-Леджа 248, 249, 255
Лиахви (Лиахр), р. 322
Ливан 8, 12, 14, 16, 18, 31, 225–227, 236, 312, 340, 349, 356, 363
Ливанские горы (Ливанский хребет, гора Ливан) 31, 100, 212, 340, 354, 355, 363
Ликия 99
Лод (Лидда) 240
аль-Луджун 240

Маалюля 315
Ма'аррат-Масрин 144
Ма'аруния (Ма'аруна) 310
аль-Ма'афир 112
Магриб 190
аль-Мадаин 68, 81, 87, 90
аль-Мазза 172
Майафарикин (Мартирополь) 68, 69, 78, 127
Малатия (Малатья) 128, 317
Малая Азия 70, 158, 173, 291, 369
Малороссия 262
Мамилла 61, 72
Мамлюков государство 13, 30, 163
Манбидж 26, 74, 89, 147
аль-Манзар 107
Манцикерт 29, 152, 153, 159
Маракия 136
Мармарита 33, 212, 218
Марокко 146
Мартирополь – см. Майафарикин
Марйут 125
Маскин 97
Маузан 93
Махрун 113
Махуза 81, 87
Медина (Йасриб) 66, 80, 82, 83, 89, 90, 92, 97, 353
Мекка 66, 96, 122, 123, 146, 204, 243, 299, 353, 357, 360
Мелитена 96, 98
Мемфис 196, 242
Мерв 95
Мерра 243
Месопотамия 8, 9, 19, 20, 69, 79, 84–88, 90, 92, 93, 114
Мингрелия (Менгрелиа, Мегрелия, Самегрело) 317, 321, 322, 324, 327, 330, 332
аль-Минья (Каср-аль-Минья) 240
аль-Минья, оз. – см. Тивериадское оз.

Мирд 68
Миср 105–112, 116, 117, 119–121, 124–126, 132, 137, 140, 141, 164–170, 172, 196, 242, 243, 251
Моисея гора (Хорив, Гора Синай, Гора Откровения) 239, 246–250, 255
Мокви (Мукуел) 322
Молдавия 205, 207, 269, 273, 291, 292, 308, 342, 345
монастыри:
– Абу-Макар (святого Макария в Ските) 125
– Архангельский (Архангела Михаила, Мар-Михаил) в Иерусалиме 252, 274
– Баламанд (Баламандский) 14, 214, 226, 236, 256
– Бикафтин 267
– Богородицы Давида 249
– Владычицы в Карм-Дауд на Синае 249, 255
– Гелатский (Гилатский) 324
– Георгия великомученика в Сайднае 368
– Дейр-аль-Мухаллис (Спасителя) 340, 343, 365
– ад-Дукус 73
– Евстафия в Картли 326
– Илии пророка (Мар-Илйас) на горе Кармель 360
– Илии пророка под Иерусалимом 253
– Иоанна Предтечи (Предтечев) в Мингрелии 324
– Иоанна (Мар-Йуханна) в Шувейре 39, 339
– Исихия в Картли 326
– Кафтун 226, 285
– Космы и Дамиана на Синае 250, 255
– Крестовый (св. Креста) в Иерусалиме 252–254
– аль-Кусайр 120, 137
– Марона в Сирии 62, 71
– Николая в Иерусалиме (Никольский, Дейр-аз-Занкаль) 251
– Онуфрия на Синае 248, 255
– Петра и Павла на Синае 249, 255
– Саввы Освященного лавра (Мар-Саба) в Палестине 12, 31, 48, 188, 254, 273, 274, 287
– Саввы в Молдавии 273
– Сайднайский (Сайдная, Рождества Богородицы) 214, 226, 234, 290, 295, 299, 304, 307, 333, 346, 352, 368
– Симеона Столпника Младшего в Сирии 151
– Симеона Старшего (Халебского) в Сирии 133
– Синайский (великомученицы Екатерины) 57, 125, 126, 136, 141, 184, 186, 236, 237, 239, 240, 242, 243, 246, 248, 249, 266, 284
– Сорока мучеников на Синае 248, 255
– Феодосия в Палестине 63
Мопсуэстия 110
Москва 15, 184, 185, 205–208, 210, 211, 252, 261, 262, 318, 321, 324, 329, 330, 332
Московия (Московская Русь) 33, 205–208, 262, 284
Мосул 69, 87
Мтквари (Миткуари, Кура), р. 322
Музайриб 353
Мукаттам, гора 112, 120, 134, 184

Наблус 254
Назарет 60, 71, 240, 353

Нахр-аль-Кабир, р. 31, 212, 263
Нахчаван 68
Негев 11
Некреси (Некречелис) 326
Никея 155, 156
Нил, р. 25, 98, 102, 115, 201, 210, 242
Ниневия 68, 87
Ниноцминда (Нинотсмендел) 326
Нисибин 81
Нихавенд 90
Нововавилонское царство 9
Нубия 80, 115

Олти 110
Оронт (аль-'Аси), р. 62, 159, 293
Османская империя (Османское государство) 15, 16, 189, 192, 239, 275, 290, 294, 296, 297, 308, 309, 312, 317, 331, 336, 337, 341, 342, 344, 349, 350, 352, 353, 360, 364

Палестина, государство 8, 18
Палестина, ист. обл. 12, 16, 17, 19, 23, 31, 47, 48, 55, 57, 58, 82, 89, 92, 93, 99, 144–146, 170, 178, 235–240, 349, 353, 360, 362, 363
Палестина III, римская провинция 11
Париж 39, 291
Партав 68
Парфия 9
Пелузий (аль-Фарама) 94, 122, 242
Передняя Азия 56
Персия 67–69, 82
Петербург (Санкт-Петербург) 17, 214, 279
Понт 221
Приевфратье 153
Прут, р. 207

ар-Рабва (Рабба, Бет-Рабба, Вифрамва) 249, 255
Ракка 147
Рамла 47, 63, 119, 122, 127, 144, 240, 251, 353
ар-Рас, р-н Бейрута 308
ар-Рас, регион в Ливане 226, 285
Рас-Баальбек (ар-Раас) 224–226, 228–230, 271, 272, 276, 285
Рафания 109
Рафах 241
Рахба 147
Рача 325
Рашида 112
Рим 9, 15, 33, 34, 39, 59, 63, 70, 99, 213–215, 217–219, 339, 362, 365
Риони (Корион, Регион, Рион), р. 322, 327, 328
Родос 80, 84, 95, 262, 284
Россия (Русия, Российская империя) 15–17, 18, 44, 184, 290–292, 318, 321, 324, 326, 329, 332, 337, 346, 353
Рум (Анатолия) 173
Румелия 284, 308, 341
Румыния 292, 342
Русское государство (страна русских, русские земли) 14, 32, 33, 207, 208, 210, 211, 320
Рустави (Ростонел) 326
Русь (Киевская Русь) 102, 103, 325

ас-Савад 97
Сайда – см. Сидон
Сайдная 35, 225, 228, 299, 301, 303, 304, 308, 352, 368
Сайх-Лайлун 132
ас-Салихия 242
ас-Салт 367
Сальхад 357
Саманин 87
Самарийская гора 60
Самеба 326

Самцхе-Саатабаго 316
Сан, р. 207
ас-Санария 68
Санкт-Петербург – см. Петербург
Сармин 309
Саруг 113
Са'са' 240
Сафад (Сафед, Цфат) 170, 171, 353, 356, 357, 360
Сафита 32, 212
Священная Римская империя германской нации 210
Святой град – см. Иерусалим
Святая земля 16, 221, 236–239, 251, 252
Сванетия 318
Северная Африка 11, 102, 115, 191
Северный Синай, мухафаза 241
Сеерт 24, 25
Селевкия-на-Тигре 77
Сиджистан 95
Сидон (Сайда) 270, 272, 286, 338, 340, 353, 356, 359, 363, 365, 368
Сильпий, гора 158–160
Синай, гора 59, 140, 235, 236, 238, 239, 246–250, 254, 255
Синай (Синайский полуостров) 11, 12, 185, 235, 236, 238, 242, 243, 269
Синайская пустыня 204, 239
Сион 49, 53, 220
Сионз – см. Сунженский острог
Сирийская пустыня 8, 11
Сирия, государство 8, 9, 11, 18
Сирия, ист. обл. (аш-Шам, Сирийские края) 8, 9, 11–14, 16, 17, 19, 20, 26, 27, 33, 41, 43, 48, 57, 60, 64, 65, 73–75, 79, 81, 82, 84–88, 90, 92–95, 97, 100, 105, 109, 115, 117, 119, 121–123, 126, 132, 142, 144, 152, 153, 161, 162, 166– 168, 172, 173, 178, 206, 211, 213, 214, 217, 221, 226, 237, 240, 242, 263, 266, 290, 292, 293, 298, 306, 309, 310, 317, 318, 335, 338, 340, 341, 343, 348, 349, 352–359, 363, 364, 367
Сис 174
ас-Сисиния (Сепсиние) 263, 266
Сицилия 82, 96, 98, 99
Скифополь 100
Средиземное море 241, 348, 352
Средиземноморье 9, 10, 20, 56, 104, 353
Ставрин, гора 158, 159
Стамбул (см. также Константинополь) 205, 265, 300, 305, 336, 341–343, 346, 362, 363
Старый Каир – см. Фустат, Миср
ас-Сувайда, мухафаза 121, 357
Сунжа 328
Сунженский острог (Сионз) 328, 329, 331
Суэц 243
Суэцкий залив 243

Табария (Тиверия) 353
Тавр Киликийский 155
Тао 324
Тарс 110
Тартус 263
Тбилиси (Тефлиз) 321
Телль-Хасид 129
Терек, г. 329
Терек, р. 328, 330
Техури (Тихур), р. 322
Тивериада 60, 63, 64, 71, 122
Тивериадское оз. (аль-Минья) 240, 254, 356
Тигр, р. 68–70, 90, 98
Тиннис 47
Тир 33, 63–65, 71, 100, 107, 132, 133, 176, 212, 225, 337, 338, 365
Токат 293

Трапезунд 68, 70, 143
Триполи (Ливанский) 31–33, 96, 109, 128, 147, 224–226, 262, 267–269, 273, 281, 283–285, 308
Триполийский пашалык 225, 226
Тулькарм 240
Турция 142, 252, 279, 293, 312

Украина 14, 43, 290–292
Умм-аль-Хасан 241
Упсала 214
'Уйун-ат-Туджжар 240, 254
'Уйун-Муса 243

Фарс 81, 83–89
Фарус 82
Фатимидский халифат (Каирский халифат) 12, 105, 146
Феодосиополь (Эрзурум) 68
Фессалоники 65, 262
Филомилий 142
Финика 96
Фракия 180
Фустат (Старый Каир) 137, 193, 203

аль-Хаваби 136
Хаджисинелис 326
Хайфа 360
Халеб (Алеппо) 13, 26, 39, 41, 82, 107, 108, 113, 127–133, 144–146, 158, 159, 216, 224, 225, 236, 261, 264, 267, 269–271, 274, 275, 277–279, 283, 284, 286, 288, 293, 295–297, 299, 301, 303–305, 307–309, 315, 321, 336, 337, 340, 341, 366
Халебский эмират 159
Халифат – см. Арабский халифат
Халкидон 79, 80, 98
Хама 108, 225, 260, 267, 273, 274, 283, 284, 295, 299, 300, 308–310, 312, 354
Хаматура 32
Хамра, гора 249
Хан-Йунис 241
аль-Ханка 242
аль-Хармиль (Хермель) 226, 227, 272, 285
Харран 10
аль-Хасбани, р. 266
Хасбея 266, 284
Хауран, ист. обл. 263, 284, 306, 357
аль-Хейт (Мугр-аль-Хейт) 356
Хелуан 68, 167
Хермель — см. аль-Хармиль
Хермон (Джабаль-аш-Шейх) 240
Хиджаз, обл. 113, 122, 167, 353, 354, 357
Хирбат-аль-Минья 240
Хисн-Аби-Кубайс 109
Хисн-Ибн-Аккар 147
Хисн-Масйат 109
Хисн-аль-Акрад (Крак-де-Шевалье) 172
Хисн-аль-Мурра 96
Хоби (Хоб), р. 322
Хомс (Эмеса) 10, 12, 22, 35, 71, 80, 109, 147, 225, 263, 267, 301, 310, 354
Хорасан 90, 95
Хорив – см. Моисея гора
Хула, оз. 356
Хульван 90
аль-Хусн 31–33, 263

Царьград – см. Константинополь
Центральная Азия 10, 105
Цхенисцкали (Конские), р. 322, 325

Чаиши (Цаише(н)) 322
Череми (Черемел) 326
Черная гора – см. Дивная гора
Черное море 322, 323
Чорох, р. 317
Чкондиди (Скоиндел) 322

аш-Шабинийа 263
Шайзар 108, 109, 113
Шаркия, мухафаза 242
Шаруз 68
Шейх-Зувейд 241
Шемаха 319, 331, 332
Шувейр 39, 339
Шувейфат 272, 286
аш-Шуф (Джабаль-ад-Друз), ист. обл. 362, 368
Эдесса 22, 79, 82, 84, 85, 88, 93, 98, 100, 102, 149, 150, 155
Эдирне (Адрианополь) 312
Эльбрус (Ялбус, Ялбуз) 327
Эмеса – см. Хомс
Эрзинджан 264
Эрзурум 230, 317

Яссы 273
Яффа (Яффо) 353, 358–360

Указатель этнонимов и названий религиозных общин

абазги (авазги) 327
абхазы (апхазана, опхази) 142–144, 148, 324
австрийцы 210
аланы (оллани) 97, 327, 332
Александрийский патриархат (Александрийская Церковь) 12, 14, 102, 183, 186, 346
Антиохийский патриархат (Антиохийская Церковь) 12, 14, 15, 17, 34, 37–39, 43, 45, 102, 175, 205, 206, 212, 214, 224, 225, 227, 230, 231, 252, 256, 258, 261, 264–266, 269, 292, 294, 298, 316, 333, 335, 337–339, 341, 342, 346, 348
арабы 8, 14, 17, 18, 25, 26, 55, 68, 80–83, 89–96, 99, 100, 105, 113, 115, 122, 125, 127, 129, 130, 132, 144, 165, 168, 181, 187, 221, 281, 342, 349, 365, 368
арабы, православные 5, 6, 8, 11–19, 24, 31–34, 36, 44, 46, 48, 154, 157, 206, 213, 215, 221, 227, 228, 237, 265, 349
арабы-христиане (арабоязычные христиане) 11, 15, 17, 33, 89, 221, 253, 334, 339, 349
арамеи 8, 9, 11
ассирийцы 9

бану килаб 113, 125, 127–130
бану курра 125
бану нумайр 113
вавилоняне 9
валахи 207, 221
венгры 210
византийцы 12, 20, 70, 81, 101, 107, 152, 160

гассаниды 11
греки 11, 15, 16, 35, 44, 154, 157, 201, 213, 221, 320, 369
грузины (грузинцы, грузи) 221, 249, 326, 329–331

дидоети (диди) 328
друзы 139, 272, 286, 315, 355, 356, 360, 362, 365

евреи 9, 50, 52, 54, 64, 65, 190, 192, 197, 200, 201, 204, 309, 314, 367
египтяне 117, 167

зикхи (зикхе) 327, 332

Иерусалимский патриархат (Иерусалимская Церковь) 12, 14, 102, 234, 269, 337, 346
имеретинцы 324
иудеи 29, 57, 60, 61, 71–73, 79, 83, 88, 89, 92, 101, 102, 113, 114, 116, 117, 119, 121, 123–126, 129, 131, 136, 138, 150, 170–172, 176, 182, 183, 189, 192, 193, 195, 197–199

караманлы 221

католики 13, 15, 42, 215, 339, 341, 343
Католическая (Римско-Католическая) Церковь 214, 217, 335, 341
кистины (кести) 328
Константинопольский патриархат (Константинопольская) Церковь 16, 102, 175, 336, 346, 348
Коптская Церковь 188, 229
копты 21, 29, 73, 105, 162, 164, 167, 204, 213, 229
кумыки 324, 328, 332
курды 110, 315
кызылбаши 319, 320, 326, 329, 331, 332

лазы 68
лаки 327
лезгины (л) 327, 329
леки 327, 329
ляхи 207, 210

Малабарская Церковь 212
Маронитская Церковь 281
мароните 10, 21, 23, 62, 71, 73, 75, 175, 212, 213, 280, 281, 355
масмуда 146
Мелькитская католическая Церковь 6, 333, 337
мелькиты (католики) 35, 39, 103, 335, 361
мелькиты (православные) 5, 8, 10, 12–16, 19–21, 24, 25, 27–34, 37, 46–48, 50, 55, 59, 73, 88, 100, 111, 112, 116, 117, 120, 140, 154, 157, 162, 165, 173, 175, 176, 180, 187, 193, 213, 216, 218, 227, 229
мингрельцы 324
молдаване 221
монофелиты 175
монофизиты 21, 23, 62, 328
московиты 207, 211, 352, 353, 358–360
мусульмане 8, 11–13, 16, 18, 22, 25, 29, 30, 47, 52, 74, 92, 95, 97, 102, 112, 113, 114, 118, 119, 123, 128, 131, 136, 137, 141, 156, 157, 161–164, 176–178, 180, 181, 187, 191, 192, 198, 204, 264, 296, 299, 303, 314, 315, 335, 339, 343, 352, 355, 357
мутавалии – см. шииты

несториане 47, 61, 84, 85, 116, 117, 175–178, 180

осетины (авсана, осидоно) 328
османы (см. также турки) 225, 268, 286, 319, 330, 353, 360, 361

персы 50, 53, 57–61, 63–65, 68–70, 72, 73, 78–81, 84–90, 95, 178, 275, 321
православные (см. также мелькиты, арабы православные) 10–12, 18, 20, 25, 29, 32, 35, 42, 43, 48, 49, 62, 72, 73, 162, 175, 177, 197, 213, 215, 231, 259, 268, 271, 281, 294, 328, 329, 335–337, 339–341, 343

римляне 51, 60, 65, 66, 71, 73, 220
ромеи 70, 77–87, 89, 90, 93–100, 107–110, 112–113, 123, 126, 127, 131, 133, 134, 136, 140, 142, 144, 148, 149, 152, 157, 174, 216, 218, 284, 288, 289
румыны 44
русские 221, 329, 331

самаритяне 29, 169–171, 202
сваны (соаны) 327
сельджуки 13, 28, 29, 152, 154, 155, 160
сербы 221
сирийцы 9, 10, 19, 26, 102, 117
Сиро-яковитская Церковь 10, 21
славяне (балканские) 44, 59, 98
татары 326, 329, 331, 352
твелы (твелети) 328

турки 160, 239, 320, 326, 330, 331, 332, 363
тушинцы (туши) 328
тюрки 13, 105, 106, 122, 153, 156–159, 161, 221

'удван 367

финикияне 9
франки 169, 172, 210, 270, 337, 339

халкидониты 21, 174
хевсуры (хепсурии) 328
хорезмийцы 35
хувара 353

Церковь Востока 10

черкасы 331
черкесы 327

шииты (мутавалии) 354

яковиты (сиро-яковиты) 10, 21, 29, 47, 76, 84, 85, 112, 116, 117, 119, 141, 175–178, 180, 213, 328

Сокращения

ВВ	Византийский временник
ВЦИ	Вестник церковной истории
(П)ПС	(Православный) Палестинский сборник
ПЭ	Православная энциклопедия
ТКДА	Труды Киевской духовной академии
ХВ	Христианский Восток
CMR	Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History / Ed. D. Thomas et al. Leiden, 2009–2018. 12 vol.
CPMA: 1500–1634	*Nasrallah J.* Chronologie des patriarches melkites d'Antioche, 1500–1634. Jérusalem, 1959
CSCO	Corpus Scriptorium Christianorum Orientalium
GCAL	*Graf G.* Geschichte der christlicher arabischen Literatur. Città del Vaticano, 1944–1953. 5 Bde. (Studi e testi; 118, 133, 146, 147, 172)
HMLEM	*Nasrallah J.* Histoire du mouvement littéraire dans l'Eglise melchite du Ve au XXe siècle. Louvain; Paris, 1979–1989. Damas, 1996. 3 vol. in 6 pt.
OCP	Orientalia Christiana Periodica
PdO	Parole de l'Orient
PO	Patrologia Orientalis
SCWSC	The Seventh Century in the West Syrian Chronicles / Ed. S. P. Brock, A. Palmer, R. Hoyland. Liverpool, 1993

Участники проекта

Головнина Наталья Геннадьевна – заместитель заведующего кафедрой восточно-христианской филологии и Восточных Церквей Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

Грацианский Михаил Вячеславович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Касумов Руфат Ильгам оглы – выпускник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник арабской редакции телеканала "RT".

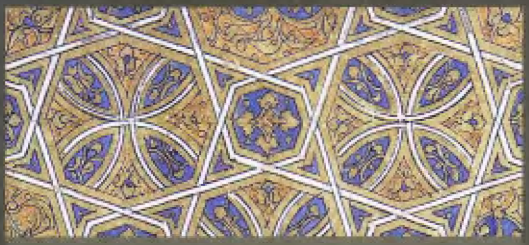
Кораев Тимур Казбекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова.

Моисеева Софья Александровна – кандидат филологических наук, старший научный редактор редакции Восточных христианских Церквей ЦНЦ «Православная энциклопедия», старший преподаватель кафедры восточно-христианской филологии и Восточных Церквей ПСТГУ.

Панченко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Петрова Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины.

Александр Трейгер, свящ. – PhD, доцент университета Дальхауси (Канада).



«Антология литературы православных арабов» призвана познакомить читателя с широким спектром текстов, отражающих историю и культуру православных христиан Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов со времени их арабизации в VIII–IX вв. В подборку переводов, сделанных преимущественно с арабского языка, включены фрагментарно или полностью сочинения значимых авторов и важные исторические документы. Вступительная статья дает представление об общей проблематике книги, а предисловия к каждому переводу позволяют получить исчерпывающую информацию о произведении с учетом новейших достижений в области арабо-христианских исследований. Комментарий, которым сопровождаются тексты, позволяет сделать их максимально ясными даже для неспециалистов.

Издание может существенно расширить представления историков, богословов и литературоведов, не владеющих арабским языком, о ближневосточных культурах византийского круга. Оно впервые знакомит русскоязычного читателя со всем многообразием литературного наследия православных арабов и не имеет аналогов в отечественной науке.

ISBN 978-5-7429-1241-5